

XX
век

ИСТОРИЯ АФГАНИСТАНА

В. Г. Коргун

ИСТОРИЯ АФГАНИСТАНА

XX век

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Институт востоковедения

ИСТОРИЯ СТРАН ВОСТОКА XX ВЕК

Серия основана в 1999 г.

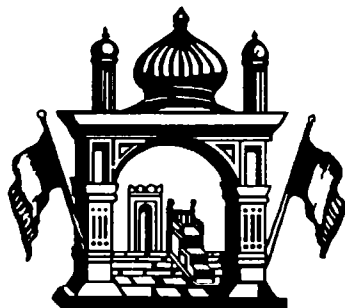
Редакционная коллегия

Р. Б. Рыбаков (главный редактор),
В. М. Алпатов, А. З. Егорин (отв. редактор тома), В. А. Исаев,
В. Я. Белокреницкий, А. М. Хазанов,
Ю. В. Чудодеев (ученый секретарь серии)

В. Г. Коргун

ИСТОРИЯ АФГАНИСТАНА

XX век

Москва
ИВ РАН
Издательство «Крафт+»
2004

УДК [32+94](581)''19''
ББК 63.3(5Афг)+66.3(5Афг)
К66

Отв. редактор тома
А.З. Егорин

Редактор издания
Г.В. Миронова

К66 Коргун, Виктор Григорьевич.
История Афганистана. XX век/В.Г. Коргун. – М.: ИВ РАН:
Крафт+, акад. наук. Ин-т востоковедения). – ISBN 5-93675-
079-5 (Крафт+) – ISBN 5-89282-227-3 (ИВ РАН).
Агентство СІР РГБ

Книга содержит описание и анализ крупнейших политических процессов и событий афганской истории XX в., оказавших влияние на судьбы народов Афганистана. Особое внимание уделено государственным, политическим и общественным деятелям, сыгравшим решающую роль в социально-политическом развитии страны. Исторический путь афганцев в XX в. показан в контексте и в тесной связи с общемировым развитием.

ISBN 5-93675-079-5 (Крафт+)
ISBN 5-89282-227-3 (ИВ РАН)

© Институт востоковедения РАН, 2004
© В.Г. Коргун, 2004
© Издательство «Крафт+», 2004

Введение

Афганистан — сравнительно молодое государство: оно было основано в 1747 г. Однако история населяющих его народов насчитывает несколько тысяч лет. Территория современного Афганистана входила в состав многочисленных государственных образований, а временами сама являлась очагом возникновения крупнейших империй в регионе. Находясь в центре Азии, Афганистан, ввиду своего выгодного стратегического положения, в древнее время и средние века становился жертвой разного рода нашествий и завоеваний, в новое время — местом столкновения интересов двух колониальных держав — России и Великобритании, а в период «холодной войны» в XX в. — противостояния двух мировых систем.

Эта древняя земля в своей истории знала и периоды экономического и культурного расцвета. До открытия в XV в. морского пути из Европы в Индию и Китай вокруг Африки Афганистан служил крупным международным торговым перекрестком: через его территорию проходило несколько маршрутов «Великого шелкового пути» — с запада на восток (из Европы в Индию и Китай) и с севера на юг (из Средней Азии в Индию). Здесь творили известные всему миру ученые, поэты, философы, художники. На этой земле происходило взаимодействие и смешение различных культур, языков, народов, племен, религий и даже цивилизаций (эллинской, буддийской, мусульманской).

Археологические раскопки на территории современного Афганистана показывают, что здесь существовали древнейшие поселения первобытного человека эпохи палеолита. К первому тысячелетию до нашей эры на этой территории уже образовалось несколько самостоятельных культурно-исторических областей (протогосударств) — Арахосия (район Кандагара), Дрангиана (в последующем Сеистан — юго-западный Афганистан), Арея (Герат), Бактрия (район Мазари-Шарифа), Маргиана (северо-западный Афганистан, дельта р. Мургаб), Гандхара (район Кабула). В VI в. до н.э. они вошли в состав персидской державы Ахеменидов, а затем были покорены в IV в. до н.э. Александром Македонским, разгромившим ахеменидское государство. Результатом похода великого маке-

донца стало образование на территории Афганистана в III в. до н.э. Греко-Бактрийского царства, которое дало миру замечательные образцы новой культуры, сочетавшей черты эллинизма и местных культурных традиций.

Последовавшее в I в. до н.э. нашествие сакских племен привело к созданию на территории современного Афганистана Кушанского царства, в состав которого вошла также Северо-Западная Индия. Это было крупнейшее государство древнего мира наряду с Римом и Парфией. Государственной религией кушанов стал буддизм. В первые века нашей эры страна достигла необычайного расцвета экономики, торговли, в том числе международной, культуры. Именно к этому времени относится сооружение двух крупнейших в мире статуй Будды в Бамиане, которые в 2001 г. были варварски разрушены талибами.

В VII в. Афганистан подвергся нашествию арабов, принесших сюда новую религию — ислам. Однако исламизация местных народов растянулась на тринадцать столетий: последними из них стали *кафиры* («неверные»), которым ислам был навязан эмиром Абдурахманом лишь в конце XIX в. Арабские завоеватели принесли сюда не только свою религию, но и культуру, которая успешно ассимилировалась с местной, оказав сильнейшее воздействие на характер последующего социально-экономического и культурного развития Афганистана.

На смену арабам в X в. пришли среднеазиатские турки, один из лидеров которых султан Махмуд создал в XI в. крупнейшую в регионе Газневидскую империю, в ее состав вошли Иран, юг Средней Азии с Хорезмом и Северо-Западная Индия. Величие державы газневидских султанов нашло отражение в творчестве знаменитых ученых и поэтов — Фердоуси, Бируни, Унсури и других. Недолго просуществовав, распавшаяся Газневидская империя в XI в. стала частью нового государства вторгшихся сюда из Средней Азии тюрок-сельджуков.

Очередными пришельцами на древнюю землю афганцев в XIII в. оказались орды Чингисхана, сеявшие повсюду смерть и разрушения. Не избежал Афганистан и очередной ассимиляции, на сей раз этнической: одним из следствий монгольского нашествия стало образование в XIV—XV вв. на его территории новой народности — хазарейцев (самоназвание — *хазара*).

В XIV в. территория нынешнего Афганистана стала частью владений нового завоевателя — правителя Мавераннахра (междуречья Амударьи и Сырдарьи) Тимура, совершившего походы в Иран, Малую Азию, Закавказье, на Волгу, в районы

Сибири, Тянь-Шаня, в Хорезм, Афганистан, Северную Индию. Впрочем, в результате междоусобиц его империя вскоре распалась. Однако его сын Шахрух и Султан Хусейн Байкара (впоследствии один из тимуридских царевичей), отказавшись от завоевательных намерений, в XV—XVI вв. сумели создать процветающее государство в Хорасане со столицей в Герате, поражавшем современников великолепием архитектуры (мечети, дворцы, медресе, сады, парки, мавзолеи) и бессмертными творениями поэта, ученого и государственного деятеля Алишера Навои, поэта-суфия Абдурахмана Джами, историков Мирхонда и Хондемира, великого мастера миниатюры Бехзада. В этот период Герат превратился в крупнейший центр ремесел, торговли, культуры и искусства на Ближнем и Среднем Востоке. Сюда приезжали послы из других стран. В свою очередь, Тимуриды отправляли свои посольства в Индию, Китай и даже Московское государство к царю Ивану III (1490 г.).

В XVI в. история народов Афганистана пополнилась еще одним завоеванием: в 1504 г. сын правителя Ферганы Захируддин Бабур захватил Кабул и с помощью ополчений афганских племен, разгромив в битве при Панипате делийского султана Ибрахима Лоди, присоединил к своим владениям Северную Индию со столицей в Дели, основав династию Великих Моголов. Его власть, однако, не распространялась на южные и западные области Афганистана, которые в последующем стали объектом борьбы между Великими Моголами и Сефевидской державой. К концу XVII в. юго-восток Афганистана находился в вассальной зависимости от Великих Моголов, а юг и запад входили в состав государства Сефевидов.

К началу XVIII в. в условиях ослабления государства Сефевидов афганцам в результате восстаний удалось создать независимые княжества в Кандагаре (1709 г.) и Герате (1716 г.). В 1722 г. они смогли даже совершить поход в Персию и захватить ее столицу Исфахан. Однако новый персидский правитель Надир-шах Афшар в 1736—1737 гг. сумел нанести поражение афганцам и распространить свою власть на Герат и Кандагар. Впрочем, несмотря на то, что ему удалось совершить поход в Индию и захватить Дели, его власть в областях, населенных афганцами, оказалась непрочной. После его гибели в 1747 г. от рук заговорщиков держава Сефевидов распалась. Часть войск Надир-шаха, состоявшая из ополчений афганских племен, вернулась в Кандагар.

В октябре 1747 г. ханы крупнейших пуштунских племен, собравшись на *джиргу* (собрание) под Кандагаром, избрали

молодого военачальника Ахмад-хана своим падишахом, получившим титул Ахмад-шаха. Так было положено начало возникновению первого независимого афганского государства под названием Дурранийская держава. В результате победоносных походов Ахмад-шах присоединил к своим владениям Газни, Кабул и Пешавар, а затем и Герат. Эти области составили ядро его державы. Вслед за этим в состав государства вошли Хорасан, Белуджистан (в качестве вассального владения), Панджаб (который вскоре был потерян), Кашмир и Синд. На севере от Гиндукуша войска Ахмад-шаха покорили несколько мелких узбекских ханств, которые, впрочем, к началу XIX в. вышли из-под власти афганских правителей. Держава Дуррани в тот период была крупнейшим государством Среднего Востока.

После смерти Ахмад-шаха в 1773 г. его сын Тимур-шах перенес столицу в Кабул. Во время его правления усилились восстания и феодальные междоусобицы. После смерти Тимура его наследник шах Заман безуспешно пытался путем проведения репрессий остановить распад государства. Начавшийся процесс децентрализации Афганистана привел к образованию на его территории независимых феодальных владений, крупнейшими из которых были четыре княжества — Гератское, Кандагарское, Кабульское и Пешаварское.

В этот период на авансцену политической борьбы в регионе выдвигаются британские колонизаторы, границы владений которых к тому времени уже подходили к афганским областям. В своих целях они использовали завоевательные устремления правителя сикхов Ранджит Сингха, который в 1823 г. присоединил к своему государству (Панджаб) Пешаварскую область. Попытки пришедшего к власти в Кабуле эмира Дост Мухаммад-хана вернуть утраченные земли окончились неудачей. Используя в качестве предлога пребывание в Кабуле российского представителя поручика И. Виткевича и обеспечение безопасности северо-западных границ колониальных владений, англичане в 1838 г. двинули свои войска в Афганистан. Вскоре они заняли Кабул и провозгласили правителем свою марионетку шаха Шуджу. Так началась первая англо-афганская война.

После недолгих попыток вернуться к власти эмир Дост Мухаммад сдался британским властям и был отправлен в Индию. Тем временем мощное народное движение вынудило оккупантов покинуть Афганистан. При отступлении вся их армия была уничтожена. Повторная попытка англичан в 1842 г. оккупировать страну вновь окончилась неудачей. К власти

вернулся эмир Дост Мухаммад. В 50-х годах ему удалось объединить разрозненные области Афганистана и даже подчинить своей власти северные районы — Афганский Туркестан. Однако в 1855 г. он был вынужден подписать с англичанами договор, подтверждающий их права на Пешавар и другие афганские области, захваченные ранее колонизаторами.

После продолжительных междоусобиц в борьбе за власть в стране эмиром Афганистана в 1869 г. стал Шер Али-хан, который провел ряд военных, административных, экономических, финансовых и культурных реформ.

Между тем британские колонизаторы не отказались от стремления распространить свое влияние на Афганистан, вступив в острое соперничество с Россией, которая во второй половине XIX в. развернула широкую экспансию в Средней Азии. В 1878 г. для установления отношений с Афганистаном в Кабул прибыла российская дипломатическая миссия генерала Столетова. Англичане потребовали от эмира выслать ее и принять британское посольство. Получив отказ, Великобритания вторглась в Афганистан, развязав вторую англо-афганскую войну.

Эмир Шер Али-хан покинул столицу, отправившись на север страны. Он намеревался обратиться к международному сообществу, надеясь получить поддержку в прекращении агрессии колонизаторов. Однако вскоре он умер. Его наследник эмир Якуб пошел на сговор с англичанами и в 1879 г. подписал Гандамакский договор, по которому страна фактически теряла независимость. Всевластие британских оккупантов вскоре привело к вооруженному восстанию в Кабуле, в ходе которого весь британский гарнизон был уничтожен. Англичане были вынуждены вновь предпринять поход на Кабул. Эмир Якуб был ими низложен и отправлен в Индию, однако власть колонизаторов в стране оставалась непрочной.

Тем временем в борьбу за престол вступил Абдуррахман-хан, племянник покойного эмира, находившийся в эмиграции в России. Прибыв в Афганистан, он стал собирать ополчения для борьбы с англичанами, которые под напором общественного антиколониального движения были вынуждены признать его эмиром Афганистана. Однако они не хотели отдавать эмиру Кандагар, где правил их марионетка. Тогда в борьбу против англичан вступил правитель Герата Мухаммад Аюб-хан, который со своими войсками 27 июля 1880 г. нанес крупное поражение колонизаторам при Майване близ Кандагара. В итоге в войне наступил перелом, что вынудило англичан покинуть страну. Однако эмир Абдуррахман, распрос-

транивший свою власть на Кандагар и Герат, был вынужден пойти на уступки англичанам и согласиться на британский контроль над внешней политикой Афганистана. В 1893 г. он подписал соглашение с британским представителем лордом Дюрандом, по которому населенные восточными пуштунами территории, отторгнутые ранее от Афганистана, были присоединены к колониальным владениям Великобритании.

В годы своего правления эмир Абдуррахман сумел подавить восстания пуштунских племен, а также хазарейцев, силой захватить полунезависимые области Афганского Туркестана и Кафиристан, область на востоке страны, населенную *кафирами*, которых он обратил в ислам.

Одновременно эмир провел серию реформ, направленных на укрепление структуры государственного управления и самой власти. Он усовершенствовал административную систему страны и государственный аппарат, провел военную реформу, создав регулярную армию. Было серьезно усовершенствовано судопроизводство, урезаны права и привилегии ханской верхушки племен. Под контроль государства была поставлена деятельность духовенства. Эмир осуществил также экономические и социальные реформы, упорядочил налогообложение, улучшил систему коммуникаций. Быстрое развитие в этот период получила торговля, в том числе с Индией и Россией. Определенные меры были приняты в области здравоохранения и образования. При этом эмир всячески препятствовал установлению каких бы то ни было связей с иностранцами. В годы его правления Афганистан оставался «закрытой» для внешнего мира страной.

Проведя разграничения с Россией и Великобританией, Афганистан получил свои государственные границы. Таким образом, укрепив власть на всей территории страны, эмир Абдуррахман создал единое централизованное афганское государство с жестким абсолютистским режимом.

Глава I

Закат абсолютизма

Афганистан на рубеже XIX—XX вв. оставался экономически чрезвычайно отсталой страной. Его экономика практически полностью базировалась на сельскохозяйственном производстве. В стране не было железных и автомобильных дорог, промышленных предприятий (кроме государственного завода «Машин-хана»).

Основными видами сельскохозяйственной деятельности были земледелие и скотоводство. Наиболее плодородными земледельческими районами являлись Чарвелят (Афганский Туркестан), Бадахшан, Кундуз, Газни, Кандагар, Фарах, Герат и долина реки Кабул и ее притоков в среднем течении.

Среди продовольственных культур в Афганистане больше всего выращивали пшеницу. Меньшие площади отводились под посевы ячменя, который составлял основу продуктов питания жителей высокогорных районов. Выращивался также рис.

Преобладание аридного климата* в стране обусловило развитие в основном поливного земледелия. Земли орошались водой рек и ручьев. В некоторых районах функционировала традиционная система каризного (*кариз* — подземный канал) орошения. Главной зоной земледелия являлся Северный Афганистан, на лессовых почвах которого с использованием воды реки Амударьи и ее притоков выращивались преимущественно зерновые культуры.

Вторым по значению земледельческим районом страны был Гератский оазис, плодородные почвы которого орошались водами реки Герируд. Широкое распространение здесь также получили садоводство, бахчеводство и огородничество. Значительному развитию сельского хозяйства в этом районе способствовал благоприятный, умеренно жаркий климат.

К числу важных сельскохозяйственных районов принадлежал и Кандагарский оазис, где более всего были развиты садоводство и огородничество. Здесь и по сей день выращивают самые лучшие сорта афганского граната.

*Аридный климат — сухой климат с малым количеством осадков и высокими температурами воздуха. — *Прим. ред.*

Под сельскохозяйственное производство заняты большие площади и в долине реки Кабул, вокруг столицы и к северу от нее. Здесь также преобладает садоводство и выращивание огородных культур.

Наконец главным поставщиком цитрусовых, в том числе на экспорт, служит Джалалабадский оазис с его субтропическим климатом.

К началу XX в. обработка земли в Афганистане велась самым примитивным способом. Основные сельскохозяйственные орудия — серп, деревянный плуг и мотыга. В крупных хозяйствах использовался рабочий скот — быки, реже лошади.

К началу XX в. на севере страны (в основном на территории нынешней провинции Кундуз) получило распространение выращивание технических культур в связи с увеличившимся спросом на них на рынках Средней Азии. Это в первую очередь хлопок, а также масличные — лен и кунжут, в Бадахшане — опийный мак.

Наряду с земледелием важную часть сельскохозяйственного производства составляет пастбищное скотоводство, в котором была занята в основном кочевая часть сельского населения. Кочевники в Афганистане на рубеже XIX—XX вв. составляли до $\frac{1}{3}$ всего населения страны. Среди кочевых племен преобладали пуштуны. Часть из них занималась традиционными трансграничными сезонными перекочевками: на зиму они мигрировали в соседнюю Британскую Индию, весной вместе со скотом возвращались в Афганистан, причем основные пастбищные угодья были расположены в Хазараджате и на северо-западе страны.

Стада кочевников состояли преимущественно из овец. Кочевные племена разводили также коз, верблюдов, ослов, буйволов, лошадей. В Хазараджате преобладало отгонное скотоводство: летом скот перегоняли на высокогорные пастбища (летовки), находившиеся недалеко от селений. В хозяйстве туркмен большей частью разводили каракулевых овец.

Продукты животноводства не только использовались как продукты питания, но и шли на промышленную переработку. Наибольшее распространение получило изготовление изделий из шерсти — как одежды (носки, халаты), так и предметов домашнего обихода (ковры, шерстяные одеяла, паласы, мешки).

Городская промышленность была представлена главным образом ремесленным производством. Среди афганских ремесленников в тот период сохранялась устойчивая цеховая организация: они не только работали вместе, но и селились в

одних и тех же кварталах. В Кабуле до недавнего времени сохранялись улицы или кварталы мастерских и лавок тех или иных профессий ремесленников — кузнецов, гончаров, сапожников, портных, медников, скорняков, ювелиров. Чаще всего мастерская служила одновременно и местом продажи изготавливаемого здесь товара. Четкой специализации по районам не существовало, однако в зависимости от наличия сырья и спроса на рынках в различных местах то или иное развитие получили разные виды ремесел: так, ковроделие в основном распространено на севере страны, изготовление шерстяных и войлочных изделий, а также шелковых — в Кандагаре. Кабул славился мастерами ювелирного дела, медниками, портными.

Другой основой экономики Афганистана была торговля. В этой стране нет привычной в нашем понимании категории «базар». Им считается любое место, где происходит торговля, хотя есть и места большого скопления лавок и магазинов. В начале XX в. внешняя торговля осуществлялась большей частью с Индией и Россией. Монопольное положение в ней занимали так называемые инонациональные (неафганского происхождения) купцы, то есть преимущественно индусы и сикхи (в основном в Кабуле, Джалалабаде и Кандагаре). Значительно меньшая их часть была занята во внутренней торговле. Засилье инонациональных купцов, выступавших в роли представителей компрадорского капитала, заметно тормозило развитие национальной торговой буржуазии.

Политическое развитие Афганистана в начале XX в. проходило под влиянием смены монарха: 1 октября 1901 г. умер эмир Абдуррахман. И хотя он давно уже готовил своего старшего сына принца Хабибуллу себе на смену, это событие оказалось во многом неожиданным, настолько все привыкли к жесткой руке «железного эмира».

Смерть Абдуррахмана скрывали до 3 октября, когда Хабибулла-хан был торжественно провозглашен новым правителем Афганистана, унаследовав духовный титул своего отца и лишь незначительно видоизменив его название — «Светоч нации и религии» («Сирадж уль-меллят ва-д-дин»). Это было беспрецедентное событие в афганской истории — передача власти оказалась бескровной в основном потому, что покойный эмир Абдуррахман держал всех своих сыновей под жестким контролем, в то же время приучая своего старшего сына и наследника управлять государством.

Придя к власти, новый эмир объявил амнистию многим политическим заключенным и эмигрантам. Это означало, что

ханы племен более не представляли для него непосредственной угрозы и центральная власть стала достаточно сильной. Стремясь закрепить свою власть в провинции Нуристан, жители которого совсем недавно были насильственно обращены в ислам, он разрешил нуристанцам сохранить свои земли, но конфисковал земельные участки, принадлежавшие тем, кто отказался принять ислам, и переселил их в окрестности Кабула.

Новый эмир существенно не изменил структуру органов государственного управления: как и его отец, он не отдал провинции в управление своим родственникам, а наделил их важными должностями в центральном государственном аппарате. При этом было произведено известное разграничение функций различных ведомств государственного управления.

Питая пристрастие к пышным титулам, Хабибулла-хан присвоил каждому из членов своей семьи и придворным сановникам по титулу средневекового образца. Так, его брат Насрулла-хан получил титул «наиб ас-салтана» («наместник эмира») и руководил внутренними делами, другой брат — «сардар-е модафе» (ответственный за военные дела), третий — «сардар-е санайя» (ответственный за промышленность). Сын эмира Инаятулла-хан получил титул «муин ас-салтана» («заместитель эмира») и осуществлял общее руководство военными делами и системой просвещения, другой сын Аманулла-хан — «айн ад-даула» («око государево»), третий сын Аминулла — «азод ад-даула» («помощник государя»). Такими же пышными титулами были наделены и другие высшие государственные сановники — начальник канцелярии, заведующий печатью, начальник ночной стражи, начальник кабульского таможенного управления, заведующий хозяйством и т.д. Даже сардары (афганская аристократия) были разделены по рангам — сардар 1-го ранга, 2-го ранга и просто сардар)¹.

Побывав в 1905 г. в Индии, эмир создал пышный двор по образу и подобию индийских махараджей. Был введен придворный этикет с неимоверным количеством сложных правил и процедур, вплоть до того, что в них была описана до деталей форма одежды придворных для каждого случая — домашняя, для приемов, для прогулок, для охоты, для парада и т.д. Эмир ввел новые категории придворных — «личные собеседники» (из особо доверенных приближенных), «стольники», постоянно делящие трапезу за одним столом с эмиром, «гулам-бача» (личная гвардия эмира, набранная из воспитанников при дворе, чаще всего из нуристанцев). Кроме них эмира охраняли дворцовая гвардия, отряд телохранителей и кавалергарды².

Хабибулла всячески популяризировал свой духовный титул: в годы его правления появились «Кух-е сирадж», или «Джабаль ус-сирадж» («гора светоча»), «Тапе-йе сирадж» («холм светоча»), «Нахр-е сирадж» («канал светоча»), «Банде сирадж» («плотина светоча»), «Рабат-е сирадж» («гостиница светоча») и т.д. В последующем все многочисленные потомки эмира Хабибуллы сохранили в составе своей фамилии слово «сирадж»³.

Хабибулла в отличие от своего отца был необычайно склонен к роскоши. Он содержал огромный гарем, в котором насчитывалось более полусотни наложниц. Любимым занятием была охота, на которую эмир со своим пышным двором выезжал регулярно, чаще всего в окрестности Джалалабада, где у него была зимняя резиденция. Охотились обычно на дичь и газелей. Потом эмир увлекся автомобилями, которых к началу Первой мировой войны в его гараже насчитывалось 58. Кстати, первые асфальтированные дороги в Афганистане появились на территории дворца, предоставив возможность Хабибулле передвигаться на автомобиле между различными дворцовыми зданиями.

Эмир стремился к европеизации своего двора, которая свелась к чисто внешним атрибутам — европейской кухне, одежде, перьевым ручкам, визитным карточкам, пишущим машинкам у сотрудников дворцовой канцелярии, западным спортивным играм типа крикета, гольфа, тенниса.

Однако все эти европейские заимствования, как правило, не выходили за пределы эмирского дворца и никоим образом не могли влиять на социально-культурную, а тем более на экономическую ситуацию в стране, которая по-прежнему оставалась замкнутой в своем внутреннем развитии.

В своей внутренней политике эмир пытался расширить социальную базу своего режима. Он, в частности, приостановил конфискацию земель у хазарейцев, таджиков, узбеков и туркмен, которые передавались пуштунам-переселенцам. Эти меры содействовали ослаблению социальных и этнических противоречий.

Накануне вступления на престол эмира Хабибуллы появились первые признаки изменений в международном положении Афганистана. Глухая внешнеполитическая изоляция страны, искусственно поддерживаемая эмиром Абдурахманом, дала первые трещины.

В 1900 г. пользуясь тем, что Великобритания оказалась втянутой в затяжную войну с бурами в Южной Африке, а у эмира Абдурахмана сохранялись холодные отношения с вице-

королем Индии лордом Керзоном, Россия попыталась в рамках политики окончательного присоединения Средней Азии установить прямые торговые отношения с Афганистаном. Этого требовали в первую очередь интересы российской буржуазии, которая не только утвердилась в российских владениях в Средней Азии, но и нуждалась в расширении торговых операций с сопредельными странами, в том числе с Афганистаном. Однако отсутствие политических отношений между двумя странами тормозило быстро растущую стихийную приграничную и региональную торговлю между российскими и афганскими купцами.

Главными предметами вывоза из России в Афганистан были сукно, шелковые ткани, железная и медная проволока, кожа, бумага, фарфоровая и стеклянная посуда, сахар, чай, мед, бархат, ситец, чугун, спички, керосин, свечи, мыло и т.д. В этих условиях необходима была законодательная база для расширения и упорядочения стихийно существовавших торговых связей.

Поскольку еще в 1873 г. царское правительство официально заявило, что «рассматривает Афганистан вне сферы русского влияния», а афганский эмир Якуб-хан в 1879 г. подписал с Великобританией Гандамакский договор, в соответствии с которым Лондон получил право контролировать внешнюю политику Афганистана, Россия попыталась получить официальное согласие Англии на установление прямых связей с Афганистаном.

6 февраля 1900 г. российское министерство иностранных дел направило памятную записку премьер-министру Великобритании лорду Солсбери, предлагая рассмотреть вопросы торговых отношений между Россией и Афганистаном. Несмотря на возражения вице-короля лорда Керзона, Лондон признал право России вступать в контакты с афганскими властями по пограничным вопросам⁴, хотя и не дал согласия на учреждение российских торговых представительств в Афганистане. Россия не стала дожидаться окончательного ответа англичан. В феврале того же года по поручению генерал-губернатора Туркестана русский политический агент в Бухаре В. Игнатьев встретился с афганским торговым представителем и через него передал послание эмиру Хабибулле, предлагая установить прямые отношения и уверяя в дружеских чувствах. Эмир переправил это послание вице-королю Индии, который счел нежелательными прямые сношения России с афганским эмиром⁵. Дальнейшие англо-российские контакты по этому вопросу были прерваны в связи со смертью эмира Абдурахмана.

Тем временем приход к власти Хабибуллы-хана внес существенные изменения во внешнеполитическое положение Афганистана. После провозглашения его эмиром Хабибулла 10 октября 1901 г. информировал об этом вице-короля лорда Керзона, обязуясь продолжать политику своего отца в отношении Великобритании и оставаться «другом друзей покойного эмира и избегать контактов с его врагами». В ответ, считая, что соглашение, подписанное англичанами с эмиром Абдуррахманом в 1893 г., носило персонифицированный характер, то есть было подписано лично с ним и не распространялось на нового эмира, вице-король заявлял, что для его возобновления необходимо обсудить ряд сложных проблем, и весной 1902 г. пригласил с этой целью эмира Хабибуллу приехать в Индию⁶, однако последний категорически отказался. Недовольный излишней настойчивостью вице-короля, требовавшего подписать новое англо-афганское соглашение в связи со смертью эмира Абдуррахмана, эмир заметил, что, поскольку не было необходимым подписывать такого рода соглашения по случаю смерти английской королевы Виктории, он не видит смысла делать то же ввиду кончины своего отца⁷. В последующем, выступая на заседании Дарбара (Высшего совета правительственных чиновников и придворных) 21 августа 1907 г. по поводу приглашения, поступившего в 1906 г. от нового вице-короля лорда Минто, он вспомнил об этом случае: «В свое время лорд Керзон уже приглашал меня в Индию, но его письмо вовсе не выглядело как приглашение; это была угроза приостановить выплату субсидии, если я не явлюсь на вызов»⁸.

В письме лорду Керзону от 31 октября 1901 г. эмир писал, что, на его взгляд, в свое время не существовало никакого недопонимания в отношениях между правительством Индии и его отцом. Хабибулла был абсолютно убежден в том, что нет никакой необходимости заключать новый договор вместо старого соглашения⁹. Эмир также отверг предложения лорда Керзона о продлении индийских железных дорог на территорию Афганистана — от Пешавара до Дакки и от Чамана до Кандагара, а также и об обучении афганской армии с помощью английских офицеров¹⁰.

Обиженный вице-король обратился в Лондон с предложением выступить с угрозой в адрес Афганистана, однако британское правительство, опасаясь в таком случае сближения Афганистана с Россией, посоветовало Керзону не ссориться с эмиром, даже если дело дойдет до разрыва его отношений с Британской Индией¹¹. В июне 1902 г. вице-ко-

роль повторил свое приглашение, на которое вообще не поступило ответа. Тогда он распорядился прекратить выплату эмиру субсидии и поставку оружия, которое ранее было приобретено эмиром¹².

В начале XX в. в английской и русской прессе неоднократно сообщалось о стремлении России установить отношения с Афганистаном путем обмена торговыми представителями. К этой идее склонялся и эмир Хабибулла, стремясь использовать связи с Россией в качестве противовеса британскому колониальному влиянию¹³. Однако англичане активно противодействовали любым шагам, направленным на ослабление внешнеполитической изоляции Афганистана. Посему попытки установления прямых контактов между пограничными властями России и Афганистана, как уже упоминалось, оказались неудачными.

В связи со слухами о намерении эмира установить отношения с Россией в январе 1902 г. в Дели состоялось заседание правительства Индии, где лорд Керзон предложил написать эмиру жесткое письмо, отчитать его за «нелояльную и недружественную позицию» и получить его твердые заверения в дружбе. Требования вице-короля, пишет генерал Перси Сайкс, «сначала подписать новый договор, а затем предоставить субсидию и гарантии безопасности Афганистану весьма напоминали предложения лорда Литтона, которые, как известно, привели ко второй англо-афганской войне». Однако индийское правительство склонялось к тому, что эмир займет более дружественную позицию, если «мы сначала пообещаем выплату субсидии и предоставление гарантий безопасности, а затем поднимем другие вопросы». Так или иначе, правительство резко выступило против «любых акций, которые могут привести к военным действиям»¹⁴.

Опасность разрыва отношений между двумя сторонами была устранена письмом эмира от 12 декабря 1902 г., в котором он подтверждал свою дружественную позицию и согласие принять услуги англичан в качестве посредников в решении Сеистанского вопроса (афгано-иранские территориальные разногласия), разрешив британской миссии во главе с Мак Магоном проехать к иранской границе через афганскую территорию¹⁵. Таким образом, у англичан появилась возможность установить прямые контакты с новым эмиром. Они полагали, что эмир отказывается приехать в Индию еще и по причине внутренней нестабильности в Афганистане, поэтому в Дели было решено отправить в Афганистан миссию во главе с секретарем по иностранным делам правительства Ин-

дии Луисом Дэном для переговоров по вопросу подписания нового договора. Инструкции, которые он получил, включали следующие пункты:

- добиваться прекращения контактов Кабула с племенами восточных пуштунов;

- добиваться делимитации оставшейся недемаркированной части «линии Дюранда»¹⁶;

- настаивать на том, что соглашение с эмиром Абдуррахманом носило персональный характер;

- подтвердить в новом договоре обязательства, данные эмиру Абдуррахману в 1880 г.;

- настаивать на полном контроле Великобритании над внешней политикой Афганистана;

- предложить эмиру персональную субсидию в размере 1 млн 800 тыс. рупий, которые выплачивались его отцу, при условии, что эмир займет дружественную позицию и будет соблюдать условия договора;

- добиваться от эмира благосклонного отношения к проекту строительства железной дороги до Хайбара и Куррама;

- добиваться большего уважения к британскому представителю в Кабуле в вопросе о расширении торговых отношений между Афганистаном и Индией¹⁷.

Однако главная цель миссии Дэна, по мнению известного германского дипломата фон Бюлова, состояла в том, чтобы «достичь доминирующего влияния Великобритании в Афганистане и заставить афганского эмира принять такие меры под британским контролем и наблюдением, которые могли бы предотвратить российское вторжение в страну». «Таким образом, — резюмирует дипломат, — Англия поспешила использовать возможности, появившиеся в результате войны на Дальнем Востоке»¹⁸.

Несколько иную точку зрения по этому вопросу высказывает афганский историк А. Белграми. Он считает, что англичане неправильно оценивали позицию Хабибуллы относительно России. Эмир, по его мнению, не был в это время склонен к сближению с северным соседом. Он даже разрешил британским представителям, в том числе Мак Магону, Доббсу и другим появиться на территории Афганистана и не стремился установить прямые отношения с Россией без санкции англичан. Его целью, пишет афганский исследователь, было любой ценой сохранить независимость страны. Он боялся ехать в Индию, считая, что там могут ущемить его позицию, поэтому был склонен принять британскую миссию у себя, надеясь, что здесь ему удастся подписать более выгод-

ный для Афганистана договор, в котором была бы признана официально независимость страны¹⁹.

В отсутствие вице-короля, который был в отпуске, его заместитель лорд Ампитилл и командующий британскими войсками в Индии генерал Китченер обратились в Лондон за разрешением подписать с эмиром военный договор против России²⁰.

В Дели полагали, пишет афганский исследователь, что Россия, завязшая в войне с Японией, расценивала англо-японский договор 1902 г. как направленный против ее интересов, и опасались, что, проиграв войну Японии, она может изменить свою позицию по Афганистану и двинуть в его сторону войска (для создания угрозы индийским владениям Англии. — В.К.). Поэтому Дели предлагал убедить эмира укрепить транспорт и коммуникации для защиты северных районов страны, если Россия прибегнет к предполагаемой военной акции. Исходя из этого, в проект договора был заложен пункт о том, что в этом случае англичане продолжат строительство железной дороги на афганской территории и эмир разрешит британским офицерам взять под наблюдение важные стратегические пункты в Афганистане. При этом англичане не предлагали эмиру никаких льгот²¹.

Однако, пишет далее афганский историк, в Лондоне опасались, что такие радикальные меры вряд ли встретят понимание эмира, тем более что англичан в целом устраивал уровень существовавших отношений, поэтому Лондон согласился послать делегацию в Кабул для подписания договора на обычных условиях²².

Кроме того, англичане соглашались поставлять эмиру оружие и боеприпасы при условии, что он не будет передавать их пограничным племенам. Было предложено обещать невмешательство во внутренние дела страны и выплачивать эмиру субсидию в размере 1,8 млн рупий. Правительство разрешило Дэну обсудить с эмиром вопрос о российско-афганских торговых отношениях, но советовало дать понять Хабибулле, что такие отношения нежелательны, ибо могут перерасти в политические. Было также решено предложить провести железную дорогу и телеграфные линии на территории Афганистана. И тем не менее Лондон согласился на то, чтобы в проект договора был внесен пункт, который давал бы право на ввод британских войск на территорию Афганистана в случае возникновения военной опасности. Этот пункт дополнялся возможностью присутствия британских офицеров в Афганистане в качестве военных советников²³.

19 декабря 1904 г. миссия Дэна прибыла в Кабул. Эмир считал это своим личным дипломатическим успехом. Он помнил о том, как в 70-е годы XIX в. англичане отклонили просьбу эмира Шер Али-хана о подписании договора, и он вынужден был обратиться к России. Теперь они настаивали на заключении договора. «По давней традиции англичан, — отмечает крупнейший афганский историк М.Г.М. Губар, — Дэн привез проект нового договора, который он должен был предложить эмиру для подписания без всяких оговорок. Однако эмир в первый и последний раз за годы своего правления оказал сопротивление английскому нажиму, заявив, что нет необходимости в заключении нового договора»²⁴.

Встречая британскую миссию, Хабибулла намеревался лишь подтвердить положения договора, подписанного его отцом. Однако англичане стремились внести в него немалые изменения. Они хотели убедить эмира исключить всякую возможность сближения с Россией. У него же доминировала одна основная цель — добиться независимости.

В то же время, учитывая неудачи России в войне с Японией, эмир, по данным американского историка Л. Адамека, предложил англичанам вместе выступить против нее²⁵. В случае принятия британского проекта договора он должен был разрешить англичанам проложить линию связи из Индии в Афганистан и позволить британским офицерам свободно передвигаться по стране. Впрочем, глава британской миссии оказался в непростой ситуации. Он пытался внушить эмиру, что даже с помощью Великобритании ему не удастся противостоять России. Англия, заявлял он, не заинтересована в военном столкновении с Россией и просто хочет в новом договоре зафиксировать определенные меры в случае возникновения военной опасности Афганистану со стороны России²⁶.

Разногласия между сторонами появились и в трактовке британской военной помощи Афганистану: если эмир полагал, что это будет небольшая партия оружия и финансовая поддержка, то англичане настаивали на присутствии британских офицеров в Сеистане и на русско-афганской границе, мониторинге афганской территории к северу от Гиндукуша и обучении афганских военных. Кроме того, британский проект соглашения предусматривал исключительное право Великобритании определять, когда она может ввести войска в Афганистан в случае иностранной агрессии. Эмир категорически отверг последнее требование.

Вернувшийся из отпуска вице-король Керзон подверг критике действия Дэна, указав на то, что вопросы военного ха-

рактера выходят за рамки его компетенции и будут обсуждены с эмиром во время его пребывания в Индии. Дэну было предписано форсировать подписание договора, однако эмир отказался подписать британский вариант и составил собственный проект, в который не вошло ни одно из требований и предложений англичан. Эмир рассудил, полагает афганский историк, что если англичане не хотят подписывать военный договор, то новый проект вообще не нужен. Более того, он потребовал увеличения субсидии и поставок оружия и боеприпасов без всяких условий²⁷.

Переговоры длились с декабря 1904 по март 1905 г. К тому же в январе эмир заболел и выздоровел лишь в начале марта. Вместо него переговоры продолжали вести его брат Насрулла-хан и первый министр Абдул Куддус-хан, оба известные англофобы, посему переговоры застопорились. Лорд Керзон в отчаянии решил было вернуть миссию без подписания договора, однако в Лондоне опасались, что в этом случае эмир может обратиться к русским, так уж лучше, полагали там, подписать договор на условиях эмира. 21 марта 1905 г. договор был подписан. Хабибулла лишь подтвердил положения договора 1880 г., подписанного его отцом, и обязался строго выполнять его. Однако он отказался предоставить англичанам торговые концессии, отверг предложение о строительстве железной дороги от Пешавара до Джалалабада и решительно отказался разрешить им открыть свое посольство в Кабуле.

Самолюбие эмира было частично удовлетворено: в тексте договора его назвали независимым правителем и «Его Величеством». Афганцы в ликовании посчитали этот документ признанием независимости страны. По форме он действительно напоминал договор равных, но на самом деле оставлял в силе британский контроль над внешней политикой Афганистана. Эмир, впрочем, был доволен: он добился того, что англичане пошли на его условия.

В июне 1906 г. новый вице-король лорд Минто пригласил Хабибуллу посетить Индию. Эмир принял приглашение на условиях, что во время визита не будет обсуждаться подписанный годом раньше договор. Рассерженный Насрулла-хан в знак протеста против визита заявил о том, что решил совершить *хадж*. Однако эмир велел ему остаться в Кабуле в качестве наместника²⁸, руководить вооруженными силами остался старший сын эмира принц Инаятулла-хан. Перед поездкой Хабибулла заявил, что целью его визита не является

заключение каких-либо новых межгосударственных соглашений, а всего лишь ознакомление с новыми научными и техническими открытиями.

6 декабря 1906 г. эмир Хабибулла наконец отправился в Индию. В поездке его сопровождали 100 членов Дарбара, чиновники, офицеры, личные слуги и 300 солдат, всего — 1100 человек. В Индии он был встречен очень торжественно: 31 артиллерийским залпом и удостоился приветственной телеграммы от короля Великобритании и обращения «Ваше Величество». В Агре в его честь выстроились 30 тыс. солдат, и ему был вручен Орден Бани. В пешаварской соборной мечети он прочел молитву, в Лахоре заложил первый камень в фундамент строящегося колледжа «Исламийя» и пожертвовал ему 20 тыс. рупий. Эмир посетил также медресе в Алигархе, ко всеобщему удивлению призвав учащихся овладевать «западными науками»²⁹. Во время паломничества он внес пожертвование при встрече с шиитскими улемами, выразил единство с ними и отказался от прослушивания панегирической *касыды* в свою честь.

Затем он был гостем махараджи Гвалиора, где эмиру устроили охоту на тигров. В Дели британские власти устроили ему пышный прием. Вице-король лорд Минто и командующий британскими войсками в Индии лорд Китченер долгое время проводили в беседах с Хабибуллой, оставаясь в его резиденции после официальных встреч.

Его дальнейший визит проходил через Дели и Калькутту, где Хабибулла осмотрел музеи, фабрики, заводы, доки, корабли. Большой интерес эмир проявил к военному делу, внимательно осматривая артиллерию в военных лагерях, и даже взобрался в корзину воздушного шара. В Калькутте, по слухам, эмир был принят в члены масонской ложи. Во время своей поездки он посетил также Бомбей, Равалпинди и Пешавар.

Визит эмира в Индию имел два последствия: 1) англичанам удалось сделать его более проанглийским и податливым; 2) Хабибулла понял необходимость проведения в стране некоторых преобразований, в первую очередь модернизации армии и системы просвещения.

Тем временем с видимым улучшением англо-афганских отношений связи Афганистана с Россией в начале XX в. продолжали оставаться достаточно напряженными, в первую очередь как следствие британской политики в регионе, препятствовавшей реализации малейшим возможностям сбли-

жения двух соседних стран. Все попытки российских пограничных властей вступить в контакт с афганцами в рамках налаживания торговых отношений жестко блокировались англичанами.

Однако в связи с крупными изменениями в международной обстановке появились признаки надвигающегося поворота в политике Англии, вызванного в первую очередь усилением ее соперничества с Германией. Готовясь серьезно потеснить Англию на Востоке, Германия стала уделять большое внимание не только Персии, но и Афганистану как «воротам в Индию». Воспользовавшись ситуацией, эмир Хабибулла закупил в Германии новое промышленное оборудование для завода «Машин-хана».

Рычагом усиливавшегося германского влияния на Востоке послужила построенная немцами железная дорога Берлин—Багдад, которую предполагалось использовать для переброски в регион частей германской армии. Угроза британским владениям на Ближнем и Среднем Востоке со стороны Германии побуждала британских стратегов пересматривать здесь свой политический курс. К 1906 г. военное и экономическое проникновение Германии в регион усилилось. Это сопровождалось бурными событиями — конституционной революцией 1905—1911 гг. в Персии и ростом освободительного движения в Индии. Новая обстановка в регионе вынуждала Англию искать пути сближения с Россией.

Российская дипломатия вначале заняла выжидательную позицию, однако постепенно все более склонялась к идее сближения с Англией, стремясь получить займы для подорванной в русско-японской войне и революции 1905 г. экономики. Подписание Портсмутского мирного договора с Японией 5 сентября 1905 г. способствовало началу такого сближения.

С назначением в 1906 г. министром иностранных дел России А.П. Извольского наметился поворот ее внешней политики от конфронтации к сотрудничеству, а в дальнейшем — и к союзу с Великобританией. Летом того же года в Петербурге начались переговоры английского посла А. Николсона с министром иностранных дел России о разграничении сфер влияния в Азии. Они длились 15 месяцев. Пытаясь заручиться поддержкой Англии в вопросах о черноморских проливах, Россия была готова пойти на уступки в отношении Афганистана. Здесь речь шла лишь о предоставлении льгот русским купцам в их торговых операциях с афганцами.

31 августа 1907 г. Россия и Англия подписали соглашение о разграничении сфер влияния в регионе, то есть в Персии,

Афганистане и Тибете. Оно явилось важным шагом по пути создания Антанты. Ни один из представителей этих азиатских стран не участвовал в обсуждении относительно статуса своей родины. «Это было соглашение между двумя традиционно враждебными державами, — пишет афганский историк А. Гаус, — которые, понимая, что их непосредственные интересы не должны реализовываться посредством конфронтации, решили устранить противоречия между собой путем раздела обширного азиатского региона на зоны влияния»³⁰.

Пять статей соглашения непосредственно касались Афганистана.

В статье 1-й сохранилась прежняя формула признания Афганистана страной, «лежащей вне сферы русского влияния». Но появились и изменения: если раньше Россия официально не затрагивала вопрос о лишении афганского эмира права непосредственных сношений с другими государствами, то теперь она обязывалась «пользоваться для всех своих политических сношений с Афганистаном посредничеством правительства Его Британского Величества». Правительство России соглашалось также «не посылать никаких агентов в Афганистан».

В статье 2-й британское правительство обязалось не присоединять и не занимать какой-либо части Афганистана, не вмешиваться во внутреннее управление этой страной. Это заявление сопровождалось оговоркой насчет необходимости выполнения афганским эмиром его обязательств перед британским правительством как условия действительности зафиксированного в этой статье обязательства. Против этой оговорки активно возражал Петербург, но она все же была принята.

В статье 3-й значилось, что русским и афганским должностным лицам на границе и в пограничных областях «не запрещаются непосредственные контакты» с целью решения «местных вопросов, не имеющих политического характера».

В статье 4-й провозглашалось признание принципа торгового равноправия Англии и России и предусматривалось, что, если развитие торговли приведет к необходимости иметь в Афганистане русских торговых агентов, британское и российское правительства «согласуют между собой вопрос» о мерах, которые надо будет принять.

В статье 5-й вхождение в силу соглашения применительно к Афганистану обуславливалось одобрением относящихся к нему статей со стороны афганского эмира³¹.

Великобритания, кроме того, заявляла, что не имеет намерений менять существующий политический статус Афганистана. Так внешнеполитическая зависимость страны, навязанная Великобританией, еще раз была подтверждена Лондоном и принята Россией, что и было зафиксировано в столь важном соглашении, регулирующем судьбы народов нескольких азиатских стран.

Вице-король Индии лорд Минто ознакомил Хабибуллу-хана с содержанием статей, имеющих отношение к Афганистану, письмом от 10 сентября 1907 г. В ответ эмир сообщил, что Государственный совет считает соглашение невыгодным для Афганистана и нарушающим его независимость. Затем он публично заявил о непризнании соглашения, поскольку он не мог не учитывать общественное мнение, которое рассматривало соглашение как унижающее достоинство страны. Свою позицию он подкрепил практическими мерами: в ноябре 1907 г. он отверг просьбу вице-короля назначить предложенного британскими властями мусульманина из Индии представителем Великобритании в Афганистане. Вице-король не настаивал, понимая, что эмир может потребовать аналогичных мер в отношении афганского представительства в Англии³². Такая позиция эмира, естественно, не вела ни к какому торговому равноправию сторон и перспективам «непосредственных сношений» пограничных властей и допуска в страну русских торговых агентов. Афганистан остался, таким образом, «запретной страной», прежде всего именно для России.

Англо-русское соглашение 1907 г., подписанное без участия афганского эмира и даже без консультаций с ним, ослабляло позиции Афганистана, создавая для него еще более тяжелую внешнеполитическую обстановку, чем в предшествующие годы. Использование англо-русских противоречий, успешно практиковавшегося Абдурахман-ханом, теперь сократилось до минимума. В этих условиях Хабибулла продолжал политику изоляции страны. Европейцам по-прежнему запрещался въезд в Афганистан без особого на то разрешения эмира, выдававшегося лишь в единичных случаях.

В своей внутренней политике эмир Хабибулла последовательно продолжал курс своего отца, сохранив в целом существовавшую административную систему, лишь несколько видоизменив ее. Он разделил страну на шесть провинций — Кабул, Кандагар, Фарах, Герат, Афганский Туркестан и Бадахшан (включая Вахан), которые, в свою очередь, делились на округа. Кабул и кабульская провинция управлялись самим эмиром, хотя в 1907 г. он ввел номинальную должность наме-

стника-губернатора (*наиб аль-хокума*). Остальные провинции управлялись губернаторами (*хакимами*)³³.

Они осуществляли как административную, так и судебную власть, возглавляя губернаторский суд. Под началом этого суда функционировал шариатский суд во главе с судьей — *кази* и его помощниками — *муфтиями*. Высшей апелляционной инстанцией был сам эмир. Гражданские дела, так же как и торговые, рассматривались в суде старейшин. Рассмотрение преступлений, связанных с изменой, мятежом, расхищением государственных средств, взяточничеством, и других антигосударственных действий, затрагивающих интересы династии, были в компетенции самого эмира. Он также рассматривал случаи супружеской неверности, воровства и убийства, если они происходили в Кабуле. Смертный приговор, даже вынесенный шариатским судом, подлежал утверждению эмиром.

После заключения в 1905 г. договора с Великобританией и подписания в 1907 г. англо-русского соглашения эмир Хабибулла, не опасаясь угрозы с севера и юга, возложил управление внутренними делами на своего старшего сына и наследника Инаятуллу-хана и брата Насруллу-хана. Военные дела также перешли в ведение военного министра, однако оставались под контролем самого эмира. Управление финансами было возложено на министра финансов (*мустауфи аль-мама-лек*) Мирзу Мухаммад Хусейн-хана, вскоре превратившегося во всесильного временщика.

Эта система управления постепенно приходила в упадок. Ширился произвол чиновников, процветали взяточничество, подношения, казнокрадство, широкое использование принудительного труда. Государственные должности стали предметом купли-продажи. Хусейн-хан превратил финансовую систему в кормушку для себя и фискальных чиновников. Поступление налогов попало в руки откупщиков, получивших неограниченную власть над налогоплательщиками.

Государственные налоги и сборы были самыми разнообразными и взимались насильственно. Среди них — земельный налог, закят (налог-милостыня), налоги на плодовые деревья, скот, жилище, различные платежные документы и т.д. Налоги в денежной форме сдавались в казну, в натуральной — доставлялись на склады или в *рабаты* (придорожные постоянные дворы). Казначей и кладовщики взимали еще и дополнительную сумму для себя сверх установленного размера налогов. Недоимки с крестьян взимали сборщики налогов.

Непосильные налоги и поборы, произвол чиновников, широкое использование принудительного труда, принудитель-

ные закупки фуража и продовольствия по заниженным ценам вызвали социальные волнения на юге и востоке Афганистана. В 1912–1913 гг. в этих районах прокатилась волна вооруженных выступлений местных племен. Наиболее крупным было восстание в провинции Пактия, которое началось в 1912 г. и продолжалось более полугода. Восстали племена мангалов и ахмадзай, захватив и разрушив несколько военных постов. Против восставших были брошены войска под командованием генерала Надир-хана и ополчение лояльных правительству племен. Нанеся мятежным племенам поражение, Надир-хан вступил с ними в переговоры, отменил принудительные закупки зерна и снял с поста губернатора провинции. На этом восстание закончилось.

Крупная вспышка социального недовольства произошла и в Кандагаре в 1912 г. Попытка восставших штурмовать городскую цитадель, где засели войска, обернулась кровопролитием. Восстание закончилось лишь благодаря посредничеству местных мулл и старейшин.

В своей внутренней политике эмир Хабибулла большое значение придавал модернизации армии. Он начал оснащать ее современным оружием. В открытом в 1909 г. военном лицее «Харбия» началась подготовка офицерских кадров. В лицее было три подготовительных и три военных класса. В 1910 г. в нем насчитывалось 80 курсантов, а к 1919 г. их число достигло 900. Это были в основном дети ханов племен дуррани и придворных. Начальником лицея был турецкий офицер Махмуд Сами (Махмуд-эфенди). Его верховным куратором являлся наследник престола принц Инаятулла-хан. В лицее изучали Коран, персидский и английский языки, всеобщую и афганскую историю, арифметику, алгебру, геометрию, географию, природоведение, военные предметы, пехотное дело, верховую езду, артиллерию, связь, фортификацию, военное и материально-техническое обеспечение, занимались спортом и строевой подготовкой. В военном лицее работали афганские и турецкие преподаватели³⁴.

Выпускники лицея зачислялись в армию на должности командиров рот и батальонов. Лицей имел три небольших филиала: школа унтер-офицеров «Мактаб-е аскари-йе малик-задеха» (Школа для сыновей маликов), «Мактаб-е аскари-йе джадид уль-ислам» (Школа для нуристанцев) и «Мактаб-е аскари-йе ардалан-е хозур» (Школа конной гвардии). Общее число учащихся в этих филиалах составляло около 300 человек, срок обучения — три года. Выпускники этих школ назначались на должности командиров взводов. В школах прохо-

дили следующие предметы: ислам, язык фарси, арифметику, географию, теоретические и практические военные дисциплины, спорт. Все расходы по содержанию лица оплачивались из государственной казны³⁵. Махмуд Сами перевел на персидский язык турецкие воинские уставы и ввел их в афганской армии. Солдатам и офицерам увеличили зарплату. В армию стали набирать нуристанцев и хазарейцев, которые раньше не призывались.

Была также несколько реорганизована армейская структура. Дислоцированные в столице четыре полка были преобразованы в кабульский гарнизон, состоявший из двух соединений, каждое из которых — из трех полков. Общая численность гарнизона составляла 24 тыс. человек. В составе каждого полка был артиллерийский дивизион, на вооружении которого имелось 24 орудия — гаубицы, полевые и горные орудия немецкого и отечественного производства³⁶.

В годы правления эмира Хабибуллы некоторое развитие получила национальная экономика. Расширилось производство на единственном до той поры государственном заводе «Машин-хана», где уже в начале века было занято 1,5 тыс. человек и работало около 100 различных машин и механизмов. Там производилось оружие, боеприпасы, черный порох, шашки и сабли, штыки, дубленая кожа, спирт, кислоты, цинковые и медные изделия, свечи, мыло и мебель.

Вообще у эмира были довольно обширные планы по развитию промышленности и строительства железных дорог в Афганистане, реализовать которые так и не удалось ввиду противодействия консерваторов, в основном из окружения его брата принца Насруллы-хана. Противники реформ утверждали, что для строительства фабрик, заводов и железных дорог не только потребуются громадные средства, которых у страны нет, но и что такие нововведения «вызовут нежелательный наплыв в страну европейцев» и, самое главное, что осуществление планов эмира приведет «к неизбежным внешним займам», вовлечет страну «уже в совершенную кабалу» к иностранцам³⁷. Поэтому эмиру пришлось отказаться от намерения построить в Афганистане железные дороги, а в области промышленности ограничиться лишь несколькими предприятиями.

В 1903 г. в Афганистане было открыто государственное коженно-обувное предприятие, производившее 400 пар обуви в день. Его продукция предназначалась в основном для нужд афганской армии. К 1917 г. закончилось строительство кабульской суконной фабрики. История ее постройки пока-

зывает, с какими трудностями приходилось сталкиваться Афганистану при создании промышленных предприятий. Так, строительство самого корпуса фабрики продолжалось пять лет из-за отсутствия нужных стройматериалов, а доставка промышленного оборудования обошлась в три раза дороже его стоимости³⁸.

В 1909–1910 гг. была проведена телефонная линия из Кабула в Джалалабад. Было построено несколько небольших электростанций и принято решение соорудить первую в стране ГЭС мощностью 1500 кВт в Джабаль ус-Сирадже (в 60 км к северу от Кабула) для снабжения электроэнергией новых государственных предприятий фабрично-заводского типа. Оборудование для нее было закуплено в США, и строительством руководил американский инженер. Станцию начали строить в 1907 г. и закончили в 1919 г.

К концу правления Хабибуллы число рабочих в стране выросло до 5 тыс. человек. Однако промышленное развитие страны шло очень туго: не хватало квалифицированных кадров и, что более важно, капиталов. Не было кредитных организаций, торговых соглашений с другими странами. Зарплата была чрезвычайно низкой: так, квалифицированный рабочий получал 20–30 рупий в месяц, мастер, инженер или контролер — от 20 до 100, а большинство рабочих — 8–10 рупий. Причем уровень зарплаты не менялся годами, в то время как условия жизни ухудшались: так, за годы правления эмира Хабибуллы (1901–1919) цены на хлеб выросли в четыре раза, в то время как зарплата оставалась на месте. Особенно тяжелым был 1903 г., когда вспыхнувшая в стране холера и засуха унесли в столице тысячи жизней³⁹.

По указанию эмира в стране были осуществлены некоторые мероприятия по расширению существовавшей ирригационной системы. В 1907 г. началось строительство канала «Сирадж» в Кандагаре с использованием вод реки Гильменд и восстановление плотины в Газни, с помощью которой предполагалось оросить 100 тыс. джарибов земли. В результате к 1912 г. было освоено и орошено 50 тыс. джарибов. Предпринимались также попытки соорудить в Кабуле и Пагмане водопровод⁴⁰.

В годы правления эмира Хабибуллы были предприняты усилия для развития внешней торговли Афганистана — с Индией и Россией. Торговля со Средней Азией, резко сократившаяся после пендинского инцидента (в 1885 г. Россия присоединила к своим среднеазиатским владениям Пендинский оазис на границе с Афганистаном), вновь начала расти и к

1907 г. достигла прежнего объема. Эмир снял ряд ограничений на транзитную торговлю, взимая 2,5% стоимости товара. Торговля с Индией в 1901—1907 гг. увеличилась вдвое. В связи с окончанием строительства железных дорог — Транскаспийской и Оренбург—Ташкент — резко увеличился и объем русско-афганской торговли. Афганским купцам, покупавшим товары в Средней Азии, была сделана скидка, равная налогу, налагаемому на них афганскими властями, а также вдвое снижен налог на экспорт афганских товаров. В итоге с 1901 по 1909 гг. экспорт российских товаров в Афганистан увеличился более чем в полтора раза, а импорт афганских в Россию — в три раза, и к началу Первой мировой войны удельный вес России в торговле с Афганистаном составлял почти 40% всего внешнего товарооборота⁴¹.

Афганистан импортировал из России стекло, сахар, плотняные ткани, шелк, текстильные изделия, вилки и ложки, бумагу и экспортировал каракуль и шерсть⁴², из Индии ввозил текстильные изделия, красители, сахар, чай, железо, скобяные изделия, бумагу, лекарства, промышленное оборудование и экспортировал фрукты и овощи, зерно и бобовые, шерсть, табак, ковры и лошадей. Постоянной статьёй импорта из Индии была также ношенная армейская форма. Торговля с Персией в этот период была ничтожно мала⁴³.

В социальной сфере Хабибулле удалось сделать немного, ибо многие из его начинаний наталкивались на противодействие ортодоксального духовенства. Так, он открыл первый в стране детский приют, установил потолок расходов на свадьбу: для простых людей — от 100 до 500 рупий, для ханов племен и крупных землевладельцев — 1500 рупий и для членов королевской семьи — до 5 тыс. рупий. Подавая пример другим состоятельным людям, эмир в 1903 г. остался со своими четырьмя женами, как разрешено шариатом, разведясь с остальными⁴⁴.

Эмир Хабибулла стремился реализовать на практике законы, запрещавшие пытки и истязания, а также такие варварские методы наказания, как отсечение рук, отрезание языка и ослепление. Неясно, строго ли исполнялись эти законы. По крайней мере известно, что за частый обман покупателей со стороны одного мясника по указанию эмира его уши были прибиты к дверям его лавки. В 1913 г. в стране была построена первая современная по тем временам тюрьма, которая заменила традиционные «зинданы». Сократилось также число приговариваемых к смертной казни — в период правления Хабибуллы казнили не более 20 человек в год⁴⁵.

В рамках своей социальной политики эмир предпринял усилия для модернизации системы просвещения. Ко времени его прихода к власти в Афганистане насчитывалось 98% неграмотных. В 1903 г. был открыт первый в стране лицей «Хабибия», то есть полная средняя школа с 12-летним сроком обучения, организованная по типу англо-индийских колледжей. В ней учились преимущественно отпрыски знатных семей, возраст учащихся колебался в пределах от 12 до 40 лет. Полный курс заканчивали лишь немногие. Общее число учащихся составляло 250—270 человек.

Лицеем руководил д-р Абдул Гани, индийский мусульманин, находившийся на эмирской службе с 1895 г. В лицее работали в основном афганские преподаватели и приезжие учителя из индийских мусульман; некоторые предметы преподавали турки. Учебная программа лицея составлялась на основе программ общеобразовательных средних школ Британской Индии и включала как традиционные религиозные предметы, так и изучавшиеся в европейских школах.

Лицей имел три ступени — начальную, среднюю и старшую. В начальных классах срок обучения составлял четыре года, и учебная программа включала основы мусульманского вероучения, язык фарси, арифметику, географию, каллиграфию. Программой второй ступени (срок обучения три года) предусматривалось продолжение занятий по мусульманской религии, географии, языкам фарси и пушту, а также обучение истории, одному из иностранных языков (английскому, урду или немецкому), рисованию, счетоводству, ознакомление с гигиеной и санитарией. В классах третьей ступени (срок обучения три года) изучали богословие, язык фарси и литературу на нем, историю, географию, алгебру, тригонометрию, аналитическую геометрию, механику, природоведение, химию и английский язык. В лицее была скромная библиотека — первая публичная библиотека в стране. В разных районах Кабула были открыты шесть филиалов лицея в виде начальных учебных заведений.

Вместе с афганскими преподавателями в лицее работали и приглашенные из Индии педагоги — д-р Абдул Гани и его братья Наджаф Али и Мухаммад Чераг. Общее число учащихся в лицее «Хабибия» достигало 269 человек, а в начальных школах города — 700⁴⁶.

Наряду с лицеями «Хабибия» и «Харбия» в стране продолжали функционировать традиционные школы — *мактабы*. В них изучали Коран, *фикх* (мусульманское судопроизводство),

хадисы, каллиграфию, арабскую и персидскую классическую литературу. Поступающие в лицей «Хабибия» должны были закончить традиционную школу.

К началу Первой мировой войны афганская система образования стала ощущать все более сильное влияние турецкой системы — в школах и лицеях ввели турецкую учебную программу и наняли преподавателей из Турции.

Число школ и учащихся к концу правления Хабибуллы оставалось крайне малым. Так, в 1916 г. в кабульском округе, самом продвинутом, начальную школу окончили 130 человек. В провинции дети продолжали учиться в школах при мечетях — *медресе*, где занимались преимущественно заучиванием наизусть Корана. Окончившие такие школы были неспособны продолжать обучение в современной школе⁴⁷.

Во время Первой мировой войны созданный в 1913 г. Департамент образования пытался модернизировать обучение в традиционных школах. Но это не были светские учебные заведения — они состояли при мечетях. И все же в них начали преподавать естествознание и математику. Впрочем, занятия в этих школах велись в основном муллами, которые могли учить только религии и грамоте, за что получали жалование от государства как учителя.

Несколько новых школ было открыто созданным в 1911 г. Обществом просвещения («Анджоман-е маареф»), причем на средства частных лиц. Общество, которым руководил принц Инаятутла-хан, составляло новые учебные программы, разрабатывало порядок проведения экзаменов и т.д. В 1914 г. в Кабуле открылся первый центр подготовки учителей (*Дар уль-моаллемин*), ежегодный выпуск в котором составлял 30 человек — учителей начальных школ⁴⁸. Однако развитие современного образования тормозилось позицией консервативных мулл.

Модернизация системы образования создала благоприятные условия для появления современной афганской интеллигенции и, соответственно, распространения новых, прогрессивных идей. В этом заметную роль сыграли приглашенные на преподавательскую работу индийские мусульмане, связанные с национально-освободительным движением у себя на родине. Проживали в Кабуле также и некоторые получившие убежище революционные эмигранты из Индии, оказавшие влияние на формирование национально-буржуазной идеологии в Афганистане. Новые идеи и взгляды проникали в Афганистан также из Персии и Турции, в частности большое

влияние на афганское общественное мнение и на внутривнутриполитическую обстановку в целом оказали события, связанные с младотурецким движением, конституционной революцией в Иране 1905–1911 гг., поражением России в войне с Японией, и англо-русский договор 1907 г., которые дали мощный импульс процессу «пробуждения Азии».

В рамках этого процесса в условиях нарастания социального недовольства в Афганистане в начале XX в. возникло движение сторонников конституционных преобразований. По данным афганского историка М.Г.М. Губара, в те годы существовало три центра передовой общественной мысли: придворные либералы, лицей «Хабибия» и группировка отдельных представителей либеральной интеллигенции⁴⁹. В 1906 г. они объединились в тайную политическую организацию «*Маш-рута*» («Конституция»). Находясь под прямым влиянием турецкого конституционного движения «младотурок», они называли себя «младоафганцами».

Одним из инициаторов и основателей движения был директор лицея «Хабибия» д-р Абдул Гани Панджаби – индийский мусульманин, приглашенный в 1895 г. принцем Насруллой-ханом во время его визита в Лондон, где Абдул Гани заканчивал Оксфорд⁵⁰. У истоков движения «старых конституционалистов», как их называли, стояли ученый, поэт и мыслитель, старший преподаватель медресе «Шахи», придворный мулла Абдуррауф Кандагари и преподаватель лицея «Хабибия» Мухаммад Сарвар Кандагари, которые создали в 1905 г. просветительское общество «Сирадж уль-ахбар» с целью издания одноименной газеты. В состав редакции газеты вошли также индийские эмигранты Наджаф Али-хан и Хайдар Али-хан. 11 января 1906 г. они издали первый и единственный номер газеты «Сирадж уль-ахбар-е Афганийя» («Светильник афганских новостей»)⁵¹.

Общество «Сирадж уль-ахбар» просуществовало недолго. Вскоре на его основе возникло организованное политическое движение, которое известно в научной литературе как «первые конституционалисты», которых возглавил секретарь общества Мухаммад Сарвар «Васеф», известный литератор и просветитель. Ранее он был членом Общества богословов-юристов (*факихов*), которые занимались разработкой религиозного законодательства. В 1903 г. он поступил преподавателем в лицей «Хабибия» и привлек туда же ряд своих единомышленников, которые разделяли его идею о разработке и введении в стране конституции⁵².

Среди руководителей движения также называют Мир Касем-хана Лагмани. Другие известные конституционалисты, которые сыграли значительную роль в дальнейшей политической судьбе страны или оставили в ней след, включали маулави Гулам Мохидуддина Афгана, Тадж Мухаммада Белуджа, Файз Мухаммада Катеба, Мухаммада Анвара Басмаля, Кака Сеида Ахмада Лодина Кандагари⁵³. Это были люди, которые группировались в основном вокруг лица «Хабибия». В последующем они сформулировали политическую программу, которая включала следующие требования:

- ликвидация деспотизма и установление конституционного режима;
- учреждение парламента посредством свободных выборов;
- создание эффективного правительства;
- развитие культуры, науки и расширение системы просвещения;
- распространение современной цивилизации;
- обеспечение социальной справедливости, равенства и защиты прав народа;
- укрепление основ национального единства;
- достижение политической независимости под эгидой национального режима⁵⁴.

Конечно, это была не партийная программа, поскольку партии как таковой тогда не существовало. Скорее это был набор лозунгов, во имя реализации которых «первые конституционалисты» предполагали осуществить государственный переворот.

Сторонники конституционных реформ были и среди придворных, которые образовали «Тайную партию двора» (по другим данным, «Тайное национальное общество»). Впрочем, это тоже была не партия, а небольшая группа, к которой примыкал один из сыновей эмира принц Аманулла-хан. В нее входили в основном члены эмирской гвардии («гуламбача») — лица, приближенные к монарху. Это были главным образом сыновья крупных ханов племен, которых еще эмир Абдурахман воспитывал при дворе и держал при себе в качестве заложников, чтобы таким образом держать в повиновении их отцов.

Они были образованными молодыми людьми, имевшими большой вес в политической жизни Кабула. Из их среды вышли в последующем известные государственные деятели Афганистана. Руководителем «Тайной партии» был Мухаммад Валихан из Бадахшана, который в дальнейшем, уже при новом

эмире, станет главой первой дипломатической миссии Афганистана, министром иностранных дел, а затем и министром обороны. В состав этой группы входили также Сеид Касем-хан Лагмани, Мир Замануддин-хан, Пача Мир-хан Логари, Мир Яр-бек Дарвази, Низамуддин-хан Аргандиваль, Джаухар Шах Гурбанди, Лал Мухаммад-хан, Шуджа уд-Даула-хан, Гулам Мохиуддин Арти и др.⁵⁵

Они планировали покушение на эмира и возведение на престол принца Аманулла. Сам принц пытался заручиться поддержкой наиболее влиятельной фигуры при дворе, своего дяди принца Насруллы-хана, играя на его антианглийских настроениях и недовольстве проанглийской политикой эмира. Они посвятили Насрулла в свои планы, предлагая поддержать их и возглавить страну после устранения эмира Хабибуллы. В решающий момент Насрулла проявил малодушие, а заговорщики — нерешительность, и заговор провалился. В течение еще долгого времени они опасались, что Насрулла выдаст их, но, к счастью, этого не произошло.

Движение «старых конституционалистов» не имело четкой организационной структуры; всего в его составе насчитывалось не более 300 человек, которые объединялись в небольшие дискуссионные кружки, многие из членов которых даже не знали друг друга. Сам «Васеф» также возглавлял один из таких кружков, в котором насчитывалось 10 человек⁵⁶. Был и кружок преподавателей-индийцев во главе с директором лицея «Хабибия» д-ром Абдул Гани. В него входили его братья маулави Наджаф Али и Мухаммад Чераг.

Эти группы проводили тайные собрания. Каждый вступающий в движение давал клятву. При этом на стол клали Коран, а на него шашку и *калам*. Эти три предмета символизировали характер деятельности и цели движения: Коран — приверженность принципам ислама, шашка — способ достижения независимости, калам — стремление к знаниям и их распространение. Они же образовали и эмблему движения. В последующем она вместе с венком колосьев стала гербом министерства просвещения. В 20-е годы его даже носили школьники на фуражках.

Участниками младоафганского движения были не только аристократы и преподаватели. В их числе были и купцы, армейские офицеры, чиновники и даже два часовщика.

Вскоре в рядах «старых конституционалистов» обнаружись предатели — зимой 1909 г. работник арсенала Мухаммад Азим-хан и учитель принца Мухаммад Кабир-хана мулла Минхаджуддин через брата одного из лидеров движения Тадж Му-

хаммада Пагмани достали списки членов движения и передали их эмиру, отдыхавшему в Джалалабаде. Причем эмиру доложили, что целью организации является его убийство и создание конституционного правительства. Список включал основную часть членов движения. На них обрушились репрессии⁵⁷.

Большинство участников движения были арестованы. Семь из них были казнены, в том числе Лал Мухаммад-хан, Джаухар Шах Гурбанди, Мухаммад Сарвар-хан (был расстрелян из пушки). 38 человек были осуждены и брошены в тюрьмы. Среди них Тадж Мухаммад Пагмани, Мухаммад Анвар-хан Басмаль, Мир Сеид Касем-хан Лагмани, Кака Сеид Лодин Кандагари, индийцы д-р Абдул Гани, Наджаф Али и Мухаммад Чераг. Большая часть из них вышла на свободу лишь после убийства эмира Хабибуллы в 1919 г. Предавшие их Азим-хан и Минхаджуддин были награждены эмиром⁵⁸. Несколько человек были помилованы, в том числе маулави Гулам Мохиддин Афган, Хабибулла-хан Тарзи. Вскоре девять заключенных были освобождены, учитывая их принадлежность к клану мухаммадзаев или ввиду заслуг их отцов⁵⁹. Заключенные содержались в кандалах в двух тюрьмах — в Арке и Ширпуре.

Аресты прошли и в других городах — Герате, Кандагаре, Джалалабаде. Некоторым приближенным эмира эти меры показались слишком мягкими. Так, министр финансов временщик Мухаммад Хусейн-хан, интриговавший против принца Амануллы и установивший за ним слежку, требовал казни для всех арестованных. А брат эмира Насрулла-хан, требуя ужесточить наказания, предложил закрыть заодно все школы в Кабуле, заявив, что «просвещение рождает конституцию, которая противоречит основам власти монархии»⁶⁰.

Разгром первого оппозиционного движения не мог остановить распространение свободолобивой общественной мысли в стране. Вскоре в Афганистане возникли новые кружки и группы второй волны конституционалистов — представителей прогрессивной интеллигенции, офицерства, чиновников. К ним примкнули индийские революционеры-эмигранты, а также ряд гражданских и военных специалистов из Турции, приглашенных на службу в Афганистан. Это было уже молодое поколение оппозиционеров, настроенных более радикально в отношении существовавшей деспотической власти.

В числе наиболее видных деятелей младоафганцев второй волны были редакторы газеты «Сирадж уль-ахбар» Абдул Хади Дави и Абдуррахман Лодин (сын Кака Сеида Лодина, находившегося за решеткой), будущий историк и общественно-

политический деятель Мир Гулам Мухаммад Губар, участник первой волны младоафганского движения гулам-бача Мухаммад Вали-хан из Бадахшана, один из влиятельных придворных, примыкавший к оппозиционному кружку принца Амануллы, еще один участник движения «старых конституционалистов» гулам-бача Шуджа уд-Даула-хан из Гурбанда, занимавший при дворе должность «*фарраш-баши*» (главного камергера двора), гулам-бача Мир Яр-бек-хан Дарвази, племянник Мухаммад Вали-хана, и его брат гулам-бача Мир Замануддин-хан Дарвази, оба потомки правителей (беков) Дарваза в Бадахшане, Мохиуддин Арти, Гулам Ахмад Эттемади, сын первого министра Абдул Куддус-хана («*эттемад ад-даула*»), Абдул Хусейн Азиз.

На первом этапе деятельность младоафганцев носила просветительский характер. На страницах газеты «Сирадж уль-ахбар», о которой речь пойдет ниже, они призывали бороться с вековой отсталостью страны, пробуждать национальное сознание народа, развивать национальную культуру. Однако по мере ухудшения внутривнутриполитической обстановки в стране (восстания 1912–1913 гг.) публикации в газете все больше стали принимать политический характер. Важнейшие идеи, высказывавшиеся младоафганцами в газете, легли в основу их политической программы, которая включала следующие пункты:

- устранение эмира Хабибуллы как препятствия на пути достижения политической свободы и независимости;
- принятие конституции;
- создание конституционного правительства;
- учреждение Национального Совета (парламента);
- формирование кабинета министров нового типа;
- обеспечение социальной справедливости и проведение административных реформ;
- развитие и расширение системы просвещения и культуры;
- развитие науки, внедрение современной технологии;
- обеспечение свободы печати;
- борьба за экономическую независимость;
- борьба против британского колониализма.

Младоафганцы в своей деятельности не ограничивались изложением просветительских идей в газете «Сирадж уль-ахбар». Они вели активную политическую агитацию, распространяя воззвания и прокламации среди различных групп населения.

Несмотря на то что идеи младоафганцев разделяли в той или иной степени представители правящих кругов, а их антиколониальные позиции получили поддержку самых различ-

ных слоев населения, их деятельность в целом носила оппозиционный характер. Поэтому в отдельные периоды участники движения подвергались репрессиям.

Наиболее значительным актом их борьбы с режимом стала попытка устранения эмира Хабибуллы. В 1918 г. лидер радикального крыла младоафганцев Абдурахман Лодин совершил покушение на эмира, когда тот проезжал по базару. Покушавшийся промахнулся, и эмир остался жив. В результате на участников движения обрушились репрессии. Были арестованы сам Абдурахман Лодин, Абдул Хади Дави, майор Абдул Хамид-хан и несколько курсантов военного лицея «Хабибия». На этот раз, однако, эмир не рискнул казнить кого-либо из арестованных, а ограничился тюремным заключением⁶¹.

В политико-идеологическом плане младоафганцам противостояла группировка староафганцев. В нее входили представители наиболее консервативной части феодально-помещичьей аристократии, в том числе из придворных кругов, и верхушка ортодоксального мусульманского духовенства. Возглавлял группировку брат эмира Насрулла-хан. Основой идеологической платформы староафганцев был ислам в его догматической форме. Староафганцы выступали за сохранение феодальных порядков и устоев, средневековых обычаев и традиций. Они были противниками всяких новшеств, особенно идущих с Запада, то есть по существу отвергали все достижения современной цивилизации и социального прогресса.

Единственное, что их объединяло с младоафганцами, — антиколониальные настроения. Но, призывая к ликвидации колониального господства, староафганцы были далеки от мысли избавить страну от вековой экономической и культурной отсталости. Наоборот, залог развития страны они видели в полной изоляции от внешнего мира. Объясняя бывшее величие Афганистана «могуществом ислама», идеологи староафганцев выступали против создания в стране национальной промышленности. Развитие торговли и промышленности, утверждали они, приведет к наплыву иностранцев в страну и к еще большей зависимости от них.

В отличие от своих оппонентов — младоафганцев, стремившихся приспособить ислам к научно-техническим достижениям и новым духовным ценностям, староафганские идеологи ратовали за «очищение ислама» от всех наслоений, связанных с влиянием новой социально-экономической формации, в которую медленно втягивался Афганистан. Отсюда их отрицание всяких новшеств и непримиримая борьба с ними с религиозных позиций.

Кроме староафганцев и младоафганцев, в стране существовала и третья, менее влиятельная группировка, которая действовала в рамках придворной партии. В нее входила небольшая группа купцов-компрадоров и некоторые представители придворной знати во главе с министром внутренних дел Али Ахмад-ханом. Эти люди поддерживали политический курс эмира, разделяя в целом его проанглийскую ориентацию. Впрочем, они не имели значительной поддержки среди влиятельных кругов общественности и собственной идеологической платформы, посему и не оказывали заметного влияния на общественно-политическую жизнь страны.

Признанным идейным лидером младоафганцев после разгрома «старых конституционалистов» был Махмуд-бек Тарзи (1866–1933), «отец афганского просветительства», влияние которого сильно сказалось на формировании взглядов принца Амануллы, женатого на его дочери Сорайе.

Махмуд Тарзи происходил из кандагарской ветви баракзайского рода мухаммадаев, к которому принадлежала и правящая династия. Его отец Гулам Мухаммад был не только известным поэтом, писавшим под литературным псевдонимом «Тарзи» («стилист»), которым впоследствии стал пользоваться и его сын Махмуд, но и был внуком кандагарского правителя Рахмдель-хана.

В 1882 г. Гулам Мухаммад Тарзи разделил участь многих своих соотечественников, которые подверглись репрессиям, и вместе со своей семьей был выслан из страны эмиром Абдуррахман-ханом. Он выехал в Индию (Карачи), а затем, в 1885 г., проследовал в Османскую империю через Багдад. Находясь в Стамбуле, он получил разрешение султана Абдул Хамида II поселиться в Дамаске. Гулам Мухаммад оставался там до конца жизни (умер в 1901 г.).

Его сын Махмуд Тарзи прожил в Сирии около 18 лет. Там он провел свои юные годы, получил образование. Он изучал турецкий и арабский языки, персидским языком и литературой он занимался под руководством своего отца. Рано начал писать стихи, обнаружив незаурядный поэтический дар.

Пребывание в Османской империи оказало значительное влияние на формирование идейно-политических и общественных взглядов Махмуда Тарзи, поскольку он сумел познакомиться с воззрениями идеологов и руководителей младотурецкого движения. Многие почерпнул Тарзи и из турецких переводов работ европейских писателей, историков, философов.

Огромное влияние на формирование общественно-политических взглядов М. Тарзи оказал крупнейший реформатор

ислама, духовный отец панисламизма Сеид Джамалуддин Афгани, живший в ту пору в Стамбуле. По совету отца он посещал дискуссии и беседы, проходившие в доме С.Д. Афгани. Свои первые литературные труды Тарзи написал, находясь за границей, — «Школа просвещения» и «Дневник путешествия по трем частям света за 29 дней».

В 1902 г. Махмуд Тарзи вернулся на родину по приглашению эмира Хабибуллы-хана, на которого произвел большое впечатление широтой кругозора и просвещенностью, раскрыв ему всю глубину отсталости Афганистана в образовании, экономике, промышленности, пытаясь показать эмиру негативные последствия изоляции страны для политического и культурного развития. Вскоре он был назначен начальником бюро переводов. Его главной задачей в этой должности было информировать эмира о событиях, происходивших в мусульманском мире и Европе.

В дальнейшем М. Тарзи выступал в качестве писателя, публициста, переводчика, педагога и воспитателя, пропагандиста современных знаний и наук. Большая часть этих талантов нашли применение в издании газеты «Сирадж уль-ахбар», выходившей с октября 1911 г. по декабрь 1919 г., ставшей рупором идей младоафганцев.

Пропагандируя идеи модернизации, Тарзи стремился анализировать факторы, вызвавшие отсталость Афганистана и всего исламского мира в целом. Причем он считал это обязанностью каждого истинного мусульманина, каждого афганца-патриота. Он был убежден, что афганский народ отстал из-за пренебрежения науками и образованием. Тарзи говорил о разобщенности афганцев, отсутствии национального единства как о важной причине их отсталости.

Среди других причин отсталости Афганистана Тарзи выделял отсутствие контактов с внешним миром и фанатизм непросвещенного слоя традиционалистов. Будучи оторванными от современной жизни, афганцы оказываются неспособными извлечь пользу из западной цивилизации⁶².

Младоафганцы игнорировали мнение тех западных деятелей, которые считали ислам главной причиной отсталости мусульман, а христианство наоборот — важным инструментом прогресса в Европе. Тарзи говорил, что суеверия и традиции, противоречащие голосу разума, не являются основой ислама. Поэтому именно мусульмане, а не ислам, несут ответственность за отставание их обществ⁶³.

Тарзи был одним из первых афганцев, кто не считал, что европейское преобладание было достигнуто исключительно

благодаря европейской военной мощи. Не последнюю роль здесь играли достижения Запада в экономической, культурной и промышленной сферах. Афганцы должны не только перестроить свою систему государственного управления, но и освоить электричество, химию, связь, железные дороги и так далее вместе с военной технологией. Однако все заимствования, утверждал он, должны служить развитию наук и знаний к общей пользе для всех афганцев.

По мнению Тарзи, модернизация не противоречит исламу. В подтверждение он предлагал собственное толкование «истинного» смысла и значения положений Корана, различных мусульманских праздников и изречений Пророка. Это был очень важный шаг в отношении к религии: впервые афганский просветитель открыто подверг сомнению толкование ислама традиционалистами и косными муллами, выступавшими против модернизации⁶⁴.

Тарзи обличал косных мулл, утверждавших, что современные науки — выдумки «неверных». Духовенство, присваивая себе исключительное право на знания, стоит громадной преградой на пути развития образования и овладения знаниями всеми мусульманами. Изучение истории ислама, утверждал Тарзи, показывает, что в период «золотого века» ислама духовенство сохраняло и пропагандировало науки и знания, которые придавали исламу жизненные силы. Знания и усилия к овладению ими не только не противоречат Корану, но являются его составной частью. Нет оснований полагать, что дальнейший прогресс подорвет позиции ислама. Тарзи утверждал, что пророк Мухаммед поддерживал знания и, соответственно, науки, подчеркивая, что невежество не может сосуществовать со знанием. Один из хадисов, писал он, гласит: «Вера человека кроется в его разуме». И если водоразделом между животным и человеком является разум, данный Богом, то отказ от обращения к разуму наносит ущерб самому верующему, обществу, исламу и Богу⁶⁵.

Другие авторы газеты «Сирадж уль-ахбар» так же, как Тарзи, использовали коранические тексты для подтверждения своих взглядов. Так, Абдул Хади Дави писал: «Коран признает, что немусульманские народы используют знания, которые могут быть полезны мусульманам, призывая их путешествовать “даже до Китая”». Автор напоминал о путешествиях знаменитых исламских географов, мудрецов и мореплавателей прошлого, и эти путешествия символизировали открытость мусульман и универсальность знаний⁶⁶.

Универсальность знаний интересовала и самого Тарзи. По его мнению, это было то, что дало возможность Западу заимствовать достижения раннего ислама. Почему вера в ислам как самую лучшую и священную религию, спрашивал Тарзи, должна мешать афганцам стремиться избавить страну от невежества, нищеты, болезней и зависимости? Наоборот, стремление сделать богатое, сильное и независимое исламское общество в Афганистане должно стать прямым долгом истинного мусульманина.

Что нужно Афганистану, заключал Тарзи, так это радикальная реформация афганского общества, сопровождаемая реорганизацией его институтов и распространением современных наук и технологий. Ответственность за достижение этой великой цели лежит на просвещенных мусульманских правителях, ученых и правящей элите. Они должны освободить мусульманское общество от мира суеверий, традиций и привычек неисламского характера. «Время поэзии прошло, — говорил он, — теперь наступило время действовать. Настала эпоха мотора, железных дорог и электричества. Ушло время верблюдов, быков и ослов»⁶⁷.

По мнению Тарзи, первым шагом на пути социальных реформ должно быть установление контактов с внешним миром. Поэтому он поставил задачу своей газете «соединить» Афганистан с остальным миром, то есть сообщать афганцам о культурных, духовных, научных и технологических достижениях в Европе. Среди публикаций такого рода — естественный и эволюционный прогресс человечества; система счетов; метеорология, геология и космография; международное право, политические науки; местное самоуправление; акционерные общества.

Стремясь пробудить всеобщий интерес к наукам и знаниям, Тарзи перевел на персидский язык ряд европейских романов — Жюль Верна «Вокруг света за 80 дней», «20 тысяч лье под водой», «Таинственный остров». Он также перевел весьма важную турецкую работу — «Международное право». Среди собственных сочинений можно назвать его дневник «29 дней путешествия по континентам», который он написал еще в 1890 г., но издал лишь в 1914 г., сборник статей и памфлетов, наиболее значительными из которых были «Что делать?» и «Наука и ислам», в которых он показывал совместимость религии и наук и демонстрировал научные достижения исламского мира в прошлом.

Считая мусульманскую веру основой афганского государства, Тарзи решил соединить национальные устремления аф-

ганцев с модернизацией. Аргументируя свою идею, он почерпнул эту мысль у Пророка: «Патриотизм исходит из веры» (*«Хобб уль-ватан, мин аль-иман»*). Родина — это колыбель религии, которая образует основу для свободы, чести, национального чувства и осознания личности. Пытаясь доказать, что принадлежность к афганской нации не противоречит коранической концепции о единой мусульманской общине (*умме*), Тарзи утверждал, что, хотя все мусульмане являются членами этой общины, в ее рамках существуют разные политические сообщества. Они образуют родину для сообществ, населяющих их, то есть наций. И поскольку эти сообщества по своей религии являются мусульманскими, их любовь к родине освящена исламом и Богом. Любить свою страну значит любить свою религию, и наоборот⁶⁸.

Еще одним аспектом философии Тарзи было отождествление патриотизма с модернизацией. Он считал, что поскольку патриотизм прямо санкционирован исламом как религиозный долг, то ислам требует по определению защищать отечество. А поскольку прогресс и модернизация неотделимы друг от друга, то они совместимы с исламом. Только посредством модернизации Афганистан может реорганизовать свою армию и укрепить оборону, защитить независимость страны и ислам в борьбе против европейского империализма. Священные принципы ислама, а также свободы и прогресса требуют национального единства. Исходя из этого, Тарзи подчеркивал, что главной задачей афганцев является поддержка политики монархии, стремящейся объединить страну и обеспечить прогресс посредством модернизации⁶⁹.

Тарзи и его последователи, будучи пионерами афганского национализма, выступали за повышение статуса языка пушту, который они считали «языком афганцев» в противовес персидскому, то есть официальному языку. Пушту, говорили они — символ национального духа, «отец всех языков» в стране, подлинно национальный язык. Как таковой, он должен изучаться всеми народностями Афганистана. Ислам, афганская история и язык пушту должны сementировать этническую мозаику страны в единую нацию⁷⁰. Позднее, во второй половине 30-х годов, эти идеи лягут в основу новой государственной идеологии — пуштунского национализма.

Афганские реформаторы пытались также объединить афганский национализм и модернизм с концепцией панисламизма. По мнению Тарзи, мусульмане могут противостоять европейскому империализму, стремящемуся разобщить их, приверженностью идеям панисламизма, проповедовавшимся

известным исламским реформатором Джамалуддином Афгани, и мусульманской солидарности.

В отличие от других панисламистов, Тарзи не верил, что обновление мира ислама возможно лишь путем достижения мусульманской солидарности. Он считал, что панисламизм включает идеи социально-экономических реформ и должен содействовать приобретению знаний, духовной свободе и развитию наук. Так панисламизм возлагает великую задачу на афганцев — объединить и реформировать свою страну, которая является «якорем надежд мусульман Востока»⁷¹.

Тарзи и его соратники использовали также концепцию панисламизма в противостоянии с европейским колониализмом и в пропаганде модернизации Афганистана. Они призывали афганцев и других мусульман смотреть в лицо фактам. Европейцы установили полное господство в Азии. «Народы Индии и Белуджистана, — говорил Тарзи, — превосходящие англичан по численности в пять-шесть раз, управляются несколькими сотнями тысяч англичан», а Россия, «подобно пауку раскинувшаяся от Балтики до Тихого океана, подавляет мусульман Туркестана и обращается с ними крайне жестоко»⁷². В Европе итальянцы, греки и болгары истребляют мусульман, в Индии англичане разрушают мечети и индуистские храмы. В самом Афганистане тоже были правительства, которые разрушали его независимость и были чуждыми афганской религии и афганской чести⁷³.

Итак, Тарзи и его соратники использовали публикации газеты «Сирадж уль-ахбар» для того, чтобы убедить своих соотечественников и правящую элиту приступить к осуществлению социально-экономических, политических и культурных реформ. При этом они утверждали, что подлинное национальное развитие и прогресс возможны только в независимом и свободном обществе⁷⁴. Необходимым условием реализации национальных чаяний и ускоренной модернизации страны Тарзи считал полную независимость Афганистана и достойное место страны в семье народов мира.

И хотя тираж газеты был невелик, стоимость одного номера — достаточно высокой (один фунт стерлингов), а неграмотность — поголовной, она получила необходимую читательскую аудиторию. Газета значительно расширила кругозор образованных афганцев, содействовала развитию национальной литературы и журналистики.

Некоторые цели, которые преследовал Тарзи и младоафганцы, были нереалистичны или излишне оптимистичны для того времени. И хотя их панисламские и националис-

тические идеи и призыв к независимости нашли понимание среди широких масс, призывы к модернизации и реформам не были поддержаны адекватно. Духовенство, которое поддерживало идеи панисламизма и призыв к борьбе против европейского империализма, в целом отвергало идеи модернизации, справедливо видя в них постепенное ограничение своего влияния в системе образования, усиление государственного контроля над вакфами, секуляризацию законодательства и посягательство на традиционный образ жизни афганцев.

Однако в тех условиях любые преобразования были возможны только в виде инициативы монарха, поэтому издатели газеты всячески пропагандировали любые реформы и нововведения, предпринимавшиеся эмиром, называя его «архитектором прогресса». Эмир, в свою очередь, поощрял их деятельность, особенно когда они подтверждали легитимность его власти с точки зрения ислама и национализма. Однако он стремился всячески снизить масштабы панисламистских устремлений младоафганцев, опасаясь негативной реакции со стороны Англии и России.

В годы Первой мировой войны он отверг предложения младоафганцев присоединиться к Османской империи в борьбе против стран Антанты. Они полагали, что эмир упустил, таким образом, реальный шанс добиться полной независимости и были также разочарованы его подходом к идеям модернизации. К концу войны противоречия между младоафганцами и эмиром приняли такие масштабы, что М. Тарзи был вынужден закрыть свою газету.

Бурные международные события в начале второй декады XX в. способствовали распространению идей панисламизма, проповедовавшегося младоафганцами. Поражения, понесенные Османской империей в итало-турецкой (1911 г.) и балканских войнах 1912 г., вызвали взрыв возмущения в мусульманском мире против «неспровоцированной агрессии европейского империализма и христианства»⁷⁵. В Афганистане националисты и реформаторы обвинили балканские народы и Европу в целом в политико-религиозной атаке на ислам. Они считали, что европейцы преследовали цель лишить мусульман преимуществ современной цивилизации и подорвать основу мусульманской веры, ослабить независимость мусульманских государств⁷⁶.

Младоафганцы восторгались деятельностью младотурок, пытавшихся реформировать и возродить мощь Османской

империи. Они превозносили Энвер-пашу, младотурецкого министра обороны, называя его чемпионом ислама, «надеждой на спасение мира ислама»⁷⁷. Они подчеркивали особую роль, которую должны сыграть Афганистан, Персия и Османская империя, страны, не попавшие под иго европейского империализма. Поэтому, — говорили они, — Афганистан должен быть реформирован, чтобы превратиться в сильный оплот ислама⁷⁸.

Что касается тематической структуры и основного содержания публикаций в газете «Сирадж уль-ахбар», то особое значение имели статьи теоретического характера. Они в популярной форме давали читателю общее представление о таких современных науках, как философия, политэкономия, международное право, побуждая афганцев задумываться о характере прогресса человечества, о формах и сущности европейских политических и социальных институтов. В газете уделялось внимание и таким гуманитарным наукам, как археология, история, филология. Сотни самых разнообразных статей раскрывали перед читателем картину научных и технических достижений начала XX в.

В общих чертах содержание газеты определялось следующими рубриками: 1) передовая статья, посвященная какому-либо политическому, философскому или религиозному вопросу; 2) сообщения о событиях внутренней жизни страны; 3) сообщения о зарубежных событиях, главным образом в мусульманских странах, а также в других государствах Европы и Востока; 4) литературный раздел, включавший стихотворные произведения современных поэтов Афганистана; 5) раздел науки и техники, публиковавший в основном переводные статьи и заметки из иностранных газет и журналов; 6) раздел «Фельетон»; 7) различный по тематике материал, короткие сообщения; 8) объявления.

Первая мировая война оказала громадное воздействие на младоафганцев. Она разрушила мифы о единстве христиан, воинствующем Западе, выступающем против Востока, едином мусульманском мире.

Вступление Османской империи в войну вызвало всплеск панисламистских и националистических настроений в Афганистане. Подавляющее большинство младоафганцев поддерживали турок. И хотя некоторые сомневались в правильности решения турецких властей и считали, что оно принято под нажимом Германии, пытавшейся манипулировать панисламизмом как политическим орудием, большинство оправдыва-

ли этот шаг, заявляя, что это месть турок за Италию, Грецию и Сербию и попытка положить конец режиму капитуляции.

Газета «Сирадж уль-ахбар» широко освещала процесс роста протурецких настроений в стране и стала рупором тех, кто надеялся на вступление Афганистана в войну. Несмотря на благожелательный для англичан нейтралитет, провозглашенный Хабибуллой, М. Тарзи и некоторые младоафганцы (в основном выпускники лицея «Хабибия») объединились со староафганцами в проведении антибританской и антироссийской пропаганды.

Размышляя о возможном афгано-германском сотрудничестве, Тарзи полагал, что в новых условиях Афганистан может стать факелом свободы для миллионов мусульман в Белуджистане, Туркестане и Индии, но вместо этого предпочел остаться нейтральным и выполнять свои обязательства по договору 1905 г. И если раньше гипотетические планы России о походе на Индию могли подвигнуть Великобританию на военные действия в защиту Афганистана, то в рамках нынешнего соглашения у Афганистана не было таких гарантий⁷⁹. В условиях, когда панисламизм получил новый импульс, турки и немцы усиленно искали возможности втянуть Персию и Афганистан в войну. Берлин надеялся получить выгоду от «религиозного и политического союза ислама», который может возникнуть в результате объявления халифом джихада. В целом афганское общественное мнение было на их стороне, так же как в Персии и Индии.

Три самые влиятельные семьи в Афганистане поддерживали турок. Это был клан Яхья, члены которого, пять братьев — Мухаммад Надир, Мухаммад Азиз, Мухаммад Хашим, Шах Махмуд и Шах Вали — были потомками Султан Мухаммад-хана, брата эмира Дост Мухаммада. Эта семья была выслана в Индию, где братья и получили воспитание, и в 1901 г. им было разрешено вернуться в Афганистан. Другая семья — это Чархи, члены которой были потомками Гулам Хайдар-хана, главнокомандующего афганской армией времен эмира Абдулрахмана. Третья семья — Тарзи⁸⁰.

При дворе было три политические группировки: антибританская консервативно-клерикальная во главе с Насруллой-ханом; умеренная протурецкая во главе с принцем Инаятуллой-ханом, наследником престола и зятем Махмуда Тарзи; национально-реформистская во главе с самим М. Тарзи. К ней примыкал другой зять Тарзи принц Аманулла-хан, женатый на его дочери Сорайе.

Первая мировая война внесла определенные коррективы во внутреннюю и внешнюю политику эмира. Конечно же, Хабибулла, тяготившийся своей зависимостью от англичан, испытывал искушение в новой международной обстановке занять более жесткую линию в отношении Великобритании. Однако, взвесив все варианты, он пришел к выводу, что оптимальный путь для обеспечения национальных интересов — соблюдение нейтралитета, по крайней мере на текущий момент. К тому же британский агент в Кабуле Хафиз Сайфулла-хан дал понять эмиру, что если он будет соблюдать нейтралитет и выполнять англо-афганское соглашение, то Великобритания после окончания войны признает полную независимость Афганистана и согласится на установление прямых дипломатических отношений между Кабулом и Лондоном⁸¹. Собрав 24 августа 1914 г. в Кабуле Дарбар, Хабибулла-хан провозгласил нейтралитет Афганистана и в последующем, несмотря на сложность внутренней обстановки, стремился соблюдать его⁸².

Две англо-афганские войны в XIX в. не могли не сказаться на настроениях общественности, особенно среди пуштунских пограничных племен, которые не прекращали антиколониальную борьбу. Значительное воздействие на ситуацию оказывало участие в мировой войне с октября 1914 г. Османской империи и манифест турецкого султана, провозгласившего «джихад» против Англии и России. Протурецкие и антианглийские настроения, как уже упоминалось, были сильны у придворной консервативной группировки противников всяких новшеств — староафганцев, а еще более у младоафганцев.

Этим пыталась воспользоваться Германия для привлечения на свою сторону Афганистана в качестве союзника, спекулируя на международном религиозном авторитете турецкого султана. Германская и турецкая пропаганда представляла кайзеровскую Германию бескорыстным другом мусульман, распространяя всевозможные вымыслы вроде принятия Вильгельмом II ислама и т.п. Кайзер дважды посетил Высокую Порту.

Весной 1915 г. в Турции была сформирована германо-турецкая миссия с целью побудить афганского эмира к вступлению в войну на стороне Германии и ее союзников. Идея организации экспедиции в Афганистан принадлежала Энвер-паше, турецкому военному министру. Как только Османская империя включилась в войну, были предприняты шаги по организации экспедиции в Афганистан. Энвер-паша обратился к своим немецким союзникам с просьбой прислать несколько офицеров для усиления состава турецкой миссии.

Германский генеральный штаб направил в Стамбул группу офицеров во главе со старшим лейтенантом Оскаром фон Нидермайером. Германское министерство иностранных дел, в свою очередь, прикомандировало к миссии дипломатического чиновника — Отто фон Хентига. Турок представлял Казембей. Всего в составе миссии было около 80 человек, в том числе присоединившиеся к ней позднее два индийских революционера — Махендра Пратап и Баракатулла. О. Нидермайеру была поставлена задача добиться согласия Афганистана на вступление в войну на стороне Германии и ее союзников. Он должен был уговорить эмира Хабибуллу вторгнуться в Индию и в Российский Туркестан.

В конце марта 1915 г. экспедиция выступила из Багдада. Русские и англичане знали о приближении экспедиции к ирано-афганской границе и организовали патрулирование приграничных районов конными отрядами. С большим трудом миссии удалось перейти границу. Преследуемая русским казачьим отрядом, она вынуждена была бросить золото и багаж. 24 августа 1915 г. миссия прибыла в Герат, где была встречена с почетом. Затем в сопровождении эскорта она выехала в Кабул, куда прибыла 7 сентября⁸³.

Узнав о переходе миссией ирано-афганской границы, вице-король Индии Хардинг направил Хабибулле-хану письмо, в котором выражал уверенность в том, что эмир докажет на деле искренность своих обещаний соблюдать строгий нейтралитет. В своем ответе вице-королю афганский эмир «торжественно обещал» обезоружить и задержать всех членов миссии, а затем в письме, полученном вице-королем 17 сентября 1915 г., будто бы сообщал о «поймке в Герате германской шайки, которая... под конвоем направлена в Кабул»⁸⁴.

Отношение эмира Хабибуллы к миссии Хентига-Нидермайера было крайне неровным. В первые дни после приезда в Кабул члены миссии даже содержались под стражей. Лишь на восьмой день пребывания в афганской столице О. Нидермайер получил ответ на свои письма эмиру, в котором содержалось согласие принять миссию⁸⁵.

Часть членов миссии во главе с германским офицером Вагнером осталась в Герате, имея задачу спровоцировать Афганистан на развязывание военных действий против России, используя в качестве предлога территориальные притязания Афганистана на Пендинский оазис⁸⁶.

Встреча с эмиром состоялась 26 октября. Хабибулле было вручено письмо турецкого султана Решада с предложением под знаменем «джихада» выступить на стороне Германии и

ее союзников против Англии и России, а также личное послание кайзера Вильгельма II. В этом послании содержалась распространявшаяся немецкой пропагандой на Востоке версия об освободительной роли Германии и давалось обещание стремиться достичь единства с мусульманами в будущем⁸⁷. Миссия, оказывая религиозное и моральное давление на эмира и обещая ему военную и финансовую помощь, всячески пыталась уговорить его присоединиться к Германии и Османской империи. В качестве непосредственного шага в этом направлении со стороны Афганистана они предлагали эмиру поднять племена пограничной полосы на всеобщее восстание против англичан.

Хабибулла не поддавался давлению. Политика благожелательного для англичан нейтралитета, которой он придерживался, мотивировалась прежде всего политическими и экономическими соображениями. Вступление Афганистана в войну повлекло бы за собой вероятное совместное военное нападение России и Англии на страну. Афганистан не мог противостоять такому нападению, так как был слаб не только в военном отношении, но и экономически, поскольку серьезно зависел от торговли с этими странами. В то же время эмир стремился добиться добровольного отказа Великобритании от Гандамакского договора в обмен на нейтралитет своей страны⁸⁸. Принимая миссию, эмир также хотел продемонстрировать англичанам свою независимость и напомнить им, что при существующих обстоятельствах они нуждаются в нем больше, чем он в них⁸⁹.

В 1915 г. эмир собрал в Кабуле Лоя джиргу, на которой был подтвержден нейтралитет Афганистана в войне.

На переговорах Хабибулла держался настороженно. В январе 1916 г. Нидермайеру и Хентигу все же удалось склонить его подписать проект договора с Германией, которая признала полную независимость Афганистана⁹⁰. Однако в ходе дальнейших переговоров руководители миссии, затрагивая вопрос о вступлении Афганистана в войну, получали только уклончивые и неопределенные ответы, сопровождавшиеся предъявлением предварительных условий. На одной из встреч Хабибулла заявил, что Афганистан выступит против Англии только в том случае, если будет обеспечен нейтралитет России. Во время другой встречи он обусловил свое участие в войне предварительной доставкой из Германии и Турции 20 тыс. солдат, 100 тыс. винтовок и 300 орудий, а также боеприпасов и снаряжения и финансовой помощью размером 10 млн фун-

тов стерлингов⁹¹. Кроме того, эмир потребовал в случае победы в войне Германии и ее союзников вернуть Афганистану Северную Индию и Белуджистан⁹². Прекрасно понимая, что удовлетворения требований таких масштабов будет для немцев весьма проблематичным, он заверил англичан, что дружба с ними будет продолжена.

На встречах с членами миссии Хабибулла-хан несколько раз попадал в щекотливое положение из-за прогерманских настроений части сановников и придворных. Особенно активно действовал, возглавляя группировку староафганцев, Насрулла-хан, считавшийся главным претендентом на престол в случае государственного переворота.

В складывавшейся неблагоприятно ситуации англичане поспешили известить эмира о военных событиях на фронтах мировой войны с целью склонить его к продолжению политики нейтралитета и сообщили о взятии русскими войсками Эрзерума. Они не упускали возможности дискредитировать в глазах эмира германо-турецкую миссию, информируя его о перехваченных письмах, которые якобы свидетельствовали о намерениях членов миссии произвести в Афганистане переворот, покончить с Хабибуллой-ханом в случае дальнейшей задержки его выступления против России и Англии⁹³.

По данным М. Пратапа, члены миссии предлагали эмиру в случае его вступления в войну «передать» ему персоговорящую часть Средней Азии и Белуджистан⁹⁴. Весной 1916 г. Нидермайер и Хентиг убедились в бесперспективности попыток втянуть Афганистан в войну. 22 мая большая часть миссии покинула страну, однако в Кабуле остались три ее сотрудника - турок Казем-бей и два члена так называемого Временного правительства Индии в эмиграции — раджа Махендра Пратап и маулана Мухаммад Баракатулла. Несмотря на нажим англичан, эмир был вынужден считаться с настроениями в стране и предоставил им политическое убежище.

Британское правительство проявляло беспокойство по поводу пребывания германо-турецкой миссии в Кабуле. Тем не менее вице-король Индии Хардинг не рискнул (вопреки советам лондонского руководства) потребовать у афганского эмира выдать англичанам членов этой миссии. Руководители британской политики стремились избежать осложнения отношений с Афганистаном, опасаясь вовлечения России в разрешение «афганского вопроса» (что признавалось неизбежным «при нарушении Афганистаном нейтралитета»), посему заняли осторожную позицию в отношении афганского эмира.

Сам Хабибулла был непосредственно материально заинтересован в соблюдении нейтралитета, продолжая получать ежегодную субсидию от англичан и рассчитывая на обещанное ее увеличение с 1800 до 2400 тыс. рупий, а также на единовременную выплату пособия после окончания войны в размере 5 млн рупий. В конце января 1915 г., выступая на Дарбаре, эмир охарактеризовал войну как «величайшее бедствие»⁹⁵.

Тем временем в России произошла Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г., скудные сведения о которой поступили в Афганистан из находившейся под британской цензурой прессы в Индии. Афганские националисты приветствовали революцию в России, надеясь, что она откроет широкие перспективы для российских мусульман. Революция усилила стремление младоафганцев и других оппозиционных кругов добиться полной независимости. Эмир Хабибулла, в свою очередь, надеялся, что с установлением в России республиканского строя англо-русские отношения вновь обострятся, и даже предложил вице-королю совместно выступить против России, однако Лондон не придал этому обращению эмира особого внимания⁹⁶.

В этих условиях в стране продолжало нарастать всеобщее недовольство эмиром, который в 1916–1917 гг. оказал поддержку колониальным властям Индии в подавлении восстаний пуштунских племен «независимой полосы». Он стал получать анонимные письма с обвинениями в предательстве и измене исламу.

Серьезное воздействие на ситуацию в Афганистане оказала и Октябрьская революция 1917 г. в России. Здесь быстро стало известным обращение Совнаркома РСФСР «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» от 7 декабря 1917 г., в котором подтверждалось право всех мусульманских народов на свою самостоятельность. По существу это означало признание Афганистана суверенным и независимым государством. Такая позиция советского правительства была юридически закреплена Брест-Литовским договором, подписанным весной 1918 г., статья 7-я которого гласила, что «Персия и Афганистан являются свободными и независимыми государствами». В 1918 г. советское правительство дважды обращалось к эмиру Хабибулле с предложением учредить в Афганистане свое представительство, однако эмир под нажимом англичан отвечал отказом⁹⁷.

Между тем летом 1918 г. английские войска вторглись в Закаспийскую область, захватив Кушку. К этому времени они

уже имели преобладающее влияние в Персии. Таким образом, внешнеполитическая изоляция Афганистана, навязанная стране британскими колонизаторами, превращалась в территориальную, подкрепленную непосредственным присутствием британских войск на северных и южных границах страны.

Афганские оппозиционные круги были глубоко разочарованы позицией эмира, который рассматривал независимость как конечную цель вопреки их мнению о том, что она является только началом процесса реформации. Кроме того, они считали, что Хабибулла оказался неспособен использовать исключительно благоприятную ситуацию, сложившуюся в регионе и в мире, особенно в России, для достижения национальной независимости⁹⁸. В результате в стране возник политический кризис.

В конце концов эмир был вынужден поплатиться жизнью за его проанглийскую политику и за то, что не захотел пойти навстречу требованиям афганцев получить полную независимость. 20 февраля 1919 г. он был убит во время охоты в окрестностях Джалалабада. С убийством эмира Хабибуллы наступила качественно новая эпоха в политической истории Афганистана.

Глава II

Эмир Аманулла и его реформы

Афганистан между Советской Россией и Великобританией

В 1918 г., за год до убийства эмира Хабибуллы, обстановка в Афганистане оставалась крайне напряженной, что было обусловлено политикой эмира, отказавшегося установить отношения с Советской Россией и в то же время не предпринимавшего усилий для достижения независимости. Он все больше времени проводил в праздности, отдалившись от дел и подпав под сильное влияние могущественного временщика, министра финансов Мухаммада Хусейна. Последний, реально оценивая расстановку сил при дворе, интриговал против становившегося все более популярным принца Амануллы и его влиятельной матери, старшей жены эмира Улья Хазрат. К концу 1918 г., когда умерла одна из жен эмира — мать принца Хаятуллы, Хабибулла решил взять в жены девушку из знатного рода, что могло повлечь ослабление позиций самой Улья Хазрат. Но под ее нажимом эмир был вынужден аннулировать свой новый брак.

Между тем с окончанием Первой мировой войны обстановка в мире серьезно изменилась. Страны-победительницы провозгласили торжество принципов самоопределения и уважения прав малых народов.

18 января 1919 г. открылась Парижская мирная конференция. Эмир Хабибулла не мог не понимать, что это был хороший шанс для Афганистана добиться независимости. 2 февраля он отправил послание вице-королю лорду Челмсфорду. Он заявил о том, что Афганистан считает себя независимым, и настаивал, чтобы его страна была представлена на конференции¹. Эмир предложил вице-королю два варианта: 1) Великобритания добивается от всех участников конференции официального признания независимости Афганистана под властью эмира Хабибуллы; 2) в случае отказа Афганистан сам посылает свою делегацию в Париж и добивается заключения соглашения о своей независимости со всеми участниками конференции². Англичане не торопились с ответом. Лишь 19 фев-

раля вице-король подготовил проект ответного послания, в котором разъяснял эмиру, почему Афганистан не может быть представлен на Парижской конференции, однако давал заверения в том, что Великобритания не оставит Афганистан, а будет и в дальнейшем заботиться о его интересах³.

Хабибулла, однако, так и не дождался ответа. Он в это время предавался своему любимому занятию, направляясь в сопровождении свиты на охоту в провинцию Лагман, к северу от Джалалабада. Его сопровождали сын Инаятулла-хан и брат Насрулла-хан, жена Улья Хазрат (несмотря на холодные отношения между ними, она считала своим долгом поддерживать свой официальный статус), члены придворного клана Яхья-хель⁴ — главнокомандующий вооруженными силами генерал Надир-хан, его отец и брат Шах Вали-хан. В Кабуле наместником эмира оставался принц Аманулла-хан, однако Хабибулла, помня о своем правиле устраивать ротацию наместников в столице во время своего отсутствия, накануне отправил туда младшего сына Хаятуллу-хана. Кроме них, в свите находился друг Амануллы Шуджа уд-Даула-хан, главный камергер двора.

19 февраля в местечке Кала-йе Гуш, на берегу ручья, компания разбила лагерь, и после ужина все отправились спать, кроме охраны, которую возглавлял двоюродный брат Надир-хана Ахмад-Шах. Начальником караула был 24-летний офицер Шах Али Реза-хан. В три часа ночи кто-то вошел в палатку эмира и выстрелил ему в ухо⁵.

В Афганистане так и не узнали, кто убил эмира. По слухам, это был Шуджа уд-Даула, который в последующем, после восшествия на престол своего друга принца Амануллы, получал высокие посты. Однако доказательств этого до сих пор нет. По данным афганского историка М.Г.М. Губара, выйдя из палатки эмира, Шуджа был задержан охраной, однако подоспевший Надир-хан освободил его⁶.

Между тем после убийства в лагере поднялась суматоха. Было решено возвращаться в Джалалабад, и наутро процессия тронулась в путь. По приказу Насруллы принц Инаятулла возвратился в Джалалабад, а Шуджа уд-Даула был отправлен в столицу в качестве посредника между Насруллой и Амануллой. Эмира Хабибуллу похоронили в Джалалабаде на поле для игры в гольф, которой он так увлекался при жизни. В последующем его прах перенесли в мавзолей, вокруг которого был разбит парк.

Накануне церемонии захоронения покойного эмира Насрулла-хан собрал находившихся в городе придворных и со-

обшил, что, согласно мусульманским традициям, до того как эмир будет похоронен, должен быть избран новый монарх. Все знали, что старший сын эмира принц Инаятулла не был честолюбив, чего нельзя было сказать о его дяде Насрулле. Первым выступил племянник Уля Хазрат, министр двора Али Ахмад-хан, один из главных советников и приближенный покойного эмира. Он поцеловал руку Насрулле и воскликнул: «Вы наш эмир!». Затем ему присягнули принцы Инаятулла и Хаятулла, а вслед за ними остальные присутствующие. Некоторые при этом подумали, что эта сцена была отрепетирована заранее⁷.

В тот же день позвонили в Кабул Аманулле, призывая его оставаться в столице и сохранять спокойствие. Оттуда пришел ответный звонок с вопросом, что сделано для поимки и наказания убийцы?

Первое, что сделал Насрулла, — сообщил о своем восшествии на престол вице-королю Индии, который прокомментировал новость следующим образом: «Он потерял на это меньше времени, чем в свое время Хабибулла». В ответном письме лорд Челмсфорд, обращаясь к Насрулле со словами «Ваше Величество», писал: «Насколько я понял из Вашего письма, Вы склонны соблюдать все договоренности Вашего отца». Разумеется, ничего подобного в письме Насруллы не было. Тем не менее Лондон не рекомендовал вице-королю официально признавать его до тех пор, пока его избрание эмиром не будет одобрено народом⁸.

Однако события развивались быстрее, чем шел обмен корреспонденциями между Дели и Лондоном. 21 февраля на созванном в Джалалабаде дарбаре, где собралась вся местная знать, выступил принц Инаятулла, который призвал присутствующих признать своего дядю эмиром и, обращаясь к нему, заявил: «Я буду честно служить Вам, как служил моему отцу». Затем выступил Насрулла, обильно цитируя Коран. В итоге все присутствующие признали его эмиром и поставили свои подписи под признанием. В заключение Насрулла зачитал подписанный документ, констатируя, что народ и аристократия избрали его новым эмиром Афганистана и обязались повиноваться ему и трону. В тот день, пятницу, *хутба*⁹ в мечетях Джалалабада читалась с упоминанием его имени. По всем провинциям был разослан указ нового эмира, в котором сообщалось о смерти Хабибуллы и предлагалось присягнуть на верность новому эмиру Насрулле-хану¹⁰.

Между тем в Кабуле Аманулла не терял времени даром. Он был один, даже его мать находилась в Джалалабаде. Однако

в его руках были казна и арсенал. В тот же день, в пятницу 21 февраля, он пригласил к себе чиновников этих двух ведомств, советника своего покойного деда Абдул Куддус-хана, двух других влиятельных придворных и три часа беседовал с ними. Затем Аманулла собрал на площади столичную военную и гражданскую знать и заявил о том, что эмир Хабибулла убит своим братом Насруллой, который провозгласил себя эмиром. Назвав Насруллу предателем, он поклялся на сабле, что отомстит за смерть своего отца. Присутствующие поклялись в том же¹¹.

Объявив себя эмиром, он обратился к частям столичного гарнизона со следующими словами: «О благородная нация! О мужественная армия! В то время как великий народ возлагает корону на мою голову, я открыто заявляю, что Королевство Афганистан должно быть свободным и независимым в своих внутренних и внешних делах, то есть обладать всеми правами, которые есть у других независимых государств». Он пообещал увеличить жалование солдатам на пять рупий.

Столичный гарнизон сразу признал его эмиром, а солдаты в Джалалабаде не только признали его, но и арестовали членов семейного клана Яхья. По данным американской исследовательницы Р.Т. Стюарт, Аманулла отправил послание в Джалалабад, угрожая казнить оставшихся в Кабуле членов семей придворных, находившихся с Насруллой, если не будет арестован убийца Хабибуллы¹².

28 февраля Насрулла, никогда не пропускавший пятничной молитвы в мечети, услышал, что *хутба* читается с упоминанием имени эмира Амануллы. Он понял, что проиграл. Аманулла контролировал столицу, армию, дорогу до границы с Британской Индией, финансы. В полном отчаянии Насрулла собрал приближенных и объявил о своем отречении в пользу Амануллы. Понимая неизбежность своего поражения, Насрулла был вынужден отклонить план вооруженного захвата Кабула, подготовленного его помощниками. В тот же день он был арестован и отправлен под конвоем в Кабул. Был также арестован и вскоре (4 мая 1919 г.) повешен министр финансов Мухаммад Хусейн-хан¹³.

В тот же день, 28 февраля, в Кабуле состоялась коронация Амануллы. Это была простая процедура: глава крупнейшего религиозного клана Шер Ага Моджаддиди, известный также как Хазрат-е Шур Базар, повязал голову нового эмира голубой шалью, напоминавшей флаг, который дед Амануллы, эмир Абдулрахман, привез с собой в Афганистан после возвращения

из своего изгнания в России. Во время коронации Аманулла объявил о восстановлении независимости Афганистана.

13 апреля 1919 г. на Дарбаре в Кабуле Аманулла-хан официально провозгласил полную независимость Афганистана. Насрулла-хан был назван организатором убийства эмира Хабibuллы и осужден на пожизненное заключение. Он умер в тюрьме 21 мая 1920 г., хотя сведения о его смерти еще долго скрывались от населения. Непосредственным же козлом отпущения стал полковник Али Реза-хан, которого объявили убийцей и приговорили к смертной казни. Принц Инаятулла также был признан виновным в поддержке Насруллы и был посажен под домашний арест. Надир-хан и его брат Шах Вали-хан, а также остальные члены семьи Яхья-хель были объявлены невинными и выпущены из тюрьмы.

3 марта эмир Аманулла отправил послание вице-королю с извещением о своем восшествии на афганский трон. Обращаясь к нему как к равному, Аманулла подчеркнул: «Хотелось бы сообщить... что наше свободное и независимое правительство готово в любое время, учитывая требования дружбы и прочее, заключить такие договоры и соглашения с уважаемым правительством Великобритании, которые могли бы быть полезны и выгодны с коммерческой точки зрения и преимуществ обоим правительствам»¹⁴.

27 марта 1919 г. советское правительство первым в мире официально объявило о признании независимости Афганистана. В ответ новые афганские руководители обратились с посланием к соседу, с которым Афганистан никогда не вступал в конфликт — к Советской России. В письме, отправленном 7 апреля 1919 г. министром иностранных дел М. Тарзи народному комиссару иностранных дел Г. Чичерину, выражалось пожелание установить постоянные дипломатические отношения со Страной Советов.

Аманулла, в свою очередь, обратился к председателю Совета Народных Комиссаров В.И. Ленину, сообщив о своем вступлении на престол, а также о том, что считает «неотложно необходимым» сделать заявление о «единении и дружбе» «во имя объединения, мира и блага человечества». «Так как Вы, Ваше Величество, мой великий и любезный друг — Президент Великого Российского государства, — говорилось в письме, — вместе со своими товарищами — друзьями человечества взяли на себя почетную и благородную задачу заботиться о мире и благе людей и провозгласили принцип свободы и равноправия стран и народов всего мира, то я счастлив впервые от имени стремящегося к прогрессу афганского

народа направить вам свое настоящее дружественное послание независимого и свободного государства»¹⁵.

21 апреля 1919 г. Аманулла-хан вновь обратился к В.И. Ленину с сообщением о том, что в Советскую Россию направляется чрезвычайный посол генерал Мухаммад Вали-хан для установления «искренних отношений между обоими великими государствами». 27 мая 1919 г. В.И. Ленин и председатель ВЦИК М.И. Калинин направили на имя Амануллы-хана письмо, в котором приветствовали намерения афганского правительства установить дружественные отношения с русским народом и предлагали произвести обмен дипломатическими представительствами¹⁶. Обмен посланиями двух глав государств фактически означал взаимное признание РСФСР и Афганистана.

7 апреля эмир Аманулла послал дружественные по духу послания также правительствам Японии, Америки, Франции, Персии и Турции, в которых подтверждалось, что Афганистан считает себя независимым государством.

15 апреля наконец пришел ответ вице-короля Индии на послание Амануллы. В нем говорилось лишь о «поддержании прежних отношений» на основе договоров, заключенных отцом и дедом эмира¹⁷. Отказ колонизаторов признать независимость Афганистана вынуждал Аманулла идти на крайние меры — войну с Великобританией. Обстановка в самом Афганистане и в регионе в целом благоприятствовала планам эмира. Весной 1919 г. в Индии начались антиколониальные выступления. В Закаспии части Красной армии разгромили войска английских интервентов под командованием генерала В. Маллесона и белогвардейцев. В Кушке был размещен советский гарнизон. Брожение росло среди племен «независимой полосы».

В этой ситуации в Афганистане начались приготовления к военным действиям. И хотя война официально не была объявлена англичанам, слово «джихад», неоднократно повторенное эмиром в его выступлениях, было широко подхвачено населением и приграничными племенами. Война оказалась неизбежной.

Англичане, со своей стороны, также готовились к войне, хотя для них оказалось неожиданным решение Кабула начать военные действия. Численность британской колониальной армии в Индии достигала 340 тыс. человек, значительная их часть (140 тыс.) была подтянута к афганской границе¹⁸. Им противостояла 50-тысячная афганская армия, плохо обученная и слабо вооруженная. Большая ставка делалась на предполагаемое всеобщее восстание племен «независимой полосы». Среди них распространялись воззвания с призывом к

джихаду, проводились племенные джирги. На территории самой Британской Индии, в Пешаваре, 5 мая афганское почтовое агентство распространило воззвание Амануллы с призывом к джихаду и листовки аналогичного содержания.

Кроме того, Аманулла надеялся на помощь эмигрантского «Временного правительства Индии», которое обосновалось в Кабуле в годы Первой мировой войны, и, по некоторым данным, заключил с ним тайный договор, которым подтверждалась правомерность проведения военных операций на территории Индии¹⁹.

Эмир разработал план предстоящих военных действий, который состоял из трех частей и охватывал соответственно три фазы: 1) с 6 по 26 мая — продвижение в Хайбарском проходе; 2) с 26 мая по 2 июня — захват приграничной территории на Южном фронте (в Куррамской долине); 3) с 3 июня по 8 августа — прекращение военных действий со стороны регулярных частей и продолжение действий пограничных племен. Соответственно, афганские войска были сосредоточены на трех направлениях (фронтах) — Восточном, Южном и Кандагарском.

Назначенный главнокомандующим армией недавно занявший должность министра обороны генерал Салех Мухаммад возглавил восточную группировку войск. Не согласуясь с генеральным планом, в конце апреля он преждевременно начал выдвижение своих частей, заняв пограничный город Дакка. 3 мая его подразделения пересекли границу и 6 мая заняли местечко Баг, а также высоты вокруг населенного пункта Ланди Коталь. К нему присоединились местные ополчения племен шинвари и момандов. Заняв выжидательную позицию, генерал потерял время для решительных действий: в Ланди Котале был слабый гарнизон, причем часть его — 500 солдат — состояла из местных жителей, которые в последующем дезертировали. Однако афганский генерал не решился сразу атаковать город.

Тем временем к англичанам подошли подкрепления, и они повели наступление, отбросив афганские части в Дакку. Нападение отрядов местных племен афридиев 11 мая на британскую колонну не принесли перевеса афганским войскам. 12 мая англичане бомбили Дакку и на следующий день заняли город. При этом генерал Салех Мухаммад получил ранение. 24 мая британские самолеты бомбили Джалалабад и Кабул, вызвав панику среди местных жителей и побудив, как считают английские историки, эмира Амануллу 31 мая просить англичан о перемирии²⁰.

Иная обстановка складывалась на Южном фронте, войсками которого командовал генерал НаDIR-хан. Его штаб располагился в городе Хост, недалеко от границы, на противоположной стороне которого находился укрепленный форт Тал, где сосредоточились основные силы англичан на этом фронте. 19 мая афганские войска подошли к пограничному пункту Матун, а 23 мая заняли местечко Спинвам, в предместьях Тала. Опасаясь всеобщего выступления местных племен масудов и вазиров, англичане начали спешно отводить свои подразделения, покидая пограничные посты. Отступая, они были атакованы племенными ополчениями. Местная милиция, набранная из племен, разбежалась. 28 мая НаDIR-хан, используя мощь своей тяжелой артиллерии, штурмом взял форт Тал, подняв афганский флаг. Англичане были вынуждены снять часть своих войск с перевала Хайбар на Восточном фронте и перебросить в район Тала. Дальнейшее наступление афганцев было приостановлено, так как в Кабуле было принято решение заключить перемирие. Военные действия велись и в Читрале, который был довольно быстро захвачен афганскими войсками, однако вскоре они были вынуждены отступить под напором превосходящих сил противника.

На Кандагарском фронте, которым командовал премьер-министр Абдул Куддус, действия афганцев оказались неудачными: 24 мая английские войска штурмом взяли афганский пограничный форт Спинбулдак. Афганцы мужественно защищали город, понеся тяжелые потери. Дальше англичане не продвинулись.

28 мая Аманулла отправил вице-королю письмо, в котором, по утверждению английского генерала Перси Сайкса, заявил, что действия генерала Салех Мухаммада носили сугубо оборонительный характер, пожаловался на бомбардировки, назвав их «неоправданными актами агрессии». Он подчеркнул тем не менее, что готов проявить великодушие и уже отдал приказ остановить военные действия²¹. В ответном послании лорд Челмсфорд выдвинул свои условия для заключения перемирия: для восстановления мира Афганистан должен пройти испытательный период сроком 6 месяцев, и если эмир за это время продемонстрирует признаки дружбы, тогда будет заключен «Договор о дружбе»²². Отвечая ему 21 июня, Аманулла отверг предлагаемые условия, но согласился послать делегацию в Индию 15 июля для их обсуждения²³.

24 июля афганская делегация во главе с двоюродным братом эмира Амануллы Али Ахмад-ханом направилась в Индию и 28 июля прибыла в Равалпинди. Британскую делегацию воз-

главлял секретарь по иностранным делам правительства Индии Гамильтон Грант. Переговоры были трудными и длились больше недели. Англичане пришли к пониманию, что нельзя более откладывать признание независимости, ибо это приведет к возобновлению военных действий. Впрочем, вице-король считал, что это не должно особенно беспокоить англичан, поскольку «Аманулла вскоре должен понять, что он не сможет управлять своей страной самостоятельно»²⁴.

19 августа главы делегаций подписали прелиминарный (предварительный) мирный договор. Он провозглашал наступление мира со дня подписания документа. Британское правительство заявило о прекращении выплаты эмиру субсидии и выразило готовность «восстановить дружественные отношения» с Афганистаном. Была достигнута договоренность вновь провести переговоры через шесть месяцев для обсуждения вопросов, «представляющих взаимный интерес». В документе ни слова не было сказано о признании независимости Афганистана. К соглашению, впрочем, было приложено личное письмо Г. Гранта главе афганской делегации Али Ахмаду, в котором британский представитель пытался разъяснить, что сам текст соглашения подразумевает официальное признание независимости Афганистана во внутренних и внешних делах²⁵.

По возвращении в Кабул Али Ахмад был встречен без особого энтузиазма. Его упрекали, что он слишком увлекся идеей «независимости» и не смог добиться других многих важных уступок. Недовольный Аманулла посадил его под домашний арест. Однако благодаря заступничеству всесильной Улья Хазрат (будучи ее племянником, Али Ахмад собрался жениться на одной из ее дочерей) он вскоре вышел на свободу.

Самого же Аманулла ждал полный триумф после подписания прелиминарного договора в Равалпинди. Он получил титул «гази» («победитель»), поднялся его престиж среди мусульман всего мира, многие прочили его в лидеры всех мусульман в условиях ослабления авторитета турецкого халифа. Однако сам Аманулла считал это преждевременным.

21 августа Аманулла выступил на Дарбаре, провозгласив полную свободу и независимость Афганистана. С тех пор этот день отмечается в Афганистане как День независимости.

Впрочем, эмир Аманулла заплатил большую цену за независимость: ему пришлось отказаться от поддержки пуштунских племен «независимой полосы» и, согласно статье 5-й Соглашения, признать «линию Дюранда» государственной границей Афганистана²⁶.

События в Афганистане вызвали большой интерес в Москве. Советское руководство пришло к пониманию необходимости проводить более активную политику на Востоке. Первая советская дипломатическая миссия была сформирована в Туркестане, так как связь между Средней Азией и Центром была разорвана. Главой миссии был назначен Николай Бравин, бывший царский дипломат, до этого служивший в Персии. Официально он был представителем Туркестанской Республики. Однако Москва не доверяла Бравину.

Одновременно в Россию отправилась афганская дипломатическая миссия во главе с Мухаммадом Вали-ханом, которая затем намеревалась проследовать в Европу и Америку для установления дипломатических отношений с Западом. Миссия прибыла в Ташкент 4 июня 1919 г., но, поскольку в это время в России шла гражданская война, задержалась в Ташкенте, учредив там генеральное консульство, и лишь 10 октября прибыла в Москву. Она была тепло встречена советскими руководителями. 14 октября с членами делегации встретился глава российского правительства В.И. Ленин. Отвечая на его приветствие, Мухаммад Вали выразил надежду, что Советская Россия поможет странам Востока освободиться от «угнетения со стороны европейского империализма»²⁷.

Миссия Н. Бравина, в свою очередь, 29 апреля перешла афганскую границу и, остановившись в афганском пограничном селении Хамьяб, отправила эмиру послание от главы дипломатического ведомства Туркестанского правительства. Однако вскоре члены миссии были неожиданно арестованы и помещены в тюрьму, где просидели 10 дней, так и не получив разрешения ехать в Кабул. Советские дипломаты были вынуждены вернуться в Туркестан. Вскоре выяснилась подоплека этих событий: губернатор Мазари-Шарифа, на территории которого остановилась миссия, был сторонником опального принца Насруллы и препятствовал установлению контактов нового эмира с внешним миром²⁸.

Аманулла, узнав о задержании советской миссии, был разгневан, и губернатор сам угодил в тюрьму. Эмир распорядился принять миссию, но Бравин в это время был уже в Ташкенте, где встретился с Мухаммадом Вали-ханом. От него советский посол узнал, что Афганистан ведет войну с Великобританией. Там же его разыскал посланец нового губернатора Мазари-Шарифа и сообщил о согласии афганского правительства принять советского представителя²⁹.

Между тем еще 7 мая 1919 г. в Москве В.И. Ленин принял главу Индийского эмигрантского правительства М. Барака-

туллу, который передал ему предложение афганского правительства об установлении дипломатических отношений и предложил заключить союз между Россией и Афганистаном, направленный «против общего врага» — Великобритании³⁰. После этого Кремль наконец официально назначил Н. Бравина своим послом.

Новая попытка миссии Бравина в июне 1919 г. пересечь Амударью в районе Мазари-Шарифа также оказалась неудачной: баржа была обстреляна туркменами. Позже выяснилось, что этот инцидент был спровоцирован англичанами, пытавшимися не допустить советского представителя в Афганистан. Тогда миссия двинулась на лошадях через Кушку и Герат. Однако, к удивлению советских дипломатов, их вновь задержали, на этот раз в Герате, и они просидели там 19 дней, изолированные от всяких контактов с местным населением, ожидая разрешения из Кабула. Позже стало известно, что эта пауза была вызвана тем, что Аманулла ожидал исхода переговоров в Равалпинди и, вероятно, боялся их срыва из-за приезда советской миссии. 25 июля наконец они выехали из Герата и 21 августа прибыли в афганскую столицу.

Миссия была торжественно встречена министром иностранных дел М. Тарзи и генерал-адъютантом эмира турком Махмудом Сами. Примечательно, что к этому времени в Кабуле находились 36 белогвардейских офицеров, а их лидер — бывший руководитель левых эсеров Туркестана офицер Н. Черневский — был аккредитован при правительстве Амануллы-хана в качестве официального представителя «Сибирского правительства Колчака». Он тщетно требовал от эмира не принимать советское посольство³¹. Получив от афганцев сообщение о подписании англо-афганского прелиминарного договора в Равалпинди (а Бравин был послан в Кабул добиваться продолжения войны Афганистана с Англией), миссия оказалась в сложном положении.

На приеме у Амануллы 26 августа Бравин вручил ему верительную грамоту и письмо председателя Реввоенсовета Л.Д. Троцкого. Он заявил о готовности Советской России оказать Афганистану всестороннюю помощь. Однако эмира на этой первой встрече не покидали мысли о том, могут ли русские представлять опасность для Афганистана, как об этом ему втолковывали англичане, и как можно использовать связи с Россией для укрепления суверенитета. Бравин же был в растерянности, не зная, что в дальнейшем предпринять.

На последующих встречах с эмиром в ответ на предложение советской миссии открыть консульства и плохо скрывае-

мый нажим на него с целью заставить продолжить военные действия против англичан (а в состав миссии были включены три военных специалиста) Аманулла потребовал военную помощь, и Бравин, не имея санкций из Москвы, на свой страх и риск, обещал ему оружие и боеприпасы, как только откроется путь из Центра в Туркестан. Тем не менее эмир обставил функционирование миссии жесткими условиями, в том числе потребовал гарантии, что сотрудники посольства не будут заниматься большевистской пропагандой, с чем Бравину пришлось согласиться. В октябре в Афганистане были открыты три советских консульства — в Мазари-Шарифе, Маймане и Герате.

Однако у Бравина не сложились отношения с другими членами миссии: на него писали доносы, смысл которых сводился к тому, что он пытается «удрать в Персию». Доверие Москвы, и так небольшое, было окончательно утрачено. Кремль начал готовить нового человека на должность посла в Афганистане. Им стал Яков Суриц, журналист, представитель НКВД в Туркестане. 23 июня 1919 г. он получил верительную грамоту, подписанную Лениным и народным комиссаром по иностранным делам Чичериным. Бравину телеграммой дали понять, что он будет работать в Кабуле в подчинении у Сурица.

По приезде Сурица в декабре 1919 г. в Кабул Бравин отказался подчиняться ему, пока из Москвы и Ташкента не пришло подтверждение полномочий нового посла и требование об отзыве в Россию Бравина «для отчетности». В феврале 1920 г. обиженный Бравин подал заявление об отставке. Однако он не вернулся в Россию, а остался в Афганистане на положении частного лица и с одобрения эмира стал читать лекции по международному праву в министерстве иностранных дел³². Вскоре стало известно, что Бравин запросил разрешение у афганцев на проезд в Индию, намереваясь оттуда попасть в Персию. Москва была немало встревожена, опасаясь, что опальный дипломат может увезти с собой важные документы, которые станут достоянием англичан. Афганцы тоже не были заинтересованы в отъезде Бравина в Индию, боясь тем самым испортить отношения с Москвой³³.

В январе 1921 г. ситуация обострилась окончательно, когда Бравин попытался вступить в контакт с членами британской дипломатической миссии Г. Доббса, прибывшей в Кабул для подготовки подписания англо-афганского договора. Эмир потребовал, чтобы Бравин незамедлительно покинул Афганистан³⁴. В январе 1921 г. Бравин в сопровождении афганской

охраны отправился в Индию, прихватив с собой ряд важных документов. Во время остановки в Газни он был убит одним из его охранников³⁵. Так завершилась история первой советской дипломатической миссии в Кабул.

Между тем положение нового советского посла в Кабуле было крайне сложным. Дело в том, что Москва и Туркестанское правительство ставили ему разные задачи в Афганистане. И если Ташкент под давлением командования Туркестанского фронта настаивал на возобновлении военных действий между Афганистаном и англичанами и посему требовал от Сурица заключения с афганцами военно-политического союза³⁶, то Москва выступала за подписание договора общего характера, опасаясь обострения советско-британских отношений.

В этот же период в Лондоне начались советско-английские переговоры, и 16 марта 1921 г. состоялось подписание торгового соглашения между двумя странами, поэтому Кремль не хотел быть втянутым в военные действия между афганцами и англичанами. Чичерин был категорически против какого-либо военного союза с Афганистаном, даже оборонительного³⁷.

И хотя текст советско-афганского договора был в основном согласован с афганцами, эмир настаивал на включении в него конкретных цифр военной помощи. Он просил 80—100 тыс. винтовок, полторы тысячи пулеметов и 50 млн рублей золотом. Это напоминало ситуацию 1915 г., когда эмир Хабибулла выдвинул свои условия миссии Хентига. На сей раз просьбы Амануллы тоже оказались непомерными. Русские дипломаты были в недоумении. И они выдвинули свои контрпредложения: один миллион золотом, 5 тыс. винтовок, причем при условии, что Кабул пропустит еще 10 тыс. винтовок племенам на британской границе. В пакет помощи входили также 12 аэропланов, 8 зенитных орудий, радиоустановка и оборудование для завода бездымного пороха³⁸. Москва, однако, не давала своему послу однозначных санкций на конкретные объемы военной помощи.

Сбитый с толку советский посол был вынужден в январе 1920 г. приостановить переговоры. Однако афганцы торопили его с окончанием переговоров, понимая, что в случае затяжки диалога в Кабуле дискуссии в Лондоне могут негативно отразиться на советско-афганских отношениях. Афганцы были явно не в восторге от факта советско-британских контактов и не скрывали этого от советского посла. Суриц отвечал, что афганцы сами ведут переговоры с англичанами. Дей-

ствительно, в марте 1920 г. вице-король лорд Челмсфорд предложил Аманулле продолжить переговорный процесс. Глава афганской делегации М. Тарзи готовился выехать в Индию и, естественно, хотел иметь на руках козыри в виде обещанной советской военной помощи и самого переговорного процесса с Советами.

Наконец Суриц получил из Москвы категорический запрет подписывать договор о военном союзе³⁹. Это ломало всю структуру согласованного текста: там оставалось лишь обещание об односторонней военной помощи. Посол узнал, что в Ташкенте параллельно ведутся переговоры с афганцами о заключении военно-политического союза и даже разрабатываются планы военных действий.

В Кабуле, в свою очередь, не было единого мнения о том, что делать с англичанами. Военный министр Надир-хан занял непримиримую позицию, настаивая на отказе от переговоров с британцами, скорейшем заключении советско-афганского договора и ужесточении антианглийской политики. Министр иностранных дел М. Тарзи считал, что тесное сближение с Россией угрожает афганской независимости, приводя примеры Хивы и Бухары, которые подверглись давлению со стороны большевиков, и ссылаясь на отказ Москвы идти на территориальные уступки.

Тем временем приближалось начало переговоров афганцев с англичанами, а эмир не знал окончательной позиции советского правительства. 27 марта 1920 г. состоялась встреча советского посла с Амануллой, на которой присутствовали Надир-хан и М. Тарзи. Эмир вначале поддержал Надир-хана и высказал идею об участии Афганистана с советской военной помощью в широкомасштабных антианглийских военных действиях в регионе. Однако Суриц не мог дать конкретных обещаний, и Аманулла был вынужден склониться на сторону более гибкой позиции М. Тарзи и послать делегацию в индийский город Майсур для ведения переговоров с англичанами⁴⁰.

Англо-афганская встреча в Майсуре началась 18 апреля 1920 г. Афганская делегация во главе с М. Тарзи втянулась в длительные, почти четырехмесячные переговоры, завершившиеся лишь 24 июля. Британскую делегацию возглавлял секретарь по иностранным делам правительства Индии Генри Доббс. Важнейшим вопросом на переговорах стало решение проблем восточных пуштунских племен, в соответствии с которым их территория должна быть возвращена Афганистану или им должна быть предоставлена независимость. Это был

первый случай, когда афганцы поставили вопрос о самоопределении зарубежных пуштунов⁴¹. Англичане категорически отвергли эту идею.

Лондон всячески тормозил установление дипломатических отношений, ибо это означало бы окончательное признание независимости Афганистана. Стороны в Майсуре не достигли конкретных договоренностей, кроме декларации о желании установить обмен официальными представительствами. Афганцы подверглись сильному давлению и вынуждены были заявить о гарантии недопущения антибританской пропаганды (скорее всего советской) в Индии, однако на разрыв отношений с Советской Россией не пошли, чего так добивались англичане.

В ситуации неопределенности отношений с Россией и военных акций большевиков в Средней Азии эмир Аманулла занял более гибкую позицию в отношении двух соперников — Англии и России. В то же время отсутствие заметных результатов в советско-английских переговорах в Лондоне побудило Москву форсировать подготовку и подписание советско-афганского договора. 16 мая Суриц заявил эмиру о намерении возобновить переговоры и подписать договор.

26 мая советский посол передал афганцам свой прежний проект договора. Аманулла в свою очередь выдвинул ряд требований, отвергнутых Сурицем, который категорически заявил, что в основу договора должен быть положен советский проект. Афганцы были вынуждены согласиться. Советские условия были следующими:

- правительство Афганистана дает обязательство не вступать со своей стороны в соглашение с третьей державой, если оно направлено против России;
- советская сторона получает в Афганистане полноправное дипломатическое представительство с детальным перечислением всех прав;
- из проекта договора исключаются пункты о Хиве и Бухаре;
- разрешается ведение советской пропаганды на границе Афганистана с Индией;
- афганское правительство дает обязательство передавать пограничным племенам все предназначенное для них оружие;
- разрешается открытие советских консульств в ранее указанных пунктах⁴².

Между тем 2 августа из Индии вернулась делегация М. Тарзи, которую торжественно встречали в Кабуле. Тарзи заявил,

что началась новая эра для Афганистана. Негативную реакцию советских представителей Кабул пытался смягчить заверениями о том, что в отношениях между Афганистаном и Великобританией никаких изменений не произойдет⁴³. Тем временем в афганскую столицу стали поступать слухи о событиях в Бухаре. Советское представительство не делилось с афганцами соответствующей информацией. Предвидя резкую реакцию на предстоящее свержение бухарского эмира Сеид Алим-хана (а Аманулла ранее оказал военную помощь Бухаре, послав туда военных инструкторов, солдат и оружие), Суриц по требованию Москвы форсировал подписание договора. На последней встрече с афганцами он согласился снять из проекта пункт о ведении пропаганды на границе с Индией⁴⁴.

Когда весть о падении Бухары пришла в Кабул, все было готово к подписанию советско-афганского Договора о дружбе. 13 сентября 1920 г. он был подписан. Советская сторона взяла на себя по договору выполнение следующих обязательств:

- предоставление афганскому правительству ежегодной субсидии в размере 1 млн рублей в золоте и серебре;
- оборудование телеграфной линии Кушка-Герат-Кандагар-Кабул;
- передача Афганистану 12 аэропланов и организация школы авиации;
- поставка двух батарей с 8 зенитными орудиями;
- предоставление Афганистану 3 тыс. винтовок и патронов к ним;
- строительство завода бездымного пороха в Афганистане⁴⁵.

Россия получила право открыть консульства в Мазари-Шарифе, Маймане, Герате, Кандагаре и Газни, а Афганистан — в любом городе советского Туркестана и в Петрограде.

Статья 8-я договора предусматривала признание «действительной независимости и свободы Хивы и Бухары при любой существующей там форме правления». Это была уступка большевиков Аманулле, которая укрепила престиж эмира в мусульманском мире как борца за исламскую солидарность. Впрочем, подписание договора состоялось уже после того, как большевики свергли бухарского эмира и установили там свою власть, что, естественно, исключало «действительную независимость» Бухары, о которой шла речь в тексте договора.

По статье 9-й советская сторона «согласилась передать Афганистану пограничные районы, принадлежавшие последнему в прошлом веке (имелся в виду Пендинский оазис, захва-

ченный Россией в конце XIX в. — В.К.), следуя принципам справедливости и самоопределения населения этих районов»⁴⁶ В последующем этот пункт так и не был выполнен.

В той же статье значилось, что стороны «обязуются не вступать в военные или политические соглашения с третьими странами, которые могут быть враждебными одной из сторон»⁴⁷. Это было, пожалуй, самое важное для Москвы положение договора, ибо оно теоретически блокировало возможность создания союза между Афганистаном и Великобританией.

Когда в Лондоне получили первые известия о подписании советско-афганского договора, некоторые представители консерваторов в парламенте отказывались этому верить. Лорд Сайденхем заявил в палате лордов, что сведения, видимо, не соответствуют действительности. В ответ заместитель секретаря по иностранным делам лорда Керзона Литтон был вынужден его разуверить: «Мы давно подозревали, что большевистское правительство ведет переговоры с Афганистаном»⁴⁸.

Лондон по-прежнему придерживался жесткой позиции, а в это время в Афганистане изменилась ситуация: там явно обозначилось укрепление советского влияния. Учитывая это обстоятельство, британское правительство направило 7 января 1921 г. в Кабул миссию секретаря по иностранным делам правительства Индии Генри Доббса. Стремясь не допустить ратификации советско-афганского договора, в свою очередь, англичане предложили эмиру проект англо-афганского соглашения. Изображая Россию как разоренную и истощенную страну, неспособную выполнить взятые обязательства и оказать реальную помощь, они давали эмиру щедрые обещания, перемежая их с угрозами. По сообщению советского дипломата Ф. Раскольникова, они «прозрачно намекали на возможность полного соглашения Англии с Советской Россией по восточным делам» и, как следствие, «вторичное оставление Россией Афганистана на произвол судьбы, как это было во времена “столетовского предательства Шер Али-хана в 1878 г.”»⁴⁹. Как средство воздействия на афганцев англичане использовали тезис о большевиках «как разрушителях религии, врагах всякой церкви и принципиальных противниках монархической формы правления»⁵⁰.

В Москве сначала не спешили с ратификацией советско-афганского договора, намереваясь выяснить действительную позицию афганцев после приезда миссии Г. Доббса. Однако афганцы торопили с ратификацией. В конце концов 28 февраля 1921 г. договор был ратифицирован в Москве народным

комиссаром иностранных дел Г. Чичериным и заведующим восточным отделом НКВД Л. Караханом.

Афганцы тем временем не только не прекратили переговоры с англичанами, на что рассчитывала Москва, но и склонялись к тому, чтобы принять их требования о недопустимости открытия советских консульств не только в южном, но и в северном Афганистане. В этой ситуации договор с Россией во многом терял свой смысл. Такая ситуация характеризовалась кризисом в отношениях двух стран, который продолжался до конца осени 1921 г.

В июле 1921 г. в Кабул прибыл новый посол Ф. Раскольников, который привез 500 тыс. рублей — половину из обещанной ежегодной субсидии Афганистану. В Кабул также прибыли два аэроплана в счет военной помощи. Раскольников сразу почувствовал, что обстановка складывалась неблагоприятно для развития советско-афганских отношений. Стало известно, что англичане обещали эмиру 20 тыс. винтовок, 20 батарей полевых орудий, вооружение для 20 пулеметных рот и ежегодную субсидию в размере 4 млн рупий, а также выплату еще 40 млн, обещанных в свое время эмиру Хабибулле за нейтралитет в Первой мировой войне, если он развернет антисоветскую пропаганду в мусульманских странах и будет вести переговоры с другими государствами при посредничестве британского правительства⁵¹.

Г. Доббс заявил, что его правительство признает независимость Афганистана при условии разрыва дипломатических отношений с Советской Россией, удаления из Кабула советского посольства и беспрепятственного пропуска через афганскую территорию английских агентов для ведения антисоветской пропаганды в Средней Азии⁵². Требования англичан были явно чрезмерными, особенно о возвращении британского контроля над внешней политикой, и афганцы отвергли их. Они снова оказались перед необходимостью ратифицировать советско-афганский договор. 1 августа эмир пригласил к себе Ф. Раскольникова и Я. Сурица и заявил, что 3 августа договор будет ратифицирован, если русские примут его условия:

- советская сторона подтверждает свой временный отказ от открытия консульств в восточном Афганистане;
- советская сторона дает обещание, что между обеими странами будет заключен торговый договор;
- статья о транзите афганских грузов через советскую территорию должна распространяться и на военные грузы, приобретенные Афганистаном как в России, так и в других странах;

— должно быть подтверждено, что вся обещанная советским правительством по договору помощь будет безвозмездной;

— дипломатические представители России дадут от имени своего правительства письменные гарантии, что советская сторона отказывается от пропагандистской работы против существующих в Афганистане правительства и строя⁵³.

Советские дипломаты были вынуждены согласиться со всеми требованиями эмира. 3 августа в Кабуле открылось заседание правительственных чиновников, представителей сардаров, духовенства, купцов и пограничных племен масудов и вазиров — всего 300 человек. Примечательно, что, несмотря на то, что все присутствующие дали клятву на Коране не разглашать обсуждаемые вопросы и итоги заседания, в советском посольстве получили полный отчет о ходе заседаний.

Особых дискуссий на заседании, впрочем, не было, ибо эмир высказался с полной определенностью. С возражением выступил лишь Абдул Хади Дави, который поднял вопрос о действиях большевиков в Бухаре, но и ему пришлось выбирать из двух зол меньшее, так как требования англичан оказались неприемлемыми для всех, даже для англофилов. Большую поддержку эмиру оказал военный министр Надир-хан. 5 августа договор был ратифицирован, и это окончательно разрушило надежды англичан вернуть Афганистан в орбиту своего влияния. Раскольников вручил эмиру 500 тыс. рублей золотом как часть обещанной ежегодной субсидии⁵⁴.

Тем временем во время нахождения в Кабуле британской миссии Г. Доббса в столицу прибыли 420 посланцев населения полосы независимых племен Британской Индии, требуя присоединить их территорию к Афганистану и отказаться от признания «линии Дюранда», выразив готовность начать вооруженную борьбу против Великобритании. Поэтому на переговорах с англичанами афганская делегация предлагала обеспечить хотя бы минимальную свободу для жителей пограничных районов Британской Индии. В ответ англичане не только отказались от этого предложения, но и потребовали в качестве предварительного условия установления межгосударственных отношений между Великобританией и Афганистаном проведение Кабулом односторонней дружественной политики по отношению к Англии и отказа от поддержания добрососедских связей с Советской Россией.

В этих условиях, когда договор с Россией уже был ратифицирован, афганцы демонстративно прервали переговоры

с англичанами. Спустя некоторое время англичане, стремясь сохранить уже вытребованные у афганцев условия, заявили о готовности подписать англо-афганский договор на принципах, удовлетворяющих обе стороны, отказавшись от жестких требований. Пойдя на скорейшее подписание договора, они не скрывали, что теперь он главным образом направлен против усиливавшегося влияния Советской России в Афганистане.

Англо-афганский договор был подписан 22 ноября 1921 г. Он подтвердил полную независимость Афганистана и установил обмен дипломатическими представителями между Лондоном и Кабулом. Статья 2-я договора фиксировала «линию Дюранда» в качестве государственной границы. Статья 4-я предусматривала открытие английских консульств в Кандагаре и Джалалабаде и афганских — в Калькутте, Бомбее, Карачи, Пешаваре и Кветте. Статья 6-я разрешала афганцам ввозить оружие через территорию Британской Индии «до тех пор, пока английское правительство уверено в дружественных намерениях Афганистана и в отсутствии угрозы Индии с его стороны». Статья 7-я предоставляла право беспопытного ввоза товаров в Афганистан через территорию Британской Индии. Согласно статье 8-й, Афганистан мог открыть свои торговые миссии в Пешаваре, Кветте и Парачинаре. Статья 12-я предусматривала подготовку и подписание торгового соглашения между двумя странами. Договор был подписан М. Тарзи и Г. Доббсом⁵⁵. После подписания договора в Лондоне было открыто афганское посольство, которое возглавил Абдул Хади Дави. Англичане открыли свое посольство в Кабуле. В 1923 г. было подписано англо-афганское соглашение о торговле.

Подписание Афганистаном договоров с двумя великими державами подтвердило прогноз Ф. Раскольниково о том, что афганцы, не разрывая ни с Англией, ни с Россией, «установят status quo с обоими государствами» и, лавируя между ними, будут «извлекать все возможные выгоды из обеих сторон»⁵⁶.

В этой дипломатической борьбе двух соперничавших держав в Афганистане ни одна из них не могла считать себя победительницей, в то время как Афганистан добился своей главной цели — юридического закрепления своего независимого положения и обрел статус полноправного субъекта международных отношений.

После подписания договоров с Россией и Англией Аманулла устремился к установлению отношений с другими странами. С этой целью он дал указание М. Тарзи послать дипломатическую миссию за рубеж. Как уже говорилось, такая мис-

сия во главе с М. Вали-ханом выехала в Россию. В октябре 1919 г. она прибыла в Москву и была тепло встречена советскими руководителями. В ноябре 1919 г. ее дважды принимал Ленин, пообещав всяческую поддержку Афганистану.

Из России миссия проследовала в Европу. Она посетила Прибалтику, Польшу, Бельгию, Францию и США. В Вашингтоне члены миссии были приняты президентом Хардингом, что означало фактическое признание независимости Афганистана, однако американцы уклонились от установления дипломатических отношений, ссылаясь на необходимость получить разрешение от Конгресса. Далее миссия посетила Англию, но англичане отказались вести переговоры с Мухаммадом Вали-ханом как с официальным представителем афганского правительства, поскольку договор тогда еще не был подписан, и афганцы уехали ни с чем. В результате в 1921—1922 гг. Афганистан смог установить официальные отношения лишь с Францией, Италией и Германией.

Важное значение для Афганистана имели его отношения с Персией и Турцией. Турецкие руководители, в первую очередь Джемаль-паша, сыграли большую роль в укреплении советско-афганских отношений: они многое сделали для того, чтобы развеять недоверие афганцев к новой России и убедить их в том, что Россия может помочь панисламизму на Востоке. Аманулла по праву оценил важность усилий руководителей Турции. В письме Ленину в декабре 1920 г. он писал, что Джемаль-паша продемонстрировал афганцам «благородные идеи и намерения Советской Республики в вопросах освобождения народов Востока» и сообщил им о моральной и материальной поддержке, оказанной Советами Турции.

21 марта 1921 г. в Москве был подписан афгано-турецкий договор, подтвердивший независимость Турции и признавший Афганистан «независимым в полном и реальном значении этого слова». В документе было признано право всех народов Востока на абсолютную свободу и независимость. Турция и Афганистан договорились не заключать соглашений с третьими странами, если возражает одна из договаривающихся сторон, и информировать друг друга о предстоящем заключении каких-либо соглашений с другими государствами. Теоретически это давало возможность обеим странам участвовать во внешней политике друг друга. Турция обязалась прислать в Афганистан военных специалистов для реорганизации афганской армии и специалистов в области образования на срок не менее пяти лет с правом последующего продления по желанию афганского правительства. До-

говор явно был пронизан панисламизмом. Обе страны приветствовали «пробуждение Востока», признавали независимость Хивы и Бухары, призывали к установлению близких отношений со всеми мусульманскими странами. Особая статья была посвящена роли Турции как хранителя ислама и местонахождения халифа⁵⁷.

22 июня 1921 г. Афганистан подписал договор о дружбе и нейтралитете с Персией. Особенно важной для Афганистана была его экономическая часть: это было первое для Афганистана соглашение о таможене и почтовом сообщении. Подписав договор, Аманулла не только укрепил позиции Афганистана в регионе, но и поднял свой авторитет среди шиитов в собственной стране⁵⁸.

На первом этапе своего правления Аманулла проводил активную панисламскую политику. Вскоре после его восшествия на престол он предпринял попытку улучшить отношения с соседней Бухарой. В этой связи его мать Улья Хазрат направила длинное послание бухарскому эмиру Сеид Алим-хану, в котором убеждала его, что восстановление исламского единства возможно лишь благодаря совместным усилиям народов Афганистана и Бухары, а также остального исламского мира. В этой связи, писала она, Афганистан проявил добрую волю и искренность: Аманулла подписал договор с Россией при условии признания независимости Бухары⁵⁹.

Выступая в феврале 1920 г. по случаю годовщины убийства эмира Хабибуллы, Аманулла заявил, что он «видит угрозу несчастий, нависшую над исламским миром»: великие державы Европы планируют разрушить халифат как институт. Он сообщил, что индийские мусульмане, поддерживаемые индусами, угрожают эмигрировать из Индии, если проблема халифата не будет решена в соответствии с их пожеланиями. Эмир предупредил англичан, что любое вмешательство в дела халифата противоречит достоинству Афганистана⁶⁰.

Стремясь стать лидером панисламистов, Аманулла заручился согласием большевиков признать независимость Хивы и Бухары, которая была провозглашена в одностороннем порядке после Октябрьской революции в России. В октябре 1919 г., отвечая на просьбу эмира бухарского, он послал отряд солдат и оружие в помощь эмиру в его борьбе против большевиков. Более того, он установил дипломатические отношения с Бухарой. Эмир также наладил связи с руководителями басмаческого движения в Туркестане. Это вообще-то выходило за рамки панисламизма: Аманулла рассчитывал в лице эмира бухарского создать буфер между Афганистаном и

Советской Россией. Афганский эмир решил использовать поддержку, оказываемую Бухаре, для нажима на Великобританию, спекулируя на ее страхах перед «красной угрозой». И если бы Туркестан действительно отделился от России, то Бухара оказалась бы центром подконтрольной Афганистану Среднеазиатской конфедерации⁶¹.

Аманулла поддерживал также религиозно-политическое халифатистское движение в Индии, участники которого добивались права на самоопределение всех народов и поддержку духовного лидерства турецкого султана. Многие индийские мусульмане, боровшиеся против распада Османской империи и за сохранение за султаном роли духовного вождя мусульман как условия для достижения мусульманского единства, осудили британскую политику в отношении Османской империи и халифата и покинули Индию летом 1920 г. Более 20 тыс. мусульман двинулись в Афганистан, тепло встреченные Амануллой. Однако большинство из них были обездоленными людьми и не только ожидали гостеприимства со стороны афганских властей, но и надеялись получить землю, как им было обещано их лидерами. Некоторые из этих лидеров даже предлагали Аманулле начать войну против Индии и освободить индийских мусульман⁶².

Между тем большевики не хотели мириться с существованием независимых «деспотических анклавов» — Хивы и Бухары — на территории революционного Туркестана. Они начали подготовку к свержению эмира бухарского. Опираясь на организованное ими «революционное выступление» бухарских коммунистов, Ташкент 1–2 сентября 1920 г. ввел в Бухару части Красной Армии, которые и совершили государственный переворот. Эмир был свергнут и с тысячью всадников бежал в Восточную Бухару. Власть в эмирате перешла в руки местных коммунистов, которые 14 сентября провозгласили Бухарскую Народную Советскую Республику. Афганские части, сражавшиеся в Бухаре на стороне эмира Сеид Алим-хана, покинули эмират вместе с отступавшими бухарскими войсками.

Получив известие о падении Бухары, эмир Аманулла оказался в замешательстве, не зная, что дальше предпринять. Советско-афганский договор был готов к подписанию, причем он был весьма выгодным для Афганистана. В то же время афганское руководство понимало, что, подписывая договор, оно как бы дает молчаливое согласие на оккупацию большевиками Бухары и несет вместе с ними ответственность за произошедшее. В конце концов Аманулла решился на подпи-

сание договора, что и произошло 13 сентября 1920 г. Посол Суриц, стремясь сгладить неприятную ситуацию, внушал эмиру, что советское правительство не причастно к событиям в Бухаре⁶³. В то же время он давал понять афганцам, что теперь в результате радикального изменения обстановки место стратегического союзника Афганистана взамен Бухары заняла Россия. Он потребовал вывода из Бухары афганских частей, ибо в их присутствии там отпала необходимость⁶⁴.

События в Бухаре были болезненно восприняты также афганским населением, среди которого распространялись слухи о бесчинствах, грабеже и насилии, чинимых большевиками в Бухаре. С резким осуждением действий большевиков выступил и сам эмир Аманулла на заседании Государственного совета⁶⁵. Тем не менее он был вынужден отказаться от оказания помощи бухарскому эмиру. 15 сентября новые власти Бухары предложили эмиру Аманулле установить дружественные межгосударственные отношения. Эмир согласился, и 20 октября в Бухару направилась афганская дипломатическая миссия во главе с заместителем иностранных дел Абдул Хади Дави. Ему были даны чрезвычайные полномочия в зависимости от ситуации установить отношения с новым правительством Бухары и выполнять обязанности посла вместо находившегося под арестом прежнего посла Абдушшукура. Власти Бухары потребовали от него гарантий невмешательства во внутренние дела республики. Хотя Аманулла и согласился с поставленными условиями, переход Бухары под власть большевиков был для него большой стратегической потерей, и он не оставил мысли и в дальнейшем оказывать влияние на события на ее территории. Тем временем Москва, чтобы успокоить афганского эмира, решила оказать ему военную помощь, как и было условлено в договоре.

В то же время 4 мая 1921 г. Москва заключила с Бухарой военный союз, в соответствии с которым части Красной Армии могли официально находиться на территории республики.

Бухарский эмир между тем обратился к афганскому правительству с просьбой принять его в Афганистане. Однако Аманулла, только что подписавший договор с Россией, был вынужден в осторожной форме отказать ему. До марта 1921 г. Сеид Алим-хан оставался на территории Восточной Бухары, организуя басмаческое движение. Москва потребовала его отречения и сдачи. В то же время она опасалась, что, перейдя в Афганистан, он будет представлять постоянную угрозу новой Бухаре.

Тем временем новые власти в Бухаре, стремясь укрепить свои позиции, активно занялись налаживанием отношений с Афганистаном. 21 января 1921 г. они направили в Кабул посольство. Однако Москву совсем не устраивала самостоятельность Бухарской Республики. Летом 1922 г. НКВД РСФСР обвинил афганского посла в пособничестве басмачам и потребовал от Кабула его отзыва. В июле 1922 г. афганские послы в Бухаре и Хиве были вынуждены покинуть свои посты. Москва вслед за этим дала понять властям Бухары о нежелательности дальнейшего поддержания самостоятельных дипломатических отношений с Афганистаном⁶⁶.

Однако последующие события разворачивались для Москвы непредвиденным образом. В октябре в Бухаре стало известно, что туда направляется новое афганское посольство во главе с М. Тарзи. Считая его сторонником басмачей, Москва потребовала от своих представителей в республике не пускать его ни под каким предлогом. Вскоре, впрочем, выяснилось, что афганскую миссию возглавляет молодой дипломат Джума-хан, сын министра юстиции, получивший образование в Англии. Однако, хотя Москва и не имела к нему претензий, по ее требованию он был задержан на границе под предлогом, что на его миссию не было получено предварительное согласие.

В ответ бухарский посол в Кабуле Хашим Шаек заявил, что он согласовал этот вопрос и даже выдал афганским дипломатам визы на проезд в Бухару. НКВД был возмущен действиями бухарского посла в Кабуле, подписавшего с афганцами секретное соглашение о выводе войск Красной Армии из Бухары, и дал указание властям Бухары отозвать и арестовать его. Под давлением Москвы бухарское правительство в июле 1923 г. заявило афганцам о решении ликвидировать свою миссию в Кабуле⁶⁷. Так планы Аманулли влиять на события в Бухаре потерпели неудачу.

После образования СССР в 1922 г., когда все его республики стал представлять в Кабуле один человек — полномочный представитель СССР, он не представлял Бухару, формально соблюдая статью советско-афганского договора об уважении «действительной независимости Хивы и Бухары». Однако фактически зависимое положение Бухары от Кремля в любой момент могло стать почвой для новых конфликтов между СССР и Афганистаном. Это подтолкнуло советское руководство к ликвидации Бухарской Республики. Уже в 1924 г. от Бухары был отторгнут Амударьинский округ, вошедший в состав вновь сформированной Туркменской ССР, а территория

Восточной Бухары была преобразована в Таджикскую Автономную Область в составе Узбекской ССР. В 1929 г., после преобразования Таджикской Автономной Советской Социалистической Республики в Таджикскую ССР, территория одного из древнейших среднеазиатских государств вместе с его населением была окончательно разделена между тремя советскими республиками.

После 1922 г. Аманулла был вынужден ослабить свои панисламские устремления. Политические и экономические соображения требовали, чтобы Афганистан нормализовал отношения с Великобританией и свернул активность в Средней Азии, отказываясь от всесторонней помощи басмаческому движению. Одновременно дистанцируясь от Англии и России, эмир рисковал снова бросить страну в изоляцию, что послужило бы тормозом ее экономического развития.

В то же время после падения эмира бухарского, нашедшего в конце концов убежище в Афганистане, опасения Амануллы по поводу развертывания при содействии Москвы революционного движения среди этнических меньшинств Северного Афганистана возросли. Его тревожила и вероятность возникновения коммунистического движения в Афганистане вследствие большевистской пропаганды. Еще в 1919 г. Коминтерн предпринял неудачные попытки проникновения в Афганистан и подготовки там революционных кадров. Афганистан действительно был одним из объектов пропаганды со стороны Коминтерна, руководство которого находилось в Берлине. Подготовленные им памфлеты и листовки, призывавшие к созданию движений за национальное и социальное освобождение, распространялись в разных странах Востока⁶⁸. В декабре 1919 г. в Ташкенте был создан Совет интернациональной пропаганды, который развернул широкую пропагандистскую деятельность в Средней Азии и Афганистане, включая даже зону пограничных пуштунских племен. Этот Совет, формально подчинявшийся Турккомиссии РКБ(б), вскоре фактически превратился в филиал Коминтерна. Он тесно сотрудничал с советскими дипломатами в Кабуле. Целью советской пропаганды являлось создание революционных партий в Афганистане и Индии⁶⁹. Коминтерн даже планировал создание в Афганистане «индийской революционной армии», которая могла бы вторгнуться на индийскую территорию и, заняв часть ее, провозгласить там советскую власть⁷⁰.

Революционная пропаганда среди афганцев велась и за пределами Афганистана: афганские представители участвовали в заседаниях Конгресса народов Востока в Баку в сентябре

1920 г., а один из них даже был членом его президиума. Вернувшись на родину после окончания Конгресса, афганские делегаты развернули в стране работу по пропаганде освободительных идей Октября⁷¹.

Сведения об этом доходили до афганского правительства, и Аманулла стремился препятствовать распространению большевистской пропаганды на территории Афганистана. Он настаивал на том, чтобы все оружие, поступающее из России для индийских революционеров, переправлялось афганцами, а сами революционеры, прибывающие в Кабул, были безоружны. Советским дипломатам в Кабуле были запрещены любые контакты с индийцами и представителями пограничных племен. Эмир был категорически против использования Советами афганской территории в качестве базы для борьбы против Британской Индии и сам не был намерен участвовать в этом⁷².

В конце концов Аманулла вернулся к традиционной политике использования соперничества двух держав в регионе. Такой сдвиг в политике в этот период по существу означал сближение с Великобританией, что не могло не вызывать недовольство среди националистов. Весьма энергично против этого выступал Джемаль-паша, бывший министр правительства младотурок, приглашенный в Афганистан в 1921 г. для реорганизации афганской армии. Как уже говорилось, несмотря на все возражения Аманулла подписал договор с Англией 22 ноября 1921 г. Под давлением англичан эмир был вынужден упразднить советские консульства в Восточном Афганистане. Были также высланы из страны Махендра Пратап, Обайдulla Синдхи и Мухаммад Баракатулла (соответственно «президент», «премьер-министр» и «министр иностранных дел» «Временного правительства Индии»).

Прощаясь после подписания договора с членами британской миссии на специально устроенном приеме и вручая подарки ее главе Генри Доббсу, Аманулла сказал: «Нет сомнения, что наши отношения являются не дружественными, а скорее отношениями знакомых или соседей... Вы никогда не должны думать, что Афганистан будет вашим другом, пока вы унижаете остальной мусульманский мир, или жители Афганистана будут спокойно смотреть на то, как вы попираете священные исламские ценности. Да и в Индии вы должны подумать над своими акциями»⁷³.

Британское правительство было возмущено: «Эмир должен знать, что независимые государства не должны критиковать внутреннюю политику других независимых государств.

Это нас унижает, если говорить об афганских делах, когда мы должны выслушивать лекцию афганского эмира о том, как наше правительство должно вести себя в Индии»⁷⁴.

6 февраля 1922 г. англо-афганский договор был ратифицирован. Несмотря на столь сложный процесс подписания договора с Англией, становилось ясно, что эмир стремится к установлению дружественных отношений со всеми странами.

Реформы эмира Амануллы

Завоевав политическую независимость и установив отношения с десятком стран, Аманулла приступил к реформированию Афганистана. Была задумана глубокая трансформация всей политико-экономической и социальной структуры страны, нацеленная на ликвидацию феодализма. Эмир называл себя «революционером», оставаясь убежденным в том, что он не просто осуществляет простую программу реформ, а «революционизирует традиционный стиль афганской жизни и трансформирует страну в совершенно новый тип сообщества»⁷⁵.

Аманулла начал реализацию реформ в период, когда внутренние и международные факторы были одновременно благоприятными и неблагоприятными для его планов. По мере их реализации внутренние и внешние условия серьезно осложнили этот процесс. В 1919 г., после окончания Первой мировой войны, в исламском мире носились многие идеи перемен. Престиж эмира Амануллы был необычайно высок среди его подданных как результат его политической победы в третьей англо-афганской войне. Однако его популярность оказалась достаточно хрупкой. Поддержка, оказанная афганцами эмиру в начале его правления, была связана с его репутацией антибританского националиста и приверженностью панисламистским идеям. Однако, когда он добился независимости, то был вынужден, по крайней мере номинально, поддерживать дружественные отношения с обоими могущественными соседями — Россией и Великобританией.

Оправившись после окончания войны, англичане стали проводить «модифицированную наступательную политику» в отношении пуштунских племен. Руки Амануллы были связаны договором с Англией, и он реально не мог поддерживать антибританские выступления зарубежных пуштунов. Аналогичный результат имели и его усилия по оказанию помощи басмаческому движению во главе с Энвер-пашой. К 1921 г. оно в

основном уже было разгромлено, сам Энвер погиб в бою недалеко от афганской границы.

Во внешнеполитическом плане в первые годы правления Амануллы произошли заметные изменения в позиции ряда стран, имевших влияние на Афганистан. Россия, которая в начале правления Амануллы, казалось, движется к распаду, втянувшись в процесс затяжной гражданской войны и иностранной интервенции, выжила, сохранив свою целостность и став на путь превращения в великую державу. Турки, ведя тяжелую борьбу против Греции, поддержанной Антантой, выбили ее войска из Малой Азии и провозгласили в 1923 г. Турецкую Республику под руководством Ататюрка. На следующий год они упразднили халифат.

Это ослабило позиции индийских мусульман и, соответственно, панисламские устремления Амануллы. И хотя авторитет Амануллы вначале был высок за счет того, что он добился международного признания крупнейшими государствами Европы, его престиж как государственного деятеля несколько потускнел после того, как большевики организовали восстание в Бухаре, а затем присоединили ее к России. Эмир послал своего министра обороны Надир-хана на север страны, для помощи басмаческому движению. Но его мечта стать лидером мусульманской Средней Азии растаяла, когда это движение было окончательно разгромлено.

Укрепив внешнеполитические позиции Афганистана, эмир Аманулла разработал масштабную программу реформ, которая была нацелена на глубокую трансформацию традиционного общества в направлении современного, постфеодального развития. Ему предстояло решить сложный комплекс проблем, которые охватывали все стороны жизни афганцев, — реформировать глубоко консервативное, традиционное общество, не утратившее своей племенной основы. Наиболее важная задача на первом этапе реформ состояла в консолидации разрозненной племенной структуры в единое централизованное унитарное государство.

Аманулла глубоко верил в то, что успешного политического развития Афганистана можно добиться юридическими средствами. То есть он полагал, что, снабдив страну либеральной конституцией, детально разработанным Гражданским кодексом и парламентским механизмом, он может создать современную политическую систему. Однако в последующем он осознал, что политическая трансформация, задуманная им, потребует существенных изменений социальной системы.

Поэтому его программа реформ предусматривала политико-административные, социальные, экономические, культурные и бытовые нововведения. Однако, если бы даже Аманулла больше ничего не создал, юридические основы государства, которые он заложил в Афганистане, оказались особенно важны, поскольку он предложил стране структуру управления, которая получила дальнейшее развитие. Поэтому эмир начал с политических реформ, важнейшей из которых являлась конституция.

Она была принята в 1923 г. и явилась первым в истории страны правовым документом, провозгласившим основные права и свободы — личную свободу, свободу печати, право на образование, равенство всех подданных перед шариатом и государственными законами, неприкосновенность жилища. Хотя она и была названа «Низамнама», то есть «Положение», по своему существу это был, без сомнения, юридически состоятельный конституционный закон, который своими законодательными положениями был направлен на самостоятельное развитие секуляристского законодательства и определял путь его отделения от религиозного свода законов (шариата).

И хотя Аманулла пользовался услугами нескольких французских советников, основы законодательства он в основном позаимствовал у турецких юристов во главе с младотурком Бадри-беем, бывшим до этого начальником полиции Стамбула. Бадри-бей в свою очередь использовал турецкий кодекс 1858 г., позаимствованный из Кодекса Наполеона 1810 г. Полное название конституции звучало так: «*Низамнаме-йе Асаси-йе Даулат-е Алийе-йе Афганистан*» («Основное положение Высочайшего государства Афганистан»). Документ датирован 9 апреля 1923 г. По всей вероятности, конституция была одобрена Лоя джиргой, заседание которой состоялось в Восточной провинции, в Джалалабаде, 27 февраля 1923 г., и оригинальный текст был составлен на языке пушту. После свержения Амануллы в 1929 г. она была забыта, хотя многие ее положения появились в тексте новой конституции 1931 г. без упоминания оригинального документа.

Правительство и Государственный совет работали над конституцией в 1922—1923 гг. с помощью французских и турецких советников. Аманулла также лично участвовал в ее составлении.

Конституция 1923 г. и кодексы не являли собой образцы современного политического либерализма. Однако, если рассматривать их в контексте существовавших в то время в Аф-

ганистане социальных и политических условий, можно оценить поистине революционные политические изменения, которые преподносились в этом документе.

Конституция не только ввела новую, современную форму исполнительной власти — кабинет министров, но и сохранила монархию. Статьи 1-я и 4-я фиксировали наличие института наследственной монархии, при которой власть передается прямому наследнику мужского пола из числа ближайших родственников эмира.

Статья 1-я конституции подтверждала независимость страны от всех форм иностранного контроля, ее суверенитет и территориальную целостность под властью монарха. Статья 2-я провозглашала ислам государственной религией, но гарантировала свободу вероисповедания приверженцев других религий, таких как евреев, сикхов и индусов. При этом они были обязаны платить специальный налог и носить отличительный знак.

Статья 6-я впервые поставила вопрос об ответственности правительства, а статья 7-я, перечислив prerogatives монарха, тем самым ограничила его полномочия, что явилось радикальным отходом от традиционной, абсолютистской формы правления. Эмир был объявлен «защитником веры» (статья 5-я), и его имя, согласно статье 7-й, должно упоминаться в хутбах. Конституция декларировала отмену рабства (статья 10-я), и провозгласила всеобщее обязательное начальное образование (статья 68-я). Иностранцам запрещалось преподавать и заниматься журналистикой, если они приглашены на такую работу не правительством. Миссионерам было запрещено заниматься своей профессиональной деятельностью в Афганистане.

В документе содержится серия статей, гарантирующих гражданские права «всем лицам, проживающим в Королевстве Афганистан независимо от религиозной или этнической принадлежности». Конституция, таким образом, обходит стороной острый вопрос о том, кто является афганцем, предложив формулировку «лица, проживающие в Афганистане». В то же время это означало отход от старых представлений о том, что афганцами можно считать только пуштунов.

Основной закон впервые в истории декларировал равенство всех подданных перед законом и шариатом независимо от их национальной и религиозной принадлежности (статья 10-я). Впрочем, равенство подданных было впервые провозглашено специальным декретом Амануллы еще в 1920 г., а Основной закон лишь подтвердил это положение. Конституцией отменялись все пожалованные афганским ханам и це-

лым областям налоговые льготы и привилегии, а также освобождение от налогов отдельных лиц, например, взамен жалования за службу, в качестве условного пожалования (*джагир*) и т.д. Это фактически означало формальное запрещение всяких поборов в пользу налоговых и других местных чиновников и представителей власти.

Набор гражданских прав и свобод в конституции 1923 г. не отличается от такового в западных конституциях: свобода печати, свобода слова, объединений (имелись в виду только объединения торговые, промышленные и земледельческие, то есть производственно-коммерческие), обращений с ходатайством, свобода образования (этот пункт добавил сам Аманулла), право на труд с учетом вакансий и квалификации, неприкосновенность имущества, равенство в уплате налогов, запрет на обыски и конфискацию, запрет подневольного труда и пыток (статьи 8–24-я).

Гарантия неприкосновенности личности, включение в закон положения о том, что без судебного постановления или «законного распоряжения» никто не может быть арестован или подвергнут наказанию и что незаконные действия должностных лиц могут быть обжалованы перед вышестоящими инстанциями вплоть до самого эмира, имели огромное значение как формальный запрет произвола местных чиновников.

Этим же целям отвечали проведенные Амануллой реорганизация и сокращение чиновничьего аппарата, чистка от старой бюрократии и замена ее выпускниками колледжа «Хабибия», воспитанных в духе реформаторских идей младоафганцев. Основной закон ликвидировал полунезависимое положение провинциальных наместников; командование войсками, ополчением и полицией, а также судебная власть передавались отныне офицерам и специальным чиновникам, ответственным перед центральными министерствами. Все высшие чиновники назначались только из центра.

Однако наместники контролировали деятельность всех гражданских чиновников и в случае провинности налагали на них административные взыскания. Ни один чиновник не мог связаться с министерством иначе, как через наместника, хотя в случае незаконных действий наместника чиновник был обязан информировать об этом центр. Особое внимание наместник должен был уделять сбору государственных налогов и пошлин, из которых он не имел права тратить ни одной рупии сверх суммы бюджета, установленной для провинции, и все «излишки» обязан был отправлять в центр. За этим следил специальный финансовый чиновник, назначаемый

лично эмиром. Он являлся вторым после наместника лицом в провинции, его заместителем.

Такая система перекрестного подчинения и взаимной ответственности до известной степени ограничивала возможности чиновников обогащаться за счет казны, хотя и не ликвидировала это полностью. Поэтому в дополнение к соответствующим статьям конституции в том же 1923 г. было издано около десятка различных уставов для министерств и судебных органов. В них детально регламентировались права и обязанности чиновников в центре и на местах, их ответственность перед государством за различные преступления — взятки, казнокрадство и пр. Кроме того, учреждалась специальная Верховная комиссия по борьбе со взяточничеством. В отдельных случаях к взяточникам могли применяться жестокие репрессии, включая телесные наказания и казнь через повешение перед окнами министерства.

«Политические деятели и племенные вожди, — пишет американский исследователь Л. Пуллада, несколько лет проработавший в посольстве США в Афганистане в 50-х годах, — сначала отнеслись к мерам по борьбе с коррупцией скептически, полагая, что они направлены против всякой бюрократической мелочи исключительно в пропагандистских целях. Но вскоре они были шокированы, когда поняли, что Аманулла играет по-крупному... Он начал увольнять “влиятельных лиц”, и одним из них оказался начальник полиции Герата, которого судили за своекорыстие и приговорили к 12 годам тюремного заключения, “публичному порицанию” и штрафу в размере 100 тыс. рупий. Более того, Аманулла без колебаний бросил в тюрьму одного из самых влиятельных сардаров пуштунского клана *баракзай* Мухаммада Сарвар-хана, отчима своей матери, что было расценено племенными вождями как нарушение родственных обязательств»⁷⁶. Несмотря на эти драконовские меры, Аманулле не удалось искоренить или хотя бы подорвать систему взяточничества.

Разрабатывая основы законодательства, Аманулла был вынужден решать проблему соотношения гражданских законов и шариата. Он пошел по простому пути: статья 21-я гласила, что «все случаи рассматриваются в соответствии с принципами шариата и Гражданским и Уголовным кодексом». Такого рода противоречие было сглажено публичными заявлениями о том, что конституция и свод законов составлялись в соответствии с положениями шариата. Конечно, Аманулла понимал необходимость функционирования независимого правосудия, но у него не хватало грамотных юристов. Когда он при-

шел к власти, в стране не было ни одного юриста, подготовленного для работы в сфере гражданского судопроизводства.

До тех пор, пока не были подготовлены такого рода юристы, он был вынужден полагаться на религиозных судей (*кази*) и прокуроров (*муфтиев*), что сразу же поднимало вопрос о месте шариата в судопроизводстве. Аманулла пытался решить эту проблему, используя либерально настроенное духовенство, которое бы могло придать законность новому законодательству традиционным путем — изданием *фетвы* (религиозного эдикта), которая бы подтверждала, что законодательство не противоречит шариату⁷⁷.

Эмир стремился внушить казиям и муфтиям, что им следует использовать Гражданский кодекс «с чистой совестью». Так, выступая по случаю религиозного праздника в 1922 г. в соборной мечети Кабула и объясняя основные принципы его юридических реформ, он убеждал собравшихся богословов в том, что все провозглашаемые им законы основываются на шариате и стремлении к прогрессу. Эти законы, утверждал он, призваны защитить слабого от сильного, от произвола правителей, а управление страной должно осуществляться законами, а не людьми. По его мнению, новые законы всего лишь призваны сделать шариат более понятным и простым в его использовании, а также контролировать действия чиновников и даже самого эмира⁷⁸.

Аманулла создал во многом новую структуру государственного управления, которая, согласно конституции, базировалась на функционировании трех формально независимых ветвей власти. Высшая законодательная и исполнительная власть принадлежала эмиру, который не был подотчетен никакому органу власти. Высшим представительным органом стал Государственный совет (*Шура-йе даулати*), половина депутатов которого назначалась эмиром, другая половина избиралась. Совет являлся консультативным органом (статья 39-я). Функции Государственного совета и провинциальных советов, порядок назначения депутатов и выборов были зафиксированы в Законе об основах государственного устройства Афганистана («Низамнаме-йе ташкилат-е асаси-йе Афганистан»).

Высшим исполнительным органом власти стал Совет министров (в первые годы правления Амануллы — Совет комиссаров), который состоял из премьер-министра (Абдул Куддус), министров — иностранных дел (Махмуд Тарзи), обороны (Салех Мухаммад), образования (Абдул Хабиб), торговли (Гулам Мухаммад Вардаки), юстиции (Мухаммад Ибрагим), финансов (Мирза Махмуд), внутренних дел (Али Ахмад) и

общественной безопасности (Шуджа уд-Даула). Было создано также отдельное Управление здравоохранения. Работой кабинета министров руководил сам эмир, который также непосредственно контролировал деятельность министерства обороны⁷⁹.

Министры несли личную и коллективную ответственность перед эмиром за свою деятельность, которая контролировалась также Придворным советом (Дарбар-е Али), состоявшим из членов Лоя джирги, то есть в основном из крупных ханов племен дуррани и вождей других племен. Членство в Придворном совете было наследственным и подлежало одобрению самим эмиром. Это была интересная новация Амануллы, который стремился не только лично контролировать правительство, но и включить в формальную юридическую систему в модифицированной форме традиционный институт джирги. Придворный совет собирался раз в год. Статья 33-я предусматривала создание Верховного суда (*Диван-е Али*), который был предназначен только для суда над министрами.

Позднее, в 1924 г., эмир Аманулла сам занял должность премьер-министра. Законы составлялись Государственным советом и утверждались кабинетом министров; они проводились в жизнь лишь после того, как их подписывал эмир.

Аманулла отдал дань и традициям, сохранив институт Лоя джирги — Высшего собрания представителей племен и духовенства, надпарламентского органа, возникшего в Афганистане еще в средние века.

Заседания Лоя джирги проводились нерегулярно для решения важных государственных проблем (например, объявления войны и заключения мира, объявления чрезвычайного положения).

По конституции, страна получила новое административное деление: вместо шести прежних провинций было создано пять — Кабул, Афганский Туркестан, Бадахшан, Герат и Кандагар — и четыре больших округа (*хокумат-аала*). Как и прежде, провинции делились на округа (*хокумат*).

Помимо местных консультативных советов (*маджлес-е маш-вара*), провинции и большие округа управлялись следующими должностными лицами: наместник эмира (*наиб аль-хокума*), управляющий финансами (*мустауфи*), судья, начальник полиции, директор таможни, начальник отдела здравоохранения, начальник отдела просвещения, директор почты, управляющий губернской канцелярией, казначей, командующий войсками, мэр города и военный комендант.

Статьи 50–57-я посвящались судебной системе, которая объявлялась независимой (статья 53-я). Аманулла при этом стремился привести всю систему судопроизводства под контроль монархии. Начало этого процесса было заложено еще его дедом эмиром Абдуррахманом. Судопроизводство осуществлялось под надзором губернатора судьями, состоящими на государственной службе. Эмир сохранил старое положение о том, что высшей апелляционной инстанцией остается монарх. Один раз в неделю он сам встречался со своими подданными, выслушивая их жалобы⁸⁰.

Аманулла реформировал фактически всю систему судопроизводства. Особые усилия были направлены на совершенствование судебной системы в ее среднем и низшем звене в стремлении ограничить права (по существу, произвол) шариатских судей — кази, особенно при определении формы наказания. Видные законоведы во главе с маулави Абдул Васа Кандагари и при активном участии самого эмира разработали «Руководство судейскими коллегиями», которое, сохранив многие правовые исламские положения, подробно конкретизировало действия судей⁸¹.

В 1921–1925 гг. был разработан и пущен в действие новый Уголовный кодекс. Он состоял из 308 статей и разделил все преступления на три категории: серьезные преступления, такие как супружеская измена, употребление спиртных напитков и кражи, за совершение которых предусматривалось наказание, содержащееся в шариате — *хадд* (или *ходуд*), крупные преступления — убийство и нанесение телесных повреждений, за что следовало наказание *кесас*, мелкие, или незначительные преступления, которым соответствовали наказания типа *таазир*, определяемые и налагаемые по усмотрению самого судьи⁸².

Одно из нововведений этого Кодекса состояло в том, что приговоренный к наказанию мог обращаться с апелляцией об облегчении наказания или освобождении от него. При этом он должен представить доказательства своего раскаяния и привести свидетеля, который бы подтвердил это и убедил суд, что общество (племя, деревня, клан и т.д.) готово принять его обратно. Причем смягчить наказание могли три разных инстанции в зависимости от срока тюремного заключения: при сроке в один год могло последовать освобождение по решению губернатора, от трех до десяти лет — министра юстиции, более 10 лет — министра юстиции и эмира. Для несовершеннолетних преступников тоже была установлена своя градация наказаний: в возрасте до 15 лет преступник не

несет ответственности за преступление и передается своим родителям, до 17 лет несет ответственность, но не подвергается наказанию⁸³.

Немало статей было посвящено вопросам прав подданных. Так, судебские чиновники, прибегающие к пыткам для получения признания, лишаются работы. Чиновники, выносящие более суровый приговор, чем прописано в законе, или вторгающиеся в частное владение без разрешения владельца, подвергаются наказанию (статьи 226–228-я). Частная собственность, по закону, не может быть конфискована. В Кодексе содержались даже статьи, запрещающие азартные игры и гадание. Была даже сделана попытка запретить жестокое обращение с животными: так, например, было запрещено подвешивать курицу за ноги на рынке, бои птиц и животных (статьи 274, 277, 279-я).

В Кодексе фиксировалось право государства выносить смертные приговоры за преступления, не наказуемые смертной казнью шариатом (статья 15-я). Была предпринята также попытка вывести из-под юрисдикции мусульманских судей ряд видов деятельности: «В случаях, когда предприниматель нарушает закон, он не подвергается наказанию, предписанному шариатом» (статья 22-я). В целом в Кодексе большинство преступлений сведено к категории *таазир*, что давало возможность государству ограничить прерогативы мусульманских судей и усилить контроль государства над системой судопроизводства.

Наряду с некоторыми другими законодательными актами, Кодекс содержал ряд статей, направленных на юридическое закрепление младоафганских реформ. При этом в нем подчеркивалось их полное соответствие предписаниям шариата, что подтверждалось печатями семи видных законоведов, в том числе маулави Абдул Васа Кандагари, маулави Сайфуррахмана и других. И хотя в Кодексе действительно получили отражение многие исламские правовые принципы, юридическое содержание большинства статей и всего Кодекса в целом было значительно шире господствовавшей в Афганистане традиционной модели исламского права и системы мусульманского судопроизводства. Кодекс отвечал воззрениям и идеологии младоафганского движения⁸⁴.

Несмотря на попытки модернизировать юридическую систему и в ряде случаев ввести более гуманные законы, в целом Уголовный кодекс оставался довольно жестким и архаичным. Это в первую очередь касалось условий содержания заклю-

ченных: так, приговоренные к сроку от одного до трех лет сидели в кандалах (прикована была одна нога) и были обязаны постоянно работать. Опасным преступникам надевали кандалы на обе ноги (статьи 10—11-я). Часто употребляемым наказанием была публичная порка. Женщины-преступницы не были исключением, причем для них предусматривалась «льгота»: во время порки голову наказываемой преступницы держала женщина. Порка продолжалась до тех пор, пока не лопалась кожа (статья 13-я). Лица, уличенные в потреблении алкоголя, тайно или публично, наказывались 80 ударами кнута (статьи 86—87-я). Суровые наказания полагались за потребление наркотиков (статья 91-я).

Интимные отношения между двумя мужчинами могли повлечь смертный приговор для обоих, если одному из них не исполнилось 15 лет (статьи 132—143-я). Любовная связь замужней женщины и женатого мужчины наказывалась забиванием камнями до смерти (статья 138-я). Если мужчина не состоял в браке, а его любовницей была замужняя женщина, то мужчина получал 100 ударов кнутом, а женщина подвергалась забиванием камнями до смерти (статьи 134—142-я). Если любовники не состояли в браке, то оба получали 100 ударов кнутом⁸⁵.

Новый Кодекс расширил список преступлений против государства (статьи 33—45-я). Статья 54-я причисляла к преступлениям выступления или публикации, которые вели к волнениям или мятежам, и, таким образом, могла рассматриваться как первая цензура в Афганистане. Члены запрещенных мусульманских сект или орденов (например, *ахмадия*) подвергались смертной казни (статья 123-я). Иностранцы, нарушающие афганские законы, были также объектами судебного преследования и подвергались тем же наказаниям, что и афганские подданные (статья 18-я).

Необходимость введения нового Кодекса была вызвана стремлением усилить прерогативы светских властей за счет прав и привилегий духовенства. Кроме того, используя новый Уголовный кодекс, где прописаны детально личные, общественные и политические преступления, власти предприняли попытку законодательно утвердить многие положения племенного кодекса чести — *пуштунвали* — и поставить таким образом племенное законодательство под контроль государства. При этом Аманулла предполагал привести в соответствие друг другу мусульманское и племенное законодательство, поскольку в шариате было немало положений, которые

не принимались некоторыми племенами (например, вопросы наследства и кровной мести)⁸⁶.

В целом принятие конституции в 1923 г. и светского законодательства заложило основы нового государственного строительства с приближением к западным образцам и послужило началом перехода от абсолютистской к конституционной монархии, завершившегося в 1964 г. принятием новой конституции.

Создав законодательную базу новой политической системы, эмир осознал необходимость подкрепить ее серией социальных и экономических реформ, которые во многом повлияли на характер социальной организации общества и его политическую жизнь.

Чрезвычайно важную роль играли экономические реформы эмира Амануллы, в первую очередь налоговые преобразования, которые основоположник советской афганистики И.М. Рейснер назвал «краеугольным камнем всех его реформ». Важное значение для развития торгово-предпринимательской деятельности имела таможенная реформа 1920 г. Аманулла отменил многие ставшие анахронизмом пошлины (такие как налог, взимавшийся «на приобретение крема для волос жены эмира», «на выплаты чиновникам денег на приобретение чая и сахара во время исполнения ими своих служебных обязанностей» и т.д.). Он отменил также *бакият*, систему, при которой некоторым чиновникам и их наследникам прощались недостатки в финансовых расчетах, что давало им возможность избегать всякой ответственности, а также акций и решений, которые бы даже в малой степени влекли бы ответственность⁸⁷.

Реформа предусматривала снятие таможенных барьеров в межпровинциальной торговле, однократное обложение всех товаров на всем внутреннем рынке, замена многообразных таможенных сборов единой пятипроцентной пошлиной со всех товаров, протекционизм в отношении продукции национальной промышленности и ремесленного производства. С этой же целью было предпринято в сравнительно крупных масштабах строительство автомобильных дорог, сопровождавшееся быстрым ростом парка грузовых машин, появлением автотранспортных компаний и открытием регулярных пассажирских линий.

Были учреждены полиция и жандармерия для охраны дорог от бандитов, построены телефонные и телеграфные линии, создавались торговые акционерные компании (*ширке-ты*), поощрялась предпринимательская деятельность по раз-

витию экспортных отраслей сельского хозяйства. В 1921 г. был принят Закон о поощрении развития промышленности, предусматривавший бесплатное предоставление земельных участков под строительство фабрик, освобождение на десять лет от налогов импортируемого оборудования, государственный заказ, правительственные субсидии.

Однако важнейшими из экономических преобразований, которые оставили глубокий след в аграрном строе Афганистана, явились налоговые реформы, поскольку они законодательно закрепили уже наметившиеся к этому времени процессы, которые начали вызревать еще при эмире Абдуллахмане и его предшественниках. Речь шла прежде всего о переводе натуральных налогов в денежную форму.

Закон о поземельном налоге («Низамнамайе-малийя») с поливных земель 1920 г. гласил, что отныне «установлено взимание поземельного налога наличными деньгами и внесение его по частям, а также определена стоимость натуры в данном уезде» (статья 25-я Закона). Размер налога оставался прежним. При этом если раньше действительный размер налога в виде доли урожая мог меняться в зависимости от того, был ли год урожайным или нет, то теперь за основу был принят средний за несколько лет размер натурального налога, то есть определенное количество зерна с единицы площади. Этот натуральный налог переводился в денежный по твердой цене, установленной для каждого района, и эта ставка объявлялась постоянной (статьи 57, 69-я Закона).

Прежде величина налога зависела от вида орошения: речного — $\frac{1}{3}$ урожая, родникового — $\frac{1}{5}$ и каризного — от $\frac{1}{10}$ до $\frac{1}{16}$. Так, по Кабульской провинции, где практиковалось речное орошение, налог составлял в среднем $\frac{1}{4}$ урожая. В той же провинции с земель с каризным орошением налог составлял $\frac{1}{10}$ урожая⁸⁸. Новая форма налога толкала нуждавшегося в деньгах крестьянина в лапы торговца-скупщика и ростовщика и тем самым ускоряла процесс первоначального накопления капитала этими категориями и одновременно развития рыночных отношений, ибо крестьянин был вынужден все большую часть своего урожая реализовать на рынке. В условиях быстрого роста цен денежная ставка поземельного налога оставалась неизменной, соответственно, доля урожая, которая шла на уплату налога, уменьшалась. И теперь рост цен происходил в основном за счет косвенного налога, который реализовывался в ценах всех товаров. Таким образом, происходил перенос центра тяжести налогообложения с прямых налогов на косвенные.

В новом законе правительство, правда, оговаривало за собой право каждые три года пересматривать ставки поземельного налога, однако на практике этого не происходило, и она оставалась неизменной до конца правления эмира Амануллы, хотя цены на сельскохозяйственную продукцию выросли за этот период вдвое.

Власти не повышали ставки налога, опасаясь вызвать взрыв недовольства в стране, и поэтому предпочитали повышать косвенные налоги и устанавливать различные целевые сборы, хотя и небольшие, но достаточно крупные в общей сумме: сбор на просвещение, на закупку оружия и т.д. Введение денежных налогов, кроме того, сокращало расходы на чиновников государственных складов сельскохозяйственной продукции, на перевозку зерна в центр, упрощало все расходы и уменьшало возможности казнокрадства чиновников.

Сбор налогов поручался *маликам*, превращая их, таким образом, в государственных чиновников, получающих жалование из казны, размер которого в свою очередь зависел от суммы собранных налогов. В этом, конечно, можно усматривать известный пережиток общинных институтов феодального средневековья. Старая система сбора натуральных налогов просуществовала столь долгое время, потому что порождала невиданную коррупцию на всех уровнях государственной администрации. «В сельских районах, например, крестьянин должен был сдать определенную часть своего урожая в качестве налога, доставляя зерно на приемный пункт за свой счет. Уже в это время он был вынужден торговаться с оценщиком по поводу величины взятки за правильную оценку стоимости сдаваемой продукции. После сдачи зерна чиновник на зерновом складе, как правило, заявляет, что зерно низкого качества или испорчено и прибегает к недовесу, пока ему не будет уплачено “на чай и сахар”. Далее зерно подлежит хранению на государственных зернохранилищах в течение нескольких месяцев. Время от времени сюда наведывается инспектор, чтобы проверить качество хранящегося зерна, и вновь заходит разговор о том, что зерно испортилось. Следует очередная взятка. При этом в оборот вовлекается громадное количество бумаг и всякой отчетности, что требует скромного дополнительного вознаграждения мелких клерков и бухгалтеров. В конечном счете все снизу доверху делали на этом свой бизнес, кроме государства»⁸⁹.

Перевод налогов в денежную форму усилил денежный характер экономики, что стимулировало рост торговли. И это была одна из реформ, которая пережила правление Аманул-

лы, и в последующем поступление государственных доходов и торговля осуществлялись в денежной форме. Кроме того, это изменило ситуацию в сельском хозяйстве. Впервые крестьянин знал определенно, каковы его налоговые обязательства, и мог соответственно планировать свой труд. Это стимулировало повышение производства, особенно когда сопровождалось борьбой с коррупцией.

Наконец, модернизация налоговой системы давала возможность правительству впервые в истории составлять бюджет и контролировать государственные расходы. Идея бюджета была настолько нова и непривычна (раньше всей государственной казной распоряжался эмир), что министру финансов правительства Амануллы Мир Хашиму пришлось долго разъяснять министрам и Королевскому совету принципы составления бюджета. При этом выяснилось, что нужны долгие и кропотливые усилия по обучению чиновников, чтобы основная концепция бюджета была понята на всех уровнях госаппарата. Действительно, сама идея бюджета была неправильно воспринята, причем государственные служащие при всяком удобном случае ругали бюджет, оправдываясь за свои прегрешения. Однажды Аманулла был искренне удивлен, когда во время прогулки по городу он остановил крестьянина и спросил о его проблемах. В ответ он услышал, что урожай нынче плох из-за бюджета⁹⁰.

Закон отменял все прежние натуральные поставки продовольствия и фуража для армии и нужд правительственных чиновников, а также прочие натуральные повинности. Все необходимое приобреталось правительством с согласия самих крестьян и по текущей рыночной цене. Вместе с тем фактически возобновлялась отмененная в начале правления Амануллы бесплатная трудовая повинность — *бегар*, ибо закон возлагал на население все затраты на ирригацию и источники водоснабжения, по строительству и ремонту дорог, мостов, очистке от снега постоянных дворов.

В 1923 г. был издан Закон о налоге со скота (*закат*), который унифицировал обложение всех скотоводов и отменял дополнительные налоги, вводил единый денежный налог. Его ставка составляла: 4 рупии за верблюда, 2 рупии за лошадь или мула, 1 рупия за ишака и 0,25 рупий за голову крупного рогатого скота. Эта ставка была вдвое выше прежней. Однако были отменены связанные со скотом дополнительные налоги: за пользование дорогами, пастбищами, на масло, на сыр, за каждую упряжку рабочих быков⁹¹.

Кроме этих двух налогов, в эпоху Амануллы взимались и другие — подворный налог, или налог с домовладения, налог с ремесленного производства, мельниц, маслобоен, налог в пользу вдов и сирот.

В этот период завершался и получал законодательное закрепление процесс превращения земли в товар, который мог свободно обращаться на рынке. В руках Амануллы после его прихода к власти сосредоточился значительный государственный земельный фонд, который частично достался ему по наследству и частично образовался в результате конфискации земель у опальных и репрессированных вельмож и чиновников старого аппарата. Кроме того, он был расширен за счет изъятия еще сохранившихся *вакфов* таких крупных религиозных учреждений, как соборная мечеть в Мазари-Шарифе (1,5 тыс. га), соборная мечеть в Герате и др.

Но если эмиры Абдуррахман и Хабибулла раздавали государственные земли в качестве жалования за службу, то Аманулла впервые начал широко распродавать государственный земельный фонд. Специально изданный в 1923 г. Закон о продаже государственных земель («Низамнаме-йе амляк-е саркари») признавал безусловное и неограниченное право частной собственности за всеми покупателями и всеми прежними фактическими владельцами земель государственного фонда. Статья 11-я Закона провозглашала, что «покупатели государственной земли могут в любое время вновь продать купленную ими землю и имеют право на все доходы с нее». Далее объявлялись законными все прежние сделки купли-продажи земли в обход закона. Наконец узаконивалось превращение в частную собственность всех условных земельных пожалований⁹². Таким образом, все прежние ограничения свободного обращения на рынке государственных земель в качестве товара, установленные феодальным государством, были окончательно ликвидированы.

Сравнительно низкие цены на распродаваемые казенные земли (10 рупий за один *джариб* орошаемой земли) создавали впечатление, что правительство проводит своеобразную «аграрную реформу»⁹³, благодаря которой крестьянство получает возможность приобрести в собственность земельные участки. Во всяком случае, пропагандистский эффект от этих мероприятий был достаточно велик и первое время обеспечивал Аманулле известную поддержку среди крестьян в его реформаторской деятельности.

Между тем условия и порядок продажи земли создавали для крестьянства такие трудности, что выгоды от продажи по-

лучали отнюдь не крестьяне, а более состоятельные покупатели — помещики, купцы, офицеры, чиновники и ростовщики.

Земля продавалась с аукциона, причем несмотря на право преимущественной покупки земли, предоставлявшееся жителям той деревни, где она находилась, предпочтение отдавалось тем лицам, которые предлагали более высокие цены, даже если эти покупатели были из другой местности. Более того, после продажи участка за другими покупателями еще в течение месяца сохранялась возможность купить его, предложив более высокую цену. Хотя землю можно было купить и в рассрочку на 5—7 лет, но при всех условиях ее получал тот, кто платил наличными. Ему же предоставлялась скидка в размере 10%, если он оплачивал сразу всю сумму (статья 4-я Закона).

Естественно, что крестьянин не всегда мог уплатить наличными сразу большую сумму денег за несколько джарибов земли. Кроме того, он еще должен был дать взятку финансовым чиновникам в размере не меньшем, чем цена земли, и тоже наличными. Но даже купив участок, крестьянин, обзаводясь собственным хозяйством, скотом, инвентарем, семенами, неминуемо попадал в кабалу к ростовщику и быстро терял приобретенную землю⁹⁴.

Переход крестьянских земель в руки ростовщиков принял в Афганистане широкие размеры. Ростовщический процент при краткосрочной ссуде (два-три месяца) достигал 15% за каждый месяц, при долгосрочной (от 6 до 12 месяцев) — 60%⁹⁵. Если крестьянин брал ссуду на еще более длительный срок, то был вынужден отдавать свою собственность — землю, скот, дом и прочее в залог (*гярау*), причем стоимость отдаваемого в залог должна была превышать сумму ссуды, иногда в 2—4 раза. В этом случае никакой процент не взимался, но зато ростовщик в течение всего установленного срока ссуды бесплатно пользовался полученной в залог недвижимостью. При невозвращении ссуды в срок залог переходил в собственность ростовщика.

В результате скупки продававшихся земель и ростовщических операций с ними еще более выросло и укрупнилось помещичье землевладение.

Аналогичный эффект имели и другие аграрные мероприятия Амануллы, направленные на частичное ослабление остроты земельного вопроса, в основном в южных районах, и перевод кочевников на оседлость. Так, проведенные правительством на юге оросительные работы не привели к значительному расширению посевных площадей, а лишь увеличи-

ли обеспечение водой уже функционировавших хозяйств, в большинстве своем помещичьих. Кочевников тоже не удалось перевести на оседлость, ибо им оказалась не под силу обработка неплодородных почв южных районов.

С той же целью в 1923 г. был издан Закон о переселенцах в Каттаган. Переселению в добровольном порядке подлежали жители южных и восточных районов на север — обедневшие скотоводы и другие обездоленные категории населения, а также индийцы-эмигранты. Однако и это мероприятие не привело к сколь-нибудь серьезным результатам, на что рассчитывало правительство. По закону переселенцам должна была предоставляться поливная земля за ничтожную плату. При этом они получали налоговые и иные льготы. Однако к тому времени основная часть поливных земель на севере была уже занята пуштунами-переселенцами первой волны, и новым переселенцам достались малопригодные для земледелия земли⁹⁶. Поэтому многие из них были вынуждены наниматься в батраки к местным таджикским и узбекским баям. А многие просто погибли.

Среди других экономических реформ следует отметить направленные на развитие торговли и промышленности. И хотя Аманулла построил несколько государственных мастерских, в основном мыловаренные предприятия и по производству спичек, из Японии и Германии было импортировано громадное количество промышленного оборудования. Однако это не привело к заметному экономическому эффекту, так как у Амануллы не было систематического плана промышленного развития. Никто не знал, что делать с поступающими в страну машинами и механизмами: Афганистан превратился в мавзолей неиспользованного оборудования. Поэтому в 20-е годы не было осуществлено ни одного серьезного экономического проекта⁹⁷.

В торговле тоже существовало немало трудностей, ограничивавших коммерческую деятельность, в первую очередь наличие многочисленных налогов, пошлин и поборов, таких как налоги на пользование дорогами, на вес товара, на его цену, количество, за каждое наименование товара. Все это не могло не вводить в искушение таможенных чиновников. Те из них, которые оценивали стоимость товаров, брали 10% его цены в качестве комиссионных⁹⁸. Развитию коррупции способствовало отсутствие единой системы мер и весов. В 1925 г. эмир ввел десятичную и метрическую системы, но его усилия по стандартизации не вышли за рамки государственных предприятий.

В 1923 г. афганская валюта получила новое название — вместо *рупии* появился *афгани*. Была выпущена новая монета дос-

тоинством в 1 афгани, содержание серебра в которой составило 90%. Она быстро получила доверие и стимулировала внутреннюю и внешнюю торговлю. Впервые в истории афганская валюта получила благоприятный курс по отношению к индийской рупии, хотя надежность последней гарантировалась экономической мощью Британской империи.

В таможенной сфере были предприняты шаги по искоренению коррупции и улучшению товарооборота. Весь импорт был разделен на три категории: 1) религиозная литература, военные материалы и другие товары, которые не облагались пошлинами; 2) произведенные в Европе предметы роскоши, в том числе карты, изделия из мрамора, сигареты, картины, сахар, мед облагались 100%-й пошлиной; 3) прочие товары, облагавшиеся различными пошлинами. Последняя категория включала чай, пошлина на который составляла 40%, одежду (15%), всю категорию «необходимых товаров», таких как обувь, керосин, бензин, газ, которые облагались 25% пошлиной. (По некоторым источникам, даже фотографии родственников подлежали обложению.) Эмир назначил «респектабельных и состоятельных» купцов таможенными чиновниками, снабдил их таможенными формами, подделка которых считалась преступлением⁹⁹. Однако эти меры не сломали устаревшую систему.

И хотя продукции отечественных предприятий оказывалась защита от конкуренции с иностранными товарами, она не распространялась на ремесленников, изделия которых не могли конкурировать с западными товарами. Последние, несмотря на высокие пошлины, оставались все же достаточно дешевыми. Единственное, что удалось Аманулле в этой сфере, это введение единой 5%-й пошлины на экспортируемые товары и на товары, реализуемые в межрегиональной торговле¹⁰⁰.

Аманулла придавал большое значение и внешней торговле. Его первым шагом в этом направлении была модернизация таможенных пошлин. Эмир вел переговоры о заключении торговых соглашений со всеми странами, которые были в этом заинтересованы. Стремясь стимулировать экспорт, Аманулла поощрял создание акционерных компаний — *ширкетов*. При участии самого эмира, его ближайших родственников, высших чиновников, а также некоторых крупных купцов в Кабуле были созданы ширкеты «Аманийя», «Барадаран-е Афган» и автотранспортное общество, в Кандагаре — «Зия», в Мазари-Шарифе — «Камар», в Герате — «Икбаль». Крупные торговцы фруктами Кабула, Кандагара и Чарикара

организовали ширкет «Самар»¹⁰¹. Для поддержки ширкетов правительство предоставило им монополии на заготовку, вывоз, ввоз и реализацию отдельных экспортно-импортных товаров¹⁰². За рубеж были посланы торговые агенты и миссии. Их деятельность была довольно успешной. Возросла торговля с Россией и Персией. Афганистан начал экспортировать в Россию зерно, а в 1921–1923 гг. он экспортировал значительный объем сухих и свежих фруктов, овощей, шкур, шерсти, шелка и ковров.

Развитие торговли тормозилось также отсутствием твердой шкалы пошлин и точной информации об объеме торговых операций.

При отсутствии данных об объеме афганской внешней торговли можно использовать лишь ориентировочные цифры: с Индией — объем афганского экспорта в 1919–1924 гг. колебался в пределах от 800 тыс. до 1 млн 600 тыс. фунтов стерлингов, объем импорта за эти же годы — от 1 млн 300 тыс. до 2 млн; с Советским Союзом за 1923–1929 гг. — от 1 млн 300 тыс. до 11 млн 700 тыс. рублей, импорт — от 69 тыс. (1923 г.) до 7 млн¹⁰³.

Грандиозный план модернизации страны, который выдвинул эмир Аманулла, требовал таких объемов инвестиций, которыми не обладало государство. В 1926 г. сумма всех государственных доходов составляла 45 млн. рупий (2,5 млн фунтов стерлингов)¹⁰⁴. В условиях же существовавшей системы транспорта и коммуникаций привлечь иностранный капитал оказалось невозможным. Все расходы на развитие финансировались из внутренних источников. Кроме небольших займов на оружие и аэропланы, а также германского кредита, предоставленного накануне восстания в Хосте и небольших советских грантов, в течение всего срока правления Амануллы страна не получала прямой иностранной помощи. Англичане прекратили выплачивать ежегодную субсидию. Последующие просьбы Амануллы об экономической помощи были ими отклонены. СССР, обязавшийся по договору 1921 г. платить ежегодную субсидию, отделялся небольшими суммами.

Программа развития обеспечивалась в основном накоплениями периода правления Абдуррахмана и Хабибуллы, за счет налоговых реформ, существенным ростом национального дохода и советской помощью. Кроме того, национальное достояние увеличилось за счет сотен тысяч туркмен, узбеков и таджиков, которые бежали из Советской России в Афганистан от большевиков во время и после разгрома басмаческого движения. Они привели с собой стада овец, лошадей и

крупного рогатого скота. Особенно важным было то, что с туркменскими беженцами прибыло большое количество каракульских овец, что послужило импульсом для развития весьма прибыльной статьи афганского экспорта — каракуля. Каракулевые шкурки и ранее поставлялись на экспорт, однако в небольших количествах и только в Россию. Теперь Афганистан начал экспортировать их в Англию и Германию. Эмиграция из Средней Азии способствовала также развитию ковроделия¹⁰⁵.

В числе других важных мероприятий, инициированных Амануллою, была военная реформа. Он хотел создать небольшую, но действенную, сплоченную и дисциплинированную армию, набранную среди населения, а не на племенной основе, профессиональную, способную стать абсолютно лояльной центральному правительству и поддерживать внутреннюю безопасность. Он хотел, чтобы армия представляла все этнически пестрое население. При прежней системе набора (*хашт нафари*) новобранцем мог стать тот, у которого была неважная репутация в деревне или племени или которому племя заплатило за «добровольчество». В обоих случаях рекрут бывает лоялен в первую очередь своей деревне или племени. Аманулла пытался ввести систему лотереи (*пишк*), когда рекрут избирался по жребию. Это был вызов местной элите, так как теперь контроль за набором перешел к государственному органу, и малики не могли влиять на процесс набора в армию. К тому же жребий мог пасть на сыновей малика. Соответственно, это породило широкую волну коррупции, взяточничества и шантажа.

Эмир реорганизовал армию по турецкому образцу. Прибывшие в 1921 г. в Кабул турецкие военные инструкторы во главе с военным министром Турции Джемаль-пашой считали, что служившие в то время в армии солдаты слишком привержены старым порядкам и их следует заменить новым поколением. Им следует платить меньше (5 рупий вместо 20), но обеспечить питание, форму, улучшить условия проживания в казармах. Министр обороны Надир-хан резко возражал против этих предложений. М. Тарзи, питавший протурецкие настроения, наоборот, поддержал турок. Большинство афганских офицеров поддерживали Надир-хана, в то время как некоторые гражданские чиновники были на стороне Тарзи. В результате в окружении Амануллы произошел раскол, что привело к его охлаждению к Надир-хану и всему его клану¹⁰⁶.

Военный министр считал, что предлагаемые турками меры противоречили требованиям племенного общества, которое

они не понимали. В принципе он не выступал против модернизации армии, однако настаивал, чтобы она проходила постепенно и с учетом духовных ценностей племен. На стороне турок был также Махмуд Сами, араб по происхождению, добивавшийся всеми способами высокого положения в армии еще в период правления Хабибуллы-хана. Как уроженец Месопотамии, он считался турецким подданным. В глубине души он ненавидел турок, но демонстрировал поддержку их рекомендаций, чтобы ослабить позиции Надира. В свое время Махмуд Сами был преподавателем Амануллы в военном лицее, а посему оказывал на него сильное влияние. М. Сами и Надир ненавидели друг друга. Надир в конце концов решил объясниться с самим эмиром, но допустил тактическую ошибку, напомнив Аманулле, что тот обязан ему тронem, а потому должен отдать долг по законам кодекса чести пуштунов. Это напоминание не понравилось эмиру, который, давно имея разногласия с семьей Надира, окончательно охладел к нему¹⁰⁷.

В конце концов рекомендации турецких советников все же были приняты. В качестве компромисса было решено платить солдатам 14 рупий вместо 20, вопреки обещаниям Амануллы, данные во время его восшествия на престол, в надежде, что солдаты будут разочарованы и уйдут из армии и тогда их можно будет заменить более молодыми. Однако этого не случилось, и солдатам в конце концов стали платить по 5 рупий в месяц. К тому же обещанное улучшение условий службы не было реализовано. Это привело к злоупотреблениям среди офицерского состава, который прикарманивал деньги, отпущенные на солдатское питание, и солдаты не получали ни готовую пищу, ни деньги на питание. Старые, обветшавшие казармы не были отремонтированы, и зиму солдаты встретили в палатках. Это не могло не привести к брожению в армии¹⁰⁸.

И последующие действия армейских частей продемонстрировали недостаток их лояльности режиму. Так, во время мятежа в Хосте в 1924 г. армия оказалась совершенно не готова подавить его, а Надир-хан, отказавшись возглавить подавление восставших, предпочел быть отправленным в дипломатическую ссылку послом во Францию. По совету турок в армии создали так называемые «образцовые батальоны», часть которых была брошена против мятежных племен, но у них не было опыта, и их действия оказались неэффективными. Аманулла в течение всего срока своего правления пытался превратить армию в эффективный инструмент, но ему этого так и не удалось.

Среди других мер, направленных на модернизацию армии, следует отметить организацию производства военной продукции, в том числе строительство завода боеприпасов, оборудование для которого поставил концерн Круппа. Кроме аэропланов, закупленных в России, Германии и Великобритании, Аманулла заказал 100 грузовиков и легковых автомобилей в Милане. Планировалось создать современную армию, состоящую из восьми дивизий. Несколько молодых афганцев были отправлены в Советский Союз и Среднюю Азию для обучения летному делу. Еще одна группа обучалась этому в самом Афганистане под руководством итальянских инструкторов, и несколько юношей были посланы во Францию и Италию. И хотя в 1927 г. Германия и Италия прислали военных инструкторов в Афганистан для подготовки артиллеристов, общее руководство военным обучением было возложено на турецких офицеров¹⁰⁹. Турецкая военная миссия после отъезда Джемаль-паши возглавлялась генералом Казем-пашой, бывшим начальником генерального штаба турецкой армии. Более того, 50 афганцев были посланы в Турцию на курсы повышения квалификации офицеров. (Ранее, в 1921–1922 гг., Аманулла пытался нанять на службу турецких офицеров, которые в свое время были военнопленными в России и находились в Сибири¹¹⁰.)

Надо заметить, что пуштунские племена всячески противились попыткам эмира демократизировать систему набора в армию и сопротивлялись любому набору. По этой причине и еще потому, что Аманулла хотел создать армию, которая сможет обеспечить лояльность племен и феодалов, регулярные части набирались в основном из представителей национальных меньшинств. Срок службы в армии составлял два года¹¹¹.

Важной частью реформаторской программы Амануллы явились социальные реформы. Со временем, особенно после Хостского мятежа 1924 г., он стал отчетливо осознавать, что созданная им система управления отнюдь не приближает его к достижению главной цели — становлению единой и политически лояльной нации. Политическое единство, интеграция и гражданская ответственность требовали широких изменений в социальной сфере.

Основное внимание он уделил реформам в системе образования, к реализации которых приступил уже в 1919 г. Он придавал им первостепенное значение. Об этом свидетельствует тот факт, что медаль «За образование» стала высшей наградой, в том числе и среди военных, в Афганистане. Стремясь реорганизовать эту сферу и расширить ее, Аманулла пригласил учителей из Турции и Египта, вел переговоры об уч-

реждении постоянной французской миссии по образованию в Афганистане. В результате созданием системы высшего образования в 1922 г. занялся руководитель французской археологической экспедиции в Афганистане, профессор Сорбоннского университета Альфред Фуше¹¹².

В Кабуле открылись три средние школы, которые функционировали одновременно с лицеем «Хабибия», но преподавание в них велось на разных иностранных языках. Первая, «Амания», была основана в 1922 г. Названная так по имени Амануллы, после падения его режима она была переименована в лицей «Истиклаль». Учебный процесс в ней был заимствован во Франции, и преподавание велось на французском языке. Ее первым директором стал профессор А. Фуше. В лицее работали пять французских преподавателей (из них одна женщина) и 12 афганских. К 1926 г. в лицее обучалось 300–350 учащихся. В 1924 г. открылся лицей «Амани» на основе немецкой системы обучения. Позднее он был переименован в «Неджат» («Освобождение»). Там работали три немецких профессора и несколько афганских преподавателей. В 1924–1926 гг. число учащихся в лицее достигало 100 человек¹¹³. В 1927 г. открылся третий лицей — «Гази», где преподавали индийские педагоги и обучение велось на английском языке. В том же году состоялся выпуск бакалавров в лицее «Хабибия». В 1921 г. был открыт женский лицей «Малалай», по имени народной героини времен второй англо-афганской войны. Это была первая женская школа в Афганистане.

В тот же период в стране было открыто еще несколько школ. В 1924 г. была основана школа бухгалтеров. Вторым иностранным языком в ней был турецкий, поскольку учебный процесс был основан на программах турецких школ. Будущие государственные чиновники обучались на курсах государственного управления, которые вел губернатор Кабульской провинции. В целях усовершенствования системы подготовки педагогических кадров был расширен Центр подготовки учителей, основанный эмиром Хабибуллой. Была также модернизирована его учебная программа. Здесь преподавали английский язык как основной иностранный.

Параллельно с функционированием педагогического центра правительство уделяло внимание созданию других профессиональных учебных заведений. В 1924 г. начала работать Школа изящных и прикладных искусств, вслед за ней открылись другие профессиональные центры обучения. Среди них — школы по подготовке учителей иностранных языков (в основном английского, французского, немецкого, рус-

ского и турецкого), курсы по подготовке телеграфистов, стеклодувов, специалистов по ведению домашнего хозяйства, бухгалтеров. В целом все эти небольшие школы были плохо оборудованы и организованы¹¹⁴. В 1928 г. был основан первый колледж, куда поступали выпускники четырех средних школ. Для завершения высшего образования некоторые выпускники этого колледжа отправлялись за рубеж, однако сам колледж просуществовал недолго. В 1928 г. в Кабуле работали 14 средних и неполных средних школ, а также по одной средней школе в каждом провинциальном центре¹¹⁵.

Основными целями новой системы образования, по заявлениям Амануллы и Махмуда Тарзи, который в это время был главным советником эмира, являлась подготовка просвещенной элиты Афганистана — основного двигателя успешных реформ и модернизации — и слоя грамотных чиновников госаппарата. Чтобы привлечь внимание своих подданных к необходимости дать новому поколению современное образование, Аманулла использовал политику «кнута и пряника». По его распоряжению во всех общественных местах были вывешены прокламации, рекомендовавшие жителям посылать своих детей в школы. Правительственным чиновникам предписывалось подавать пример в этом. Не желающие следовать рекомендациям подвергались штрафу или лишались работы.

Начальное и среднее образование было бесплатным. Более того, в средних школах учащимся выдавали небольшую стипендию и, вероятно, кормили и одевали, поощряя их к продолжению обучения. Были предприняты попытки создать финансируемые государством школы (*мактабы*) в провинциях с преподаванием там современных предметов. Впрочем, никаких сведений об успехах реформаторов в этой области нет. Ясно одно, что во всех мактабах в стране упор делался на традиционные предметы, по крайней мере они занимали больше половины школьного расписания. Из новых предметов в этих школах преобладали география и математика.

В целом создание современной системы образования вело к соперничеству между традиционными и современными образовательными институтами. Большинство афганцев все еще верило, что образование любого уровня преследовало цель знакомства с исламским учением, и традиционалисты всячески сопротивлялись введению новых, современных предметов в школьную программу. Аманулла тратил невероятные усилия на то, чтобы убедить духовенство, что современное секуляристское образование отнюдь не противоречит исламу и не угрожает его духовным ценностям. Надо признать, эмир

прекрасно представлял, с какими трудностями он сталкивается при проведении этой реформы, и сам признавался в этом.

Жесткая позиция противодействия, занятая ортодоксальным духовенством, помешала осуществлению ряда важных инициатив в области образования. Так, когда зашла речь об учреждении в Кабуле университета (*Дар оль-олум*), не было достигнуто согласия относительно того, какова должна быть базовая ориентация высшего учебного заведения: то ли преподавать теологические науки, то ли современные предметы¹¹⁶.

Более того, стремясь расширить систему современного образования и ввести обязательное обучение для детей в возрасте от 6 до 11 лет, Аманулла обнаружил, что не хватает профессионально подготовленных учителей. Если бы даже ему удалось преодолеть сопротивление консерваторов, он не смог бы ввести всеобщее обязательное образование. Условия для учебы в большинстве школ были архаичными, а во многих районах вообще не было школ. У эмира не было достаточно средств для выполнения намеченной образовательной программы, к тому же он не получил всеобщей поддержки в реализации своих планов. Всего в 1927 г. в 322 начальных школах Афганистана обучалось около 51 тыс. учащихся. В лицеях, средних и специальных школах обучалось 3 тыс. человек¹¹⁷. Всего же в школах всех типов в 1928 г. насчитывалось 40 тыс. учащихся¹¹⁸.

Аманулла пытался распространить систему образования даже на кочевников, прикомандировав к ним учителей, которые бы сопровождали их в миграциях. Но для этой программы не нашлось подходящих учителей, да и кочевники не выразили особого желания учиться¹¹⁹. В планах эмира было дать образование и взрослым: он начал создавать курсы ликвидации неграмотности и даже сам провел несколько уроков на них.

В целом Аманулле удалось осуществить ряд важных начинаний в сфере образования, как и в целом в области культуры. В пригороде Кабула Пагмане открылся первый театр на открытом воздухе, где состоялся первый спектакль — пьеса «Завоевание Андалусии». Немаловажное значение имело заключение в 1922 г. культурного соглашения с Францией, в соответствии с которым в Афганистан прибыла французская археологическая миссия, получившая исключительные права на раскопки, в результате в 1924 г. в Кабуле был открыт скромный музей. Еще более важными были командирование молодых афганцев за рубеж на учебу и открытие в Кабуле женских школ.

Именно стремлением дать образование афганцам за рубежом было обусловлено введение различных образовательных систем и преподавание иностранных языков в Афганистане. В 1921 г. наследник престола принц Хедаятулла и 44 отпрыска из знатных семей были посланы во Францию для получения образования в лицее Мишле. (Французское правительство обеспечило их переводчиками и средствами адаптации к новым условиям.) Почти все афганцы, окончившие его, включая принца Мухаммада Дауда, будущего премьер-министра, в последующем занимали высшие или весьма значительные посты в Афганистане. В 1922 г. еще одна группа из 40 молодых афганцев была направлена на учебу в Европу, на сей раз в Германию¹²⁰. Другие направились в Турцию, Персию, Швейцарию и Англию. Один из братьев эмира учился в Оксфордском университете. Небольшая группа была направлена позже в Советский Союз, в основном в летные училища.

Вообще-то Аманулла планировал на систематической основе отправлять за рубеж ежегодно 300 учащихся, из них 100 в Европу и 200 в Индию. Но этот план так и не был осуществлен. Обучение за рубежом даже такого небольшого числа студентов обходилось казне, по самым скромным подсчетам, в 50 тыс. фунтов стерлингов в год¹²¹. Оправдывая столь немалые расходы перед своими оппонентами, Аманулла ссылался на один из постулатов ислама о том, что правоверные должны идти за образованием «даже в Китай».

На проходивших учебу за границей были наложены определенные ограничения: они должны были соблюдать пост во время месяца Рамазан и отмечать все национальные и религиозные праздники. Во время чтения христианскими студентами Библии афганцы должны читать Коран, чтобы укреплять свою веру. Они должны были соблюдать все ограничения, налагаемые исламом на пищу и напитки мусульман. Им не разрешалось танцевать, смотреть «неприличные» представления и вступать в любовную связь. Нарушение этих инструкций или занятие деятельностью, противоречащей политике афганского правительства, влекло отзыв студентов на родину. При них постоянно находился афганский воспитатель, который следил за их поведением и докладывал правительству в Кабул¹²². При этом реформаторы имели в виду, что, только будучи правоверными мусульманами и истинными афганцами, получившие образование за рубежом могут модернизировать свою страну.

Еще более важным новшеством была попытка развернуть женское образование в Афганистане. Созданный в 1921 г. жен-

ский лицей «Исма́т» (позже переименованный в «Малалай») работал отдельно от общей системы просвещения, под спонсорством жены эмира Сорайи и ее матери, жены Махмуда Тарзи. На открытии лицея Сорайя говорила о высокой социальной позиции, которую женщины имели в истории ислама. Она выразила надежду, что, получив образование, афганские женщины повысят свой социальный статус и будут играть более эффективную роль в обществе, внося большой вклад в развитие здорового и процветающего общества. К 1928 г. в Кабуле уже обучалось 800 школьников (в том же году девочек стали принимать на учебу в лицей «Амания»), несколько афганских студенток находились на учебе в Турции, Франции и Швейцарии. К тому времени Аманулла планировал открыть еще пять женских школ и ввести обязательное всеобщее обучение для девочек, как и для мальчиков¹²³, но события 1928 г. сорвали его планы.

Усилия Амануллы по созданию системы женского образования были только частью общей программы повышения роли женщин в Афганистане. Когда он пришел к власти, женщины имели ограниченные права. Массовыми были браки с несовершеннолетними, несправедливой была система наследования имущества. Вдова не могла распоряжаться имуществом покойного мужа и не имела права опекать своих детей. Женщина должна была неукоснительно соблюдать ношение чадры. Аманулла в своем твердом намерении улучшить эту ситуацию, ссылаясь в своей поддержке движения за женские права на «святые догматы» ислама, пошел дальше в этом направлении за короткий срок своего правления, нежели все его предшественники.

В этом плане большую роль был призван сыграть Семейный кодекс, принятый в 1923 г., регулировавший процедуры помолвки и заключения брака. Этим пытались заниматься еще эмиры Абдурахман и Хабибулла, но не достигли ощутимых результатов. Благодаря усилиям Амануллы были запрещены браки с несовершеннолетними и с близкими родственниками как противоречащие принципам ислама. В этом он повторил позицию своего отца, а именно в том, что вдова имеет право доминировать в семье своего покойного мужа. Эмир наложил жесткие ограничения на свадебные расходы, включая приданое, и предоставил женщинам право обращаться в суд, если их мужья не соблюдают положения ислама, касающиеся брачных обязательств. Согласно одному источнику, осенью 1924 г. Аманулла разрешил афганским девушкам выбирать себе мужа, что привело в ярость традиционалистов¹²⁴.

Стремясь поднять социальное сознание женщин, Сорайя в 1924 г. основала первый женский журнал «Иршад-е не-сван» («Путеводитель для женщин»). Этот еженедельник издавался женой М. Тарзи. В журнале велись дискуссии по социальным проблемам и о роли женщины в обществе. Несколько афганских женщин опубликовали статьи об исторической роли женщин в исламе и их вкладе в победу в войне за независимость. Такого рода статья появилась в журнале «Аине-йе ирфан» («Зеркало знаний»), печатном органе министерства просвещения. В этой же публикации содержалась информация о прогрессе в деле раскрепощения женщин в Египте и о положении женщин в Европе¹²⁵. В середине 20-х годов в Кабуле было создано Общество защиты женщин («Анджуман-е хемайт-е несван») во главе с одной из сестер Амануллы Коброй Джан.

Присутствие в Кабуле значительного числа женщин без чадры, особенно турчанок, которые к тому же носили современную одежду, безусловно, придавали мужество узкому кругу афганских феминисток. К тому же сам эмир оказывал им содействие. Он верил, что «краеугольным камнем будущей структуры нового Афганистана станет эмансипация женщин»¹²⁶.

Некоторые его шаги в этом направлении были вообще беспрецедентными, особенно когда он напрямую обращался к женщинам с призывом вести борьбу за эмансипацию. В этой кампании приняла участие даже афганская пресса, в том числе печатный орган министерства обороны. В 1928 г., на заключительном этапе своего правления, Аманулла предпринял фронтальную атаку против чадры, которая, как он говорил, «скрывает половину нации». В конце августа 1928 г. королева Сорайя появилась на публике без чадры, и к октябрю того же года около 100 афганок сбросили чадру. При этом в своей статье, опубликованной 10 октября 1928 г. в газете «Аман-е Афган», Аманулла заявил, что отказ от ношения чадры является делом исключительно добровольным.

Два события, неприметных сами по себе, оказали революционизирующее влияние в этой области: в 1927 г. газета «Анис» («Друг») открыла на своих страницах колонку под заголовком «Семейное счастье», и в том же году несколько афганских женщин впервые на аэроплане поднялись в небо Кабула¹²⁷.

В период правления эмира Амануллы быстрое развитие получила афганская пресса. Издававшаяся М. Тарзи газета «Сирадж уль-ахбар» в апреле 1919 г. была переименована в «Аман-е Афган» («Афганский мир») и стала полуофициозом¹²⁸.

Ее редактором был Абдул Хади Дави, которого в последующем сменил Сеид Касем-хан. Кроме нее, в столице стала издаваться еще одна газета — «Афган». Вскоре появилась и провинциальная пресса: в феврале 1920 г. в Джалалабаде начала издаваться газета «Иттифак-е машреки» («Восточный союз») под редакцией Бурхануддина Кушкаки, и в том же году в Герате — «Фарьяд» («Клич») и «Иттифак-е ислам» («Исламский союз»)¹²⁹. Все четыре газеты издавались на персидском языке, однако иногда в них публиковали стихотворения на пушту.

В том же году две газеты — «Бидар» («Пробуждение») и «Иттихад-е ислам» («Исламский союз») — начали выходить в Мазари-Шарифе, в 1921 г. — «Иттихад-е Баглан» («Союз Баглана») в Баглане и в 1922 г. — «Иттихад-е Ханабад» («Союз Ханабада») в Каттагане. В 1921 г. в Кандагаре приступили к выпуску газеты «Толу-йе Афган» («Афганский восход») и «Сетаре-йе Афган» («Афганская звезда») — в Кухистане (г. Чарикар). В Кабуле в 1923 г. появилось третье периодическое издание — газета «Хакикат» («Правда»)¹³⁰.

В 1925 г. вышел Закон о печати, который закреплял право на издание частных газет. Первой такой газетой стала «Анис» («Друг»), которая начала выходить в 1927 г. Ее издателем был видный литератор и общественный деятель Гулам Мохиуддин Анис¹³¹. Газета издавалась на пушту. Вслед за ней начала издаваться частная газета «Насим-е сахар» («Ветер пустыни»), признанным автором которой стал Абдул Хади Дави. Третья частная газета этого периода называлась «Науруз», преимущественно традиционалистского толка¹³².

По указу правительства некоторые министерства стали публиковать свои собственные издания, в основном журналы — «Аине-йе ирфан» («Зеркало знаний», министерство просвещения), «Маджале-йе сарват» («Журнал богатства», министерство финансов) и «Аскарийя» («Военное дело», министерство обороны). Большинство изданий выходило ежемесячно, через две недели и еженедельно. И лишь в 1927 г. газета «Аман-е Афган» стала ежедневной. Все газеты подвергались правительственной цензуре и были призваны формировать общественное мнение в поддержку реформ. Всего к концу 20-х годов в стране издавалось 13 государственных газет и журналов¹³³.

Авторы большинства публикаций выступали по тем же проблемам, которые некогда волновали издателей «Сирадж уль-ахбар»: независимость, национализм и модернизация. Обсуждая проблемы национализма, который стоял выше этниче-

ских и религиозных разногласий, они сравнивали нацию с семьей, объединенной узами общего наследия, территории, климата и образа жизни. Весьма популярным сюжетом оставалась идея национального единства как религиозного долга подданных. Обращаясь к нему, авторы провозглашали, что благодаря такому единству афганцам удалось одолеть Британскую империю. Следуя лучшим традициям газеты «Сирадж уль-ахбар», афганские журналисты превозносили значение науки и учения: единство без науки, считали они, напоминает двигатель без топлива; только посредством получения образования мусульмане могут выработать самосознание, преодолеть апатию и наверстать время постижения того уровня цивилизации, которого достигли другие страны. Образование, говорили они, должно поднять невежественного ребенка на уровень Аристотеля и Платона. Образование должно стать лекарством, которое избавит людей от темноты и прозябания. И Аманулла, ратующий за образование, является великим лидером, который освободил страну от иностранного господства и стремится избавить народ от невежества и нищеты¹³⁴.

Сравнительно немного в период правления Амануллы было сделано в области здравоохранения. В кабульскую больницу были приглашены несколько турецких и немецких врачей, а один из бывших дворцов Хабибуллы был превращен в санаторий для туберкулезных больных. Стремясь улучшить медицинское обслуживание населения, Аманулла пытался поставить медицину под контроль государства. Была введена система тестирования врачей и лицензирования медицинской практики в попытках сократить масштабы лечения, предпринимавшегося неграмотными *табибами*. Те, кто по незнанию или умышленно практиковал неверные методы лечения, лишался лицензии или подвергался иным наказаниям в соответствии с Законом о наказаниях, принятом в 1924 г.¹³⁵ В 1923 г. германская санитарная миссия в Кабуле открыла две новых больницы — мужскую и женскую. В целом немногие мероприятия в этой области были ограничены Кабулом и были неэффективны. Недостаток врачей, медицинского оборудования и почти поголовное игнорирование основных принципов санитарии продолжали оставаться главными национальными проблемами в области здравоохранения.

Модернизируя страну, Аманулла отчетливо понимал необходимость создания современных коммуникаций. Он расширил телефонную сеть и ввел телеграф. С этой целью он получил телеграфное оборудование из Советского Союза, а для осуществления телеграфной связи между Кабулом и Гератом — из

Англии. Телеграфное сообщение было также установлено между Кабулом и Пешаваром. Однако почтовые, телефонные и телеграфные службы связи оставались примитивными. В плохом состоянии находились дороги. После присоединения Афганистана к Международному почтовому союзу в 1927 г. Аманулла пригласил одного французского инженера для организации всей телефонной, телеграфной и почтовой связи, однако восстание 1928 г. положило конец этому проекту¹³⁶. В 1925 г. в Кабуле началось радиовещание, а в 1927 г. правительство вело переговоры с французской компанией о покупке 100-ваттного передатчика вдобавок к уже действующему. И эта покупка не состоялась из-за восстания 1928 г.

В 1924 г. афганское правительство получило первые пять самолетов, которые были пригнаны в Кабул советскими летчиками. Это широко отмечалось в столице как крупное событие. Позже правительство приобрело три «Юнкерса» из Германии и два самолета из Англии. 25 молодых афганцев были отправлены в Советский Союз на учебу в летные училища. К 1928 г. было открыто авиасообщение между Кабулом и Средней Азией, и в том же году советским пилотом был совершен первый полет по маршруту Кабул-Кандагар-Герат¹³⁷. Аманулла вел даже переговоры с турками об учреждении агентства гражданской авиации, которое уже функционировало в Турции.

В эпоху Амануллы были отремонтированы некоторые дороги и строились планы по прокладке новых трасс из Кабула в Афганский Туркестан, Кандагар и Пешавар. После завершения этого строительства Аманулла планировал построить железную дорогу. Его увлечение этой идеей может частично объяснить, почему в годы его правления ничего не было сделано в этой области. К этому вопросу в разное время подключались советские, германские и американские инженеры, изучавшие возможности соединить железной дорогой Среднюю Азию с Индией. Однако, что касается в целом железнодорожной сети, то Аманулла предпочитал следовать совету своего деда эмира Абдурахмана и сначала проложить железнодорожные линии внутри страны. Кабул, по его планам, должен стать центральным железнодорожным узлом, и уже впоследствии могли быть проложены пути к индийским границам¹³⁸. Аманулла построил небольшую железнодорожную станцию в Кабуле, планируя соединить столицу с новым городом Дар уль-Аманом, который он мечтал превратить в новую столицу Афганистана. И такая железная дорога была построена, хотя движение по ней так и не началось ввиду разразившегося

ся в 1928 г. восстания. В дальнейшем предполагалось продлить эту линию до Джалалабада.

Подобно эмирам Абдуррахману и Шер Али-хану он мечтал создать новую столицу вблизи Кабула. По его замыслу это должен был быть город науки. Новый город Дар уль-Аман строился по проектам и под руководством французских и немецких специалистов. Когда был заложен первый камень в строительство, Аманулла заявил, что рост здорового городского населения зависит от соблюдения законов гигиены и что чистота воды и улиц абсолютно необходимы. Город был соединен с Кабулом узкоколейной железной дорогой, которая так и не была пущена в эксплуатацию.

В своей реформаторской политике Аманулла не обошел и вопрос религии и деятельности мусульманского духовенства. Его мероприятия в этой сфере были весьма спорны по своим результатам и последствиям, хотя цели были достаточно ясными. Он не выступал против ислама и был вполне верующим мусульманином. Но как и его дед, эмир Абдуррахман, он чувствовал, что духовенство состоит в основном из невежественных и недалеких людей, которые используют свое влияние в народе в собственных политических и экономических целях. Средства, которыми пользовался Аманулла для изменения религиозной ситуации в стране, вполне соответствовали духу его реформаторской политики: он стремился просветить духовенство, особенно сельских мулл, и в то же время урезать их власть в тех областях, в которых, как он понимал, модернизация требовала секуляризации, в основном в системе просвещения и судопроизводства.

Чтобы понять сложность проблем, стоявших перед Амануллой, необходимо помнить о том, что духовенство проникло во все поры афганского общества. Власть духовного сословия распространялась не только на города, где влияние верховки улемов чувствовалось в среде элиты и структур политической власти, но в стране нельзя было найти ни одной крохотной деревушки, где мулла не был бы местным учителем, судьей, проповедником народного ислама, политически и экономически влиятельной фигурой. Они были широко представлены и в зоне племен, и даже в кочевом и полукочевом обществе, кочуя вместе с соплеменниками или находясь в деревне, где кочевники имеют своего рода домашний очаг. В армии был не только корпус священников, но это было всеобщим правилом, что каждый солдат и офицер имел своего духовного наставника — *пира* или *муршида*. Таким образом, духовенство проникло во все социальные слои обще-

ства, разделяя до известной степени их идеологию и ценности, сохраняя систему неформальных, но эффективных связей, пронизывающую все афганское население.

Трудности Амануллы в его отношениях с религиозным сообществом были скорее политического, нежели религиозного свойства. Вначале муллы были на его стороне, так как он поддерживал Турцию, проводил антибританскую политику и содействовал панисламизму. Но постепенно отношение к нему некоторых из них начало меняться. Не потому что Аманулла был недостаточно правоверным, наоборот, он был прилежным мусульманином, и они знали об этом, а потому, что он пытался покончить с коррупцией, урезать привилегии, требовал упорно работать и создал управляемую администрацию. Все это ущемляло prerogatives религиозных лидеров. Это происходило в двух измерениях.

В городах верхушка духовенства обладала многочисленными почетными постами. В суде кази писцы и муфтии делали деньги на разрешении споров, часто брали взятки. Они прекрасно понимали, что введенные Амануллой законы и порядки серьезно подрывали их экономическое и политическое влияние. Он ввел светское законодательство наряду с шариатом, предложил мусульманским судьям повысить квалификацию в их традиционных занятиях или стать правительственными чиновниками и нести бремя государственного управления. Лишь немногие поняли, что эти реформы необходимы и стали сотрудничать с Амануллой. Это была самая просвещенная часть духовенства.

В сельских районах ситуация была более сложной. Образование, за которое так ратовал Аманулла, угрожало позициям деревенских мулл. Более того, сельские малики тоже были немало ущемлены административными реформами, например новой системой сбора налогов и набора в армию. Местные муллы были естественным союзником традиционных структур власти в деревне, так что и они пострадали от нововведений, которые ничего общего не имели с религией. Так или иначе они выражали свое недовольство в религиозной форме.

Это политическое и экономическое противостояние представляло в конечном счете борьбу за власть между реакционной верхушкой духовенства и центральным правительством, которую Аманулла вел с секуляристских позиций, а духовенство стремилось придать противоречиям религиозный характер. В общем это была война «государства и церкви». Это была та же борьба, что и в эпоху Абдурахмана, только тогда

эмир прибегал к репрессиям, в то время как Аманулла надеялся изменить духовенство. Важнейшей предпосылкой успешного осуществления модернизации Афганистана могли бы стать совместные усилия просвещенной верхушки духовенства и правящей элиты.

В условиях правления Амануллы с его либерально-демократическими идеями и стремлением действовать преимущественно убеждением, а не принуждением духовенство получило большую возможность маневрировать и испытывать меньший страх, чем в репрессивную эпоху «железного эмира». Улемы осуждали Аманулла за то, что у него недостаточно санкций со стороны духовного сословия для проведения социальных реформ, особенно в области эмансипации женщин. В то время как известные религиозные лидеры продолжали поддерживать его, другие выказывали все большую враждебность и надеялись подтолкнуть его к силовым действиям, которые бы вызвали всеобщее недовольство. Однако эмир был достаточно умен, чтобы угодить в ловушку и реагировал на каждую вспышку обвинений методами убеждения и уговоров, привлекая на свою сторону тех служителей культа, которые разделяли его идеи. Тем не менее после мятежа в Хосте в 1924 г. эмир был вынужден прибегнуть к насилию в отношении духовенства, хотя и пытался вначале договориться с мятежными муллами.

Намерения Амануллы расширить свободу вероисповедания и ликвидировать религиозную дискриминацию породили серьезные противоречия между ним и духовным сословием. Он проявлял в этом настойчивость, ибо был убежден, что задача возрождения нации не может быть решена до тех пор, пока клановые и религиозные противоречия разделяют значительную часть населения. Так, в конституции 1923 г. евреям и индусам предписывалось ношение специального отличительного знака и содержалось ограничение на свободу вероисповедания с тем, чтобы предотвратить отступничество от ислама. Ханифитский толк ислама был определен как государственный, и это являлось дискриминацией в отношении крупной хазарейской шиитской общины.

Аманулле не всегда удавалось отделить религию от политики и побудить своих сторонников высоко оценивать идеи национального единства, которые он активно пропагандировал. Он сам говорил: «Я прошу Бога, чтобы он помог мне в служении народу и религии и готов отдать свою жизнь за ислам, но я хочу отменить все религиозные предрассудки, которые сви-

детельствуют о слабости мусульманского мира. Любой, кто осмелится говорить о шиитах и суннитах, будет наказан»¹³⁹.

И в то же время он понимал, что его стремление добиться кланового и религиозного единства часто наталкивалось на враждебность влиятельных пуштунских авторитетов и религиозных деятелей, чьей поддержки в осуществлении программы модернизации он добивался. И поэтому временами он был вынужден уступать давлению, как это было во время забивания камнями миссионеров Кадияни.

Члены Кадияни, ответвления религиозной секты Ахмадия, рассматривались ортодоксальными улемами как еретики, поскольку они отвергали идею о том, что Мухаммед был последним из пророков. В отличие от приверженцев других направлений ислама, они активно занимались миссионерской деятельностью. Некоторые из их религиозных лидеров проникли в Афганистан под прикрытием движения *хиджрат*, когда индийское халифатистское движение организовало переселение мусульман из Британской Индии в знак протеста против расчленения Османской империи. Вскоре они уже активно выступали с проповедями на базарах, успешно привлекая в свои сети местных мусульман. Они проповедовали либеральный ислам, будучи глубоко убеждены в необходимости развития просвещения, в чем их идеи во многом соответствовали устремлениям Амануллы¹⁴⁰.

Несмотря на это в 1925 г., вскоре после мятежа в Хосте, один из миссионеров по имени Ниматулла и его помощник были забиты камнями до смерти на кабульском базаре по подстрекательству суннитских мулл. Индийская либеральная пресса обрушилась на афганских ортодоксов с резким осуждением, констатируя, что такая расправа противоречит положению афганской конституции о свободе вероисповедания. На эти обвинения был вынужден откликнуться официоз «Аман-е Афган», которая заявила, что свобода вероисповедания дает право проповедовать приверженцам других религий, но не разрешение так называемым мусульманам проповедовать их еретические доктрины. Складывалось впечатление, что Аманулла таким образом «бросил кость» ортодоксальному духовенству, чьей политической лояльности он добивался. Оправдывая расправу над проповедниками секты Кадияни, газета обвинила их в том, что они разжигали мятеж 1924 г. в Хосте¹⁴¹.

Противостояние между духовенством и Амануллой в борьбе за влияние усилилось после подавления мятежа в Хосте и заключения перемирия, когда программа модернизации ста-

ла заметно ущемлять привилегированные позиции мулл. Обрело силу и стало активно применяться светское законодательство. Аманулла пытался внести дух либерализма в религиозное образование. Выходной день был перенесен с пятницы на четверг. В последующем это нововведение дало повод его противникам обвинить эмира в искажении ислама. Аманулла же имел в виду совершенно противоположное: он говорил, что пятницу, свой выходной день, многие мусульмане тратят на отдых, вместо того чтобы посвятить его молитвам. Если же перенести выходной день на четверг, то люди в этот день будут отдыхать, а в пятницу в специально выделенное время они закроют свои лавки и конторы, чтобы совершить молитву, а затем вновь продолжат свою работу. Эта идея эмира в последующем была намеренно извращена муллами, которые толковали ее как попытку покушения на священную сущность пятницы¹⁴².

В целом в 1924–1928 гг. Аманулле удавалось одерживать верх над ортодоксальной частью духовенства, и клерикалы не могли подтолкнуть его к принятию против них репрессивных мер. Но то, что они не смогли сделать сами, свершилось после поездки эмира в Европу, из которой он вернулся с яркими впечатлениями о том, насколько развитый и цивилизованный западный мир превосходил Афганистан. Он вернулся с убеждениями, что привлечь ортодоксальное духовенство на свою сторону не удастся, косные муллы — преграда на пути модернизации и не могут быть терпимы, а потому к ним следует применить жесткие меры для подрыва их влияния. И это потом составило важный пункт его новой фазы реформ, программу которой эмир представил на суд Лоя джирги после возвращения из зарубежной поездки в 1928 г. Она была нацелена непосредственно против клерикалов. Программа включала образование для мулл, учреждение школы мусульманских правоведов, школы для юристов светского законодательства, полную ликвидацию вакфов и запрещение деятельности всех улемов, получивших образование в колледже Деобанд в Индии. Эти меры были соответственно восприняты консервативной частью духовенства как объявление войны.

Реформы, ущемившие права и привилегии духовенства, изначально не могли не вызвать противодействия. Недовольство мулл вылилось в восстание племен в Хосте в 1924 г. Это было первое испытание режима Амануллы на прочность.

Первое организованное антиправительственное выступление было направлено в основном против конституции, осо-

бенно против статей о либерализации положения женщин и стремления властей регулировать семейные отношения, чем раньше занимались местные муллы. Руководители мятежа были особенно недовольны теми положениями конституции, которые лишили их власти над своими женами и дочерьми, освященной вековыми традициями. Они также выступали против открытия женских школ.

В марте 1924 г. двое мулл из Пактии, Абдулла по прозвищу «Хромой мулла» (*мулла-йе ланг*) и Абдуррашид, при поддержке племен мангал и джадран направили эмиру письмо с требованием пересмотреть некоторые положения уголовного законодательства, указывая, что существующий кодекс не соответствует законам шариата. В ответ эмир сообщал, что этот кодекс утвержден улемами, и пригласил обоих мулл в Кабул для встречи с ними. Предложение эмира не было принято: муллы предпочли путь вооруженного выступления.

Первыми поднялись мангалы. Они уже выступали против Кабула в 1912 г., недовольные произволом местных властей и мздоимством чиновников. Солдаты, посланные тогда на подавление мятежа, были чрезвычайно удивлены нищетой выступивших. В то время в провинциях Пактия, Парван и Нангархар уже велась широкая антиправительственная пропаганда. К тому же вазирь, соседи мангалов на индийской территории, жаловались на эмира, который пренебрегал их интересами во имя поддержания «дружественных» отношений с Великобританией.

Однако именно муллы ускорили возникновение мятежа. «Они боялись, — пишет американский автор Р.Т. Стюарт, — конституции, гражданского кодекса, который, как они считали, был принят взамен шариата, предоставившего им столько власти. Они боялись, что наступит день, когда рядовой афганец больше не будет обращаться к своему мулле с просьбой прочесть письмо, ибо сам сумеет это сделать. В горной местности, где только они были законодателями, им легко удалось поднять этих вечно отчаявшихся людей на борьбу с безбожным эмиром»¹⁴³.

В начале 1924 г. вооруженные повстанцы окружили Гардез и начали наступление на перевал Тира. Позже они осадили г. Хост, куда из Кабула был направлен начальник штаба армии генерал Мухаммад Гуль-хан Моманд с двумя кавалерийскими ротами, но не смог добиться успеха. Мятежники продвинулись в провинцию Логар.

Из Кабула в Хост были отправлены войска. С обращением к мятежникам выступил брат министра обороны Надир-хана

Шах Вали, ставший во главе войск. Он сообщил восставшим, что из Кабула выехала делегация мулл для переговоров с ними и что проблема может быть решена до того, как придут на место войска. Шесть тысяч вооруженных мангалов противостояли четырем тысячам солдат, резервистам из племен. Губернатор велел им арестовать мулл мятежников за подстрекательство к мятежу, но они отказались.

Муллы из Кабула во главе с влиятельным Шер Ага, Хазратом Шурбазар прибыли в племена раньше воинских частей и предложили местным муллам обсудить ситуацию. Они показали им письмо Амануллы, приглашавшего мятежников вместе рассмотреть конституцию и отменить законы, которые противоречат шариату. Мятежные муллы в конце концов согласились ехать в Кабул на переговоры¹⁴⁴.

В свое время, в 1912 г., войска, направленные на подавление выступлений мангалов, возглавлял Надир-хан, и тогда он обрел славу и дружбу с племенами. И теперь Аманулла просил его повести армейские части на подавление мятежа тех же племен. Надир отказался. Он заявил, что не может выступать против племен, которым в свое время были даны обещания, не выполненные до сих пор, и командовать армией, которой так пренебрегает эмир. Именно Надир-хан последние пять лет распределял правительственные субсидии среди племен Хоста и негласно даже среди племен масудов на территории Британской Индии. Они считали его своим подлинным защитником.

Встретившись в эти дни с британским посланником Хэмфрисом, Надир высказал ему целый поток жалоб в адрес Амануллы, который не слушает его советов. Он обвинил эмира в том, что тот осуществляет реформы слишком поспешно, стремясь приобщить афганцев к европейским стандартам, в то время как афганцы консервативны и фанатичны, что новый Гражданский кодекс нарушает законы шариата. Главными виновниками такой ситуации он назвал М. Тарзи и Джемальпашу. Обращаясь к послу, Надир заявил: «Никакого реального продвижения к прогрессу в Афганистане невозможно без дружбы и поддержки Британской империи»¹⁴⁵.

В результате министр обороны Надир-хан подал в отставку. Отношения его с Амануллой были окончательно испорчены. Вскоре было объявлено, что он назначен посланником Афганистана во Франции, а его пост займет брат Шах Вали. Надир хотел, чтобы брат сопровождал его как помощник, но Аманулла отказал ему в этом. Другой брат Надира Шах Махмуд был снят с должности командующего воинскими частями на севере страны и назначен начальником военного лица

в Кабуле, что было унижительно для человека такого ранга. Третий брат Надира Хашим-хан был назначен послом в Москву. Он в это время путешествовал по Европе и, не заезжая в Кабул, отправился в советскую столицу. Как считал Хэмфрис, Аманулла решил удалить всю семью Яхья из Афганистана или поставить ее под строгий надзор¹⁴⁶.

В июле 1924 г. Надир отправился в Париж, а в это время мятеж был в полном разгаре. Аманулла решил отправить в Хост батальон, который в свое время арестовал в Джалалабаде Надира и его семью после убийства эмира Хабибуллы. Однако, когда Надир стал главнокомандующим, он распустил этот батальон. И теперь его восстановление было прямым оскорблением в адрес Надира. Но Аманулла нуждался в преданных ему солдатах.

Между тем хостские муллы не поехали в Кабул на переговоры. Они протестовали у себя дома. Ходили слухи, что они получили тайную поддержку от одного из доверенных улемов, посланных Амануллой в Хост, — Шер Ага.

Шах Вали возглавил правительственные войска и повел их в Хост, губернатор которого приготовился к обороне, отправив своего любимого пони и 30 тыс. рупий золотом в Пешавар.

В это время гильзайское племя ахмадзай возвращалось из Британской Индии в Афганистан. В Кабуле всегда в это время возникали опасения, что возвращающиеся весной гильзай легко могут примкнуть к любому мятежу. Поэтому Аманулла принял превентивные меры, арестовав их лидера малика Гаусуддина, отец которого в 1912 г. возглавлял мятеж мангалов, и который сам в 1917 г. подстрекал двух знакомых опальных сардаров — Азама и Акрама, сыновей покойного сардара Аюб-хана, победителя при Майванде — к захвату трона. Однако вскоре эмир освободил его из тюрьмы, решив использовать для переговоров с гильзаями-ахмадзаями. Гаусуддину удалось уговорить соплеменников поддержать Аманулла. В начале мая два из трех гильзайских племени перешли на сторону эмира, и генерал Шах Вали уже готовился возвращаться домой¹⁴⁷. Однако гильзай-ахмадзай вдруг вновь переметнулись на сторону мятежников. Аманулла выступил с обращением к восставшим, предлагая собраться вместе и обсудить ситуацию. Было решено созвать Лоя джиргу в Кабуле в конце июля.

Тем временем глава восставших «Хромой мулла» вступил в переговоры с посланцами эмира. Мятежники требовали снижения налогов, восстановления свободной торговли с Индией, отмену нового законодательства и некоторых противоречащих, как они считали, исламу реформ.

На переговорах обе стороны достигли соглашения почти по всем пунктам, кроме вопросов образования и изменения системы набора в армию «хашт нафари». Что касается современного образования, то «Хромой мулла» полагал, что оно необходимо лишь небольшому числу молодых людей, которые общаются с иностранцами. Относительно женского образования предводитель мятежников считал, что чем меньше афганки общаются с иностранцами, тем лучше, однако согласился с тем, что они могут получать образование при условии, что оно сведется только к изучению Корана, что они прекращают учебу в школе после достижения брачного возраста, а их учителя-мужчины не должны быть моложе восемнадцати лет.

Система «хашт нафари», считал «Хромой мулла», не нужна. Если начнется война с иностранной державой, заверял он, племя мангал поставит под ружье для эмира 100 тыс. добровольцев, которые будут воевать без всякой зарплаты. Также нет необходимости обучать пограничные племена стрельбе. Сам мулла вызвал на сореживание 20 солдат регулярной армии. Все знали, что он хорошо стреляет, поэтому никто не откликнулся на его вызов.

Находясь в Кабуле, где ощущался недостаток хлеба, который обычно везли в столицу через мятежные районы, Аманулла запретил в радиусе 20 миль нанимать на уборку урожая кочевые кланы гильзаев, которые ежегодно нанимались на эту работу. Крестьяне местной округи зависели от них, однако Аманулла заявил, что он хотел бы видеть самих кабульцев на уборке урожая, чтобы пресечь слухи о плохом состоянии сельского хозяйства, распространявшиеся среди иностранцев. Декларация, изданная эмиром, гласила: «По традиции сборщики урожая получают $\frac{1}{20}$ его долю, а это запрещено Кораном, поскольку она выплачивается натурой. Постоянно перемещаясь, сборщики урожая уклоняются от набора в армию, их дети не ходят в школу, они не платят налог на скот. Правительство проводит широкие ирригационные работы и готовится обеспечить водой кочевников по низким ценам, если они хотят перейти на оседлый образ жизни и обрабатывать землю»¹⁴⁸.

Тем временем в Хост на борьбу с мятежниками было решено отправить «образцовый полк» («*кыт'е-йе намуна*»), обученный Джемаль-пашой. Его провожали королева Сорайя и королева-мать Улья Хазрат. Солдаты впервые увидели европейски одетых афганок, лишь лица которых были прикрыты

прозрачной вуалью. Солдатам раздавали носовые платки, в которых были завернуты золотые монеты. Среди них выделялся бравый, опытный солдат из Кухистана, которого больше привлекало другое занятие, к которому он пристрастился с юности, обворовав виноградник богатого землевладельца. Впоследствии он будет объяснять свой поступок желанием отомстить за отца, бедного водоноса, с которым хозяин виноградника обошелся грубо. Будущее этого человека отразит две его главные наклонности, проявленные в инциденте с виноградом: грабеж чужого имущества и оправдание поступка, демонстрирующее благородство помыслов¹⁴⁹. Он дезертирует из «образцового полк» и примет имя, которое будет всегда напоминать профессию его отца — Бачаи Сакао («сын водоноса»).

В это время Надир готовился покинуть Кабул. «Его отъезд, — писал в своем дневнике военный атташе посольства Великобритании в Кабуле, — может несколько облегчить ситуацию. И хотя нет явных признаков того, что он замешан в движении против Амануллы, его дальнейшее пребывание в столице может оказаться фактором поощрения мятежников на юге»¹⁵⁰. Сам Надир признавался, что у него нет желания ехать в Париж, но считал, что должен подчиниться воле эмира.

Англичане были бы рады, если бы он поехал в Париж через Россию, а не через территорию Британской Индии: они не доверяли ему. Перед отъездом его спросил британский временный поверенный, почему афганцы так любят говорить о своей дружбе с Великобританией в частной беседе, а не публично. Надир ответил: причина в том, что нынешнее афганское правительство на самом деле является антибританским, и он опасается, что политика англичан приведет к потере Афганистаном своего влияния среди племен и что вообще они хотят сохранить Афганистан слабым и препятствовать его прогрессу¹⁵¹. 12 июля 1924 г. Надир покинул Афганистан.

В эти дни в кабульском пригороде Пагман начались заседания Лоя джирги. При этом две группы людей стремились оказать давление на депутатов. Ближайшие советники эмира сардар Файз Мухаммад, который был в составе дипломатической миссии Мухаммад Вали-хана, и судья Абдул Васи, главный советник эмира по вопросам религии, склоняли их к одобрению новой конституции, отмечая ее достоинства и отменяя все подозрения в несоответствии исламу как несущественные. Другая группа состояла из мулл, близкие связи кото-

рых с влиятельными вельможами придавали им вес. Они уговаривали делегатов требовать отмены конституции.

Вначале все выступавшие говорили о системе «хашт нафари». Особенно жестко выступали делегаты из Кандагара, где за восемь месяцев до открытия джирги все мужское население заперлось в мечетях в знак протеста против этой системы. Аманулла тоже выступал с жаром. Он сказал собравшимся, что их недовольство свидетельствует о полном отсутствии ответственности, когда они не соглашаются с новыми налогами, которые нужны для введения системы набора добровольцев в армию. Логика Амануллы победила: Лоя джирга проголосовала за сохранение системы «хашт нафари». Но налог был снижен вдвое, а новобранец мог быть заменен другим человеком, желающим и способным служить.

Когда речь зашла о женском образовании, Аманулле пришлось капитулировать. Он не знал, как жестко противятся люди в отдаленных районах его идеям женской эмансипации. Он согласился, что девочки будут учиться до 12 лет, и, казалось, настолько проникся настроениями оппозиции, что многие надеялись, что женская школа в Кабуле уже не откроется после окончания каникул¹⁵².

В итоге Лоя джирга приняла следующие решения, которые зачеркивали многие из принятых ранее законов:

- отменяется вынесение обвинительного приговора до предъявления доказательств совершения преступления;
- разрешаются браки между несовершеннолетними;
- женщинам разрешается получать образование от близких родственников, которые имеют право входа на женскую половину;
- казнь вора после совершения повторного преступления считается законной;
- приговор к тюремному заключению может быть смягчен, если осужденный показывает признаки раскаяния;
- разрешается изучение иностранных языков немусульман, если это не наносит ущерб вере и изучающий получил религиозное образование;
- разрешается полигамия;
- брак со второй, третьей и четвертой женой может состояться без одобрения первой жены или при иных условиях. Если мужчина относится по-разному к своим женам, то дело может быть немедленно передано в суд;
- понятие «свобода» никогда не применялось, не должно и не будет применяться в отношении веры и религии.

Это понятие употребляется лишь в смысле «свободы личных прав»¹⁵³;

— удостоверение личности, согласно шариату, не считается обязательным;

— разрешается откуп от воинской службы; сохраняются школы по изучению Корана¹⁵⁴.

Принимая такие решения, муллы, многие из которых не могли читать и писать, ревизовали свод законов, который был введен во Франции Наполеоном, адаптирован в Турции и затем принят в Афганистане. Муллы были настолько невежественны, что, когда пришло время применять эти законы, по существу, никто из них не мог понять, что они означают.

Некоторые делегаты предлагали осудить министерство иностранных дел за то, что Россия не выполняет своих обязательств по договору 1921 г. Представители афганского севера были особо недовольны тем, что большевики захватили Бухару. Некоторые муллы предлагали объявить турок «неверными» за то, что в договоре с Турцией была опущена статья о том, что Турция является центром ислама.

Выступивший в заключение влиятельный мулла из Чакнаура, недовольный Амануллой, все же похвалил эмира за то, что тот согласился со всеми замечаниями, вносимыми представителями духовенства и привел законодательство в соответствие с шариатом.

Аманулла в целом неохотно согласился с требованиями, которые были выдвинуты муллами, но пошел им навстречу, создав Комитет улемов, которые должны были решать, соответствует ли любое решение правительства положениям шариата. В ответ на это духовенство поддержало его и позволило мобилизовать лояльные ему племена момандов, шинвари, вазиров, а также хазарейцев, получивших солидную финансовую помощь, для подавления восстания племен мангал и джадран.

Между тем в период, когда, казалось, с мятежом в Хосте было покончено, на политической арене появилась новая фигура, чуть было не смешавшая карты и без того пошедшему на уступки эмиру. Кабульским правителям всегда угрожали потомки их предшественников, которые теряли трон и отправлялись в изгнание в Индию, где британские власти, ощущая ответственность за свое вмешательство, обеспечивали там их пребывание.

Абдул Карим был самым молодым и наименее значительным среди сыновей эмира Якуб-хана, который в 1879 г. по Гандамакскому договору подарил англичанам право контро-

лизовать внешнюю политику Афганистана. Он проживал в Дерадуне под присмотром британской полиции, но был неспокойным человеком и бежал четыре раза из-под ее надзора. В 1917 г. Абдул Карим бежал в Афганистан, откуда англичане выманили его обещанием выплачивать пенсию. В 1920 г. он вновь ушел из дома, но был пойман и посажен на две недели под домашний арест.

Пятый побег Абдул Карима случился в то время, когда в Кабуле начала заседать Лоя джирга. Будучи незаконнорожденным, он хотел отомстить отцу, постоянно напоминавшему ему об этом, и стать эмиром Афганистана. История работала на него: в Афганистане были люди, которые хотели другого эмира взамен Амануллы. К тому же у него были проблемы с местной полицией. Он долго добирался из Бенареса до Мираншаха, где встретил одного соплеменника, признавшись ему в своем происхождении. Тот сообщил ему, что в Хосте возник мятеж, и сейчас самое время для Карима захватить власть в стране, которую когда-то потерял его отец. Вдвоем они переправились через границу, и Абдул Карим встретился с главой племени джадран. Вскоре вся округа узнала, что в здешних местах появился сын бывшего эмира. Через несколько дней претендент на престол выпустил прокламацию, где объявил себя эмиром Афганистана вместо Амануллы. Многие члены племени поставили свои отпечатки пальцев под документом.

Абдул Карим, никогда не видевший уважения к себе, свелся от гордости. И мятеж, который вот-вот должен был погаснуть, неожиданно разгорелся вновь. За спиной претендента на престол, по всей вероятности, стояли англичане, хотя прямых фактов их участия в подготовке и разжигании мятежа в Хосте нет. Накануне Аманулла обратился к британским властям с просьбой продать ему пару самолетов, поскольку имевшиеся в его распоряжении были в плохом состоянии. Англичане всячески избегали принятия положительного решения, но когда Абдул Карим появился в Афганистане, они, опасаясь прямого обвинения в своем участии в мятеже, сразу же отправили самолеты эмиру.

Несмотря на принятые Лоя джиргой решения, мятеж не прекратился. 4 августа спешно набранный полк из юных новобранцев двинулся в сторону Логара и там стал лагерем. Внезапно он был окружен мятежным племенем. Его командир был убит мятежниками, как и ранее губернатор Логара. Полк был разгромлен.

Аманулла начал принимать срочные меры. По его просьбе бывший посланник в Москве Гулам Наби-хан Чархи отправился в родные места просить помощи у своего отца, который имел большое влияние среди местных племен. Али Ахмад был послан в Джалалабад, получив пост губернатора Нангархара, приравненный к посту губернатора Афганского Туркестана и Кандагара. Он имел сильное влияние на племя хугиани, с которым эмир связывал большие надежды.

Престарелый премьер-министр Абдул Куддус и генерал Шах Вали отправились в Логар, везя с собой древнее издание Корана, чтобы побудить мангалов к переговорам. Мятежники обратились к эмиссарам эмира, заявив, что уважают Шах Вали как члена семьи, которой они многим обязаны. Часть племени открыто поддержала опального Надира. Посланцы эмира объявили племенам, что они могут сами стать объектом джихада, которым они всегда угрожают другим, если не примут мир.

Повстанцы тем временем подходили к Газни. Они разрушили телефонную линию Кабул-Газни и готовили себе пищу на костре из телефонных столбов.

Получив сообщение о разгроме полка в Логаре, Аманулла объявил джихад мятежникам. Абдул Карим, в свою очередь, именовавший ныне себя «Эмиром Абдул Карим-ханом, слугой ислама», стал союзником человека, знавшего, как его использовать, — «Хромого муллы». Он направился на встречу с ним. Мулла свел его с руководителями племен мангал, джаджи и ахмадзай. Пребывание Абдул Карима в регионе стало новым стимулом для продолжения мятежа.

Аманулла наконец нашел средство его подавления. 22 августа в Кабул из Пешавара прилетели два британских самолета, на борту которых было написано «Аллах акбар». С помощью этих самолетов над Хостом были разбросаны листовки, подписанные Амануллой и призывавшие племена к миру.

Между тем в Париже Махмуд Тарзи дал интервью, в котором обвинил англичан в разжигании и финансировании мятежа в Хосте.

Вскоре Аманулла приобрел четыре самолета в Советском Союзе, которые, управляемые русскими пилотами, прибыли в Кабул. Через несколько дней они уже бомбили территории, занятые мятежниками, но без намерения уничтожить их, а лишь с целью устрашения. По данным западных исследователей, самолеты пилотировались советскими и германскими летчиками, что было воспринято населением с враждебностью. С новым оружием XX в. и старым — наступлением зимы,

когда кочевники отправляются на зимовку в Британскую Индию, — Аманулла мог надеяться, что победа над мятежниками близка.

В январе 1925 г. «Хромой мулла» был арестован и привезен в Кабул. 23 мая 1925 г. по решению суда он вместе с другим лидером восстания Абдуррашидом был казнен¹⁵⁵.

Абдул Карим остался в окружении лишь нескольких человек, которых он называл своими телохранителями. Это были люди, готовые в любой момент продать его англичанам. Он бросил их и бежал из Афганистана, переодевшись в одеяние муллы. Добравшись до Баджаура, он встретился со знакомым ханом и раскрыл себя, попросив обратиться к британским властям за военной помощью — самолетами и пулеметами. Хан, в это время собравшийся воевать со своим соседом, с которым он находился во враждебных отношениях, и потому рассматривавший план Абдул Карима по вторжению в Афганистан как второстепенный и касающийся самого претендента на престол, просил его подождать несколько дней. Покидая хана, Абдул Карим оставил ему на хранение документ о его «избрании» эмиром Афганистана, на котором стояло много подписей.

Затем он посетил свою семью и, не получив поддержки от родных и близких в своем стремлении занять кабульский трон, вновь бежал, укрывшись в местной мечети. В тот же вечер он был арестован полицией. Аманулла обратился к британским властям с просьбой о выдаче претендента. Англичане ответили отказом и выслали Абдул Карима в Бирму. В 1927 г., по официальной версии, он совершил самоубийство. Так закончилась жизнь и карьера неудавшегося эмира. По другой версии, житель Мукура маулави Яр Мухаммадхан отправился следом за Абдул Каримом в Индию, а затем в Бирму, где выследил и убил опального претендента, а сам вернулся в Афганистан. Аманулла при этом не стал его преследовать¹⁵⁶.

После бомбардировки территорий восставших Аманулле удалось разгромить мятеж. Пять тысяч мятежников были захвачены в плен, из них семьдесят пять были казнены. Все мятежные мангалы, джадраны и гильзаи, кроме гильзаев-ахмадзаев района перевала Альтимур, которых считали самыми злостными врагами правительства, были освобождены. Ахмадзаев переселили в Афганский Туркестан, где им отвели участки земли. По случаю победы состоялся военный парад, на котором присутствовал эмир¹⁵⁷. Шер Ага, Хазрат-е Шур Базар, которого подозревали в тайной поддержке мятежни-

ков, под нажимом Амануллы покинул Афганистан и отправился в изгнание, поселившись в Индии, где завязал тесные контакты с афганскими кочевыми племенами.

Мятеж в Хосте длился более 9 месяцев, до января 1925 г., продемонстрировав слабость афганской армии. Аманулла был вынужден вернуться к системе набора в армию по племенному принципу, набирая новобранцев в основном из племен момандов, шинвари, вазиров, африди, а также хазарейцев. Это еще больше усилило военную мощь племен.

Мятежники понесли серьезный ущерб: около 3500 домов подверглись бомбардировке и были разрушены, 1575 участников мятежа были убиты и ранены, 450 женщин и детей умерли от голода и холода¹⁵⁸.

Потери правительства были не меньшими. Расходы на подавление мятежа составили около 5 млн фунтов стерлингов, то есть равнялись сумме государственных доходов за два года. Эмир был вынужден в итоге отказаться от ряда реформ, что нанесло ущерб его авторитету¹⁵⁹.

С целью увековечить победу над мятежниками Хоста в 1925 г. по указанию Амануллы в столице на набережной р. Кабул был сооружен монумент с надписью «Минарет знания и невежества».

В дальнейшем Аманулла отменил все наказания, которым подверглись участники Хостского мятежа. Он пообещал всеобщую амнистию и отмену принудительного труда, кроме строительства дорог. Эмир заявил, что будут открыты начальные школы, и все, кто пожелает, могут отправлять своих сыновей в Кабул для получения образования за государственный счет.

В последующем Москва обвинила Великобританию в том, что англичане предоставили мятежникам «деньги и оружие» «для свержения либерального эмира». Комиссар по иностранным делам Г. Чичерин заявил, что советская военная помощь сыграла решающую роль в победе афганского правительства над мятежниками Хоста¹⁶⁰. Англичане в свою очередь настаивали на том, что мятеж был подавлен преимущественно благодаря их помощи, при этом они ссылались на сближение между двумя странами, которое произошло в 1925 г.¹⁶¹

В 1927 г. Аманулла совершил поездку в Хост. Встретившись с бывшими мятежниками, он спросил, есть ли у них какие-либо проблемы. В ответ они пожаловались на произвол местных военных властей и мулл и просили Аманулла управлять их территорией по тем же законам, что и всеми остальными. Эмир заявил, что все законы, против которых

они подняли мятеж, были приняты именно для того, чтобы установить мир и справедливость.

Осенью 1926 г. Надир-хан подал в отставку с поста афганского посланника в Париже, сославшись на плохое здоровье. Он отправился на лечение туберкулеза в Швейцарию, и было неизвестно, вернется ли он в Афганистан. Его брат Хашим-хан, занимавший должность афганского посланника в Москве, был назначен посланником в Тегеран. Остальные члены семьи Яхья оставались в Афганистане, но под наблюдением.

Перед тем как отправиться на новое место работы, Хашим-хан хотел заехать в Кабул, однако эмир отказал ему, разрешив, впрочем, посетить больного Надира в Швейцарии. Хашим-хан получил разрешение на годичный отпуск на эти цели. В Париже оба брата установили контакты с британскими дипломатами, намереваясь заручиться поддержкой Великобритании в своей дальнейшей борьбе против Амануллы.

Несмотря на достаточно жесткую систему государственного управления, созданную Амануллой, эмир оказался достаточно либерален в своей внутренней политике. После прихода к власти он освободил из тюрем всех политических заключенных-конституционалистов и привлек многих к государственной деятельности, хотя большинство из них не получили доступа к высшим постам в государстве. Так, один из соратников эмира Мухаммад Вали-хан стал главой чрезвычайной дипломатической миссии, а в последующем — министром обороны. Тадж Мухаммад Пагмани был назначен управляющим внешними сношениями провинции Каттаган, а художник Гулам Мухаммад Майманеги был отправлен на учебу в Германию, откуда он вернулся профессором и открыл в Кабуле художественную школу. Мухаммад Анвар Басмаль был назначен *хакимом* (начальником уезда) в одну из северных провинций. Мир Замануддин из Бадахшана получил пост губернатора провинции Герат. Низамуддин Аргандиваль стал сначала заведующим отделом в министерстве общественной безопасности, а затем — секретарем афганского посольства в Берлине. Пача Мир-хан Логари был назначен *хакимом*, а Кака Сеид Ахмад-хан Лодин привлечен к преподавательской работе. Абдуррахман Лодин стал членом чрезвычайной миссии Мухаммад Вали-хана. Абдул Хади Дави поднялся до посольских и министерских постов.

Такая атмосфера политической свободы благоприятствовала легализации политических кружков, запрещенных в свое время эмиром Хабибуллой, и переходу их к открытой деятельности. В этих условиях в Кабуле сформировались две

политические группировки, опять же на базе прежних кружков. Точнее говоря, ядро движения младоафганцев, которое в период Хабибуллы действовало как единое политическое течение, теперь раскололось на два крыла, различные в своем отношении к реформам Амануллы, — радикальное и либеральное.

В состав радикальной группировки входили Абдуррахман Лодин, Тадж Мухаммад Пагмани, Файз Мухаммад Барутсаз, Гулам Мохиуддин Арти, Саадуддин, Мирза Абдуррахман, Мухаммад Анвар Басмаль, Мирза Нур Мухаммад, Абдул Латиф, Мир Гулам Мухаммад Губар.

Либеральная группировка, которую возглавлял Мир Сеид Касем-хан, включала Абдул Хади Дави, Факира Ахмад-хана, Сеида Гулам Ахмад-хана Пача, Гулам Реза-хана, Гулам Ахмада Рахмани, Файз Мухаммада Насери, сардара Абдул Хусейн-хана Азиза.

Обе группировки занимались преимущественно просветительской деятельностью. Ряд их членов, кроме того, вели общественную работу. Так, их усилиями в Кабуле была открыта национальная публичная библиотека. М.Г.М. Губар и А.Х. Дави работали редакторами газет.

Запустив механизм реализации реформ, Аманулла принял важные шаги по дальнейшему укреплению внешнеполитических позиций Афганистана.

Уже к 1923 г. афганское правительство имело политические отношения с РСФСР, Англией, Италией, Францией, Германией, Бельгией, Турцией, Ираном и Египтом.

31 марта 1926 г. Советский Союз заключил с Афганистаном Договор о нейтралитете и взаимном ненападении, подписанный в пригороде Кабула Пагмане — «Пагманский пакт». Согласно договору, состоявшему из семи статей и заключительного протокола, стороны взяли на себя обязательства в случае войны или военных действий между одной из договаривающихся сторон и одной или несколькими третьими державами соблюдать нейтралитет (статья 1-я). Статья 2-я предусматривала, что стороны будут не только воздерживаться от всякого нападения друг на друга, но также обязуются: 1) не участвовать в союзах или соглашениях военного и политического характера, которые были бы направлены против другой стороны; 2) не принимать участия в финансовом или экономическом бойкоте или блокаде; 3) воздерживаться от всякого вмешательства во внутренние дела другой стороны. Эта же статья предусматривала возможность оказания помощи друг другу, если в этом будет необходимость.

В договоре была статья, запрещавшая организацию и деятельность группировок и отдельных лиц, которые наносили бы ущерб Советскому Союзу и Афганистану, готовили ликвидацию существовавшего государственного строя, покушались на целостность территории, проводили вербовку вооруженных сил в целях, враждебных другой стороне. Обе страны обязались не разрешать транспортировку через свои территории вооруженных сил, оружия, военного снаряжения, боеприпасов и других материалов, направляемых против другой стороны. Статья 5-я предоставляла сторонам право полной свободы в своих внешних сношениях. Этим подчеркивалось взаимное признание суверенитета и равноправия обеих стран. Договор был заключен на три года с правом автоматического продления.

Для Афганистана Пагманский пакт имел важнейшее значение: традиционная политика нейтралитета афганского государства впервые получала юридическое оформление в международном документе. Тем самым укреплялись политическая независимость Афганистана и его международное положение¹⁶².

Подписанию договора предшествовал инцидент, произошедший на границе двух государств. В конце 1925 г. население одного из пограничных районов Таджикистана, поддержанное отрядом красноармейцев, вытеснило афганцев с острова Урта-Тугай на реке Амударья на том основании, что остров ранее, еще в XIX в., принадлежал Бухарскому эмирату, который в 1917 г. передал его афганцам. Москва, получив протест афганского правительства по этому поводу и приняв ряд неудачных дипломатических попыток закрепить остров за собой, в феврале 1926 г. вернула его Афганистану¹⁶³. Так СССР продемонстрировал готовность решать споры мирными средствами, готовя почву для Пагманского пакта. Инцидент, впрочем, вызвал, как пишут западные исследователи, неприятный осадок у Амануллы, который не избавился от ощущения, что русская агентура продолжает активно действовать в Афганистане¹⁶⁴.

Стабилизировав ситуацию в стране, Аманулла предпринял длительную поездку за рубеж. Она началась в декабре 1927 и завершилась в июле 1928 г. В поездке его сопровождали королева Сорайя и официальные лица: министры иностранных дел и финансов, председатель Государственного совета, губернатор Кабульской провинции и пять высших офицеров.

Первой страной, пригласившей Аманулла, была Италия, с которой отношения были серьезно испорчены вследствие убийства в 1925 г. афганского полицейского итальянцем Пи-

перно, который был осужден афганским судом. И хотя за убийство были заплачены деньги, итальянца бросили в тюрьму, откуда он бежал. Но на советско-афганской границе он был схвачен, доставлен в Кабул и повешен.

До этого ни один афганский монарх не ступал на европейскую землю. Нежелание двух его предшественников диктовалось их страхом оставить трон незащищенным. «Беспрецедентное решение Амануллы, — говорилось в сообщении британского правительства по этому поводу, — свидетельствует о его уверенности в стабильной ситуации внутри страны и прочности его собственных позиций. Мы верим, что эта стабильность и в дальнейшем не будет поколеблена»¹⁶⁵.

22 сентября 1927 г. афганский посланник в Лондоне, близкий друг Амануллы и бывший начальник службы безопасности Шуджа уд-Даула-хан, информировал британское министерство иностранных дел о том, что Аманулла в середине декабря отправляется в поездку и хотел бы посетить Англию. В ряде других столиц, включая Москву, афганские посланники сделали аналогичные заявления. «В целом мы поддерживаем эту идею, — говорилось в заявлении правительства Индии, — ибо это будет удобный случай, когда король встретится с королем»¹⁶⁶.

Аманулла был теперь действительно королем (падишахом), а не эмиром. В июне 1926 г. он принял этот титул как более приемлемый в современном мире, и англичане, которые оспаривали право Амануллы обращаться к нему со словами «Ваше Величество» в начале его правления, теперь рутинно использовали этот титул. Ни Москва, ни Лондон не были первыми столицами, которые собирался посетить Аманулла. Но каждая из этих столиц гадала, что будет во время визита афганского короля в другую страну.

Говоря о целях визита, Аманулла заявил, что «это не увеселительная поездка, а поездка с целью ознакомления и изучения», которая позволит ему привести в страну все лучшее, что он увидит в европейской цивилизации, и показать Европе, что Афганистан занимает свое место на карте мира. «Я так старался поднять мою страну до уровня европейской цивилизации, — говорил он, — в соответствии с тем, что я познал из книг. Теперь пришло время закончить мою учебными наблюдениями и опытом»¹⁶⁷. Газета «Аман-е Афган» писала: «Эта поездка совершается с целью подготовки условий для улучшения благосостояния и ускорения прогресса нашей родины». Аманулла, подчеркивалось в газете, едет в

Европу с тем, чтобы «изучить мировую политику и найти самый лучший путь для политики нашей страны»¹⁶⁸.

Англичане были недовольны маршрутом поездки афганского короля через Индию, так как, получив официальное приглашение от вице-короля лорда Ирвина, он решил не останавливаться в Дели, а ехать инкогнито и избежать торжественных церемоний, помня, что англичане предпочитают решать проблемы англо-афганских отношений преимущественно через Дели, а не через Лондон. И когда британский посланник в Кабуле Хэмфрис предупредил короля, что его поездка по Индии должна быть согласована с британским правительством, Аманулла заявил: «Я вообще хотел проехать через Индию как можно быстрее как частное лицо под именем Азизуррахман»¹⁶⁹.

Отправляясь в поездку, Аманулла оставил регентом в Кабуле Мухаммада Вали-хана и взял с собой губернатора столицы, своего двоюродного брата Али Ахмад-хана, которого небезопасно было оставлять в Кабуле, так как он давно попал под влияние англичан. Аманулла опасался также оставлять в столице кого-либо из братьев Надира. Сам Надир и его брат Хашим-хан находились в Швейцарии, вскоре к ним присоединился Шах Вали, который был отправлен во Францию сопровождать афганских студентов. Из оставшихся в Афганистане братьев клана Яхья Шах Махмуд неохотно принял предложение занять пост губернатора Джалалабада, где он стал править фактически от имени Надира, поддерживая семейную традицию сохранять добрые отношения с племенами¹⁷⁰.

Король включил в свою свиту и председателя Государственного совета Шер Ахмад-хана, поскольку он конфликтовал с Мухаммадом Вали-ханом. Министр иностранных дел Гулам Сиддик должен был на месте определиться в своих отношениях с европейскими странами, посему тоже попал в свиту короля. Вся она насчитывала в общей сложности 31 человек.

Аманулла начал свою поездку через Кандагар, куда он прибыл 1 декабря 1927 г. Он обратился к местному населению, призывая не слушать косных мулл, а следовать законам и быть преданным своему отечеству.

По пересечении границы Аманулла был встречен почетным караулом британских войск и получил телеграмму от английского короля, приглашавшего его в Британскую империю.

Сев на приготовленный специально для него поезд в Чамане, король, минуя Дели, проследовал прямо в Карачи. Там он выступил с речью на банкете, подчеркнув наличие тесных связей и дружественных отношений между афган-

ским и индийским народами, призвал проявлять социальную и религиозную терпимость, советовал мусульманам не следовать за невежественными муллами. Эта речь должна была звучать как его послание индийскому народу. Далее он на пароходе проследовал в Бомбей. Вице-король не встретил его, сославшись на болезнь. Действительно, согласно западным источникам, у него был приступ малярии. Однако афганского короля и его министра иностранных дел охватило подозрение, что лорд Ирвин специально уклоняется от встречи. От имени вице-короля его встречал британский посол в Кабуле Хэмфрис¹⁷¹.

Другая реакция на приезд афганского короля была у местного населения. Его приветствовали тысячи людей, индусы и мусульмане. Обращаясь к ним, он призывал их к единству независимо от веры, к прекращению национальных и религиозных распрей. Особенно тепло Аманулле приветствовали мусульмане, называя главой ислама. Среди встречавших его людей царило восхищение, многие прорывались через полицейские кордоны, протягивали руки. Призывая к свободе, Аманулла говорил, что «свобода не даруется, а завоевывается». Он стоял на трибуне рядом с женой Махатмы Ганди и, обращаясь к мусульманам — участникам митинга, говорил о том, что индусы — это соседи и братья афганцев¹⁷².

Отплыв из Бомбея на пароходе «Раджпутана», первую остановку он сделал в Египте. По пути туда Хэмфрис тщетно пытался отговорить Аманулла от возвращения из поездки через Советскую Россию, предлагая маршрут через Суэцкий канал, Бомбей, Карачи и Пешавар.

В Порт-Саиде король и его свита сошли на берег, где были встречены братом египетского короля Фуада. Их окружили фотографы, и вскоре фотографии были растиражированы по всей Европе. Во время поездки короля Фуада и Амануллы по улицам Каира их приветствовали восторженные толпы горожан, скандировавших «Египет и Афганистан!». Когда Аманулла выступал в парламенте, в зале раздавались лозунги: «Да здравствует афганский народ! Да здравствует демократический король!» Это была реакция на слова афганского короля о том, что «египетский парламент является единственным священным местом, где народ выражает свою волю». Британский верховный комиссар в Египте докладывал в Лондон: «Беспримерные усилия Амануллы в деле процветания Востока и его успешное лидерство в борьбе против Запада, естественно, снискали ему всеобщие симпатии»¹⁷³. Каирская газета «Аль-Ахрам» приветствовала его как «монарха подлинно

независимого». Король Египта Фуад наградил Аманулла орденом Мехмета Али. В заявлении для египетской прессы афганский король подчеркнул, что независимость его страны была достигнута благодаря тому, что афганцы стремились к свободе. Он напомнил, что народ Афганистана пять раз воевал, защищая свою независимость, даже тогда, когда понятие «родины» еще не вошло в их сознание¹⁷⁴.

5 января 1928 г. Аманулла и его свита отплыли в Европу, направившись в Италию. Они сошли на берег в Неаполе. И здесь он встретился с братьями Надиром, Хашимом и Шах Вали, которые прибыли в Италию встретить его. Многие изменилось за те два с половиной года, что они расстались. Теперь Аманулла был для них не просто правитель, связанный с ними национальными традициями и родством, которым даже он не смел пренебрегать. Теперь он купался в лучах славы, его имя было у всех на слуху, и не было газеты, где бы ни публиковалась фотография короля. Аманулла, похоже, выиграл битву за прогресс. Надир, в свою очередь, не имел никакого официального статуса. Он и его братья выступали как частные лица. И когда Аманулла предложил ему вернуться в Афганистан, Надир поставил свои условия.

Это не были политические условия, которые касались бы темпов модернизации или уступок в области клановых предрассудков. Надир настаивал на том, чтобы Аманулла сместил со своих постов Махмуда Тарзи, Мухаммада Вали, Махмуда Сами, Гулама Наби Чархи, Гулама Сиддика Чархи. Некоторые из них пришли на замену Надиру, с другими у него были разногласия. Для Амануллы согласиться с Надиром было равнозначно тому, чтобы расстаться с теми, кто помог ему достичь вершины. Это означало бы, что Надир и только Надир командовал в государстве. И король ответил отказом. Они все потом вновь встретились на Французской Ривьере, и их дискуссии носили острый характер¹⁷⁵.

Пока Аманулла путешествовал по Европе, в Афганистане обстановка оставалась беспокойной. Источником напряженности ситуации стал высланный в Индию Шер Ага, глава религиозного клана хазратов Шур Базар, переселившийся в отсутствие короля в Дера Исмаил Хан, поближе к афганской границе. К концу января 1928 г. к нему началось паломничество его приверженцев, недовольных политикой Амануллы, — мулл из Кабула, Хоста и других районов. Через них хазрат развернул в Афганистане широкую антиамануллистскую пропаганду, строя планы поднять мятеж в Хосте.

В события вновь включились опальные сыновья Аюб-хана, победителя битвы при Майванде, проживавшего в изгнании в Персии, рассчитывая при поддержке Шер Ага начать борьбу за афганский престол. Среди южных и восточных племен распространялись фотографии королевы Сорайи, которая путешествовала по Европе без чадры. Ситуация была настолько острой, что британские власти в Индии были вынуждены по просьбе афганского правительства отослать хазрата Шер Ага подальше от афганской границы¹⁷⁶.

Тем временем в конце января Аманулла прибыл в Рим, где его встречал итальянский король Виктор Эммануил III с королевой и фактический правитель страны Бенито Муссолини. Сорайя впервые участвовала в такого рода официальной церемонии с открытым лицом. Итальянцы выражали свое восхищение афганским королем, называя его «восточным Муссолини». В Риме Аманулла нанес официальный визит папе Пию XI, которому до сих пор не приходилось принимать руководителя страны, где не было не только католических миссионеров, но и самих католиков. Афганский король получил из рук короля Эммануила высший орден Италии, которым были награждены всего лишь 14 человек, в том числе испанский и английский короли.

В рамках официальной части визита Аманулла провел в Риме переговоры, в основном о военных поставках в Афганистан. Кроме того, афганский король закупил 150 автомобилей фирмы «Фиат» и договорился о присылке итальянских инженеров в свою страну. В Италии Аманулле подарили броневик и обещали принять на учебу в летное училище 25 молодых афганцев. Здесь же он приобрел 32 артиллерийских орудия. Афганский король посетил кавалерийскую школу и военный лагерь¹⁷⁷. Во время нахождения в Италии Аманулла через своего посланника сделал запрос относительно своей поездки в США. Но оттуда ему дали понять, что такая поездка может состояться за его собственный счет, и он может приехать как частный гость, хотя и будет принят помощником государственного секретаря.

19 января Аманулла отбыл в Ниццу. Отдохнув там несколько дней, он отправился в Париж. Столичные газеты писали о нем в восторженных тонах, называя его «самым независимым и дальновидным монархом Азии». Этот визит, писала одна из газет, является визитом целого правительства страны, ибо Аманулла в большей степени, чем Муссолини и даже Сталин, является правителем своей страны. Другая газета так писала о целях его визита: «Он хочет, чтобы Франция помог-

ла ему в банковском деле, Германия — в эксплуатации природных ресурсов, Англия продала ему вооружение, а Россия беспокоила всех их»¹⁷⁸.

На вокзале в Париже афганского короля встречал президент Французской Республики Гастон Думерг, который склонился над протянутой рукой королевы Сорайи. Фотография, на которой королева Афганистана касается иностранца, вмиг облетела не только Европу, но и фанатичные племена Сулеймановых гор и достигла Бомбея, где местная газета опубликовала карикатуру, изображавшую муллу, который застыл в ужасе, глядя на королеву без чадры¹⁷⁹.

Во Франции Аманулла осмотрел ряд промышленных предприятий и заключил соглашение о покупке довольно крупной партии винтовок и боеприпасов. Уделяя большое внимание развитию культурных связей с Францией, король решил увеличить число афганцев, посылаемых в эту страну, а также пригласил преподавателей в Афганистан. Здесь он договорился о покупке пяти броневинов, двух батарей полевых орудий, одной горной батареи и двух грузовиков.

Из Франции Аманулла направился в Германию, где его встречал президент фон Гинденбург. Германия продемонстрировала ему свою военную мощь, пригласив присутствовать на военном параде. Во время посещения компании «General Electric» он неожиданно встретил старого знакомого — фон Хентига, возглавлявшего германо-турецкую миссию в Афганистан. Они встретились как старые друзья.

В Германии Аманулла окупился в деловую жизнь. Германское правительство подарило ему три пассажирских самолета «Юнкерс», назвав их «символом дружбы между двумя странами, которые разделяют большие расстояния, и эти самолеты позволят им поддерживать между собой постоянную связь»¹⁸⁰. Аманулла, услышав в обращенной к нему приветственной речи, что авиалинию Берлин—Москва хорошо бы продолжить до Кабула, повел переговоры об организации авиасообщения по маршруту Кабул—Кандагар—Герат.

Германия предоставила Афганистану беспроцентный кредит на пять миллионов марок сроком на восемь лет, а Аманулле был подарен грузовик, на котором афганский король решил возить детей в школу. На этот кредит было закуплено типографское оборудование, два небольших «Юнкерса», мельница и фабричное оборудование, в том числе для мыловаренной фабрики. Эмир заключил соглашение с одной из германских фирм о продаже афганского лазурита общей стоимостью 850 тыс. рупий сроком на три года. Король привез с

собой в Европу образцы афганских минералов, предлагая их разработку европейцам, но это дело было настолько неизвестным, что никто не мог ничего ему твердо обещать, кроме Круппа, который согласился заняться железной рудой в Афганистане. В Германии Аманулла получил степень почетного доктора Берлинского университета. При этом дотошные немцы подсчитали свои расходы: визит афганского короля в Германию обошелся им в 250 тыс. долларов¹⁸¹.

13 марта 1928 г. Аманулла вышел из вагона на станции «Виктория» в британской столице. Встречавший его король Георг V обратился к Аманулле со словами «Ваше Величество», хотя когда-то высказал убеждение, что никогда этого не сделает. В свое время эмир Абдурахман мечтал, что когда-нибудь его будет приветствовать королева Виктория с палатой лордов по одну руку и палатой общин — по другую. Теперь его внук достиг этого. Он был принят в Бэкингэмском дворце. Газета «Times» описывала каждый его шаг во время визита.

Во время торжественного обеда Аманулла лицезрел то, что ни один афганский монарх не видел примерно с 1737 г., — бриллиант «Кух-е нур» («Гора света»). Этот бриллиант в свое время был собственностью индийской короны, когда персидский шах Надир нанес поражение Великим Моголам и завоевал Дели. На встрече с победителем, посвященной обсуждению вопросов мирного договора, могольский император спрятал этот бриллиант, единственное оставшееся у него сокровище, в тюрбан. Надир-шах узнал об этом и предложил императору отметить заключение мира традиционным способом — обменом тюрбанами. Великий Могол не смел отказаться.

Впоследствии Надир умер насильственной смертью, а его вдова подарила бриллиант за службу начальнику шахской гвардии Ахмад-шаху, вскоре основавшему династию, которую теперь представлял Аманулла. Однако между этими двумя монархами был Шах Шуджа, от которого бриллиант перешел к его преемнику. Затем камень был отдан вождю сикхов Ранджит Сингху, который победил афганцев и захватил у них Пешавар. Тот в свою очередь потерпел поражение от англичан и посчитал целесообразным предложить бриллиант британской королеве Виктории. Большую часть времени драгоценный камень находился в лондонском Тауэре, где им любовались туристы. И теперь Аманулла увидел его на груди королевы Марии. Он висел рядом с афганским орденом «Альмар-е Али», которым афганский король накануне наградил английскую королеву¹⁸².

Англичане, как и немцы, продемонстрировали Аманулле свою военную мощь: он посетил стоянки военных кораблей в Портсмуте и Саутгемптоне, осмотрел подводную лодку и совершил полет над Лондоном. В его программе было также посещение промышленных центров Великобритании — Шеффилда, Манчестера и Ливерпуля. В Оксфорде он получил степень доктора права и в качестве почетного члена был принят в Королевское географическое общество. Выступая в Оксфорде, Аманулла выразил свое восхищение системой образования в Англии и трудом британских ученых, выразив надежду, что его усилия в области образования в Афганистане дадут ожидаемый результат¹⁸³.

Газета «Times» сравнивала его визит с пребыванием здесь Петра I. Проректор Оксфордского университета сравнивал Аманулла и Сорайю с солнцем и луной, которые прибыли с Востока, чтобы осветить здесь, на Западе, их далекое королевство¹⁸⁴.

В Лондоне Аманулла провел переговоры с госсекретарем по иностранным делам Остином Чемберленом. Разговор шел в основном о границах. Аманулла остался недоволен позицией госсекретаря, который не счел возможным говорить по существу. Через несколько дней с Чемберленом встречался министр иностранных дел Гулам Сиддик, который, рассуждая о страхах Великобритании относительно «угрозы с севера» (СССР. — В.К.), говорил: «Посмотрите на карту, и вы поймете, что Россия не может угрожать Индии, иначе это будут огромные расходы, в том числе связанные с транспортировкой людей. И если сообщения британской прессы об этой угрозе неосновательны, то можно говорить лишь о воображаемой угрозе, которую разделяет правительство Индии, полагающее, что Россия вместе с Афганистаном совершит нападение на нее. Такая идея никогда не приходила в голову королю Аманулле, а британскому правительству следует подтвердить эти опасения»¹⁸⁵. Гулам Сиддик теперь полностью занимался внешнеполитическими связями Афганистана. Махмуд Тарзи еще до прибытия Амануллы в Англию покинул короля и отбыл обратно в Афганистан в связи со слухами о волнениях в стране.

Между тем англичане думали, что подарить Аманулле. Проблема была не в том, чтобы эти подарки пошли на пользу его стране, а в том, чтобы они пошли на пользу британским интересам. В эти дни угроза со стороны Советского Союза казалась им настолько реальной, что правительству Индии были даны соответствующие инструкции. Речь даже шла о возмож-

ной войне с Афганистаном и пограничными племенами и не исключалась вероятность войны с Россией. Это обстоятельство повлияло и на характер подарков Аманулле.

Англичане согласились заняться дорожным строительством в Афганистане, но при этом планировали проводить дороги «туда, куда нужно». В аналогичном ключе шла речь о железной дороге, которая, по мнению англичан, должна быть построена в направлении не Кушки, в Чамана. Собственными интересами руководствовались англичане и при обсуждении вопроса о поставках в Афганистан промышленного оборудования. Зачем, рассуждали они, давать Афганистану промышленное оборудование, если его использование вытеснит индийскую продукцию с афганского рынка? Зачем давать Афганистану самолеты и запчасти, если афганскими ВВС командуют русские¹⁸⁶.

Британские власти в Индии вычеркнули из списка подарков Аманулле пулеметы, опасаясь, что их собственные солдаты могут со временем попасть под их огонь. Аманулле сказали, что у них нет лишних пулеметов. Сами чиновники Индийского департамента министерства иностранных дел в Лондоне поражались неуклюжести британских властей в Индии, заявивших об отсутствии лишних пулеметов в империи.

В конечном счете Аманулла получил военные подарки стоимостью один миллион рупий, которые включали: три броневика «Роллс-Ройс», шесть пулеметов с боеприпасами, одну батарею гаубиц калибра 3,75 дюйма, одну батарею орудий калибра 2,75 дюйма с полным боекомплектом по 500 снарядов для каждой из них. Кроме того, ему были переданы 1000 винтовок и 100 тыс. патронов к ним¹⁸⁷. Список всего вооружения должен был быть подготовлен в августе, а поставки начаться через несколько месяцев. Эти поставки оплачивались правительством Британской Индии. В качестве личного подарка Аманулле преподнесли «Роллс-Ройс», однако не спортивную модель, о которой он мечтал, а лимузин стоимостью 2637 фунтов стерлингов. Свою мечту он осуществил из своего кармана за наличные и заказал еще два «Роллс-Ройса», положив деньги на депозит в местном банке. Королева Сорайя обзавелась мебелью для нового дворца в Дар уль-Амане, который к тому времени был уже построен и куда королевская чета собиралась переехать к Новому 1929 г. Аманулла не стеснялся брать подарки, как это было принято на Востоке, и когда они покидали Англию, потребовалось десять грузовиков, чтобы погрузить их все. 5 апреля король покинул Англию.

Следующим пунктом поездки Амануллы была Советская Россия, куда он прибыл 3 мая. По пути он сделал короткую остановку в Берлине, а затем в Варшаве, где подписал афгано-польский договор. Помня, что Ленин в 1919 г. в письме к нему назвал его «падишахом», то есть королем, в Москве ему приготовили отдельный дворец напротив Кремля через Москву-реку. Кстати, во время пребывания короля в Англии людям из его окружения советовали не ехать в Советский Союз. Британский посланник в Кабуле Хэмфрис считал такой визит рискованным.

Аманулла был встречен на вокзале в Москве главой советского государства М. Калининым. Королеву Сорайю опекала специально вызванная из Швеции советский посол в Стокгольме А. Коллонтай. На московских улицах афганского короля приветствовали десятки тысяч восторженных москвичей.

7 мая Аманулла встретился с народным комиссаром иностранных дел Г. Чичериным и сразу же заверил его в самых дружественных чувствах в отношении Советской России. Чичерин рассказал ему о позиции Москвы в отношении англичан: «Мы знаем, в Англии некоторые пытались Вам внушить, что мы настроены агрессивно в отношении англичан и вообще ко всем. Но это не так. Мы симпатизируем всем народам, борющимся за свою независимость, и так или иначе поддерживаем их. Но это не значит, что мы ополчаемся на Англию и хотим воевать с ней, как говорят наши враги. Наш народ не питает нежных чувств к англичанам, так как с самого начала нашего существования на всех фронтах англичане создавали трудности для нас, играли важную роль в интервенции и сейчас хотят прижать нас к стене. Но это не значит, что мы хотим выступить против них, ибо по характеру нашей власти мы не можем проводить агрессивную военную политику. Не Англии надо бояться нас, а мы должны ее опасаться. В дальнейшем будет видно, готовит ли Англия против нас войну. Англичане всегда стремились воевать чужими руками. Они могут натравить на нас Польшу. Я лично спокойно воспринимаю польско-афганский договор, но у людей он может вызвать опасения»¹⁸⁸. Аманулла успокоил Чичерина, заявив, что этот договор касается лишь установления афгано-польских дипломатических отношений и не содержит никаких обязательств.

Нарком сказал, что он слышал, будто поляки хотят взять под контроль производство хлопка в Афганистане. Аманулла категорически опроверг эти слухи, заявив о том, что никто из иностранцев не может контролировать ни одну из отраслей

афганской экономики. В конце беседы король сказал нарком, что из визита в каждую страну он извлекал какую-то пользу для Афганистана: или покупал машины или оружие, или договаривался о командировании афганских студентов на учебу, или приглашал специалистов в Афганистан. «Я был бы разочарован, — заключил он беседу, — если бы в результате моего пребывания в самой дружественной стране я бы не сделал ничего для моей страны». Он предложил обсудить эти вопросы отдельно с участием заместителя министра иностранных дел Гулам Сиддика и министра торговли Абдул Хади Дави, которые сопровождали его в поездке, и предложил две конкретные темы — дорожное строительство и заключение торгового договора. Он уже не раз говорил о своем желании подписать такой договор с предоставлением Афганистану льготы, то есть транзита через советскую территорию. «Я не могу, — подчеркнул он, — покинуть Афганистан, блокированный со всех сторон, как сейчас»¹⁸⁹.

Позже речь зашла об альянсе четырех государств — России, Персии, Турции и Афганистана. Партнер Амануллы по переговорам Лев Карахан, директор Азиатского департамента министерства иностранных дел был весьма откровенен. По его мнению, создание такого военного союза со взаимными гарантиями невозможно, так как третьи страны воспримут его как агрессивный блок, направленный против них. Гулам Сиддик согласился с ним, считая, что сейчас не время для такого альянса. Был еще поднят вопрос о строительстве современной дороги из Кабула до советской границы через Мазари-Шариф. Карахан согласился с таким проектом «в принципе».

Чичерин спросил у короля, правда ли, что, по сообщениям британских газет, Аманулла заключил соглашение с Лондоном о том, что афганская армия будет в подчинении у английских офицеров. Аманулла в ответ рассмеялся и ответил: «Я вас искренне прошу не верить этим слухам. Я не заключал в Лондоне такое соглашение и никогда не помышлял нанять английских офицеров. Сообщения газет весьма полезны, так как они показывают, чего действительно хотят враги Афганистана и чего он должен избегать. Я очень признателен этим газетам, так как узнал о том, что я не должен делать»¹⁹⁰.

В результате визита Аманулла получил в Советском Союзе четыре сельскохозяйственных трактора, два танка, два самолета и несколько альбомов с фотографиями советских строек.

В качестве личных подарков Аманулле вручили меч и саблю, а Сорайе — ружье и набор кукол в русских костюмах, а также обеденный сервиз на 75 персон, принадлежавший до революции графу Юсупову.

Карахан так резюмировал результаты визита афганского короля: «Мне кажется, самым важным итогом пребывания падишаха в нашей стране стали его личные контакты с государственными деятелями, которые были более близки, нежели в других европейских странах. Когда он прощался с нами, он назвал имена Калинина, Чичерина, Ворошилова и Рыкова... Маневры в Москве, которые он посмотрел, произвели на него столь сильное впечатление, что он расценил нашу дружбу как самую крепкую и считает, что любое государство, которое захочет заменить нас, будет считаться его врагом. Для деятеля подобного ранга такое заявление должно быть признано как крайне важное и ответственное»¹⁹¹.

Во время визита случались и казусы: Аманулла пригласили участвовать в презентации 49 боевых самолетов для Красной армии, но он отказался, когда узнал, что они были приобретены Фондом «Ответ Чемберлену», созданным Сталиным, обвинившим Чемберлена в агрессивных намерениях относительно Страны Советов. На лекции в Институте Ленина король с улыбкой выслушал тезис о том, что «он является просвещенным монархом, который никогда не потерпит доминирования Англии в Афганистане». В ответ он заявил, что получил сильное впечатление от увиденного в Англии и уверен, что Британская империя имеет добрые намерения относительно Афганистана¹⁹².

Во время визита Аманулла посетил и Ленинград, где ему отвели покои в Зимнем дворце. Оттуда он проследовал на Украину и в Крым.

Из России афганский король отправился в Турцию. На вокзале в Анкаре он трижды расцеловался с встречавшим его президентом Турецкой Республики Мустафой Кемалем, позднее, в 1934 г., прозванным Ататюрком, который совершил многое из того, о чем пока только мечтал афганский король. Они начинали в один год — 1919, когда Ататюрк боролся в Анатолии за свободу, а Аманулла — за независимость и социальное освобождение. Турция за эти годы ушла далеко вперед. В Турции Мустафа Кемаль давно уже снял чадру с женщин, а дети учились в школах. При этом он действовал жестко, не хуже любого халифа.

Из Анкары Аманулла проследовал в Константинополь, где осмотрел Палату Святой Мантии, в которой хранились мно-

гие предметы, связанные с жизнью и деятельностью пророка Мухаммеда: его мантию, флаг, меч, лук. Ни один простой мусульманин никогда не видел эти реликвии в эпоху султанов. Раз в год только почетные гости могли поцеловать ларец, в котором хранилась мантия Пророка.

Аманулла попросил показать ему ларец. Ататюрк давно отменил все внешние религиозные атрибуты, как и саму светскую власть халифата, и с тех пор никто не входил в Палату Святой Мантии. И когда король обратился с такой просьбой, охранник у дверей Палаты был смущен тем, что такой знатный гость из Афганистана придает такое значение тому, что отменено Ататюрком. Он сказал королю, что не может открыть своим ключом Палату. Аманулла заметил, что в Афганистане тоже есть мантия Пророка. В конце концов вопрос об открытии Палаты не был решен даже на дипломатическом уровне, и Аманулла не увидел мантию.

19 мая 1928 г. он подписал договор о дружбе с Турцией. В своей речи, подчеркнув значение этой дружбы, он назвал турок своими братьями и наставниками. В ответном слове Ататюрк высоко оценил неистребимый дух независимости афганцев и подчеркнул, что турки и афганцы имеют общие цели и могут считать себя наследниками единой нации. Аманулла он назвал подлинным лидером Афганистана, в котором нуждается его страна¹⁹³.

6 июня Аманулла прибыл в Персию, где на берегу Каспия, в городе Энзели, его встречал министр шахского двора Теймурташ. Сорайя впервые за последние пять месяцев окунулась в мусульманскую атмосферу затворничества, надев прозрачную вуаль. Она уже не сопровождала мужа на официальных церемониях, а сама появлялась в сопровождении шахини. Даже на прощальном приеме, данном Амануллой, где присутствовали иностранные послы, Сорайя не появилась.

Королевскую чету в Тегеране очень тепло встречали простые люди. Аманулла, в отличие от Реза Шаха, свободно прогуливался по городу, сам сидел за рулем машины.

В Тегеране Аманулла заключил договор о дружбе с Ираном. Афганский король наградил шаха орденом «Альмар-е Али» и сам получил высший персидский орден.

Далее он проследовал на родину на автомобиле. В поездке по стране Сорайя отбросила религиозные условности и путешествовала без вуали.

В целом зарубежная поездка Амануллы обернулась его подлинным триумфом: он получил полное представление о современной цивилизации и подписал десяток соглашений и

договоров, нужных и ненужных, которые обеспечили Афганистану достойное место в мировом сообществе. И лишь его желанием добиться признания Афганистана можно объяснить заключение им формальных договоров с Финляндией, Швейцарией, Боливией, Латвией, Либерией и Польшей. Ему также удалось привлечь интерес Германии, Италии и Франции к экономическому развитию Афганистана и к его географическому положению как к «воротам в Индию». Во время своей поездки он закупил военные материалы и пригласил на службу различных специалистов из этих стран. В качестве подарков для своей страны он получил 13 самолетов, два трактора и автомобиль «Роллс-Ройс».

20 июня королевский кортеж прибыл в Кандагар. Здесь Аманулла поделился впечатлениями о своей поездке. Он вновь повторил, что совершил поездку не ради удовольствия, отдыха и покупки машин, а для того чтобы найти реальный путь к прогрессу. «Даже во время праздников и приемов в мою честь, — подчеркивал он, — я посвящал себя обсуждению путей к прогрессу с великими государственными деятелями Запада».

«Все, что я узнал, — обещал Аманулла, — будет вскоре предложено народу, который определит, в чем была моя цель — улучшение моей страны и народа или личный интерес Аманулла и королевы Сорайи. Если мои цели неверны, народ может отвергнуть мои предложения, а если нет, то, надеюсь, Кандагар будет первым городом, который начнет их реализацию. Кандагар — самый любимый мой город в стране. Отец больше всего любит того сына, который больше всего слушается его»¹⁹⁴.

Находясь в Кандагаре, Аманулла в первую очередь упрекнул в безделье чиновников. «Ничего не делается, — жаловался он, — в строительстве телефонных и телеграфных линий и дорог. Неужели не стыдно, что почту в Афганистане до сих пор носят на спине? Или возьмите телеграф. Линия до Фараха не закончена, работа приостановлена. Почему? Потому что жарко, и люди не могут работать. Очень жаль, что король Афганистана сидит в Кандагаре и не знает, что происходит в Герате. Почему? Потому что чиновникам просто лень этим заниматься. Сравните такое положение вещей с другими странами. Возьмите Лондон. Там в любой момент вы узнаете, что происходит на всем земном шаре. В Европе женщины работают наравне с мужчинами и активно участвуют в общественной жизни. А у нас: женщины сидят без дела дома. Вот поче-

му наша страна такая отсталая в отличие от других процветающих стран, где женщины имеют равные права с мужчинами.

Афганистан находится между двумя сильными державами — Великобританией и Россией. Ни одна из них не хочет видеть Афганистан процветающим. И это естественно: вы тоже не хотите видеть соседнюю страну сильнее, чем ваша. Почему вы считаете, что Россия или Англия должны помогать вам? Что же делать в этом случае? Упорно пытаться самим заработать деньги. В нашей стране много полезных ископаемых. Работайте на них, используйте их. Организуйте компании, стройте фабрики и заводы. Приложите немного труда. И пока вы не поможете себе сами, вы не сможете развиваться со всем миром и сохранять свои интересы. Вы не достигнете никаких целей, если будете сидеть без дела. Я не могу все сделать за вас. Я могу только посоветовать вам, нажать на вас, и больше ничего. И можете быть уверены, что Аманулла до последнего дня своей жизни будет стремиться реализовать свои амбиции, которые состоят в том, чтобы видеть Афганистан развитым и процветающим, если вы проснетесь от долгого сна»¹⁹⁵.

В июле 1928 г. Аманулла вернулся в столицу. Во многих отношениях это был изменившийся человек. Его поездка в Европу, а также посещение Турции и Ирана привели его в состояние пессимизма на грани отчаяния: теперь он понял необъятность задач по модернизации Афганистана. Сопровождавший его в поездке корреспондент газеты «Daily Mail» писал: «Он заразился вирусом Запада настолько серьезно, что потерял чувство меры»¹⁹⁶. Находясь под впечатлением энергичных, почти диктаторских средств, которые использовались Мустафой Кемалем и Реза Шахом для броска в двадцатый век, Аманулла решил расширить список реформ и ускорить, если необходимо, темпы модернизации страны.

По пути в Кабул король везде выступал перед народом, рассказывая о прогрессе, жестко критикуя реакционеров и консерваторов. Прибыв в столицу, он также обратился к нации, в частности сказав: «Целью моей поездки явилось глубокое понимание секретов удивительного прогресса, которого достигла Европа, и моей единственной мыслью был поиск правильных путей развития нашей страны... морального, интеллектуального, социального, экономического. Самый надежный путь к прогрессу — это приложить все усилия к тому, чтобы дать нашим сыновьям и дочерям образование в соответствии с современными стандартами. Я вынужден подчеркнуть, что главное условие нашего прогресса составляет отказ от устаревших, изживших себя идей и традиций, и, как

говорит пословица, необходимо идти в ногу со временем... Действительно, взлет и падение нашей страны во многом зависят от нашего подрастающего поколения, поэтому ваша святая обязанность дать ему современное образование. Я хочу, чтобы вы торжественно поклялись в том, что вы сделаете все, чтобы помочь в этом великом деле. Мы должны показать другим странам, что мы уже не невежественные люди и намерены твердо стоять на своих ногах, не опираясь на других»¹⁹⁷.

В свою очередь, королева Сорайя опубликовала 25 июля статью в газете «Аман-е Афган», в которой доказывала, что еще в доисламский период женщина полностью принадлежала мужу, родителям и сыновьям, а ислам уравнил женщин и мужчин. Общепринято считать, писала она, что существующие традиции исходят из веры. Это относится и к чадре. Однако это не так, ибо ношение чадры давно уже вошло в практику и постепенно было закреплено в религии, как считали простые люди. В Коране предписывается женщинам закрывать все тело, кроме лица, кистей рук и ступней ног, так, чтобы было удобно молиться. Это касается и мужчин. Чадра — это не изобретение ислама. И если всеобщее мнение относительно чадры останется без изменений, то прогресс на Востоке, особенно среди мусульман, невозможен.

«История свидетельствует о том, — писала она, — что женщины были важным фактором развития человеческой цивилизации. Поэтому они могут и должны получать современное образование, даже находясь под чадрой. Но образование не ограничивается лишь умением читать и писать. Образование идет через постижение практического курса, классных занятий, опыт и исследование, которые обеспечиваются в университете или другом учебном центре и не сочетаются с ношением чадры. Поэтому я советую женщинам Востока отбросить существующее мнение о чадре и следовать положению ислама в отношении женской одежды»¹⁹⁸.

Сорайя выступила в женской школе Кабула, призывая школьниц бороться против ношения чадры, но никто не воспринял ее всерьез. Затем она выступила на женском собрании во дворце, сравнивая женщин на Западе, работающих наравне с мужчинами, и афганских женщин-затворниц. В рамках борьбы за эмансипацию женщин Кабул был поделен на районы, в каждом из которых был человек, ответственный за женское образование и вообще за женские права. И теперь Кабул отнесся к перспективам отмены обязательного ношения чадры более серьезно.

Сам Аманулла тоже собрал женщин во дворце, но пришли лишь немногие, потому что он не входил в число их родственников. Они услышали, что являются объектом тирании со стороны своих мужей и, по существу, ведут жизнь в заключении. Король призвал женщин не следовать указаниям мужей относительно чадры и посещать места публичных развлечений. Он даже в шутку пообещал снабдить их оружием для отстрела тех мужей, которые противятся женской эмансипации. К несчастью Амануллы его юмор оказался невостребованным.

Аманулла, находившийся под впечатлением своей поездки на Запад, запретил чиновникам ношение национальной одежды — чалмы и широких шароваров, требуя заменить их европейским костюмом. Сначала это новшество распространялось на новую столицу Дар уль-Аман и загородный парк Пагман, затем этого стали требовать и в самом Кабуле. Вместо чалмы и традиционной каракулевой шапочки король предложил носить шляпы. Вероятно, он следовал примеру Ататюрка, который велел туркам носить шляпы вместо фески, выбросив собственную публично в Босфор.

В газете «Аман-е Афган» народу разъясняли, что афганец в европейском костюме «чувствует в себе нечто вроде революции и модернизации». И если кто-то считает, что шляпа некрасива, то после недолгого размышления он придет к выводу, что она удобнее чалмы.

В августе 1928 г. Афганистан отмечал 10-ю годовщину независимости, поэтому Аманулла решил совместить праздник с заседанием Лоя джирги в Пагмане, на котором предполагал обсудить свои новые идеи. Предусматривалось также участие в ней женщин, от имени которых на джирге должна была выступить сестра Амануллы Кобра Джан. Ожидалось, что Сорайя соберет «пожилых и интеллигентных» женщин из Кандагара, которые затем расскажут о джирге женскому населению города. Тамошние настроения были не весьма благоприятны для Амануллы: некоторые кандагарцы угрожали своим делегатам, что если те поддержат снятие чадры и женское образование, то будут убиты¹⁹⁹.

Некоторые вопросы для обсуждения на джирге были уже обнародованы: Аманулла запретил чиновникам многоженство и установил лимит калыма — 29,5 рупий за невесту.

Процедура заседания Лоя джирги предусматривала, что все депутаты должны быть одеты в европейское платье. Появилась проблема — а где его взять. У многих депутатов не было средств, чтобы взять костюм хотя бы напрокат, поэтому им

раздали черные брюки, пиджаки и шляпы, которые были сшиты заранее. Для желающих сбрить бороду в кулуарах джирги были наготове парикмахеры.

Заседания джирги открылись 28 августа в построенном незадолго до того театре в Пагмане. В них участвовали более тысячи делегатов. Перед началом заседаний Аманулла, стремясь заручиться общественной поддержкой, провел конфиденциальные встречи с некоторыми из них.

Как многие и опасались, Аманулла открыл Лоя джиргу вопросом о женских правах. Они удивились, когда король заявил о том, что отправил группу молодых афганок на учебу за границу, в Турцию.

Затем Аманулла перешел к главному. До сих пор, по его мнению, правительство было занято установлением мира и дружественных отношений с другими странами, но все это время он размышлял о том, что может лучше всего служить интересам Афганистана.

И он продолжил рассмотрение женского вопроса. Он процитировал выдержку из Корана, содержащую разрешение полигамии, то есть наличие до четырех жен при условии, что ко всем ним будет абсолютно одинаковое отношение. Но это почти невозможный идеал, был уверен король, поэтому никто не может иметь больше одной жены. Будущее процветание страны зависит от матерей и от того, как они будут воспитывать молодое поколение.

Далее король выступил с отчетом о своей поездке и проектом тех реформ, которые он вынашивал долгое время. Было совершенно очевидно, что впечатления Амануллы от зарубежного турне повлияли на характер этих реформ, которые были более радикальны, нежели нововведения первого этапа. Впрочем, это влияние не следует преувеличивать, как это делали некоторые зарубежные исследователи, считавшие реформы второго этапа прямым следствием зарубежной поездки короля. «Было бы большой ошибкой, — подчеркивала газета «Правда Востока», — приписывать проведение всех этих реформ “цивилизующему влиянию Европы” и “западничеству” падишаха Амануллы. Корни всех этих буржуазных реформ лежат гораздо глубже; социальный генезис их — в экономических интересах афганского торгового капитала в тех условиях, когда этот последний стремится обеспечить для своего развития»²⁰⁰. Новая серия преобразований, подготовленных Амануллой после его возвращения из Европы, явилась логическим завершением всего комплекса реформаторских усилий младоафганцев.

Большинство его предложений и программ было направлено на ускорение социально-экономической трансформации Афганистана. Он предложил внести серьезные поправки в конституцию, такие, которые могли бы сделать правительство более представительным, хотя и с сохранением наследственной монархии. Эти поправки предполагали роспуск Государственного совета, который в течение долгого времени представлял интересы крупных феодалов и могущественных пуштунских племен, в первую очередь дуррани. Этот орган, который состоял из 50 депутатов, назначавшихся правительством, должен был быть заменен парламентом с ограниченными законодательными прерогативами.

Новая структура должна была состоять из 150 депутатов, которые избираются на трехлетний срок прямым голосованием. Парламент должен заседать 8 месяцев при кворуме 81 депутат. По новому положению, депутатами не могли быть избраны подданные моложе 21 года, правительственные чиновники, военные и лица, получившие афганское подданство. Участвовать в голосовании не могли лица моложе 20 лет, осужденные на срок более трех лет и неграмотные (степень неграмотности не получила определения)²⁰¹. Для некоторых отсталых районов страны были сделаны определенные послабления: при проведении выборов в течение ближайших шести лет грамотность не была обязательным требованием. Парламент не должен подменять Лоя джиргу, которая собирается каждые пять лет.

Аманулла предложил также внести некоторые изменения в армии. Стремясь создать хорошо подготовленную армию подлинно национального характера, он предложил ввести обязательное несение воинской службы с призывом в армию юношей в возрасте от 17 лет и увеличить срок службы с двух до трех лет, запретить замену рекрута и откуп от несения воинской службы.

Он сообщил о том, что приобрел во Франции 53 тыс. винтовок. Военная реформа, подчеркнул король, проводится с целью укрепления национальной обороны, и это является священным долгом каждого афганца. На этом же основании он предложил ввести дополнительный налог на покупку еще 50 тыс. винтовок и собрать 5 млн рупий на амуницию. В среднем этот дополнительный налог должен был составить сумму от трех до пяти рупий на каждого мужчину в возрасте от 15 лет, при этом чиновники должны внести налог в размере месячного оклада²⁰².

В экономической области предложения короля были в основном связаны с торговлей и коммуникациями. Стремясь ограничить экономическое влияние иностранного англо-индийского, капитала, монополизировавшего внешнюю и частично внутреннюю торговлю Афганистана, правительство Амануллы-хана стало проводить протекционистскую политику в отношении национального купечества. В 20-х годах появились первые торговые акционерные общества (*ширкеты*), в которых участвовали и представители правящих кругов, включая самого эмира. Попытка объединения национального капитала получила значительное развитие в конце 20-х годов, когда в стране уже насчитывалось около 20 торговых компаний с общим капиталом 5,5–6 млн афгани²⁰³. Ширкетам были предоставлены монополии на заготовку и реализацию важнейших товаров. В результате позиции инонационального купечества в Афганистане были несколько ослаблены. К концу 20-х годов национальный капитал осуществлял около 40% всех внешнеторговых операций²⁰⁴.

На заседании Лоя джирги Аманулла информировал делегатов о своих переговорах с промышленными кругами стран Запада и о подписании концессионных договоров. Говоря о коммуникациях, он заявил, что в ближайшем будущем следует построить телеграфные станции в Маймане и Ханабаде, на севере Афганистана. Король настаивал на том, что уже сейчас надо приступить к строительству железной дороги с помощью специалистов из Германии и Франции.

Аманулла информировал депутатов о ряде подписанных им концессионных договоров с западными фирмами, однако подчеркнул нежелательность привлечения в афганскую экономику иностранных займов, видя в них потенциальную угрозу независимости страны. Пытаясь усилить роль государства в регулировании коммерческой деятельности национального капитала, король предложил законопроект об учреждении государственного банка, намереваясь использовать купеческие капиталы на государственные нужды. Но этот проект не был поддержан купечеством, опасавшимся доверить государству свои капиталы и требовавшим создания частного банка.

В сфере образования Аманулла призвал открыть публичные библиотеки и ввести бесплатное обязательное образование для мальчиков и девочек в возрасте от 6 до 11 лет. Его главной целью, заявил король, является введение всеобщего универсального образования для всей страны. Он даже предложил ввести совместное обучение мальчиков и девочек, аргументируя свою идею экономией средств на отдельные шко-

лы. Среди других его предложений было учреждение пенсии по старости для отставных чиновников и солдат, в этом он опередил даже США, где соответствующий закон был принят девятью годами позже²⁰⁵.

Среди других нововведений следует отметить упразднение наследственных титулов, экстравагантной униформы для официальных церемоний как в армии, так и в структурах государственной власти, всех военных орденов и медалей, кроме Ордена Независимости. Король предложил также ряд жестких административных мер для борьбы с коррупцией среди государственных служащих. Действительно, система взяточничества получила широкое распространение в последние годы правления Амануллы. «Чиновники, назначаемые Амануллой как в центральный государственный аппарат, так и провинциальные органы власти, — писал афганский историк Икбаль Али Шах, — естественно, выбирались из окружения эмира; с ними заключались соглашения о дележе взяток. Всем было известно, что губернатор провинции посылал определенный процент годовых взяток своему министру в Кабул. Если он задерживал пересылку этой “доли министра”, то приказ о его смещении был готов уже через неделю... Это была система взяток, которая охватила сверху донизу все государственное управление»²⁰⁶. Лоя джирга поддержала предложение Амануллы создать ревизионную комиссию, а также разработать различные меры по регистрации имущества и доходов государственных чиновников.

Лоя джирга приняла поправки к конституции, предложенные Амануллой, даже те, которые ущемляли влияние ханов племен. Также неохотно были одобрены его военные реформы, включая требование о введении нового налога.

Однако резкий отпор вызвала социальная программа эмира. Так, делегаты, представлявшие интересы привилегированного сословия, отклонили предложение ограничить брачный возраст, который предлагал установить Аманулла — 18 лет для девушек и 20 лет для юношей. Они жестко выступили против современной, западной системы просвещения для афганских девушек, как в самом Афганистане, так и за рубежом. Критика социальных реформ шла и от других категорий делегатов. Аманулла издал три указа, которые вызвали бурную общественную реакцию. Он объявил, что женщины могут по своему желанию снять чадру, однако всем им следует в своей одежде придерживаться рамок, предписанных исламом. Позже, на одном из заседаний Дарбара, королева Сорайя демонстративно сняла легкую вуаль и разорвала ее, вызвав апло-

дисменты аудитории. По другому указу короля все афганцы, проживающие в Кабуле или прибывающие в столицу, должны быть одеты в европейское платье. Эти меры (запрещение полигамии, снятие чадры и ношение европейской одежды), серьезно касавшиеся всех сословий, породили широкое недовольство и привели к появлению оппозиции, возглавленной духовенством и некоторыми ханами племен.

Действительно, многие реформы Амануллы прямо или косвенно ущемляли традиционные права и привилегии духовного сословия. Как социальная прослойка муллы заняли враждебные позиции по отношению к королю: в первую очередь они противились его мероприятиям, многие из которых были направлены на правовую и социальную эмансипацию женщин.

Особенно не понравились муллам попытки Амануллы обеспечить право женщин на образование и ходить без чадры. Даже его желание позволить женщинам стричь волосы в соответствии с модой расценивалось как нарушение традиций, которые запрещали женщинам стричься. Если их и стригли, то в знак позора, павшего на них²⁰⁷. Некоторые предложения, а иногда и его указы, как, например, указ, предписывающий мужчинам носить европейскую одежду, приравнивались к богохульству (особенно это касалось шляпы), и особое недовольство вызывалось необходимостью обязательно исполнять указ.

Более того, Аманулла осуществил мероприятия, прямо касавшиеся духовенства. Так, он запретил духовным лицам получать образование в медресе Деобанд в Индии, называя его выпускников «предателями и иностранными пропагандистами» и отказал в субсидиях и пособиях, а также в предоставлении работы муллам из Средней Азии, известным своей ортодоксальностью. Он продолжил практику своего отца по осуществлению контроля над вакфами и сокращению им субсидий. Не нашло поддержки и предложение короля запретить солдатам иметь духовного наставника. «Вашим духовным лидером, — говорил он, обращаясь к армии, — должна быть ваша винтовка»²⁰⁸. Однако было поддержано его предложение заставить мулл пройти переаттестацию на право проповедовать и получить лицензию.

Резкий протест вызвали попытки Амануллы ограничить судебные прерогативы духовенства и лишить их контроля над образованием. Муллы не были в восторге от посещений королем соборной мечети Кабула, когда он просил Аллаха помочь ему в служении афганскому народу и исламу, и которые он использовал для выступлений перед молящимися против

предрассудков и злоупотреблений, совершавшихся во имя ислама. Даже его высокая репутация в мире как поборника ислама и исламской солидарности не смогли смягчить оппозицию мулл. Наоборот, соглашения и договоры, которые он подписал с Турцией и Персией, где проводилась политика секуляризации и модернизации и не поддерживался панисламизм как политическая цель, только ослабили его позиции. Наконец, его имидж лидера панисламизма был серьезно подорван разгромом басмаческого движения, поражением халифатистского движения и нормализацией отношений с Советской Россией, советской Средней Азией и Великобританией.

Упразднение поста султана и халифа республиканской, секуляристской властью Турции изменило характер турецко-афганского договора, устранив его панисламский элемент, близкий многим афганцам. Учитывая тесную связь Амануллы с турками, его использование Турции как модели для модернизации его собственной страны обернулось для многих афганцев большим шоком. Афганская правящая элита попыталась сделать отчаянную попытку умиротворить традиционалистские, панисламские элементы в стремлении сохранить сотрудничество между Афганистаном и Турцией, придерживаясь лояльности королю. Это было особенно заметно на заседании Лоя джирги 1924 г., когда министр просвещения разразился гневной тирадой в адрес турецкого правительства, упразднившего халифат²⁰⁹. Однако резолюция, принятая Лоя джиргой, автором проекта которой, вероятно, был Махмуд Тарзи, была достаточно мягкой. Джирга просто констатировала, что если будет созвана специальная исламская конференция по обсуждению проблемы халифата, то Афганистан будет в ней участвовать, и на ней «компетентные лица империи» должны изучить вопрос, есть ли «абсолютная необходимость» в существовании халифа для прогресса и процветания ислама²¹⁰.

В интервью местным журналистам Махмуд Тарзи объяснил, почему за рамками принятия этой резолюции правительство Амануллы отказалось быть центром панисламского движения: «Наш эмир в первую очередь солдат и афганский патриот. Он посвятил свои усилия и труд служению своей стране. Я не думаю, что он захочет поддаться искушению взять на себя функции духовного лидера, которые будут ему мешать при исполнении его обязанностей монарха. И потом, признают ли шииты власть суннитов? Конечно, эмир никог-

да не согласится с резолюцией, которая позволит ему и стране что-то потерять, а не приобрести»²¹¹.

В том же интервью Тарзи еще раз подчеркнул, что Афганистан в первую очередь озабочен внутренними проблемами. «Став свободным, — сказал он, — Афганистан стремится занять почетное место в мире, отсюда его поспешность в установлении контактов с наиболее цивилизованными нациями и попытках получить от них необходимое содействие во имя быстрого движения по пути прогресса». Было время, когда религии настраивали народы друг против друга. «Те времена прошли, — заключил Тарзи, — и мы гордимся тем, что мы мусульмане, и не позволим нанести ущерб исламу. Но сегодня мы не видим опасности для ислама. И будучи уверенными в этом... мы направляем наши усилия для достижения новой цели. Мы хотели бы жить, быть сильными и превратить Афганистан в современную страну. Мы ужасно отстали, и мы это знаем, поэтому хотим наверстать упущенное время»²¹².

На джирге Аманулла предложил заменить существующий национальный флаг Афганистана на новый, заявив, что старый напоминает флаг на корабле. Новый флаг носил черный, красный и зеленый цвета: черный символизировал мрачные времена до завоевания независимости, красный — жертвы, понесенные в войне за независимость, зеленый — прогресс, достигнутый после завоевания независимости. Над венком колосьев, в центре которого было изображено солнце, поднимающееся над холмами, были начертаны слова «Аллах» и «Мухаммед». Кроме этих слов, на флаге не было символов религии, но депутаты все же одобрили предложение.

На заседаниях джирги царил весьма напряженная обстановка. Депутаты не имели возможности прямо критиковать аппарат управления, жалобы было разрешено подавать только председателю Государственного совета Шер Ахмад-хану, который по своему усмотрению ставил некоторые из них на обсуждение. Тем не менее прения приняли острый характер. В адрес правительства были выдвинуты серьезные обвинения в коррупции и взяточничестве. Так, депутат от Кабула Гулам Мохиуддин Арти, пожертвовавший 300 тыс. афгани на закупку оружия за границей, заявил, обращаясь к королю: «Пока ваши порочные министры не будут преданы суду и повешены, никакие реформы в стране невозможны». При обсуждении вопроса о создании Национального совета депутат джирги, будущий историк Мир Гулам Мухаммад Губар, выступая против этого законопроекта, привел следующий аргумент: «Пока министры в соответствии с законом не

будут нести ответственность перед Национальным советом, а будут ответственны перед королем, создание Совета лишено всякого смысла»²¹³.

Заседания Лоя джирги закончились 5 сентября. Обсуждение ряда вопросов, которые вызвали явное несогласие делегатов, были вынесены королем в начале октября на заседания Дарбара, состоявшего из лояльных Аманулле придворных и чиновников. Его выступление длилось пять дней. Однако и здесь не все прошло гладко. Король получил небольшую дозу критики. На этих заседаниях Аманулла сообщил о том, что его поездка обошлась казне в 70 тыс. фунтов стерлингов, в то время как он получил нужных для страны подарков на 460 тыс., так что доход составил 390 тыс. Об этом было много разговоров на Дарбаре. Некоторые его участники даже интересовались, вошли ли в эту сумму расходы на транспортировку подарков²¹⁴.

Настроения участников джирги, недовольных новыми реформами, передались и другим слоям населения. К концу 1928 г. поддержка реформ Амануллы стремительно падала. Реформа налоговой системы была враждебно встречена и городским населением, и крестьянами, и муллами, и пуштунскими племенами. Самую острую критику, причем лично в адрес короля, вызвали его социальные реформы. Подвергалась сомнению его приверженность исламу, тем более после его встречи с Папой Римским, в стране распространялись слухи, что он перешел в католичество. Его соглашения с Германией, Францией и особенно с Великобританией расценивались как противоречащие национальным интересам Афганистана.

Распространялись слухи о том, что его зарубежная поездка обошлась стране в миллион фунтов стерлингов и что Аманулла вел себя в Европе не как благочестивый мусульманин: он танцевал, пил вино и даже ел свинину. Консервативные деятели были раздражены тем, что королева путешествовала по Европе без чадры, а ее фотографии появились во многих газетах, в том числе в персидских газетах «Сетаре-йе Иран», «Кушеш» и «Иран». Широкое недовольство вызвал перенос выходного дня на четверг. Поэтому новый пакет реформ, предложенный Амануллой после его возвращения из поездки, создавал исключительно опасную ситуацию в стране.

Определенное противодействие радикализму реформаторской политики Амануллы оказывали некоторые лица из его ближайшего окружения. Видную роль здесь сыграл Махмуд Тарзи. Он советовал королю резко усилить армию перед тем, как предлагать столько реформ. Аманулла, снисходительно

реагируя на это предложение, в кругу своих друзей говорил, что Тарзи, его учитель и советник в юности, одряхлел, достигнув возраста 63 лет. Сорайя тоже не была особенно расположена слушать его, хотя это был ее отец. Аманулла вернулся из поездки за рубеж уже не тем человеком, который уезжал, привлекательным и популярным. Теперь это был абсолютный монарх, который полностью использовал свою власть, хотя и утверждал, что это не так. Открывая заседания Лоя джирги, он заявил, что его предки были автократами, а он правит, советуясь с народом. Среди депутатов джирги были люди с республиканскими взглядами, которые хотели видеть Аманулла президентом. Джирга проголосовала за учреждение парламента — Национального Совета, который мог бы быть первым шагом к этому. Но выборы в парламент были отложены. В качестве оптимального решения было предложено сформировать кабинет министров из опытных государственных деятелей. Аманулла предложил назначить премьер-министром Шер Ахмада. Многие из тех, кого король предложил в качестве министров, отказались работать под его началом.

Аманулла и его советники не знали многого из того, что касалось личности Шер Ахмада. Еще в 1919 г. он встречался с британским агентом, предлагая организовать свержение Амануллы и даже его убийство. В документах британской разведки он характеризовался как «человек не без способностей, но ленивый и коррумпированный»²¹⁵. Так или иначе, вопрос о назначении Шер Ахмада премьером оказался нерешенным, и Аманулла объявил, что он сам возглавит правительство, за что подвергся критике со стороны одного из лидеров младоафганцев, начальника Таможенного управления Абдулрахмана Лодина.

Опасаясь возникновения оппозиции в высших сферах власти, Аманулла провел чистку государственного аппарата. Он удалил из него многих преданных реформации деятелей. Так, был снят с поста министра иностранных дел и личного советника короля Махмуд Тарзи, был уволен ближайший сподвижник Амануллы военный министр Мухаммад Вали-хан. Из состава правительства был выведен еще один видный деятель младоафганского толка — министр торговли Абдул Хади Дави. Места уволенных занимали карьеристы, люди неопределенной политической ориентации, сумевшие войти в доверие к королю. Многие из них были скрытыми противниками реформ. При дворе усиливалась обстановка фракционности, взаимной вражды, недоверия. Окружившие Аманулла льстецы

умышленно не информировали его о нараставшем социальном брожении и, по существу, изолировали его от общества.

Постепенно недовольство политикой режима проникло и в армию. Многие офицеры осуждали проводимые реформы. Непримируемый ко всякого рода критике король произвел многочисленные увольнения и в армии. Были отправлены в отставку многие опытные кадровые офицеры, отличившиеся в войне за независимость. В то же время получил повышение Махмуд Сами, бывший инструктор военного лицея, назначенный командующим Кабульским корпусом. В последующем он вместе с некоторыми другими деятелями из окружения короля предал его, перейдя на службу к новому эмиру²¹⁶.

Осенью 1928 г. Аманулла, пытаясь обеспечить политическую опору реформам, объявил о создании партии «Истиклаль ва таджаддод» («Независимость и возрождение»). Однако этот шаг не был поддержан лидерами младоафганцев, занимавшими умеренные позиции, в итоге идея не была реализована.

Падение реформаторского режима

Первый вызов Аманулле был брошен верхушкой консервативного духовенства, которая была убеждена в том, что пришел момент спровоцировать короля на открытые акции против духовного сословия, которые могли бы привести ко всеобщему недовольству. В первых рядах недовольных стоял один из наиболее могущественных религиозных семейных кланов Афганистана, возглавляемый хазратом Шур Базар Моджаддиди. Отношения короля с этим консервативным, но весьма влиятельным кланом было характерным примером проблемы его отношений с наиболее ортодоксальной частью религиозной иерархии.

Глава этой семьи арабского происхождения являлся пиром округа Сирхинд в Индии. Он построил здесь гробницу, которую особо чтили гильзай. После переезда в Кабул он получил титул хазрата Шур Базара, духовного лидера населения одного из торговых кварталов в центре Кабула. Эта семья унаследовала право короновать афганских монархов. Она поддерживала тесные отношения с племенами гильзаев, особенно с воинственным и могущественным племенем сулейман-хель. Поэтому семья Моджаддиди обрела сильное влияние при дворе. Двумя наиболее видными фигурами в семье были Фазль Рахим, то есть сам Шур Базар, он же Гуль Ага, и его честолюбивый брат Фазль Омар, более известный как Шер Ага.

Семья Моджаддиди была настроена протурецки, а стало быть, антианглийски, когда Аманулла еще был принцем во время Первой мировой войны, и поддерживала близкие отношения с братом эмира Хабибуллы, Насруллой. Члены семьи содействовали восхождению Амануллы на престол и использовали свое влияние, особенно в племенах, для того чтобы поднять народ на войну за независимость. Они поддерживали и панисламизм Амануллы. Но вскоре были разочарованы, когда Аманулле, заключившим мирное соглашение с англичанами, не удалось добиться присоединения к Афганистану полосы независимых племен или хотя бы амнистии или защиты для них. Хазрат Гуль Ага считал это предательством и угрозой его собственному влиянию в племенах. Трещина между ними расширялась по мере того, как в программе модернизации Амануллы все более превалировали секуляристские ценности. Отношение эмира к семье Моджаддиди, в свою очередь, становилось все более жестким.

И когда король объявил о намерении принять строгие меры против непокорных мулл в 1928 г., хазраты перешли в активную оппозицию. Аманулла думал о том, что они стали британскими агентами и замышляют заговор против него.

Действительно, хазрат Гуль Ага не стал дожидаться окончания заседаний Лоя джирги и в сопровождении своего племянника Маусума и нескольких мулл покинул Кабул, направляясь в Хост с намерением поднять племена против короля. Они собрали подписи 400 мулл, объявивших Аманулла кафиром и требовавших отмены новой серии реформ. Это было уже серьезным шагом, и король немедленно принял меры: по его распоряжению хазрат, сопровождавший его судья Абдурахман и еще 30 мулл были задержаны в Хосте и доставлены в Кабул.

Аманулла созвал Государственный совет, который расценил их действия как намерение поднять мятеж против короля. Аманулла просил судью Абдурахмана вынести обвинительный вердикт хазрату в виде *фетвы* (религиозного вердикта), однако тот отказался, несмотря на то что ранее подвергался аресту по обвинению в получении взяток и поддержке опального хазрата Гуль Ага²¹⁷. В результате он был признан виновным и казнен вместе с четырьмя муллами, а вся семья хазратов была брошена за решетку. Это и был тот самый инцидент, который многие консервативные деятели хотели использовать как провокацию. С этого момента консервативное духовенство поднялось против короля. Часть умеренных духовных лиц, получивших современное образование, продолжали поддержи-

вать Аманулла, но это были далекие от политики ученые богословы, в то время как его противники были политически активны и имели влияние в народе, особенно в племенах.

В Кабуле тем временем появились настроения в пользу освобождения из тюрьмы хазрата Гуль Ага. Аманулла в свою очередь пытался склонить на свою сторону его брата, хазрата Шер Ага, который ранее был выслан в Индию. За ним были посланы эмиссары. Однако муллы в самом Афганистане направили тайное послание хазрату с просьбой не возвращаться, полагая, что Аманулла заманивает его в западню, чтобы расправиться с ним.

В начале ноября Аманулла отправил послание мулле Ахунда из Тагао (местность между Кабулом и Джалалабадом), который пользовался большим влиянием среди племен еще со времен эмира Абдуррахмана. В 1919 г. он поддержал Аманулла, призывая верующих к войне против англичан, и был одним из трех духовных лиц, кому Аманулла присвоил особый титул «фахр уль-машайех» («гордость шейхов»). На этот раз мулла выступил против короля.

Для жителей Тагао, откуда родом была мать принца Инаятуллы, было немалым разочарованием узнать в 1919 г., что трон занял Аманулла, а не его брат. Сам же Инаятулла не был этим расстроен, ибо не нес никакой ответственности. В 1920 г. полк, который сформировал Инаятулла в период, когда он был наследником престола, попытался неудачно устроить переворот в его пользу.

Когда король пригласил муллу приехать в Кабул, тот ответил отказом. Тогда Аманулла послал туда воинское подразделение, чтобы привезти муллу силой. Солдаты, подошедшие к дому муллы, были встречены огнем из засады, несколько человек были ранены. Люди, охранявшие муллу, выгнали солдат из селения. Во главе их стоял Бачаи Сакао, который до этого уже приобрел известность в Кухистане. Его банда не только ограбила караван, который вез деньги в казну с севера, но и караваны с товарами частных купцов. Награбленным он делился со своими односельчанами. Трижды в течение сентября в Кухистан посылались солдаты и трижды они были биты Бачаи Сакао, неся потери. Его популярность была так велика, что даже малик Калакана Мохсен, который в свое время нанимал Бачаи Сакао в качестве домашнего слуги, теперь гордился своим сотрудничеством с разбойником²¹⁸.

Между тем в ноябре 1928 г. в районе Джалалабада небольшое племя подняло мятеж, сразу получивший религиозную

санкцию от большинства мулл, которые развернули мощную пропагандистскую кампанию против правительства и короля.

Мятеж был поднят кланом сангу-хель племени шинвари 12 ноября 1928 г. Менее трехсот членов этого племени напали на деревни Пиш Булак и Ачин, а также на армейский пост и разграбили их. Местное армейское подразделение без боя сдалось мятежникам. Губернатора Джалалабада охватила нерешительность. Он просто доложил об инциденте в Кабул и ожидал распоряжений. Мятежники двинулись в сторону Дакки, по пути к ним присоединялись их соплеменники. Во главе находились два хана — Мухаммад Алам и Мухаммад Афзаль, которые заявили, что их выступление поддерживают высшие лица государства.

Афзаль выступил на стороне Амануллы во время восстания в Хосте в 1924 г. Теперь он считал, что афганские девушки не должны направляться за рубеж, а, наоборот, надо пригласить из-за границы специалистов по их обучению ведению домашнего хозяйства. Судьба другого лидера мятежников, Мухаммада Алама, связана с войной, которую он пытался поднять против англичан в период правления эмира Хабибуллы, за что был наказан, лишившись должности в армии. Он встал на сторону принца Насруллы, когда тот заявил о своих притязаниях на трон, и то, что был другом семьи Надир-хана. Духовным лидером племени шинвари был все тот же Гуль Ага Моджаддида.

Есть несколько версий событий, связанных с началом восстания. Так, по одной из них, автором которой был губернатор Кабула Али Ахмад, его вдохновителем явился Гулам Сиддик, член могущественной семьи Чархи и фаворит Амануллы. Он подтолкнул Мухаммада Алама и Мухаммада Афзаля к мятежу. По этой версии, за событиями стояла борьба за политическое выживание, которая последовала за намерением Амануллы учредить подлинно конституционную монархию, когда он попросил консервативного Шер Ахмада, председателя Государственного совета, сформировать и возглавить кабинет министров. Сиддик и его сторонники выступили против этого решения, боясь потерять власть, и решили попытать счастья в племенах. Как полагал Али Ахмад, Гулам Сиддик планировал отправиться эмиссаром в Джалалабад, восстановить там мир, заработать славу и получить пост премьер-министра²¹⁹.

По другой версии, огонь мятежа разгорелся по вине небольшой группы кочевников-гильзаев. Проходя через территорию шинвари, они приняли нескольких человек из этого

племени за разбойников и убили. Гильзаи были задержаны и переданы местному гарнизону для наказания. Им удалось то ли убедить местного воинского начальника в своей невиновности, то ли удовлетворить его аппетит, и они были освобождены. В отместку шинвари напали на армейский пост. По еще одной версии, шинвари подняли мятеж, будучи подкупленными англичанами. Другие полагают, что мятеж начался вследствие ссоры между шинвари и момандами из-за территории²²⁰. Эти племена соседи и контролируют стратегический Хайбарский проход. Шинвари живут в пределах Афганистана, а моманды разделены «линией Дюранда».

С незапамятных времен оба племена занимались сопровождением и охраной (*бадрага*) проходящих здесь караванов, по существу слабо завуалированным рэкетом. Заплатив за сопровождение, *караванбаши* (погонщик каравана) мог быть уверен, что его не ограбят. Отказ платить почти всегда приводил к грабежу. И грабителями были, как правило, те же люди племени, которые предлагали свое сопровождение. Поскольку шинвари и моманды были соперниками в этом деле, то между ними временами происходили вооруженные столкновения. Однако чаще всего соблюдался *modus vivendi*.

Аманулла после возвращения из Европы решил покончить с практикой «племенного пиратства», дав указание губернатору Джалалабада установить закон и порядок на караванных путях с ликвидацией системы «бадрага». Подтверждая серьезность своих намерений, он отправил в Джалалабад дополнительные военные силы под командованием генерала Мухаммада Гуль-хана Моманда. Губернатор Джалалабада объявил в октябре, что система «бадрага» отменяется и в провинции устанавливаются закон и порядок. Более того, он предписал всем членам племен пройти регистрацию и получить удостоверение личности (приписное свидетельство) в соответствии с законом, который вот уже несколько лет существует на бумаге, но не исполняется даже в городах. Тем более он не соблюдался среди момандов, и это вызвало недовольство соперничавших с ними шинвари²²¹.

Губернатор решил начать реализацию этого закона с шинвари, рассчитывая на то, что в случае возникновения неприятностей с их стороны он может обратиться к их соперникам — момандам — за помощью. Моманды расселены на территории двух стран, занимая, таким образом, выгодное стратегическое положение, поэтому, рассуждал губернатор, с ними надо обращаться весьма осторожно. Так или иначе, шинвари, подняв мятеж, выступали не против социальных или религи-

озных реформ Амануллы, а скорее против вмешательства правительства в их племенные традиции. Ни отмена ношения чадры (а женщины в племенах никогда не носили ее), ни обязательное ношение европейского платья (это касалось только Кабула), ни перенос выходного дня на четверг (в зоне племен продолжали отдыхать в пятницу) не вызывали особого протеста шинвари. Их выступление вполне вписывалось в имеющий исторические корни конфликт между племенами и правительством²²².

Губернатор предупредил шинвари, что если они не прекратят беспорядки, то против них будут использованы артиллерия и авиация, а также ополчения других племен. Неспособность правительства справиться с мятежом собственными силами как раз было тем, что хотели услышать шинвари. Это только увеличило численность мятежников.

И все-таки было что-то еще, что заставило старейшин племени — «*ришсафидов*» («седобородых») — использовать свое влияние и авторитет, вовлекаясь в столь рискованное мероприятие, как открытый конфликт с королем. Это была религиозная санкция со стороны мулл. Они смогли убедить соплеменников, что те борются против «короля-кафира», который покушается на женскую честь, на ценности ислама и тем самым разрушает племенное сообщество. Призыв поднять оружие против правительства, причем во имя ислама, показался справедливым даже тем племенам, которые охотно откликнулись несколько лет назад на призыв короля начать джихад против Великобритании. К шинвари вскоре присоединились хугиани, жившие по соседству с ними к западу, а затем — и племена провинции Кунар. Оттуда восстание распространилось на юг и вскоре достигло Хоста, гарнизон которого дезертировал и сдался племенам джадран и джаджи.

Реакция правительства была замедленная. Аманулла решил использовать политику «кнута и пряника»: примириться с мятежниками и в то же время наказать их, подвергнув бомбардировке их деревни. В конце ноября он послал Гулам Сиддика Чархи, накануне назначенного министром иностранных дел, и председателя Государственного совета Шер Ахмада в Восточную провинцию для умиротворения шинвари. Однако они были политическими и племенными соперниками. Их миссия, таким образом, была обречена на неудачу, поскольку их цели пересекались. По мнению Али Ахмада, Гулам Сиддик не был лоялен к Аманулле и скорее подстрекал народ к восстанию, нежели умиротворял его²²³.

Ситуация усугубилась, когда самолеты бомбили деревни шинвари. Один самолет, пилотируемый русскими летчиками, по ошибке сбросил бомбы на расположение правительственных войск, три десятка человек были убиты. Эти плохо спланированные бомбардировки не столько напугали племена, сколько побудили других поддержать восстание. В конце ноября *лашкар* мятежных племен осадил центр провинции г. Джалалабад. Местный гарнизон заперся в цитадели. Мухаммад Гуль-хан Моманд ввел в городе комендантский час и распорядился, чтобы все жители готовились к обороне. В городе прошел слух, что духовный лидер момандов мулла из Чакнаура, который, получив деньги от Амануллы, удерживал свое племя от участия в мятеже, в то же время тайно уговаривал шинвари штурмовать Джалалабад. Мухаммад Гуль-хан Моманд срочно запросил дополнительные войска из Кабула.

В этой ситуации Аманулла использовал не только военную силу, но и средства пропаганды. Он издал указ о наборе рекрутов, который гласил: «Конфликт между знанием и невежеством всегда порождает коллизии со дня сотворения мира. Молодой Афганистан под руководством Его Величества Амануллы-хана день ото дня стремится к консолидации веры, к изгнанию врагов страны и религии... Невежество всегда было врагом мира и прогресса человечества... И теперь некоторые безнравственные люди из племени шинвари... подняли мятеж. Министерство обороны намерено подавить выступление мятежников и преподать им урок. Поэтому доводим до сведения всех преданных сынов Афганистана распоряжение: по прочтении этого указа немедленно явиться в министерство обороны»²²⁴. Желających поддержать призыв правительства оказалось не так много, и то были в основном учащиеся.

Между тем в конце ноября лидеры мятежных шинвари Мухаммад Алам и Мухаммад Афзаль выпустили манифест. Обращаясь к мусульманам, они сообщили о том, что племя шинвари с его вооруженным ополчением численностью 20 тыс. человек подняло восстание против правительства, которое в свою очередь применило силу для наведения порядка. Целью восстания, говорится в документе, является устранение нынешних правителей, которые погрязли в коррупции и взяточничестве и издают указы, противоречащие шариату. Авторы манифеста сообщают, что они собрали в Хадде улемов и шейхов племени и, поддержанные племенем хугиани, постановили отменить реформы и устранить короля, который уже

потерян для страны. Отношения с Кабулом заморожены, а восточные районы управляются в соответствии с шариатом. Реформы правительства были названы еретическими. Лидеры мятежников выдвинули следующие обвинения в адрес Амануллы:

- разработка своих собственных законов и неуважение к шариату;
- ни один случай не может рассматриваться в суде без документальных подтверждений;
- отмена многоженства, разрешенного Кораном (четыре жены);
- право на развод, предоставленное женам чиновников;
- разрешение женщинам стричься, открывать лицо и кисти рук;
- отмена обязательного ношения чадры;
- командирование взрослых девушек в Европу;
- перенос выходного дня на четверг и дня *хаджа*;
- потворство в отношении взяточничества и коррупции;
- открытие театров, кинотеатров и других развлекательных учреждений.

Кроме того, Аманулла во время заседаний Лоя джирги, писали авторы документа, проявил неуважение к Пророку в присутствии старейшин. Поэтому он — кафир и заслуживает смерти. В манифесте было выдвинуто предложение избрать всем населением нового, благочестивого короля²²⁵.

Вслед за этим лидеры мятежников от имени восставших сформулировали свои требования. В конце ноября Гулам Сиддик и Шер Ахмад возвратились в Кабул с отчетом о неудаче своей миссии. Они привезли с собой список этих требований, составленных в религиозном духе, но имевших четко выраженный политический характер. Кроме отмены реформ, связанных с одеждой, чадрой и шариатом, восставшие требовали, чтобы король развелся с Сорайей, наказал всю семью Тарзи, а самого Махмуда Тарзи посадил в тюрьму, отозвал девочек, направленных на учебу за границу, закрыл все женские школы, отменил Гражданский кодекс («Низамнама»), использовал шариат в качестве Гражданского и Уголовного кодексов, предоставил муллам места в правительстве, ослабил налоговый пресс и ликвидировал все иностранные дипломатические представительства, кроме британского²²⁶.

Ознакомившись с этими требованиями, которые он считал невозможными для обсуждения на переговорах, Аманулла понял, что тут требуется комбинация дипломатических и воен-

ных мер для подавления восстания. Поэтому он отправил в Джалалабад своего родственника по материнской линии Али Ахмад-хана для ведения переговоров о заключении перемирия и воинскую часть под общим командованием старого, преданного советника Махмуд-хана Явара. Али Ахмад был умным человеком, влиятельным в племенах, но увлекался спиртными напитками, его также обвиняли в продажности. Он был нелоялен к Аманулле, и об этом знали все, кроме самого короля²²⁷.

Али Ахмад прибыл в Джалалабад 8 декабря. С помощью религиозных лидеров ему удалось договориться о перемирии, одновременно он подкупил командов, уговорив их отойти от восстания. Теперь ему был нужен сильный контингент правительственных войск, чтобы подкрепить свою дипломатию. К сожалению, они не прибыли вовремя. Мобилизационные возможности и тыловое обеспечение войск были настолько слабы, что Махмуд-хан Явар не мог отправить их немедленно. Кроме того, их передвижение было затруднено новой угрозой с севера вследствие измены лидера гильзаев, Гаусуддина.

Угроза шла от таджикского разбойника Хабибуллы по прозвищу Бачаи Сакао. В период восстания ему было около 40 лет. Его история довольно темная, почти мистическая. Родился он в селении Калакан в Кухистане в семье водоноса. Служил в «образцовом батальоне», обучавшемся турками, но во время Хостского мятежа дезертировал, унеся с собой винтовку. Сакао бежал в Индию, где, по слухам, служил в чайхане. Ходили также слухи, что он ограбил своего хозяина, пытался бежать, был задержан и предстал перед судом. Однако за недостаточностью улик был освобожден. Затем он исчез из поля зрения на несколько лет и объявился в Кухдамане, к северу от Кабула, во главе банды грабителей. Сакао грабил караваны, раздавая награбленное членам своей банды и местным беднякам. Его бывший хозяин малик Мохсен Калакани, у которого Сакао в свое время был слугой, стал его соратником. Его слава меткого стрелка, храбрость, открытое неповиновение властям, репутация защитника местных бедняков от произвола правительственных чиновников превратили его в местного Робин Гуда.

Каким бы ни было его прошлое, в этот исторический момент он стал народным героем. Услышав о выступлении шинвари на востоке, он активизировал свою деятельность на севере, совершая крупные рейды на правительственные посты.

Аманулла, напуганный мятежом шинвари, решил переманить Бачаи Сакао на свою сторону. В начале декабря он послал мэра Кабула Ахмад Али-хана предложить Бачаи Сакао оружие и чин полковника, если он согласится подавить восстание шинвари. Тот согласился и дал клятву верности на Коране, получив три тысячи рупий и оружие для своего отряда²²⁸. Он обязался прекратить нападения на населенные пункты на шесть месяцев и не препятствовать набору новобранцев в армию в Кухдамане, однако вскоре позвонил самому Аманулле и сказал, что с ним говорит Ахмад Али-хан и что он окружил отряд Бачаи Сакао. Аманулла мгновенно принял решение, повелев своему собеседнику немедленно уничтожить мятежника. После этого Бачаи Сакао признался королю, что это он говорил с ним и, предложив Аманулле сначала поймать его, скрылся²²⁹.

Считая Аманулла предателем, он запланировал напасть на Джабаль ус-Сирадж 10 декабря. Местный гарнизон во главе с Ахмад Али-ханом, насчитывавший 900 человек, сдался без единого выстрела. Бачаи Сакао захватил большой запас оружия и боеприпасов²³⁰. После этого к нему присоединились сотни таджиков Кухистана, которые были недовольны властью пуштунов и теперь почувствовали возможность исправить ситуацию.

11 декабря на собрании мулл, ханов племен и старейшин в крепости «Вайсуддин» в Калакане король Аманулла был объявлен безбожником. Было принято решение о нападении на Кабул. На этом собрании Бачаи Сакао был провозглашен новым эмиром Афганистана под именем «Хабибулла Гази, слуга истинной веры». Одним из первых ему принес присягу на верность бывший хаким Кухистана Шер Джан, который стал его «министром двора».

14 декабря Бачаи Сакао совершил нападение на Кабул. Основные бои развернулись вокруг британского посольства на окраине Кабула, которое серьезно пострадало, особенно от огня правительственной артиллерии. При этом Бачаи Сакао, встретившись за воротами миссии с британским посланником Хэмфрисом, заверил его, что гарантирует неприкосновенность дипломатов²³¹. У Амануллы было мало сил для защиты города. В его распоряжении было полторы тысячи солдат, и он не мог вернуть тех, которые были отправлены в Джалалабад, так как связь с ними была прервана. В это время из Мазари-Шарифа прибыл полк и еще пятьсот добровольцев из Хазараджата. Но город спасли 18 курсантов военного лицея, которые при подходе мятежников открыли плотный

огонь, заставив их отступить. Атака мятежников была отбита, и Бачаи Сакао, понеся серьезные потери, отошел к исходной точке его атаки на Кабул — дворец Баг-е Бала, где разместились основные силы мятежников. В течение десяти последующих дней на окраине Кабула вспыхивали перестрелки. Затем Бачаи Сакао отвел свои отряды в Кала-йе Мурад-бег в Кухдамане. По слухам, он даже был ранен в плечо во время штурма Кабула, и ему сделали перевязку в британской миссии²³¹. Подразделение солдат, посланное его преследовать, попало в засаду и было изрядно потрепано. Тем не менее Кабул остался практически беззащитным. Бачаи Сакао теперь был не просто главарем банды, а человеком, с которым считались влиятельные люди. Он звонил Аманулле и угрожал убить его.

В этот период участником драматических событий стала еще одна колоритная фигура — лидер племени ахмадзе из племенного объединения гильзаев Гаусуддин, который прибыл в Кабул с двумя сотнями вооруженных людей и предложил королю свою помощь, обещая поддержку соплеменников, если он даст оружие и деньги. О степени отчаяния Амануллы можно судить по тому, что он готов был поверить гильзаю (традиционному противнику дуррани), чей отец был побежден Надир-ханом, разгромившим мятеж гильзаев в годы правления эмира Хабибуллы. Получив деньги и оружие, Гаусуддин быстро скрылся в зоне племен, где собрал банду недовольных королем. Он был из тех людей, которые легко меняют во время восстания своих хозяев. Сведения об измене Гаусуддина серьезно ослабили боевой дух оставшихся в Кабуле войск.

29 ноября отряды мятежных племен вошли в Джалалабад через кабульские ворота. Они ограбили британское консульство несмотря на протесты консула-мусульманина, заявившего, что он является гостем афганского короля и правительства, а потому неприкосновенен. Мятежники в ответ сказали, что Аманулла является безбожником, поэтому его гости не имеют особых прав. Они ограбили консульство и подожгли его²³².

Король отправил в Джалалабад лояльного ему лидера племени Мир Замана, который возглавил три полка правительственных войск, свое ополчение и сотню королевских гвардейцев и попытался дать отпор мятежникам на подступах к городу. Тем временем мятежники продолжали грабить город. Они поджигали все самые приметные здания, вытаскивая то, что можно унести с собой. Горел королевский дворец, были

подожжены отель и гараж, в котором находилось 20 грузовиков, ангар с самолетами. Все награбленное тут же продавалось в Хайбарском проходе. Мир Заману удалось вытеснить мятежные отряды из города, но они расположились в пригородах, часть их направилась в сторону Кабула, по пути перерезая телефонные и телеграфные провода.

Тем временем 7 декабря в Нишсе, на юге Франции, в британское консульство явился брат Надира Хашим-хан. Он попросил консула отправить в Лондон сообщение, что у него и Надира есть важная информация о ситуации в Афганистане и что они готовы вернуться на родину. Он просил прислать из Лондона кого-нибудь для получения информации до того, как они уедут в Афганистан. Здесь потребуется, заявил он, глубокая конспирация, поэтому он и его брат не могут приехать ни в Париж, ни в Лондон. Он настаивал, чтобы посланец из Лондона знал персидский язык, так как оба не могли как следует объясниться на английском и совсем не знали французского.

Когда об этом узнал английский посланник Хэмфрис, он очень встревожился и не рекомендовал устраивать такую встречу с братьями и предоставлять им транзитную визу для проезда через Индию. Надиру же вежливо объяснили, что такого человека они не могут найти. В секретном документе Форин офиса по этому поводу было сказано следующее: «Есть большая вероятность того, что братья намереваются отправиться в Афганистан для сотрудничества с мятежниками»²³³.

После того как Бачаи Сакао отвел свои отряды в Кухдаман, Аманулла 7 января освободил из тюрьмы хазрата Гуль Ага Моджадиди и его племянника Маусума. Он просил их отговорить влиятельного муллу Ахунд-зада из Тагао от поддержки Сакао. Одновременно он послал эмиссара в Индию к хазрату Шер Ага, находившемуся там в ссылке, с извещением об освобождении из тюрьмы его брата. Накануне сам Гуль Ага послал своего человека за границу с наказом узнать что-нибудь о судьбе своего брата.

В один из этих критических для его власти дней Аманулла под давлением своей честолюбивой матери выступил перед народом. Он сказал, что судьба людей в их собственных руках, предупредив, что, если они откажутся защищать город, их дома будут ограблены мятежниками, а жены изнасилованы. В ответ один из старейшин упрекнул короля в том, что тот ослушался его советов относительно снижения темпов реализации реформ. Другие участники митинга поддерживали старейшину. Аманулла был раздражен и вернулся во дворец²³⁴.

21 декабря он отослал всех женщин из своей семьи в Кандагар. Тем более что Сорайя и сестра короля Нур ас-Сирадж были беременны, и Аманулла позаботился об их безопасности. Но эта поездка имела и политический мотив: в Кандагаре проживал семейный клан матери Амануллы Улья Хазрат, и он намеревался использовать ее влияние. Улья Хазрат обратилась к населению Кандагара, призывая солдат, отслуживших в армии, вновь возвратиться на службу, и предложила вернуться к старой системе набора в армию — «хашт нафари». С членами королевской семьи улетели Махмуд Тарзи и Гулам Сиддик, увозя большую сумму денег. Это было первым признаком перемещения правительства из Кабула в Кандагар. Более того, забеспокоились иностранные миссии в Кабуле. 18 декабря 1928 г. в Москве на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) было принято решение предоставить политическое убежище афганскому королю. Аналогичное предложение через пять дней поступило и от англичан²³⁵. 24 декабря Аманулла подписал соглашение с советской миссией о том, что к апрелю следующего года Афганистану будет поставлено 14 самолетов с запасными частями и артиллерия²³⁶.

Англичане же с помощью самолета, прилетевшего из Пешавара, разбросали над Кабулом листовки, в которых содержалось предупреждение: если британскому посольству или его сотрудникам будет нанесен ущерб или если посольство подвергнется акту агрессии, то британское правительство примет самые жесткие меры. Это послание было воспринято афганцами, как и самим Амануллой, как нарушение суверенитета Афганистана²³⁷.

Англичане начали вывозить жен сотрудников западных дипломатических миссий из Кабула. 30 декабря прилетевшие из Термеза три самолета эвакуировали часть сотрудников советской дипломатической миссии.

В эти же дни Аманулла обратился за помощью к хазарейцам, которые были ему благодарны за то, что в 1920 г. он отменил рабство и в последующем уладил их вечные конфликты с гильзаями, особенно с кочевым племенем сулейманхель, которые, проходя со своими стадами через Хазараджат, наносили большой ущерб полям и пастбищам. Король послал к ним своего двоюродного брата Амин Джана. И хотя ему исполнилось лишь 17 лет, хазарейцы тепло приняли его, и вскоре он возглавил отряд из нескольких тысяч хазарейцев.

В конце декабря в Кабуле поползли слухи о том, что в районе афгано-индийской границы появился полковник Лоуренс Аравийский, легендарный агент британской разведки.

С 26 мая он жил в Мираншахе, в 15 км от границы, работая в качестве авиамеханика под именем Томаса Шоу. В своих письмах брату и своему другу Бернарду Шоу он жаловался на то, что числится там в качестве авиамеханика, а на самом деле его используют как машинистку. И хотя британское правительство утверждало, что его пребывание на границе не связано с событиями в соседнем Афганистане, в письмах Лоуренса содержались весьма любопытные идеи, указывающие на его заинтересованность в региональной политике. Так, в одном из писем в 1927 г. он утверждал: «Мы можем достать Россию через Турцию, Персию, Афганистан или Китай. Самым опасным пунктом является Афганистан... Меня очень интересует Россия, и мне кажется, столкновение (между Россией и Великобританией. — В.К.) неизбежно»²³⁸.

Британское посольство не могло игнорировать беспокойство афганского правительства в связи с пребыванием Лоуренса вблизи границы. Посланник Хэмфрис просил Дели постоянно информировать его о местопребывании полковника с тем, чтобы всегда опровергнуть сообщение о том, что Лоуренс находится вблизи границы или проник в сам Афганистан. Правитель Дакки получил из Кабула фотографию Лоуренса с просьбой от афганских властей арестовать полковника, если он там появится. В Афганистане распространялись также слухи о том, что на востоке страны появился шейх с голубыми глазами по имени Пир Карам Шах, которого там до этого никто не видел. И хотя слухи не подтвердились (американский историк Л. Пуллادا утверждает, что человек, выдававший себя за шейха, был арестован недалеко от г. Матуна на индийской территории и им оказался немец Спарлинг, бежавший в Индию из Кабула от своих кредиторов²³⁹), англичане сочли за благо отозвать Лоуренса из Индии²⁴⁰.

Тем не менее обстановка вновь обострилась с появлением очередного претендента на афганский престол. Это был Мухаммад Омар-хан, племянник сардара Аюб-хана, героя битвы при Майванде, покинувшего Афганистан в 1888 г. Он бежал из-под надзора индийской полиции 22 декабря и через несколько дней пересек афганскую границу. «Если Омар провозгласит себя эмиром Афганистана, — писал в своем донесении Хэмфрис, — то Кабул будет рассматривать это как бесспорное доказательство британской интриги». Афганский посланник в Лондоне Шуджа уд-Даула-хан представил в Форин офис ноту, обвиняя Великобританию в том, что она содействовала проникновению Омара в Афганистан. Прибыв в зону племен, он пытался возглавить восстание²⁴¹.

Аманулла начал осознавать, в какой опасной ситуации он оказался. Он понял, что надо что-то менять. В конце декабря он вернул муллам их контроль над судопроизводством. В дни, когда Бацаи Сакао предпринял нападение на Кабул, Аманулла закрыл женскую школу в столице. Вслед за этим закрылись все остальные женские школы. 6 января король выпустил *фирман* (указ), в котором содержался отказ от многих реформ. В частности, он объявил о том, что женское образование вообще упраздняется. Девушки, посланные в Турцию, возвращаются на родину. Всем женщинам, включая королеву и принцесс, предписывается в обязательном порядке носить чадру. Отменяется также обязательное ношение европейской одежды. Муллам разрешается свободно преподавать без предъявления сертификата, подтверждающего получение образования. Это распространялось и на выпускников Деобанда. Солдаты могли иметь духовного наставника. Выходной день в пятницу был восстановлен. Возвращалась старая система набора в армию — «хашт нафари».

Аманулла отменил свой Гражданский кодекс и объявил, что муллы «будут следить за соблюдением религиозных законов в государстве и приводить их в соответствие с велением времени». И еще одна уступка была сделана духовенству: король объявил, что назначит специальных чиновников (*мухтасибов*) в каждой провинции, которые будут наблюдать за исполнением религиозных предписаний. Наконец, король согласился сформировать Совет из 50 «самых уважаемых религиозных светил и ханов племен» и обещал следовать их советам и соблюдать законы ислама так, как они трактуются ортодоксальным духовенством. Любое предложение правительства должно быть подтверждено Советом²⁴².

Это отступление было настолько неожиданным для многих, что некоторые советовали своим друзьям не принимать указ всерьез, уверяя, что в лучшие времена король вернется к своим прежним, прогрессивным преобразованиям.

Указ Амануллы также объявлял амнистию мятежникам из Кухистана, за одним исключением: она не распространялась на Бацаи Сакао, его верного соратника Сейида Хусейна и сто их ближайших последователей. Король предложил премию за голову первых двух в размере 40 тыс. рупий, а за каждого из сотни — по четыре тысячи. Однако мятежные шинвари требовали большего, чем он предложил. Король ждал вестей из Джалалабада.

Кабул замер в ожидании решающих событий. Бацаи Сакао вновь захватил город Джабаль ус-Сирадж. Хотя сам город не

имел большого стратегического значения для правительства, однако там находилась единственная ГЭС, снабжавшая Кабул. Она была выведена мятежниками из строя. Для жителей это была небольшая беда, так как свет был лишь в королевском дворце и домах немногих вельмож. Однако остановилось производство на оружейном заводе.

Появились признаки надвигающейся паники. Махмуд Тарзи, который давно уже забыл о своих религиозных обязанностях, вдруг стал усиленно цитировать Коран, перебирая четки. Его теперь сопровождали муллы. Гулам Сиддик отпустил бороду и выбросил свою европейскую шляпу. Королевский дворец стали охранять хазарейские добровольцы.

11 января крупная часть правительственных войск во главе с Махмуд-ханом Яваром, посланная в поддержку джалалабадскому гарнизону, под Джагдалаком попала в засаду, устроенную племенами джаббар-хель, гильзай и хугиани. Сначала они захватили небольшое подразделение этих войск и, переодевшись в военную форму, проникли в лагерь Махмуд-хана Явара, захватив целиком всю часть²⁴³.

Эта новость еще не успела дойти до Амануллы, как Бачаи Сакао вновь активизировал свои действия. Он разбил свой отряд на небольшие группы, которые постепенно занимали подступы к Кабулу. В городе были расклеены его листовки, где объявлялась награда в 60 тыс. рупий за голову Амануллы. Король перестал даже посещать мечеть, сославшись на недомогание. Впервые на рынке исчезла мука.

13 января группировка правительственных войск во главе с генералом Мухаммадом Омаром была окружена в нескольких километрах к северу от Кабула. Стоял густой туман, потом пошел снег. Положение было безнадежным. Генерал понял, что без помощи из Кабула он обречен на поражение. Вдруг он услышал голос из тумана, объявлявший о том, что войска окружены одиннадцатитысячной армией, посему должны сложить оружие и сдаться. Ничего не видя вокруг, Омар приказал солдатам сложить оружие. Оказалось, что голос принадлежал младшему брату Бачаи Сакао, у которого было только полторы сотни бойцов.

Мятежники заняли ближайший к Кабулу форт в Кухдамане и стали обстреливать из орудий предместье Кабула Баг-е Бала. Артиллерия короля не отвечала. Его войска поспешно отступали. В городе осталась лишь небольшая гвардейская часть во главе с офицерами турецкой военной миссии. В этой обстановке Аманулле ничего не оставалось, как просить своего брата Инаятуллу занять трон, хотя принц ранее неоднок-

ратно отказывался обсуждать этот вопрос. Понимая, что трагедия, в которую втягивается Афганистан, исходит от личности Амануллы, Инаятулла на сей раз согласился.

Аманулла подготовил план отречения от трона. Ему нельзя было отказать в мужестве. У афганских королей была поистине страшная судьба: одних ослепили, другие прошли через длительное тюремное заключение, третьих пытали. Но все это делали с ними люди, лояльные им. Ни один из афганских правителей не попадал в руки бандитов. Во время переговоров с королем Бачаи Сакао, которого подталкивали муллы из Кухистана, потребовал, чтобы Аманулла подписал ему амнистию с клятвой на Коране, но тайный совет короля не разрешил ему это делать, ибо это была бы слишком большая честь разбойнику. Конечно, Аманулла мог сам возглавить свои войска и повести на решающий бой против Сакао. Вероятно, он так бы и поступил, если бы его противник был человеком королевской крови, полагает американская исследовательница Р.Т. Стюарт²⁴⁴. Аманулла предпочел отречение. Он выступил с обращением к народу со словами: «Благосостояние страны требует, чтобы я отошел от государственных дел, поскольку восстания и кровопролития в стране происходят из-за ненависти ко мне»²⁴⁵.

14 января, сопровождаемый Махмуд-беком Тарзи, Гулам Сиддиком и министром двора Якубом, а также личной охраной, Аманулла покинул Кабул, направившись в Кандагар.

В тот же день после обеда на многолюдном митинге было объявлено о том, что Аманулла отрекся от престола, стремясь избежать дальнейшего кровопролития, и дал клятву верности Инаятулле, призывая всех последовать своему примеру. После этого хазрат Гуль Ага Моджаддиди повязал королевскую чалму вокруг головы нового эмира, заметив, что тот будет править до тех пор, пока подчиняется религиозным законам.

Инаятулла собрал всех мулл, в том числе Гуль Ага, и просил их оповестить о его восшествии на престол правительственные войска и мятежников. Когда муллы вернулись в Кабул, вместе с ними были четыре тысячи мятежников. И вновь в столице возобновилась стрельба. Пользуясь смутой, Гуль Ага навестил Бачаи Сакао и сообщил ему о своем намерении занять престол. Но у него не было никаких шансов. «Ты ошибаешься, — резко возразил Сакао, — я буду эмиром»²⁴⁶.

Бачаи Сакао со своими отрядами вошел в город и занял под резиденцию дворец Баг-е Бала. На его сторону перешли

генерал Махмуд Сами и два брата Амануллы — старший, Хедаятулла, и младший, Карим. Все добровольцы, пришедшие ранее в Кабул защищать Аманулла, разошлись по домам, унося с собой оружие. В руках Сакао оказался весь город, кроме королевского дворца, в котором была охрана, насчитывавшая пять тысяч человек, и большие запасы продовольствия. В распоряжении Сакао были 16 тыс. человек. Он контролировал все стратегические позиции, аэродром, и у него была вся артиллерия. 17 января 1929 г. он предъявил Инаятулле ультиматум: сдаться в течение 24 часов, и в этом случае он гарантировал безопасность гарнизона. При отказе принять ультиматум Сакао был намерен штурмовать дворец.

Инаятулла понял, что ситуация безнадежна, и попросил Гуль Ага быть посредником на переговорах с Сакао. Сделав несколько челночных поездок туда и обратно, хазрат достиг соглашения между ними. Бачаи Сакао был провозглашен новым эмиром Афганистана под именем «эмир Хабибулла Гази, слуга истинной веры». Инаятулла письменно объявил о своем отречении и поклялся на верность новому эмиру. Гуль Ага обратился к британскому послу Хэмфрису с просьбой прислать самолет за Инаятуллой и перевезти его вместе с семьей в Кандагар. 18 января Инаятулла, правивший три дня, и члены королевской семьи вылетели на британском самолете в Пешавар, чтобы затем присоединиться в Кандагаре к Аманулле. Так завершился важный этап политического развития Афганистана, начало которому было положено приходом к власти эмира Амануллы в феврале 1919 г.

А теперь попробуем разобраться, почему реформы Амануллы не удались. Окончательная реализация программы модернизации была прервана восстанием, свергнувшим короля, но это вовсе не значит, что сами реформы были неудачными. Реформы были целостной программой, выходящей за рамки простой модернизации некоторых государственных и общественных институтов. Ярким примером этого могут служить экономические реформы, в первую очередь налоговые, которые стали своего рода базой для финансовых, торговых и аграрных преобразований.

Экономические, социальные, религиозные и военные реформы явились неотъемлемой частью политики создания конституционного государства, управляемого с помощью законов, в рамках которого в свою очередь стали возможны другие важные преобразования. Нам не известно, рассматривали ли Аманулла и его советники программу реформ в таких измерениях. Есть тем не менее немало косвенных признаков

этого в самой природе реформ и в заявлениях Амануллы, которые свидетельствуют о том, что он осознавал, что имеет дело с общественной системой как с единым целым и что он, по его словам, хотел совершить «революцию в каждой области национальной жизни»²⁴⁷.

Рассмотрение связей между реформами и антиправительственным восстанием должно начинаться с изучения социальных и религиозных реформ, поскольку именно они, по мнению большинства исследователей, стали основной причиной массового недовольства. Среди социально-бытовых реформ наиболее спорными представляются те преобразования, которые связаны с одеждой, женскими правами и семейными традициями, как, например, вступление в брак и похороны. Могли ли эти реформы вызвать социальный взрыв? Новые подходы к проблеме на основе современных источников и материалов дают отрицательный ответ. Реформы, касающиеся одежды, были непопулярны, но они действовали лишь в ограниченном пространстве. Большинство людей их игнорировало, да и сами реформы не особо навязывались. Кампания по эмансипации женщин встретила вполне понятное сопротивление, но она была, скорее, основана на убеждении, нежели на принуждении, и в целом была неэффективной. Попытки провести законы, касающиеся проблем брака и похорон, хотя и приняли форму принуждения, попросту повсеместно игнорировались.

Что касается в целом социальных реформ, то следует иметь в виду два важных фактора. Во-первых, большинство из них лишь слегка коснулись городского населения, а в зону племен и вообще в провинцию проникали лишь посредством слухов и, по существу, не требовали их исполнения. Во-вторых, даже среди горожан эти реформы распространялись лишь на привилегированные слои. Остальные социальные группы города были практически ими не затронуты. Недаром британский посланник Хэмфрис в июле 1928 г. сообщал своему правительству относительно отмены обязательного ношения чадры: «Пока нет никаких признаков того, что массы принимают эту проблему всерьез»²⁴⁸.

Итак, если эти реформы затронули относительно узкий слой афганского общества и не были напрочь отвергнуты, на чем тогда основано утверждение о том, что восстание против Амануллы было вызвано сопротивлением этим реформам? На самом деле проблема состояла в том, что программа социальной реформации использовалась как пропагандистский материал для провоцирования против рефор-

маторов сельского населения и племен, то есть той части населения, которая как раз практически не была затронута этими преобразованиями и вообще не знала, в чем суть этих реформ, и потому легко могла быть обманута или введена в заблуждение.

Политические, военные и религиозные преобразования были связаны с восстанием по-разному. Предложенные Аманулла реформы государственного управления не годились для трансформации племенного общества. Его идеальная модель государственной структуры выходила за рамки политической культуры того времени и частично была реализована лишь в 60-е годы. В период же правления Амануллы политическая система и структура власти были едва затронуты конституционной и законодательными реформами. Гораздо большее влияние на них оказали те политические реформы, которые усилили власть центрального правительства над зоной племен, а также меры по искоренению коррупции и привилегий, прекращению выплаты субсидий ханам племен, введением приписных свидетельств и системы призыва новобранцев по жребию. Это создавало угрозу племенным вождям, утратившим лояльность к королю в критический момент, когда разразился небольшой по масштабам мятеж.

Ханская верхушка расценивала вмешательство центральных властей в дела племен как угрозу их автономии и власти, а также как потерю привилегий. Она легко пошла на сотрудничество с религиозными лидерами, которые рассматривали религиозные реформы Амануллы как такую же угрозу их позициям и авторитету. Впрочем, король не стремился нанести ущерб религиозным лидерам, он лишь хотел просветить их, цивилизовать и обратить в свою веру, веру реформатора. Это оказалось невозможным в стране, где угроза сепаратизма всегда нависала над любой попыткой достичь национального единства. Недовольные муллы охотно присоединились к сепаратистски настроенным племенным вождям.

То же случилось с военной реформой, направленной на создание профессиональной и эффективной армии. И хотя сами по себе военные преобразования не были непосредственной причиной восстания, но, вызвав недовольство и брожение в армии, они привели к тому, что она оказалась неспособна противостоять мощному восстанию племен.

Что касается экономических реформ, то они дали непосредственный эффект: вырос национальный доход, расширилась торговля, возникла основа для развития общественных работ, коммуникаций, горных дел и промышленности. При

этом некоторые реформы пустили прочные корни в афганской экономике и во многом определили характер последующего экономического развития Афганистана. В первую очередь это относится к юридическому оформлению частной собственности на землю, вызвавшему появление класса частных землевладельцев. И хотя, как отмечалось ранее, частная собственность де-факто давно уже имела место в Афганистане (земельные участки продавались, покупались, дарились, передавались в наследство), теперь она стала легальной формой землевладения, что явилось серьезным отходом от феодальных форм собственности. Перевод налогов в денежную форму стимулировал развитие товарного производства и самого рынка. Унификация пошлин и налогов также привела к значительному росту государственных доходов.

Некоторые экономические новации Амануллы имели негативный побочный эффект. Так, попытка провести учет скота и обложить кочевников-гильзаев налогом на скот, естественно, вызвала противодействие этих воинственных и традиционно полунезависимых племен. Изменение системы сбора налогов лишила многих ханов и маликов, которые до этого были основными сборщиками налогов, их традиционной кормушки. Программа дорожного строительства, особенно проведение дорог в зону племен, рассматривалась там со страхом и подозрением не только как открытый путь к обложению их налогами, но и как инструмент государственного и административного контроля. Пример восставшего племени шинвари лишь подтверждает эту мысль: это был ответ на попытку правительства поставить под свой контроль дорожные сборы, ранее находившиеся в руках племени.

Итак, вряд ли можно однозначно утверждать, что непосредственной причиной восстания явились реформы Амануллы. Неудача его политики была обусловлена не столько социальными переменами и религиозными реформами, сколько попытками создать сильное централизованное правительство. Это была смертельная угроза для традиционных племенных вождей и мулл, и эта борьба между центральной властью и племенным сепаратизмом привела к кровопролитию и падению династии. Такого рода конфликт был характерен для фрагментарной природы власти и возник бы независимо от того, была ли реализована программа модернизации или нет. Вообще-то с этим сталкивались все афганские эмиры. И схема повторяется: появляется сильный харизматический лидер, подчиняющий племена и правящий до тех пор, пока по тем или иным причинам его власть не слабеет и не проис-

ходит взрыв. Ранее центральная власть обычно слабела со смертью такого лидера или в результате династической борьбы различных претендентов на престол. В случае с Амануллой эрозия политической власти произошла под воздействием ряда факторов, вызванных побочным эффектом его реформаторских усилий.

В первую очередь следует выделить недостаток политического опыта Амануллы и большинства его советников. До 1928 г. у короля не было информации из первоисточника о современном мире. Аманулла недооценивал значение наличия сильной политической базы для построения современного государства, и это удивительно, учитывая его печальный опыт во время Хостского мятежа, едва не стоившего ему трона. Вероятно, объяснение здесь следует искать в самом характере короля как личности. Аманулла твердо знал, что модернизация — это благо для Афганистана, и полагал, что она должна быть обязательно поддержана всеми афганцами. Он продолжал в это верить, даже находясь уже в эмиграции.

Аманулла вряд ли ясно ощущал внутреннюю политическую динамику происходящих событий. Тарзи уже к 1925 г. чувствовал, что власть короля серьезно подорвана. Он, очевидно, понимал, что сильной политической структуры, необходимой для поддержки программы модернизации, не существует. Тарзи как-то удачно заметил: «Аманулла создал красивый монумент без основания. Стоит выдернуть из него один кирпич, и он рухнет»²⁴⁹.

Ему нужны были преданные делу политические соратники, чтобы реализовать столь революционную, по его словам, программу модернизации. Лъстецы, которые окружали его, вряд ли были способны выполнить эту роль, поскольку за пределами узкого придворного круга они не пользовались ни малейшим авторитетом. Другим источником для пополнения политических кадров были немногие вестернизированные младоафганцы, которые являлись, скорее, идеалистами, нежели прагматичными политиками. Король также остро нуждался в эффективной идеологии и поначалу надеялся найти ее в динамичном исламе. В годы его увлечения панисламизмом, то есть в течение первых четырех лет правления, он смог заручиться поддержкой религиозных лидеров, но затем, когда развеялся его ореол панисламиста, а реформы вторглись в сферу привилегий духовенства, этой поддержке пришел конец.

Вдобавок к политической организации и подходящей идеологии, в которых он нуждался, реформатору была нужна стройная система политических связей. Многие из его весьма

нужных реформ были либо неправильно поняты, либо искажены его противниками, а у него не было средств, для того чтобы правильно истолковать их народу. Ему просто не хватало грамотного человеческого материала: его газеты читали немногие, в основном в крупных городах, остальные же полагались на базарные слухи, которые зачастую давали искаженные версии того, что намеревалось осуществить правительство. Интересно отметить, что у Амануллы не было ничего похожего на министерство информации. Вероятно, он полагал, что его намерения и работа настолько ясны и правильны, что не требуют правительственной пропаганды. Единственным исключением здесь были три проведенные им Лояджирги — в 1921, 1924 и 1928 гг., накануне заседаний которых его люди вели пропаганду в своих районах. Но многим из них не нравилось правительство, и благополучные отчеты об их встречах с избирателями не вызывали доверия.

Аманулла подорвал влияние структуры власти племенной верхушки в государстве, борясь с коррупцией и nepотизмом и лишив привилегий племенную аристократию. Он создал Департамент по делам племен, которому поручил пропаганду и раздачу субсидий племенам, но эта активность была больше ориентирована на провоцирование антибританских настроений, однако король не мог осознать, что племена зачастую более безразлично относились к правительству, нежели к англичанам. Их позиции нередко зависели от того, кто из них слабее и потому представляет более легкую цель для грабежа и добычи.

Важной причиной восстания была также политическая фрагментация страны, что и продемонстрировали племена, оказавшие сопротивление объединительным усилиям центральной власти. Действительно, население разделено Гиндукушем на две части — национальные меньшинства севера и пуштуны юга. Пуштуны разделены на две большие группы — дуррани и гильзаев. Есть и другие пуштунские, независимые племена. Все народы страны разделены и религией: есть сунниты, есть шииты. И хотя Амануллой было затрачено немало усилий для их объединения, процесс этот оказался далек от завершения.

Вообще же исследователи в разных странах неоднозначно оценивали причины падения режима Амануллы. Большинство советских историков акцентировали внимание на внешних факторах, ускоривших социальный взрыв 1928 г., приписывая падение Амануллы в основном британским машина-

циям. Они считали Бацаи Сакао антисоветским, реакционным деятелем, действовавшим по указке Великобритании (Рейснер, Соколов-Страхов, Станишевский, Теплинский и др.). Многие из них полагали, что англичане стремились устранить независимый, реформаторский режим в Афганистане и спровоцировали племена выступить против него. Так, газета «Правда» открыто обвинила полковника Т. Лоуренса в разжигании антиправительственного восстания. А газета «Известия» увидела в этом восстании «дух Дизраэли»: англичане, считала она, получили предлог для расширения границ Индии и подготовки нападения на Советский Союз²⁵⁰.

Эти обвинения были характерны не только для советской прессы. Такого же рода заключения появились и в европейских, в основном германских и французских, газетах. В немецкой прессе свержение Амануллы трактовалось как британская акция, призванная восстановить контроль над Афганистаном, существовавший до 1919 г., и таким образом воспрепятствовать появлению сильного государства по соседству с Индией.

Некоторые английские исследователи считали, что основной причиной падения режима была не характерная для Востока поспешность в осуществлении реформ. Аманулла, пишут они, проводя радикальные реформы, имел дело с религиозными и фанатичными племенами, которые были лишь номинально лояльны режиму.

Что касается взглядов афганцев на проблему, то сам Аманулла считал, что восстание было «реакционным, а не революционным». Афганские историки в свою очередь не смогли внятно объяснить причину восстания: если они считали, что Аманулла был свергнут в результате реакционного движения или революции, то должны были признать, что афганцы были или неготовы принять программу реформ, или не хотели следовать путем прогресса. В конце концов они нашли удобную формулу: неудача Амануллы произошла от его недалекости, а именно из-за поспешности и плохих советов соратников короля, а также не без иностранного участия. Все они, однако, не учитывали в достаточной мере внутренние факторы.

Совершенно однозначного взгляда на события придерживается крупнейший афганский историк М.Г.М. Губар, который прямо обвиняет Великобританию в подготовке заговора с целью свержения реформаторского режима, не отрицая при этом и роль внутренних факторов²⁵¹.

Трагедия Амануллы, считал советский посол в Афганистане в тот период Ф. Раскольников, заключалась в том, что «он предпринял буржуазные реформы при отсутствии национальной буржуазии в стране... Реформы были лишены экономической базы»²⁵². Проводя реформы, писал посол, Аманулла опирался только на армию и младоафганцев из среды мелких землевладельцев. Конечно, король провел земельную реформу, но крестьяне не получили немедленной выгоды от нее.

Действительно, крестьянство было обложено непосильными налогами. Земельный налог составлял 30% всех поступлений в бюджет. Причем число налогов росло год от года: появились новые налоги на жилье, налоги на свадьбу и похороны, на новое образование, дополнительный налог на строительство, на военные нужды и просто «на развитие». Казалось, число сборщиков налогов превысило численность налогоплательщиков. Крестьянин платил, а когда не мог, разорялся, потому что его землю конфисковывали. Так крестьянство познало другую сторону реформ.

Король обложил тяжелыми налогами и город. Увеличение импортных и экспортных пошлин тяжело давило на купцов. И хотя формально импортно-экспортные пошлины варьировались в пределах 15—100%, на практике они были зачастую вдвое выше. Коррупция разъедала государственный аппарат, поскольку чиновники получали мизерную зарплату. Тяжелое налоговое бремя и административный произвол породили бандитизм и социальное брожение в провинции.

Тем не менее несмотря на все неудачи, Аманулла сделал немало для своей страны: добился независимости, установил дипломатические отношения со многими европейскими и азиатскими странами, сделал свое государство открытым. Он основал современные школы, поощрял изучение иностранных языков и посылал за рубеж студентов. Король улучшил систему коммуникаций. Даже его непопулярная реформа по эмансипации женщин оказала весьма полезное психологическое воздействие на консервативное общество.

Падение режима Амануллы и приход к власти Бачаи Сакао явились глубоким отходом от пути к модернизации. Духовенство и племена, движущая сила восстания, освободились от значительной части административных, законодательных и финансовых ограничений, введенных против них эмирами Абдуррахманом, Хабибуллой и Амануллой. Последовавшая гражданская война и правление Бачаи Сакао принесли стране анархию и ликвидировали большинство из достижений Амануллы.

Тем временем, поселившись во дворце, Бачаи Сакао на следующее утро, 18 января, велел привести всех министров правительства Амануллы. Он заставил их подписать документ, не дав возможности ознакомиться с его содержанием. И лишь Абдул Хади Дави прочитал его, но также был вынужден подписать. В документе, составленном в форме шариатской фетвы, перечислялись «прегрешения» Амануллы. В преамбуле говорилось, что «все его действия противоречили требованиям Корана и наставлениям Пророка». Далее следовало перечисление «грехов» бывшего короля: он изменил форму традиционного приветствия, заменив его жестом, принятым у «неверных» (рукопожатие), силой насаждая это новшество; ввел традицию ношения шляпы — головного убора «неверных» вместо чалмы, которую носил Пророк; традиционную одежду заменил одеждой «неверных»; ввел обычай брить бороду; основал женские школы; отменил ношение чадры; послал девушек учиться за границу; не уважал мнение улемов; лунный календарь заменил солнечным; нарушал установления шариата; перенес выходной день с пятницы на четверг и т.д.²⁵³

Король обвинялся также в борьбе с «Хромым муллой» и в том, что он арестовал хазрата Гуль Ага. Касаясь непосредственных причин восстания, муллы писали: «Он отменил пожалования муллам и прочим служителям мечети, которое они получали от прежних эмиров. Ему нравилось ругать улемов и их учение». Всего в документе было 19 пунктов²⁵⁴.

Отступление короля от ислама, подчеркивали авторы фетвы, дает право населению считать себя свободным от верности ему и принести присягу эмиру Хабибулле. В конце документа излагались обещания нового эмира: отмена всех нововведений, противоречащих шариату, ликвидация всеобщей воинской повинности, введение набора в армию на добровольных началах, закрытие школ и отмена новых налогов. Под фетвой подписались около 80 человек — соратники Бачаи Сакао, некоторые бывшие министры и другие высокопоставленные чиновники правительства Амануллы, в том числе ближайший соратник короля Мухаммад Вали-хан и генерал Махмуд Сами, и даже некоторые члены королевской фамилии.

Новый эмир обещал афганцам полное возвращение к принципам ислама и положениям шариата, восстановление старых традиций относительно свадебного обряда, статуса женщин и образования.

По распоряжению нового эмира все иностранные дипломатические представительства остались неприкосновенными, а у некоторых из них была выставлена охрана.

Уже 18 января 1929 г. было сформировано новое правительство, состав которого был предложен министром двора Шер Джаном. В списке новых министров, под которым неграмотный Бачаи Сакао поставил свою печать, значились следующие должности и фамилии:

эмир Афганистана — Бачаи Сакао с титулом «Амир-е Гази, хадем-е дин-е расулулла» («Эмир-победитель, слуга истинной веры»);

наместник эмира — его брат Хамидулла с титулом «сардар-е ала, муин ас-салтана»;

министр обороны — Сеид Хусейн с титулом «наиб ас-салтана»;

министр двора — Шер Джан;

министр иностранных дел — Атаулхак, брат Шер Джана; исполняющий обязанности министра финансов — мирза Гулам Моджтаби-хан;

министр внутренних дел — Абдул Гафур из Тагао;

губернатор Кабула — малик Мохсен Калакани²⁵⁵.

При этом Шер Джан, его брат Атаульхак и мирза Моджтаби-хан служили в прежнем правительстве, остальные были соратниками нового эмира. В свиту эмира попал также Махмуд Сами. Из восьми членов кабинета четверо, включая эмира, были неграмотны.

Смена государственной власти в Афганистане не привела к ликвидации всеобщего социально-политического кризиса в стране, а скорее открыла новый этап в его развитии. Для него была характерна борьба за власть различных претендентов на престол, межплеменные распри, сепаратизм.

Практический курс внутренней политики Бачаи Сакао предусматривал реализацию некоторых положений декларации от 18 января: отмена уплаты недоимок прошлых лет, отказ от принудительного набора в армию и переход на принципы добровольности, отмена всех налогов, кроме *малията* (поземельного налога), ставка которого, однако, не конкретизировалась. Наконец, предусматривалось закрыть все школы, основанные Амануллой.

Отмена всеобщей воинской повинности являлась уступкой пуштунским племенам, которые выступили союзником Бачаи Сакао в период борьбы с реформаторским режимом. Теперь эмир опять решил заручиться их поддержкой, пони-

мая, что пуштуны, сохраняя военно-племенную структуру, могут и в новой ситуации стать сильным противником нового режима. К тому же Сакао не был уверен, что они признают его, таджика, афганским эмиром.

Объявление об отмене уплаты недоимок и всех налогов, кроме поземельного, при всей своей декларативности явилось важной и эффективной попыткой эмира удержать за собой крестьянство, составившее основную массу его движения в период борьбы за власть. Ликвидация всякого рода дополнительных налогов и поборов, являвшихся наряду с вымогательством и притеснениями со стороны налоговых чиновников тяжелым бременем для крестьянства, действительно обеспечила на некоторое время их поддержку нового режима.

Через месяц, 20 февраля, правительство эмира Хабибуллы выступило с более полным и подробным изложением основных положений своей внутренней политики, опубликовав обращение к населению Каттагана и Бадахшана. Во вступительной части обращения, как и во всех предыдущих документах нового эмира, разъяснялись цели восстания и объявлялось о его восшествии на престол. Вновь подчеркивалось, что единственной целью нового эмира явилось стремление «оказать службу исламу и государству». Далее следовало перечисление основных мероприятий нового режима. Ведение всех государственных дел, говорилось в документе, будет осуществляться согласно шариату. В соответствии с этим декларировалась отмена всех мероприятий, противоречащих шариату, то есть практически всех реформ Амануллы. Большое место в обращении отводилось духовенству и защите его интересов. Сюда относились пункты о возобновлении выплаты из государственной казны жалования, отмененного Аманулла, седидам, шейхам, муллам и прочим служителям культа, о разрешении деятельности различного рода религиозных сект, орденов, а также их *пиров*. Иностранные военные советники были удалены из страны, восстановлена полигамия. Разграблению подверглись лаборатории, библиотеки, дворцы и королевский музей в Кабуле²⁵⁶. Были открыты «школы религиозных наук», закрытые Аманулла, и закрыты все светские школы. Ведущая роль в преподавании отводилась муллам. Было запрещено женское образование. И наконец новый эмир объявил о принятии на службу офицеров и прочих должностных лиц, бывших, видимо, противниками реформ и уволенных бывшим королем. Обращение аналогичного содержания с небольшими дополнениями было направлено населению Восточной провинции.

Так духовенство вернуло свои права, ущемленные прежним режимом, в области суда и просвещения. Муллы восстановили свое имущественное положение и, что самое главное, получили право если не прямо участвовать, то серьезно влиять на процесс принятия государственных решений. В первые дни пребывания Бачаи Сакао у власти был создан «Комитет улемов», куда вошли представители духовенства и крупных ханов. Он являлся чем-то вроде законодательного органа, действовавшего в рамках Государственного совета (*маджлеса*), однако был наделен фактически лишь совещательными полномочиями. Теперь муллы, восстановив свои политические позиции, могли не только активно влиять на общественную жизнь страны через мечеть, суд и школу, но и активно участвовать в формировании государственной политики.

В соответствии с программой деятельности нового режима было объявлено об упразднении министерств образования и просвещения. Существование министерства просвещения было действительно лишено всякого смысла после того, как эмир объявил, что «школы, от которых не было никакой пользы, а лишь ненужная трата государственных денег, закрываются». Министерство юстиции также было ликвидировано после упразднения Гражданского и Уголовного кодексов и передачи правосудия шариатским судам.

Новый эмир ввел в оборот целый ряд пышных титулов типа «наместник престола», «генерал особо уполномоченный» и другие, как это было во времена отца Амануллы, эмира Хабибуллы-хана. Действительно, чиновники в период правления Бачаи Сакао имели такую степень «автономии», что ставили под сомнение власть самого эмира. Афганский историк Мухаммад Али пишет по этому поводу: «Теоретически Бачаи Сакао был главой государства, но на практике любой из его чиновников имел неограниченную власть и не считал себя ответственным перед кем-либо или перед законом»²⁵⁷.

В стране появились первые признаки наступления анархии и отсутствия контроля со стороны центральной власти. «Политический хаос, последовавший за неудавшимся экспериментом Амануллы, — резюмирует американский исследователь Л. Пуллада, — фактически повернул стрелку истории не к 1919 г., когда Аманулла вззошел на престол, а к 1880 г., когда его дед, великий эмир Абдуррахман, начал создавать единый Афганистан»²⁵⁸. Были закрыты все газеты, издававшиеся при Аманулле, уничтожены школьные учебники, музеи и библиотеки разграблены. Была отменена свобода вероисповедания: гонениям подверглись евреи и индусы.

После начальной, хаотической фазы правления Бачаи Сакао предпринял попытки легитимизировать свою власть. В этом он получил поддержку значительной части духовенства, которая провозгласила свою верность новому эмиру. Ему удалось установить свою власть в Кандагаре, Герате и Мазари-Шарифе. Сам эмир считал, что он представляет «истинную веру», пытаясь объяснить причины восстания и оправдать свое прошлое бандита, ссылаясь на «смехотворные» реформы Амануллы, касавшиеся одежды, бороды, вуали, головных уборов, и более серьезные, «оскорблявшие священную сущность ислама». Из-за этих реформ, утверждал эмир, он вынужден был дать клятву «служить делу Господа, борясь против неверного короля во благо улемов, шариата и Пророка»²⁵⁹.

Бачаи Сакао долго не мог решить, оставить ли ему министерство иностранных дел. Тем не менее он не только счел существование такого министерства необходимым, но и пытался улучшить отношения с зарубежными странами, надеясь поднять свой престиж и по возможности сделать свое правление легитимным. Его отношение к подданным других стран в первые два месяца всеобщей смуты было вполне благоприятным: ни одному иностранцу не был нанесен ущерб, и при содействии Бачаи Сакао, добровольном или вынужденном, 585 иностранцев, включая англичан, немцев, итальянцев, японцев, французов, турок и персов, были эвакуированы британскими самолетами в Индию.

Несмотря на массовый выезд дипломатов и технических советников, Афганистан не остался в дипломатической изоляции времен эмира Хабибуллы: в Кабуле оставались советское, турецкое и иранское посольства, а Германия прислала из Калькутты своего генерального консула, который выполнял в Кабуле обязанности временного поверенного. Так Бачаи Сакао оставил коридор для связи с внешним миром и таким образом получил признание де-факто. Его главным козырем оставалось важное стратегическое положение, особенно для Советского Союза и Великобритании, что препятствовало возвращению страны в полную изоляцию или ее пребывание в состоянии политической неопределенности.

Тем не менее отмена реформ Амануллы делала ненужным пребывание в Афганистане иностранных технических специалистов, и к августу 1929 г. в Кабуле оставалось лишь около 30 иностранцев, в том числе 14 сотрудников советского посольства, три француза и несколько турецких и персидских дипломатов.

Новый режим оказался неспособным принять эффективные меры по восстановлению экономики, подорванной народными волнениями. Он сразу же столкнулся с финансовыми затруднениями. Казна оказалась почти пустой, большая ее часть была увезена Амануллой в Кандагар. Во время антиправительственного восстания оказалась нарушенной система поступления налогов. Таджикские крестьяне уклонялись от их уплаты, пользуясь тем, что Бачаи Сакао и его люди преследовали правительственных, в том числе налоговых, чиновников. Что касается Восточной провинции, то пуштунские племена прекратили уплату налогов с самого начала восстания.

Весь финансовый аппарат в этот период был сведен до уровня небольшого ведомства и не мог нормально функционировать. Естественно, о составлении какого-либо государственного бюджета не могло быть и речи. Стремясь как-то пополнить казну, эмир и его сторонники прибегли к испытанному средству — конфискации имущества своих противников. Гонениям подверглись не только сторонники Аманулы, но и просто состоятельные люди независимо от их политических взглядов. Одновременно были произведены многочисленные аресты среди купечества и интеллигенции. Кроме того, эмир оказал давление на столичных купцов, заставляя их раскошелиться в виде долга в пользу нового режима. И хотя проценты были достаточно велики, столичное купечество неохотно пошло на этот шаг. Не ограничиваясь Кабулом, Бачаи Сакао послал своих родственников в различные города для сбора информации о доходах населения.

Одним из мероприятий нового эмира в области финансов явился выпуск новых денег. Однако они не имели реальной стоимости ввиду низкого содержания драгоценного металла, добыча которого резко сократилась, так как во время восстания многие рудники были заброшены. Некоторые лица из окружения эмира предложили даже заменить серебряные и никелевые монеты на кожаные. Что касается бумажных денег, то эмир сначала использовал банкноты времен Аманулы, а затем приступил к выпуску собственных бумажных денежных знаков. Ни те ни другие, тем не менее, не имели повсеместного хождения.

В начале правления Бачаи Сакао внутренние источники доходов резко сократились. Налоговые поступления, составлявшие большую часть бюджета, серьезно уменьшились. Внутренняя торговля тоже не могла принести больших доходов по ряду причин. Прежде всего многие купцы были репресси-

рованы, а их имущество конфисковано. Опасаясь за сохранность и безопасность своего капитала, купечество не рисковало заниматься крупными торговыми операциями. И если во времена Амануллы купцы не поддерживали мероприятия реформаторов и не оказали помощи режиму в критический для него момент, то теперь они поняли, что новая власть не может создать благоприятных условий для расширения национальной торговли и, наоборот, прибегает к прямому грабежу. Внутренняя торговля резко сократилась, так как на дорогах было неспокойно. Пользуясь разладом государственной машины и отсутствием твердой власти на местах, кочевники стали чаще нападать на торговые караваны.

Была серьезно нарушена и внешняя торговля. До государственного переворота основная ее часть приходилась на Индию, торговый путь проходил через Джалалабад и Хайбарский проход. После начала восстания племен в Восточной провинции этот путь был закрыт. Правда, некоторые купцы нанимали охрану из племен и совершали эпизодические поездки в Индию. Но стоимость этой охраны была столь велика, что ее не покрывали доходы от торговли. К тому же ханы племен Восточной провинции взимали пошлину в 10—12 мес-тах с караванов, шедших из Индии в Кабул. И только после 1 июля 1929 г., когда войска Бачаи Сакао взяли Кандагар, кабульское купечество получило возможность возобновить торговлю с Индией через Кандагар и Спинбурдак, однако этот путь был длиннее и тоже небезопасен. Племена Южной провинции не были лояльны кабульскому режиму и тоже грабили проходящие караваны. Торговые связи с СССР и Ираном в этот период практически были прерваны.

По мере территориального расширения государства Бачаи Сакао все больше сталкивался с финансовыми проблемами. Немалые средства расходовались на армию, с помощью которой в течение первого полугодия 1929 г. кабульский эмир продолжал завоевывать остальные провинции страны. Кроме того, многие племена требовали большого вознаграждения в обмен на обещание своей лояльности. Поэтому, пытаясь изыскать новые источники доходов, эмир отказался от прежних деклараций об отмене налогов и усилил налоговый гнет. К лету 1929 г., еще до наступления очередных фискальных сроков, с крестьян вновь стали собирать все прежние налоги по ставкам, введенным в период правления Амануллы. Кроме того, были введены некоторые новые налоги.

Обвиняя Амануллу в коррупции, сам Бачаи Сакао не мог покончить с грабежом и насилием со стороны налоговых чи-

новников. Подвергая их гонениям накануне и в период восстания, после прихода к власти он оставил на месте низовые звенья администрации. Поэтому грабежи крестьян продолжались. И уже в феврале 1929 г. начались волнения среди крестьян в долинах рек Панджшир и Горбанд. В марте имели место вооруженные выступления населения Логара, которое арестовало местного хакима и захватило казну. К восставшим примкнули племена ахмадзаев, мангал и жители района Чардехи. Непокойно было и в Тагао, восставшее население которого активизировало свои действия в направлении Чарикара. В Пагмане был сформирован отряд из местных жителей численностью около 400 человек для борьбы с произволом местных властей.

Предпринятая эмиром отмена прогрессивных реформ Аманулли не смогла, тем не менее, остановить дальнейшее развитие страны, основой для которой и послужили реформы прежнего режима. Искусственное торможение этого процесса было неминуемо чревато новым социальным взрывом, и этого не могли не понимать Бачаи Сакао и его соратники, вынужденные со временем сделать некоторый поворот в своей внутренней политике. Анализируя внутривластную ситуацию в Афганистане в тот период, советский журналист К. Треплев писал: «По мере того, как вчерашний герой караванных дорог, а ныне “милостью пророка” афганский эмир Хабибулла входил во вкус власти, принципы “священного шариата” постепенно отодвигались на задний план, и Хабибулла начинал плыть, правда, робко, не по фарватеру ислама, а по течению “новшеств” и “реформ”, которые были им отменены вначале»²⁶⁰.

В дни празднования независимости, адресовав свою речь иностранным державам, эмир заявил, что он посвятил себя борьбе за независимость Афганистана, но готов восстановить хорошие отношения с другими странами. Он также объявил, что в скором времени откроются школы, и обещал не препятствовать проведению реформ, соответствующих положениям ислама. Как часть праздника, а также желая продемонстрировать свою непредубежденность, он организовал в честь иностранных гостей театральное представление. Им был предложен спектакль «Как ислам завоевал Испанию и как он потерял ее»²⁶¹.

В рамках такой «либерализации» эмир разрешил публикацию газеты «Хабиб уль-ислам», которая поддерживала его власть и проповедовала консервативные исламские принци-

пы. Он даже открыл школу для изучения иностранных языков. На ее открытии один из соратников Бачаи Сакао Киямуддин-хан зашел настолько далеко в своем «либерализме», что подчеркнул необходимость изучения «языков «неверных», без знания которых невозможно иметь нормальные отношения с иностранными государствами»²⁶². Правительство строило планы относительно расширения сети учебных заведений.

Несмотря на сравнительно сильную натуру Бачаи Сакао, корни его власти были неглубокими. Племя шинвари, которое подняло мятеж против Амануллы, отказалось признать нового эмира и продолжило борьбу против соседних племен, грабя караваны между Кабулом и Джалалабадом. Более того, большинство афганских племен как внутри страны, так и трансграничных оставались нейтральными или занимали враждебные позиции. Племя дуррани и его могущественный правящий клан *баракзаев* были недовольны потерей политической преемственности, которую они имели начиная с 1747 г., и особенно захватом трона непуштуном, выходцем из низов, неграмотным разбойником.

Столкнувшись с мощной оппозицией, эмир, который сначала получал скрытую, а временами даже прямую поддержку со стороны гильзаев, соперников дуррани, не смог создать с ними сильную коалицию и, делясь с ними властью, противостоять племени дуррани. В то же время хазарейцы, которые оказали активную поддержку Аманулле в его притязаниях на реставрацию власти, стояли в стороне. Не мог Бачаи Сакао добиться поддержки и со стороны шиитов.

Между тем через два дня после прибытия в Кандагар Аманулла собрал местный дарбар, пытаясь объяснить, что произошло в стране. Он обвинил племя шинвари в предательстве и, не имея сведений из Кабула, призвал кандагарцев принести присягу на верность новому эмиру Инаятулле. И хотя здесь звучали голоса поддержки самого Амануллы, бывший король оставался в отчаянии. Он приказал спустить королевский штандарт, поскольку в Кандагаре он уже не был королем. Потеряв всякую надежду на возвращение к власти, Аманулла начал подумывать о том, чтобы покинуть страну.

В этих условиях в Кандагаре влиятельные духовные лица, узнав о предстоящем отъезде Амануллы, пришли к выводу, что им не на кого больше надеяться, что он достаточно покался, чтобы получить их поддержку. Они объявили Бачаи Сакао кафиром, однако не за его действия в отношении ислама, а за то, что незаконно занял престол. На встрече с

ними Аманулла говорил, что у него есть две причины для отъезда. Первая — афганский народ разрушил то, что он создавал в течение десяти лет. «Поэтому, — подчеркнул он, — у меня уже не осталось намерения править невежественными людьми». И вторая причина — кандагарцы постоянно уклоняются от его призыва помочь ему, и даже те, кто согласился, не готовы воевать. С его доводами согласились и предложили ему остаться королем территории от Герата до Газни²⁶³.

25 января, узнав об отречении Инаятуллы, Аманулла аннулировал свое отречение и вновь провозгласил себя королем, распорядившись поднять в Кандагаре королевский штандарт. Понимая, что ему не добиться помощи от англичан, король по совету Махмуда Тарзи решил отправиться в Герат, где он рассчитывал получить помощь от населения северных провинций и, вероятно, от СССР. Сам Тарзи, уставший и больной, хотел покинуть Афганистан. Как и Аманулла, он особенно не жаждал власти и обратился к англичанам с просьбой дать ему визу. Однако они опасались, что в Индии он будет вести антибританскую пропаганду, поэтому рекомендовали ему из Чамана прямо проследовать в Карачи и сесть на пароход²⁶⁴.

Однако в эти же дни через своего посланника в Лондоне Шуджа уд-Даула Аманулла все-таки обратился к британскому правительству с просьбой о помощи. Надеясь восстановить свою власть, он просил прислать ему оружие и боеприпасы, обещая взамен вечную признательность и гарантию оплаты этой помощи. При этом его посланник сообщил англичанам, что король не обращался с аналогичной просьбой к России. Тем не менее британский посланник Хэмфрис не рекомендовал своему правительству оказывать вообще какую-либо помощь свергнутому королю. Он также советовал своему правительству предупредить Москву, чтобы она также не давала военную помощь Аманулле. Британское правительство вежливо отклонило просьбу короля под предлогом невмешательства во внутренние дела Афганистана, ссылаясь на то, что в стране нет всеми признанного монарха. Последующее отречение Инаятуллы упростило задачи англичан.

Аманулла сформировал в Кандагаре правительство, куда вошла часть его прежних министров, в том числе Мухаммад Сиддик Чархи, ставший министром иностранных дел, который объявил иностранным государствам о том, что Аманулла вновь провозгласил себя королем.

С первых же дней своего правления в Кандагаре Аманулла развернул активную подготовку к походу на Кабул. При этом

он решил опереться в основном на племена дуррани. Население Кандагарской провинции довольно пассивно откликнулось на его призыв. Однако постепенно происходило изменение настроений в его пользу: в Кандагар поступали сообщения о терроре и насилии, царивших в Кабуле, о планах захвата Кандагара войсками Бачаи Сакао. В город начинали стекаться добровольцы из Фараха и Герата. В начале февраля крупное племя момандов направило в Кандагар делегацию во главе со своим ханом Мухаммад Хасан-ханом с изъявлением преданности королю и обещанием поддержки. Его поддерживало также местное купечество, в том числе индусы, и выделило ему значительные суммы. Призывы Амануллы нашли живой отклик и в Индии: в его поддержку состоялись митинги в Лахоре, Пешаваре и Карачи.

К середине марта ему удалось собрать под свои знамена около 10 тыс. человек, из которых были сформированы три полка — Гератский, Фарахский и Кандагарский. Преодолевая недоверие кандагарцев и их нежелание поддержать его, Аманулла использовал даже религиозные мотивы в своей пропаганде: 24 февраля он публично поклялся на Коране в верности шариату, показав собравшимся в крупнейшей кандагарской мечети людям «мантию Пророка», хранившуюся, согласно легенде, последние 200 лет тайно в сундуке в мечети «Хыркёйе мубарак» в Кандагаре. Согласно местным поверьям, открыть его был способен только человек, пользующийся особой милостью Аллаха.

26 марта армия Амануллы выступила из Кандагара в сторону Газни, где были сконцентрированы крупные силы Бачаи Сакао. Неудачи начали преследовать короля с самого начала похода: по пути взбунтовался батальон во главе со своим командиром Нияз Мухаммадом и перешел на сторону кабульско-го эмира. Когда войска Амануллы подошли к Калату, из Герата пришло сообщение, что там произошел переворот, убиты губернатор и несколько высших чиновников; власть в городе захватил сторонник Бачаи Сакао полковник Абдулрахим-хан. Во время продвижения к Газни войска короля столкнулись с целым рядом других трудностей. Так, население г. Мукура было настроено враждебно к Аманулле, разбегалось при появлении его войск и отказывалось снабжать его солдат продовольствием. Отряды племен, расселенные вдоль пути из Кандагара в Газни, совершали нападения на войска Амануллы.

К середине апреля его армия с трудом пробилась к Газни. К этому времени к нему присоединился крупный отряд хазарейцев численностью 2000 человек. Начались бои под Газни,

которые длились почти две недели. Армия короля занимала невыгодные позиции, была слабо вооружена и плохо снабжалась. Моральное состояние войск было чрезвычайно низким. Солдаты роптали, высказывая недовольство в адрес министра двора Мухаммад Якуб-хана, окружившего короля льстецами, которые дезинформировали Аманулла и не давали ему возможности правильно оценить обстановку. Его лагерь подвергся бомбардировке, и хотя обошлось без больших потерь, воздушный налет произвел сильное впечатление на деморализованную армию.

И наконец одной из главных причин неудачи военной кампании Амануллы оказалась позиция гильзаев из племени сулейманхель. Совершая весеннюю миграцию, они прибыли из Индии в Афганистан, возглавляемые возвращавшимся на родину из изгнания хазратом Шер Ага. На всем протяжении их пути хазрат подталкивал их к выступлению против Амануллы, что и привело их к окрестностям Газни. Недалеко от города он созвал джиргу гильзаев. Их муллы выпустили манифест, поставив под сомнение иммунитет Амануллы как законного монарха. Они решили, что, поскольку Бачаи Сакао занимает трон исламского государства, он фактически является правителем и борьба против него будет незаконной в глазах Аллаха. Шер Ага отправил послание Бачаи Сакао, сообщив о том, что направил отряды гильзаев воевать против Амануллы в Кандагар и Южную провинцию, а сам вскоре прибудет в Кабул. В контакт с Шер Ага вступил и Надир²⁶⁵.

Несмотря на яростное сопротивление хазарейцев, поддержавших Аманулла в Газни, четырехтысячное ополчение гильзаев нанесло такой урон войскам короля, что о дальнейшем продвижении в сторону Кабула уже не могло быть и речи.

В конце апреля началось общее отступление кандагарской армии, преследуемой крупными силами кабульского эмира. Аманулла сделал последнюю попытку поднять боевой дух своих войск и возобновить продвижение на Газни. Над его армией появился самолет, разбросавший листовки. В них указывалось, что режим Бачаи Сакао переживает кризис, что войска эмира подвергаются атакам из Тагао, со стороны Хазараджата и юга, и что вскоре ожидается падение Кабула. И хотя эти прокламации произвели благоприятное впечатление на солдат, они не могли заставить армию повернуть на Газни.

Отчаявшись мобилизовать свои войска для дальнейшей борьбы за престол, Аманулла оставил армию и 23 мая прибыл в Рабат, расположенный в пограничной полосе. Он объявил о прекращении борьбы и намерении покинуть Афганистан.

После небольшой остановки в Бомбее, где королева Сорайя родила дочь, Аманулла и члены его семьи 22 июня проследовали в Европу, поселившись в Италии. Король Виктор Эммануил проявил благосклонность к неудачливому коллеге, предоставив в его распоряжение дом в Риме. Инаятулла эмигрировал в Персию. А мать Амануллы Улья Хазрат поселилась со своим другим сыном в Константинополе. Там же остался и Махмуд Тарзи.

Между тем иностранные державы, в первую очередь крупные, холодно восприняли дипломатические шаги Бачаи Сакао. И хотя они и не порвали дипломатических отношений с Афганистаном, но официально не признали новый режим. Согласно некоторым данным, восстание Бачаи Сакао поставило Москву перед дилеммой, которая вызвала раскол в структурах, принимающих государственные решения, по вопросу о том, какой курс следует принять в новой ситуации в Афганистане. По этим данным, Коминтерн и ОГПУ склонялись к поддержке Бачаи Сакао, обосновывая это тем, что восстание носило социальный характер и было истинно народным, а власть нового эмира поддерживается крестьянством, чьим выразителем интересов он сам являлся. НКВД, наоборот, предлагал поддерживать Аманулла или Инаятулла на том основании, что Бачаи Сакао был таджиком, и его не примут пуштунские племена дуррани и вообще все афганские племена.

Более того, по мнению советских дипломатов, если эмир был действительно марионеткой англичан и пришел к власти, чтобы «восстановить феодальный режим как необходимое условие для британской колонизации страны», то как таджик он может представлять угрозу безопасности Средней Азии: он способен развернуть пропагандистскую кампанию среди таджиков Средней Азии и, вероятно, оказать содействие басмаческому движению в регионе. По мнению бывшего резидента советской разведки в Афганистане, а затем сотрудника ОГПУ Агабекова, источника этой информации, в итоге Политбюро приняло решение согласиться с мнением НКВД поддержать Аманулла²⁶⁶. Соответственно, в мае 1929 г. советское правительство помогло Гулам Наби-хану Чархи, афганскому послу в Москве, организовать вместе с отрядом советского генерала В. Примакова вторжение в северные районы Афганистана.

Впрочем, еще до падения реформаторского режима советское руководство признало необходимым поддержать Аманулла, помня о том, что, едва придя к власти в 1919 г., он первым признал молодое Советское государство. 13 декабря

1928 г. было принято решение продать Афганистану тысячу винтовок, двадцать пулеметов, тысячу артиллерийских снарядов, получив в уплату за это оружие шерсть, хлопок, каракуль и т.д.²⁶⁷ Срочно была образована соответствующая комиссия в составе А.И. Рыкова (председателя Совнаркома), И.В. Сталина, Г.К. Орджоникидзе и К.Е. Ворошилова (наркома по военным и морским делам). 20 декабря на заседании Политбюро были намечены дополнительные меры, в основном военно-политической поддержки агонизирующего режима: советская сторона прежде всего гарантировала неприкосновенность северной границы Афганистана, что позволило бы Аманулле снять дислоцировавшиеся там войска и направить их против мятежников. Основной стратегический план советского руководства был оформлен 27 декабря 1928 г. решением Политбюро в виде инструкции советскому послу в Кабуле Леониду Старку.

Восстание против Амануллы рассматривалось в этом документе как «энергичная акция англичан, направленная также и против СССР». Так, эвакуация британской дипломатической миссии из Кабула расценивалась в Москве как простая уловка. Газета «Известия» писала по этому поводу: «Поддержав восстание, они (англичане. — В.К.) боятся, что попадут в очень деликатную ситуацию, если восстание закончится неудачей, поэтому они и спешат срочно эвакуировать миссию и особенно отозвать Хэмфриса, который был связан с восстанием»²⁶⁸. Через несколько дней в газете вновь появилась критика Великобритании, главной целью которой объявлялось намерение расколоть Афганистан на несколько враждебных друг другу провинций, которые завязнут в междоусобицах и окажутся бессильными противостоять устремлениям англо-индийского правительства и британскому империализму²⁶⁸. Самая ходовая мысль советского руководства состояла в том, что Бачаи Сакао был заброшен в Афганистан англичанами, чтобы сколотить коалицию Сеид Алим-хана, бывшего эмира бухарского, против Советского государства²⁶⁹. Советская критика коснулась и Ирана, от которого требовали не надеяться на раздел Афганистана или завоевание Герата. Такие планы, предполагала газета, могли быть лишь в интересах британского империализма²⁷⁰.

Поэтому в Москве провозглашалась поддержка существующего правительства, которое, по ее мнению, представляло «единственное прогрессивное течение Афганистана, борющееся за независимость страны». Послу предписывалось поддерживать непрерывный контакт с королем, призывая его к

энергичным мерам, направленным на создание «в кратчайший срок любой ценой» военной силы в Кандагаре или на севере, в районе Мазари-Шарифа. Речь шла о формировании бригады, которую предлагалось снабдить стрелковым оружием и инструкторами. Но для этого нужен был соответствующий договор, при этом Москва предлагала весьма льготные условия поставки военной помощи²⁷¹. Между тем Аманулла стремительно терял свои позиции и в начале января 1929 г., как уже упоминалось, объявил об отмене своих реформ, чем немало разочаровал Москву. «Постоянными уступками реакционным слоям населения, действующим от лица повстанцев, Аманулла-хан... скатывается на положение беспринципного политика», — докладывал в Москву 7 января 1929 г. военный советник Э. Рикс²⁷². Особую тревогу вызывала ситуация на севере страны. Раскол соседнего государства считался нежелательным, выгодным лишь Великобритании.

В последние дни своего существования правительство Амануллы обратилось к СССР за военной помощью. Король получил принципиальное согласие реорганизовать его армию при помощи советских инструкторов. Но неблагоприятная политическая обстановка и тайный саботаж высших афганских чиновников (включая военного министра Абдул Азиза) заставили советское руководство отложить вопрос о поддержке свергнутого короля. «Политика афганского правительства по отношению к СССР заключается в том, чтобы побольше получать, ничего не давая взамен», — жаловался в Москву Э. Рикс²⁷³. Он предлагал переходить к политике нажима на афганцев. Но даже перед лицом непосредственной угрозы падения своего режима Аманулла не решился принять сколь-нибудь обязывающую формулу советской поддержки. Более того, как уже упоминалось, не скрывавший никогда своей англофобии король обратился за военной помощью в Лондон и получил отказ.

Последовавшее в январе 1929 г. бегство Амануллы из столицы в Кандагар и его отречение, захват Кабула силами Ба-чаи Сакао не застали советское руководство врасплох: уже 18 января коллегия НКВД предложила послу Л. Старку «поддерживать с новым правительством деловые отношения, формально его не признавая»²⁷⁴. Одновременно ему поручалось выяснить намерения Амануллы, при этом дистанцируясь от свергнутого эмира. Ему фактически отказали в убежище и рекомендовали поселиться в Турции. Однако до тех пор пока формально аннулировавший свое отречение и создавший в

Кандагаре «национальное правительство» монарх находился в стране, он оставался в поле зрения советского руководства.

Официально же декларируемой политикой Москвы оставались уважение суверенитета и невмешательство во внутренние дела южного соседа. Именно так ее и воспринимали основные конкуренты Москвы — англичане, которые понимали, что сложная ситуация в самом Советском Союзе не позволит ему предпринять какую-либо крупную акцию в Афганистане.

Вместе с тем в самом Афганистане часть политической элиты выступила в его поддержку. Во главе немногих сторонников Амануллы стало влиятельное семейство Чархи — сыновья Гулам Хайдар-хана, крупного военачальника времен эмиров Абдуррахмана и Хабибуллы: Абдул Азиз занимал пост генерал-губернатора Мазари-Шарифа, Гулам Джейлани — афганского консула в Ташкенте, Гулам Сиддик — министра иностранных дел и Гулам Наби — посла в СССР. Два брата Чархи, — Гулам Сиддик и Гулам Наби — начали активно добиваться военной помощи в Москве.

Однако советское руководство никак не могло окончательно определиться в отношении всех участников афганского конфликта. Оно подозревало англичан в инспирировании событий против Амануллы и готово было верить любым слухам, в том числе о деятельности полковника Лоуренса. Это во многом определило его отношение к Бачаи Сакао как к ставленнику англичан. В то же время у Москвы не было ясной и четкой позиции в отношении афганских событий. Тем не менее Кремль отверг планы поддержки Бачаи Сакао, которые предлагало ОГПУ, так как вскоре обнаружилась связь нового эмира с басмаческим движением. Басмачи были недовольны лояльной к СССР позицией Амануллы и способствовали его свержению. Определенную роль в этом играли надежды бухарского эмира вернуться к власти с помощью нового афганского правителя или создать на севере Афганистана государственное образование, находящееся под его контролем. Известно, что Сеид Алим-хан не скрывал радости, узнав о захвате власти в Кабуле Бачаи Сакао, называя его в письмах своим единомышленником, «великим борцом за ислам»²⁷⁵.

Весной 1929 г. Бачаи Сакао собрал лидеров басмачей в Кабуле во главе с Ибрагим-беком и бывшим бухарским эмиром Сеид Алим-ханом с целью разработки плана вооруженного вторжения в Среднюю Азию. Однако такого вторжения не произошло, ибо таджикские и узбекские басмачи включились в борьбу за афганский трон. Об этом признался в разго-

воре со своим единомышленником Ибрагим-бек, заявив, что «если какой-то кухистанец смог взять власть с божьей и нашей помощью, то почему мы, локайские узбеки, имея здесь до 6 тыс. джигитов, не можем отнять у него престол и крепко держать его»²⁷⁶. Планам вторжения в Среднюю Азию помешало и руководство ГПУ Таджикистана, усилившее границу. Наконец, чтобы предупредить поддержку местным населением Ибрагим-бека, Таджикской АССР был придан статус союзной республики.

В этих условиях было решено сделать ставку на возвращение Амануллы к власти. С конца 1928 г. разрабатывались идеи активного советского участия в разрешении афганского кризиса. Уже тогда советские дипломаты достигли с представителями короля соглашения, что следует сформировать две основные армии — одну в Кандагаре из ополчений дуррани, другую на севере, в районе Мазари-Шарифа, где значительную роль могли сыграть советские вооруженные отряды, которые, вступив на афганскую территорию, могли стать ядром новой армии. Известно, что в 20-х числах декабря посол Л. Старк обсуждал эти варианты с министром иностранных дел Гулам Сиддик-ханом²⁷⁷.

Советское руководство понимало опасность непосредственного участия в гражданской войне. В декабре 1928 г. военный атташе Э. Рикс, после очередных консультаций с Гулам Наби-ханом об оказании афганцам военной помощи писал в Москву: «...Игра стоит свеч, и если удастся отстоять Аманулла и вместе с тем связать его определенными условиями, наше положение будет здесь крепкое. Но в случае неудачи мы можем потерять все»²⁷⁸. Хотя в Москве преобладало мнение о необходимости соперничества с Великобританией, тем более учитывая ее вероятное участие в афганских событиях, советское руководство тянуло с принятием окончательного решения.

Лишь весной 1929 г. Сталин решился поддержать Аманулла-хана. Решение было принято после его встречи с афганским министром иностранных дел Гулам Сиддиком, который был отправлен Амануллой в Москву со специальной миссией. Было решено направить в Афганистан вооруженный отряд численностью до одной тысячи красноармейцев под общим командованием В. Примакова, бывшего военного атташе в Кабуле, который должен был действовать под именем Рахим-бека, турецкого офицера. Формальное руководство отрядом, для обоснования законности вторжения, было возложено на брата Гулам Сиддика, посла Афганистана в Москве Гулам Наби-хана Чархи. Кавалерийский артдивизион возгла-

вил И. Петров (впоследствии генерал армии, Герой Советского Союза), а заместителем командира отряда стал полковник Сатаров. Кроме того, для командования подразделениями отряда были собраны афганские офицеры, учившиеся в СССР и Турции²⁷⁹.

Если учесть, что Сталин никогда не питал симпатий к Аманулле, то можно предполагать, что целью этого шага было прочнее привязать афганского монарха и его страну к СССР, укрепить советское влияние в Афганистане. Принимая это решение, Сталин и советское военное командование намеревались опередить готовящееся вторжение басмаческих отрядов Ибрагим-бека на советскую территорию и не допустить осуществления планов главаря басмачей, предусматривавших создание в Средней Азии независимого от Москвы Туркестана, включающего в себя северные районы Афганистана.

Характерно, что в принятии решений не участвовали ни члены Политбюро, ни НКВД, ни даже ОГПУ. Накануне, зная по телеграммам из Кабула об ухудшающейся ситуации для Амануллы-хана, руководители ОГПУ и НКВД обсуждали варианты развития ситуации, склоняясь к поддержке то Бачаи Сакао, то появившегося на афганской территории Надир-хана. Так, заместитель наркома иностранных дел Л. Карахан склонялся к поддержке Надир-хана, полагая, что тот не станет разрабатывать агрессивные планы против СССР и направит свои усилия в сторону индийской границы²⁸⁰. Однако Сталин своим решением опередил всех.

20 марта 1929 г. на заседании Политбюро план совместной советско-афганской операции приобрел законченный вид. Кроме основного отряда Гулам Наби и Примакова, было решено организовать захват Герата, и для этого из Лондона был отозван афганский посол Шуджа уд-Даула-хан, который 22 марта уже прибыл в Кушку. Из Кабула в Москву был временно отозван «ввиду болезни» посол Л. Старк, его заменил военный советник полковник Э. Рикс²⁸¹.

План совместной советско-афганской операции был окончательно согласован Сталиным с министром иностранных дел правительства Амануллы Гулам Сиддик-ханом. Он предусматривал создание в Мазари-Шарифе опорной базы амануллистов на севере, организацию 5—6-тысячной армии «из афганцев» и захват ею Кабула. Другой важный пункт афганского севера г. Маймана должен был быть освобожден отрядом Мухаммад Гаус-хана²⁸².

На начальном этапе операции важная, но все же временная роль отводилась отряду под командованием В. Примако-

ва (его услуги предлагались еще в момент восстания племени шинвари, но были отвергнуты окружением Амануллы). По плану, большая часть этих сил вскоре отзывалась назад, а в помощь афганцам оставалась небольшая группа пулеметчиков и артиллеристов. Основным принципом плана, как это следует из документов, было то, что Афганистан должны освободить сами афганцы, а не русские. Формирование отряда проводилось в Среднеазиатском военном округе. Первоначальная численность советского отряда достигала 800 человек. Он был оснащен 24 пулеметами и горными орудиями²⁸³.

Между тем в Москве о готовящейся операции знали немногие, причем в их число не попал даже начальник восточного отдела ОГПУ Агабеков. Это объяснялось тем, что чекисты недолюбливали Аманулла и делали ставку на Бачаи Сакао. Эпоху Амануллы считал пройденным этапом и многочисленный персонал Коминтерна: эта громоздкая структура стремилась поддержать свой слабеющий авторитет выдвижением схем крестьянских революций на Востоке. Выдавая желаемое за действительное, некоторые теоретики Коминтерна были не прочь использовать даже бесконечно далекого от революции Бачаи Сакао и его пестрое окружение²⁸⁴.

Военная экспедиция в Афганистан фактически началась в середине апреля, когда из Герата в сторону Майманы выступил отряд Гаус-хана, но в районе Кала-йе Нау он был разбит войсками сторонника Бачаи Сакао Абдуррахим-хана, который до этого уже захватил Мазари-Шариф и Майману. Остатки отряда Гаус-хана бежали на советскую территорию, где и были интернированы. Так начал рушиться план войны на севере Афганистана. Теперь ее судьба зависела от результатов главной экспедиции в Афганский Туркестан²⁸⁵.

22 апреля 1929 г. после многочасового боя у крепости Сияхгерд отряды В. Примакова и Гулам Наби взяли город Мазари-Шариф. Во время его штурма погибло более трех тысяч афганцев. Городские власти не сумели организовать оборону города. Губернатор таджик Мирза Касем-хан бежал, его место занял, разумеется, Гулам Наби. Но задержка дальнейшего продвижения его отрядов дала возможность сторонникам эмира организовать контрнаступление. Местное население, в основном национальные меньшинства, отнюдь не жаждало возвращения Амануллы и было раздражено очевидным советским вмешательством, поэтому оно не оказало поддержки Гулам Наби-хану. В. Примаков сообщал начальству: «Операция задумывалась как действия небольшого конного отряда, который в процессе боевой работы обрстет формированиями,

но с первых дней пришлось столкнуться с враждебностью населения»²⁸⁶.

В конце апреля к Мазари-Шарифу безуспешно пытались прорваться новые советские подразделения. Неважной оказалась и сама организация экспедиции. Гулам Наби был вынужден просить подкреплений телеграммами через свое посольство в Москве, которое в свою очередь выходило на Гулам Сиддика, даже если тот в это время находился в Германии. Последний уже выходил на ответственных работников НКВД, решавших вопрос вместе с военными, разведкой и т.д.

30 апреля в Кабуле представители эмира предъявили советскому временному поверенному Э. Риксу протест за помощь Гулам Наби-хану. Э. Рикс, категорически отрицая какое-либо участие советского правительства в организации наступления Гулам Наби, все же обещал запросить об этом Москву. Возможно, он действительно не знал всех подробностей событий. При этом он предъявил встречный протест против оказания Кабулом помощи басмачам. 17 мая афганские власти выдвинули новый протест против бомбардировок советскими самолетами территории северного Афганистана²⁸⁷.

Положение амануллистов на севере еще более ухудшилось к началу мая, когда на помощь изгнанным властям поспешил лидер басмачей Ибрагим-бек. Мазари-Шариф был окружен, отрезан от источников воды и продовольствия. Базар закрылся, жизнь замерла. Примаков опять просил подкреплений и боеприпасов, но и в этот раз ничего не получил. В этих условиях губернатор Мазари-Шарифа прибег к жестким мерам: 1 мая по его приказу были публично расстреляны шесть наиболее известных противников Амануллы. Но репрессии не могли решить исход дела. Попавший в ловушку Гулам Наби слал одну за другой отчаянные телеграммы в Москву, где находился столь же расстроенный его брат. При этом в НКВД опасались, что советское вмешательство может быть предано гласности, если хоть один красноармеец попадет в плен.

Наконец, 5 мая через советско-афганскую границу переправился второй отряд из 400 красноармейцев, усиленный 6 орудиями и 8 пулеметами. По сторонникам эмира были нанесены удары с воздуха. Через два дня Политбюро разработало ряд мер по сокрытию советского участия в афганских событиях. Было решено дать сообщения о том, что банды Ибрагим-бека проникли на советскую территорию и грабят население, продать афганцам аэропланы, распространить от имени Гулам Наби или Амануллы воззвание о независимости и

борьбе против британской агентуры и отозвать отряд после взятия Дейдади, к западу от Мазари-Шарифа²⁸⁸.

Тем временем Гаус-хан, интернированный на советской территории, планировал набрать новый отряд для поддержки Гулам Наби, оказавшегося в бедственном положении в Мазари-Шарифе, и начать наступление со стороны Герата. Однако губернатор Герата Шуджа уд-Даула-хан к этому времени был вынужден оставить город под нажимом отрядов Абдуррахим-хана, и Гаус в результате был отправлен в Ашхабад, подальше от афганской границы.

Гулам Наби, получив подкрепление, сумел овладеть еще некоторыми населенными пунктами на севере (Примаков к этому времени уже был отозван на родину).

Факт советской агрессии стал очевидным для Кабула. Однако поверенный в делах, даже когда советский отряд уже занял значительную часть северного Афганистана, продолжал настойчиво отрицать советское участие в событиях. «Правительство, — решительно отметал все доводы афганской стороны Э. Рикс, — самым категорическим образом заявляет, что за все время гражданской войны в Афганистане ни один самолет не появлялся над афганской территорией без ведома кабульского правительства»²⁸⁹. Когда в Кабуле стало известно о событиях на севере, против Гулам Наби-хана был выслан трехтысячный отряд под командованием военного министра Сеид Хусейн-хана. Сражение произошло под Ташкурганом, в котором отряды Гулам Наби разгромили части эмирских войск, но это был временный успех. Сеид Хусейн вновь собирал силы в районе Ханабада.

Население было по-прежнему враждебно настроено в отношении Гулам Наби. На западе формировались отряды туркмен, готовившихся захватить Мазари-Шариф. Но окончательную точку в этих событиях поставил Аманулла, который, разочаровавшись в соотечественниках и не сумев организовать борьбу своих сторонников внутри страны, 23 мая навсегда покинул Афганистан.

В это время Ибрагим-бек вновь начал сколачивать отряд, набрав 4 тыс. человек. Но красноармейцы продолжали двигаться в сторону Кабула, но дошли только до Айбака²⁹⁰.

В Москве Сталин, получив известие о том, что Аманулла покинул Афганистан, распорядился немедленно отозвать советский отряд. На это решение повлиял британский ультиматум. Правительство Макдональда, получив подробные сообщения о действиях советского отряда на севере Афганистана, предупредило, что если СССР не выведет свои части с

афганской территории, то оно также будет вынуждено ввести войска в Афганистан²⁹¹. Кремль, находясь на пороге восстановления дипломатических отношений с Великобританией, решил не осложнять ситуацию. Кроме того, советское руководство постоянно смущал тот факт, что оно вынуждено воевать с афганским народом, защищая королевский трон.

В этой ситуации Гулам Наби распустил свои отряды и 31 мая вернулся с небольшой группой своих сторонников на советскую территорию, где был также интернирован. Еще раньше, 28 мая, был отозван советский отряд, общие потери которого составили 120 человек. Афганцы же с обеих сторон потеряли несколько тысяч человек²⁹².

В ответ на объяснения дипломатических представителей СССР относительно советского военного вторжения Бачаи Сакао потребовал официального признания своего режима. И надо сказать, его притязания были далеко не беспочвенны: в советском руководстве различных уровней были уже готовы к изменениям в позиции относительно кабульского режима. Так, на заседании коллегии НКВД 3 июня 1929 г. было решено «поручить т. Риксу найти случай дать понять Баче Сакао, что в случае укрепления и расширения его власти не исключено признание его Советским Союзом, подтвердив при этом наше невмешательство во внутреннюю борьбу в Афганистане»²⁹³.

Уход отрядов Гулам Наби-хана из Мазари-Шарифа породил здесь вакуум власти и беспорядки. Город был подвергнут грабежу арестантами (в основном бывшими кухистанцами), вырвавшимся из тюрьмы, которых вскоре выбили отряды хазарейцев. Местные старейшины избрали временное правление провинции. Они призвали бывшего губернатора Мирзу Касем-хана с условием не допустить нового кровопролития, в чем он и поклялся на Коране. Новая администрация провинции заявила о своей лояльности Бачаи Сакао и даже просила прислать нового губернатора. При этом она намерена была проводить самостоятельный курс, в том числе и в вопросах внешней политики: Мирза Касем-хан обратился к начальнику ОГПУ Сурхандарьинской области Узбекистана с просьбой, как можно скорей прислать в Мазари-Шариф полномочного представителя СССР и возобновить торговый обмен²⁹⁴.

Неблагоприятный исход операции и особенно поведение кремлевских руководителей в ее решающие моменты стали серьезным моральным ударом по амануллистам, которые были вынуждены и в дальнейшем иметь дело с Москвой. Однако их планы существенно изменились: один из новых проектов, предложенный все тем же Гулам Наби, предусматривал пер-

воочередное занятие Герата с последующими ударами на кандагарском и кабульском направлении. Непременным элементом новой операции должно было стать овладение Мазари-Шарифом, где амануллисты рассчитывали расширить базу поддержки за счет разочарованных эмиром узбеков и туркмен. Советская поддержка в этом варианте сводилась лишь к предоставлению военной (исключительно оружием) и финансовой помощи, но даже и в таком виде она была отвергнута Москвой. Московские чиновники не торопились вовсе сбрасывать амануллистов со счетов, но, видя организационную слабость последних, отделялись общими фразами. Это обстоятельство сыграло не последнюю роль в стратегической переориентации афганской национально-либеральной оппозиции, в частности клана Чархи на Европу и перемещению ее эмигрантского центра в Германию²⁹⁵.

Отказ Москвы от дальнейших военных действий в Афганистане не помешал Гулам Наби-хану осуществить новую попытку захвата Кабула. В середине мая он вернулся в Афганистан, и его отряды захватили Бамиан, нанеся войскам эмира внушительные потери. И лишь бегство Амануллы из страны вынудило Гулам Наби прекратить вооруженную борьбу. Преследуемый Сеид Хусейном, военным министром Бачаи Сакао, он отступил в Мазари-Шариф, а оттуда вновь вернулся на советскую территорию.

И лишь верные опальному королю хазарейцы продолжали борьбу против узурпатора. Юный Амин-джан, брат Амануллы, стал их подлинным лидером. Испытывая нехватку денег, средств коммуникации, оружия, хазарейские малики, тем не менее, сумели превратить Хазараджат в базу вооруженной борьбы против эмира. Однако ситуация складывалась и для них неблагоприятно. В конце концов они сумели договориться с Бачаи Сакао о разрешении на свободный проезд Амин-джана в Индию. В июне 1929 г. он покинул Афганистан²⁹⁶.

Позиция британского правительства в отношении афганских событий была не менее сложной, нежели советская. И хотя англичане опасались, что уход Амануллы с афганской политической арены приведет к анархии в стране и появлению вакуума, который позволит Советам создать здесь базу для революционной деятельности в направлении Индии, они не хотели открыто вмешиваться: «Наученные горьким опытом вооруженной интервенции прошлого века, они отказали Аманулле в помощи и игнорировали намеки Бачаи Сакао, дававшего понять о желательности официального признания его правителем Афганского государства»²⁹⁷.

Британское правительство, по мнению англоязычных исследователей, разработало достаточно гибкую политику: чтобы воспрепятствовать возможному расширению советского влияния в Афганистане и сохранить англо-афганский договор 1921 г., Великобритания быстро признала де-факто новое правительство Бачаи Сакао и действительно она была в этом первой из европейских держав. В то же время она удалила свою дипломатическую миссию, оставшись свободной от каких-либо обязательств в ситуации, когда могла избежать враждебности племен, особенно дуррани, и остаться свободной в своих контактах с любым претендентом на престол, который бы успешно бросил вызов эмиру Бачаи Сакао. В феврале англичане эвакуировали сотрудников своего посольства и консульства в Кандагаре, а также сотрудников других дипломатических представительств. Британское посольство и консульство были закрыты. В афганской столице продолжали функционировать лишь посольства СССР, Персии и Турции.

Тем временем в Восточной провинции, где образовался вакуум власти, объявился еще один претендент на престол — бывший губернатор Кабула Али Ахмад-хан. Он считался крупной политической фигурой еще во времена эмира Хабибуллы, занимая пост министра внутренних дел и возглавляя проанглийскую группировку. Скрывая свои взгляды, он даже одно время сотрудничал в газете «Сирадж уль-ахбар». После убийства эмира Хабибуллы он возглавлял официальную делегацию на переговорах с англичанами. Однако вскоре попал в опалу, обвиненный в том, что ряд пунктов подписанного им соглашения, по мнению Амануллы, противоречил интересам Афганистана. Однако через некоторое время благодаря заступничеству королевы-матери занял пост губернатора Кабула.

Как полагают афганские историки, Али Ахмад долгое время лелеял мечту занять афганский трон, используя свое происхождение и политическое влияние²⁹⁸. В 1927 г. он вступил в контакт с Бачаи Сакао, тайно интригуя против короля Амануллы. В январе 1929 г., когда Аманулла отрекся от престола и бежал в Кандагар, Али Ахмад, находившийся в Джалалабаде в качестве командующего войсками Восточной провинции, счел сложившуюся обстановку благоприятной для захвата власти.

Опираясь на королевские войска, бывшие под его командованием в Джалалабадском районе, 16 января 1929 г. он провозгласил себя эмиром в местечке Чарбаг²⁹⁹. Однако новоиспеченный эмир понимал, что без поддержки крупнейших племен провинции его власть превратится в фикцию. Поэтому

на другой день он прибыл в Джагдалак, где была дислоцирована большая часть преданных ему войск, и созвал некое подобие джирги с участием представителей армии, племени хугиани и некоторых гильзайских племен.

Обвинив Бачаи Сакао в узурпации власти и попытавшись убедить собравшихся в неприемлемости того в качестве главы государства, он предложил свою кандидатуру на этот пост. При голосовании обнаружились разногласия среди участников джирги. Али Ахмад-хану, однако, удалось взять верх над своими оппонентами, и на этой джирге он был провозглашен эмиром Джалалабада. Он получил поддержку также от влиятельных духовных лиц — Накиб Саиба из Чарбага, муллы из Чакнаура и муллы из Дакки, объявивших Аманулла еретиком³⁰⁰.

Тем не менее далеко не все племена Восточной провинции признали его эмиром. Имея под своим контролем лишь часть территории провинции, Али Ахмад пытался придать ей вид некоего государства. Тем не менее в Джалалабаде не было сформировано правительство, и нет данных о том, что там существовал какой-либо орган власти. С 28 января он начал выпускать газету «Гайрат-е ислам» («Честь ислама»). В первом номере он характеризовался как человек, посвятивший свою жизнь служению исламу, и перечислялись лица, присягнувшие ему на верность. В этом же номере была помещена речь Али Ахмада, в которой он изложил свою политическую программу. Намереваясь привлечь на свою сторону крестьянство и беднейших скотоводов, Али Ахмад объявил о прощении недоимок по налогам. В то же время он отменил все реформы Амануллы, призвав к строгому выполнению всех норм шариата и ввел всеобщую воинскую повинность.

Однако, как и следовало ожидать, все льготы и обещания Али Ахмада по части облегчения налогового бремени носили демагогический характер. Нуждаясь в деньгах на содержание армии, на которую он опирался (а он обещал платить солдатам по 20 рупий в месяц), и для подкупа вождей племен, на лояльность которых он рассчитывал, Али Ахмад заставил индийских купцов Джалалабада выплатить ему все долги, которые они должны были вернуть Аманулле. Кроме того, он призвал население находившихся под его властью районов уплатить поземельный налог за несколько месяцев вперед³⁰¹.

В области внешней политики Али Ахмад по-прежнему ориентировался на Великобританию, планируя в то же время враждебные акции против Советского Союза. Английская разведка в донесениях того времени о положении в Афганистане подчеркивала, что Али Ахмад настроен антирусски, что он

составил список работавших в Кабуле советских дипломатов и специалистов, против которых собирался принять репрессивные меры в случае занятия им кабульского престола.

Призывая Англию оказать ему помощь в борьбе за власть, 3 февраля Али Ахмад отправил посланнику в Кабуле Хэмфрису послание, в котором, изъявляя чувства неизменной дружбы к Великобритании, потребовал прислать военную и материальную помощь в следующих размерах: 1 млн фунтов стерлингов деньгами, 100 грузовых автомобилей с водителями и механиками, 2 тыс. палаток, 20 тыс. винтовок, 20 млн патронов, 30 горных орудий и т.д.³⁰² Англичане, однако, проявили осторожность, учитывая непопулярность Али Ахмада в других провинциях страны и его шаткие позиции среди племен Восточной провинции, и отказались ему помочь, ссылаясь на свой «нейтралитет».

С первых же дней провозглашения Али Ахмада эмиром он начал подготовку к захвату Кабула, сделав попытку расширить свое влияние, и обратился за помощью к лидеру одного из племен гильзаев Гаусуддину, получив от него формальное изъявление лояльности. Обращение Али Ахмада к племенам Хоста не нашло никакого отклика. Его план военных действий предусматривал оттянуть войска кабульского эмира по джалалабадской дороге подальше от Кабула, обойти их через Тагао и Панджшир и отрезать кухистанцев от их поселений. Он отправил в Кабул послание, требуя немедленной сдачи города. Однако накануне решающего наступления значительная часть его солдат, набранная из жителей северной части Кабульской провинции, дезертировала и перешла на сторону Бачаи Сакао.

Али Ахмаду оставалось только надеяться на военные отряды племени хугиани, поддерживавшего его, но и тут ждала неудача. За несколько дней до наступления один из лидеров племени малик Мухаммад-шах тайно встретился с Бачаи Сакао и перешел на его сторону³⁰³. В лагере Али Ахмада в Джагдалаке начались междоусобные распри, к которым присоединились шинвари, и его армия распалась. Али Ахмад был вынужден бежать сначала в Лагман, затем в Кунар, где снова безуспешно пытался объявить себя эмиром. Не найдя нигде поддержки, он через территорию момандов пересек границу и прибыл в Пешавар. Так закончилась его недолгая эпопея.

Впрочем, Али Ахмад не оставил попыток вновь заявить о себе. Находясь в Пешаваре, он отправил тайное послание племени африди, призывая его под свои знамена. Одновременно он вновь обратился к англичанам с просьбой предоставить

финансовую помощь, но получил категорический отказ. Отчаявшись самостоятельно продолжать борьбу, он отправился в Кандагар. Прибыв в город во второй половине мая, он не обнаружил там Амануллы, и 23 мая, в тот момент, когда свергнутый король пересекал границу с Индией, Али Ахмад во второй раз провозгласил себя эмиром. На следующий день в соборной мечети Кандагара читалась *хутба* с упоминанием его имени. Его дальнейшая судьба была трагичной. Через неделю город был захвачен войсками Бачаи Сакао. Али Ахмад был схвачен и отправлен в Кабул, где его, босоногого, закованного в цепи, провели по улицам столицы. 9 июля он был расстрелян из пушки³⁰⁴. После бегства Али Ахмада феодальная рознь в Восточной провинции усилилась. 9 февраля племена шинвари и хугиани захватили Джалалабад и разграбили его. Был взорван городской арсенал, что привело к многочисленным жертвам среди самих грабителей — погибло около 800 человек.

После поражения Амануллы и Али Ахмада Афганистан фактически распался на ряд полусамостоятельных территорий, враждующих между собой. Используя эту ситуацию, лидер гильзайского племени ахмадзай Гаусуддин в конце января объявил себя эмиром в Хосте, распространив свою власть над значительной частью Южной провинции. В отличие от Али Ахмад-хана он не собирался вести борьбу за кабульский трон, а ограничился верховной властью на контролируемой им территории. Однако не все население признало его эмиром. Так, жители Гардеза, центра провинции, считая его сторонником Бачаи Сакао, отказались присягать ему и продолжали управлять городом самостоятельно. Известно также, что Гаусуддин не скрывал свои проанглийские симпатии, открыто предлагая англичанам свою дружбу³⁰⁵.

В марте 1929 г. в борьбу против кабульского эмира включился Мухаммад Надир-хан. При этом он заявил английской газете «Таймс», что не имеет намерений претендовать на афганский престол.

Родившись в 1883 г., Надир-хан принадлежал обеим эмирским династиям: по отцовской линии он был мухаммадзаем, по материнской — садозаем. Он был в родстве с эмиром Дост Мухаммадом (1826—1838, 1842—1863) и являлся троюродным братом Амануллы. К тому же вторая жена эмира Хабибуллы была сестрой Надира. Он и его братья родились в Индии (в Дерадуне), в эмиграции. Как и Тарзи, семья Яхья возвратилась в Афганистан в 1901 г. после смерти эмира Абдулрахмана, и братья достигли высоких постов в правительстве эмира

Хабибуллы. Так, Надир в двадцатилетнем возрасте получил звание полковника эмирской гвардии, в 1906 г. он уже был бригадным генералом афганской армии, а в 1913 г. был назначен верховным главнокомандующим³⁰⁶.

Роль Надира в движении младоафганцев не совсем ясна. По некоторым данным, в 1917 г. в придворных кругах было два течения общественной мысли: одно во главе с Тарзи, другое возглавлял Надир-хан. Тарзи предлагал быстрые и эффективные реформы по турецким образцам, Надир выступал сторонником более постепенных и умеренных преобразований, учитывая влияние духовенства и пуштунских племен. Во время третьей англо-афганской войны ему удалось мобилизовать поддержку трансграничных племен. В 1919—1924 гг. он был жестким критиком британской наступательной политики в полосе независимых племен, и по его настоянию в текст договора с англичанами был внесен пункт о предоставлении амнистии трансграничным племенам, боровшимся против англичан. Поэтому он пользовался большим авторитетом среди пограничных племен.

С Амануллой у него были серьезные разногласия в вопросах, касающихся темпов модернизации и государственной политики в отношении племенной оппозиции. Он выступал за их примирение на основе проведения межплеменной джирги. Это послужило причиной его увольнения и фактической ссылки во Францию, где он работал афганским посланником в Париже с 1924 по 1926 гг. По состоянию здоровья он ушел в отставку и поселился в Ницце вместе с братьями Хашим-ханом и Шах Вали-ханом.

После вступления Бачаи Сакао на афганский престол трое братьев закончили свою вынужденную ссылку на юге Франции и в конце февраля вернулись в Афганистан. Тем временем Бачаи Сакао, вспомнив о братьях Яхья, послал делегацию во Францию с приглашением Надир-хану вернуться и занять пост премьер-министра. Примечательно, что с таким же предложением в это время к нему обратился из Кандагара Аманулла.

По прибытии 23 февраля в Бомбей Надир пытался узнать, кого из претендентов на афганский престол поддерживает Великобритания. Говоря о своей позиции, он, по мнению американской исследовательницы Р.Т. Стюарт, недвусмысленно высказал свои проанглийские симпатии и подчеркнул, что «будет проводить политику, одобренную правительством Индии до тех пор, пока это соответствует интересам независимого и сильного Афганистана»³⁰⁷. При этом он заявил о

своем нежелании поддерживать Аманулла или любого из претендентов на престол. «Возвращаясь в Афганистан, я не преследую никаких личных целей, — пишет апологет политики Надира, известный афганский историк Бурхануддин Кушкаки, — у меня нет намерения захватить престол, а есть лишь благие пожелания “третьего лица”. Я сожалею о той ситуации, в которой оказался Его Величество Аманулла. Моей целью является восстановление мира и безопасности в Афганистане. Я присягну любому человеку, который будет избран народом руководить страной и не буду выступать против Амануллы»³⁰⁸.

Прибыв 27 февраля в Пешавар, Надир начал разрабатывать план дальнейших действий. С одной стороны, он был приглашен на службу к новому эмиру. Это приглашение он категорически отверг. С другой стороны, он был приглашен Амануллой в Кандагар, но отклонил и это приглашение. Вместо этого он решил проследовать в Хост с целью объединить племена и опереться на них в своей борьбе против Бачаи Сакао.

19 марта 1929 г. Надир бросил вызов Бачаи Сакао, предлагая обсудить вопрос легитимности его власти на общеафганской джирге ханов племен. Это был серьезный вызов, поскольку власть Бачаи Сакао была освящена согласием духовенства, но не ханской верхушкой племен. Этот вызов привел эмира в негодование, и он арестовал всю семью Надира и конфисковал его собственность. Эмир предложил премию за голову Надира в своем «Воззвании к населению южных и восточных районов Афганистана».

Тем временем в районе Хоста Надир-хан и его братья предприняли шаги по организации сильной оппозиции режиму Бачаи Сакао. Их стратегия состояла в том, чтобы заключить союз с трансграничными племенами и получить поддержку племен в регионе Кабул—Кандагар—Джалалабад. Его брат Шах Махмуд-хан был послан, чтобы сплотить племя джаджи, а другой брат — Шах Вали-хан — отправился к мангалам, в то время как сам Надир пытался получить содействие джадранов. Однако самым важным оставалась поддержка племен дуррани.

Надир обращался к племенам посредством газеты «Ислах» («Реформа»), которую он начал издавать на территории племени джаджи. В своих обращениях он акцентировал внимание на незаконности власти Бачаи Сакао, подчеркивая его низкое происхождение, на его карьере разбойника и то, что он не пуштун. Газета называла занятие трона Бачаи Сакао вызовом чести и достоинству пуштунов и племенному кодек-

су, который требовал проведения джирги, которая, в свою очередь, должна решить вопрос о власти. В газете описывались ужасы правления Бацаи Сакао, придавалось наибольшее значение таким тревожным событиям, как, например, сообщениям о том, что Сакао готовит систему тяжелого налогообложения для создания сильной армии, с помощью которой он собирается воевать с народом³⁰⁹.

Но у Надира было и немало проблем. Сначала его разочаровала реакция людей на его призывы. Джирги, проведенные в Гардесе и Мукуре, не помогли создать мощную конфедерацию племен в его поддержку. Бывший афганский главнокомандующий не имел достаточно денег для создания армии. Дуррани были раздроблены, гильзаи оставались глухи к его призывам. Многие ханы племен не были заинтересованы в восстановлении порядка и закона. Аннулирование Амануллой отречения и его попытки вновь захватить престол усложнили положение Надира. Но поскольку он провозглашал законность и не связывал свою деятельность с Амануллой, неудачи последнего не умаляли борьбу самого Надира. Наоборот, выступая как посредник в конфликте между сторонниками и противниками Амануллы среди племен, он мог получить поддержку как справедливый судья.

В апреле он обратился с посланием к Бацаи Сакао, обвинив его в узурпации власти и обещая прощение в случае занятия престола Амануллой или другим членом королевской семьи. В ответ эмир распространил листовки среди жителей Гардеса, называя Надира и его братьев предателями и призывая «благочестивых мусульман» пролить кровь братьев Яхья, заслужив тем самым титул «гази». Он назначил награду за голову Надира в размере 30 тыс. рупий³¹⁰.

Начало вооруженной борьбы Надира обернулось сплошными неудачами и разочарованиями: племенные ополчения, которые он набрал среди вазиров, момандов, мангалов, джаджи и джадран, были расколоты традиционной враждой, временами она сопровождалась дезертирством. В этот период в стане Надира появился малик Гаусуддин, предавший Амануллу, и предложил бывшему министру свои услуги. Однако Надир оказался не столь доверчивым, как свергнутый король, помня о том, что сам в свое время нанес поражение отцу Гаусуддина. Но обстоятельства все же заставили его поверить авантюристу, который, как и следовало ожидать, остался верен себе. В апреле, когда надировское ополчение предприняло первое наступление на Кабул через долину р. Логар и победа, казалось, была так близка, Гаусуддин и его гильзаи нео-

жиданно повернули против Надира, нанеся ему чувствительное поражение³¹¹.

В конце марта находившийся в ссылке хазрат Шер Ага обратился к британским властям за разрешением вернуться в Афганистан. Вскоре он присоединился к гильзайскому племени сулейманхель, считавшему его своим духовным лидером. Его отношение к Надиру в это время было вполне нейтральным.

Ситуация в Восточной провинции складывалась тоже не очень благоприятно для Надира. Правда, в апреле его брату Хашим-хану удалось с большим трудом созвать всеобщую джиргу враждующих друг с другом местных племен, которые согласились подписать на шесть месяцев перемирие, чтобы помочь Надиру в его борьбе против Бачаи Сакао. Однако уже в начале мая эта хрупкая коалиция во главе с Хашим-ханом распалась. Вновь возобновились вооруженные столкновения между племенами хугиани, сорхруди, шинвари и момандов за право собирать деньги за сопровождение и охрану караванов. Это дало возможность эмиру при поддержке племени шинвари захватить Джалалабад. Однако он совершил ошибку, назначив на пост губернатора провинции, населенной пуштунами, таджика из Кухистана. Недовольные моманды и шинвари тут же вновь захватили город, изгнав вооруженные отряды эмира.

К концу лета Надир, отчаявшись создать прочную коалицию племен для вооруженной борьбы против Бачаи Сакао, решил использовать племена вазиров и масудов, проживавших в «полосе независимых племен» в Северо-Западной пограничной провинции Индии. Он послал к ним своих эмиссаров, призывая собирать племенные ополчения. Его престиж среди этих племен был довольно высок, ибо еще в 1919 г. он поднял их на вооруженные выступления против англичан. И сейчас его призыв нашел широкий отклик. Как утверждает американский историк Л. Пуллада, британские власти были обеспокоены этим и заявили о нежелании давать разрешение Надиру на использование этих племен. Однако он пригрозил тем, что покинет Афганистан в обстановке хаоса и анархии, что вряд ли окажется в интересах Великобритании. Официально британские власти вновь отказали Надиру, но в то же время дали указание своим политическим агентам в зоне племен не препятствовать и не применять силу против добровольцев и даже целых лашкаров (вооруженных ополчений племен), желающих присоединиться к Надиру³¹².

Прибытие в лагерь Надира зарубежных вазиров и масудов, а также захват момандами и шинвари Джалалабада действовали на настроения конфликтовавших между собой племен, и вскоре под его знамена собрались мангалы, джаджи, хостваль, даур и некоторые другие племена. Однако не менее важным было решение хазрата Шер Ага перейти на сторону бывшего министра. Он сумел обеспечить нейтралитет гильзаев, а некоторых даже подвигнуть на поддержку Надира.

В этих условиях даже неудача Хашим-хана, брата Надира, не могла поколебать его решимости продолжать борьбу до победного конца. Хашим-хан безуспешно пытался объединить племена Восточной провинции. Наспех собрав ополчение хугиани и сорхруди, 13 сентября он двинулся в сторону столицы, однако в очередной раз понес поражение от войск эмира. В результате был вынужден бежать в Индию, где был интернирован до конца конфликта³¹³.

Не имея угрозы с тыла, то есть со стороны гильзаев, вооруженные отряды Надира, пополнившиеся пятитысячным ополчением племен вазиров и масудов с индийской территории, 25 сентября развернули решающее наступление против войск Бачаи Сакао. Он двинулся прямо на Кабул, обойдя крупные силы эмира в Гардесе и Газни. Предпринятое с трех сторон, оно оказалось успешным. Решающее сражение состоялось 5 и 6 октября в районе Чарасья, в окрестностях Кабула. Войска эмира были разбиты. Три дня спустя ополчения Шах Вали-хана и Алла Наваз-хана, лидера вазиров, вошли в Кабул. 13 октября крепость Арк, где оборонялся Бачаи Сакао, пала, хотя сам эмир смог бежать 12 октября в Джабаль ус-Сирадж. Через два дня в Кабул триумфально вступил Надир, встречаемый ликующей толпой и приветствуемый советским, турецким и персидским дипломатическими представительствами.

Двенадцать тысяч участников ополчения, нанесшего поражение армии Бачаи Сакао, требовали вознаграждения, но либо казна был разграблена бежавшим эмиром, либо он искусно спрятал оставшуюся наличность, а у Надира не было на это денег. В итоге племена сами добыли себе награду: Кабул был разграблен. Не было ни армии, ни полиции, чтобы навести порядок. Однако прямого свидетельства массовых грабежей нет. Не исключено, что столица была разграблена за несколько дней до того, как вошли ополчения. Надир тут же издал указ, запрещающий под страхом смерти грабить имущество иностранцев. Но его указы попросту игнорировались. Жители Кабула заплатили высокую цену за свое осво-

бождение от Бачаи Сакао. В целом, по данным Шах Вали, во всех пяти сражениях и во время захвата Кабула армия Бачаи Сакао потеряла около 15 тыс. человек³¹⁴.

Тем временем беглый эмир, за голову которого было объявлено громадное вознаграждение, 16 октября был предан своими соратниками и выдан Надир-хану. Обстоятельства его выдачи неясны. По некоторым данным, он сам сдался Надир-ху, поверив обещанию победителя сохранить ему жизнь. В то же время некоторые историки утверждают, что Надир не мог устоять перед требованиями племен казнить Бачаи Сакао. Есть также мнение, что Надир был вообще непричастен к казни бывшего эмира. Так или иначе, 1 ноября 1929 г. он был повешен. Вместе с ним были казнены его брат Хамидулла, губернатор Кабула Мухаммад Сиддик, военный министр Сеид Хусейн, министр двора Шер Джан, два его генерала — Абдул Вакиль и Абдул Гияс³¹⁵.

Со смертью Бачаи Сакао и его соратников в стране была восстановлена власть пуштунов. Однако вопрос легитимности и престолонаследия оставался спорным. Некоторые сардары уже 16 октября просили Надира занять престол, когда он только вошел в разграбленный дворец Делькуша, чтобы поблагодарить Бога и своих сторонников за победу над врагами отечества, которые «разрушили и обесчестили Афганистан». По этому случаю он напомнил соотечественникам о заслугах Амануллы и призвал племена к единству во имя восстановления Афганистана. Он пожаловался на здоровье и рекомендовал созвать джиргу, которая изберет нового эмира, и заявил, что примет любое ее решение. Однако сардары настаивали, а племена заявили, что если он откажется, то они покинут Кабул. В обстановке всеобщего энтузиазма Надир сдался, сказав просто: «Если народ так решил, то я согласен. Но я буду не королем, а слугой племен и страны». 16 октября 1929 г. он был провозглашен королем Афганистана под именем Надир-шаха³¹⁶.

Однако сторонники Амануллы и его династии бросили вызов легитимности правления Надира и предложили ему объявить о своей лояльности бывшему королю. Они аргументировали свою позицию тем, что Надир победил благодаря поддержке племен, преданных Аманулле, от имени которого Надир поклялся вступить в борьбу. Об этом заявил торговый агент Афганистана в Пешаваре, который утверждал, что дал деньги Надир-ху в надежде на то, что тот поможет Аманулле вернуться к власти. Заявляя о том, что состоявшаяся в Кабуле джирга грубо противоречила его же торжественному обе-

шанию оказать помощь Аманулле, агент объявил: «Надир-хан, который с самого начала лелеял мысль о том, чтобы стать королем, нынешним актом принес несчастья Афганистану и свел к нулю то хорошее, что он сделал до сих пор»³¹⁷. Сторонники бывшего короля утверждали, что джирга не представляла племена Западного Афганистана, поддерживающие Аманулла. Их представители во время джирги находились на пути в Кабул. Амануллисты отвергали мысль о том, что восстановление бывшего короля у власти вызовет новую гражданскую войну в разоренной прошедшей войной стране³¹⁸.

Первая реакция Амануллы на события была отмечена некоторой растерянностью. Он занял выжидательную позицию, втайне надеясь, что будет приглашен вернуться и занять трон. Затем он пытался объяснить соотечественникам причины произошедшего в Афганистане. В ответ на упреки своих противников он заявил, что не потерпел поражения у Газни, а, наоборот, одержал победу. Он покинул страну из-за конфликта между двумя крупнейшими племенами — дуррани и гильзаями: первые его поддержали, а вторые посчитали его своим врагом. Говоря о том, что его реформы были утверждены общеафганской джиргой, Аманулла подчеркивал, что они могут быть отменены или изменены такой же джиргой. Он обратился к мусульманским странам с предупреждением, что силы, пришедшие к власти в Кабуле, не имеют ничего общего с исламом, а его единственным желанием остается служить своей стране. И хотя в своем обращении Аманулла прощался со своим народом, он заявил, что готов вернуться в Афганистан и занять трон, если его позовут афганцы. В таком случае, подчеркивал он, выступая в Константинополе, он вновь вернется к своим программам модернизации страны³¹⁹.

Сторонники Надир-шаха, наоборот, пытались аргументировать его приход к власти заслугами нового короля перед страной. Они утверждали, что только Надир мог спасти страну, так как армия Амануллы потерпела поражение под Газни, самое влиятельное гильзайское племя перешло на сторону Бачаи Сакао (муллы этого племени, споря с Надиром, утверждали, что выступать против Бачаи Сакао значит выступать против ислама и мусульманских законов); Аманулла и его брат покинули страну; Али Ахмад-хан, который, прибыв из Пешавара в Кандагар, вновь объявил себя эмиром, был схвачен и казнен в Кабуле; Гулам Наби был вынужден вернуться в Советский Союз; бывший посланник в Лондоне Шуджа уд-Даула-хан бросил Герат и бежал в Иран, а Герат перешел под власть Бачаи Сакао; англичане препятствовали

участию трансграничных племен в афганских междоусобицах. Шах Вали-хан заявлял, что Аманулла имел чрезвычайно низкий авторитет среди племен и духовенства, поэтому они с самого начала настаивали, чтобы Надир провозгласил себя королем, показав этим, что выступает не от имени Амануллы. Таковы были основные аргументы в пользу избрания Надира королем³²⁰.

Аманулла умер в швейцарской больнице 26 апреля 1960 г. Он был похоронен в Джалалабаде рядом со своим отцом, эмиром Хабибуллой.

Политическая стабилизация в условиях деспотизма

Придя к власти, Надир провозгласил программу восстановления страны на основе политической стабильности и экономического развития. В своем первом интервью корреспондентам западных газет в ноябре 1929 г. он обозначил свои приоритеты. Главной задачей он считал поднять Афганистан из руин и «ревностно оберегать независимость». «Я выступаю за определенный прогресс и культурные реформы западного толка, — заявил король, — но я хотел бы проводить реформы не такими быстрыми темпами, как Аманулла. То, что реформы Амануллы привели к его падению, вовсе не говорит о том, что они были плохи. Если больной, желая выздороветь поскорее, принимает в десять раз больше лекарств, чем прописал доктор, он еще больше заболит. Однако это не доказывает, что медицина плоха». Правительство не должно, считал он, навязывать реформы народу. Они должны развиваться естественным путем¹. Надир полагал, что религия и прогресс не должны противоречить друг другу: ислам как одна из величайших мировых религий не запрещает прогресс, и они могут идти нога в ногу.

Политика Надира получила освещение в полуофициальной газете «Ислах» и в его выступлениях перед лидерами племен. Независимость Афганистана, утверждал король, основывается на безопасности, благосостоянии народа и науке. Для усиления материальной и духовной основы народа необходимы образование, военные реформы, развитие торговли, сельского хозяйства и промышленности. Каждый истинный афганец и патриот, по его мнению, должен внести вклад в политическую стабильность, процветание и прогресс Афганистана под руководством монархии и «под сенью священных законов ислама»². В осуществлении своей программы Надир опирался на своих братьев, а также на сотрудничество с духовенством и племенами. Его правительство было сформировано в рамках семейного круга: Хашим-хан стал премьер-министром, Шах Вали-хан — послом в Лондоне, Шах Махмуд-хан — министром обороны и главнокомандующим, Мухаммад Азиз — послом в Москве, а затем в Берлине, двоюродный брат Ахмад Шах — министром двора, сводный брат

Мухаммад Акбар — послом в Риме, 19-летний племянник Асадулла — командующим королевской гвардией, в последующем — послом и министром³. Все высшие посты в госаппарате были заняты представителями клана *мухаммадзай*.

Учитывая влияние реформаторов, Надир ввел в правительство двух министров Амануллы: бывший министр просвещения Файз Мухаммад Зекрия был назначен министром иностранных дел, а бывший министр торговли Али Мухаммад — министром просвещения. Высокие посты получили и некоторые другие влиятельные лица из окружения бывшего короля: Шер Ахмад стал послом в Персии, Гулам Сиддик Чархи — в Германии, а его брат Гулам Наби — в Турции.

Однако, стремясь наладить сотрудничество с духовенством и консервативными, антиамануллистскими, кругами, он пошел на значительные уступки им: глава религиозного семейного клана хазратов Гуль Ага был назначен послом в Египте, его брат Шер Ага — министром юстиции, а другой брат Мухаммад Саид — государственным министром.

Более того, в своих публичных выступлениях король постоянно говорил о своей поддержке и приверженности законам ислама. Так, выступая по случаю первой годовщины своего правления 16 октября 1930 г., он сказал: «В соответствии с мусульманской верой прогресс и упадок правителей и народов зависят от подчинения или игнорирования священных законов»⁴. Надир привел светское законодательство Амануллы в соответствие с положениями шариата. В конце 1929 г. в рамках министерства юстиции был создан Совет улемов, которому вменялось в обязанности следить за соблюдением мусульманских законов на всей территории Афганистана. Он состоял из 20 видных религиозных деятелей. Во главе его стоял министр юстиции. Совету были даны широкие полномочия в интерпретации государственных законов в соответствии с догмами ислама. Подчинив Совет улемов министерству юстиции, Надир таким образом поставил деятельность духовенства под контроль государства. Ряд лиц духовного звания из социального слоя *садатов* (афганцев арабского происхождения, считающих себя потомками пророка Мухаммеда) были назначены на должности глав местных администраций⁵.

Часто консультируясь с Советом улемов по социально-политическим проблемам и вопросам образования, Надир восстановил все традиционные и освященные религией положения о статусе женщин. Женщинам вновь вменялось в обязанность носить чадру (*чадери*). Таким образом, король подтвердил отмену социальных реформ Амануллы, предприня-

тую Бачаи Сакао, в том числе отзыв всех афганских девушек из-за границы, закрытие женских школ, восстановление полигамии. Вновь были восстановлены почетные титулы, упраздненные Амануллою в 1929 г.⁶ Важнейшим элементом новой государственной структуры стал Департамент «Ихтисаб», следивший за соблюдением мусульманами этических норм ислама. Было введено строгое наказание за производство, продажу и потребление спиртных напитков. В целом Надир-шах приостановил попытки своих предшественников подорвать позиции ортодоксального духовенства.

Установив *modus vivendi* с духовенством и консерваторами, Надир начал разрабатывать умеренную программу социально-экономического восстановления страны. Готовя общественное мнение на предмет будущих нововведений, он создал «советы по примирению и прогрессу» в крупнейших городах.

31 октября 1931 г. была провозглашена новая конституция Афганистана (*Осул-е асаси-йе даулат-е али-йе Афганистан*). Она была принята на заседании Лоя джирги в сентябре 1930 г. в составе 301 назначенного депутата из провинций и 209 государственных чиновников и армейских офицеров⁷. И хотя при ее составлении были использованы конституции Ирана, Турции и афганская конституция 1923 г., она оказалась шагом назад по сравнению с последней.

Конституция состояла из 16 разделов, включавших 110 законов, многие из которых были взяты из предыдущей конституции 1923 г. Одно из важных новшеств в ней касалось статуса немусульман. В отличие от конституции 1923 г., предусматривавшей уплату немусульманами специального налога и ношения ими особого знака, конституция 1931 г. отменяла это положение.

Религией государства и его правителя провозглашался ислам ханифитского толка. Немусульманам гарантировалась терпимость и защита «при условии соблюдения ими обычных правил поведения, норм собственности и общественных законов» (статья 1-я). Статьи 2-я и 3-я лишали племена и народности этнического и регионального суверенитета: все регионы страны образовывали единое целое под властью монарха, обладавшего абсолютной внешней и внутренней властью; все подданные были равны перед государством. Статья 5-я подтверждала легитимность власти Надир-шаха и его династии, оказавшего услуги народу, «принесшего ему спасение от несправедливости и деспотизма». Власть Надира признавалась наследственной при условии, что его преемники будут исполнять законы страны в соответствии с предписа-

ниями ислама и положениями конституции. В статье содержались и другие условия: преемники Надира должны считать «своим основным долгом защиту независимости Афганистана» и оставаться «верными народу и родине». Таким образом, статья 5-я возлагала верховную власть на монарха с одобрения народа.

По статье 6-й, вступая на престол, король должен принести присягу перед Богом и на Коране, поклявшись «защищать независимость Афганистана, права афганского народа», и стремиться к достижению процветания и прогресса родины «в соответствии со священной религией ислам».

Статья 7-я провозглашала следующие prerogatives монарха: право назначать и контролировать кабинет министров и высших государственных чиновников, налагать вето на решения высшего законодательного органа, командовать вооруженными силами (в том числе назначать главнокомандующего), осуществлять внешнюю политику, объявлять войну, заключать мир и межгосударственные договоры, как высшая инстанция дарить помилование и отменять смертный приговор «в соответствии с положениями святой религии». Имя монарха должно упоминаться в пятничной молитве и быть отчеканено на монетах.

И хотя все подданные были провозглашены равными «независимо от верований и религии» (статья 9-я), все были обязаны уважать и выполнять положения и запреты, предписанные правительством, касающиеся вопросов политики и религии (статья 10-я). Принятие этих двух противоречащих друг другу статей предусматривало уступки шиитам, не вызывая в то же время недовольства ортодоксального духовенства. Такую же цель преследовала статья 15-я, которая провозглашала равенство всех подданных перед религией и государственными законами. Конституция гарантировала неприкосновенность личности и имущества. Статья 11-я разрешала арест и наказание только в соответствии с исламскими или государственными законами. Провозглашалась также свобода занятия коммерческой, промышленной и сельскохозяйственной деятельностью «в рамках соответствующих положений» (статья 12-я). И хотя гарантировалась частная собственность, она могла быть изъята государством «в общественных интересах и в соответствии с предписаниями шариата и государственных законов» с обязательной последующей компенсацией (статья 15-я).

По конституции, гарантировалась неприкосновенность жилища: никто, даже государственный служащий, не имел пра-

ва войти в жилище без законного на то основания или разрешения владельца (статья 16-я). Конфискация имущества запрещалась, кроме случаев, когда афганские подданные «проживают за границей и ведут пропаганду против афганского правительства» (статья 17-я). Эта статья была, вероятно, направлена против сторонников Амануллы, в первую очередь против семей Тарзи и Чархи, которые продолжали подвергать сомнению законность власти клана Яхья. Были также запрещены пытки, ни один человек не мог быть наказан без соответствующего закона (статья 19-я). Эта статья явилась попыткой поставить судопроизводство в племенах под контроль духовенства и государства. Кроме того, в этом усматривалось стремление представить преступление как ущерб, причиненный не частному лицу, а государству. Был запрещен принудительный труд, кроме как в военное время (статья 18-я).

Статьи 20–22-я посвящались вопросам просвещения. Начальное образование провозглашалось обязательным, а статья 21-я разрешала подданным преподавать религиозные науки публично или в частном порядке и таким образом устраняла ограничения, введенные Амануллой в целях ослабления влияния мусульманского духовенства в сфере образования. Та же статья запрещала иностранцам открывать школы или руководить ими в Афганистане. Исключение делалось лишь для иностранных педагогов, нанятых правительством. Статья 22-я может рассматриваться как попытка оправдать учреждение государственной системы образования в глазах клерикалов: афганские школы были поставлены под государственный контроль с тем, чтобы совместить ислам с науками и искусством.

Статья 23-я касалась вопросов прессы: распространение информации не должно противоречить принципам ислама, а газеты могут издаваться только правительством или афганскими подданными. Разрешалось распространение иностранных газет при условии, что их материалы не будут наносить ущерб религии или афганскому правительству. За пределами этих ограничений пресса объявлялась свободной. Статья 109-я гарантировала тайну частной переписки. Запрещалась перлюстрация корреспонденции без предписания суда.

Статьи 27–70-я были посвящены правам, прерогативам и обязанностям парламента. Высший законодательный орган состоял из двух палат — Национального Совета (*маджлес-е шура-йе мелли*), состоявшего из 116 депутатов, и Совета старейшин (*маджлес-е айян*), насчитывавшего 27 сенаторов⁸. В конституции значилось, что парламент учрежден «по решению

Его Величества короля и с одобрения Лоя джирги 1930 г.» (статья 27-я). Таким образом, власть исходила от монарха, что было освящено волеизъявлением народа, представленного джиргой.

Открывая первое заседание парламента, Надир-шах обосновал необходимость его учреждения историческими прецедентами и предписаниями веры. Консультации с народом, отметил король, являлись характерной чертой мусульманского общества и основой его успеха со времен пророка Мухаммеда и первых праведных халифов. Однако после Аббасидов халифы считали эти консультации несовместимыми со своим престижем и игнорировали их, что привело к деградации мусульманского мира. «В Афганистане практика совета с народом имеет исторические корни, — разъяснял Надир, — и мы можем утверждать, что основой власти народа являются джирги. И если какие-либо правители не советовались с народом, то сам народ использовал эту форму власти: до сего дня племена исполняют решения своих джирг»⁹.

Права и прерогативы парламента были следующими: избрание председателя парламента; утверждение и подписание законопроектов или предложений, подлежащих вето или одобрению короля; утверждение бюджета; учреждение торговых компаний; одобрение договоров и соглашений о создании торговых, промышленных и сельскохозяйственных монополий (внутренних и зарубежных); одобрение внутренних и внешних кредитов; одобрение планов строительства железных дорог. В период между сессиями парламента правительство могло издавать некоторые указы, которые, однако, впоследствии должны быть утверждены парламентом.

Парламент мог апеллировать к королю, хотя вначале он должен обратиться к министру двора, который организует аудиенцию у короля (статья 49-я). Депутаты парламента имеют полную свободу выражения в ходе дебатов, и «обычные дискуссии» должны быть доступны прессе и обществу. Кворум состоит из половины состава депутатов, решения принимаются простым большинством. Парламент насчитывает 116 депутатов, избираемых мужчинами старше 20 лет «с твердыми моральными устоями». Права участия в выборах лишены банкроты, осужденные, неспособные управлять собственными делами и лица, прожившие на одной территории менее года. Формально территория с населением в 100 тыс. человек могла избрать одного депутата.

Верхняя палата — Совет старейшин — состояла из «опытных и дальновидных» депутатов, назначаемых королем. Эта

палата рассматривала и утверждала законодательные акты, разработанные правительством. Решения, принимаемые нижней палатой, подлежали утверждению верхней палатой и наоборот. В период между сессиями верхней палаты для принятия закона, одобренного Национальным Советом, было достаточно утверждения его королем. В случае если одобренный нижней палатой законопроект отвергался верхней, создавалась согласительная комиссия, которая вырабатывала компромиссное решение, а если и этого не удавалось достигнуть, то окончательное решение принимал король. Таким образом, хотя Надир-шах предоставил значительные prerogatives парламенту, он мог заблокировать любое его решение — либо посредством собственного вето, либо с помощью послушного Совета старейшин. К тому же конституция предоставила королю некоторые чрезвычайные prerogatives: в случае возникновения социальных волнений или восстания, угрожающих общественному порядку, король мог принять «все необходимые меры для их подавления и восстановления мира» (статья 104-я).

Король полностью контролировал кабинет министров. Формально конституции Амануллы и Надира значительно отличались друг от друга в вопросе отношений между правительством и парламентом. По конституции 1923 г., правительство несло личную и коллективную ответственность только перед королем, в то время как конституция 1931 г. предусматривала личную и коллективную ответственность министров перед верхней и нижней палатами парламента, что теоретически сужало prerogatives короля. Практически же король мог блокировать антиправительственные решения нижней палаты парламента, используя верхнюю. Кроме того, премьер-министр не был ответственным перед парламентом, и только он и король могли смещать министров. Кабинет министров, а не нижняя палата парламента, обладал преимущественной законодательной инициативой. Законодательная же инициатива нижней палаты ограничивалась конституционным положением о том, что «решения Национального Совета не должны противоречить предписаниям ислама (что объясняет все. — В.К.) и политике государства» (статья 65-я). И что самое главное — нижняя палата, по конституции 1931 г., не имела права рассматривать налоговое законодательство. И хотя в отдельном законе предусматривалось участие Национального Совета в обсуждении налоговых вопросов, палата не имела права вето или законодательной инициативы в этом вопросе.

Король пошел на большие уступки племенам. По конституции, Лоя джирга, представленная в основном ханской верхушкой пуштунских племен, собиралась не менее одного раза в три года, и никакие новые налоги или другие радикальные реформы не могли быть реализованы без ее согласия. Таким образом, Лоя джирга в рамках монархии получила право на выражение мнения всего населения. Могуущественным ханам пуштунских племен был предоставлен сильный рычаг в вопросах формирования финансовой политики, которая затрагивала их интересы, а также право вето в проведении внешней политики и осуществлении правительственных программ модернизации страны. Новый Основной закон явился попыткой институировать гегемонию пуштунского национального элемента, что гарантировало пуштунский характер королевства. Также в интересах пуштунских племен отсутствовали упоминания в конституции о возможностях парламента внесения в нее поправок. По неписаному закону, только Лоя джирга могла вносить такие поправки. И поскольку не предусматривалось органа, имеющего право толковать конституцию, спорные или особо важные случаи обсуждались на заседаниях Лоя джирги.

В сфере судопроизводства в конституции содержались различия между светскими судами (*махкаме-йе аввалийя*) и религиозными (*махкаме-йе шарийя*). Немалые льготы получило мусульманское духовенство, права и прерогативы которого были закреплены в статьях 87—96-й. Было признано господство ханифитского толка ислама и гарантирована полная автономия шариатских судов. Большинство дел разбиралось в шариатском суде, хотя коммерческие споры решались в специальных арбитражных судах. Члены кабинета министров, совершившие преступление, представляли перед временным Верховным судом, учреждаемым специально для таких случаев. Предоставляя мусульманскому духовенству широкие права и прерогативы, но оставляя за монархией право принятия окончательного решения, Надир пытался таким непрямым путем распространить юрисдикцию монархии на зону племен. И хотя статьи 72—76-я и 102—105-я гарантировали некоторую степень местного самоуправления через консультативные собрания и муниципалитеты, правительство могло вмешиваться в дела провинций, отменяя несправедливые решения (статья 104-я), то есть следить за исполнением законов, в том числе на территории племен.

Дабы рассеять страхи племенных вождей и ослабить оппозицию со стороны клерикалов, консервативных элементов и

националистов-ксенофобов, были ущемлены права иностранных подданных. Они не имели права открывать школы и служить в афганской армии, кроме как на должности военных врачей и инструкторов (статья 118-я), и владеть землей. Два дополнения, сделанные в конституции в 1933 г., говорили о том, что армейские офицеры, чиновники министерства иностранных дел и афганские студенты за границей не могли жениться на иностранках. Афганцам-немусульманам не разрешалось занимать министерские посты. Иностранным миссионерам было запрещено работать в стране и распространять свои материалы.

В конституции были сделаны и другие серьезные уступки консервативным противникам Амануллы: в документе не упоминалось ничего о правах женщин. Теоретически женщины как афганские подданные могли требовать своих прав, в том числе права голоса на выборах. Однако по уже сложившейся традиции и при всеобщем согласии, а также ввиду отсутствия прав женщин на участие в заседаниях Лоя джирги женщины были лишены таких возможностей. Более того, богословы из Совета улемов доказывали, что в шариате содержится запрещение женщинам участвовать в голосовании.

В 1932 г. был принят дополнительный свод законов, определявший афганское подданство и права подданных, которые закрепили неравенство мужчин и женщин, мусульман и немусульман, пуштунов и непуштунов. Новая конституция и последующие законы оформили религиозные, племенные и династические ценности, определив статус афганского монарха как воплощение государственности. Большинство депутатов парламента были ханами и беками, представлявшими интересы феодальных, племенных, религиозных и коммерческих кругов. Посредством парламента и Совета улемов король стремился обеспечить законные рамки и основу для общественного единства, а также создать механизм для реализации программы ограниченных реформ и модернизации. Функционирование парламента позволило удерживать ханскую верхушку племен долгое время в Кабуле — с мая по октябрь, дать им возможность поиграть в законодателей и установить контакты друг с другом. Так они эффективно удерживались в стороне от возможного нарушения внутривнутриполитической стабильности, учитывая то, что волнения в стране происходили чаще всего летом.

Одной из важнейших своих задач Надир-шах считал реорганизацию армии. Предполагалось призывать новобранцев как на основе ежегодных обязательных наборов, так и на добро-

вольных началах. Добровольцы обязывались служить пожизненно. Срок службы на основе обязательного призыва составлял два года действительной службы и восемь лет в запасе, однако предусматривалось призывать людей из запаса до достижения 60 лет в случае чрезвычайной ситуации. Король отказался от непопулярной практики набора времен Амануллы, отдав призыв в армию в зоне племен на усмотрение местных ханов или джирг. В случае необходимости ханы племен были призваны оказывать помощь правительству, предоставляя в его распоряжение свои ополчения, но сами возглавляя их. Таким образом, были приостановлены попытки контролировать и последовательно централизовать военную мощь племен, предпринимавшиеся Аманулой. Надир отменил также практику изъятия из солдатского жалования стоимости питания солдат. Им обеспечили бесплатное питание и регулярную выплату жалования наличными. Была предпринята попытка наладить медицинское обслуживание личного состава: в Кабуле был открыт армейский госпиталь, а в гарнизонах — простые медпункты¹⁰.

Была начата подготовка офицерских кадров: небольшая группа афганцев была послана на учебу в Германию и во Францию, остальные получали образование на родине. В 1933 г. была открыта военная школа (*мактаб-е эхзариия*) для сыновей ханов племен, которые хотели сделать военную карьеру. В армии появился механический транспорт и была восстановлена авиация, причем руками самих афганцев, получивших образование в Европе¹¹.

Ядро новой армии насчитывало 12 тыс. человек, в основном из хазарейцев, племен мангалов и момандов. Многие из них раньше служили в армии Амануллы. К 1933 г. в регулярной армии насчитывалось от 40 до 70 тыс. человек. В отношении оснащения армии оружием Надир получил существенную помощь от Великобритании — беспроцентный кредит в сумме 175 тыс. фунтов стерлингов, 10 тыс. винтовок и 500 тыс. патронов. Он использовал также германский кредит, о котором в свое время договорился Аманулла. В счет этого кредита немцы отправили в Афганистан 5 тыс. винтовок и 500 тыс. патронов. К этому добавились 5 тыс. винтовок, закупленных в Англии, и 16 тыс. винтовок и 1,8 млн патронов во Франции¹².

Окончательный план Надира предусматривал создание сто тысячной армии, из которой 15 тыс. были бы размещены в Южной провинции, 15 тыс. в Кандагаре, 15 тыс. в Северном Афганистане, 10 тыс. в Джалалабаде, 5 тыс. в Газни и осталь-

ные в Кабуле. Размещая армию таким образом, он надеялся с ее помощью гарантировать внутреннюю стабильность, а при содействии племенных ополчений — и отражение внешней угрозы. Тем не менее реальная задача армии, по его убеждению, состояла в обеспечении национального единства и прогресса.

Король предпринял также усилия по восстановлению административной структуры страны. Он разделил Афганистан на девять крупных административных единиц. Пять крупных из них (*велаяты*) располагались в основном вокруг крупных городов — Кабул, Кандагар, Герат, Мазари-Шариф, а также Каттаган и Бадахшан. Четыре остальных были малыми провинциями (*хокумат-е ала*) — Фарах, Маймана, Восточная и южная. Все они делились на округа (*хокумат*), которые соответственно состояли из уездов (*алакадари*). Крупные провинции возглавлялись губернаторами (*вали*), малые провинции — губернаторами соответствующего ранга (*хаким-е ала*), округа — окружными начальниками (*хаким*), уезды — уездными начальниками (*алакадар*).

В каждой провинции и округе создавался исполнительный орган власти, подчинявшийся губернатору. Он состоял из глав департаментов местного органа власти и членов консультативного совета провинций, избравшихся представителями местного населения. В каждом городе с населением свыше 10 тыс. человек формировался муниципалитет (*баладийя*) и избирался мэр (*раис*), а также муниципальный совет. Результаты выборов мэра подлежали утверждению губернатором¹³.

В области судопроизводства большие уступки были сделаны духовенству. Как уже упоминалось, все положения гражданского и уголовного кодексов были приведены в соответствие с догмами ислама. Судопроизводство осуществлялось 106 судами первой инстанции (*махкаме-йе эбтедаийя*), 19 апелляционными судами (*махкаме-йе морафийя*) и Верховным судом (*махкаме-йе тамиз*). Определенные юридические функции имели также исполнительные советы провинций, провинциальные и окружные консультативные советы и племенные джирги, однако в основном они сводились к рекомендациям и арбитражным действиям. На практике правосудие вершилось религиозными (шариатскими) судами, и лишь мелкие случаи рассматривались местной полицией с последующим обращением к губернатору. Судебные архивы свидетельствуют, что в 1934 г. Верховный суд рассмотрел 160 дел, апелляционные суды — 5612 и суды первой инстанции — 73 084. Все решения высших органов власти

направлялись на обсуждение в Совет улемов на предмет их соответствия положениям ислама¹⁴. В целях борьбы с коррупцией и взяточничеством в министерстве обороны поставили урну для жалоб населения, а министр обороны Шах Махмуд был уполномочен рассматривать жалобы и при необходимости назначать расследование.

Надир-шах уделял немалое внимание вопросам просвещения, считая, что оно должно облегчить людям принятие социальных реформ. Он вновь открыл школы, в том числе германский и французский лицеи. При этом он был против немедленного открытия женских школ и введения совместного обучения до тех пор, «пока народ не созреет для этого». Как уже упоминалось, начальное образование, по конституции, было обязательным. В Кабуле было создано Агентство по образованию, где работали шесть сотрудников, которые имели совещательные и юридические полномочия. В каждой провинции был создан отдел образования во главе с директором (*мудиром*), подчинявшимся министерству образования. Обучение в начальной школе длилось шесть лет. Школы были призваны научить «грамотности, некоторым элементарным знаниям о повседневной жизни, а также подготовить учащихся к средней школе»¹⁵. В действительности правительство открыло шестилетние школы лишь в крупных городах. Обязательное начальное образование было введено далеко не везде, так как не хватало помещений, учителей и финансовых средств.

Там, где не было начальных школ, открывались сельские школы, которые давали примитивные знания. Обычно в них работал один учитель, который вел трех- или четырехлетнюю программу и преподавал основы религии, чтение и письмо. Обучение велось на пушту или дари. Во многих деревнях функционировали лишь традиционные *мактабы*. В большинстве деревенских школ учителями были муллы, которые в лучшем случае имели шестиклассное образование, но никакой педагогической подготовки. Было открыто большинство кабульских средних школ. Это был важный шаг, ибо именно они готовили просвещенных реформаторов, которые затем служили в армии, в гражданских учреждениях, в системе образования, дипломатами. Выпускники средних школ, преимущественно из среды политической элиты или других знатных семей, отправлялись на учебу за границу, в основном во Францию, Германию, Англию, США, Турцию и Японию.

Как предполагал Надир, система образования сочетала «общественное согласие и национальную жизнь, традиции и институты»¹⁶. Сделав изучение религии основным предметом и

отдав образование на местах под контроль мулл, он запретил изучение иностранных языков на начальной и средней стадии обучения (в возрасте от 7 до 14 лет)¹⁷.

Финансирование школьной системы было запутанным. Школы при мечетях финансировались частично благодаря местным спонсорам, частично государством. Начальное, среднее, профессиональное, а в последующем и высшее образование финансировалось государством. Оно же обеспечивало учащихся всех школ учебниками и школьными принадлежностями, в средних школах — обедом, в высших школах — питанием, жильем и стипендией «отличившихся» студентов. Правительство поощряло компании и отдельных лиц, занимавшихся благотворительностью в пользу школ, ставя в пример Надира и его семью.

Что касается женского образования, то была вновь открыта лишь одна школа — «Малалай», да и то лишь спустя два года после прихода Надира к власти. С целью смягчить недовольство мулл и других консерваторов эту школу сделали профессиональной — в ней готовили медсестер и домохозяек. Пройдет еще два десятилетия, прежде чем эта школа станет полноценным средним учебным заведением.

В 1930 г. вновь открылась первая в стране педагогическая школа («Дар уль-моаллемин»). Когда она была впервые учреждена в 1913 г., срок обучения в ней составлял три года, и ее студентами становились выпускники начальных школ. Во времена Амануллы ее статус был повышен, и в нее поступали выпускники девятого класса средней школы. В период правления Надира система была изменена: те, кто окончил девять классов и два года учился в педагогической школе, становились учителями начальных школ, а кто проучился в ней еще дополнительно два года, становились учителями средней школы¹⁸.

В 1944 г. правительство учредило школу по изучению законов ислама, которая к 1950 г. была преобразована в факультет богословия и исламских законов Кабульского университета. Что касается самого университета, то его основанием послужила медицинская школа, открывшаяся в 1932 г., которая затем стала медицинским факультетом, первым факультетом университета.

Обучение в школах было бесплатным, около 20% студентов получали стипендию в сумме 50 афгани. Кроме того, студенты обеспечивались бесплатными учебниками, питанием и даже одеждой. Учащиеся средних школ также получали стипендию — 20 афгани в первый год обучения, 30 — во вто-

рой и 40 — в третий¹⁹. В медицинской школе преподавали в основном педагоги из Турции и Франции. В других четырех средних школах Кабула работали учителя из Индии, Франции и Германии. Открылись и специализированные школы. Так, в столице вновь начала функционировать Школа изящных искусств и ремесел. Открылась также профессионально-техническая школа, в которой готовили ковроделов, столяров, ткачей, каменщиков и специалистов других профессий.

Несмотря на открытие таких современных школ, в учебных программах всей системы образования преобладал ислам. И если в средних школах он сочетался с современными науками, то в традиционных школах при мечетях он полностью господствовал. Причем в преподавании ислама использовался арабский язык, в классическом преподавании — дари и в преподавании предметов, связанных с национальной культурой, — пушту. С точки зрения языка преподавания не было сделано исключения для районов проживания национальных меньшинств.

В 1931 г. была основана Ассоциация афганских бойскаутов («Анджоман-е кашшафан») под патронажем наследника престола Захир-хана, которая в 1932 г. насчитывала 1000 членов, став филиалом Международной ассоциации бойскаутов. В школьную программу вошли занятия спортом. В 1932 г. был создан Национальный Олимпийский комитет, президентом которого стал брат короля Шах Махмуд-хан. Афганские атлеты участвовали в западноазиатской олимпиаде в Дели в 1934 г. и в Олимпийских играх в Берлине в 1936 г. Это были первые спортивные международные контакты Афганистана²⁰.

Произошли небольшие перемены и в культурной жизни. Вновь открылся Кабульский музей, а также маленькие музеи в Кандагаре, Герате и Мазари-Шарифе. Были организованы также публичные библиотеки. Появились литературные общества в Кабуле, Кандагаре и Герате. Были учреждены премии за достижения в поэзии, драматургии, литературной критике и лингвистике.

В период правления Бачаи Сакао вся бурно развивавшаяся при Аманулле пресса была сведена к одной газете, творению самого эмира, «Хабиб уль-ислам», если не считать нескольких антиправительственных газет, издававшихся литографическим способом в провинциях, — «Гайрат-е ислам», «Ды кор гам» (в Восточной провинции), «Иттихад-е Афган» и «Ислах», издававшаяся Надиром в Южной провинции.

В период правления Надир-шаха продолжали публиковаться «Анис», ставшая ежедневной газетой на двух языках, «Бидар», «Иттихад-е Ханабад», «Толу-е Афган», «Иттихад-е маш-

рики», «Аине-йе эрфан», «Сахийя» («Здоровье», ежемесячник, публиковавшийся в Кабуле) и «Орду-йе Афган» («Афганская армия», ежемесячник). Кроме газеты «Ислах» («Реформа»), которая начинала как еженедельник, а затем стала ежедневным полуофициозом, появилось немало новых публикаций: «Иктисад» («Экономика», министерство национальной экономики), «Аль-Фалах» («Спасение», печатный орган Совета улемов, а в последующем — министерства юстиции), «Маджалле-йе адаби-йе Кабул» («Кабульский литературный журнал»). Все они начали печататься в 1930 г. В 1932 г. такой же журнал стал выходить в Герате. Кроме них выпускались также «Маджалле-йе пашто» («Пуштунский журнал») и «Сальнаме-йе Кабул» (Ежегодник «Кабул»). Их тираж, а также читательская аудитория остаются неизвестны²¹.

В 1930 г. от министерства внутренних дел отделились почта и телеграф, образовав новый Департамент почт. Между Кабулом, Джалалабадом и Хайбаром стал курсировать почтовый автобус, затем возобновилась почтовая связь между Кабулом, Кандагаром и Гератом, так же как авиасообщение между Афганистаном, Средней Азией и Европой (через Среднюю Азию). Раз в месяц, а потом и еженедельно стали совершаться рейсы из Кабула в Термез и Ташкент (через Мазари-Шариф). Открылись примитивные аэродромы в Кабуле, Джалалабаде, Кандагаре, Газни, Герате, Бадахшане и Мазари-Шарифе. Надир-шах подтвердил договоренность Амануллы с германской фирмой «Юнкерс» о предоставлении ей монополии на обслуживание воздушной линии Кабул—Кандагар—Герат²².

Впервые почтовая корреспонденция стала переправляться самолетами. На восточной, западной и южной границах открылись почтовые отделения по приему международной корреспонденции. Правительство приступило к ремонту и расширению дорожной сети. Были значительно обновлены трассы Кабул—Хайбар и Кабул—Кандагар. Тем не менее к 1933 г. протяженность дорог в Афганистане составила около 1800—2000 км. Главным достижением администрации в этой области было завершение строительства дороги на север от Кабула, которая соединила столицу страны с северными районами. Ее строительство под руководством венгерского инженера было закончено в 1933 г. и дало возможность осуществления круглогодичного движения транспорта через Гиндукуш²³.

В 1934 г. почтовая сеть получила дальнейшее развитие: Департамент почт стал частью министерства почты, телефона и телеграфа. Во время восстания 1929 г. большая часть телефонных линий была разрушена. Теперь они были восстанов-

лены и даже расширены. Была восстановлена связь между Кабулом, Кандагаром, Фарахом и Гератом, а также между Кабулом и Торхамом, Кабулом и Мазари-Шарифом. Афганистан возобновил связи с Международным телеграфным союзом (прерванные в 1928 г.). К 1935 г. все крупные города страны имели телеграфную связь с Кабулом.

Во времена Амануллы в Кабуле функционировал 50-кабельный телефонный узел, который связывал столицу с Джалалабадом, Кандагаром, Фарахом и Мазари-Шарифом. Теперь была построена 120-кабельная станция. С Пешаваром и Термезом была установлена радиосвязь посредством передатчиков в Кабуле и Мазари-Шарифе. Еще один радиопередатчик планировалось установить в Герате для связи с Кабулом, Кандагаром и, возможно, с Ираном. Остается неясным, пыталось ли афганское правительство продолжить радиовещание, начатое в 1925 г. Известно, что лишь в 1936 г. появились соответствующие планы, а в 1939 г. в Кабуле начала функционировать заново оснащенная радиостанция «Радио Кабула»²⁴.

Некоторые усилия были предприняты в этот период для развития системы здравоохранения. Согласно некоторым источникам, в период гражданской войны в стране было только два квалифицированных афганских врача. Развал государственной машины, системы образования, а также политическая анархия дали простор для деятельности традиционных лекарей — *табибов*. Санитарные условия в стране были просто жуткими. Правительство реорганизовало Департамент здравоохранения в министерство и приняло меры по модернизации существовавших больниц. В административных центрах были открыты небольшие больницы и клиники, а в армии в рамках медицинского департамента появилось несколько армейских госпиталей. Кое-где в отдаленных районах армейские врачи оказывали услуги местному населению, однако масштабы такой помощи были ничтожны.

Учреждение медицинского факультета было крупным шагом на пути к улучшению системы здравоохранения. Многие медицинские учреждения были связаны с факультетом и пользовались его диагностической лабораторией. Были открыты также рентгеновский центр, электротерапевтический кабинет, центр психотерапии, стоматологические поликлиники, женская больница. Король открыл первый санаторий, названный именем лейб-медика двора К.У. Рифки. Затем в Дар уль-Амане открылся женский санаторий. Оба они были невелики: в первом отдыхали 20 больных, во втором — 30. В рамках министерства здравоохранения открылся Департа-

мент вакцинации. Но даже при этом холера и другие эпидемические болезни ежегодно уносили тысячи жизней. Однако в 1938 г. вновь созданный Институт бактериологии и гигиены вместе с медиками и студентами медицинской школы добились видимых успехов в контроле над эпидемиями, в первую очередь в борьбе с оспой. Вакцинации подверглись школьники, государственные чиновники и солдаты, а в провинции были посланы команды медиков для выявления очагов заразных болезней²⁵.

Правительство развернуло борьбу с наркотиками, которую начал в свое время Аманулла. В прессе и литературе началась кампания по разъяснению вреда, наносимого наркотиками. В Кабуле по указу короля было основано общество наподобие Красного Креста, которому выделялось ежегодно 100 тыс. афгани (пять тысяч фунтов стерлингов). Оно установило связи с Международной организацией Красного Креста и посылало своих представителей на международные конференции.

В целом все эти меры в области здравоохранения были крайне ограниченными. Большей частью они не распространялись за пределы Кабула и нескольких других крупных городов.

Первой задачей Надира в области экономики являлось восстановление государственных мастерских, которые оказались разграблены и заброшены в период гражданской войны. В 1930 г. в Афганистане существовало лишь несколько таких мастерских в Кабуле, в том числе арсенал, кожевенный завод, обувная фабрика, шерстопрядильная и пуговичная мастерские. Все они работали в основном на армию. ГЭС в Джабаль ус-Сирадже была единственной в стране²⁶.

С целью поощрить развитие торговли и промышленности правительство в 1930 г. разрешило учредить банк. Он открылся в 1931 г. и назывался Акционерное общество «Афган» («Шеркат-е асхами-йе Афган»). Его начальный капитал составил 5 млн. афгани, из них 4,5 млн. вложило государство²⁷. Так что по существу это было государственное финансовое учреждение. В 1932 г. он был реорганизован и переименован в Афганский национальный банк («Банк-е мелли-йе Афган»). Банк открыл свои филиалы в Герате, Кандагаре, Мазари-Шарифе, Ханабаде, Джалалабаде, Кветте и Пешаваре, а затем его офисы появились в Карачи, Дели, Бомбее, Калькутте, Лондоне, Париже и Берлине. Банк владел смешанным капиталом. Тем не менее он обладал монополией на государственные операции, в том числе на покупку иностранной валюты, золота, на импорт сахара и грузовиков. Ему также было предоставлено право разрабатывать природные ресур-

сы. С такого рода мощной государственной поддержкой банк получил быстрое развитие. По истечении первого года работы он выплатил своим пайщикам 28% дивидендов. Существование банка ограничило монополию индусов и частично евреев на финансовые операции в стране²⁸.

Первоначальный капитал Афганнацбанка (АНБ) составлял 35 млн афгани²⁹, причем большую его часть составили вложения частных купцов, и, таким образом, он превратился в частное финансовое учреждение. Основателем и президентом банка был крупный купец из Герата Абдул Маджид Забули. Получив право на эмиссию национальной валюты, банк выпустил денежные банкноты достоинством 5, 10, 20, 50 и 100 афгани на общую сумму 19 млн афгани. В 1931 г. правительство увеличило свою долю в банке с 30 до 36 млн афгани, отложив 35% этой суммы в качестве резерва государственной казны. Покупать акции банка могли лишь афганские подданные. Поскольку основными пайщиками банка были состоятельные купцы, им удалось привлечь значительную часть национального капитала и затем реинвестировать его в акционерные общества, находившиеся под контролем АНБ³⁰.

Учреждение банка было частью так называемого Генерального плана экономического развития, который был принят афганским правительством в 1932 г. Основными целями плана были следующие: 1) составление финансового и валютного отчета; 2) поощрение внутренней и внешней торговли; 3) повышение уровня здравоохранения, образования и коммуникаций; 4) поощрение промышленного строительства; 5) проведение прогрессивных реформ в сельском хозяйстве³¹.

В 1932–1934 гг. при содействии банка в стране появилось 30 крупных ширкетов. Крупнейшие из них были основаны в Кабуле. Это были «Сабер» (с капиталом 6 млн афгани), «Тавакколь» (1 млн), «Барадаран» (1 млн), «Канаат» (1,25 млн) и «Кушеш» (1,5 млн). В Северном Афганистане также появилось несколько ширкетов, которые экспортировали овечьи шкуры: «Айбак», «Саламат», «Саадат», «Садагат», «Ихлас» и «Маймана», капитал которых превышал 1 млн афгани. Одной из крупнейших компаний была «Петроль», которая имела монополию на импорт нефтепродуктов и на связи с зарубежными нефтяными компаниями. Среди других крупных компаний была «Этминан» (начальный капитал 2,5 млн афгани), которая контролировала импорт шерсти и шкур из Герата, «Иттихадийе-йе шомали» (1 млн), которая также экспортировала каракуль и импортировала цемент, и «Пуштунская компания Кандагара» (1,637 млн), которая занималась экспортом сухо-

фруктов. В начале 30-х годов в стране появилось несколько частных промышленных предприятий — текстильная фабрика в Джабаль ус-Сирадже, спичечная и кожевенная — в Кабуле³².

Стимулирование частной инициативы и деятельность Афганнацбанка способствовали расширению внешней торговли, а также ускорили темпы первоначального накопления и концентрации капитала, что позволило в последующем вкладывать инвестиции в создание легкой промышленности. В частности, в Северном Афганистане была создана текстильная фабрика, работавшая на местном сырье, в Джалалабаде — сахарный завод, а в Кандагаре — фабрика по производству изделий из шелка. Впрочем, на развитии молодой национальной промышленности сказывался недостаток профессиональных кадров.

Афганский национальный банк получил государственную поддержку в развитии внешней торговли. Правительство назначило своих торговых агентов в Лондоне, а затем в Москве, Лейпциге и Париже. В 1931 г. был принят новый Закон о таможене, с помощью которого предполагалось урегулировать таможенные пошлины и защитить отечественную промышленность. 30%-ной пошлиной облагались товары класса А (предметы роскоши) — кофе, какао, хлопчатобумажное и шелковое белье, полотенца, носовые платки, туалетные принадлежности, зеркала; 25%-ной — неочищенный сахар; 20%-ной — мыло, медная проволока, расчески, ножницы, шляпы, карманные зеркала, сапоги, химикаты, лекарства, спички, лампы, железо и сталь; 10%-ной — ковры, ковровые изделия, шерстяные паласы, карты (географические и др.), коляски, фотографии и открытки³³.

Импорт алкогольных напитков был запрещен. Нарушивший этот запрет подвергался тюремному заключению на срок до трех лет, а его товар конфисковывался и уничтожался. Таможенная пошлина на некоторые товары была еще ниже: так, на ввозимые из Ирана и Средней Азии шелковые нитки она составляла 2%, а на ювелирные изделия и иностранную валюту — 0,5%. Новый таможенный закон стремился, по крайней мере в первое время, ограничить сумму денег, которые брали с собой афганские паломники за границу, в Мекку. Паломники были разделены на три категории: те, которых сопровождали трое слуг, имели право брать с собой 2728 афгани; с двумя слугами — 2182 афгани, с одним слугой — 1364 афгани³⁴.

Товары афганского экспорта также облагались пошлинами. Так, экспортируемый опиум облагался 10%-ной пошли-

ной; фрукты, свежие и сухие — 25–80%-ной. В целом обложению пошлиной подлежали все экспортные товары, кроме обычной одежды, необходимых туалетных принадлежностей и материалов для письма. Экспорт золота и серебра, слитков, а также манускриптов и античных предметов всех типов был запрещен³⁵.

Новый закон продемонстрировал слабость афганской таможенной политики. Так, в нем не было разграничения между предметами роскоши и предметами первой необходимости. Не были предусмотрены возможные препятствия для иностранных капиталовложений. Не было принято серьезных мер по защите отечественной промышленности (за исключением спичек) и экспорта. Этим, вероятно, можно объяснить тесную зависимость бюджетных доходов от таможенных поступлений, которые составляли две трети всех доходов государства. На оставшуюся одну треть приходились налоги на почтовые марки, налоги на землю и скот.

Эмиры Хабибулла и Аманулла правили в условиях нестабильной обстановки. Как и его предшественники, Надир зависел от крупных пуштунских племен, которые обеспечивали защиту королевства и его династии и сохранение пуштунского характера государства. Не имея права, согласно конституции, увеличивать земельный налог без согласия Лоя джирги, король обложил тяжелыми пошлинами внешнюю торговлю, обременив таким образом купцов и городских предпринимателей, в чьей поддержке он нуждался для реализации программы модернизации. Афганский экспорт резко уменьшился в период мирового кризиса конца 20-х — начала 30-х гг., когда в течение двух месяцев, то есть ноября и декабря 1930 г., курс афгани упал с 38,6 до 45,4 за фунт стерлингов³⁶.

Общая стоимость внешней торговли в 1931 г. была на том же уровне, что и в 1901 г. (около 5 млн фунтов стерлингов), хотя ее объем вырос весьма значительно. Импорт в этот период превысил экспорт, создав внешнеторговый дефицит и обесценив афганскую валюту. В 1932 г. Афганистан импортировал из Советского Союза товаров на сумму 14,6 млн рублей, а экспортировал на 11,8 млн. Примерно такая же картина наблюдалась и в торговле Афганистана с Великобританией: экспорт составил 15,5 млн фунтов стерлингов, а импорт — 65,9 млн³⁷. Основную часть афганского экспорта составляли предметы роскоши — каракуль, ковры, лазурит, цены на которые на мировых рынках не отличались постоянством, и это создавало трудность для экономического планирования.

К тому же частные собственники стремились вкладывать деньги в более прибыльную торговлю, нежели в промышленность³⁸.

Оказывая поддержку развитию торговли и молодой промышленности, правительство Надира не уделяло должного внимания сельскому хозяйству. Началась реализация лишь нескольких незначительных проектов по ирригации под руководством итальянских и немецких инженеров, и вновь были открыты несколько небольших экспериментальных ферм, которые были созданы во времена Амануллы. Более значительным оказалось государственное содействие хлопководству на севере Афганистана. Хлопок вскоре стал основным экспортным товаром, а на севере появились текстильные предприятия.

И хотя правительство пыталось внести некоторые изменения в сельскохозяйственное производство, все эти меры носили искусственный характер, структура землевладения и землепользования практически не изменилась. Земля делилась на пять категорий: частные земельные владения; земля, сдававшаяся в аренду; *вакфы*; государственные земли; земли, принадлежавшие племенам, обрабатываемые и пастбища. Вакфы, составлявшие небольшую долю земельного фонда, также контролировались государством.

Некоторые племена сохранили коллективную форму земельной собственности. Периодически земля в таких племенах перераспределялась решениями джирги. В ряде племен все еще преобладал феодализм: земельные угодья и скот принадлежали хану племени, который считал отдельные кланы и членов племени своими вассалами. В таких племенах земля была распределена между отдельными лицами и урожай делился в зависимости от наличия следующих элементов: земли, воды, семян, рабочего скота и вкладываемого труда. Чаще всего крупные ханы племен и землевладельцы владели водой и контролировали большую часть сельскохозяйственной продукции. По сведениям советских ученых, до 70% обрабатываемых земель и немалая доля ирригационных сооружений принадлежала крупным и средним землевладельцам. Крестьянам, составлявшим до 90% населения Афганистана, принадлежало менее $\frac{1}{3}$ всех земельных угодий. Из них около 30% были безземельными, а большинство остальных обрабатывали землю на правах аренды³⁹.

Осуществляя умеренную программу модернизации страны, Надир проводил и осторожную внешнюю политику, на которую накладывался отпечаток традиционного подхода к России и Великобритании. Она была сформулирована королем в

его речи на открытии сессии Национального Совета: «На мой взгляд, самая лучшая и полезная политика для Афганистана — это нейтралитет. Афганистан должен всегда поддерживать хорошие отношения со своими соседями, так же как со всеми дружественными державами, политика которых не противоречит нашим национальным интересам. Афганистан всегда должен гарантировать своим соседям дружеский подход, добиваясь взаимности. Такой курс является самым лучшим для интересов Афганистана»⁴⁰.

В своей внешней политике важнейшее значение Надир-шах придавал отношениям со своими двумя соседями — СССР и Великобританией, которые, по его мнению, должны были быть заинтересованы в сохранении афганской независимости. Англия по-прежнему рассматривала Афганистан как сдерживающий фактор в возможной военной и идеологической экспансии Советов. Москва, в свою очередь, воспринимала Афганистан в качестве буфера на пути постоянной угрозы со стороны британского империализма. Желая продемонстрировать свое равное отношение к обеим державам, Надир назначил своих братьев Мухаммада Азиз-хана и Шах Вали-хана послами соответственно в Москву и Лондон. Однако избежать напряженности этих отношений было непростой задачей.

Политика нейтралитета, подкрепленная декларированным Кабулом лозунгом «развивать дружбу с Советским Союзом как с ближайшим и важнейшим соседом Афганистана», вызвала определенное недоверие Кремля. Игнорирование Надиром антибританских выступлений пограничных пуштунских племен было расценено в Москве как предательство в отношении политики Амануллы и негласное сотрудничество с британским империализмом. Газета «Заря Востока» отмечала, что Надир-шах, отказавшись помочь пуштунским племенам, «оправдал надежды, возложенные на него британским империализмом»⁴¹. В печати и научных публикациях режим Надир-шаха называли «реакционным». В появлении новой династии в Афганистане и усилении британского контроля над пограничными племенами Москва увидела намерения империалистов окружить СССР с целью развертывания военных приготовлений против него.

Тем не менее в первые же дни после прихода Надир-шаха к власти МИД СССР де-факто признал новый режим. Министр иностранных дел М. Литвинов подтвердил курс на поддержание «дружественных отношений между двумя правительствами», заявив о невмешательстве во внутренние дела Афганского королевства⁴².

Со своей стороны, желая продемонстрировать добрую волю, афганское правительство 24 июня 1931 г. заключило с СССР Договор о нейтралитете и взаимном ненападении сроком на пять лет с автоматическим ежегодным продлением, а в 1932 г. выразило одобрение советской позицией на Международной конференции по разоружению. Москва оценила тот факт, что Надир не только не оказал поддержки басмаческому движению и выслал лидера басмачей и соратника Энвер-паши Ибрагим-бека с территории Афганистана, но и предотвратил ее использование как плацдарма для ведения антисоветской, панисламской и пантюркистской пропаганды.

Нормализация афгано-советских отношений сопровождалась расширением торговли между двумя странами. Афганистан экспортировал в СССР шерсть и ковры, а импортировал нефтепродукты, сахар и чай. Вскоре Советский Союз занял весомую долю в афганской внешней торговле, потеснив Великобританию. Надеясь еще более увеличить объем торговли между двумя странами и получить доступ в Европу через СССР, афганское правительство подписало с Москвой торговый договор и установило почтовую и телеграфную связь⁴³. В целом же к концу правления Надира советско-афганские отношения, по мнению российского исследователя В. Бойко, «перешли в режим пассивного взаимодействия соседних государств с различным общественно-политическим строем».

Наиболее деликатная проблема, с которой столкнулся Надир, состояла в том, чтобы сделать реальным афганский нейтралитет и убедить всех, в том числе Россию и националистически настроенных модернистов, что он не является ставленником британского империализма. Противоречивые обстоятельства вокруг падения Амануллы и подозрения относительно участия Великобритании в событиях усложняли эту задачу. Еще до начала борьбы против Бачаи Сакао Надир встретился с советником британского посольства в Кабуле Р. Макконаки, занимавшем во время их встречи пост политического агента в Куррамской долине. Этот факт, а также британская военная и финансовая помощь Надиру, о которой речь шла ранее, вызывали немалые опасения как у афганцев, так и у северного соседа, что англичане сделали ставку на Надира.

Признавая факт получения помощи, король подчеркивал, что она оказывалась без всяких условий, к тому же Аманулла также получал британские деньги и оружие в критические для него периоды. Он категорически отрицал, что помощь оказывалась ему для борьбы против Бачаи Сакао, и утверж-

дал, что режим «бандита-эмира» был свергнут только благодаря усилиям всех афганцев⁴⁴. Его брат Шах Вали пошел дальше, заявив, что в самый критический период борьбы против Бачаи Сакао англичане не только не помогли Надиру, а напроочь игнорировали его.

В любом случае вопрос о том, помогли ли англичане Надиру в его борьбе против Бачаи Сакао, носил риторический характер, если учесть, что политика короля вполне соответствовала интересам и планам англичан в Индии. В отличие от Амануллы он придерживался курса на невмешательство во внутренние дела как Индии, так и Средней Азии, расценивая «позитивный нейтралитет» как лучший способ сохранить внутреннюю политическую стабильность, консолидировать королевскую власть, обеспечить развитие торговли и успех своей скромной программы модернизации. Такая политика дала ему возможность поддерживать хорошие отношения как с СССР, так и с Великобританией.

В мае 1930 г. он подтвердил англо-афганский договор 1921 г. и торговое соглашение 1923 г. (предусматривавшее транзит афганских товаров через Индию) с Великобританией. Вместе с соглашением 1923 г. Надир подтвердил и негласную договоренность о том, что СССР не мог открывать свои торговые представительства на территории, граничащей с Британской Индией⁴⁵. Что касалось Великобритании, то отражением намерений и курса Надира в англо-афганских отношениях должна была явиться его политика в полосе независимых племен. Англичан в этой связи интересовало, будет ли Надир поддерживать национально-освободительное движение в Индии и бороться за права восточных пуштунов.

Опасения англичан в отношении Надира и его политики в зоне восточных пуштунских племен имели определенные основания. Здесь разгоралась национально-освободительная война против британского колониализма, во главе которой стал легендарный лидер национального движения пуштунов Абдул Гаффар-хан. В 1929 г. он создал в Пешаварском округе политическую организацию реформистского толка «Пуштунская конференция» и при ней добровольческие отряды «Слуги Господни» («Худай Хедматгаран»), которых за их форму прозвали «краснорубашечниками». К началу 30-х годов это движение получило широкую поддержку в северо-западных районах Индии, а также крупнейшей политической партии — Индийский Национальный Конгресс (ИНК) во главе с Махатмой Ганди. Конечной целью движения являлось достижение национальной автономии восточных пуштунов⁴⁶.

Поначалу это движение получило широкую поддержку со стороны советской прессы. Так, газета «Правда», оценившая численность «краснорубашечников», имевших в качестве эмблемы серп и молот, в 100 тыс. человек, заявила, что они являются потенциалом революционного крестьянского движения⁴⁷. Однако к началу 30-х годов надежды Москвы на эту организацию угасли, и уже в конце 1931 г. в советской прессе появилась яростная критика в адрес пуштунских «революционеров»: они, дескать, не слуги Господа, а «слуги империализма», которые предали пуштунское крестьянство, поскольку попали под влияние религиозных элементов, игнорирующих требования крестьянских масс⁴⁸.

Британские колониальные власти, наоборот, проявили большое беспокойство по поводу деятельности «краснорубашечников». Они распространили прокламации в Северо-Западной провинции Индии, обвиняя «слуг господних» в большевизме, которые стремятся вытеснить Великобританию из Индии силой. Англичане развернули преследования против них⁴⁹. Абдул Гаффар-хан неоднократно подвергался арестам.

Обвиняемые большевиками в предательстве революции и англичанами в подрывной деятельности, «краснорубашечники» не получили никакой поддержки и от Надира. Отчасти его позиция в этом отношении объяснялась тесными связями Гаффар-хана с Амануллой как с лидером афганского национального движения и реформатором. Оказывая Гаффар-хану помощь, король рисковал вызвать недовольство англичан. К тому же, зная о пробольшевистских симпатиях «краснорубашечников», он опасался возникновения угрозы самой афганской монархии⁵⁰. Поэтому он поторопился дистанцироваться от них, заслужив одобрение британских колониальных властей. Таким образом, мобилизовав поддержку пограничных пуштунских племен афганской армии в борьбе за независимость в 1919 г., Надир отгородился от них в период их открытых вооруженных антибританских выступлений в начале 30-х.

Вообще племена «независимой полосы» были постоянной головной болью для англичан все 40 лет их правления в Индии. Там существовала сложная система самоуправления, и соглашения племен с колонизаторами держались лишь на субсидиях и периодическом использовании военной силы. Так, к 1930 г. англичане ежегодно выплачивали ханам племен 886 тыс. рупий⁵¹.

В 1930 г., когда усилились движение «краснорубашечников» и антиколониальная пропаганда Индийского Националь-

ного Конгресса, британские колониальные власти, вернувшись к временам «наступательной политики», развернули строительство военных фортификационных сооружений вдоль границы. В том же году начались вооруженные выступления племен момандов, оракзаев и афридиев, ополчения которых заняли весь Пешаварский округ. Надир-шах неизменно оставался глухим ко всем просьбам восставших племен оказать военную помощь. На все их обращения он реагировал стандартным советом: самим заключить соглашение с англичанами⁵². Так впервые афганский монарх отказал в помощи пуштунским племенам в их борьбе против колонизаторов.

Надир также стремился сохранить те же дружеские связи, которые имел Афганистан в эпоху Амануллы, с Турцией и Персией. Вступив на престол, он обменялся дружескими посланиями с руководителями обеих стран.

Кроме того, король послал делегацию в Хиджаз, заверив саудовские власти в искреннем стремлении поддерживать единство всех мусульман. В итоге в 1932 г. Афганистан подписал Договор о дружбе с Саудовской Аравией и Ираком⁵³.

Что касается отношений с Европой, то Надир стремился продолжать политику Амануллы на установление дружеских отношений как можно с большим числом стран, преследуя цель не только утвердить суверенитет Афганистана, легитимизировать свою власть, но и открыть Афганистан другим, кроме СССР и Великобритании, европейским странам. Он заключил соглашения о дружбе с Эстонией, Литвой, Финляндией, позже — с Австрией, Данией, Голландией, Швецией, Норвегией, Испанией и Венгрией. Больше всего его интересовала поддержка и помощь со стороны Франции, Италии и Германии.

Надир-шах подтвердил монополию французов на археологические изыскания в Афганистане и разрешил преподавать в школах французский язык. Аналогичные отношения были установлены с Италией и Германией. Он поблагодарил Италию за то, что она первой из европейских стран признала независимый Афганистан и обязалась оказывать ему помощь⁵⁴.

Надир проявил также интерес к установлению связей с США и Японией. Американская позиция в отношении его правительства оставалась неясной. В 1921 г. США де-юре признали Афганистан. В 1922 г. американский дипломат, служивший в посольстве США в Тегеране, неофициально посетил Кабул, встретившись с Амануллой. Он написал отчет о своей поездке в Госдепартамент, рекомендовав признать Афганистан. Но Вашингтон проигнорировал его предложение.

В 1925–1928 гг. по инициативе Надира, когда он был посланником в Париже, Вашингтон рассматривал идею подписания дружеского договора с Кабулом, однако она не была реализована ввиду падения режима Амануллы. США были последними из крупных держав, признавших новую династию в 1934 г. Но и после этого США не открыли свою дипломатическую миссию в Кабуле. Такое нежелание объяснил тогдашний исполняющий обязанности госсекретаря США У. Филлипс, заявивший, что в Афганистане «примитивные условия (для работы. — В.К.), мало гарантий безопасности для иностранцев и... отсутствие особых интересов (США. — В.К.)»⁵⁵. А ведущий эксперт Госдепартамента Воллас Мюррей убеждал конгрессменов, что США не могут признать Афганистан, поскольку эта страна «без сомнения является самой фанатичной и враждебной во всем мире»⁵⁶.

Надир уговаривал приезжавших в Кабул американцев помочь в учреждении в Кабуле американской миссии и оказании содействия в разработке природных ресурсов. В беседе с одним из таких визитеров Надир говорил: «Мы предпочитаем, чтобы наши ресурсы разрабатывались с помощью капитала стран, не имеющих колониальных амбиций. У нас много нефти, угля, меди, дорогих минералов. И мы не хотим отдавать наше богатство в концессию европейским державам с их агрессивными интересами»⁵⁷. Однако правительство США, взвесив все «за» и «против», решило предоставить решать вопрос о сотрудничестве с Афганистаном частному бизнесу.

Решение Кабула не предоставлять концессий Англии и Советскому Союзу, а использовать США для модернизации страны, оказалось непродуктивным. То же самое произошло и с Японией. В 1930 г. Кабул и Токио заключили в Лондоне Договор о дружбе, обменявшись дипломатическими представительствами⁵⁸. В 1933 г. в Токио прибыл первый афганский посол Хабибулла Тарзи, заявивший, что его назначение весьма важно, поскольку Афганистан нуждается в продукции быстро развивающейся промышленности Японии. И хотя вслед за этим началась торговля между двумя странами и экономическое проникновение Японии в Афганистан, это не привело к серьезным изменениям в темпах и масштабах модернизации страны. Японцы столкнулись с теми же трудностями, что и американцы.

Экономическое и культурное сотрудничество с британскими властями в Индии и Москвой также было крайне незначительным. Король распорядился выслать советский персонал, работавший в афганских ВВС, и хотя в 1933 г. он раз-

решил провести советскую торговую выставку в Кабуле, тем не менее высказался против открытия советских торговых миссий на территории Афганистана. Аналогичные ограничения он наложил и на активность англичан. Английским специалистам было запрещено работать в Афганистане. Даже английский язык преподавали индусы. Еще меньшее число афганцев знали русский язык. Всего в период правления Надира в Афганистане работали 70 иностранцев, причем, кроме сотрудников дипломатических миссий, был один французский археолог, немец-директор почтовой связи и два итальянских офицера в артиллерийской школе.

Надир-шах стремился использовать иностранную помощь для разработки природных ресурсов. Но он не хотел допускать к этому Советский Союз и Великобританию, предпочитая им «политически незаинтересованные» державы. Однако от них помощь не поступала. В 1931 г. в Кабуле побывала группа японских промышленников, которые вели переговоры о строительстве железной дороги, которая связала бы Индию с Кандагаром и Гератом. Но эти переговоры ничего не дали. В конце концов Надир пришел к выводу: чтобы не вызывать недовольство племен иностранными концессиями, лучше самим построить железную дорогу.

Приход к власти Надир-шаха еще не означал окончание социально-политического кризиса. В ряде районов страны продолжались массовые выступления. Уже в ноябре 1929 г., то есть через месяц после смены власти в Кабуле, вспыхнуло восстание крестьян в Кухдамане, к северу от столицы. Оно было жестоко подавлено. Летом 1930 г. в этом районе вновь восстали крестьяне, доведенные до отчаяния непосильными налогами и поборами. Осенью 1932 г. началось крупное выступление пуштунских племен в районе Хоста, к которым присоединились некоторые трансграничные племена. Лишь через полгода Надиру удалось разгромить его, мобилизовав не только регулярные части, но и ополчения верных правительству племен.

По мере стабилизации власти Надир-шаха и укрепления политических позиций его династии режим все более приобретал авторитарные черты. Несмотря на проведение курса «умеренных реформ», правительство держало под жестким контролем политическую жизнь страны, не допуская появления любых общественных движений, в том числе оппозиционного толка.

Такая политика вызвала недовольство ряда пуштунских племен и способствовала активизации деятельности сторонни-

ков Амануллы, стремившихся дискредитировать новый режим. Активизация оппозиционных кругов в этот период была связана с деятельностью влиятельной семьи Чархи, члены которой занимали видные посты в правительстве Амануллы и теперь возглавили разрозненные силы младоафганцев, выступавших против узурпации трона Надиром, за реставрацию режима Амануллы. Их действия вскоре повлекли за собой меры репрессивного характера со стороны властей.

Уже в первые дни после вступления Надира на престол группа видных амануллистов тайно собралась в Кабуле, чтобы дать оценку событиям и выработать общий план действий. Среди них были Гулам Мохиуддин Арти, Мир Гулам Мухаммад Губар, Тадж Мухаммад Пагмани, Файз Мухаммад Барутсаз, Абдуррахман Лодин и другие. Они единодушно осудили новый режим как узурпаторский и проанглийский и «большинством голосов приняли решение развернуть тайную борьбу против правительства»⁵⁹.

Одновременно режим обрушился с репрессиями на национально-демократические элементы и амануллистов. Уже в декабре 1929 г. были арестованы ближайший соратник Амануллы Мухаммад Вали-хан и бывший начальник военного лицея «Харбия» Махмуд Сами. Им было предъявлено обвинение в предательстве в отношении Амануллы и в сотрудничестве с Бачаи Сакао⁶⁰. Представительная комиссия, в состав которой входили министры, высшие офицеры и ханы племен, признала их виновными в государственной измене и приговорила к смертной казни. Махмуд Сами был казнен, а в отношении Мухаммада Вали король сразу не решился пойти на крайние меры, боясь вызвать широкое недовольство различных общественных кругов, симпатизировавших Аманулле. Его бросили в тюрьму. Лишь через три года, когда власть Надира стала достаточно прочной, он был казнен по обвинению «в организации заговора с целью создания республики»⁶¹.

Мохиуддин Арти и М.Г.М. Губар избежали немедленной расправы, покинув Афганистан: Арти бежал в Турцию, а Губар — в Германию⁶².

Однако ликвидация верхушки амануллистов не означала разгрома всего оппозиционного движения. В стране продолжали действовать отдельные лица и группы, составлявшие ядро младоафганского движения. Их деятельность, даже неорганизованная и разрозненная, объективно представляла еще большую угрозу власти, ибо младоафганцы, в целом смирившиеся с поражением Амануллы, продолжали пропагандировать антиимпериалистические, антифеодальные и демокра-

тические идеи. Они пошли дальше радикализма Амануллы. Их политическая оппозиция режиму в глазах Надира была опаснее династических притязаний экс-короля, поддерживаемого семьей Чархи. И хотя различные по своей политической окраске и масштабам оппозиционные настроения младоафганцев не приняли характер организованного движения, они тоже не избежали репрессий.

В 1930 г. по приказу короля был без суда расстрелян мэр Кабула Абдуррахман Лодин, уже подвергавшийся репрессиям в период правления эмира Хабибуллы. По свидетельству Губара, власти «состряпали» против него ложное обвинение, пойдя на явную провокацию. Некто Шер Ахмад, кабульский купец, нанял глашатая, который от имени мэра распространил по городу весть о том, что якобы мятежные отряды кухистанцев приближаются к Кабулу, и призвал население готовиться к обороне. В результате мэр был обвинен в подстрекательстве жителей Кабула к восстанию⁶³. Официоз «Ислах» писал: «Мэр Абдуррахман осужден и казнен по обвинению в измене, направленной против интересов общества и в его активном участии в бандитском восстании в Калакане и Кухдамане»⁶⁴.

Жестокая расправа ждала и других наиболее видных деятелей младоафганского движения старшего поколения. Был расстрелян из пушки боевой соратник Лодина Тадж Мухаммад Пагмани. Той же участи подвергся Файз Мухаммад Барутсаз, снабжавший движение младоафганцев порохом и боеприпасами. В 1937 г. в Пешаваре был убит из-за угла возвращавшийся на родину из Турции депутат Лоя джирги 1928 г. Мохиуддин Арти⁶⁵. К длительному тюремному заключению и последующей ссылке был приговорен вернувшийся из Германии Мир Гулам Мухаммад Губар. Часть радикального крыла младоафганцев под давлением режима Надир-шаха изъявила ему покорность и отошла от активной политической борьбы, избежав таким образом наказания.

Гонениям и расправам подверглась и умеренная группировка младоафганцев, фрондировавших в рамках национально-демократических идей. Многие ее руководители и активисты также были приговорены к различным срокам тюремного заключения. Однако политический либерализм, умеренность программы, социальная аморфность и непоследовательность в борьбе привели многих членов этой группировки к соглашению с правящими кругами. Так, руководитель либералов Мир Сеид Касем-хан Лагмани был приговорен к казни, однако ее заменили длительным тюремным заключением.

Выйдя из тюрьмы через 13 лет, он раскаялся в своей прежней деятельности и перешел к сотрудничеству с властями. Продвигаясь по служебной лестнице, в 1950 г. он занял пост министра юстиции. Трансформация его политических воззрений зашла так далеко, что в 1952 г. он сам оказался в числе организаторов расправы с оппозиционным буржуазно-демократическим движением. Другой член группировки, Абдул Хусейн-хан Азиз, избежал заключения, сразу отказавшись от своих взглядов. Впоследствии он был назначен послом, а в 1949 г. стал министром просвещения. К этой категории людей принадлежал и один из старейших деятелей младоафганского движения Абдул Хади Дави, который в свое время вместе с Махмудом Тарзи был редактором газеты «Сирадж уль-ахбар». После 13-летнего пребывания в тюрьме он начал сотрудничать с режимом, став в 1949 г. председателем нижней палаты парламента⁶⁶.

Между тем к 1933 г. политическая ситуация в стране обострилась. Политическая борьба между династией и оппозицией достигла своего пика в 1932 г. в связи с деятельностью последовательного сторонника Амануллы Гулам Наби Чархи, бывшего в последние годы правления Амануллы послом Афганистана в Москве, а после его свержения оказавшего активную поддержку экс-королю в борьбе за престол. В сентябре 1932 г. он вернулся из эмиграции и уверил Надира в своей лояльности. Однако через месяц его обвинили в связях с племенами Хоста и попытках поднять их на восстание. Он был схвачен и обвинен в измене. Надир потребовал его немедленной казни, и он был убит в присутствии короля. Вслед за ним был арестован его брат Гулам Джелани-хан и в 1933 г. казнен. Были арестованы и брошены за решетку все члены семьи Чархи и его родственники, включая малолетних детей⁶⁷. Авторитарное решение короля, не подкрепленное вердиктом суда, было воспринято как нарушение конституции и как личная месть лидеру амануллистов⁶⁸. Казнь Гулам Наби-хана вызвала широкие волнения в стране. Борьба между правящей династией и амануллистами приняла новое измерение — кровавой вражды между кланом Яхья и кланом Чархи, которая стала частью борьбы между оппозицией и властью.

Антиправительственная оппозиция, в которую входили сторонники Амануллы, модернисты, разочаровавшиеся националисты, предприняла решительные ответные шаги: в 1933 г. в Германии был убит афганский посол, брат короля Мухаммад Азиз-хан. Убийцей оказался выпускник лицея «Неджат» Сайед Камаль, получавший высшее образование в Германии.

После ареста он заявил, что его акция была предпринята в знак протеста против британского доминирования в Афганистане и предательства правительства в отношении трансграничных племен, позволившего британским властям установить контроль над пуштунскими племенами на северо-западной границе Индии⁶⁹. По настоянию афганского правительства он был казнен в Германии. А в Кабуле вскоре был схвачен и повешен ни о чем не ведавший его полуглухой дядя-медник⁷⁰.

Вскоре после этого учащийся лица «Неджат» Мухаммад Азим, проникнув на территорию британской миссии в Кабуле, пытался убить посла, но ему удалось лишь застрелить сотрудника миссии и двух слуг. Последовали жесткие меры со стороны правительства: покушавшийся был казнен, а 32 человека — учащиеся лица и друзья убийцы — были приговорены к различным срокам тюремного заключения⁷¹. Эти события получили завершение убийством самого Надира.

Это случилось 8 ноября 1933 г., в годовщину гибели Гулам Наби Чархи. Король также был застрелен учащимся лица «Неджат» Абдул Халеком во время церемонии награждения отличившихся лицестов, совершавшейся монархом в королевском дворце. По некоторым данным, убийца был приемным сыном Гулама Наби и совершил убийство в знак отмщения за казнь отца. В ходе следствия были арестованы отец Халека Хоадад, его дядя Маулаад, группа учащихся лица, заместитель директора лица Мухаммад Аюб, три члена семейного клана Чархи, президент Электрической компании Азам Хаджа, видный деятель младоафганского движения сеид Мир Касем Лагмани и ряд других лиц (всего 22 человека). Их обвинили в причастности к убийству. Вердикт был вынесен братьями Надира — премьер-министром Хашим-ханом и министром обороны Шах Махмудом. Все арестованные были приговорены к смертной казни. Лишь Мир Касем был помилован по просьбе министра иностранных дел Файз Мухаммада Зекрия. Он был возвращен в тюрьму. 18 декабря 1933 г. убийца короля 16-летний Абдул Халек подвергся мучительным пыткам и был зверски убит (заколот штыками) королевской стражей. Остальные осужденные были повешены, кроме пятерых, приговоренных к пожизненному заключению. К такому же наказанию вслед за этим были приговорены известные младоафганцы Абдул Хади Дави, Мухаммад Анвар Басмаль, Мир Гулам Мухаммад Губар и поэт Сарвар Джуя, не имевшие никакого отношения к убийству короля⁷².

Этими событиями пытался воспользоваться Аманулла. Он заявил, что политика Надира вызывает недовольство в стране

и она опасна не только для Афганистана, но и для других стран. Он выразил готовность вернуться в страну и занять престол, если его позовет народ и примет его программу модернизации. В ответ Шах Вали отмел все его притязания, обвинив экс-короля в пренебрежении национальными традициями и в том, что он противопоставил себя афганцам⁷³.

Однако сторонникам Амануллы не удалось воспользоваться ситуацией. Экстренные меры принял единственный из братьев убитого короля Шах Махмуд, находившийся в это время в Кабуле: в день убийства Надира королем был провозглашен наследник престола, его сын Мухаммад Захир Шах.

Несмотря на поражение младоафганских группировок, их деятельность наложила определенный отпечаток на весь ход политической борьбы в Афганистане. Их идеи оказали влияние на новое поколение передовой интеллигенции, вступавшей в общественную жизнь в условиях неизбежного ослабления политических позиций консервативных слоев и вызревания условий для дальнейшего развития формировавшегося буржуазного общества, а также выдвижения на передовые рубежи политической борьбы новых социальных слоев — носителей идей капиталистического развития.

Новый король Мухаммад Захир Шах родился в 1914 г. Он учился в лицеях «Хабибия» и «Истикляль», а затем — в разных французских лицеях во время пребывания его отца во Франции. Вернувшись в Кабул в 1930 г., он окончил военную школу. В возрасте 18 лет он был назначен исполняющим обязанности министра обороны, а затем — министра образования, чтобы ознакомиться с искусством управления государством. Его восшествие на престол гарантировало преемственность власти клана Яхья. Реальная власть, однако, была сконцентрирована в руках его трех дядьев — Шах Махмуда, Шах Вали и, особенно, Мухаммада Хашим-хана, который в качестве премьер-министра контролировал внутреннюю и внешнюю политику страны.

Одной из важных целей внутренней политики нового режима было расширение и улучшение системы образования. Этого требовала не только продолжавшаяся умеренная модернизация афганского общества, но и настоятельная необходимость стремиться к достижению национального единства, повышению национального сознания афганцев и приданию языку пушту статуса национального языка. По замыслу премьер-министра к 1938 г. пушту должен был стать официальным языком, заменив дари. Идея превратить пушту в официальный и национальный язык наравне с дари вынаши-

валась еще Амануллой. Однако концепция превосходства языка пушту появилась сразу после восшествия на престол Надира и вызвала шумную полемику между персидской и афганской прессой. Ряд зарубежных газет, в первую очередь персоязычная «Хабль уль-матин», издававшаяся в Калькутте, предупреждала афганское правительство об опасности введения языка пушту в качестве официального. Такой шаг, считала газета, может привести к отрыву Афганистана от богатой персидской культуры и литературы. К тому же на пушту разговаривает меньшая часть населения. Навязывание пушту всем афганцам, предупреждала газета, может подорвать национальное единство Афганистана⁷⁴.

Однако правительство Хашим-хана стояло на своем. Провозгласив в 1937 г. пушту национальным языком, оно стремилось укрепить контакты между пуштунскими племенами по обе стороны границы. Вплоть до начала 40-х годов министерство образования было занято главным образом подготовкой и публикацией школьных учебников на пушту. Учителей обязали преподавать в школе на пушту, а чиновников заставляли по ночам учить новый национальный язык. В 1937 г. поднимался даже вопрос о замене персидско-арабской графики на латинский алфавит, однако все закончилось лишь разговорами. Предложение о преподавании языка пушту на всей территории Афганистана вызвало немало проблем: не хватало учителей, не было новой методики обучения, сказывалось преобладание языка дари во всех крупных городах.

Оставив в целом нетронутой основу системы образования, существовавшую при Надире, правительство пошло по пути расширения и модернизации существовавшей образовательной сети. Тем не менее оно не смогло реализовать положение конституции о всеобщем обязательном начальном образовании. Несмотря на провозглашенные правительством цели и задачи, основой системы начального образования по-прежнему оставались сельские мактабы. По этому периоду нет данных о числе сельских школ в Афганистане, но известно, что лишь немногие из них имели трехгодичный срок обучения. К 1959 г. в стране насчитывалось 504 сельские школы, и лишь в 1957 г. появились женские сельские школы. Учителями этих школ в 30-е и 40-е годы были деревенские муллы, которые оплачивались родителями учеников. Министерство образования временами снабжало мактабы учебниками и школьно-письменными принадлежностями, но ни само министерство, ни Совет улемов не контролировали программу обучения в сельских школах.

Число современных школ в стране также было крайне ограниченным. В 1919–1930 гг. насчитывалось всего 300 таких школ. Они были с раздельным обучением и имели четырехлетний срок обучения. После 1936 г. (до 50-х годов) в этих школах преподавали в обязательном порядке три языка — дари, пушту и арабский, — Коран и основные положения ислама. Наряду с ними в школах учили арифметику, географию, историю, основные естественные науки, занимались рисованием и ремеслом, физкультурой⁷⁵. До 1940 г. государственная система образования основывалась на десятилетнем цикле учебы: первые четыре года в начальной школе, следующие три года в средней и еще три — в средней продвинутой. Выпускников средних школ принимали на государственную службу. Как и в начальной, в средней школе обязательными предметами были пушту, дари и арабский, Коран и ислам. Среди других предметов были иностранные языки, арифметика и геометрия, естественные науки, экономика, история, география и физическая подготовка.

Некоторые выпускники средних школ поступали в профессиональные школы Кабула или в старые школы, такие как Сельскохозяйственная школа, Педагогическая школа по подготовке учителей начальных школ, Школа изящных искусств, Арабская школа, основанная в 20-х годах Амануллой и открытая правительством Хашим-хана после падения режима Бачаи Сакао. Открылись и новые школы — Кабульская механическая школа (1937 г.), Школа подготовки секретарей и Коммерческая школа (1938 г.), Вечерняя педагогическая школа (1942 г.), Педагогический колледж по подготовке учителей средних школ (1944 г.). Правительство привлекало иностранных специалистов для работы в этих школах: в Сельскохозяйственной школе работали французские, итальянские и японские учителя. Кабульская механическая школа, готовившая квалифицированных промышленных рабочих, была основана немецкими специалистами. Ее оборудование было подарено Афганистану германским правительством.

Правительство придавало большое значение увеличению числа средних школ, расширяя их сеть за пределами Кабула, в котором продолжали функционировать четыре главных лицеев — «Хабибия», «Истикляль», «Неджат» и «Гази». Средние школы были открыты в Кандагаре, Кабуле, Герате и на севере Афганистана. Главной целью этих школ (называвшихся колледжами), которые имели 12-летний срок обучения и были созданы по образцу французских и немецких средних школ, была подготовка учащихся до уровня бакалавриата. Выпуск-

ники этих школ могли поступать в университет. Их учебная программа включала обязательные для начальных школ предметы, а также математику, химию, физику, биологию, геологию, иностранные языки, логику, историю, географию и физическую подготовку.

В 1940 г. в стране насчитывалось 324 начальные школы с 60 тыс. учащимися и 1990 учителями. К 1945 г. число школ возросло до 346, численность учащихся — до 93 300 и учителей — до 2546⁷⁶. Рост числа учеников и учителей произошел в основном вследствие увеличения срока обучения до шести лет.

В обычных средних и профессиональных школах преподавали европейские языки. По некоторым данным, к 1945 г. 80% учащихся изучали английский язык, остальные — другие европейские языки⁷⁷. В некоторых школах подготовка и осуществление учебных программ проводились с помощью иностранных специалистов. Так, в лицее «Истикляль» работали шесть французских педагогов, немецкие учителя работали в лицее «Неджат». Во время Второй мировой войны немцы были высланы, и преподавание немецкого языка продолжали вести выпускники лицея. Английский язык преподавали в основном индусы, хотя в 1943 г. их пытались заменить американцами.

В 1946 г. был официально открыт Кабульский университет, хотя правительство Хашим-хана еще до этого основало несколько отдельных факультетов и кафедр. Это были кафедра политических и юридических наук (1938 г.), факультет естественных наук (1941 г.), факультет литературы (1944 г.). На факультете естественных наук было несколько отделений: физика, математика и кафедры химии, биологии и геологии. Была открыта также центральная лаборатория. Факультеты и кафедры финансировались из государственного бюджета и находились под контролем министерства образования. Многие посты советников и преподавателей занимали европейцы⁷⁸.

Министерством образования были изданы учебники, в том числе по религии, теологии и этике. Этим преследовалась в том числе цель в какой-то мере контролировать программы сельских школ и учебу у мулл. В сотрудничестве с Историческим обществом и Обществом языка пушту («Анджоман-е пушту») министерство обеспечило публикацию серии научных литературных изысканий и учебников на пушту и дари. Общество пушту имело четыре отделения: истории, литературы, филологии и публикаций. Оно играло важную роль в распространении языка пушту. Чтобы узаконить его преподавание по всей стране, Общество издало толковый словарь,

стандартную грамматику и учебники языка пушту. В 1936 г. правительство издало указ, который официально объявлял язык пушту «средством единства и взаимопонимания всей нации»⁷⁹. За этим просматривалось стремление превратить его в национальный язык Афганистана. Указ требовал обязательного изучения пушту государственными чиновниками в течение трех лет. Созданная на базе Кабульского литературного общества и Общества пушту Академия языка пушту («Пашто толына») издала учебные буклеты, которые распространялись по всей стране.

Действие указа легло в основу разработки новой государственной идеологии — пуштунского национализма, — в рамках которой на первый план выдвигались идеи монархизма и шовинистические по своей сути положения о пуштунах как образце «чистокровной арийской расы», или «арийской нации», об исторической родине арийцев — Ариане⁸⁰. Внутренняя политика правительства Хашим-хана, испытывавшая растущее влияние со стороны гитлеровской расистской пропаганды, была ориентирована в первую очередь на усиление доминирующих позиций пуштунов в общественной и политической жизни.

Важным событием этого периода стало создание Центра здоровья в рамках министерства образования. Центр проводил ежегодный медосмотр 12–14 тыс. студентов, учащихся, учителей и служащих учебных заведений и предпринимал усилия для того, чтобы привить соблюдение элементарных правил гигиены в школах. Однако в этом вопросе возникло немало проблем, особенно с лечением малярии и трахомы, самых распространенных болезней среди учащихся. По данным министерства, у половины проходивших медосмотр болезнь была запущена и не подлежала лечению. В 1941–1942 гг. Центр здоровья сделал прививки от оспы и тифа 14 тыс. учащимся⁸¹.

Другим важным дополнением к министерству образования был Департамент физической подготовки и спорта, который ввел в стране такие виды спорта как футбол, волейбол, баскетбол и бокс, организовывал соревнования по легкой атлетике и разрабатывал программы физического воспитания в школах.

Несмотря на некоторые успехи, система образования Афганистана в те годы находилась в жутком состоянии. Согласно советским и западным источникам, в 1948 г. в стране насчитывалось лишь 8% грамотных. В то время во всех учебных заведениях было 2758 учителей и 98 660 учащихся⁸². По информации миссии ЮНЕСКО, в 1949 г. в различных учебных

заведениях страны училось менее 10% девочек школьного возраста. В 1954 г. численность учащихся всех учебных заведений, кроме Кабульского университета, составляла 114 266 человек, то есть 4,5% от 2,4 млн детей школьного возраста. В том же году в стране функционировало 13 женских начальных школ, одна средняя школа первой ступени и две полных средних школы, и большинство их находилось в Кабуле. Всего в них обучалось 8625 учениц. Судя по всему, в сельских школах вообще не было учениц⁸³. В этот период женская школа «Малалай», вновь открытая Надиром как Школа по подготовке медсестер и домохозяек, была преобразована в среднюю школу с 9-летним обучением. Среди ее учителей была одна француженка, и там преподавали французский язык.

В период с 1933 по 1946 гг. ситуация в системе образования оставалась аналогичной той, что была и раньше: основная часть учебных заведений страны была сосредоточена в столице. В 1951 г. в Кабуле располагалось 74% всех средних школ страны, в том время как его население (213 тыс. человек) составляло 1,8% всего населения Афганистана. К низкому уровню образования в стране можно отнести чрезвычайно малый процент учащихся, оканчивавших среднюю школу — всего 26%. По-прежнему ощущался острый недостаток учителей: к 1950 г. в стране насчитывалось около трех тысяч педагогов, причем половина из них не имела специального образования⁸⁴. До 1959 г. в Педагогический колледж поступали выпускники начальных школ. За всю историю этого колледжа до 1959 г. его выпускниками стали не более 2500 человек⁸⁵.

В период правления правительства Хашим-хана продолжалось создание экономической базы страны, стремление сделать национальную экономику более независимой от внешних факторов. Продолжалась и политика протекционизма в отношении отечественных производителей. Избегая обращения к внешним заимствованиям, правительство неохотно шло и на предоставление концессий зарубежным инвесторам. Процесс накопления, централизации и «афганизации» торгового капитала происходил на протяжении двух периодов: 1) учреждение в 1932 г. Афганнацбанка (АНБ); 2) создание крупных торговых компаний, которые не только контролировали внутреннюю и внешнюю торговлю, но и вкладывали капитал в развитие промышленности.

АНБ, начинавший с первоначального капитала в 35 млн афгани (3,5 млн долларов), к 1948 г. имел 2000 пайшиков и капитал в 454 млн афгани (около 40 млн долларов). Спустя два года его капитал вырос до 660 млн афгани. В 1939 г. был осно-

ван государственный Ды Афганистан банк. К концу Второй мировой войны его капитал составил 200 млн афгани. В 1949 г. капитал обоих банков равнялся 1,2 млрд афгани. Ды Афганистан банк являлся по существу финансовым агентом министерства финансов, осуществляя контроль над иностранной валютой и внешнеторговыми операциями, чем прежде занимался АНБ. Однако государство предоставило АНБ возможность контролировать частный сектор экономики и оставило себе лишь 5% акций банка, увеличив его к 1949 г. до 25%⁸⁶. АНБ вкладывал капитал как в государственные, так и в частные операции и контролировал кредитную систему страны. Благодаря положительному платежному балансу правительство могло сохранять независимость страны и создавать отечественную промышленность.

В период с 1933 по 1946 гг. Афганнацбанку удалось привлечь большую часть частного капитала и вложить его в более чем 50 торговых и промышленных компаний. Крупнейшие держатели акций банка были и акционерами этих компаний. Кроме фактической монополии на внешнеторговые операции, банк и его президент Абдул Маджид Забули получили контроль над основными создававшимися в то время государственными и частными промышленными предприятиями. АНБ активно сотрудничал с королевским двором, некоторые члены королевской семьи были его акционерами.

С помощью АНБ правительство разрабатывало свою программу экономического развития. Большое внимание было уделено производству хлопка на севере Афганистана, прерванному в свое время Октябрьской революцией в России и потерей емкого российского рынка. Развитие хлопководства на севере затормозилось также гражданской войной в стране. Деньги в эту отрасль опять же вкладывал АНБ.

Развитие хлопководства на севере страны осуществлялось Хлопковой компанией, организационно связанной с АНБ. Она была создана в 1934 г. и занялась рекультивацией брошенных земель и обследованием угольных месторождений. До 1935 г. объем производимого хлопка на севере не превышал 400 тонн (общий объем производства хлопка по стране составил 4,5 тыс. т). К 1946 г. объем производимого хлопка превысил 36 тысяч тонн. В 1936 г. компания ввезла из Англии оборудование и начала строительство текстильной фабрики в Пули-Хумри. Предприятие вступило в строй в 1942 г. и к 1952 г. выпускало 14 млн м ткани ежегодно. В 1934–1938 гг. компания построила еще одну фабрику в Джабаль ус-Сирад же производительностью более миллиона метров ткани в год⁸⁷.

Хлопковая компания контролировала полный производственный цикл — от посева хлопка до выпуска хлопчатобумажных тканей, экспортируя хлопок или обрабатывая его на месте.

Вслед за Хлопковой компанией в стране появились и другие текстильные компании. В 1937 г. в Кандагаре был создан ширкет «Ватан» («Родина»), который импортировал и устанавливал промышленное оборудование на предприятиях Мазари-Шарифа, Талукана, Балха и Ханабада. В 1943 г. в Кандагаре была основана шерстопрядильная фабрика производительностью около 120 тыс. м тканей, и в течение десяти лет производство тканей на ней увеличилось в шесть раз. В том же 1943 г. расширилось производство шерсти в Кабуле до 170 тыс. м в год. Небольшие предприятия по производству шелка и шерсти появились в Лагмане, Кабуле и Герате⁸⁸.

Еще одной дочерней фирмой АНБ явился завод по производству керамики в Кундузе, основанный в 1940 г. В 1938 г. Хлопковая компания в Кундузе построила мыловаренную фабрику в провинции Каттаган, которая к 1952 г. производила около одного миллиона кусков мыла в год. В 1938 г. АНБ основал компанию по производству сахара, которая построила соответствующий завод в Баглане. Для него было закуплено оборудование у чехословацкой фирмы «Шкода» на сумму 1 млн долларов, и в 1946 г. завод покрывал $\frac{1}{3}$ всех потребностей страны в сахаре. АНБ контролировал 85% активов завода⁸⁹.

Во время правления Амануллы в Кабуле был построен цементный завод, но после падения его режима он закрылся, так как не хватало сырья. Он вновь открылся в 1938 г., став фактическим монополистом по производству цемента, находясь под контролем АНБ. Еще одной дочерней фирмой банка стала компания, построившая в 1943 г. спичечную фабрику в Кабуле. В эти же годы расширилось и кожевенное производство в столице. В пригороде Кабула, Джангалаке, появилась авторемонтная мастерская.

Определенные усилия были предприняты в области разработки полезных ископаемых — железа, свинца, серебра, золота, меди, цинка, берилла, хрома, угля, соли, серы, нефти, полудрагоценных камней, таких как лазурит. Впрочем, и здесь было немало трудностей. Себестоимость их добычи была необычайно высока из-за нехватки транспортных средств, производственного оборудования, больших расходов на иностранных геологов и техников. В 1939 г. Департамент рудников был преобразован в министерство горной промышленности. Попытки добывать золото в регионах бассейна рек Кокча и Амударья, предпринятые в 1939–1943 гг., провалились, так

как годовая добыча составила 32 кг, а себестоимость металла оказалась выше его цены на рынке, и в 1948 г. работы были прекращены. Зато продолжилась разработка залежей угля: хотя это было и дорого, но страна остро нуждалась в топливе. Наиболее рентабельной оказалась добыча лазурита, на которую распространялась государственная монополия. Минерал экспортировался в Германию до начала войны⁹⁰.

Наибольшими проблемами в политике индустриализации оставались отсутствие хороших дорог, нехватка транспортных средств и энергетических ресурсов. В 1933–1946 гг. было построено около 3 тыс. км автомобильных дорог, и теперь с севера на юг можно было проехать на автомобиле. Было улучшено полукольцо дорог Кабул–Кандагар–Герат–Маймана–Мазари–Шариф. В этот период кроме круглогодичных трасс использовались еще около 4,5 тыс. км второстепенных дорог. Началось строительство еще двух современных трасс – в сторону Термеза и Китая. Тем не менее большая часть торговли к началу 40-х гг. осуществлялась караванами (по подсчетам, протяженность караванных путей составляла около 25 тыс. км). О строительстве железной дороги остались одни лишь разговоры⁹¹.

С улучшением дорожной сети почтовое ведомство организовало перевозку почты и пассажиров автобусами. Созданная в эти годы Автомобильная компания начала импортировать машины: в 1937–1939 гг. в страну было ввезено 1 тыс. легковых и грузовых машин и более 5 тыс. мотоциклов. В 1938 г. в стране насчитывалось 3 тыс. грузовиков⁹².

В 1934–1946 гг. была расширена гидроэлектростанция в Джабаль ус-Сирадже, мощность которой выросла с 1500 до 2400 кВт. При содействии АНБ и правительства была построена еще одна ГЭС в Чак-е Вардак мощностью 4000 кВт. Кроме них были и другие ГЭС – в Пули-Хумри (4800 кВт), в Кандагаре (250), Герате (725), Маймане (36), в Мазари-Шарифе (36 кВт). Правительство планировало построить еще две ГЭС – в Сароби (24 тыс. кВт), которая должна была быть крупнейшей в стране, и на р. Аргандаб (6500 кВт). Тем не менее в середине 40-х годов все станции в Афганистане имели суммарную мощность 22 тыс. кВт, большая часть которой использовалась в Кабуле⁹³. В отличие от слабых темпов развития промышленности, торговля в 1933–1946 гг. развивалась довольно бурно. При этом крупные торговые компании контролировали до 80% внутренней и внешней торговли. Некоторые совмещали торговлю с промышленной деятельностью. Причем зачастую покупали за рубежом ту же продукцию, что и сами произ-

водили. Зарубежная продукция была более конкурентоспособной, поэтому такая двойственность деятельности крупных компаний наносила ущерб национальному производству.

Афганский национальный банк, контролировавший внешнюю торговлю, промышленность, а также валютные операции, смог увеличить свой капитал в 1932–1938 гг. в сотню раз. Крупнейшие акционеры банка имели неровные отношения с государством — от сотрудничества до конфликта. В 1938 г., когда их дивиденды достигли чрезмерных размеров, правительство пошло на ущемление их монопольных прав и распорядилось провести ревизию их деятельности. В итоге один из крупных предпринимателей получил шесть лет тюрьмы. В стремлении освободиться от зависимости от АНБ правительство и пошло на создание Ды Афганистан банка, изъяв свою долю из АНБ. Его первоначальный капитал составил 120 млн афгани, причем 70% акций принадлежало правительству, остальные — АНБ⁹⁴. Новому банку были переданы все функции государственного банка (денежная эмиссия, операции по покупке и продаже валюты — золота, серебра и иностранной валюты, выпуск государственных ценных бумаг и т.д.), которые раньше выполнял Афганнацбанк; последний же с этого времени превращается в основном в коммерческий банк с правом ведения широких торговых операций. С 1938 г. АНБ стал выплачивать государству дивиденды, а в 1939–1941 гг. предоставил ему несколько кредитов на общую сумму 21,1 млн афгани (1,6 млн долларов)⁹⁵.

Несмотря на появление такого рода финансового конкурента, Афганский национальный банк продолжал играть важную роль в экспортно-импортных операциях и в целом в развитии афганской экономики. Среди крупных новых компаний следует отметить «Шеркат-е садерат-е караколь» («Компания по экспорту каракуля»). Созданная в 1938 г. в Кабуле, она быстро развивалась: к 1946 г. ее капитал составил 44,2 млн афгани. В 1939 г. компания закупила и экспортировала 889 тыс. каракулевых шкурок. Ее ближайший конкурент — «Шеркат-е рештия» — экспортировал 85 тыс. шкурок, а все остальные (примерно 25 компаний) — 10–20 тыс. каждая⁹⁶.

Каракуль был основным товаром, приносящим валютные поступления, и составлял 40–50% всей валютной выручки. В свое время эмиры Абдуррахман и Хабибулла стремились сделать экспорт каракуля монополией государства. До революции 1917 г. в России каракуль экспортировался в основном в Москву, Бухару и Пешавар и находился в руках еврейских, индийских и бухарских купцов. После революции 1917 г. рос-

сийский рынок был потерян, и купцы были вынуждены переориентироваться на Индию, а позже — на Западную Европу. В 1918 г. правительство отказалось от государственной монополии на экспорт каракуля, обложив его лишь 5%-ной пошлиной. В период правления Амануллы объем экспорта каракуля достиг 750 тыс. марок. В 30-е годы экспорт каракуля удвоился — с 1,5 млн штук до 3,3 млн⁹⁷.

Другими важнейшими экспортными товарами были фрукты, зерно, хлопок и шерсть, составлявшие около 40% всего экспорта.

В 1937–1944 гг. 88% афганского экспорта составляла продукция сельского хозяйства. Основными импортными товарами были текстильные изделия, нефтепродукты, чай, цемент, железо, посуда, промышленное оборудование. Чаще всего Афганистан имел положительный платежный баланс. Внешнеторговый оборот Афганистана в 1937 г. составлял: экспорт — 258 млн афгани, импорт — 324 млн афгани; в 1943 г.: экспорт — 734 млн афгани, импорт — 627 млн афгани. Торговля с Советским Союзом выглядела следующим образом: в 1933 г. импорт из СССР составлял 5,6 млн рублей, экспорт в СССР — 7 млн; в 1938 г. импорт — 13,7 млн рублей, экспорт — 14,8 млн⁹⁸.

Несмотря на рост числа компаний, расширение торговли и положительный платежный баланс, экономика Афганистана продолжала оставаться весьма отсталой и во многом зависимой от внешней торговли. Разработанный правительством План общего экономического развития на 1932–1938 гг. был заменен в 1938 г. на семилетний план экономического развития. Он преследовал цель повысить сельскохозяйственное производство благодаря новым ирригационным проектам создания предприятий по переработке сельскохозяйственных продуктов, расширить транспортную и коммуникационную систему, улучшить гидроэнергетику и разработку минеральных ресурсов. Начавшаяся Вторая мировая война нарушила эти планы.

В годы, последовавшие после смерти Надир-шаха, правительство продолжило политику модернизации афганской армии. Рассматривая армию как инструмент по поддержанию внутренней стабильности, ее считали орудием прогресса, а также инструментом для поддержания мира, и ее единственной задачей провозглашалась защита территориальной целостности и политической независимости Афганистана.

Министром обороны был дядя короля Шах Махмуд. Армия была оснащена германским, итальянским, английским и чешским оружием. В ее состав входили небольшие ВВС, несколько танков и транспортные подразделения. В министер-

стве было создано новое управление — тыла, открылись мастерские по ремонту военных грузовиков, а также несколько госпиталей при гарнизонах. Проводились военные учения, а также военные спортивные состязания. Недалеко от Кабула был построен стадион министерства обороны. В армии работали турецкие, а до 1939 г. — немецкие и итальянские инструкторы и советники. В 1935 г. в Маймане и Мазари-Шарифе открылись офицерские школы артиллерии, кавалерии и пехоты и были расширены кабульская и гератская артиллерийские школы. Афганские офицеры посылались на повышение квалификации в Турцию, СССР, Индию, Италию и Японию⁹⁹.

Министерство обороны всячески стремилось привлечь на учебу в военную академию сыновей ханов племен. Руководствуясь исключительно политическими мотивами, правительство надеялось создать сугубо пуштунский офицерский корпус с тем, чтобы племена могли рассматривать армию как национальный институт и расценивать службу своих членов в армии как один из способов своего участия во власти.

Офицеры служили пожизненно. Что касается набора в армию, то сохранилось сочетание обязательного призыва на 24 месяца и добровольного (на пожизненную службу). Каждое племя посылало определенное число рекрутов. Другие призывались посредством жребия в деревнях — возобновлялась система «хашт нафари». В 1934 г. армия насчитывала 70 тыс. солдат и офицеров, в 1936 г. — 80 тыс., в 1941 г. — 90 тыс. До 1937 г. страна тратила на армию до 50% своего бюджета. Дальше он продолжал расти пропорционально росту бюджета¹⁰⁰.

Были также реорганизованы полиция и жандармерия, подчинявшиеся министерству внутренних дел. Соответственно появились военные и полицейские трибуналы, руководствующиеся в своей практике не шариатом, а светским законодательством. К 1936 г. в процессе централизации судебной власти и кодификации государственных и религиозных законов в рамках министерства юстиции действовали Верховный суд, 19 апелляционных судов в провинциях и 106 судов низшей инстанции¹⁰¹. Осуществилось давнее намерение правительства рассматривать коммерческие споры в отдельном суде (в стремлении избежать обращения к исламским законам при рассмотрении дел индусов, евреев и европейцев). Эти дела рассматривались в специальных органах, составленных из самих купцов. Серьезные конфликты между племенами решались племенными арбитражными комитетами при содействии племенных джирг или провинциальных советов.

В 1936 г. правительство реорганизовало внутреннюю структуру судов, издав декрет, который определил и ограничил власть судей, а также сделал обязательным регистрацию различных процедур (свадеб, разводов) в шариатском суде. Книга регистрации отправлялась в министерство юстиции. Декрет обязал судей хорошо знать шариатские законы и единый язык судопроизводства. Это было продиктовано стремлением передать в руки государства ведение судопроизводства и ослабить власть полуграмотных судей и мулл. Другой декрет, изданный в 1938 г., регулировал расходы на свадьбы, разводы и похороны. Поскольку традиционно высокие расходы на эти цели признавались противоречащими шариату, правительственный контроль в этой области не расценивался как вмешательство в религиозное судопроизводство. Декрет также регулировал проблемы, связанные с собственностью, в частности с наследством.

Сложная ситуация оставалась и в системе здравоохранения. В 1935 г. в нескольких небольших больницах Кабула проходили лечение 93 168 пациентов, в провинциях — 105 907. В 1937 г. было построено несколько новых медицинских центров: больница на 150 коек, 20 новых мест в санатории, женская больница на 100 коек, женский санаторий на 30 мест (все в Кабуле) и 3 маленьких женских больницы (в Мазари-Шарифе, Герате и Кандагаре). В последующие годы все мероприятия в области гигиены и здравоохранения не носили масштабного характера и не сказались на состоянии этой области в стране: к концу войны в Афганистане насчитывалось 67 больниц, не считая военных госпиталей и поликлиник, 28 из них располагались в Кабульской провинции, причем большинство из них в самом городе. В 1945 г. в них прошли курс лечения 372 тыс. пациентов¹⁰².

В период 1933–1946 гг. несколько оживилась культурная жизнь страны. Так, в лицах «Истиклаль» и «Неджат» были организованы любительские театральные труппы. Были предприняты усилия для восстановления театра, существовавшего недолго в период Амануллы. В 1937 г. в Герате были поставлены два спектакля, любительские театральные постановки прошли в Кандагаре и Мазари-Шарифе. Однако профессиональный театр («Похани нандари») открылся лишь в 1941 г. Первым его директором стал Рашид Латифи. Репертуар состоял в основном из пьес, прославляющих борьбу афганцев за независимость, а также пьесы Мольера и самого Латифи. Вследствие ряда затруднений в 1944 г. театр был вынужден закрыться. Вновь он был открыт в 1947 г.¹⁰³

В эти же годы получили некоторое развитие средства коммуникации. В Кабуле начала работу национальная радиостанция, и в 1936 г. в стране насчитывалось около тысячи радиоприемников. В 1937 г. компания Маркони построила радиостанции в Кабуле, Маймане, Хосте, Ханабате. Во многих городах, в парках и скверах, были установлены громкоговорители. В Кабуле открылось первое информагентство «Бахтар». К 1948 г. в стране насчитывалось уже 8 тыс. радиоприемников¹⁰⁴.

В этот период росло число периодических изданий. Кабульские газеты «Ислах» и «Анис» стали ежедневными и издавались на двух языках — дари и пушту. Многие газеты публиковали материалы на пушту. Из новых газет этого периода можно назвать «Вранга» («Луч света», Гардез, 1942 г.), «Пактия» и «Бадахшан» (1946 г.). Начали выходить журналы и другие периодические издания — «Зерай» («Добрая весть»), орган Академии пушту; «Ариана», орган Исторического общества Афганистана; «Дайрат уль-маареф», Афганская энциклопедия, издававшаяся ежеквартально на пушту и дари; «Сторай» («Звезда»), публиковался два раза в месяц в Маймане; «Хокук» («Законы»), орган юридического факультета Кабульского университета; «Афганистан», издавался Историческим обществом Афганистана на английском и французском языках¹⁰⁵.

Несмотря на рост числа газет и журналов, их тираж был крайне мал, так как не было современного оборудования, был высок уровень неграмотности, многие издания были вынуждены сокращать формат и тираж. Стоимость изданий была достаточно высокой. Даже в конце 50-х годов средний тираж составлял 15 тыс. экземпляров. В провинции он не превышал 1,5 тыс. Большинство средств массовой информации, в том числе радио и информагентство пользовались государственными субсидиями. Они подчинялись Департаменту печати и публикаций, который контролировал общую тональность и дух изданий¹⁰⁶.

Правительство осознавало значение кино как средства воспитания, но с опаской подходило к игровому кино, полагая, что оно может стать средством пропаганды либеральных социальных идей. Поэтому сначала игровые фильмы показывали только в Кабуле. Накануне войны в Кабуле был только один кинотеатр. Но и после войны кино развивалось очень медленно: в 1956 г. в стране функционировало всего семь кинотеатров.

Правительство Хашим-хана вновь открыло музеи в стране, которые закрылись во время гражданской войны. Музеи начали работу в Кабуле, Герате, Газни (основан в 1935 г.), Кан-

дагаре и Мазари-Шарифе (оба в 1933 г.). Все они были примитивны, в них не было профессионалов. Кабульский национальный музей стал хранилищем богатых археологических и этнографических коллекций эллинистической, греко-буддийской и газневидской эпох благодаря деятельности французской археологической миссии (1922—1946 гг.). Там хранилась также богатая коллекция монет разных исторических этапов — около 40 тыс. — и несколько редких и ценных восточных манускриптов. Работу музеев курировал Департамент печати¹⁰⁷.

Число библиотек в стране оставалось ограниченным. Многие библиотеки были уничтожены во время гражданской войны, но смогли открыться в 1933—1946 гг. Кроме библиотеки лицея «Хабибия», в Кабуле были еще две крупные библиотеки — в министерстве образования (основана в 1920 г.), в которой хранилось около 10 тыс. изданий на персидском, арабском, русском, английском, французском, немецком и турецком языках, и библиотека Департамента печати (основана в 1931 г.), в которой в конце войны хранились 20 тыс. книг и 300 персидских, арабских и пушту рукописей. После войны была создана библиотека в Кабульском университете. Библиотека была и в королевском дворце¹⁰⁸.

В 1933—1946 гг. в стране начались организованные занятия спортом. Был создан Национальный олимпийский комитет. Национальные сборные участвовали в Олимпийских играх в Берлине в 1936 г. и ездили на соревнования в Среднюю Азию. В 1957 г. в стране функционировали 13 спортивных клубов, из них 12 были в Кабуле¹⁰⁹.

Главные цели внешней политики режима были обозначены в одном из выступлений короля Захир Шаха в 1934 г. Они заключались в стремлении к миру во всем мире, в условиях которого Афганистан мог бы продолжать борьбу против своей социально-экономической отсталости и двигаться в направлении прогресса. На практике были сохранены принципы прежней политики времен Надир-шаха: корректные отношения с Советским Союзом и Великобританией, близкие отношения с Турцией, Ираном и другими мусульманскими странами, более широкое международное признание и связи, обеспечение помощи промышленно развитых стран в модернизации страны. Одной из главных целей внешней политики оставалось постепенное развитие афганской экономики.

Правительство Хашим-хана предприняло усилия для пресечения антисоветской деятельности басмачей и других эмигрантов из Средней Азии, которые пользовались поддержкой

афганского духовенства и панисламистов. Некоторым из известных антисоветски настроенных деятелей «помогли» эмигрировать в Турцию или в Европу. Кабул обещал Великобритании не допускать действий, враждебных британским колониальным властям в Индии, со стороны трансграничных пуштунских племен.

Афганистан не вступал в Лигу Наций до тех пор, пока ее членом не стал Советский Союз. Обе страны стали ее членами в 1934 г. В 1936 г. Афганистан продлил советско-афганский договор 1931 г. до 1946 г. Вслед за этим в мае 1936 г. последовало подписание Торгового соглашения, по которому Афганистану был предоставлен транзит через советскую территорию, и соглашение о сотрудничестве между Народным комиссариатом внешней торговли и Афганским национальным банком. Были достигнуты также договоренности о поставках советского промышленного оборудования и машин для предприятий на севере Афганистана. С целью развеять опасения по поводу возможного вмешательства во внутренние дела друг друга было решено закрыть советское консульство в Мазари-Шарифе и афганское — в Ташкенте¹¹⁰ к вящему удовольствию Великобритании, которая с 1921 г. выступала против учреждения советских консульств в Афганистане.

В 1937 г. Афганистан присоединился к Саадабадскому пакту, членами которого стали также Иран, Турция и Ирак. В результате подписания пакта, в организации которого решающую роль сыграла Великобритания, была сформирована так называемая Ближневосточная Антанта¹¹¹. В преамбуле основного документа пакта было провозглашено, что его участники «движимы общими целями поддержания мира и безопасности на Ближнем Востоке с помощью дополнительных гарантий в рамках Устава Лиги Наций». Они договорились воздерживаться от вмешательства во внутренние дела друг друга; уважать неприкосновенность их общих границ; воздерживаться от агрессии друг против друга, индивидуально или в союзе с другими державами; передавать на рассмотрение Постоянного комитета Лиги Наций случаи нарушения или угрозы нарушения данного положения, не лишая права на самооборону; использовать право прекращать свое членство в пакте в случае агрессии одного из его участников против третьей стороны. В добавление участники пакта согласились принимать активные меры по предотвращению организации и деятельности вооруженных групп на своей территории, которые могут угрожать безопасности или конституционному строю участника пакта.

В структуре Саадабадского пакта были созданы постоянный совет и секретариат. Участники пакта договорились встречаться раз в год для консультаций и координации своей политики. Это была первая региональная организация, в которую вступил Афганистан. Однако практические выгоды от заключения пакта были ограничены. Он обозначил стремление его участников обеспечить их солидарность в случае агрессии со стороны европейской державы или государств Ближнего Востока, не входивших в состав пакта. Это был достаточно сильный региональный блок в противостоянии великим державам — растущим амбициям фашистской Италии или традиционному соперничеству в регионе Великобритании и Советского Союза. Афганцы могли извлечь из участия в нем дополнительные выгоды: у себя дома Кабул мог представить пакт как пример панисламской солидарности, возможность экономического и культурного сотрудничества между «независимыми и прогрессивными» мусульманскими государствами; во внешнеполитической сфере — афганское правительство могло уже не опасаться, что Турция и Иран поддержат притязания Амануллы или их территория может быть использована амануллистами. Более того, сближение с Ираном могло помочь Кабулу решить пограничные проблемы с Тегераном и получить симпатии афганских шиитов¹¹².

Реакция различных держав на создание пакта была неоднозначной. Москва расценила заключение пакта как расширение коллективной системы безопасности в рамках Лиги Наций, что вело «к укреплению мира в регионе» и к координации усилий членов пакта. На Западе многие считали это успехом советской дипломатии, поскольку СССР имел соглашения о ненападении и другие договоры с Турцией и Афганистаном. Они также полагали, что это попытка четырех стран региона ограничить здесь британское влияние. Другие расценивали создание пакта как удачный ход британской дипломатии, так как Великобритания имела договоры с Турцией и Египтом, причем последний был близок участникам пакта. Они также считали, что Великобритания таким образом стремится обеспечить свои политико-экономические интересы в регионе в ее противостоянии советскому влиянию и итальянской экспансии¹¹³.

Первоначальная реакция нацистской Германии на создание пакта была благоприятной, однако фашистская Италия реагировала иначе: она усмотрела в этом пакте инструмент влияния в регионе британского империализма. Для афган-

ской дипломатии важным было то, что вступление страны в пакт не вызвало недовольства обеих великих держав¹¹⁴.

Заключение Саадабадского пакта ознаменовало наступление нового этапа в сотрудничестве Ирана и Афганистана. В июле 1938 г. они подписали почтовую конвенцию, за которой в 1939 г. последовало соглашение об установлении телефонной и телеграфной связи между ними. Более того, в 1939 г. они урегулировали, хотя и не окончательно, свой спор вокруг использования вод трансграничной р. Гильменд. Получили развитие и отношения с Турцией: в декабре 1931 г. был продлен афгано-турецкий Договор о дружбе 1928 г. на десять лет.

Афганистан подтвердил свои отношения с Эстонией, Литвой, Финляндией, Австрией, Данией, Голландией, Венгрией, Швецией, Норвегией, Испанией и Бразилией, а также были установлены связи с Чехословакией.

Особой заботой афганского правительства оставалась задача установления отношений с США. Афганцы настаивали на обмене дипломатическими миссиями с Вашингтоном. Усилились попытки привлечь в страну американский частный капитал и наем специалистов. США официально признали режим Захир Шаха в 1934 г. и уполномочили своего посла в Иране быть их аккредитованным представителем в Афганистане. В 1936 г. обе страны подписали временное соглашение, содержащее упоминание о дружественных отношениях и дипломатическом представительстве. Однако полноценного соглашения достигнуто не было, так как афганцы отказались предоставить США режим наибольшего благоприятствования. К тому же США не проявляли живого интереса к Афганистану.

В июне 1941 г. Кабул посетил американский посол в Иране Дрейфус, который в 1935 г. был уполномочен своим правительством представлять интересы США в Афганистане. Он остался доволен условиями пребывания иностранцев в Афганистане и рекомендовал своему правительству подписать полноценное соглашение с афганцами, включающее предоставление режима наибольшего благоприятствования. Однако Вашингтон не пошел на такой шаг¹¹⁵.

В дальнейшем Кабул не прекращал попыток завязать отношения с США. В мае 1937 г. афганское правительство предоставило концессию, первую в истории страны, американской компании «Inland Exploration Company» на 75 лет на разработку и эксплуатацию нефтяных месторождений на всей территории Афганистана. Компания получила также право на разведку других полезных ископаемых и, в случае обнаружения таковых, возможность получения концессии на их раз-

работку. Американцы согласились уплатить Кабулу 330 тыс. фунтов стерлингов в первый год работы и каждый последующий год — 20% своего дохода. В том же году три американских геолога занялись изысканиями. Однако не прошло и года, как компания отказалась от концессии¹¹⁶.

Геологи объяснили афганцам, что богатые нефтяные месторождения недоступны и потребуют, по предварительным расчетам, около 300 млн долларов. К тому же в Афганистане, говорили американцы, плохие коммуникации, и строить нефтепровод к побережью Аравийского моря нерентабельно. Более того, в Европе надвигалась война, и нефтяные месторождения, полагали они, могут легко стать объектом советского или иранского удара и могут быть защищены лишь в случае, если гарантию их безопасности дадут англичане, но они на такой шаг не пойдут¹¹⁷.

Отказ американцев нанес ощутимый удар по политике поиска поддержки и инвестиций удаленной и, как они полагали, политически незаинтересованной промышленно развитой страны. Поскольку США и Франция оказались не готовы вложить капитал в афганскую экономику, Кабул решил не предоставлять концессий ни русским, ни англичанам и обратил свой взгляд на Германию, Италию, Японию и Чехословакию.

В отличие от американцев, во второй половине 30-х годов большой интерес к Афганистану проявила Германия. В ноябре 1937 г. германская компания «Люфтвагза» открыла авиасообщение между Берлином и Кабулом через Тирану, Афины, Дамаск, Багдад и Тегеран. За этим стояли скорее политические намерения, нежели экономические: нацистская Германия стремилась расширить политическую, экономическую и культурную экспансию на Ближнем Востоке. Берлин предложил Афганистану кредиты и технических советников. В страну стали прибывать немецкие специалисты, занимая важные позиции в различных сферах экономики.

В 1937 г. была создана афгано-германская компания «Afghanistan Mines Ltd.», занимавшаяся разведкой и разработкой полезных ископаемых. В том же году Афганский национальный банк открыл свой филиал в Берлине для обслуживания афгано-германской торговли и германских капиталовложений в Афганистане. К 1939 г. в стране уже насчитывалось от 100 до 300 немецких специалистов, преимущественно в области дорожного строительства, гидроэнергетики и фабричного производства. Немцы заняли важные посты не только в промышленности, но и в структуре АНБ, почтовом, телефонном и телеграфном ведомствах, в Департаменте поли-

ции Кабула, в афганской армии, где они готовили офицерские кадры¹¹⁸.

В Кабуле открылись филиалы ряда немецких фирм, штаты которых были укомплектованы самими немцами. Они потеснили других иностранцев, особенно в поставках промышленного оборудования и эксплуатации угледобывающих предприятий. В августе 1939 г. Афганистан заключил с Германией серьезное торгово-финансовое соглашение: Кабул получал долгосрочные кредиты для финансирования строительства текстильных фабрик и ГЭС, которые подлежали выплате хлопком. Более 80% закупок немецкого оборудования финансировалось германской стороной¹¹⁹. Это был крупный успех германской политики. В то время как СССР, Великобритания, США и Франция не хотели или не могли строить масштабные финансовые отношения с Афганистаном, немцы, преследующие политические цели, пошли на риск вкладывать капиталы без гарантии их возврата.

Афганская политическая элита была склонна рассматривать экономическую экспансию фашистской Германии не как форму неокOLONиализма, а как стремление содействовать индустриализации и модернизации афганской экономики. По словам премьер-министра Хашим-хана, немцы были наняты «для строительства дорог, мостов и новых кварталов городов». «Они курируют, — утверждал премьер, — текстильные фабрики, учат наших детей в германском колледже («Неджат». — В.К.), в Колледже изящных искусств, в Сельскохозяйственном колледже, в Профессиональной школе. Это замечательный подарок нашей стране»¹²⁰. Прекрасно зная, что СССР и Великобритания с опасением наблюдают за такого рода активностью немцев, афганское правительство пыталось привлечь инвесторов и технических специалистов из других стран. Стремясь продемонстрировать свой нейтралитет, правительство пригласило иранских и индийских врачей, около 150 турецких военных инструкторов и медиков для работы в афганской армии, значительное число чешских, итальянских, польских и японских инженеров. На должность советника афганского правительства был приглашен итальянец, в Кундузе промышленные предприятия строили советские специалисты, которые также работали на севере в рамках афгано-советского сотрудничества по борьбе с саранчой. Было приглашено и несколько англичан: они строили радио и телеграфные станции, преподавали в средних школах. В Советский Союз, Италию и Индию были посланы молодые афганцы обучаться летному делу. В целом с 1933 г. афган-

ское правительство ежегодно направляло на учебу за рубеж около 30 студентов¹²¹.

За активным экономическим проникновением немцев в Афганистан явно просматривались военно-политические устремления Германии, которая пыталась использовать националистические тенденции в политике правительства Хашим-хана, выразившиеся в пуштунизации общественно-политической жизни страны. Берлин рассчитывал вовлечь Афганистан в планировавшуюся им военную акцию против Британской Индии. Германию привлекало важное геополитическое положение Афганистана как потенциальной базы для вторжения в Индию, а также в советскую Среднюю Азию.

С началом Второй мировой войны в 1939 г. немцы уже имели заметное присутствие в стране в лице экспертов, консультантов, инженеров, преподавателей. При их содействии итальянским агентам удалось установить контакты с антибританскими элементами в зоне независимых племен, в том числе с лидером племени момандов хаджи Мирзой Али-ханом, известным как Факир из Ипи, который в 1936–1937 гг. организовал и возглавлял антибританские восстания в Вазиристане.

Летом 1938 г. в Вазиристан, в зону племен вазиров и масудов, под предлогом сбора средств на нужды религиозного ордена «кадирия» из Дамаска прибыл дальний родственник Амануллы некий Сеид Саад аль-Гайлани, известный под именем Пир Шами. В июне 1938 г. Пир издал в Канигураме, административном центре Вазиристана, прокламацию, в которой обвинил Захир Шаха в узурпации трона и заявил о намерении восстановить Аманулла у власти¹²². Ему удалось, используя идею реставрации режима Амануллы, собрать под свои знамена племенное ополчение численностью около 5 тыс. человек и организовать антибританское вооруженное выступление племен. Они, однако, не смогли противостоять британским армейским частям с их тяжелым вооружением, к тому же получившим поддержку авиации, и были вынуждены отступить. Отряды Пира Шами пересекли границу, где на афганской территории столкнулись с частями афганской армии, также поддержанными британской авиацией. Вскоре, неся потери, они распались. Англичанам удалось уговорить Шами Пира, не без помощи денег (20 тыс. фунтов стерлингов), покинуть зону племен¹²³.

Заключение Пакта о ненападении между СССР и Германией в августе 1939 г. (Пакт Молотова–Риббентропа) и раздел Польши, ознаменовавший начало Второй мировой войны, насторожили некоторые афганские круги, которые опасались

вероятности возникновения военных планов Москвы в отношении Британской Индии.

После начала военных действий в Европе Афганистан в сентябре 1939 г. заявил о своем нейтралитете в начавшейся войне. Такой курс был выгоден англичанам, так как гарантировал безопасность их северо-западных границ в Индии. Тем не менее немцы и итальянцы не прекращали усилий по привлечению Афганистана на свою сторону. И теперь, когда произошло советско-германское сближение, Германия не могла не использовать столь выгодную ситуацию, то есть через СССР получить доступ в Афганистан.

Немцы, конечно, понимали, что без тесного сотрудничества с Кабулом им не удастся поднять пограничные племена против британской Индии. Догадываясь о проанглийских настроениях правительства Хашим-хана, они предполагали заменить его Амануллой или одним из членов его семьи.

В Берлине тем временем продолжали поиски возможностей использовать Афганистан в своих антибританских планах. Там была разработана новая операция «Аманулла», преследующая цель восстановления экс-короля на престоле. Берлин запросил разрешение Москвы использовать советскую территорию для переброски в Афганистан афганского спецотряда во главе с бывшим послом в Москве Гулам Сиддик-ханом и германского экспедиционного корпуса. Однако эти планы провалились из-за возражений со стороны главы внешнеполитического ведомства Национал-социалистской партии Германии А. Розенберга, который вместо возвращения в Кабул Амануллы предпочитал склонить на свою сторону кабинет Хашим-хана и заключить с ним «взаимовыгодный политический альянс». Гитлер поддержал мнение Розенберга, и от операции «Аманулла» отказались¹²⁴. После некоторых колебаний и Москва предпочла не участвовать в столь сомнительной акции и, по данным российского исследователя Ю. Тихонова, негласно информировала Кабул о планах немцев¹²⁵.

В итоге немцы усилили нажим на афганского премьера. Германский посланник в Кабуле в 1940 г. конфиденциально заявил афганцам, что Гитлер уже в августе будет в Лондоне. Есть основания полагать, что он предложил Афганистану восстановить страну в рамках бывшей империи Дуррани, куда должны войти Белуджистан, Синд, включая порт Карачи, Кашмир и Западный Панджаб¹²⁶.

После захвата Германией стран Бенилюкса, Дании, Норвегии и поражения Франции в июне того же года, казалось, ее победа над Великобританией была неизбежна. В этой об-

становке многие афганцы поддались искушению отойти от жесткого нейтралитета: они полагали, что англичане никогда не вернут им утраченные территории, в то время как победа Германии может сделать это вполне реальным. По данным Ю. Тихонова, в афганском правительстве возникла прогерманская группировка, которую возглавляли принц Мухаммад Даудхан, его брат Наим-хан и министр экономики Абдул Маджид. Они внушали королю мысль о необходимости воссоединения пуштунских племен по обе стороны «линии Дюранда»¹²⁷.

К лету 1941 г. участились контакты высокопоставленных афганских чиновников с немцами в Кабуле и Берлине. Афганцы давали понять своим собеседникам, что если Афганистану будут возвращены аннексированные британскими колониальными властями территории и страна получит доступ к морю, а Советский Союз гарантирует территориальную целостность Афганистана, то он готов присоединиться к Германии и ее союзникам и организовать антибританское восстание в полосе независимых племен¹²⁸. Если это происходило и без ведома главы афганского государства, то в любом случае такие переговоры могли иметь серьезные последствия. В этих условиях симпатизировавшему англичанам Хашим-хану было нелегко удерживаться в строгих рамках нейтралистского курса. Тем не менее ему удавалось маневрировать, поддерживая стабильные отношения с Советским Союзом, Германией и Великобританией. Кабул даже умудрялся получать промышленное оборудование из Германии транзитом через советскую территорию.

Между тем немцы развернули активную деятельность в Афганистане, готовя стратегические подступы к Индии: они построили крупные аэродромы в Кабуле и Герате, реконструировали дорогу Кандагар—Спинбулдак. Весной 1941 г. в рамках плана «Барбаросса» была создана немецкая оперативная группа «Афганистан» в составе 17 дивизий для вторжения в Индию¹²⁹. Германская и итальянская разведки планировали к началу наступления Вермахта на Индию спровоцировать широкомасштабное антибританское восстание пуштунских племен с помощью Факира из Ипи.

После нападения Германии на Советский Союз в июне 1941 г. ситуация радикально изменилась для Афганистана. Вначале афганское правительство с удовлетворением восприняло эти события, более не опасаясь военной угрозы с севера¹³⁰. Однако под нажимом британских и советских дипломатов, вскрывших факт диверсионной деятельности германской и итальянской агентур в зоне пуштунских племен, на-

строения в высших сферах власти в Афганистане стали меняться. В результате один из руководителей австро-германской миссии, посетившей Кабул в 1915–1916 гг., к этому времени опытный разведчик, полковник абвера О. Хентиг не получил согласия афганского правительства приехать в Кабул в качестве германского посла¹³¹.

Теперь, когда СССР и Великобритания превратились в союзников, Кабулу стало легче поддерживать свой нейтралитет. В результате он начал дистанцироваться от Германии. Тогдашний министр иностранных дел Али Мухаммад-хан заявил германскому посланнику Гансу Пильгеру: «Афганское правительство более не прогерманское, не проанглийское, а проафганское»¹³². В свою очередь советская разведка в Афганистане начала сотрудничать с британской, стремясь сорвать планы стран «оси» в регионе¹³³.

Тем временем в соседнем Иране произошли события, которые серьезно повлияли на обстановку в регионе. Советско-английский ультиматум, предъявленный Тегерану, о высылке фашистской агентуры из страны и отказ Реза-шаха выполнить его требования повлекли оккупацию страны союзными державами. Это произвело шоковое впечатление на афганцев. Поэтому, когда два союзных правительства 20 октября 1941 г. предъявили аналогичные требования Афганистану, Кабул поспешил их выполнить и на заседании Лоя джирги в ноябре того же года, несмотря на противодействие деятелей прогерманской ориентации (министра обороны Шах Махмуда и командующего кабульским гарнизоном Мухаммада Дауда)¹³⁴, подтвердил свой нейтралитет во Второй мировой войне, решение о котором было принято в 1939 г.

Несмотря на высылку из Афганистана агентов стран «оси», многие из них остались, получив дипломатические паспорта. Через несколько лет, в 1942–1943 гг., они вновь активизировались, предпринимая попытки поднять пуштунские племена во главе с Факиром из Ипи на антибританское восстание. Одновременно они предприняли значительные усилия по мобилизации остатков басмаческих отрядов на территории Афганистана в попытках организовать нападения на Среднюю Азию. И на этот раз благодаря сотрудничеству советской и британской разведок их деятельность была пресечена.

Вторая мировая война крайне неблагоприятно отразилась на экономическом положении Афганистана. Хотя страна и не принимала участия в войне, зависимость ее экономики от мирового рынка остро ощущалась именно в эти годы, когда экономические связи с внешним рынком были нарушены. Во

второй половине 1941 г. афганская торговля со странами «оси», а также с рядом государств Европы и Азии совершенно прекратилась. Практически к минимуму свелась торговля между Афганистаном и Советским Союзом. К началу 1942 г. экспортером в Афганистан промышленных товаров оставалась одна лишь Британская Индия, оказавшаяся к тому же единственным потребителем важнейших товаров афганского экспорта, таких как фрукты, шерсть, хлопок. В этих условиях явно обнаружилось отрицательные последствия зависимости афганской экономики от внешнеторгового обмена.

Сокращение ввоза важнейших потребительских товаров в страну вызвало резкое повышение цен: в 1945 г. цены на промышленные товары выросли более чем в семь раз по сравнению с 1939 г. Это повышение было обязано и неэквивалентному обмену афганского сельскохозяйственного сырья на зарубежную промышленную продукцию. Серьезно был подорван и афганский экспорт в связи с нарушением прежних условий сбыта. В связи с войной экспорт каракулевых шкур, составлявший почти половину всего афганского экспорта, переместился из Лондона в Нью-Йорк. В 1940 г. в США была создана Афгано-американская торговая компания, занимавшаяся перевозкой, хранением и реализацией каракуля. Она же поставляла в Афганистан американские промышленные товары, не находившие спроса на местном рынке. За годы войны экспорт каракуля в США возрос в восемь раз. Ввиду его затоваривания цены на каракуль стали падать.

Значительное ухудшение условий экспорта афганских товаров и сокращение импорта негативно сказались на всей общественно-экономической жизни Афганистана. Сокращение импорта уменьшило таможенные поступления, ослабляя финансовую систему. Увеличение выпуска бумажных денег (600 млн афгани в 1946 г. против 180 млн в 1939 г.) привело к инфляции. В первый же год войны цены на товары поднялись в среднем на 20%, а к 1946 г. — в три раза¹³⁵.

Особенно пострадало в годы войны крестьянство — основной производитель сельскохозяйственной продукции. Торговые компании занижали закупочные цены на эту продукцию, стремясь удержать свои доходы на прежнем уровне. Это вело к ослаблению крестьянских хозяйств и сокращению всего производства, причем не только сырья, но и продовольственной продукции. Большой ущерб сельскому хозяйству был нанесен засухой 1943/44 г., особенно в крупнейших сельскохозяйственных районах — Гератской и Мазари-Шарифской провинциях. А морозная зима 1944/45 г. поразила скотоводство.

К концу войны сократилось поголовье скота, уменьшились посевные площади. Стремясь смягчить продовольственный кризис, правительство пыталось ввести карточную систему и регулировать цены на продукты питания и импортные товары первой необходимости. Однако в обстановке товарного голода, инфляции, сокращения продовольственного фонда эти мероприятия оказались неэффективными. Была объявлена борьба со спекуляцией.

И если эти административные меры в какой-то мере затрагивали мелких и средних купцов, то интересы крупных торговых компаний, получивших накануне войны монополию на заготовку сельскохозяйственной продукции и импорт товаров, не были ущемлены. Они по-прежнему вели прибыльную торговлю дефицитными товарами.

И хотя в годы войны основные внешнеторговые операции велись крупными ширкетами, связанными с Афганбанком, в стране появилось немало новых компаний, действовавших самостоятельно. Лишь в 1940 г. были созданы 30 таких компаний. Однако многие из них либо поглощались крупными ширкетами, либо становились дочерними компаниями АНБ. Правительство само поощряло процесс концентрации и централизации торгового капитала. К 1945 г. в стране функционировало свыше 100 ширкетов, общий капитал которых превысил 500 млн афгани (в 1940 г. он составлял 370 млн)¹³⁶.

Трудности с импортом вынуждали правительство развивать отечественное ремесленное производство. В 1941 г. было создано Общество содействия кустарной промышленности, опять же с преобладанием капиталов АНБ и ведущих ширкетов. Общество закупало сельскохозяйственное сырье, распределяло его среди ремесленников, скупало их продукцию и реализовало на местном рынке. Но это не могло решить проблему товарного голода, поскольку эти меры коснулись лишь небольшой части мелких производителей, связанных с АНБ и крупными ширкетами.

Ухудшение экономического положения бедных слоев населения в годы войны порождало социальную напряженность. В ответ власти прибегли к мероприятиям пропагандистского характера. Так, в 1944–1945 гг. была развернута подобная кампания, связанная с перезахоронением из Стамбула в Кабул праха крупнейшего исламского реформатора XIX в. Джама-луддина аль-Афгани. В прессе раздавались призывы крепить «единство всех мусульман». Продолжалась кампания по пуштунизации общественной жизни.

В 1944—1945 гг. обстановка в Афганистане серьезно обострилась в связи с вооруженными антиправительственными выступлениями отдельных пуштунских племен, недовольных налоговой политикой властей, а также попытками правительства разоружить племена, введением всеобщей воинской повинности, в том числе в зоне пуштунских племен.

В апреле 1944 г. началось восстание племени джадран в районе Хоста, возглавленное предводителем племени Замраханом. К 27 апреля восставшие сосредоточились близ Альмары, к югу от Гардеза, центра провинции Пактия. Они отклонили предложение правительства вступить в переговоры и начали военные действия против правительственных войск, усиленных подразделениями Центрального армейского корпуса, прибывшего из Кабула. Власти использовали против восставших также ополчения лояльных племен. В затяжных столкновениях с армией мятежные джадраны потерпели поражение и отошли в район Суркота. В конце мая 1944 г. руководители восстания перешли границу и обосновались в Вазиристане, на территории Северо-Западной пограничной провинции Индии. В июне ханы племени направили правительству послание о своей лояльности.

В начале мая 1945 г. произошли волнения среди племени мангал (провинция Пактия), а в июне того же года поднялись племена Восточной провинции. Их ополчения захватили несколько населенных пунктов, оказав сопротивление правительственным войскам, усиленным подкреплением из Кабула. В начале июля основные силы восставших были разбиты, однако полностью ликвидировать волнения властям не удалось. В августе военные действия возобновились с новой силой, так как к восставшим стали присоединяться отряды племен шинвари и момандов. В стране была объявлена частичная мобилизация. Лишь в ноябре 1945 г. правительство смогло завершить военные действия.

Причина возникновения этих движений крылась не только в попытках центральной власти ограничить привилегии племен по части налогов, набора в армию и свободного перемещения. Важную роль сыграло и ухудшение экономического положения в зоне племен.

В годы войны Афганистан продолжал усилия по укреплению своего внешнеполитического положения. Не порывая дипломатические связи с Германией, Италией и Японией, Кабул в то же время ориентировался на стабилизацию отношений с государствами-участниками антигитлеровской коалиции. Это во многом объяснялось значительной экономи-

ческой зависимостью страны от внешнеторговых связей с Великобританией и Советским Союзом.

В то же время Кабул стремился установить полноценные политические и экономические отношения с США, которые, усилившись в годы войны, стали теснить старые европейские колониальные державы на Востоке. Не обошли своим вниманием американцы и Афганистан. В 1940 г. Вашингтон уполномочил своего генерального консула в Индии одновременно выполнять консульские обязанности в Кабуле. Тогда же американский консул посетил Афганистан. И в июле 1942 г. в Кабуле открылась американская дипломатическая миссия во главе с послом К. Энгертом, который был первым официальным американским представителем, посетившим Афганистан еще в 1922 г.¹³⁷ Впрочем, эта акция, как признает американский дипломат и востоковед Л. Пуллада, была предпринята на случай, если возникнет необходимость использовать Афганистан как транзитный путь поставки грузов по ленд-лизу в СССР¹³⁸.

Установив связи с США, Афганистан продолжал укреплять отношения и с британскими властями Индии. В 1944 г. в Индию выезжала военная делегация, а в 1945 г. — делегация работников печати и просвещения. В ноябре 1944 г. Афганистан официально признал правительство Французской Республики во главе с Шарлем де Голлем, порвав связи с режимом Виши. В начале 1945 г. Франция и Афганистан обменялись посланниками¹³⁹. Развивались и отношения с Советским Союзом, которые Кабул расценил как «дружественные».

Первый опыт либерализации. Оппозиционные движения

С окончанием Второй мировой войны режим Хашим-хана надеялся быстро восстановить внешнеторговые связи, наполнить рынок дефицитными промышленными товарами, отрегулировать условия заготовки и экспорта сельскохозяйственного сырья, улучшив таким образом экономическое положение в стране. Однако слаборазвитый Афганистан не встретил понимания со стороны крупных держав, не стремившихся к сотрудничеству с ним в решении острых экономических проблем. Попытки афганских экономических кругов расширить импорт необходимых стране текстильных товаров из США и Западной Европы дали незначительные результаты. А британские колониальные власти в Индии даже сократили поставки в Афганистан хлопчатобумажных тканей, бензина, керосина, сахара.

Афганистан по-прежнему нуждался в промышленных изделиях, цены на которые неуклонно повышались. Возникли трудности и в обеспечении населения продовольственными товарами. Неурожай 1946 г. повлек за собой хлебный дефицит, превысивший 150 тыс. т¹. В результате впервые в истории страны возникла необходимость в импорте зерна².

Учитывая ухудшающуюся экономическую обстановку, вызванную как просчетами правительства в экономической политике, так и ростом социального недовольства, в частности вооруженными выступлениями племен, кабинет Хашим-хана был вынужден принимать меры по снижению напряженности в стране. Так, в 1945 г. была поднята зарплата военным и гражданским чиновникам, выделены средства на создание снабженческих кооперативов для государственных служащих. Однако эти мероприятия не смогли остановить нараставший кризис власти. В этих условиях все более очевидной становилась необходимость серьезных перемен, смены курса и, соответственно, правительства.

В 1946 г. к власти пришел новый кабинет во главе с другим дядей короля, Шах Махмуд-ханом. При этом передача власти происходила небезболезненно. Формальным поводом для отставки Хашим-хана послужило «плохое состояние здоровья». Смена кабинета оказалась для многих афганцев неожидан-

ной, поскольку за годы правления Хашим-хана его имя прочно ассоциировалось с устойчивым всевластием.

Тем не менее существовал ряд серьезных факторов объективного и субъективного характера, заставивших короля и его окружение пойти на смену премьера. Афганистан готовился в это время вступить в ООН и уже подал заявление в ее секретариат. При этом правительство подверглось некоторому нажиму со стороны этой международной организации, ибо подписание ее Устава предполагало внесение определенных изменений в структуру государственного управления Афганистана и уважение Конвенции по правам человека. Смена премьера отвечала и интересам двора: король, возраст которого перевалил за 30 лет, полагал, что настало время для него играть более значительную роль в политике, что было невозможно в условиях деспотического правления Хашим-хана, да и другие члены королевской семьи были не прочь поучаствовать в управлении страной.

Отказ Хашим-хана добровольно покинуть пост вынудил короля пойти на жесткие меры: дом премьера был окружен солдатами, а ему самому был фактически предъявлен ультиматум. Хашим-хан счел за благо подчиниться, завершив таким образом свою политическую карьеру³.

Со сменой кабинета социальная природа высших структур государственного управления существенно не изменилась. Произошла лишь частичная замена и рокировка отдельных лиц из ближайшего окружения короля. В состав правительства был введен ряд лиц из образованной элиты. Министерства обороны, иностранных дел и внутренних дел остались под полным контролем династии. Новое правительство вскоре приняло ряд мер по снижению экономической напряженности в стране. Было объявлено об уменьшении объема принудительных поставок фуража и продовольствия для нужд армии. Одновременно провозглашался принцип добровольности при проведении закупок зерна в будущем. В 1946 г. была создана Центральная торговая база «Депо» — государственная организация, которая получила монополию на реализацию отечественных и импортных тканей. Однако эти мероприятия не могли радикально улучшить экономическую ситуацию.

Трудности продолжали нарастать. Тогда правительство объявило о создании Чрезвычайного комитета по улучшению благосостояния народа, в состав которого вошли все члены совета министров, начальник генерального штаба армии, генерал-губернатор и начальник жандармерии Кабульской про-

винции. Комитету было поручено содействовать импорту основных потребительских товаров, регулировать их продажу, контролировать цены и бороться со спекуляцией. Решения комитета были обязательными для всех государственных и частных организаций и учреждений.

Был создан Департамент хлебозаготовок. В целях борьбы со спекуляцией в 1946 г. в США было закуплено 10 тыс. т муки и 7 тыс. т пшеницы⁴. Правительство Шах Махмуда выдвинуло идею составления и реализации «плана развития национального хозяйства», рассчитанного на семь лет, из которых два года отводилось на подготовительную работу. О необходимости планирования экономического развития говорилось еще накануне войны. Однако для этого тогда не было условий. Новый план предусматривал первоочередное развитие промышленности в целях ослабления зависимости страны от внешнего рынка. При этом приоритет отдавался развитию легкой промышленности.

По плану большое внимание должно было быть уделено увеличению сельскохозяйственного производства путем освоения новых земель, расширения оросительной системы, использования удобрений. В промышленной сфере намечалось строительство энергетических, текстильных, пищевых и других предприятий для переработки отечественного сырья в целях ослабления зависимости от импорта. Предполагалось привлечь к промышленному строительству крупный торговый капитал. Однако незаинтересованность национального купечества во вложении капитала в промышленное строительство привело к тому, что в первые послевоенные годы его масштабы оставались крайне незначительными, и страна по-прежнему продолжала зависеть от ввоза импортных товаров.

Действительно, в 1947—1950 гг. импорт Афганистана постоянно превышал его экспорт. По заявлению министра экономики, страна зашла так далеко, что стала ввозить из-за границы все, начиная с обуви и кончая седлами, уздечками, от иголок до савана, от гвоздей до кухонной посуды⁵. Дисбаланс во внешней торговле создавал немалые валютные затруднения, тормозил финансирование программ строительства.

Правительственная программа 1946 г. была также связана с расчетами на получение внешней экономической и финансовой помощи, ибо, как отмечалось в одном из программных тезисов кабинета, «в настоящее время мы не можем сами своими силами устранить переживаемые нами трудности»⁶. Ставка в основном делалась на американскую финансовую

помощь, с получением которой связывали планы развития основной отрасли экономики страны — сельского хозяйства. Ее предполагалось использовать в создании ирригационной системы на юге Афганистана, в бассейнах рек Гильменд и Аргандаб, что позволило бы освоить новые поливные земли, а заодно решить проблемы кочевников юга Афганистана.

В 1945 г. США предложили афганцам проект ирригационных и дорожных работ, стоимость которых должна была составить 20 млн долларов, что не превышало сумму, хранившуюся на афганских счетах в банках США. Подрядчиком выступила американская компания «Моррисон-Надсен», подписавшая в марте 1946 г. соглашение с афганским правительством, по которому обязалась в течение трех лет создать комплекс оросительных и дорожных сооружений в бассейне р. Гильменд (в основном в Кандагарской провинции) на сумму 17,4 млн долларов⁷. В течение первых двух лет компании выплатили около 20 млн долларов, однако в результате просчетов проектировщиков она не только не уложилась в намеченный срок, но и превысила предусмотренную смету. В 1947 г. афганское правительство обратилось к США с просьбой о займе в 100 млн долларов. Однако переговоры о займе оказались неудачными. Афганистан был вынужден отказаться от реализации ряда других проектов⁸.

В 1948 г. Кабул был вынужден вновь обратиться к США за финансовой помощью. В 1949 г. в Вашингтон отправился министр национальной экономики А.М. Забули с просьбой предоставить крупный кредит для финансирования разработанного накануне плана экономического развития Афганистана. Госдепартамент направил его в Экспортно-импортный банк США, который, не вникая в суть плана, предложил финансировать строившийся ирригационный проект в Гильменде. Министр пытался убедить американцев в пагубности такого подхода, но тщетно: на получении кредита для продолжения строительства Гильмендского комплекса настаивал премьер-министр Шах Махмуд, стремившийся завязать более тесные экономические отношения с США в политических целях. Он и сам этого не скрывал, подчеркнув в беседе с президентом Г. Трумэн: «Правительство Афганистана предпочитает рассматривать этот кредит важным как с экономической, так и политической точки зрения, значимость которого возрастает в условиях, когда Советский Союз демонстрирует заинтересованность в оказании помощи Афганистану»⁹. Забули был вынужден подать в отставку. Впоследствии подтвердились его предсказания: Гильмендский проект растянулся на долгие

годы и стал постоянным источником напряженности в афганско-американских отношениях.

В конце 1949 г. американский Экспортно-импортный банк объявил о предоставлении Афганистану займа в 21 млн долларов на условиях 3,5% годовых сроком на 15 лет на оплату расходов компании «Моррисон-Надсен», пойдя на продление договора с компанией, которая, в свою очередь, настаивала на многократном увеличении ассигнований. В 1950 г. правительство подписало новое соглашение с компанией о завершении строительных работ и сооружении электростанций на реках Гильменд и Аргандаб к 1953 г. Однако и оно не было выполнено в срок¹⁰. Затянувшееся на долгие годы строительство ирригационных объектов отдаляло на неопределенное будущее практическую реализацию плана освоения новых земель и ставило под сомнение конечный положительный результат самой деятельности компании. Таким образом, ее деятельность в Афганистане, растянувшаяся на неопределенный период, стала по существу важным каналом экономической экспансии США. Стремясь к усилению своих позиций, США в 1951 г. заключили с Афганистаном соглашение о техническом сотрудничестве в рамках «программы Трумэна».

Со сменой кабинета в 1946 г. появились и новые веяния в общественно-политической жизни страны, в основе которых лежали декларации короля и нового премьера о демократии и реформах. В 1947 г. вышел новый Закон о муниципалитетах, члены которых избирались тайным голосованием с использованием бюллетеней. Первым итогом реализации закона стало избрание на пост мэра Кабула инженера Гулам Мухаммада Фархада, который, по мнению ряда афганских историков, был известен своей честностью, независимостью суждений и авторитетом среди городских низов, к тому же разделял многие идеи Амануллы.

Другим важным шагом нового правительства в рамках курса на умеренную либерализацию была отмена кампании по пуштунизации страны в системе образования. Было принято решение вести преподавание на языке пушту в районах компактного проживания пуштунов и на языке дари — в дариязычной части страны. Что же касается районов расселения национальных меньшинств (узбеков, туркмен, белуджей и т.д.), то там продолжалось преподавание также на пушту.

Правительство Шах Махмуда выпустило из тюрем и вернуло из ссылки политических заключенных, осужденных еще в период правления Надир-шаха. Некоторые из них заняли крупные посты в системе государственного управления. Так, один

из лидеров младоафганцев Сеид Касем Лагмани, 13 лет отсидевший за решеткой, в 1950 г. был назначен министром юстиции. Другой известный деятель младоафганского движения Абдул Хади Дави также после 13-летнего пребывания в тюрьме в 1949 г. стал председателем нижней палаты парламента. Политическим эмигрантам было разрешено вернуться на родину. Были объявлены свободные выборы в парламент.

Нерешенность острых экономических проблем неумолимо вела к необходимости глубоких перемен политического характера. Нарастали оппозиционные настроения, отражавшие недовольство политикой правящих кругов. Их выразителями наряду с передовой интеллигенцией и некоторыми аристократами, в прошлом формировавшими прогрессивное общественное мнение в стране, во второй половине 40-х годов стали представители средних городских слоев как непосредственные носители социального недовольства.

Основные требования оппозиционных сил, сформировавшихся в различные общественные движения, включали отмену экономических привилегий крупных монопольных торговых объединений, демократизацию общественно-политической жизни, принятие новой конституции, предоставление более благоприятных возможностей для деятельности средней и мелкой буржуазии.

Распространение идей, отражавших интересы средних слоев, привело в 1947 г. к возникновению политической организации «Пробудившаяся молодежь» («Виш зальмиян»). Это было довольно пестрое по своему составу движение, численность которого не превышала 100 человек. В его рядах были представители мелкой буржуазии, чиновничества, интеллигенции, служителей культа. Во главе стоял мелкий помещик из-под Кандагара Мухаммад Расул Пуштун. Видными участниками движения были мелкий чиновник Нур Мухаммад Тараки, возглавлявший его левое, радикальное крыло, поэт Абдуррауф Бенава, историк Абдулхай Хабиби, поэт Гуль Пача Ульфат. Большинство членов движения были пуштунами.

На первом этапе «вишзальмияновцы» занимались в основном просветительской деятельностью. В конце 40-х годов они включились в активную политическую борьбу, приняв участие в парламентских выборах 1949 г. В результате в составе членов Национального Совета седьмого созыва образовалась группа депутатов, строивших свою деятельность на идеях «Виш зальмиян». Используя свои выступления в парламенте как трибуну борьбы за реализацию идей «Пробудившейся молодежи», они в то же время стремились превратить Нацио-

нальный Совет в действенный орган власти, который мог бы регулировать работу государственного аппарата.

Одним из направлений борьбы оппозиционных кругов являлось требование свободы печати, осуществление которого давало бы возможность для легальной пропаганды оппозиционных идей. В январе 1951 г. правительство приняло новый Закон о печати, который разрешал издание частных газет и журналов. В том же году вслед за опубликованием закона стали выходить частные газеты, называвшие себя «национальными».

Издание частной прессы послужило толчком для начавшейся поляризации политических сил, объединившихся на базе оппозиционных настроений. Незадолго до появления частных газет наряду с «Виш зальмиян» и на ее базе начали складываться другие буржуазно-демократические оппозиционные группировки схожей политической ориентации. Наиболее значительными среди них были «Ватан» («Родина») и «Нида-йе хальк» («Голос народа»). В 1951 г. они стали издавать в Кабуле свои печатные органы под теми же названиями.

Первой к изданию своей газеты приступила группировка «Виш зальмиян» — 1 марта 1951 г. вышел первый номер газеты «Ангар», названной по имени ее издателя Файз Мухаммада Ангара, чиновника Афганнацбанка. «Ангар» именовалась «национальной, литературной, общественной и политической газетой». Газета, говорилось в передовой статье, должна с помощью «просвещенных людей, сочувствующих народу, и пробудившейся молодежи... выяснить причины отсталости народа, просветить его и найти пути к преодолению отсталости»¹¹. Авторами основных статей, содержание которых было отмечено критицизмом, выступали лидеры движения.

На страницах первого номера была опубликована программная статья Н.М. Тараки под заголовком «Желания народа. Чего мы хотим?». В ней содержались основные требования оппозиционных кругов: «хлеба, одежды, работы, равных возможностей для всех людей с точки зрения социальных услуг»¹².

Своей задачей издатели газеты считали искреннее служение «отсталой нации», борьбу против «предателей и угнетателей», которые «наносят ущерб народу, принося его интересы в жертву своей личной выгоде», против расовой дискриминации, за достижение национального единства. Пути достижения этих целей «вишзальмияновцы» видели в «пробуждении и союзе нации, установлении конституционного монархического режима, формировании национального прави-

тельства, ответственного перед парламентом, участия всех классов в социальной жизни»¹³. Социальный прогресс и повышение жизненного уровня народа, считали издатели газеты, могут быть достигнуты лишь при условии его активного участия в общественно-политической и экономической жизни, а также в государственных делах через свои политические партии.

Одной из важнейших задач на этом пути, по мнению одного из авторов А. Махмуди, является формирование «подлинно демократического правительства», которое «передало бы в руки народа свою судьбу». «Первое условие подлинно демократического правления, — говорилось в статье, — это создание национально-демократических партий и на их основе проведение свободных выборов, избрание депутатов, облеченных доверием народа. А раз из этих депутатов формируется правительство, то возобладает правление большинства, значит, жизненные проблемы будут решаться по воле народа, и, таким образом, будет обеспечено его счастье»¹⁴. Реализацию этих задач предполагалось осуществить в рамках конституционной монархии. Ни один из идеологов движения не ставил вопрос о радикальной смене формы правления.

Экономическая часть программы движения «Виш зальмиян» носила большей частью критический характер, в ней отсутствовали четко сформулированные конкретные предложения. Большое внимание уделялось положению социальных низов, выдвигалось требование о запрещении принудительного труда (*бегар*). Предлагались и различного рода идеи об оздоровлении национальной экономики. Автор статьи «Чего мы хотим» Бабрак Гостали, например, призывал сократить импорт предметов роскоши, увеличить средства на развитие местной промышленности, больше заботиться о рабочих, бороться с безработицей, перейти к плановому развитию хозяйства с учетом мнения «людей труда»¹⁵.

Ряд деятелей либерального крыла этого движения, говоря о бедственном положении народа, в то же время уповали на добрую волю монарха. Так, Абдуррауф Бенава в одной из своих статей писал: «Те, кто сидят на ореховом стуле и видят мир через стекло своего автомобиля, не знают, что такое народ. И если им скажут, что народ ходит босиком, они ответят, что так народу удобнее молиться. Но если бы они столкнулись ближе с народом, то узнали бы, что простые люди ходят босиком из-за их тяжелого материального положения. Они даже не знают, что из ста человек нельзя найти ни одно-

го, который был бы доволен своим положением. Единственное средоточие надежд и чаяний народа — любимый демократичный король. Поэтому все патриоты, пробудившаяся молодежь и другие просвещенные люди видят в короле единственного, истинного слугу нации, ее руководителя»¹⁶.

Большое место в газете отводилось роли молодежи в обществе. В статье, озаглавленной «Обращение к афганской молодежи», содержится призыв к пробуждению молодого поколения, его сплочению в борьбе за счастье народа. Немаловажное значение придавалось Союзу студентов, образовавшемуся в 1950 г. и вносившему своей просветительской деятельностью вклад в общее дело.

Таким образом, программа «Виш зальмиян» состояла большей частью из требований политического характера, предусматривающих демократизацию государственно-политических институтов в сочетании с критикой экономического положения народа.

На аналогичных позициях, но с более широким спектром социально-политических и экономических лозунгов, стояла другая группировка, возникшая 6 января 1951 г. и носившая название «Ватан». В социальном отношении она была также неоднородна: ее члены представляли различные слои мелкой буржуазии, чиновников, интеллигенции. Основателем, руководителем и главным идеологом группировки был один из видных деятелей младоафганского движения историк Мир Гулам Мухаммад Губар. В числе ее лидеров были также мелкий чиновник Мир Мухаммад Сиддик Фарханг, президент Исторического общества Афганистана Ахмад Али Кохзад, директор энциклопедического общества «Ариана» Али Асгар Шоа, сын первого премьер-министра независимого Афганистана Абдул Куддуса, преподаватель Кабульского университета Фарук Эттемади, генерал Фатех, поэт Сарвар Джуя, Барат Али Тадж, журналист Али Мухаммад Хоруш, советник премьер-министра Абдулхай Азиз, писатели Али Ахмад Наими и Абдул Халим Атефи¹⁷.

Таким образом, руководящее ядро группировки составляли представители передовой интеллигенции, наследники идей младоафганцев, совмещавшие творческую деятельность с государственной службой. Группировка насчитывала в своих рядах немногим более 100 человек.

Ее устав содержал семь важных принципов:

— защита территориальной целостности и независимости Афганистана;

- борьба за принципы демократии во всех областях жизни страны;
- укрепление национального единства Афганистана;
- стремление к расширению системы образования, общественного здравоохранения и экономики;
- поддержка социальной справедливости, прав человека и общественных интересов;
- устранение коррупции;
- уважение и приверженность делу мира¹⁸.

Программа движения детализировала и конкретизировала основные положения его устава. Движение имело свою организационную структуру — Центральный совет и комитеты публикаций, по связям с общественностью, экономики, культуры, здравоохранения, литературы¹⁹.

В марте 1951 г. лидеры движения стали выпускать свою газету «Ватан». Ее издателем был М.Г.М. Губар, а ответственным редактором — М.М.С. Фарханг. В редакционной статье первого номера были провозглашены цели движения: пропаганда основ демократии во всех областях общественной жизни в условиях конституционно-монархического правления, а также ряд буржуазных свобод типа свободы создания политических организаций, выбора профессии, свободы передвижения, неприкосновенности личности, религиозного и национального равноправия.

Ратуя за ускорение экономического развития, газета выступила против «концентрации капитала в частных руках». Последнее вряд ли можно расценивать как отрицание частной собственности. Скорее это был призыв ограничить экономические привилегии крупных частных компаний. Об этом свидетельствовало выступление М.Г.М. Губара в парламенте: «В стране существует частная монополия, и доходы от нее, полученные путем эксплуатации масс, попали в карман некоторых ростовщиков и монополистов. Значит, надо изъять монополию из частных рук и передать государству. В результате 20-летней хозяйственной деятельности ряда ширкетов-монополистов капиталы сконцентрировались в руках нескольких лиц. Средние слои купцов разоряются»²⁰. Речь, таким образом, шла только о национализации капиталов крупных торговых компаний. Призывая к ограничению экономической власти их представителей, сторонники движения «Ватан» выступали с требованием создания благоприятных условий для предпринимательской деятельности мелкой и средней буржуазии, развития кустарной промышленности.

Значительное внимание издатели газеты уделяли социальным вопросам. В ряде публикаций давался анализ социальной структуры общества, рассматривалось положение различных слоев населения. В частности, большое место отводилось положению крестьянства, составлявшего 90% населения страны. «Афганский крестьянин, — свидетельствовал М.М.С. Фарханг в своей статье “Укрепление крестьянства”, — с точки зрения материальных и духовных условий находится на самом низком уровне. Неграмотный, больной, иногда голодный, всегда босой. Весь в долгах, лишен орудий труда»²¹.

Причину бедственного положения крестьянства автор видел в существовании крупной частной земельной собственности и в ростовщичестве. Наряду с критикой существующего положения в деревне Фарханг выдвигает конкретные предложения по улучшению жизни крестьян, которые сводятся к созданию крестьянских кооперативов, учреждению сельскохозяйственного банка для предоставления им кредитов. Более того, он предлагал пересмотреть саму систему землевладения, ограничив размеры частной земельной собственности. Изменение этой системы признается самой важной реформой государства. Однако реализовать эту идею автор предлагает не на путях политической борьбы за права крестьян, а посредством издания соответствующего закона по доброй воле правительства²².

Важной частью программы «ватановцев», так же как и других аналогичных оппозиционных группировок, являлись требования политического характера, главное из которых — изменение системы правления путем принятия «правильных» законов и их исполнения. «Мы сторонники конституционного правления, — пишет Губар в статье “Ржавчина на теле государства”, — но для сохранения территориальной целостности, независимости, безопасности и прогресса, для предотвращения всякого рода беспорядков и анархии, которые ведут к разрухе и усилению реакции, нужно создать правительство, ответственное перед народом и пользующееся доверием народа»²³. Газета подчеркивала, что идея создания такого правительства находит поддержку у народа, что подтверждалось мнением читателя газеты Яр Мухаммад-хана Пуштуна. «Наш народ, — был убежден читатель, — сторонник конституционной монархии. Он от чистого сердца уважает короля. Но народ хочет только народное правительство, то есть из народа и для народа»²⁴.

Издатели газеты активно выступали за демократизацию политических институтов путем пересмотра и обновления кон-

ституции, утверждения нового закона о печати, обеспечения свободных выборов в парламент, предоставления права на создание политических партий и профсоюзных организаций, изменения системы судопроизводства, разделения трех форм власти — законодательной, исполнительной и судебной.

В отличие от «вишзальмиянцев» сторонники течения «Ватан» затрагивали и вопросы внешней политики. В своей газете они регулярно давали обзоры важнейших событий, не только занимаясь их изложением, но и выступая в поддержку национально-освободительных движений и борьбы против колониализма, в частности актуальных в то время проблем борьбы за национализацию Суэцкого канала и иранской нефти. Авторы статей непосредственно связывали идеи укрепления независимости, мира и безопасности с важнейшими социальными проблемами — социальной справедливостью, обеспечением демократии, развитием просвещения, здравоохранения, борьбой с неграмотностью, деспотизмом, расширением участия народа в управлении государством.

В тот же период действовала еще одна оппозиционная группировка, печатным органом которой была газета «Нида-йе хальк». По своим взглядам она была более радикальна, а по социальному составу больше тяготела к демократическим слоям — интеллигенции, мелкому чиновничеству, ремесленникам, лавочникам — и насчитывала не более 200 человек. Ее основателем, руководителем и идеологом был доктор Абдуррахман Махмуди. Во главе группировки стояли также маулави Халь Мухаммад Хаста из Мазари-Шарифа, мелкий чиновник министерства финансов Мухаммад Наим Шаян, инженер-автомеханик Вали Мухаммад Атаи, братья Махмуди — лейтенант Мухаммад Аман, врач Мухаммад Рахим и чиновник Мухаммад Азим, врач Насрулла Юсуфи, студент Абдул Хамид Мобарез, д-р Абдулла Вахеда, Гулам Ахмад Рахмани²⁵.

Издателем и автором большинства статей был Абдуррахман Махмуди, а главным редактором — его зять В.М. Атаи. Передовица первого номера газеты также была посвящена задачам движения, которое объявило себя «службой и руководителем народа на принципах демократии, борцом за права народа». Апеллируя к интересам народа, газета поставила своей целью показать ему «путь к созданию народного правительства, которое будет сформировано самим народом и для народа»²⁶.

Подобно другим группировкам, возникшим на базе движения «Виш зальмиян», группа «Нида-йе хальк» в основу своей политической программы положила лозунги установления демократии и социальной справедливости, реальной формой

выражения которых является «создание свободного парламента, свободные парламентские выборы, обеспечение равновесия между исполнительной, законодательной и судебной властью», а также ряд гражданских свобод: печати, мысли, неприкосновенность жилища и личности.

Отрицая вооруженную форму борьбы, сторонники «Нида-йе хальк» пути установления демократии видели в издании демократических законов, осознании народом своих прав и их защите. Народ, считал В.М. Атаи, должен осознать и защищать свои права не через революцию, а «через закон, просвещение и демократию». Осуждая деспотизм и тиранию, газета объявила своей обязанностью борьбу «против эксплуатации и врагов народных интересов». Участие народа в управлении страной предполагалось осуществлять через политические партии. Партия большинства в парламенте формирует правительство, пользующееся доверием народа. В парламенте ему противостоит левое меньшинство, которому отводится роль своего рода регулятора правительственной деятельности большинства, в случае, если последнее будет «играть волей народа»²⁷.

Таким образом, речь шла о борьбе за создание буржуазно-демократической формы правления, что на том этапе исторического развития страны явилось бы шагом вперед в процессе эволюции общественного строя Афганистана. Впрочем, как показали последующие события, монархия как форма власти еще не изжила себя, ей предстояло обрести конституционную основу, в условиях которой и должны были появиться предпосылки для буржуазно-демократической трансформации страны. Группировка «Нида-йе хальк» нашла место и королю в предлагаемой формуле власти: монарх неприкосновенен, не несет никакой ответственности, подчиняется только закону. Для того чтобы король был «беспристрастным и не тяготел ни к какому классу или партии», пишет газета «Нида-йе хальк», надо запретить членам королевской семьи занимать посты в правительстве²⁸. Это было очень важное требование, направленное на ограничение прерогатив правящей династии, которое впоследствии, в 1964 г., было внесено в новую конституцию.

Важное место в программе «Нида-йе хальк» занимали положения социального характера. Публикации газеты по социальным проблемам отличались остротой. Газета выступила с резкой критикой существующего положения, обнажая социальные пороки общества. Архаичная система управления, производ чиновников, нищенское положение простого

народа, коррупция бюрократического аппарата, принудительный труд, экономический застой, поголовная неграмотность населения — вот основные объекты критики «Нида-йе хальк». Так в статье «Права народа!!!» доктор А. Махмуди писал: «Если мы скажем народу, что он имеет право без всякого страха и вмешательства властей избрать своих представителей в парламент, создать парламент и правительство, ответственные перед народом, т.е. сделать так, чтобы государственные дела и парламентские дебаты стали достоянием гласности, естественно, народ начнет борьбу за свои права. А поскольку она рассматривается у нас как нарушение безопасности и угроза национальному единству... то я прошу прощения у читателей, что больше ничего не скажу по этому поводу»²⁹. В условиях жесткой цензуры печати газета подавала эти материалы в рамках различных жанров публицистики. Это были и редакционные статьи, и комментарии к различным фактам, и письма читателей, и даже информация некоего мифического агентства «Дельхак» («Правда сердца»). Это давало возможность издателям, обходя цензурные рогатки, высказывать свои взгляды.

Так же как и другие оппозиционные группировки, «Нида-йе хальк» выступила против монополии крупных предпринимателей на экономическую власть. Приводя в качестве примера страны, где были национализированы ключевые отрасли экономики, газета призывала покончить с привилегиями «нескольких миллионеров», которые являются хозяевами каракуля, бензина и сахара. Одной из причин обнищания народа издатели газеты считали тот факт, что «деньги и земля концентрируются в руках ограниченного числа людей, то есть становятся их частной монополией»³⁰.

Не обошла газета вниманием и вопросы внешней политики. В условиях обострения афгано-пакистанских отношений, использовавшегося западными странами как средство нажима на Афганистан, газета выступила с призывом вести борьбу не только за укрепление политической, но и «за обеспечение экономической и социальной независимости». Была подвергнута критике политика правящих кругов Пакистана, названных «слугами деспотизма и колониализма», которые, пользуясь «интригами и обманом, вносят разногласия и раскол в лагерь борцов за прогресс и национальное единство».

Таким образом, выдвигая требования, во многом схожие с программами других группировок, «Нида-йе хальк» обнаружила в то же время заметный радикализм, острее ставила наиболее насущные вопросы социально-экономического раз-

вития страны. Обращает на себя внимание тот факт, что, несмотря на свой радикализм, газета «Нида-йе хальк», не говоря уже о других печатных органах оппозиционного толка, избегала персонифицированной критики и даже упоминания конкретных ведомств и учреждений в своих критических материалах. Нет сомнения в том, что оппозиция, не имевшая конституционной гарантии свободы слова, опасалась прямых репрессий со стороны властей, что и показали последующие события.

Одной из форм политической борьбы буржуазных демократов на рубеже 40–50-х годов явилась их парламентская деятельность. Как уже упоминалось, в 1949 г. прошли относительно свободные выборы в парламент седьмого созыва, и в нижней палате образовалась группа оппозиционно настроенных депутатов. Группировку «Виш зальмиян» представляли Г.П. Ульфат и Нур Мухаммад Панджвай, «Ватан» — М.Г.М. Губар, Сеид Мухаммад Дехкан, Сахи Амин Души и Мухаммад Тахер Газнави³¹ и «Нида-йе хальк» — А. Махмуди, Х.М. Хаста и Нур Алам Мазлумьяр³², формально объединившиеся в «Национальный фронт». Общая численность оппозиционных депутатов составляла 50 человек. Несмотря на принадлежность к различным политическим течениям, они выступили с одинаковых или близких позиций по основным вопросам. Центральным пунктом их выступлений в парламенте явились обвинения в адрес правительства в нарушении конституционных положений. Наиболее острые дискуссии развернулись вокруг вопроса о принудительной покупке зерна у населения по ценам, ниже рыночных. Несмотря на мнение большинства депутатов, подвергнувших критике соответствующее предложение правительства, власть не оставила попыток взыскивать с крестьян зерно по низким ценам.

Другое нарушение конституции состояло в широко практиковавшемся использовании принудительного труда — *бега-ра*, в основном на строительных и дорожных работах. Правительство и в этом подверглось жесткой критике. Значительная часть выступлений была посвящена деятельности американских компаний в Афганистане. Депутат А. Махмуди, выразив общую точку зрения оппозиции по этому вопросу, заявил: «Заключение соглашения с компанией “Моррисон-Надсен” нанесло большой ущерб народу и экономике страны»³³. В этой связи депутаты Национального Совета выдвинули обвинение против министров общественных работ Мухаммада Кабира Лодина, экономики Абдул Маджида Забули и финансов Мир Хайдара Хосейни и потребовали предания их суду³⁴.

Деятельность депутатов оппозиции не принесла существенных изменений в систему государственного управления и экономическую структуру. В то же время их основные требования во многом определили главные направления политической борьбы различных общественных сил на последующем этапе. Одним из итогов парламентской деятельности оппозиции явилось более четкое определение задач депутатов, защищавших интересы народа. Они были сформулированы и опубликованы руководством движения «Нида-йе хальк» в отчете о деятельности движения и включали следующие пункты: подлинная реализация принципов демократии; исправления и дополнения к конституции; разработка нового, демократического избирательного закона; разделение трех форм власти; свобода создания политических партий и общественных организаций; ликвидация препятствий на пути развития свободной прессы; отмена бегара; отмена частных и банковских монополий; создание сельскохозяйственного банка и крестьянских кооперативов; развитие промышленности; укрепление национального единства путем отмены незаконных привилегий, распространения принципов равенства и братства³⁵.

В 1951 г. начала выходить еще одна газета национально-буржуазного характера — «Вулус» («Народ»), издателем которой стал один из лидеров движения «Виш зальмиян» Г.П. Ульфат. Она была лишена оппозиционного характера, и многие ее материалы были проникнуты плохо скрываемым идейным конформизмом. Основное содержание ее материалов, тем не менее, сводилось к критике грабительской деятельности правящих кругов и анализу бедственного положения народа. Газета не выдвигала конкретных предложений по изменению существующей ситуации, а лишь зывала к благоразумию сильных мира сего, побуждая их откликнуться на страдания народа. В газете выражались верноподданнические чувства ее издателей по отношению к королю, который трактовался как защитник национальных интересов. Издание газеты явилось симптомом быстрой идейно-политической эволюции деятелей умеренного, либерального крыла движения «Виш зальмиян», которая в скором времени привела их к полному отходу от оппозиционной деятельности и интегрированию в государственную структуру власти.

Летом 1951 г., несмотря на отсутствие соответствующего законодательства, руководители течения «Нида-йе хальк» предприняли усилия по организационному оформлению своих сторонников и созданию политической партии. В последнем номере своей газеты они опубликовали программу создаваемой

ими партии «Хальк» («Народ»). Положив в основу программы общие принципы демократии, партия объявила своей задачей борьбу за «создание народного правительства, избранного народом и действующего в интересах народа». Важным средством для реализации демократии сторонники «Хальк» считали достижение социальной справедливости на основе ликвидации гнета и эксплуатации³⁶.

Кроме участников группировки «Нида-йе хальк», в партию вошли небольшие группы студентов медицинского и юридического факультетов Кабульского университета. Лидер партии А. Махмуди регулярно проводил нелегальные собрания, чаще всего среди студентов, где, по некоторым данным, молодежь впервые получила сведения об основах марксизма-ленинизма. Партия просуществовала недолго — в апреле 1952 г. она была запрещена.

В конце 40-х годов в сферу политической активности включилось столичное студенчество. В апреле 1950 г., как уже упоминалось выше, возник Союз студентов Кабульского университета, который поставил своей целью политическое пробуждение интеллигенции и учащейся молодежи. Среди его активистов были студент юридического факультета, один из будущих лидеров афганских коммунистов Бабрак Кармаль, член руководства группировки «Ватан» Мир Али Ахмад Шамель, личный секретарь генерала М. Дауда Мухаммад Хасан Шарк, сын министра внутренних дел Мухаммад Исхак Осман³⁷.

Члены Союза использовали театральные подмостки, а также различные конференции для пропаганды своих взглядов. Их основные требования включали проведение реформ в области социально-экономической и культурной жизни, в сфере государственного управления, осуществление свободы слова и печати. Студенческое движение испытывало ощутимое влияние оппозиционных группировок. Союз студентов был запрещен властями в ноябре 1950 г.

Некоторая часть интеллигенции в этот период оказалась вовлеченной в политическую деятельность в рамках организации, созданной представителем правящих кругов, двоюродным братом короля, бывшим недолгое время министром обороны (1948 г.) генералом Мухаммадом Даудом. В 1950 г. он основал так называемый «Национальный клуб», на базе которого формировалась Национально-демократическая партия. В состав руководства партии вошли ближайшие соратники М. Дауда из среды столичной аристократии и бюрократического чиновничества — бывший министр экономики Абдул Маджид Забули, министр просвещения Файз Мухаммад Зек-

рия, вице-премьер Али Мухаммад Бадахшани. Большинство членов партии были представителями правящего клана *мухаммадзай*, генералитета, крупными купцами, земельными собственниками. На словах общество выступало с радикальных националистических позиций в поддержку движения зарубежных пуштунов, национального единства афганцев, преданности идеям конституции и конституционной монархии³⁸, а фактически его цели сводились к ослаблению влияния премьер-министра Шах Махмуда с тем, чтобы расчистить дорогу к власти самому М. Дауду. Деятельность клуба финансировалась Абдул Маджидом Забули, который к тому же пытался играть роль посредника в отношениях между властью и демократической оппозицией. Офис партии находился в здании, принадлежавшем бывшему министру внутренних дел Гулам Фаруку Осману. Секретарем партии был д-р Абдул Каюм Лагмани, в будущем министр и вице-премьер³⁹.

Стремясь привлечь на свою сторону влиятельные круги столичной интеллигенции, М. Дауд пригласил лидеров оппозиции вступать в члены клуба. Однако, не получив внятных объяснений о его целях и задачах, они отказались. Тем не менее руководителям клуба удалось внедрить своих людей в некоторые общественные и политические организации. Кроме того, Дауд сумел привлечь на свою сторону некоторых молодежных лидеров, в частности Хасана Шарка, который благодаря связям с генералом займет в будущем крупные посты в государственных структурах, Исхака Османа и, по некоторым данным, Бабрака Кармаля. В целом клуб не сыграл сколь-нибудь значительной роли в тот период.

В эти же годы в Кабуле действовала еще одна организация — «Иттихад», находившаяся в подполье, которую возглавлял бывший начальник Управления безопасности Кабула Хаджа Мухаммад Наим. Он оказался под сильным влиянием известного на севере Афганистана религиозного проповедника, депутата парламента Сеида Исмаила Балхи, который активно содействовал созданию организации. Ее ядро составляли армейские офицеры, мелкие чиновники, представители национальных и религиозных меньшинств. В планах лидеров этой группы значились ликвидация монархического режима и создание республики в Афганистане. Они готовились в дни праздника Науруз, 21–23 марта 1950 г. — убить премьер-министра Шах Махмуда и его охрану, захватить центральную тюрьму Де Мазанг и с помощью освобожденных заключенных двинуться маршем к королевскому дворцу. Они надеялись, что монархия падет в результате всеобщего восстания.

Дальнейшую судьбу страны они предполагали решить после провозглашения республики. Однако в начале запланированной акции, 21 марта 1950 г., вследствие предательства одного из членов организации — Гуль Джана Вардаки — она была раскрыта властями. 11 членов руководства организации были арестованы и брошены в тюрьмы. Они пробыли в застенках до 1964 г.⁴⁰

Таковы были немногочисленные политические организации конца 40-х — начала 50-х годов в Афганистане. При определенном различии политических целей и задач оппозиционных группировок их объединяло негативное отношение к существовавшей форме власти: одни из них довольно твердо требовали перестройки всей государственно-политической системы, другие ограничивались требованиями смены лидеров государства. Их практическая деятельность не представляла непосредственной угрозы для социально-политических устоев государства, но и не могла оставить индифферентной правящую верхушку к факту появления и идеологического оформления оппозиционных настроений.

Деятельность оппозиционных группировок достигла наибольшей остроты в 1952 г. На выборах в парламент восьмого созыва, состоявшихся в апреле того же года, в результате вмешательства властей в избирательную кампанию ни один из кандидатов оппозиции не получил депутатского мандата. Тогда лидеры оппозиционных группировок организовали в Кабуле массовую демонстрацию протеста против фальсификации результатов выборов. К участникам демонстрации присоединилось столичное студенчество, в том числе Бабрак Кармаль. Подойдя к королевскому дворцу, демонстранты передали властям петицию, требуя проведения новых выборов. Охрана дворца от имени короля обещала дать им ответ на следующий день. Демонстранты разошлись с тем, чтобы собраться наутро во дворе лицея «Истиклаль» в ожидании ответа короля. Вслед за этим по радио было объявлено, что такого рода собрания незаконны и их участники будут наказаны⁴¹.

На следующий день были объявлены итоги выборов депутатов от кабульского избирательного округа. Всего участие в голосовании приняло 7380 избирателей, в то время как на предыдущих выборах голосовали 50 тыс. человек: на сей раз жители столицы в большинстве своем бойкотировали выборы. Выдвинутые правящей верхушкой два кандидата получили 4798 голосов, в то время как на предыдущих выборах депутаты от оппозиции М.Г.М. Губар и А. Махмуди набрали 28 тыс. голосов⁴².

Вслед за этим власти развернули широкое наступление на оппозиционное движение. Были запрещены частные газеты «Ангар», «Ватан» и «Нида-йе хальк», оппозиционные группировки разгромлены, а их руководители арестованы и посажены в тюрьмы. Впрочем, как и в период правления Надир-шаха, лидеров оппозиции ждала неодинаковая судьба. Так, один из лидеров левого крыла «Виш зальмиян» Н.М. Тараки был отправлен в США на должность пресс-атташе афганского посольства. А. Хабиби незадолго до событий покинул Афганистан и в Пакистане стал издавать журнал «Свободный Афганистан», выступая с критикой королевского режима. На родине его объявили предателем и лишили афганского подданства. А. Бенава был выслан в Индию. М.Г.М. Губар был осужден на четыре года тюремного заключения, такому же наказанию подверглись М.Н. Шаян, Б. Кармаль, генерал Фатех, Аман Махмуди. Поэт Сарвар Джуя, проведенный более 10 лет в застенках после убийства Надир-шаха, вновь был брошен за решетку на долгий срок, где и умер, не дождавшись освобождения. Наибольший срок тюремного заключения — 9,5 лет получил доктор А. Махмуди. В 1962 г., выйдя из тюрьмы, он умер от туберкулеза.

Многие деятели оппозиции после выхода из тюрьмы отошли от политической деятельности, в том числе основатель «Виш зальмиян» М.Р. Пуштун и издатель газеты «Ангар» Ф.М. Ангар, Ф. Эттемади, генерал Фатех и другие. Некоторые из оппозиционеров вообще не подверглись наказанию, сменив род деятельности. Так, поэт Г.П. Ульфат в 1955 г. участвовал в работе Лоя джирги, созданной для решения острых внешнеполитических вопросов, в 1958 г. возглавил Афганосоветское общество дружбы, в 1963 г. перешел на государственную службу, став президентом Департамента племен, и в 1965 г. вновь попробовал свои силы на политическом поприще, получив депутатское кресло в парламенте. Утратил всякий интерес к политике А. Хабиби, вернувшийся в начале 60-х годов на родину. Он возглавил комиссию по внедрению языка пушту и преподавал в Кабульском университете. Крупную карьеру сделал М.М.С. Фарханг. Выйдя в 1956 г. из тюрьмы, он стал советником министерства горных дел и промышленности, в 1963 г. — заместителем министра планирования, в 1965 г. был избран в парламент, в начале 70-х годов назначен послом в Югославию. Лидер умеренного крыла оппозиции А. Бенава, блестящий представитель афганской интеллигенции, в 1967 г. получил пост министра информации и культуры⁴³.

Несмотря на непродолжительность деятельности оппозиционных группировок, они сумели оказать серьезное воздействие на общественное развитие страны. Растущие требования различных прослоек средней и мелкой буржуазии и средних городских слоев, нашедшие отражение в программах ряда оппозиционных течений, свидетельствовали о несостоятельности курса правящего режима, ориентировавшегося лишь на интересы крупных землевладельцев и верхушки торгового капитала.

40-е — начало 50-х годов стали началом качественно нового этапа в истории Афганистана — более интенсивного вовлечения страны в мировое сообщество, когда внешнеполитические и внешнеэкономические факторы в большей степени, нежели внутренние, стали определять общий вектор и характер его общественного развития. В отличие от предвоенного периода, когда преобладающее влияние иностранных держав (Великобритании, Советского Союза, Германии) в стране свелось к минимуму или практически сошло на нет, в рамках сформировавшихся к концу 40-х годов противостоящих друг другу двух мировых систем Афганистан в поисках своей ниши в новом мировом сообществе вернулся к традиционной стратегии балансирования между двумя великими державами — СССР и заменившими Великобританию США, в целом не поступаясь принципами нейтралитета.

При этом геополитический расклад сил в регионе оказался неблагоприятным для Афганистана. И если со стороны северного соседа (СССР) он мог рассчитывать на потенциально благожелательное отношение, с запада (Иран) встречал традиционно прохладный прием (хотя афганское правительство поддерживало борьбу правительства Мосаддыка за национализацию нефти), то на юге и юго-востоке он получил в 1947 г. враждебно настроенного соседа (Пакистан), в ближайшем будущем близкого военно-политического союзника США.

Внешняя политика Афганистана после Второй мировой войны определялась радикальным изменением международной обстановки, происходившим под прямым воздействием итогов Второй мировой войны. Крушение британской колониальной империи и образование в 1947 г. двух независимых государств в регионе — Индии и Пакистана — непосредственно затронули национальные интересы Афганистана.

Ликвидация британского колониального господства и раздел Британской Индии на два доминиона были одобрительно восприняты в Афганистане, и в 1947 г. Кабул установил дипломатические отношения с Карачи. Уже в тот период Аф-

ганистан предложил Лондону решить проблему самоопределения пуштунов, населявших северо-западные районы бывшей британской колонии. При этом официальные афганские круги заявили об отсутствии территориальных притязаний на эти территории. Однако проведенный в этих районах ограниченный референдум, участники которого могли высказаться лишь за вхождение в Индию или Пакистан, не дал возможности пуштунам самоопределиваться. Кабул не признал итоги референдума. Ответственность за судьбы восточных пуштунов, безусловно, лежала на британских колониальных властях, которые должны были решить эту проблему при разделе Индии⁴⁴. Теперь ее унаследовал Пакистан.

После провозглашения независимых государств, Индии и Пакистана, афганцы пытались решить проблему зарубежных пуштунов путем переговоров с пакистанскими властями. Однако правящие круги Пакистана, поддерживавшиеся Великобританией, игнорировали требования Кабула, тем самым способствуя возникновению острых противоречий между двумя странами, принявших в дальнейшем хронический характер.

В сентябре того же 1947 г. Афганистан проголосовал против вступления Пакистана в ООН. В отношениях между двумя государствами возникла напряженность. И хотя Кабул вскоре изменил свою позицию и согласился с членством своего соседа в международной организации, надеясь на добрую волю пакистанских властей в решении проблемы зарубежных пуштунов (в 1948 г. они обменялись послами), отношения между двумя странами продолжали ухудшаться, особенно после ареста в 1948 г. лидера пуштунского национального движения Абдул Гаффар-хана, его брата Хана Сахиба и других. В этих условиях Афганистан стал поддерживать движение зарубежных пуштунов за самоопределение и создание независимого пуштунского государства. И уже в 1947 г. вдоль «линии Дюранда» начались вооруженные столкновения, угрожая перерасти в открытый межгосударственный конфликт.

В июле 1949 г. в Кабуле на своей первой сессии парламент рассмотрел вопросы отношений Афганистана с Пакистаном и, одобрив политику всемерной поддержки зарубежных пуштунов, аннулировал прежние афгано-британские соглашения, заключенные до образования государства Пакистан в 1947 г. При этом он заявил о непризнании «линии Дюранда» в качестве афгано-пакистанской государственной границы⁴⁵.

В августе 1949 г. в городе Тирах на территории Пакистана состоялось собрание представителей восточных пуштунских племен, на котором было провозглашено образование Пуш-

тунистана. Была избрана Национальная Ассамблея Пуштунистана, утвержден национальный флаг⁴⁶. Тогда же афганское правительство приняло решение ежегодно 31 августа отмечать День Пуштунистана⁴⁷.

В 1950 г. в роли посредника в афгано-пакистанском противостоянии выступили США, прислав в Кабул своего представителя. Впрочем, стратегические цели Вашингтона и Лондона шли дальше пуштунской проблемы: уговаривая Кабул отказаться от требований к Пакистану, они уже тогда пытались вовлечь Афганистан в планируемый ими военный блок, который включал бы территории «от Босфора до Кашмира» — Турцию, Иран, Афганистан и Пакистан⁴⁸. Однако Кабул не выразил готовности присоединиться к стратегическим планам Запада в регионе.

Поощряемые Западом, пакистанские власти усилили репрессии против участников национального движения пуштунов, прибегая к арестам их лидеров и бомбардировкам населенных пунктов в «полосе независимых племен» и даже на афганской территории, в провинции Пактия⁴⁹. Пакистан осложнил условия транзита афганских товаров через свою территорию, резко ограничил поставку бензина в Афганистан, что привело к сокращению объема внешнеторговых операций. В 1950 г. Пакистан даже выступил с военными угрозами в адрес Афганистана. Попытки Кабула использовать США для разрешения афгано-пакистанского конфликта не дали результатов.

В этот напряженный период Афганистан получил некоторую поддержку со стороны Советского Союза. Еще в 1946 г. было подписано советско-афганское соглашение о демаркации границы⁵⁰, а в 1950 г. заключено межправительственное соглашение о товарообороте и платежах, предусматривавшее среди прочего предоставление Афганистану транзита для его товаров через советскую территорию⁵¹. Это вынудило Пакистан снять ограничения на поставки Кабулу бензина и вновь открыть для него транзит, что позволило до некоторой степени ослабить напряженность в отношениях между двумя странами.

Одновременно Афганистан продолжал сближение с США, стремясь получить экономическую помощь, а также поддержку в вопросе о Пуштунистане и с помощью американцев модернизировать армию. Премьер-министр Шах Махмуд возлагал большие надежды на США, которые, по его мнению, гарантировали безопасность страны⁵². Как уже упоминалось, первым шагом на пути экономической экспансии США в

Афганистан стал Гильмендский проект, который вызвал глубокое разочарование афганцев. Помощь в рамках Программы Трумэна тоже не была эффективной. Попытки же получить военную помощь встретили негативную реакцию Вашингтона, симпатизировавшего Пакистану, несмотря на рекомендации американского посольства в Кабуле, полагавшего возможным оказание такой помощи в целях «устранения советского влияния, укрепления американо-афганской дружбы, сохранения внутренней безопасности, содействия преодолению разногласий с Пакистаном»⁵³.

В апреле 1951 г. афганский премьер посетил США и попросил военную помощь. Президент Г. Трумэн с подачи Госдепартамента заявил, что США не могут обеспечить военное содействие Кабулу и, касаясь вопросов безопасности Афганистана, рекомендовал Шах Махмуду положиться на систему коллективной безопасности, которая якобы обеспечена Уставом ООН⁵⁴. Однако афганцы не оставили попыток получения американской военной помощи. В августе 1951 г. Кабул вновь обратился к Вашингтону и представил список требуемого вооружения. В ответ Афганистану было предложено заплатить наличными 25 млн долларов, самим обеспечить транзит оружия через Пакистан и предать гласности соответствующее соглашение. Условия оказались неприемлемыми для Афганистана⁵⁵.

Начало 50-х годов было периодом, когда афро-азиатские государства, вдохновляемые такими лидерами, как египетский президент Гамаль Абдель Насер и индийский премьер-министр Джавахарлал Неру, начали формировать коалицию стран «третьего мира», декларируя свое стремление не присоединяться ни к Западу, ни к Востоку. Новая концепция неприсоединения оказалась весьма привлекательной и для молодого поколения афганской элиты, которая считала такой путь отвечающим национальным интересам Афганистана. Его представители осознавали, что правительство все более демонстрирует тенденцию излишнего политико-экономического сближения с Западом, неохотно идущим на сотрудничество с Афганистаном. В этой ситуации, полагали они, назрела необходимость пересмотра старых ориентиров внешней политики, пересмотра, не угрожающего, разумеется, отношениям Афганистана с США и другими странами Запада. Такого рода изменения требовали, соответственно, и смены политического руководства. Конечно, это был рискованный путь, который мог привести к серьезной деформации сложившейся концепции внешней политики, но дальнейшего

пребывания во внешнеполитической изоляции Афганистан больше не мог себе позволить.

Наряду с появлением внешнеполитических проблем продолжало ухудшаться экономическое положение страны. Наиболее ярко это проявилось в сфере сельскохозяйственного производства. Господство докапиталистических форм социальных отношений в деревне тормозило развитие производительных сил. Процесс увеличивавшейся товарности хозяйства в этих условиях вел к дальнейшей социальной дифференциации крестьянства. Все более широкий размах получали ростовщические операции, приводившие к экспроприации крестьянских хозяйств. Миграция обезземеленного крестьянства в города стала постоянным явлением. В то же время отсутствие развитой промышленности затрудняло решение вопроса о трудоустройстве мигрантов, которые пополняли армию безработных. Попытки правительства снять остроту аграрной проблемы путем переселения земледельцев и полукочевников с юга в северные районы, обладавшие большим фондом пригодной для земледелия земли, не дали должного экономического и социального эффекта, а лишь привели к серьезным политическим и национальным трениям. Не оправдались также надежды правительства на хозяйственное освоение крупных земельных массивов бассейна рек Гильменд и Аргандаб.

В условиях обострившихся экономических неурядиц и общей внутрисполитической нестабильности правительство Шах Махмуда в сентябре 1953 г. подало в отставку.

Афганистан на пути планового развития

Пост премьер-министра был занят, как и ожидалось, генералом Мухаммадом Даудом. Ему в то время исполнилось 43 года. Он был двоюродным братом короля, до этого занимал посты министра обороны, министра внутренних дел, посла в Париже, губернатора ряда провинций. Последняя его должность — командующий Центральным армейским корпусом. Он был хорошо известен народу, являлся последовательным пуштунским националистом.

На новом этапе характер политической власти не изменился, но в состав органов государственного управления были включены деятели, учитывавшие настроения политически активных кругов общества, изменившуюся международную ситуацию и готовые к осуществлению определенных преобразований в интересах правящих кругов. В целом программа правительства М. Дауда была рассчитана на содействие развитию капиталистических отношений при расширяющемся участии государства в экономической деятельности. Политика «руководимой экономики», провозглашенная премьер-министром, создавала возможности для расширения социальной базы режима.

Одним из первых мероприятий нового правительства явилось изменение системы кредитования, осуществлявшееся с помощью вновь созданных в 1954 г. банков. Возможности для получения кредитов были предоставлены средним и мелким предпринимателям. Появление Сельскохозяйственного банка, выдававшего ссуды по более низкому проценту, нежели ростовщики, способствовало оживлению сельскохозяйственного производства и несколько ограничило сферу деятельности ростовщичества, хотя и не могло составить серьезную конкуренцию последнему в силу ограниченных финансов банка. Были увеличены также закупочные цены на каракуль, шерсть и технические культуры, расширены ссуды производителям этих культур, созданы кредитные кооперативы в сельской местности. Хотя эти мероприятия затронули только верхушку крестьянства, они тем не менее несколько стимулировали сельскохозяйственное производство. Создание банков со смешанным капиталом, участвующих в деятельности крупных

торгово-промышленных ширкетов, усилило участие государства в развитии экономики.

Начиная с 1954 г. правительство стало шире привлекать иностранный капитал в целях содействия экономическому развитию. Активизировались иностранные, в первую очередь американские, западногерманские, японские и другие компании, находившие возможности прямого вложения капитала. В 1954 г. создается авиакомпания «Ариана» с участием американского капитала («Панамерикэн»). В том же году на афганском рынке появилась западногерманская фирма «Сименс», наводнившая страну своей продукцией и открывшая предприятие по ее ремонту. При участии западногерманских и японских капиталов была построена типография «Франклин» министерства просвещения. В Кундузе была пущена в эксплуатацию фабрика по производству керамических изделий с участием японского капитала. Однако создание смешанных компаний с иностранным финансовым участием, согласно вышедшему в 1954 г. Закону об иностранных капиталовложениях, обуславливалось предоставлением контрольного пакета акций афганской стороне.

Для увеличения поступлений из внутренних источников были разработаны новые законы о подоходном налоге с частных предпринимателей и торгово-промышленных компаний, приняты меры по улучшению системы бухгалтерского учета, в частности в 1953 г. открылись школа по подготовке бухгалтеров и курсы счетных работников.

В 1954 г. началась подготовка к составлению планов экономического развития страны. В структуре министерства финансов с этой целью был создан консультативный совет, в его состав вошли экономические, торговые, финансовые и технические эксперты во главе с министром финансов и советником правительства генералом Абдулрахимзаем. После длительного рассмотрения экономического положения страны и соответствующих консультаций в министерстве финансов были сформированы различные комитеты: по вопросам финансов, торговли, горнодобывающей промышленности, сельского хозяйства, транспорта и коммуникаций. На них возлагались обязанности подготовить конкретные предложения для включения в общий план экономического развития. Кроме того, в том же министерстве был создан Департамент экономики, в обязанность которого входило составление бюджета и контроль за его расходованием.

В целях стимулирования внешней торговли был создан Пуштунский коммерческий банк с первоначальным капита-

лом 120 млн афгани, а так называемая Строительная касса, которая ссужала деньги чиновникам, испытывавшим затруднения с жильем, была преобразована в Строительный и ипотечный банк с основным капиталом 60 млн афгани, осуществлявший финансирование гражданского строительства.

В годы правления М. Дауда резко возросло число торговых и транспортных компаний: к началу 60-х годов в стране насчитывалось уже 185 частных и смешанных фирм; кроме того, в сфере внутренней и внешней торговли было занято 1900 крупных и средних купцов.

В начале 50-х годов Афганистан продолжал испытывать серьезные экономические затруднения, что вынудило его вновь обращаться за помощью к США. В 1953 г. Кабул просил у США кредит в 36 млн долларов на ряд проектов экономического развития, в том числе на асфальтирование улиц столицы. Из Вашингтона было получено в 1954 г. лишь 18,5 млн долларов, причем исключительно на финансирование затянувшегося Гильмендского проекта¹. Между тем накануне, пока в Вашингтоне рассматривалась просьба афганцев, американский вице-президент Р. Никсон совершал поездку по странам Азии. В декабре он прибыл на два дня в Кабул. На встречах с афганскими руководителями Р. Никсон, обещая предоставить помощь, настаивал на том, чтобы Афганистан снял свои требования относительно Пуштунистана, которые, по его мнению, не имели оснований и лишь вызывали нежелательную напряженность между соседними странами. Афганцы были немало разочарованы тем, что американцы не могут осознать важность проблемы, составляющей один из основных факторов их внешней политики. Так, первый контакт правительства М. Дауда с американской администрацией завершился глубоким разочарованием, что еще больше охладило двусторонние отношения.

Очередная попытка Кабула обратиться к США за экономической и военной помощью, предпринятая братом М. Дауда, министром иностранных дел Мухаммадом Наимом, в 1954 г. в условиях нового обострения афгано-пакистанских отношений, вновь натолкнулась на вежливый отказ. Американцы обещали военную помощь лишь при условии, если Кабул согласится вступить в создававшийся в то время Багдадский пакт². И тогда М. Дауд решил обратиться к Советскому Союзу за помощью, в том числе военной. Москва живо откликнулась на инициативу Кабула, и уже в том же 1954 г. было подписано советско-афганское соглашение о строительстве в Кабуле при советском техническом содействии хлебо-

комбината и асфальтобетонного завода. Расширение связей с СССР и другими социалистическими странами имело тем большее значение для Афганистана, что складывавшаяся к середине 50-х годов обстановка на Среднем Востоке наносила существенный ущерб интересам страны: в 1954 г. между США и Пакистаном был подписан договор об оказании американской военной помощи Пакистану. Это обстоятельство встревожило общественность и правящие круги Афганистана, расценившие его как угрозу миру и безопасности в регионе. После заключения в том же году американо-турецкого пакта под эгидой США усилился нажим на Афганистан с целью привлечь его к участию в этом пакте, заставить отказаться от нейтралистского курса. Однако Афганистан недвусмысленно заявил о своем отказе от вступления в военно-политические группировки.

Активизация военно-политических усилий США, к которым присоединилась Великобритания, включала поддержку позиции официальных кругов Пакистана в вопросе о Пуштунистане, что вызвало болезненную реакцию Кабула. В 1954 г. правительство М. Дауда объявило о прекращении действия англо-афганского договора 1921 г. Летом того же года состоялась джирга старейшин части пуштунских племен, проживавших по обе стороны границы. Племена получили полную поддержку афганских властей. При этом Кабул вновь подтвердил свою готовность решать проблему Пуштунистана путем переговоров.

Год спустя Афганистан отказался вступить в только что созданный под эгидой и при участии Великобритании Багдадский пакт (позже переименованный в СЕНТО после выхода из него Ирака) и принял участие в состоявшейся в Индонезии Бандунгской конференции неприсоединившихся государств Азии и Африки, став, таким образом, одним из активных участников Движения неприсоединения.

Напряженность, связанная с пуштунским вопросом, усилилась после решения правительства Пакистана в 1955 г. создать единую провинцию Западный Пакистан, в которую были включены все существовавшие в этом районе административные единицы, в том числе населенные пуштунами, которые расценили эту акцию как ущемление их прав на национальную автономию. Афганское правительство выступило с официальным протестом, во многих городах страны состоялись митинги и демонстрации, в ходе которых был осужден курс пакистанских властей, направленный на подавление национального движения пуштунов.

Поддерживаемый Западом, Пакистан в мае 1955 г. приостановил политические и торговые отношения с Афганистаном, были закрыты все афганские консульства и торговые представительства, запрещен транзит товаров через пакистанскую территорию. Резкое сокращение внешнеторговых операций тяжело отразилось на состоянии афганской экономики. В условиях растущей напряженности в отношениях с Пакистаном афганское правительство в мае 1955 г. объявило в стране чрезвычайное положение и всеобщую мобилизацию. Одновременно официальные круги Кабула поддержали посреднические усилия некоторых стран Ближнего Востока по урегулированию афгано-пакистанского конфликта. Пакистанское правительство в свою очередь тормозило процесс урегулирования, требуя от Афганистана прекращения поддержки пуштунского движения. Закрытие транзита, по существу означавшее экономическую блокаду Афганистана, по мнению ее организаторов, должно было заставить его пойти на уступки.

В это трудное время Афганистан обратился за помощью к Советскому Союзу, направив в мае 1955 г. делегацию в Москву. В июне того же года был подписан советско-афганский договор о транзите товаров через территорию обеих стран. Экономическая блокада Афганистана, таким образом, была прорвана. И хотя при посредничестве Египта, Саудовской Аравии, Ирана и Турции Пакистан согласился снять ограничения на внешнеторговые операции Афганистана, отношения между двумя странами оставались напряженными.

В ноябре 1955 г. в Кабуле состоялось заседание Лоя джирги, которая обсуждала вопрос о появлении в Пакистане новой административной единицы (Западный Пакистан) и последствиях этого события для зарубежных пуштунов. Джирга единогласно одобрила курс правительства в вопросе о Пуштунистане и потребовала от пакистанских властей предоставления пуштунам права на самоопределение. Кроме того, она дала правительству «зеленый свет» на осуществление мер по укреплению вооруженных сил путем закупок вооружения и подготовки кадров, причем из любых источников³.

Происходившие события в регионе приводили афганскую политическую элиту ко все большему пониманию сущности политики западных стран в отношении Афганистана. В стране происходит некоторая переоценка ценностей и как результат ощутимый отход от односторонней ориентации на западный мир. В этих условиях в декабре 1955 г. в Кабул прибыла с визитом советская правительственная делегация во главе с председателем Президиума Верховного Совета Н. Булгани-

ным и главой правительства Н. Хрущевым. В результате переговоров было принято решение о продлении на десять лет срока действия Договора о нейтралитете и взаимном ненападении 1931 г. При этом советские руководители поддерживали позицию Афганистана по вопросу Пуштунистана и обещали оказать военную помощь.

В совместном коммюнике, подписанном 18 декабря 1955 г., Советский Союз выразил готовность предоставить Афганистану на льготных условиях (2% годовых, срок погашения — 30 лет) кредит в размере 100 млн долларов на развитие экономики⁴. Так было положено начало новому, весьма непростому этапу советско-афганских отношений, серьезно повлиявшему на дальнейшую судьбу Афганистана.

В 1956/57 г. началось осуществление первого пятилетнего плана. Его главными задачами было объявлено развитие сельского хозяйства, электроэнергетики, добывающей и обрабатывающей промышленности, транспорта и связи, а также просвещения и здравоохранения. План предусматривал рост валовой продукции за пятилетие на 18–20%, объема сельскохозяйственного производства — на 16%, промышленного — на 74%⁵. Значительную часть ассигнований (75%)⁶ предполагалось покрыть за счет иностранной финансовой помощи, около 70% которой (115 млн долларов) были предоставлены в виде безвозмездных и льготных кредитов Советским Союзом. Самую крупную часть (32,3%) всех ассигнований планировалось выделить на развитие сельского хозяйства, в основном на освоение новых земель и ирригацию, 31,4% — на промышленность, 23,6% — на транспорт и связь и 9,3% — на социальные нужды⁷. Наиболее крупными кредиторами Афганистана стали СССР, США, Чехословакия и ФРГ.

Важным вкладом в выполнение первой афганской пятилетки явилась советская технико-экономическая помощь: при содействии Советского Союза в стране началось строительство крупнейших экономических объектов, составивших основу развивавшегося государственного сектора: ГЭС Наглу мощностью 100 тыс. кВт, Джалалабадского ирригационного комплекса, автомагистрали через Гиндукуш до речного порта Ширхан на берегу р. Пяндж. В последующем была достигнута договоренность об оказании помощи в геологоразведочных и проектно-изыскательских работах.

Наконец, в 1956 г. было подписано советско-афганское соглашение о поставках вооружений Афганистану на сумму 32,4 млн долларов, благодаря чему Москва получила возможность влиять и непосредственно участвовать в строительстве

афганских вооруженных сил, что в свою очередь сыграло ключевую роль в последующих поворотных событиях афганской истории. Уже в начале 60-х годов в афганской армии появились советские технические советники, а в Советском Союзе — первые группы афганских курсантов. В рамках этого соглашения к 1977 г. СССР поставил Афганистану оружие на сумму 600 млн долларов, а в советских военных учебных заведениях были подготовлены около 3700 афганских офицеров, то есть $\frac{1}{3}$ офицерского корпуса⁸. Вся суммарная военная помощь Афганистану с 1956 по 1979 гг., по данным западных источников, составила 1,25 млрд долларов⁹.

Особое внимание в пятилетнем плане уделялось сельскому хозяйству страны, в котором было занято 85% населения. На развитие этой отрасли экономики предполагалось ассигновать 2,3 млрд афгани, из них примерно 1,06 млрд — на продолжение строительства Гильмендского комплекса¹⁰. Была разработана и начала осуществляться так называемая «Программа социального развития деревень», значительное внимание в которой было уделено вопросам борьбы с сельскохозяйственными вредителями, ирригации, сельскому дорожному строительству, развитию системы начального образования в деревне. Проведение этих мероприятий отвечало стремлению правящих кругов адаптировать существовавшие аграрные отношения к нуждам капиталистического развития. В то же время такая политика не меняла самих форм земельной собственности. Повсеместная монополия помещиков на землю помогала сохранению феодальной эксплуатации крестьянской массы.

Итоги выполнения первого пятилетнего плана по основным показателям оказались ниже плановых наметок. Среднегодовой темп прироста валового общественного продукта составил 1,5%¹¹. Тем не менее за годы пятилетки был построен ряд крупных объектов в государственном секторе, в том числе инфраструктурного характера, что создавало предпосылки для более ускоренного развития страны в последующий период. В 1955 г. вступил в строй асфальтобетонный завод, в 1956 г. — хлебокомбинат в Кабуле, а в 1958 г. — сахарный завод в Джалалабаде. В том же году был введен в эксплуатацию цементный завод в Джабаль ус-Сирадже мощностью 100 т цемента в день. В 1960 г. было завершено строительство авторемонтного завода в Джангалаке (проектная мощность — ремонт 1300 автомашин в год) и авторемонтных мастерских в Кабуле и Кандагаре, рассчитанных каждая на производство ремонта 500 автомашин в год.

В 1960 г. начало выпускать продукцию крупнейшее в стране предприятие — Гульбахарский текстильный комбинат, имеющий проектную мощность 50 млн м хлопчатобумажных тканей в год. В 1961 г. был построен второй цементный завод в Пули-Хумри мощностью 400 т в день. В 1960—1961 гг. при содействии польских специалистов была произведена реконструкция шерстоткацких фабрик в Кабуле и Кандагаре, двух предприятий по производству керамических изделий.

Продолжались поисковые работы нефти и газа. Промышленные запасы нефти были обнаружены в районе Шибергана и Сарыпуля. Были механизированы угольные шахты в Каркаре и Ишпуште, в результате увеличилась добыча угля с 22 тыс. в 1955 г. до 52 тыс. т в 1960 г.

В 1958 г. вступили в строй ГЭС в Сароби мощностью 22 тыс. кВт и линии электропередачи Сароби—Кабул, Сароби—Гульбахар, Сароби—Джабаль ус-Сирадж. В 1960 г. при техническом содействии СССР началось строительство крупнейшей в Афганистане ГЭС в Наглу мощностью 100 тыс. кВт. Некоторое развитие получила гражданская авиация: к концу 60-х годов Кабул был уже связан прямым воздушным сообщением с Ираном, Индией, Пакистаном и Бейрутом. С СССР воздушная связь существовала с 1927 г. В годы первой пятилетки были построены два международных аэропорта — в Кабуле и Кандагаре.

Во второй половине 50-х годов расширилась сеть начального, среднего и профессионального образования. Осуществление пятилетнего плана развития просвещения обеспечило быстрый рост числа учебных заведений и учащихся: если в 1955 г. во всех учебных заведениях училось 120 500 человек¹², то в 1961 г. — 235,3 тыс.¹³ Появление государственного сектора в экономике, его количественный рост в связи с переходом на плановое развитие экономической и социальной сфер, модернизация вооруженных сил — все это требовало широкого притока людей современных профессий. Это в свою очередь обуславливало необходимость не только расширения системы народного образования, но и проведения социальных мероприятий, которые позволили бы получить доступ в эту систему представителям широких слоев населения, в том числе женщинам.

В 1959 г. было отменено обязательное ношение женщинами чадры. Эта акция создавала возможность для женщин заниматься общественно полезным трудом и являлась важным шагом по пути их дальнейшей эмансипации. По сообщениям афганского исследователя Г.Д. Панджшири, уже в 1959 г. в нескольких поликлиниках Кабула появились первые группы

медсестер и санитарок; в 1961 г. на работу в государственную типографию было принято несколько женщин, а в 1962 г. в различных звеньях государственного аппарата работало уже около 500 женщин¹⁴. Социальные мероприятия режима вызвали резкое недовольство клерикалов, которые в 1959 г. пытались поднять на антиправительственное выступление население Кандагара. Акции враждебно настроенных мулл были подавлены войсками.

Определенные сдвиги происходили в социальной структуре афганского общества. Широкий размах ростовщических операций способствовал увеличению числа помещичьих и кулацких хозяйств и дальнейшему усилению социальной дифференциации крестьянства.

Экономическая политика правительства М. Дауда, приведшая к расширению участия государства и его контролю над важными сферами производства, несколько ограничила монополию Афганнацбанка и связанных с ним крупных торговых ширкетов на коммерческую, в том числе внешнеторговую, деятельность. Поэтому она получила поддержку сравнительно широких слоев национальной буржуазии. В то же время мелкобуржуазные слои в целом оставались оппозиционно настроенными, хотя эти настроения не выливались в какого-либо рода оппозиционное движение. В рамках госкапиталистической политики режима М. Дауда мелкая буржуазия не получила достаточных возможностей для расширения своей предпринимательской деятельности, к тому же существовавшая политическая система ограничивала ее участие в общественной жизни. Более того, она ограничивала возможности и самой государственной власти использовать широкий спектр социальных сил и общественных настроений для дальнейшего реформирования социально-политической структуры страны. Среди различных социальных слоев ширились требования проведения назревших политических реформ в рамках демократизации системы государственного управления, участия во власти более широких социальных категорий, ограничения властных прерогатив монарха, расширения гражданских прав и свобод.

С увеличением числа промышленных предприятий вырос и рабочий класс, насчитывавший к началу 60-х годов 15,8 тыс. человек, занятых на предприятиях фабрично-заводского типа¹⁵. Но в силу своей малочисленности, неграмотности, неорганизованности и низкого уровня политического сознания он был далек от того, чтобы занять какое-либо место в общественной жизни общества.

Политика усиления центральной власти, подкрепленная важными экономическими мероприятиями, объективно ущемляла власть ханов и старейшин племен, настроенных в известной мере сепаратистски по отношению к правительству. Однако несмотря на их противодействие, принимавшее нередко открытый характер, правительству удалось распространить на зону племен ряд административных, хозяйственных и культурных мероприятий.

В 1962 г. был принят второй план экономического и социального развития страны (1962–1967 гг.). Основной упор делался на развитие базисных отраслей экономики: горнодобывающей промышленности, энергетики, транспорта, сельского хозяйства. Значительное место отводилось созданию предприятий легкой промышленности. Предусматривалось завершение строительства ряда объектов связи и коммуникаций, начатого в годы первой пятилетки.

Общие ассигнования на реализацию плана составили 26,6 млрд Афгани (по другим данным — 24,65)¹⁶, из них 18 млрд за счет внешней помощи. Из 6,6 млрд Афгани ассигнований из внутренних источников лишь 400 млн Афгани было вложено частным сектором, остальные — государством. И хотя второй пятилетний план был назван «планом индустриализации», большое значение, как и прежде, придавалось развитию сельского хозяйства, капиталовложения в которое увеличились в 3,4 раза по сравнению с первой пятилеткой, составив 4,4 млрд Афгани (на развитие промышленности было выделено 8,1 млрд, транспорта и связи — 9,6 млрд Афгани)¹⁷. При этом главное внимание обращалось на развитие отраслей, создающих сырьевую и экспортную базы.

Как и в период первой пятилетки, Советский Союз проявил готовность оказать существенную помощь Афганистану в выполнении второго пятилетнего плана. Подписанное в Москве в 1961 г. соглашение о техническом сотрудничестве предусматривало оказание содействия в проведении геологоразведочных работ, изыскании и добычи нефти и газа, создании предприятий химической промышленности, строительстве дорог, развитии сельского хозяйства и подготовки кадров. В 1962 г. была достигнута договоренность о помощи в жилищном строительстве.

К концу первой пятилетки список экономических объектов, строившихся при техническом содействии СССР, пополнился: началось сооружение бетонной автотрассы Кушка—Герат—Кандагар, автодороги Кабул—порт Ширхан на Амударье с высокогорным (3300 м над уровнем моря) туннелем

Саланг (длиной 2,5 км) через Гиндукуш, ирригационного комплекса в провинции Нангархар (канал длиной 75 км и ГЭС мощностью 11 тыс. кВт), аэропорта Баграм, механизированного порта Кызыл-Кала на р. Пяндж.

Беспрецедентная советская экономическая помощь Афганистану, поддержка его позиции по вопросу Пуштунистана и особенно военная помощь вызвали серьезные опасения на Западе, полагавшем, что страна окончательно оказалась в советской зоне влияния. Журнал «Тайм» назвал афганского премьер-министра М. Дауда «красным принцем»¹⁸. Однако вскоре эти опасения развеялись: Кабул продолжал сохранять свой нейтралитет.

Тем не менее в условиях начавшейся холодной войны США вступили в соперничество с СССР в наращивании своих позиций в Афганистане. Еще в 1950 г. в США был подготовлен секретный доклад Объединенного комитета начальников штабов, в котором содержался вывод о том, что «Афганистан не имеет или имеет совершенно незначительное значение для США с точки зрения его стратегического положения»¹⁹. Теперь они заново «открыли» для себя Афганистан, попытавшись перехватить у СССР сферу военного сотрудничества с ним. Но американцы опоздали. Им удалось договориться с Кабулом о незначительных масштабах подготовки афганских военных кадров: к 1962 г. в США прошли военную подготовку лишь 68 человек²⁰.

После 1956 г. США проявили заинтересованность и в более тесном экономическом сотрудничестве с Афганистаном на основе долгосрочных программ в области образования — учеба афганских студентов в США, издание школьных учебников, строительство сельских школ, учебных корпусов Кабульского университета, а также дорог с твердым покрытием, продолжение строительства Гильмендского ирригационного комплекса, строительство аэропортов. Авиакомпания «Панамерикэн» купила 49% акций афганской авиакомпании «Ариана» и модернизировала ее.

Улучшившиеся афгано-американские отношения были закреплены взаимными визитами на высоком уровне. В июне 1959 г. США посетил М. Дауд. Он встретился с президентом США Д. Эйзенхауэром и госсекретарем Дж.Ф. Даллесом, выступил в конгрессе и подписал соглашение о культурном сотрудничестве²¹, слегка развеяв опасения американцев по поводу своих просоветских симпатий. В том же году Кабул посетил с визитом американский президент. На встрече с коро-

лем и М. Даудом он подтвердил намерение продолжать оказание технико-экономической помощи Афганистану²².

Однако во второй половине 50-х годов еще большее развитие получили отношения с Советским Союзом. М. Дауд трижды приезжал с визитами в СССР — в 1956, 1959, 1961 гг. В 1957 и 1962 гг. Москву посещал король Мухаммад Захир Шах. Во время его первого визита Москва обещала предоставить Афганистану кредит в 15 млн долларов на организацию поставок газа в Советский Союз. В 1960 г. в Кабул приезжал Н. Хрущев. По некоторым данным, он предложил афганцам оплатить все расходы по второй пятилетке при условии, что афганцы разрешат советским советникам работать во всех афганских министерствах. Король отказался принять предложение²³.

В то же время в условиях отсутствия открытой оппозиции режим М. Дауда при всей его авторитарности не являлся таким уж прочным и стабильным. С одной стороны, у него были значительные политико-экономические и психологические активы: премьер-министр обладал харизмой крупного государственного деятеля, человека властного, честолюбивого. К тому же он был одним из самых влиятельных членов королевской семьи. Его политические позиции были прочными также благодаря советской военной и экономической помощи. В прошлом министр обороны, он усиленно создавал новую, модернизированную армию, посылая молодых людей на учебу в военные заведения СССР, Турции, США, Египта. Причем многие из них были выходцами из средних, непривилегированных слоев. Именно новое поколение офицеров афганской армии, получивших в 60-е годы военное образование, послужило политической опорой М. Дауду в 1973 г., когда он сверг короля и захватил власть с помощью преданных ему лично офицеров, в основном националистического и левого толка.

Кроме них, в конце 50-х годов он сумел в той или иной мере привлечь на свою сторону или даже объединить немало молодых интеллигентов, ставших видными политическими деятелями в 60–70-х годах как в правительственном лагере, так и в среде оппозиции. Некоторые из них в последующие годы достигли высоких постов, как Муса Шафик, ставший премьер-министром в 1972 г. В их числе был и Хасан Шарк, занимавший должность секретаря М. Дауда в бытность последнего министром обороны, а после переворота 1973 г. — первого вице-премьера.

В то же время режим М. Дауда в конце своего правления столкнулся с проблемами, нерешенность которых в конце кон-

цов привела к его отставке. Наиболее серьезная из них — отношения с Пакистаном, где премьер унаследовал острые противоречия с Исламабадом в вопросе о Пуштунистане. Будучи убежденным пуштунским националистом, он не стремился к поискам мирного, компромиссного пути, а придя к власти, сразу занял жесткую позицию политической и военной конфронтации с Пакистаном. И хотя конфликт 1955 г. между двумя странами был улажен с помощью США, Ирана и Египта, М. Дауд не изменил своему курсу. Тем самым он нажил себе немало противников среди проамерикански настроенной части политической элиты Кабула, недовольных к тому же его сближением с Москвой.

Сложные отношения складывались у него и с королевской семьей. Задвинув короля и консервативный парламент в тень, премьер-министр и его правительство сконцентрировали в своих руках практически всю законодательную и исполнительную власть. К началу 60-х годов в королевской семье явно обозначился раскол. М. Дауду и его брату Мухаммаду Наиму, занимавшему в то время пост вице-премьера, противостояли сам король и его влиятельный дядя маршал Шах Вали со своим сыном, зятем короля, генералом Абдул Вали.

И уже в 1957 г. М. Дауду дали понять, что его власть небезгранична: был арестован и без предъявления обвинения брошен в тюрьму его ближайший сподвижник, министр экономики и финансов генерал А.М. Абдурахимзай. Он был весьма влиятельной фигурой в правительстве: его усилиями был разработан первый пятилетний план, проведены реформы банковской системы и внешней торговли, разработан государственный бюджет и урезаны расходы министерства двора. При поддержке премьера министр поставил под государственный контроль неограниченную деятельность Афганнацбанка и группировавшихся вокруг него крупных купцов-компраторов, в числе которых были и некоторые члены королевской семьи. Растущее влияние энергичного министра явно противоречило интересам двора и связанной с ним верхушки торгового капитала, что и предредило судьбу генерала²⁴. Таким образом, к концу 50-х — началу 60-х годов в среде правящей элиты и связанных с ней торгово-предпринимательских кругов и ортодоксального духовенства образовалась довольно влиятельная оппозиция премьер-министру и его курсу.

В этих условиях М. Дауд, подобно своим предшественникам, также попытался продлить свое правление. Еще в конце 1962 г. он разработал и передал королю программу реформирования системы государственного управления, которая пре-

дусматривала замену кабинета, созданного на личном принципе, на правительство, формируемое на партийной основе с созданием единой правящей партии. Он предложил запретить членам королевской семьи заниматься политической деятельностью и участвовать в управлении государством. При этом он предполагал возглавить новый режим уже не как член августейшей семьи, а как лидер партии. Иными словами, премьер предпринял попытку реанимировать идею и структуру своего давнего детища — Национального клуба. Королю же он при этом решил отвести чисто представительскую роль. Реакцию Захир Шаха нетрудно было предугадать. Отставка премьер-министра была предreshена.

Таким образом, в начале 60-х годов обнаружилась непрочность каркаса создаваемой М. Даудом новой политико-экономической структуры, базирующейся на ускорении развития буржуазных элементов, преимущественно в экономике. Его наиболее эффективные мероприятия в области экономического развития вызывали растущее беспокойство и даже скрытое противодействие значительной части правящих кругов, ориентировавшихся на затяжную адаптацию старой, традиционной системы к потребностям развития современного буржуазного общества. В частности, их недовольство вызывало расширение объема советско-афганских связей, укрепление государственного сектора, ущемление частнопредпринимательской деятельности крупного капитала, ограничение власти традиционных элит и духовенства, особенно в зоне пуштунских племен, некоторые социальные реформы, в первую очередь в области расширения системы образования и общественного положения женщин.

Осуществлявшиеся в Афганистане экономические и социальные мероприятия оказывали заметное влияние на происходивший в стране процесс эволюции общественных отношений. Политика «руководимой экономики» была рассчитана на ограничение архаичных, устаревших форм этих отношений и на некоторое расширение возможностей для предпринимательской деятельности средней и мелкой буржуазии. Вместе с тем правящие круги страны не проводили сколько-нибудь серьезных мероприятий в интересах широких трудовых слоев населения. Социальный характер правительственной политики нашел наиболее четкое выражение в сфере аграрных отношений. Стремление приспособить существовавшие феодальные институты к требованиям развития капиталистического сектора в сельском хозяйстве не противоречило экономическим и социальным интересам крупных землевла-

дельцев. Незначительные мероприятия (расширение государственного кредита, создание кредитных кооперативов, повышение закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию) не привели к изменению форм собственности на землю и, соответственно, социальных отношений в деревне. Отсталость сельскохозяйственного производства ограничивала экономические возможности проведения намеченных мероприятий и тормозила предпринимательскую деятельность мелкой и средней буржуазии. Мучительный, уродливый характер капиталистической эволюции отрицательно сказывался на экономическом положении непосредственного производителя, в первую очередь беднейших слоев крестьянства.

Медленные темпы промышленного развития в условиях растущего аграрного перенаселения содействовали росту армии безработных. Правящие круги оказались перед необходимостью решать проблемы, связанные с положением рабочего класса; среди них важное место занимали неурегулированность отношений между рабочими и предпринимателями, гражданские и профессиональные права рабочих, их место и роль в процессе общественного производства, рациональное размещение трудовых ресурсов. Однако созданный в 1962 г. Национальный комитет по вопросам найма ограничил свою деятельность лишь изучением этих вопросов.

Экономическое и социальное развитие страны серьезно тормозилось сохранением отжившей системы политических институтов, что вызывало недовольство сторонников преобразований. Правительство М. Дауда за все время своего пребывания у власти не осуществило ни одного из тех требований реформы государственного управления, которые выдвигались оппозиционными течениями в начале 50-х годов. Это накладывало негативный отпечаток на развитие внутриполитической ситуации в стране.

В своей политике государственной поддержки развития капитализма М. Дауд объективно противостоял крупным торгово-помещичьим кругам во главе с группой АНБ, состоявшим в блоке с деградировавшей аристократией и получавшим поддержку феодальной верхушки племен и консервативного духовенства. Неравномерное, болезненное развитие капитализма в стране обусловило слабость национальной буржуазии и непоследовательность ее политических притязаний. При этом, однако, усиливались ее экономические позиции в условиях ограничения всевластия крупного торгового капитала, расширилась сфера ее предпринимательской деятельности. Это создавало для нее благоприятные возможности

решительнее выступать с требованиями проведения буржуазных реформ и включения ее представителей в структуру государственного управления.

Масштабные экономические мероприятия кабинета М. Дауда и ряд проведенных им социальных реформ оказали значительное влияние на социальную структуру общества, в рамках которого численно выросли слои, связанные с новым, капиталистическим методом производства, — интеллигенция (студенчество, учителя, офицеры, инженерно-технические работники, журналисты, медики, лица свободных профессий), рабочие, мелкие и средние предприниматели, чиновничество. Именно эти социальные категории были носителями идей преобразований в государственной и политической системе. Расширяя свой вес и позиции в экономике, они не имели адекватного доступа к рычагам политической власти и, таким образом, не могли реализовать свои социальные интересы.

В эти годы началось складывание новой социальной прослойки — бюрократической буржуазии, которая абсорбировала выходцев из различных социальных и профессиональных групп — помещиков, верхушки торгового капитала, отпрысков родовой знати, элитарные группы интеллигенции, отдельных представителей разночинной интеллигенции. Несколько особняком стоял армейский генералитет, который потенциально был готов разделить социальные интересы этой новой политико-экономической корпоративной общности. Позднее, в 60-е годы, бюрократия, выросшая из недр госкапитализма, пойдет на социальный симбиоз с верхушкой частного торгово-промышленного капитала, экономически подпираемого крупным землевладением и идеологически — богословами-модернистами и буржуазными националистами.

Серьезное беспокойство консервативной части правящих кругов, в том числе правого крыла королевской династии, вызывали растущие тенденции формирования авторитарной формы власти, проявлявшиеся в политике М. Дауда. Король в этих условиях все больше терял прерогативы главы государства. При отсутствии деятельного парламента как реального органа власти законодательные инициативы целиком концентрировались в руках премьер-министра и его кабинета, подотчетность которого королевской власти становилась все более формальной. Такая форма политической деятельности М. Дауда подкреплялась и личными чертами его характера как человека властного, жесткого, к тому же профессионального военного.

Наряду с консервативными политическими кругами, напуганными этатистскими устремлениями М. Дауда, премьер-министра не поддерживали и национальные меньшинства, не разделявшие его позиции убежденного пуштунского националиста.

Растущее воздействие на внутривнутриполитическую обстановку оказывало расширявшееся сотрудничество Афганистана с другими странами, в первую очередь с СССР и США. Вместе с тем, хотя афгано-пакистанский конфликт 1955 г. был урегулирован, отношения между двумя странами продолжали оставаться напряженными, и это сказалось в дальнейшем на политической атмосфере в самом Афганистане. Негативный отпечаток на нее наложило и признание в 1956 г. блоком СЕАТО по настоянию Пакистана «линии Дюранда» в качестве государственной границы двух стран²⁵.

Приход к власти в Пакистане в результате военного переворота генерала Мухаммада Аюб Хана в 1958 г. еще более усугубил проблему. Стремясь продолжить диалог с соседом, М. Дауд послал в Пакистан своего брата, министра иностранных дел Мухаммада Наима. Однако пакистанский президент принял его довольно холодно, посвятив свою встречу с афганским представителем описанию военной мощи своей страны. Визит был сорван, и Наим без промедления вернулся в Кабул²⁶. Новый пакистанский президент оказался более неговорчивой фигурой в вопросе о Пуштунистане, нежели его предшественники. В течение всей второй половины 50-х годов на границе двух стран, в районе Баджаура, не прекращались вооруженные столкновения, временами с использованием пакистанской авиации.

В августе 1961 г. Пакистан заявил о закрытии своих консульств в Джалалабаде и Кандагаре и потребовал закрытия афганских консульств и торговых представительств на своей территории. Президент Аюб Хан использовал этот шаг как средство нажима на афганцев с целью заставить их отказаться от поддержки национального движения восточных пуштунов. В ответ Кабул заморозил свои дипломатические отношения с Пакистаном и закрыл границу.

Закрытие транзита через пакистанскую территорию вынудило Кабул использовать транзит через СССР. Этим транзитом не могли пользоваться и США, поставка материалов и оборудование которых в рамках американской экономической помощи Афганистану, шедшая ранее через Пакистан, затормозилась. США предприняли усилия к поиску новых, альтернативных путей доставки своих грузов в Афганистан.

В результате в 1962 г. было подписано афгано-иранское соглашение о транзите.

Закрытие границы породило проблему нарушения традиционной сезонной миграции афганских кочевников, которые осенью пересекали эту границу, направляясь на зимовку в Пакистан, а весной возвращались в Афганистан. В результате в пограничных районах застряли со своими стадами около 300 тыс. кочевников. Явно издевательским звучало предложение пакистанских властей разрешить всем кочевникам перейти границу при условии наличия у них заграничного паспорта и пакистанской визы. Кабулу пришлось срочно принимать меры по перемещению массы кочевников в теплые районы на юге и востоке страны. В результате кочевники оказались недовольны правительствами обеих стран²⁷.

В результате закрытия границы с Пакистаном резко выросли объем и масштабы советско-афганских торговых и экономических связей. Это не могло не вызвать беспокойства администрации США, опасавшейся дальнейшего втягивания Афганистана в орбиту советского влияния. Такого же рода опасения возникли и у Тегерана. США давно уже использовали тезис «угрозы с севера» в своих отношениях с Афганистаном, и на сей раз они увидели реальные, как им казалось, основания для своих опасений. К тому же становилась все более очевидной неэффективность политического влияния блока СЕНТО, занявшего жесткую позицию в отношении Афганистана. Поэтому в Вашингтоне решили активизировать процесс нормализации афгано-пакистанских отношений.

В октябре 1961 г. президент Дж. Кеннеди предложил Кабулу свои посреднические услуги. Пакистан воспринял предложение американцев без энтузиазма, в то время как Кабул активно поддержал его. Вслед за этим обе страны посетил представитель американской администрации Л. Мерчант, но договориться с их лидерами ему не удалось: афганцы выдвинули предварительное условие для нормализации — Пакистан должен сначала открыть границу и афганские торговые представительства. Неудача американского представителя подвигла вступить в игру шаха Ирана, давно пытавшегося помирить две страны. Его инициатива была поддержана обеими конфликтующими сторонами. Весной 1962 г. шах посетил Кабул и Равалпинди. Но и его усилия вначале оказались напрасными: обе стороны заняли бескомпромиссные позиции.

Несмотря на противоречия с Пакистаном, Афганистан к 1963 г. значительно укрепил свою экономику и вооруженные силы. Так, правительству быстро и успешно удалось в 1959 г.

подавить мятежи племен мангалов и дуррани. При этом улучшились его отношения со многими европейскими и азиатскими странами.

Однако несмотря на поддержку афганской позиции в вопросе о Пуштунистане, оказанную Москвой, в этой области не было достигнуто никакого политического прогресса. Закрывание границы продолжало наносить ощутимый ущерб афганской экономике и не сдвинуло с мертвой точки проблему Пуштунистана. К тому же возрастающая экономическая зависимость от СССР немало тревожила многих влиятельных деятелей из среды политической элиты.

Становилось все более очевидным, что проблема Пуштунистана «перегрелась». Внутри правящей верхушки созрел консенсус относительно необходимости выработать приемлемое решение. В качестве первого шага на пути к нормализации отношений с соседом рассматривались возобновление дипломатических связей и открытие границы. Это понимал и М. Дауд, согласившийся уйти в отставку и тем самым дать возможность новому правительству разработать новый курс в отношении Пакистана.

В мае 1963 г. король принял его отставку. Разумеется, причиной ее послужили не только сложные афгано-пакистанские отношения. Вероятно, пишет американский историк Л. Пуллада, надвигающаяся международная изоляция Афганистана из-за его позиции по вопросу Пуштунистана «повлияла на решение М. Дауда уйти в отставку, однако более серьезным в этом контексте представляется тот факт, что его программа модернизации, которая была его собственным творением и которую он продвигал столь активно и удачно, создала условия, в рамках которых его стиль правления стал анахронизмом, устарел и оказался нефункциональным для дальнейшей эволюции Афганистана как национального государства»²⁸.

Короля и премьер-министра разделяли их подходы к масштабам, глубине и характеру последующей либерализации общественно-политической жизни. Однопартийная система, предлагавшаяся М. Даудом, не вписывалась в планы Захир Шаха, полагавшего возможным допустить функционирование в стране нескольких политических партий. Наконец, король вообще не намеревался отдавать М. Дауду инициативу в грядущих неизбежных изменениях политической системы.

«Демократический эксперимент»

Уход с политической арены М. Дауда означал победу сторонников умеренного курса буржуазно-демократических реформ правоцентристского толка. Действительно, в такого рода реформах была в той или иной мере заинтересована большая часть различных социальных групп. По существу, борьба велась вокруг путей дальнейшего развития общества. Большинство политически активного населения отчетливо осознавало необходимость и закономерность развития и укрепления медленно зарождавшегося капитализма в стране. Весь вопрос был в том, по какому пути идти в рамках такого развития — по государственно-капиталистическому или частнокапиталистическому. Такая альтернатива во многом определяла и выбор других ключевых направлений внутренней и внешней политики: внешнеполитической ориентации, возможности проведения аграрной реформы, выбора основных источников финансирования — советских, американских или тех и других, степени легализации политических организаций.

Однако на ближайшее время первой на повестке дня стояла задача изменения политической структуры государства, ее адаптации к изменившейся социально-экономической структуре страны. В этом были заинтересованы и помещики, тяготившиеся авторитарными устремлениями М. Дауда, и крупный торговый капитал, напуганный этатизмом премьер-министра, и средние предпринимательские слои, не получившие достаточной свободы деятельности, и различные прослойки интеллигенции, готовой играть роль политического представителя разных социальных групп.

Среди сторонников расширения частнопредпринимательской деятельности и недовольных усилением госсектора выступали также влиятельные круги ортодоксального духовенства и местные традиционные элиты. В этих условиях сторонником реформации политической структуры оказался и сам король Захир Шах. Для короля и его окружения становилась все более очевидной необходимость расширения социальной базы режима за счет различных слоев мелкой и средней буржуазии, в том числе из национальных окраин, путем

включения их отдельных представителей в структуру государственного управления.

Поэтому неудивительно, что инициатором политической модернизации страны стал король Мухаммад Захир Шах. И тому было несколько причин. К началу 60-х годов в Афганистане не существовало политических и общественных объединений, которые могли бы выдвинуть программу реформ. Да и сами условия авторитарного правления не давали возможности каким-либо демократическим или либерально ориентированным силам проявить политическую инициативу. Именно авторитаризм Дауда, его неумные амбиции побудили короля пойти на реформирование государственно-политической системы. Захир Шах давно уже тяготился ролью царствующего, но не правящего монарха: с момента его коронации, то есть с 1933 г., власть в стране безраздельно принадлежала его родственникам — дяде М. Хашим-хану (1933—1946), другому дяде Шах Махмуду (1946—1953), двоюродному брату Мухаммаду Дауду (1953—1963).

Теперь король был готов к тому, чтобы взять реальную власть в свои руки. Для этого следовало убрать с политической арены М. Дауда. Других претендентов на высшую власть не было: последний из оставшихся в живых дядя маршал Шах Вали-хан был стар и лишен политических амбиций, а его сын генерал Абдул Вали делал успешную военную карьеру, занимая пост командующего Центральным армейским корпусом, и был в то время вполне лоялен. Более того, оба опасались усиления власти М. Дауда, а потому решительно поддерживали короля в его конфронтации с всесильным премьер-министром. При этом, вынашивая планы в отношении своего будущего, Захир Шах осознавал необходимость глубоких перемен, расширения социальной и политической базы монархической власти. «Правящие круги страны, — писал по этому поводу известный советский востоковед Р.Т. Ахрамович, — исходили из намерения удержать контроль за событиями “сверху”, сохранить за собой политическую инициативу»¹. Это относилось непосредственно к королю, у которого были долго связаны руки, сначала фактической узурпацией власти его дядями, а затем авторитаризмом амбициозного двоюродного брата.

Отправив в марте 1963 г. М. Дауда в отставку, король расчистил поле деятельности для осуществления политических реформ. Новое правительство возглавил Мухаммад Юсуф, бывший министр горных дел и промышленности в кабинете М. Дауда. Это был первый премьер-министр, не являвшийся

членом королевской семьи, к тому же не пуштун (таджик). Юсуф получил образование в ФРГ, и к моменту его прихода к власти ему было 49 лет. Новый премьер сформировал правительство, в котором уже не было ни одного представителя родовой аристократии, но зато на многих постах появились сторонники бывшего министра экономики и президента Афганнаббанка А.М. Забули, который в 1964 г. вернулся из США на родину и занялся оживлением частного предпринимательства.

Новый премьер выступил с программой своей деятельности, в которой подтвердил преемственность прежнего экономического курса, но с расширением содействия частным инициативам. Его новый экономический курс был сформулирован как «смешанная руководимая экономика». Это означало, что, с одной стороны, администрация стремилась установить более жесткий контроль над крупными предпринимательскими группами, которые действовали в своих узкокорыстных интересах, и более эффективно использовать их капитал в планах экономического развития. С другой — правительство стремилось предоставить различные льготы представителям частного сектора и таким образом стимулировать его участие в расширяющемся промышленном строительстве. Взяв на себя финансирование ключевых отраслей экономики (энергетика, транспорт, разработка полезных ископаемых), государство создавало возможность для частного капитала активно вкладывать инвестиции в некапиталоемкие, быстроокупаемые предприятия в других отраслях. В то же время сферы приложения частных капиталов и их объем учитывались в общих планах экономического развития страны. Усиленное внимание к развитию частного предпринимательства подкреплялось передачей ряда государственных предприятий в руки частного сектора. Однако эти меры не привели к существенному расширению участия частного капитала в промышленном строительстве. Он по-прежнему предпочитал более прибыльную коммерческую деятельность.

В политической области правительство заявило о намерении внести определенные изменения в систему государственного управления, в частности приступить к разработке новой конституции с целью расширения гражданских прав подданных, подготовки нового избирательного закона, создания политических партий.

Одновременно были предприняты усилия для нормализации афгано-пакистанских отношений. В мае 1963 г. при посредничестве иранского шаха возобновились афгано-паки-

станские переговоры. По настоянию пакистанской стороны афганцы вынуждены были согласиться обсуждать лишь дипломатические, консульские и торговые вопросы, не касаясь проблемы Пуштунистана. Обойдя эту проблему, стороны легко достигли соглашения. В итоге были восстановлены дипломатические отношения, открылись консульства в обеих странах, и Афганистан получил право транзита своих товаров через территорию Пакистана.

В дальнейшем Кабул последовательно придерживался политики нейтралитета. Афганистан занял нейтральную позицию и во время индо-пакистанского конфликта 1965 г., что было положительно воспринято в Пакистане. При этом Кабул не торопился официально признать отделившееся от Пакистана в результате этого конфликта новое государство Бангладеш, сделав это лишь в 1973 г. В последующие годы отношения Афганистана со своим восточным соседом стабильно улучшались, чему способствовала новая пакистанская конституция 1970 г., упразднившая провинцию Западный Пакистан и вернувшая Северо-Западной пограничной провинции и Белуджистану статус отдельных провинций. Тем самым был сделан шаг в сторону предоставления пуштунам и белуджам возможной автономии в рамках пакистанского государства.

Среди преобразований, проводимых новым кабинетом, важнейшее место заняла конституционная реформа. Появление новой конституции явилось не только итогом борьбы буржуазно-демократических кругов, но и закономерным результатом самого процесса общественной эволюции страны, в условиях которого старая политическая система перестала соответствовать новым потребностям социально-экономического развития общества. Это осознавали не только представители оппозиционных сил, но и часть правящих кругов.

Готовясь к принятию новой конституции, в сентябре 1963 г. король отправился в поездку в США по приглашению президента Дж. Кеннеди, чтобы, по выражению председателя нижней палаты парламента доктора Абдул Захира, «узнать побольше о демократии»². Идеи конституционной реформы по своему значению выходили за рамки простой либерализации, поэтому на Западе они были восприняты как «мирная революция»³. В их основу была положена цель установления в Афганистане конституционной монархии, в условиях которой должна осуществляться демократизация государственного управления и общественно-политической жизни.

В 1963 г. была сформирована правительственная комиссия по подготовке текста новой конституции, в состав которой

наряду с государственными чиновниками вошли некоторые видные представители прогрессивной интеллигенции, в том числе один из бывших руководителей оппозиционной группировки «Ватан» Мир Мухаммад Сиддик Фарханг. Участвовать в разработке конституции было предложено и бывшему лидеру этой группировки М.Г.М. Губару, но он отказался⁴. Одновременно начали работу комиссия по выработке нового положения о парламентских выборах и комиссия по пересмотру закона о печати.

При разработке проекта Основного закона его авторы учли опыт конституционного развития Канады, Франции, Швеции, Норвегии и Египта. Более того, осенью 1963 г., на ранней стадии подготовки проекта, в Индию, Объединенную Арабскую Республику (в то время Египет и Сирию), Швецию и некоторые другие страны была направлена группа юристов для ознакомления с их партийно-политической системой⁵. В качестве консультанта в Кабул был приглашен французский юрист Луи Фужер.

В сентябре 1964 г. была созвана Лоя джирга для обсуждения проекта конституции. Из общего числа ее 450 участников 170 являлись депутатами нижней палаты парламента; 170 — специально избранные делегаты в соответствующих избирательных округах, члены правительства, сенаторы, пять членов Верховного суда; 30 человек (включая шесть женщин) были назначены королем⁶. После двухнедельных дебатов проект Основного закона был утвержден и 1 октября 1964 г. подписан королем.

Конституция 1964 г. явилась важным шагом в развитии современных политических институтов в Афганистане. В ее преамбуле одной из главных целей декларировалось «установление политической, экономической и социальной демократии». Подтвердив конституционно-монархический строй Афганистана, Основной закон сохранил за королем верховные полномочия в исполнительной и законодательной власти, а также в судебной системе. В то же время он предусматривал запрещение членам королевской семьи занимать посты премьер-министров, министров, депутатов парламента, членов Верховного суда. Они не имели права создавать политические партии или состоять в них (статья 24-я). Совершенно очевидно, что это положение было направлено против возможных попыток М. Дауда вернуться в большую политику и лишить его возможности легально прийти к власти, что в последующем роковым образом сказалось на судьбах как демократии, так и самой монархии в Афганистане.

Конституция подтвердила полный суверенитет государства, декларировала ряд гражданских свобод: неприкосновенность собственности и жилища, равенство подданных перед законом, свободу слова, печати, собраний, свободу местожительства и передвижения, обязательное начальное образование. В обязанность государства входила, согласно конституции, защита личной свободы и достоинства подданных. Официальной религией страны был провозглашен ислам ханифитского толка. Вместе с тем Основной закон ограничил влияние мусульманских богословов, особенно в области просвещения и судопроизводства, переданных под непосредственный контроль государства.

Важным новшеством в государственной жизни Афганистана, воплощенным в конституции, явилось определенное расширение парламентаризма, хотя и в рамках общего контроля со стороны королевской власти. Впервые было зафиксировано, что законодательная, исполнительная и судебная ветви власти отделены друг от друга и действуют независимо. Парламент состоит из двух палат — Национального Совета («Вулуси джирга», или «Шура-йе мелли», нижняя палата), депутаты которого избираются путем всеобщих, тайных и прямых выборов сроком на четыре года, и Совета старейшин («Мышрано джирга», или «Сена», сенат), две трети членов которого также избираются, а остальные назначаются королем. Правительство несло личную и коллективную ответственность перед Национальным Советом, депутаты которого могли требовать отчета об их деятельности. Правда король обладал правом распустить парламент, ограничивая тем самым контроль парламента над деятельностью правительства.

Впервые парламент Афганистана, а именно его нижняя палата получила право высказываться о доверии правительству и выносить вотум недоверия, чем она и воспользовалась в 1971 и 1972 гг. Это право, по конституции, реализуется при открытии первой сессии очередного созыва и при смене кабинета. Совет старейшин получил также право требовать возбуждения судебного дела против членов правительства. Эти новые для страны положения придали определенный реальный смысл декларируемой Основным законом коллективной и личной ответственности министров перед парламентом. Статья 64-я, в отличие от прошлой конституции, предоставляла парламенту право ратифицировать международные договоры, направлять части афганских вооруженных сил за границу, предоставлять концессии, давать разрешение на эмиссию денег и получение займов. Однако

по-прежнему право окончательного утверждения законов оставалось за королем.

Важнейшим изменением, коснувшимся судебной системы, является ее отделение от правительственного аппарата и передача в ведение королевской власти. Высшей судебной инстанцией становится Верховный суд, члены которого назначаются королем. Независимость системы судопроизводства, таким образом, была нацелена на предотвращение вмешательства исполнительных органов в ее функции.

Определенным ограничениям в новой конституции подверглись функции Лоя джирги, состав которой формируется из депутатов парламента и руководителей провинциальных консультативных советов и которая теперь была наделена правом рассмотрения вопросов судебного преследования министров и членов Верховного суда, внесения поправок в конституцию и некоторых вопросов престолонаследия.

Официальными языками в Основном законе названы пушту и дари, однако первому, получившему к тому же статус «национального», отдано определенное преимущество, предусмотренное статьей 35-й, призывающей государство «разработать и претворить в жизнь эффективную программу для развития и укрепления национального языка пушту». Придание языку пушту национального характера соответствовало духу развивавшейся национально-буржуазной идеологии (пуштунского национализма). Такое неравенство языков в последующие годы приведет к острым политическим дискуссиям и окажет негативное влияние на процесс демократизации общественной жизни.

В конституции сохранены в целом прежние prerogatives короля. Согласно статье 7-й, «король является защитником основ священной религии ислам, хранителем независимости и целостности страны, стражем конституции и олицетворением национального единства Афганистана». К числу его основных прав и обязанностей относятся верховное командование вооруженными силами, объявление войны и заключение мира, роспуск парламента, утверждение законов, издание указов, утверждение международных договоров, назначение премьер-министра и принятие его отставки, введение чрезвычайного положения, смягчение наказаний и помилование. Король не несет ни перед кем ответственности. В конституции подтверждена преемственность правящей династии Яхья.

Наконец, самым крупным демократическим достижением конституции следует признать предоставление права на создание и деятельность политических партий (статья 32-я).

Правда, вводились некоторые ограничения: а) «задачи и деятельность партий, идеи, на которых построены партии, не должны противоречить положениям конституции»; б) «организационная структура партий и источники их финансирования должны быть открытыми» (статья 32-я).

Таким образом, некоторое расширение функций парламента, предусмотренное конституцией, в сочетании с правом на создание политических организаций увеличивало возможности политически активных слоев населения участвовать в государственной и общественной деятельности.

Итак, конституция 1964 г. по своему духу содержала немало возможностей для режима реформировать политическую систему государства в направлении западных демократических моделей развития, а для социально мобильных категорий населения — расширить их участие как в политическом представительстве, так и непосредственно в управлении государством. Правительство М. Юсуфа провозгласило положения конституции основами нового политического курса, который получил известность как «демократический эксперимент» (или «новая демократия»), длившийся с 1964 по 1973 гг.

Впрочем, несмотря на демократическую окраску Основного закона конституционная реформа в Афганистане связывалась со стремлением его правящих кругов «опередить радикализм» и, «став ходатаем нововведений, обезоружить возможную оппозицию, укрепить свою собственную власть», «избежать революции улицы» путем преобразований «сверху» в условиях, когда «старая социальная структура изжила себя и начинает заменяться новыми общественными формами»⁷. Как показали последующие события, этот вывод во многом оправдался: монархический режим, опасаясь неконтролируемой политической инициативы «снизу», набросил узду на провозглашенную демократию, проявив нерешительность и непоследовательность в реформаторской политике. В результате «демократический эксперимент» был провален, унеся с собой в небытие и саму монархию.

Но это случилось много позже. А тогда, после принятия конституции, власть демонстрировала готовность к ее практической реализации. Причем новый Основной закон получил широкую поддержку различных кругов общественности и высокую оценку в местной прессе. «Утверждение всеобщих ценностей демократии, таких как свобода слова, мысли и организаций, — обнадеживающе констатировала газета “Kabul Times”, — образует важную и новую фазу в нашей национальной жизни, открывающую нашему народу дорогу к светлой,

свободной, неприкосновенной и законной политической деятельности»⁸.

Период с момента введения в действие конституции, то есть с октября 1964 г., и до выборов нового парламента, которые были намечены на октябрь 1965 г., был объявлен переходным, на время которого законодательные функции передавались правительству. В мае 1965 г. был принят новый Закон о выборах. В отличие от прежнего закона (1952 г.) в нем оказалось несколько новшеств. Так, пункт 2-й статьи 4-й предписывал кандидатам в депутаты умение читать и писать, что существенно ограничивало возможности преобладающей массы неграмотного населения баллотироваться в парламента. В то же время возрастной ценз для кандидатов был снижен до 25 лет, что означало стремление правительства расширить участие молодого поколения в управлении государством. Членам правительства, судьям, офицерам, личному составу армии, чиновникам запрещалось быть депутатами парламента (статья 47-я). Впервые в истории Афганистана право избирать и быть избранным было предоставлено женщинам (статьи 11 и 12-я).

Выборы в парламента состоялись в августе—сентябре 1965 г. В нижнюю палату парламента было избрано 216 депутатов. Большинство из них оказались сторонниками правительственной программы преобразований. Впервые депутатские мандаты получили четыре представителя левых кругов, в том числе радикального толка.

Выборы 1965 г. в парламента стали первым испытанием для нарождающейся демократии в стране и явились в некотором роде индикатором намерений и практических действий конституционных реформаторов, с одной стороны, и расстановки политических сил — с другой. В противоборстве сторонников и противников реформации и проходил процесс «демократического эксперимента» все последующие годы вплоть до падения монархии в 1973 г.

И первый же шаг на этом пути оказался шокирующим и для многих неожиданным. События комментирует американский исследователь Л. Дюпре: «Написана конституция и избран парламента (*Шура*), король вновь назначил д-ра Юсуфа премьер-министром. Юсуф сформировал правительство, и теперь начались проблемы к удивлению многих либерально настроенных, получивших образование на Западе афганцев, которые надеялись получить “мгновенную демократию” (“instant democracy”). (Возьмите “сухую конституцию”, соедините ее с “мокрыми выборами”, смешайте. Voila! Мгновенная демократия!)»⁹.

Впервые кандидаты получили возможность публично, хотя и с некоторыми ограничениями и под контролем властей, высказывать свои взгляды. Большинство избранных депутатов представляли консервативные круги крупных землевладельцев, ортодоксального мусульманского духовенства, крупного торгового капитала. Четыре места досталось левой оппозиции. 24 октября 1965 г. правительство М. Юсуфа должно было получить вотум доверия в новом парламенте. Однако в этот день у здания парламента собрались тысячи студентов и учащихся лицеев (некоторые проникли даже внутрь), требуя разрешения присутствовать на заседании нижней палаты. Они выразили возмущение коррупцией и некомпетентностью ряда членов кабинета министров. Заседание было отложено на следующий день.

25 октября под влиянием левых радикалов (Б. Кармаля и его соратников, наиболее активным из которых был учащийся лицея «Хабибия», будущий президент Афганистана Наджибулла) недовольные студенты вновь вышли на демонстрацию. Тогда власти бросили на демонстрантов полицию, а по приказу зятя короля генерала Абдул Вали к зданию парламента были стянуты даже армейские подразделения. В ходе столкновения среди участников демонстрации были жертвы. Кабульский университет и средние школы были закрыты на неделю. В итоге, несмотря на полученный 26 октября вотум доверия, 29 октября кабинет М. Юсуфа под давлением общественного недовольства подал в отставку.

Действительно, для такого шага имелись веские основания. Хотя за два с половиной года своей деятельности его правительство выдвинуло немало законодательных инициатив (проект конституции, закон о выборах в парламент, закон о новом административном устройстве, закон о печати, проект закона о политических партиях), в целом оно не стало локомотивом демократии в своей политической практике. М. Юсуф не имел поддержки каких-либо влиятельных политических сил, кроме разве что доверявшего ему короля. Говоря о стремлении привлечь к себе энергичных, грамотных реформаторов, он вместе с тем не хотел создавать своей собственной политической партии. «Или он просто разглагольствовал об этом и не принимал никакого решения на сей счет, — писал афганский историк, — или ему не давали этого сделать»¹⁰.

При этом премьер не доверял молодежи, которая в 60-е годы выдвигалась в авангард политической борьбы. В июле 1964 г., выступая в Кабульском университете, он призывал студентов

посвятить все свое время и энергию учебе и научным исследованиям и не участвовать в политической деятельности¹¹. Было также известно, что, занимая пост директора Департамента педагогики министерства образования в период правления Шах Махмуда, д-р Юсуф был в числе тех, кто выступал с гонениями против студенческого движения¹².

К нему адресовались претензии и иного рода. Так, министр финансов его правительства, известный писатель С.К. Рештия, обвинялся в злоупотреблении служебным положением, «проталкивая» своих брата и сестру в парламент на выборах 1965 г.

М. Юсуф жестко пресекал критику в адрес своего правительства, и на этой почве у него возникали острые разногласия с министром информации и культуры, его будущим преемником М.Х. Майвандвалем. Вскоре они переросли в настоящую вражду, не прекратившуюся даже после отставки последнего с поста премьер-министра. М. Юсуф не ладил и с М. Даудом, который, находясь в опале, оставался влиятельным закулисным политиком. В его правительстве не было единства мнений и взглядов. Вскоре после назначения М. Юсуфа премьером из его правительства ушел ряд министров, соратников М. Дауда. Не сложились у него отношения и с депутатом нижней палаты парламента, известным поэтом Х. Халили, который уже на первой сессии парламента бросил обвинение премьер-министру в коррупции.

Демонстрация 25 октября произвела шоковое впечатление на правительство. Был серьезно напуган и король, который несмотря на доверие к М. Юсуфу поспешил отправить его в отставку, опасаясь, что сложной ситуацией может воспользоваться М. Дауд, внимательно следивший за событиями. Уволенный премьер был отправлен послом в ФРГ, где по окончании срока своих полномочий остался в эмиграции. Бывшие соратники Юсуфа обвинили его в проявлении слабости и малодушии¹³.

Новое правительство сформировал Мухаммад Хашим Майвандваль, журналист, дипломат, бывший посол Афганистана в США, блестящий оратор. Он откровенно торжествовал по случаю победы над поверженным М. Юсуфом. Впоследствии это уже никого не удивляло: приходившие к власти, как правило, поносили своих предшественников, и наоборот.

Новый премьер, политик популистского склада, сразу решил продемонстрировать намерения наладить хорошие отношения со студентами. Он принял участие в похоронах жертв 25 октября, выступил перед студентами с речью, обещая ре-

шить их проблемы, и от имени короля выразил соболезнования родным и друзьям погибших. Однако новый премьер не сдержал слово: назначенная им комиссия провела расследование событий 25 октября, но ее выводы не были обнародованы. Было известно, что приказ открыть огонь по демонстрантам отдал генерал Абдул Вали, но сказать об этом вслух Майвандваль не решился. Так студенты потеряли доверие к премьер-министру.

Новый глава правительства изменил состав кабинета, уволив ряд соратников М. Дауда. Некоторых из них он назначил на второстепенные посты. При этом яркий оппонент бывшего премьера С.К. Рештия вообще не получил никакой должности. Был отправлен послом в Саудовскую Аравию даже поэт Х. Халили, сыгравший важную роль в падении правительства М. Юсуфа, ибо Майвандваль знал его как вечного оппозиционера, недовольного любым правительством.

Основное содержание программы нового кабинета, по заявлению его членов, сводилось к привлечению широких слоев населения к участию в политической деятельности. Говоря о стремлении содействовать прогрессу, новый премьер-министр подчеркивал намерение правительства серьезно заняться вопросами положения рабочих и мелких земледельцев, создать условия для свободной деятельности партий и печати. Основной курс экономической политики существенно не изменился.

Значительное место в декларациях правительства Майвандваля заняли проблемы, связанные с положением студенчества, но волнения среди студентов не прекращались, выходя за рамки чисто академических требований. В декабре 1965 г. в Кабульском университете прошли демонстрации и собрания, распространялись листовки. Были арестованы некоторые активные участники этих выступлений.

Тем временем вновь избранный парламент в соответствии с положениями статьи 32-й конституции после долгих дискуссий утвердил законопроект о политических партиях. Это явилось несомненно важным завоеванием демократических сил, открывшим возможность для организованных политических действий.

В 60-е годы продолжалось экономическое развитие страны в рамках первого (1956–1961 гг.) и второго (1962–1967 гг.) пятилетних планов. За этот период в Афганистане были построены или находились в процессе строительства крупнейшие промышленные предприятия и объекты экономической инфраструктуры, составившие основу государственного секто-

ра. По существу, в стране появились новые отрасли промышленности — авторемонтная, горнодобывающая, химическая, цементная, домостроительная. Объем продукции, производимой на государственных предприятиях, за годы двух пятилеток вырос в 4,4 раза¹⁴. Промышленное строительство сопровождалось подготовкой национальных кадров, преимущественно техников и рабочих. Большинство квалифицированных афганских кадров готовились на крупных стройках при технико-экономическом содействии Советского Союза. Общее число подготовленных к 1967 г. рабочих и техников составило 30 тыс. человек¹⁵.

В 60-х годах Афганистану удалось значительно улучшить отношения с соседями и ведущими мировыми державами. В советско-афганских отношениях акцент все больше смещался в сторону расширения советского участия в экономическом развитии Афганистана. И хотя объем советской экономической помощи в эти годы несколько уменьшился, в целом при технико-экономическом содействии Советского Союза была создана немалая часть крупнейших экономических объектов страны.

Наиболее значительными явились автотрасса с бетонным покрытием Кушка—Герат—Кандагар протяженностью 680 км (открыта в 1965 г.); автомагистраль Кабул—порт Ширхан на р. Амударья длиной 470 км, проложенная в труднейших горных условиях через хребет Гиндукуш (1966 г.); крупнейшая в Афганистане ГЭС Наглу на р. Кабул мощностью 100 тыс. кВт (1967 г.); Джалалабадский ирригационный комплекс с ГЭС Дарунта мощностью 11 тыс. кВт (1965 г.), на базе которого в последующие годы были созданы четыре сельскохозяйственные фермы; газопромыслы на севере страны и газопровод Афганистан—Средняя Азия длиной 365 км (1968 г.), посредством которого начался экспорт афганского газа в Советский Союз; Кабульский политехнический институт (1968 г.); домостроительный комбинат в Кабуле, завод азотных удобрений в Мазари-Шарифе, ирригационный комплекс «Сарде» в окрестностях г. Газни и другие объекты.

Причем автотрасса от Кушки до Кандагара, стоимость которой составила 140 млн долларов¹⁶, была подарена советским правительством народу Афганистана. Впрочем, дорога оказалась нерентабельной в силу неоправданно высокой стоимости ее сооружения и эксплуатации в условиях незначительного грузопотока на этой трассе. Было очевидно, что дорога строилась, в первую очередь исходя из ее исключительно важного геостратегического и военного значения: ее от-

крытие совпало с окончанием в 1965 г. индо-пакистанского вооруженного конфликта, немало встревожившего тогда советское руководство. В случае вовлечения СССР в конфликт крупные соединения советских танков в считанные часы могли быть переброшены по этой трассе к пакистанской границе.

Общая сумма советской помощи Афганистану к 1967 г. составила 600 млн долларов¹⁷.

В 60-е годы продолжалось технико-экономическое сотрудничество Афганистана и с США, которые, впрочем, также несколько сократили свою финансовую помощь стране. В 1963 г. король Захир Шах нанес визит в США по приглашению президента Кеннеди. Американская экономическая помощь оказывалась Афганистану через Управление международного сотрудничества США (AID) в следующих отраслях: сельское хозяйство, образование, промышленность, горнодобывающая промышленность, энергетика, дорожное строительство. Американцы построили за эти годы автотрассы Кабул–Кандагар, Кандагар–Спинбулдак (пакистанская граница), Кабул–Торхам (пакистанская граница), Герат–Ислам-Кала (иранская граница), продолжили сооружение Гильмендского ирригационного комплекса, завершили строительство зданий Кабульского университета, авторемонтных мастерских в Кабуле и Кандагаре, международного аэропорта в Кандагаре. В 1967 г. при техническом содействии США началось строительство ГЭС Каджаки (к северо-западу от Кандагара) мощностью 33 тыс. кВт¹⁸. К 1967 г. общая сумма американских грантов и кредитов Афганистану составила 350 млн долларов¹⁹. Сюда же включалась продовольственная помощь и подготовка кадров.

Что же касается аэропорта в Кандагаре, который сооружала уже упоминавшаяся компания «Моррисон-Надсен», то афганское правительство вынашивало амбициозный план превратить Афганистан в главный пункт транзита для пассажирских лайнеров, совершающих рейсы из Европы в Юго-Восточную Азию. И в Кандагаре планировалось осуществлять дозаправку самолетов горючим. Однако к концу строительства аэропорта (1962 г.) международные рейсы по указанному маршруту стали совершать реактивные лайнеры, не нуждавшиеся в дозаправке. К тому же горючее импортировалось в Афганистан из-за рубежа, а потому было дорогостоящим. Поэтому идея провалилась. Госдепартамент США назвал этот проект «памятником плохому планированию»²⁰. Впрочем, за этим проектом стояли не только расчеты Кабула на получение экономических дивидендов. Некоторые военные и политические круги США заглядывали далеко вперед, рассматривая

кандагарский аэропорт как возможную военную базу США в будущей войне, как место базирования американской бомбардировочной авиации для нанесения военных ударов по советской территории²¹.

Заметный вклад в развитие афганской экономики вложила ФРГ, преимущественно в промышленность и энергетику на основе афгано-западногерманского соглашения 1958 г. об оказании Афганистану технической помощи. Ее инвестиции в афганскую экономику к 1966 г. составили 54,4 млн долларов²². С помощью немецких специалистов была реконструирована текстильная фабрика в г. Пули-Хумри и удвоена ее мощность. В Джабаль ус-Сирадже была построена крупная текстильная фабрика, продукция которой покрывала половину потребностей страны в текстильных изделиях. На р. Кабул были сооружены две ГЭС — Сароби (22 тыс. кВт) и Махипар (15 тыс. кВт). Западногерманские специалисты оказывали техническую помощь также в осуществлении региональных проектов в Хосте, включая консультационные услуги в области сельского хозяйства и лесоводства, проведении телефонных и телеграфных линий, создании центра радиовещания в Кабуле. Наибольшую активность в Афганистане проявили электрокомпания «Сименс» и строительная «Хохтиф».

Заметного улучшения достигли в этот период ирано-афганские отношения, несмотря на определенное беспокойство среди некоторых политических кругов в Кабуле, вызванное внешнеполитическими амбициями иранского шаха. В 1972 г. в Тегеране возобновились прерванные в 1951 г. переговоры по проблемам распределения вод трансграничной реки Гильменд, и в 1973 г. там же премьер-министрами двух стран был подписан соответствующий договор. Несмотря на возражения депутатов от Народно-демократической партии Афганистана в парламенте, афганские законодатели утвердили Договор о Гильменде. Получавший возраставший поток нефтедолларов Иран благодаря подписанию договора проявил заинтересованность участвовать в экономическом развитии Афганистана.

В 60-е годы развивались афганские отношения и с КНР. Все эти годы Кабул выступал за принятие Китая в ООН, чему активно препятствовали западные страны. Несмотря на резкое ухудшение советско-китайских связей, вооруженные столкновения Китая с Индией и его быстрое сближение с Пакистаном, Афганистан продолжал поддерживать стабильные отношения с КНР. Китайцы оказывали Афганистану экономическую помощь. Крупнейшим объектом афгано-китайского сотрудничества явилась ирригационная система в провинции

Парван. Под этот проект Китай выделил 8,4 млн долларов²³. Другие проекты были менее значительными. Несмотря на довольно скромные объемы экономической помощи Китая, в глазах афганцев она в определенной мере уравнивала доминирующее советское влияние.

В целом Афганистан в 60-е годы сумел извлечь немалые политико-экономические дивиденды, прибегнув к традиционной, классической для него политике балансирования между великими державами. Ему удалось противопоставить советское участие в развитии страны партнерству с другими иностранными государствами, которое выглядело как открытое соперничество советской и других зарубежных программ развития. Однако ни одна из зарубежных стран, даже США, не могла поколебать позиции СССР, которые с полным основанием можно было назвать доминирующими.

В 1967 г. был разработан третий пятилетний план социально-экономического развития Афганистана (1967–1972 гг.). В отличие от первых двух, где главное внимание уделялось созданию инфраструктуры, основной объем капиталовложений в третьей пятилетке направлялся на производительные отрасли промышленности и сельского хозяйства. Большая часть инвестиций (более 70%) покрывалась за счет иностранной помощи²⁴. Всего на цели развития по третьему пятилетнему плану предполагалось ассигновать 33 млрд афгани, из них 32,4% — на промышленность, 29,4% — на сельское хозяйство, 16,7% — на просвещение и здравоохранение, 12,4% — на транспорт и связь²⁵. Как и раньше, основной объем инвестиций (31 млрд афгани) обеспечивал государственный сектор²⁶. Разработка третьего пятилетнего плана затронула важнейшую сторону экономической политики правительства — проблему финансирования промышленного и сельскохозяйственного развития: страна неумолимо превращалась в безнадёжного должника иностранных спонсоров.

Сдвиги в экономике, вызванные созданием промышленных объектов государственного сектора, сопровождалось ростом производительных сил, что не могло не оказывать влияния на расстановку и позиции основных социальных групп населения. В процессе национально-буржуазной эволюции общества увеличивались и крепили те слои и категории населения, жизнедеятельность которых была так или иначе связана с развивающимися капиталистическими укладами. Это национальная буржуазия, промышленные рабочие, техническая интеллигенция, чиновничество, некоторые прослойки мелкой буржуазии, студенчество. К середине 60-х годов по-

явились первые идеологически оформленные политические течения, отражавшие интересы различных социальных слоев. В последующем такие течения формировались в самостоятельные политические партии и группировки. В условиях почти поголовной неграмотности населения, особенно сельского, наибольший размах политическая борьба получила в городе.

В авангарде политической борьбы выступали радикальные слои интеллигенции и студенчества. На первом этапе появления и формирования различных по своим идейно-политическим программам партий (середина 60-х годов) основной формой политической деятельности стали публикации в частной прессе. Частные газеты начали издаваться после утверждения в парламенте Закона о печати в 1965 г. Основные материалы в этих изданиях носили критический, а зачастую и дискуссионный характер, главным образом вокруг вопроса о дальнейших путях социально-экономического и политического развития страны. Ряд частных газет стал идеологическим и организационным ядром будущих политических партий.

Само правительство Майвандваля не внесло ничего принципиально нового ни в структуру и характер государственного управления, ни в систему общественных отношений, ни в экономическое развитие страны. Через месяц после его прихода к власти премьер выступил с программой «Я иду в народ», имевшей ярко выраженный социально-пропагандистский акцент. Ее целью были поездки главы правительства в провинции с разъяснением политического курса режима. Но все свежие идеи «единства классов», «взаимопонимания правительства и народа» и другие инициативы премьера ушли в песок. Практическая политика свелась к пустым декларациям.

По существу, у правительства не было цельной программы реформ и модернизации страны. Более того, его глава не только не повел борьбу с коррупцией, но и сам оказался причастным к неблагоприятным делам. В целом его команда, составленная из друзей и знакомых, оказалась политически разншерстной и профессионально некомпетентной. Да и сам премьер был непоследователен в своей политике. В частности, после возвращения из США в 1967 г., где он проходил курс лечения, Майвандваль оказался в числе противников монархии. Пытался заигрывать с левыми. Но они ему не доверяли, не без оснований считая антикоммунистом. А когда он вышел в отставку, в письме, адресованном королю, именовал себя «службой Его Величества»²⁷.

После отставки Майвандваля в ноябре 1967 г. его преемником стал Нур Ахмад Эттемади, внук премьер-министра времен правления эмира Хабибуллы Абдул Куддуса «Эттемад ад-даула» и брат одного из активистов оппозиционной группировки «Ватан» (1949–1952 гг.) Фарука Эттемади. По сравнению с другими премьерами периода «демократического эксперимента» он провел в своем кресле самый продолжительный срок — до мая 1971 г. Будучи профессиональным дипломатом и возглавляя МИД в кабинете Майвандваля, он, как отмечают его современники, отличался медлительностью и крайней нерешительностью в принятии решений, что сказалось и на его деятельности на посту премьер-министра. Так, ему потребовалось 20 дней, чтобы сформировать правительство²⁸.

Время его правления оказалось нелегким и насыщенным бурными политическими событиями. Наиболее значимыми по остроте и масштабу были студенческие волнения. Толчком к активизации студенческого движения послужило введение в действие осенью 1968 г. Закона об университетах, который запрещал студентам и преподавателям заниматься политической деятельностью. В ответ в Кабуле прошли бурные демонстрации студентов, требовавших его отмены. В этой напряженной обстановке министр просвещения, он же вице-премьер Ахмад Али Попаль был вынужден уйти в отставку. После острых дебатов парламент отменил закон. Но студенческие волнения продолжались. Тогда власти закрыли Кабульский университет.

Премьер-министр Эттемади долго не мог найти замену отставному Попалю. Наконец на это место был назначен д-р Мухаммад Акрам, который, будучи слабохарактерным человеком, как свидетельствует афганский историк, предпочитал «упрашивать и извиняться» вместо того, чтобы принять жесткие меры против недовольных студентов²⁹. Вскоре его сменил Абдул Каюм, брат председателя нижней палаты парламента Абдул Захира. Каюм давно вошел в номенклатурную «обойму», занимая пост министра связи в кабинете М. Юсуфа и внутренних дел в правительстве Майвандваля. Однако новый министр к существующим проблемам добавил новые, в частности с легкостью разрешал открывать новые школы и лицеи, хотя для этого явно не хватало ни финансовых, ни технических средств, ни учителей³⁰. Такие действия не могли эффективно решить проблемы учащейся молодежи в условиях отсутствия государственного плана развития системы образования.

В отличие от Майвандваля Н.А. Эттемади расширил полномочия своих министров. Однако это не прибавило эффективности их работе. Тем не менее по истечении срока своих полномочий в 1969 г. Эттемади был вновь назначен премьер-министром. Именно в годы его правления обострились отношения между правительством и парламентом, что в конце концов привело к его отставке. 17 апреля 1971 г. на заседании нижней палаты депутаты сделали запрос правительству, но премьер, считавший, что он сам должен определить форму ответа, отказался отвечать и вместе с министрами покинул зал заседания. Тогда депутаты вынесли ему вотум недоверия. Узнав об этом, король оказал нажим на депутатов, и они были вынуждены пересмотреть свое решение, призвав премьера к сотрудничеству. В результате закулисных переговоров было решено, что Эттемади сам подаст королю прошение об отставке, что он и сделал 16 мая 1971 г.³¹ Покинув пост главы правительства, он получил назначение послом в Рим.

В июне 1971 г. новым премьер-министром стал д-р Абдул Захир, бывший председатель нижней палаты парламента. По указанию короля он ввел в состав правительства двух членов Конституционной комиссии — Абдуссамада Хамеда и Мусу Шафика. Король надеялся таким образом спасти демократический процесс в стране. Сам А. Захир был секретарем Лоя джирги 1964 г., утвердившей конституцию. Он был из той же обоймы близких к королю «непотопляемых» технократов. До того А. Захир возглавлял министерство здравоохранения в кабинете М. Дауда. Сохранил он этот пост и в правительстве М. Юсуфа. В 1965–1969 гг. работал председателем Национального Совета. Перед назначением на должность главы кабинета в 1971 г. был послом в Риме. Таким образом, ушедший в отставку Эттемади поменялся местами со своим преемником.

Новому премьеру пришлось столкнуться с массой сложных проблем — усилением студенческой борьбы, нарастанием оппозиционного движения исламских радикалов, наконец, с жесточайшей засухой 1971/72 г. Страна неумолимо втягивалась в общенациональный кризис, который разразился в начале 70-х годов. Его заметным компонентом явилась новая волна студенческих выступлений, захлестнувшая страну. Тягчайшими последствиями обернулась засуха — резко снизился урожай, начался массовый падеж скота. В ряде отдаленных районов разразился голод.

К концу правления правительства А. Захира усилился конфликт между его правительством и парламентом. При этом

премьер повторил неудачный опыт своего предшественника Эттемади, пытавшегося продемонстрировать свою независимость от законодателей, отказавшись давать отдельный ответ на каждый запрос депутатов. А. Захир заявил, что сам определяет форму ответа и готов дать лишь общую информацию. Тогда в отсутствие кворума часть депутатов (118 человек) потребовала его отставки, и 24 сентября 1972 г. Абдул Захир обратился к королю с просьбой освободить его от занимаемой должности. Однако Захир Шах потребовал от него пересмотреть свое решение³². Вскоре, 5 декабря, поняв всю бесперспективность своих усилий по ликвидации последствий засухи, в условиях усилившейся конфронтации с парламентом премьер снова подал прошение об отставке, которая на сей раз была принята³³.

Очередным премьер-министром был назначен д-р Муса Шафик. Он получил образование в Каирском университете «Аль-Азхар» и Колумбийском университете в США. Шафик оказался самым деятельным и энергичным из всех премьеров периода «демократического эксперимента». Его назначение вызвало тревогу и беспокойство левых кругов, увидевших в нем «твердую руку». Сам же король возлагал на него последние надежды по спасению своего режима. Действительно, в обстановке всеобщего политического хаоса и экономических провалов это был его последний шанс.

Впрочем, надежды короля на удачное правление нового премьера выглядели весьма призрачно. Прав оказался Невилл Максвелл, автор статьи по этому поводу в газете «Financial Times», высоко оценивший личность афганского премьера, но не оставивший ему никаких шансов. «Все, что можно сказать по этому поводу, — говорилось в статье, — это то, что д-ра Шафика тоже ожидает провал, и сама система может провалиться вместе с ним»³⁴. Всем менявшим друг друга правительствам явно не хватало политической поддержки, без которой они постоянно сталкивались с законодателями. Последние же тяготели к тому, чтобы фактически превратиться в «принципиальную» оппозицию, отвергающую все правительственные предложения «из принципа». Поэтому к началу 70-х годов отношения между законодательной и исполнительной властью превратились в хроническую конфронтацию, когда правительство нередко просто саботировало мероприятия, навязываемые ему парламентом, а законодатели игнорировали обсуждение даже бюджетных вопросов.

Тем не менее Шафику, провозгласившему политику создания «открытого общества»³⁵, удалось сделать немало за ко-

роткий срок его правления. Он убедил короля подписать законопроект о политических партиях, провинциальных советах и муниципалитетах, разработанный еще в 1967 г. Правительство также предполагало подготовить закон о собраниях и демонстрациях, пересмотреть Закон о печати. Учитывая неэффективность работы парламента, кабинет Шафика предполагал перенести парламентские выборы с 1972 г. на 1974 г. с тем, чтобы подготовить новый закон о выборах. Ему, впрочем, удалось несколько нормализовать отношения с парламентом, который в этот период принял немало важных законов и постановлений. Стремясь снизить накал оппозиционных настроений в стране, М. Шафик принял решение объявить Первое мая праздником рабочих и обязал правительство отмечать его³⁶.

Впрочем, многие важные начинания премьера не были практически реализованы: история отпустила ему всего полгода на то, чтобы попытаться вывести страну из кризиса. Несмотря на все его усилия, система была обречена. Причем, как это ни звучит абсурдно, его энергичная деятельность ускорила падение режима: укрепление существовавшей политической системы могло свести на нет шансы рвавшегося к власти М. Дауда и поддерживавших его левых сил. После антимонархического переворота 1973 г. М. Шафик был арестован и брошен в тюрьму на два с половиной года. Выйдя на свободу в 1976 г., бывший премьер обрел доверие Дауда, хотя ему и не было предложено никаких постов в новой структуре власти. С приходом НДПА к власти в 1978 г. М. Шафик был вновь арестован в числе первых и через несколько недель расстрелян вместе с другими видными деятелями свергнутого режима³⁷.

В годы «демократического эксперимента» законодательная власть в стране осуществлялась парламентом («Маджлес-е али»), состоявшим из нижней палаты — Национального Совета («Вулуси джирга») — и верхней — Совета старейшин («Мышрано джирга»). Численность депутатов Национального Совета составляла 216 человек. Согласно избирательному закону 1965 г., депутаты нижней палаты избирались прямым тайным всеобщим голосованием сроком на четыре года. В верхней палате насчитывалось 56 сенаторов. Треть из них назначалась королем сроком на пять лет, другие две трети избирались совещательными собраниями провинций на три года и населением на четыре года.

Выборы 1965 и 1969 гг. можно было назвать относительно свободными, особенно в сельской местности, где поголовно

неграмотные избиратели голосовали в основном за своих ханов, маликов и духовных авторитетов или за тех, кого предлагала местная знать. Широко практиковался также подкуп избирателей. Правительство и королевский двор нередко вмешивались в ход избирательной кампании.

Активность электората была чрезвычайно низка: так, в Кабуле, насчитывавшем около полумиллиона жителей, в выборах 1965 г. участвовали лишь 15 тыс. человек. Всего по стране из трех миллионов имевших право голоса в голосовании приняли участие 120 тыс. избирателей. При этом в желающих занять депутатское кресло недостатка не было: в 1969 г. на 216 мест претендовали 2020 кандидатов³⁸. И хотя парламент, по конституции, был наделен широкими властными полномочиями, он оказался неспособен использовать их в полной мере.

Во-первых, законодатели не имели достаточно высокого профессионального уровня: так, из его состава созыва 1969 г. лишь восемь человек имели юридическое образование или работали юристами. Среди депутатов было немало просто неграмотных, что шло вразрез с требованиями Закона о выборах. Во-вторых, многие рассматривали свою должность как средство обогащения, особенно те, кто во время выборов использовал подкуп избирателей. Играли здесь свою роль и местные интересы законодателей: «Землевладельцы, доминировавшие в парламенте, не считали себя людьми, прибывшими в Кабул для того, чтобы коллективно управлять страной. Они использовали свое высокое положение с целью уменьшить нежелательное вмешательство государства в дела их регионов и получить гарантию того, что иностранная помощь будет поступать туда под их контролем»³⁹.

Большую часть рабочего времени депутаты посвящали словопрепиям, превращая парламент в дискуссионный клуб. Некоторые из них отвергали планы и программы правительства лишь затем, чтобы показать народу, что они активны и не действуют по указке исполнительной власти. Особой тяги к законотворчеству они не испытывали. Хронической болезнью нижней палаты стало отсутствие кворума. Так, с ноября 1969 г. по май 1970 г. из запланированных 22 заседаний из-за отсутствия кворума было проведено лишь четыре, а в 1970 г. прошло 42 дня с начала года, прежде чем Национальный Совет смог провести свое первое заседание зимней сессии⁴⁰.

Политическое лицо парламента было весьма аморфным. Несмотря на функционирование политических партий в стране, в нижней палате не было партийных фракций или каких-либо парламентских групп. Большинство исследователей де-

лят депутатов афганского парламента 60-х годов на три категории: консерваторы, реформаторы и левые. Численно преобладала первая категория.

Постоянная конфронтация между парламентом и правительством снижала эффективность работы законодательной власти. Лишь последнему из премьеров — М. Шафику, как уже упоминалось, удалось наладить контакты с законодателями и повлиять на их работу, в результате за короткий срок было принято немало законодательных актов: утверждены Закон о бюджете на 1972/73 финансовый год, который «висел» девять месяцев, и Закон о советском кредите в 100 млн рублей на финансирование объектов четвертой пятилетки, поддержан проект соглашения с Ираном о разделе вод р. Гильменд, ратифицировано соглашение о получении займов от Китая, США, Англии, Всемирного банка, Чехословакии, Болгарии и Банка азиатского развития на общую сумму 95 млн долларов. Парламент также одобрил подписание 47 других соглашений с зарубежными странами, утвердил Закон о государственных служащих, Закон о Промышленном банке Афганистана и т.д.⁴¹ Это был поистине беспрецедентный объем работы парламента за пять месяцев 1973 г.

Несмотря на такой всплеск активности, парламента Афганистана в целом не только не способствовал продвижению демократических преобразований, но, наоборот, явился крупнейшим тормозом на их пути. При этом его верхняя палата имела ограниченные полномочия, находилась под контролем короля, а потому не могла влиять на политические процессы в стране.

Важную, хотя и неоднозначную роль в политических процессах 60-х годов и в судьбе самого «демократического эксперимента» в Афганистане сыграли политические партии.

К этому времени в стране уже набирал силу процесс политизации общественно активных сил, в первую очередь интеллигенции, студенчества, армейских офицеров, части учащихся и рабочих. Объективно созревали предпосылки для формирования организаций и иных структур политического представительства интересов различных социальных групп.

Вся политическая активность различных слоев афганского общества концентрировалась исключительно в городах, в основном в Кабуле и Кандагаре. Именно город с его более высоким уровнем политического сознания, как современного, так и традиционного, становился центром политической борьбы, хотя корни социальной напряженности находились в деревне. В деревне же с ее более высоким уровнем эксплуата-

ции, притом преимущественно в традиционной форме, накапливался потенциал скрытого социального недовольства, который не мог там материализоваться. Этот потенциал канализировался в город как через экономические, так и в большей степени кровнородственные связи города и деревни и стал частью того горючего материала, из которого формировались различные политические движения.

Особенно сильным оказалось воздействие на городскую политически активную среду обездоленной части крестьянства. Поэтому вряд ли можно считать неожиданным численное преобладание выходцев из деревни (в основном сельских учителей) в рядах радикальных группировок и течений.

При практическом отсутствии опыта партийного строительства в Афганистане многие партии появлялись под сильным влиянием внешних факторов. Так, партия афганских коммунистов — НДПА — сформировалась под влиянием растущего авторитета СССР и широким распространением социалистических идей в развивающихся странах. Кроме того, ей оказывала идеологическую помощь партия иранских коммунистов — Туде, которая, в свою очередь, была на содержании и под контролем ЦК КПСС. Афганская левозэкстремистская партия «Шоале-йе джавид» испытывала мощное влияние идей маоизма, а правоклерикальная «Мусульманская молодежь» много почерпнула из идейного арсенала международной организации «Братья-мусульмане».

Во второй половине 60-х годов в соответствии со статьей 32-й конституции сложился целый спектр политических организаций, представлявших доминирующие направления общественной мысли — от левозэкстремистских до правоклерикальных. Все они действовали полулегально, поскольку Закон о политических партиях, разработанный и утвержденный парламентом в 1967 г., был отвергнут высшей инстанцией — королем, опасавшимся возникновения легальной оппозиции.

Все появившиеся в тот период политические организации в условиях отсутствия закона называли себя «обществами» или «движениями», однако их существование ни для кого не было секретом. Всего их было восемь, причем шесть находились в оппозиции режиму. Несмотря на полулегальное положение их лидеры были широко известны, занимая посты в государственном аппарате или общественных структурах.

Первой на политическую арену вышла Народно-демократическая партия Афганистана (НДПА), сформировавшаяся на базе нескольких кружков марксистского и социал-демократического толка, возникших в начале 60-х годов. Наиболее

видной фигурой в левых кругах был Нур Мухаммад Тараки, один из лидеров левого крыла оппозиционного движения конца 40-х — начала 50-х годов. После разгрома движения он был отправлен в США на должность пресс-атташе афганского посольства, но вскоре вернулся на родину. В конце 50-х годов он возглавлял частное бюро переводов. В начале 60-х годов он привлек на свою сторону группу молодых левых радикалов — преподавателей медицинского факультета Кабульского университета д-ра Шах Вали и д-ра Салех Мухаммада Зерая, техника завода «Джангалак» Абдул Карима Мисака и других.

Не меньшую популярность в те годы приобрел Бабрак Кармаль, один из бывших лидеров студенческого движения. В 1952 г., после разгрома оппозиции, он был арестован и брошен в тюрьму на четыре года. После выхода на свободу прошел воинскую службу в школе резервистов и закончил юридический факультет Кабульского университета. В годы учебы он познакомился со своими будущими соратниками — Султаном Али Кештмандом, Нур Ахмад Нуром, Анахитой Раттебзад. К нему примкнул и историк М.Г.М. Губар, также отсидевший с Б. Кармалем четыре года в тюрьме.

В числе других организаторов и функционеров политических кружков были чиновник министерства информации и культуры Гулам Дастегир Панджшири, чиновник министерства сельского хозяйства Шахрулла Шахпар, сотрудник библиотеки Кабульского университета Тахер Бадахши и школьный учитель Захер Офок, которые затем также вошли в НДПА.

У истоков партии стояли и деятели либерально-буржуазных взглядов: член Конституционной комиссии, депутат парламента М.М.С. Фарханг, преподаватель Кабульского университета Мухаммад Сиддик Рухи, бывший секретарь группировки «Ватан» Наим Шаян, осуществлявший связь афганских марксистов с компартией Ирана (Туде), профессор Кабульского университета Али Мухаммад Захма. Все они по разным причинам не участвовали в учредительном съезде НДПА и вскоре отошли от политической деятельности.

Учредительный съезд партии конспиративно состоялся 1 января 1965 г. на квартире Н.М. Тараки. Среди делегатов (всего 27 человек) развернулась острая дискуссия вокруг целей и задач создаваемой партии и ее названия. Национальный состав участников съезда представлял основные этнические группы населения: 13 пуштунов, 8 таджиков, 3 хазарейца и 3 узбека. Большинство из них были разночинными интеллигентами и мелкими чиновниками. На состоявшемся в тот же

день пленуме ЦК партии был избран (на безальтернативной основе) ЦК НДПА в составе 7 человек: генеральный секретарь Н.М. Тараки (пуштун), секретарь ЦК Б. Кармаль (таджик), С.М. Зерай (пуштун), С.А. Кештманд (хазарец), Ш. Шахпар (таджик), Т. Бадахши (таджик). Четыре человека были избраны кандидатами в члены ЦК.

На съезде было объявлено, что партия в своей деятельности руководствуется идеями «научного социализма». Конечной целью партии было провозглашено строительство социализма.

После съезда НДПА развернула активную политическую деятельность. На парламентских выборах 1965 г. в нижнюю палату прошли четыре ее члена — Б. Кармаль, Н.А. Нур, А. Ратебзад (которая, впрочем, в партию вступила несколько позже) и д-р Файзан уль-Хак. Генеральный секретарь НДПА Н.М. Тараки не набрал нужного числа голосов и не получил депутатского мандата. Вместе с ним провалили выборы С.А. Кештманд и кандидат в члены ЦК Шараи Джузджани.

В парламент баллотировался и недавно вступивший в партию левый радикал Хафизулла Амин, незадолго до того вернувшийся из США, где он находился на учебе.

Становление партии проходило весьма болезненно. С момента основания в ней появились идейные разногласия, в основном между двумя лидерами, по вопросам характера партии, ее тактики и стратегии, форм и методов борьбы. В ее рядах выделилось два крыла — умеренное и радикальное. Лидер радикалов Тараки пропагандировал создание партии пролетарского типа с упором на нелегальные формы деятельности, работы с трудящимися массами. Либерально настроенный Кармаль предлагал создать партию общедемократического характера с участием интеллигенции, мелкой и средней буржуазии, чиновничества. При этом он поддерживал открытые, парламентские формы деятельности.

Разногласия между двумя лидерами переросли в конфликт, и в 1967 г. НДПА раскололась на две группировки — «Хальк» («Народ») во главе с Н.М. Тараки и «Парчам» («Знамя») под руководством Б. Кармаля. Каждая группировка обзавелась собственным ЦК и организационной структурой. Личное соперничество и идейные разногласия двух руководителей усугублялись разным национальным и социальным составом их сторонников: «халькисты» представляли в основном пуштунов, выходцев из деревни; в «Парчам» входила большей частью многонациональная столичная интеллигенция, преимущественно таджики и пуштуны. В целом су-

существование двух самостоятельных группировок НДПА свидетельствовало о наличии двух различных направлений в афганской революционной демократии, проповедовавших одну цель — построение общества, «свободного от эксплуатации человека человеком».

Личная неприязнь двух лидеров вскоре переросла в открытую вражду. Каждый из них претендовал на то, чтобы его группировка являлась единственным авангардом и представителем интересов «рабочего класса и всех трудящихся Афганистана», каждый называл своего соперника «орудием империализма и реакции». Парчамисты обвиняли Тараки в том, что он является якобы агентом ЦРУ, халькисты, в свою очередь, называли своих оппонентов «роялистской партией»⁴².

Используя новый Закон о печати, НДПА весной 1966 г. начала издавать свой печатный орган — газету «Хальк», в первом номере которой 11 апреля опубликовала «Демократическую программу газеты “Хальк”».

Основной причиной бедственного положения народа идеологи партии считали «экономическое и политическое господство феодального класса, крупного купечества, бюрократии и агентов международных монополий, классовые интересы которых противоречат интересам народных масс Афганистана». НДПА, говорилось в программе, берет на себя задачу разрешения этих противоречий путем создания национально-демократического правительства, опирающегося на «объединенный национальный фронт всех прогрессивных, демократических и патриотических сил, то есть рабочих, крестьян, интеллигенции, ремесленников, мелкой и национальной буржуазии, которые борются за национальную независимость, демократизацию общественной жизни и доведение до конца антифеодальной и антиимпериалистической борьбы»⁴³.

Формулируя политические задачи национально-демократического правительства, программа НДПА предусматривала установление подлинного народовластия, обеспечение экономической независимости и национального суверенитета, демократизацию судебной системы, действительное обеспечение прав народа — свободы слова, печати, собраний, создания политических организаций, профсоюзов, свободы забастовок, демонстраций, демократическое решение национального вопроса.

Экономическая политика такого правительства, подчеркивалось в газете, должна быть нацелена на развитие государственного сектора на основе планирования. «Государственный сектор, — писала газета “Хальк”, — имеющий антифео-

дальный, антиколониальный и антиимпериалистический характер, станет основой развития экономики и подлинной демократии»⁴⁴.

В основе аграрной политики, по мнению авторов программы, должна лежать ликвидация феодализма путем проведения демократической земельной реформы в интересах безземельных и малоземельных крестьян и при их непосредственном участии, уничтожении ростовщической задолженности, создания крестьянских кооперативов и всемерной помощи им.

Партия в своей программе наметила также реализацию ряда важных социальных задач, включая установление 42-часовой рабочей недели, введение оплачиваемых отпусков, пенсий для престарелых, бесплатного медицинского обслуживания, запрещение детского труда, создание профсоюзов, заключение коллективных договоров, строительство дешевого жилья для всех обездоленных, расширение прав женщин, борьбу с неграмотностью⁴⁵.

В области внешней политики НДПА выступила за проведение миролюбивой политики нейтралитета, борьбы за мир и мирное сосуществование, против колониализма и неоколониализма, в поддержку национально-освободительных движений.

В конце программы были кратко сформулированы тактика и стратегическая линия партии: «Выступая в поддержку конституции и мирным путем борясь на данном этапе за создание национально-демократического правительства и некапиталистический путь развития на основе передовой идеологии и мировоззрения, мы никогда не забываем о своей ответственности перед народом и трудящимися Афганистана и о нашей конечной цели — построении нового, социалистического общества»⁴⁶.

Раскрывая классовую природу партии, газета писала, что эта «политическая организация нового типа в Афганистане будет состоять из авангарда рабочего класса и выступать в союзе с крестьянством и прогрессивной интеллигенцией, являясь направляющей силой демократического движения».

Официальные власти выдвинули против газеты обвинения в нарушении конституционных положений, и в мае 1966 г. она была запрещена. Всего вышло шесть номеров «Хальк». После раскола в партии группировка «Парчам» в 1968 г. стала издавать свой печатный орган — газету «Парчам», которая конкретизировала и развивала основные положения программы НДПА, ставила текущие задачи и формулировала конечные цели борьбы.

В целом деятельность НДПА была многогранной — публикация теоретических материалов в печатных органах, критические выступления в парламенте, организация забастовок, митингов и демонстраций и участие в них. Митинги обеих группировок проходили отдельно и неизменно возглавлялись их лидерами, которые выступали перед своими сторонниками с набором в основном схожих по содержанию лозунгов — в защиту прав палестинцев и вьетнамцев, дружбы с Советским Союзом, солидарности с мировым пролетариатом, осуждения империализма и «мировой реакции». Обе группировки воздерживались от публичной критики короля и режима, тем более персонифицированной. Число участников шествий и митингов, как правило, было невелико — от 50 до 100 человек. Уличные акции НДПА обычно оставляли равнодушными жителей столицы. Полиция чаще всего не вмешивалась, наблюдая лишь за порядком.

В целом деятельность НДПА в русле провозглашенного режимом «демократических реформ» не может быть оценена однозначно. Позиции и действия ее лидеров, в частности Б. Кармаля, носили противоречивый характер. Особенно это было заметно в парламентских выступлениях лидера «Парчам». Он жестко критиковал деятельность правительства, осуждал деспотизм властей и в целом режима, однако неизменно воздавал должное «мудрости» и «прогрессивности» короля, с которым, кстати, виделся довольно часто⁴⁷.

Особого внимания заслуживает вопрос об отношениях руководства НДПА с Москвой. Большинство западных и афганских историков утверждают, что партия была под полным контролем ЦК КПСС, финансировалась и направлялась Москвой. «Бывший афганский министр внутренних дел, — пишет американский исследователь Л. Пуллада, — заявил, что он изучил все обширные досье афганской тайной полиции, касающиеся деятельности левых. Министр категорически утверждал: эти документы несомненно доказывают, что лидеры афганских коммунистов находились под контролем, финансировались и направлялись агентами КГБ из советского посольства. Их (лидеров коммунистов. — В.К.) наставляли, как нужно саботировать “демократический эксперимент”, и скрупулезно готовили к захвату власти силой»⁴⁸.

Если здесь и есть преувеличения, то очень небольшие. В 50-е годы советское руководство сделало ставку на режим М. Дауда, который, в свою очередь, столкнувшись с отказом США предоставить ему военную помощь и отвергнув попытки Запада вовлечь Афганистан в военный блок СЕНТО, со-

риентировался на Советский Союз. И уже во второй половине 50-х годов Москва быстро заняла положение доминирующей державы в Афганистане.

С появлением первых марксистских кружков в Кабуле Кремль, однако, официально продолжал придерживаться курса на расширение межгосударственных отношений, формально игнорируя деятельность местных коммунистов. Тем не менее афганские марксисты еще с конца 50-х годов оказались «под колпаком» советских спецслужб. И если в конце 40-х годов высокопоставленные правительственные чиновники редко осмеливались посещать приемы в посольстве СССР, опасаясь попасть в «черные списки», то в 60-х годах лидеры НДПА, особенно парчамисты, были частыми гостями советской дипломатической миссии в дни советских праздников. Это обеспечивало им если не полный иммунитет, то, по крайней мере, некоторое покровительство. Афганскому правительству таким образом давали понять, чтобы их не трогали, иначе последует болезненная реакция из Москвы⁴⁹.

По данным российского исследователя Г. Ежова, еще в 1963 г. Н.М. Тараки посетил Москву, где встречался с заместителем заведующего Международным отделом ЦК КПСС Р. Ульяновским⁵⁰. В 1965 г. он получил приглашение приехать в СССР «на лечение», которое затянулось на 42 дня. Во время пребывания Тараки в Советском Союзе он встречался с сотрудниками международного отдела ЦК КПСС, на которой обсуждались вопросы программы, устава, тактики, стратегии и финансирования будущей НДПА. Тогда же в Баку была опубликована его книга «Новая жизнь» на языке дари — упрощенное изложение основных марксистских догм — и тайно переправлена в Афганистан. Вернувшись на родину, лидер марксистов с гордостью говорил, что его принимали в Москве на высоком уровне⁵¹, хотя советские дипломаты в Кабуле, не рискуя открыто дезавуировать его выдумки, всячески пытались предотвратить публикацию материалов о его поездке за рубеж в местной печати. Премьер-министру Майвандвалю Тараки заявил, что был приглашен в СССР Союзом писателей и Обществом советско-афганской дружбы.

Совершенно очевидно, что советское руководство оказывало афганским левым не только идеологическую поддержку. К тому времени на содержании ЦК КПСС уже находилась иранская компартия (Туде), которая снабжала афганских коллег пропагандистскими материалами. Лидеры НДПА, особенно Кармаль, добросовестно отрабатывали советскую помощь. Во второй половине 60-х и начале 70-х гг. основным лейтмоти-

вом его выступлений в парламенте были призывы крепить дружбу с Советским Союзом и обличение американского империализма. Бабрак рассматривал политику любого афганского правительства через призму отношения последнего к СССР. «Правозэкстремистская реакция и ультралевые, — не жалел он черной краски в одном из своих выступлений в Национальном Совете, — объединились в едином лагере под лозунгом антисоветизма с правым крылом правящих кругов и внутренними и внешними шпионскими организациями. Они плетут заговоры и интриги с целью подрыва дружественных добрососедских отношений Афганистана и СССР. Мы заявляем, что необходимо поддерживать и защищать близкие отношения с Советским Союзом, которые полностью соответствуют интересам нашего народа и родины, независимости и прогрессу Афганистана»⁵².

Надо сказать, что шумная публичная деятельность афганских коммунистов не вызывала адекватной реакции властей, в действиях которых явно доминировал либерализм. Правда, правительство прибегало иногда к превентивным мерам: в 1966 г. была закрыта газета «Хальк», в 1969 г. были арестованы и посажены в тюрьму два члена ЦК группировки «Парчам» Г.Д. Панджшири и С.М. Зерай. Однако о массовых репрессиях не могло быть и речи: режим демонстрировал стремление придерживаться демократических норм, провозглашенных в конституции. Вероятней всего, власти не считали фрондирующую НДПА серьезной угрозой конституционному строю. Тем не менее, пользуясь попустительством и даже слабостью властей, коммунисты шли на открытую конфронтацию со всеми другими политическими силами, в первую очередь с левозэкстремистами и правыми радикалами, разжигая общественное недовольство. Такие действия объективно подрывали и без того робкие и непоследовательные усилия режима по демократизации и либерализации общественно-политической жизни.

Идеологические расхождения внутри НДПА привели к появлению других революционных организаций схожей политической ориентации. Они возникли при участии членов ЦК НДПА первого состава. Так, в 1969 г. отколовшиеся от группировки «Парчам» Г.Д. Панджшири, Ш. Шахпар, С.М. Шена и другие создали организацию «Трудовой народ» («Хальк-е каргар»). Однако уже в начале 1971 г. часть ее членов порвала со своей организацией и присоединилась к группировке «Хальк». Несколько позже к халькистам примкнул и основатель «Трудового народа» Г.Д. Панджшири, выпущенный из

тюрьмы в 1971 г. Оставшаяся часть «трудовиков» в 1975 г. объявила о создании организации «Молодые коммунисты», фактическим руководителем которой стал С.М. Шена⁵³.

В 1968 г. возникла еще одна левая организация на почве острых разногласий между таджиком Тахером Бадахши и пуштуном Х. Амином, позиции которого в этот период быстро усиливались. Бадахши выступил против пуштунского национализма Амина, защищая интересы национальных меньшинств. В результате оба были выведены из состава ЦК. Однако Т. Бадахши не согласился с таким решением и создал свою организацию «Кружок ожидания». Она была представлена преимущественно таджиками, узбеками, хазарейцами и другими нацменьшинствами. Они выступили за освобождение страны от политического господства пуштунов, объявили своей социальной базой крестьянство и провозгласили своим приоритетом вооруженные формы борьбы.

В 1971 г. в группировке «Хальк» произошел новый раскол, в результате которого из состава ЦК был выведен пуштун Захер Офок, опять же на почве острой неприязни к Амину. Он и его соратники из числа покинувших НДПА или исключенных из нее создали свою организацию «Революционное общество трудящихся Афганистана» (РОБТА). По своему национальному составу это была пуштунская организация регионального масштаба, действовавшая в основном в Кандагаре, Пактии, Нангархаре и Кабуле. Руководители РОБТА определяли ее как «марксистско-ленинскую организацию рабочего класса и всех трудящихся страны», «верную принципам пролетарского интернационализма и твердой братской солидарности с СССР». Они заявляли об отсутствии идеологических разногласий с НДПА, но критиковали последнюю по проблемам единства.

В условиях появления различных политических движений правящие круги в свою очередь пытались представить свою программу как универсальное средство удовлетворения интересов широких слоев населения. Эти взгляды трансформировались в попытку создания политической партии, которая, руководствуясь интересами либеральной части просвещенной элиты и используя государственные ресурсы, могла бы контролировать общественно-политическую жизнь, воздействуя на формирование общественного мнения. Идею создания такой по существу правительственной партии пытался воплотить на практике премьер-министр М.Х. Майвандваль.

Основные положения программы партии были изложены в его речи по случаю Дня независимости в августе 1966 г. и

сводились к достижению «прогрессивно-демократических идеалов». Поэтому организация, созданная премьером, получила название Партии прогрессивной демократии. Цели, задачи, тактика борьбы, а также философия «прогрессивных демократов» были подробно освещены в печатном органе партии — газете «Мосават» («Равенство»), которая начала издаваться в январе 1967 г. Главной целью партии, писала газета, является «открытие пути к реформам в области экономической (на основе системы “руководимой экономики”», к позитивным преобразованиям в области социальной, культурной и духовной жизни общества». Текущей задачей партии была объявлена «борьба во имя принципов ислама, конституционной монархии, национализма, демократии и социализма», «за осуществление экономической, политической и социальной демократии, обеспечение прав обездоленных, угнетенных классов, против неблагоприятных условий жизни, социальной несправедливости и остатков феодализма»⁵⁴.

Выдвигая реформистскую программу, «прогрессивные демократы» предлагали для ее осуществления путь «молчаливой», или «законной», революции в рамках строгого соблюдения законов и конституции. Развивая эту мысль, газета писала: «Поддерживая идеи прогрессивной демократии, можно мирным путем, законно, в соответствии с исторической действительностью разорвать цепи угнетения и построить дворец свободы и подлинного равенства»⁵⁵.

Что касается конкретных путей устранения социальной несправедливости, то идеологи партии предлагали разработать новое законодательство о труде, которое предусматривало бы предоставление рабочим права участвовать в управлении предприятиями и в получении части прибыли⁵⁶. В отношении представителей правящего класса издатели газеты предлагали проводить меры по их увещанию. С ними надо вести разъяснительную работу, считала газета; поскольку «они совершают ошибки, мы им сочувствуем, разъясняем мирно, по-братски, чтобы они могли исправиться»⁵⁷.

Большое внимание газета «Мосават» уделяла бедственному положению крестьянства, выступая с позиций социального критицизма. Вот что писалось по этому поводу в статье «Наши крестьяне»: «Наихудшее выражение эпохи феодализма в наш век — это положение нашего крестьянства. Его вечный удел — горести и несчастья. Оно работает, создает ценности, а плоды его труда присваиваются хозяевами»⁵⁸.

Выступая поборниками социальной справедливости, «прогрессивные демократы» предлагали провести аграрную рефор-

му, не меняющую, однако, характера социальных отношений в деревне и форм собственности на землю, а предусматривавшую отдельные мероприятия с целью улучшения экономического положения крестьян. Речь шла о незначительном ограничении крупной земельной собственности, пересмотре условий земельной аренды, наделении крестьян земельными участками из государственного земельного фонда и вновь орошенных целинных земель, создании государственных ферм и крестьянских сбытовых и потребительских кооперативов, помощи крестьянам семенами, сельскохозяйственным инвентарем и удобрениями.

Программа Партии прогрессивной демократии, по существу, была лишена четкой идеологической основы. Эклектически соединив различные принципы (например, монархия и социализм), эта партия не смогла стать политическим представителем интересов какого-либо социального слоя и осталась немногочисленной группой лиц, поддерживавших идеи ее лидера М.Х. Майвандваля. К тому же его программа («Я иду в народ») и широковещательные декларации, не предусматривавшие мер радикального характера, в условиях нараставшей борьбы за реализацию положений конституции не нашли широкой поддержки общественности. В 1967 г. правительство Майвандваля ушло в отставку. Его партия в последующие годы так и не смогла обрести сколь-нибудь серьезного влияния, больше занимаясь развитием своей концепции, нежели практической деятельностью. Ее газета «Мосават» оказалась, впрочем, весьма жизнеспособной, просуществовав до конца 1971 г.

Широкий набор идей привлек в партию деятелей различных политических взглядов, поэтому ее состав оказался довольно пестрым. Ядро партии состояло из представителей буржуазно-либеральной интеллигенции. В числе ее видных деятелей был известный поэт Абдуррауф Бенава, в прошлом лидер умеренного крыла демократической оппозиции конца 40-х — начала 50-х годов. Он занимал пост министра информации и культуры в правительстве М.Х. Майвандваля, а в 1969 г. стал депутатом парламента. Членом партии был также видный историк Абдулхай Хабиби, брат министра информации Махмуда Хабиби в правительстве Н.А. Эттемади. Заметную роль играл также преподаватель Кабульского университета, сотрудник Академии языка пушту профессор Абдуррашад Рашад, одно время преподававший в Ленинградском университете. Среди «прогрессивных демократов» пользовался известностью член Исторического общества Афганистана Му-

хаммад Сиддик Тарзи, племянник идеолога младоафганского движения Махмуд-бека Тарзи.

Однако несмотря на создаваемый руководством «прогрессивных демократов» громкий имидж поборников демократии и социализма ее лидеру Майвандвалю не удалось получить широкой поддержки ни в структурах власти, ни среди демократической общественности. Большинство ее сторонников составляли люди, весьма далекие от идеалов демократии, стремившиеся лишь занять крупные посты в государственном аппарате. Неудивительно, что после отставки лидера партии с должности премьер-министра ее начали спешно покидать искатели постов. Сам Майвандваль вскоре заявил о своих оппозиционных настроениях, за что и поплатился: в 1969 г. без участия королевского двора он провалился на выборах в нижнюю палату парламента. А в 1972 г. из партии вышли А.Р. Бенава и его старые соратники по оппозиции конца 40-х — начала 50-х годов⁵⁹. Таким образом, вся «демократическая» деятельность «мосаватовцев» свелась к пустой демагогии, не подкрепленной практическими действиями в поддержку проводимого властями «демократического эксперимента».

Во второй половине 60-х годов громко заявила о себе лево-экстремистская группировка «Шоале-йе джавид» («Вечное пламя»), официально называвшая себя Новой демократической партией. Организационно она оформилась в 1968 г., когда ее лидеры и идеологи стали издавать газету с одноименным названием. Основателями и лидерами группировки были члены семьи одного из лидеров оппозиционного движения конца 40-х — начала 50-х годов. «Нида-йе хальк» Абдурахмана Махмуди, умершего в 1962 г. после выхода из тюрьмы, — его брат Рахим и сыновья Абдул Хади и Абдулла, братья хазарейского клана Яри, а также преподаватель Кабульского университета Мухаммад Осман.

Основными целями организации были объявлены борьба против американского империализма и «советского ревизионизма», поддержка международного национально-освободительного движения. Особую вражду ультралевые питали к НДПА в полном соответствии с тогдашним характером отношений между СССР и Китаем. Они утверждали, что НДПА пользуется покровительством правительства, а ее газета фактически финансируется из государственного бюджета⁶⁰. Лозунгам ультралевых соответствовали и формы их деятельности. Не имея своих представителей в парламенте, сторонники идей политического экстремизма сделали упор на публичные выступления — митинги, демонстрации, забастовки, которые

зачастую сопровождалась стычками со сторонниками НДПА, исламистами и полицией. На этом этапе левозэкстремисты не имели союзников: они выступали против всех.

Стремясь дискредитировать НДПА и внести раскол в демократическое движение, афганские ультралевые выступили с критикой основных положений программы НДПА. Они отвергали выдвинутую афганскими коммунистами идею перехода на путь некапиталистического развития, обвиняя их в соглашательстве с буржуазией и попытками совлечь угнетенных с пути классовой борьбы. Идеологи «Шоале-йе джавид» считали создание национального фронта прогрессивных, демократических сил нереальным в условиях политического господства эксплуататорских классов. В той же мере они выступали и против принципов мирного сосуществования.

В самом начале своей деятельности «новые демократы» понесли ощутимые потери. В июне 1968 г., пытаясь возглавить забастовку рабочих авторемонтного завода «Джангалак», они устроили шумный митинг, который завершился открытой потасовкой. В столкновении с полицией были убиты несколько рабочих. Среди арестованных участников забастовки оказалось все руководство партии (14 человек). Все они были брошены за решетку на длительные сроки. Газета «Шоале-йе джавид» была закрыта.

Однако ультралевые не прекратили борьбу. Они развернули активную работу среди студентов Кабульского университета и Политехнического института, где им удалось добиться довольно сильных позиций. В начале 70-х годов один из членов группировки даже возглавил Союз студентов Кабульского университета. Организация ультралевых была строго законспирирована. Большинство ее членов представляли национальные меньшинства (в основном таджики и хазарейцы) — маргиналы, полупролетарские слои, студенчество.

Левозэкстремисты не признавали конституционно-демократических методов борьбы, постоянно шли на конфронтацию с властями. Впрочем, их малочисленность, политический эпатаж, шумные наскоки на всех и вся, демонстративное пренебрежение к законам, приверженность «чуждой» идеологии и, наконец, отсутствие позитивной программы развития страны превращали партию в политического аутсайдера. К тому же в отличие от НДПА у маоистов не было харизматического лидера, который стал бы центром притяжения широкого контингента сторонников. Этим фактором, то есть наличием сильной личности, в Афганистане во многом определялся политический и общественный климат: массы тяго-

теют не к идеям, а к лидерам. Именно личности, а не идеология определяли судьбу НДПА на различных этапах ее деятельности. Лишенная такого лидера, «Шоале-йе джавид» в последующие годы потеряла ореол борца и скатилась к обыкновенному терроризму.

Подобно НДПА группировка ультралевых также не избежала раскола на почве разногласий между ее лидерами. В частности, братья Яри организовали свою группировку — «Организацию молодых марксистов». Свою группу создал и инженер М. Осман, назвав ее «группой критиков». Таким образом, уже в 1968 г. «Шоале-йе джавид» перестала быть единой организацией, хотя под этим названием выступали различные левозэкстремистские течения и группы, что создавало видимость единства организации⁶¹. Ультралевые получали ощутимую поддержку посольства КНР в Кабуле, которое стремилось объединить различные политические силы Афганистана в антисоветский фронт⁶².

Непримиримым противником афганских левых и ультралевых выступали исламские радикалы, занявшие крайне правую часть политического спектра. В отличие от умеренно лояльного мусульманского ортодоксального духовенства (всего в тот период в стране насчитывалось 220–230 тыс. служителей культа) новое политическое движение, появившееся в 50-х годах, выступило в оппозиции режиму, объявив себя наследником идей известного религиозного реформатора конца XIX в. Джамалуддина Афгани, родоначальника исламского фундаментализма.

Первые кружки исламистов в Афганистане появились в 1965 г. на богословском факультете Кабульского университета (фактический руководитель — декан факультета Гулам Мухаммад Ниязи) и инженерном факультете Кабульского политехнического института (лидер — студент Гульбедин Хекматъяр). Члены кружка Г.М. Ниязи, пишет исследователь афганских фундаменталистов В.Н. Спольников, обсуждали планы «возрождения» роли ислама, будущее государственное устройство страны, критиковали общественно-политические порядки в стране, читали и обсуждали арабские источники, вырабатывали программные документы и устав будущей организации. Кружок ограничивал свою деятельность рамками университета, хотя его члены участвовали и в оппозиционных правительству демонстрациях и митингах, «даже руководимых коммунистами, чтобы вести среди демонстрантов работу с целью отвратить их от коммунизма»⁶³. В 1969 г. оба кружка объединились и создали партию «Мусульманская мо-

лодежь». В числе ее основателей и руководителей были также профессор богословия Бурхануддин Раббани и студент Абдурраб Расул Саяф.

Окончательно организация оформилась в начале 1973 г., когда были зарегистрированы ее члены и сформированы руководящие органы. На первом заседании руководителей партии, которое состоялось на квартире Б. Раббани, был избран ее руководящий орган — Высший Совет, который возглавил хозяин квартиры. Его заместителем стал студент А.Р. Саяф. Ключевая фигура движения — декан факультета Гулам Мухаммад Ниязи не участвовал на заседании и не занял в организации никакого официального поста, опасаясь поставить под удар свою карьеру. Г. Хекматъяр тоже отсутствовал, отбывая тюремное заключение по обвинению в убийстве студента-маоиста, но был назначен ответственным за политическую деятельность партии⁶⁴.

«Мусульманская молодежь» с момента своего появления заявила о себе как крайне реакционная экстремистская организация студенческой молодежи, вобравшая в себя прежде всего ту часть радикальной мелкобуржуазной интеллигенции, которая была еще тесно связана с деревней⁶⁵.

Организационная структура партии была строго законспирирована. Ее ядро составляло студенчество. В нее входили также учащиеся лицеев, мелкие торговцы и чиновники, интеллигенция. Руководство партии установило контакты с движением «Братьев-мусульман» в Египте и пакистанской «Джамаат-и ислами», положив в основу своей программы их идеи.

Деятельность исламских фундаменталистов разворачивалась в двух направлениях — борьба против коммунистической идеологии и либеральной политики правительства. Ее формы были многообразны: организационная и пропагандистская работа среди студентов, конференции, проведение религиозных праздников, митинги, демонстрации, участие в забастовках. Исламские радикалы часто выезжали в сельскую местность, где вели широкую пропаганду среди верующих. Они активно работали в мечетях и медресе, в армейских частях.

В 1969 г. в Кабуле начала издаваться газета «Гахиз», названная по имени ее издателя Минхаджуддина Гахиза, которая вскоре стала рупором идей исламского фундаментализма. Она выступала с критикой как социализма, так и капитализма, считая единственно правильным «исламский путь развития».

К концу 60-х годов исламисты резко активизировались. Они подвергли нападкам действия министра информации и культуры М. Хабиби, разрешившего публикацию в газетах либе-

ральных идей. В мае 1970 г. клерикалы открыто продемонстрировали свою силу. Предлогом для их выступлений послужили материалы в газете «Парчам», посвященные 100-летию рождения В.И. Ленина, где вождю мирового пролетариата воздавались такие почести, которых, по мнению богословов, мог удостоиться лишь пророк Мухаммед. В ответ на это в Кабул съехалось около двух тысяч мулл из провинций, которые в течение двух недель устраивали шествия к зданию парламента и соборной мечети. Демонстранты несли плакаты, призывавшие к высылке из страны всех иностранцев, к запрету женского образования, ношения мини-юбок, демонстрации западных фильмов, к восстановлению обязательного ношения чадры. Они потребовали закрыть газету «Парчам». Открыто звучало недовольство правительством, которое, по мнению демонстрантов, попустительствовало распространению коммунистической идеологии и западного образа жизни. Критике подвергся даже король. Власти, обеспокоенные устроенными радикалами беспорядками, применили силу. Бунтовавшие муллы были посажены на грузовики и вывезены в провинции. Волнения исламистов прокатились и в других городах — Джалалабаде, Газни, Мазари-Шарифе⁶⁶.

В результате правительство пошло на некоторые уступки клерикалам: была закрыта газета «Парчам» и уволен в отставку министр информации М. Хабиби. И хотя дальше этих мер режим не пошел, события мая 1970 г. выявили слабость демократического процесса в стране, отсутствие усилий по консолидации сторонников модернизации. Усиление деятельности исламских радикалов способствовало нарастанию политической поляризации в стране, которая вела к эрозии «демократического эксперимента».

Остальные партии в Афганистане занимали более умеренные позиции, как правило не участвовали в публичных политических акциях и ограничивались рамками пропагандистско-парламентской деятельности. Среди них наиболее заметной была «Афган меллят» («Афганская нация»), или Социал-демократическая партия. Возглавлял ее бывший мэр Кабула Гулам Мухаммад Фархад, получивший образование в Германии накануне Второй мировой войны. Усиление пуштунского национализма в Афганистане в то время и поездки Фархада в Германию оказали серьезное воздействие на его политические взгляды.

Социал-демократы издавали газету под тем же названием, которая излагала основные идеи партийного руководства — создание «единого духа нации» на принципах пуштунского

национализма. Партия заявила о наличии у Афганистана территориальных притязаний к соседним государствам — СССР, Ирану и Пакистану — и выпустила карту «Великого Афганистана» с включением в его состав некоторых пограничных районов этих стран, в том числе Пендинского оазиса (г. Кушка), который был присоединен к России в 1885 г. В третьем номере газеты (июнь 1968 г.) было опубликовано требование вернуть оазис Афганистану.

В 1969 г. лидер партии Фархад стал депутатом парламента. Вскоре он подвергся критике со стороны экстремистского крыла своей партии за отход от партийной линии. В результате в 1971 г. в рядах пуштунских националистов произошел раскол. От партии откололась группа более умеренного толка во главе с Феда Мухаммадом Федаи, которая стала издавать газету «Меллят». Лидер группы еще в 1969 г. неудачно баллотировался в парламент, в последующем даже угодил в тюрьму за публикацию материалов, «противоречащих конституционным положениям». Вскоре его группа распалась, не оставив заметного следа в афганской политической истории.

Что касается основной части социал-демократов, то их руководство во главе с Фархадом после переворота 1973 г. перенесло свою штаб-квартиру в Пешавар и открыло филиал партии в Дели, а затем перебралось в ФРГ. В конце 70-х гг. руководителем партии стал Мухаммад Вакман.

К числу организаций левой ориентации принадлежала также небольшая партия «Седа-йе авам» («Голос масс»), сформировавшаяся в 1968 г. Лидер партии, депутат парламента А.К. Фарзан, издавал газету под одноименным названием, которая выступила в роли защитника всех угнетенных. Программа партии носила национально-демократический характер и предусматривала «передачу политической и экономической власти народу на основе волеизъявления трудящихся», путь некапиталистического развития, борьбу против «колониализма, эксплуатации, дискриминации, войны, за справедливый мир во всем мире»⁶⁷.

В парламенте группа депутатов от «Седа-йе авам» поддерживала коммунистов, но занимала более умеренные позиции и держалась в тени. Кроме Кабула, другим центром деятельности партии был Герат, где ее сторонники, участвуя в митингах и демонстрациях, выступали вместе с левозэкстремистами. В целом же партия не отличалась политической активностью и была немногочисленной. В ее рядах состояло несколько заметных фигур — председатель Союза студентов З. Эсмат и его сестра, депутат парламента Масума Эсмат,

муж которой д-р Абдул Каюм впоследствии стал министром горных дел и промышленности в республиканском правительстве М. Дауда. После антимонархического переворота партия прекратила свое существование.

Наконец единственной партией, не скрывавшей своей лояльности к монархии, была «Иттихад-е мелли» («Национальный союз»), известная также под именем «Вахдат-е мелли» («Национальное единство»). Ее создал известный литератор, депутат парламента Халилулла Халили, который стал издателем газеты «Иттихад-е мелли». В 1966 г. он был назначен послом в Саудовскую Аравию и отошел от партийной деятельности.

Руководство партии выдвигало идеи «классовой гармонии» как основы для достижения социальной справедливости. В партии состояли видные общественные деятели и высокопоставленные государственные чиновники. В их числе был депутат парламента М.Э. Осман, президент информационного агентства «Бахтар» А.Х. Мобарез (одно время возглавлял партию), крупный чиновник из министерства торговли д-р А. Расул, президент Департамента публичных библиотек министерства информации и культуры Г.А. Фарид. Занимая центристские позиции, партия не выходила в своей деятельности за рамки законов и активно поддерживала правительственный курс.

Таков был спектр основных политических партий в Афганистане периода второй половины 60-х — начала 70-х годов. В современном понимании это были собственно и не партии, обладавшие программами, уставом, организационной структурой и представительством в выборных органах власти, а скорее группы сторонников идей, пропагандировавшихся рядом частных газет. Они были объединены не партийной дисциплиной, идеологическими принципами и обязанностями, а приверженностью взглядам издателя газеты, а то и нередко просто принадлежностью к политическому бомонду. Многие просто стремились быть на виду, играть в политику, добиваясь популярности.

60-е годы завершались мощным подъемом социальной и политической борьбы, очертившей первые контуры общенационального кризиса и ставшей ее стержнем. В эту борьбу вовлекались все слои трудового населения. Наиболее крупные выступления охватили страну в 1968 г. Их основным участником стал рабочий класс, который в это время превратился в заметный компонент социальной структуры общества. Из общего числа наемных работников, занятых на современных предприятиях фабрично-заводского типа, их насчитывалось 32 тыс. человек⁶⁸.

Первыми забастовали учащиеся Кабульской механической школы в апреле 1968 г. Вслед за ними в забастовку включились рабочие авторемонтного завода «Джангалак». 1 мая 1968 г. в столице состоялась крупная демонстрация по случаю Дня международной солидарности, первая в истории страны. На митингах, состоявшихся в этот день, звучали требования объявить 1 Мая нерабочим днем, бороться за создание рабочих профсоюзов. В мае прокатилась волна открытых выступлений в различных районах страны - митинги и демонстрации рабочих Гульбахара с участием крестьян и учащихся лицеев, марш рабочих-нефтяников г. Шибегана и рабочих цементной и текстильной фабрик г. Пули-Хумри, забастовка рабочих завода «Джангалак», рабочих государственной типографии Кабула и др. Большинство выступлений, не прекращавшихся в течение всего 1968 г., проходило стихийно, без политического руководства. В выступлениях участвовали рабочие, мелкие служащие, студенты, учащиеся, крестьяне, мелкие торговцы, солдаты Трудовой армии. С апреля по август 1968 г. в стране прошло более 40 забастовок трудящихся, в которых приняло участие около 30 тыс. человек⁶⁹.

Забастовки охватили как частные, так и государственные предприятия. Наибольшей активностью отличались выступления рабочих крупных промышленных предприятий — завода «Джангалак», текстильной компании «Спинзар» в г. Кундуз, текстильных фабрик компании «Насаджи», текстильного комбината г. Гульбахара, газопромыслов г. Шибегана, Кабульского домостроительного комбината. Промышленных рабочих поддерживали строители. 9 июня 1968 г. провели крупную демонстрацию рабочие на строительстве дороги Пули-Хумри — Шибеган. Летом состоялись демонстрации безработных в Герате, а в октябре забастовали сезонные рабочие в Кандагаре.

На этом этапе забастовочного движения преобладали экономические требования: увеличение зарплаты, улучшение условий труда, медицинского обслуживания, создание профсоюзов. Местные и центральные власти прибегли к расправе с участниками движения: многие из них были уволены или арестованы. Однако в ряде случаев забастовки заканчивались успешно, и администрация и местные власти оказывались вынужденными удовлетворить требования бастующих. Однако отсутствие политического руководства обусловило разрозненность, неорганизованность и стихийность этого движения, что обрекало значительную часть выступлений на поражение.

В 1969 г. в активную политическую борьбу включилось студенчество — учащиеся Кабульского университета и

открытого в 1968 г. Политехнического института, общее число которых в то время составляло 4760 человек⁷⁰. Выступления учащейся молодежи начались еще в 1968 г. Ее недовольство было вызвано тем, что правительство выделяло скудные средства на развитие народного образования, осуществляло дискриминацию в отношении трудовой части населения при приеме в учебные заведения, многие выпускники школ и университета оставались безработными. Начальную школу посещали лишь 14,5% детей школьного возраста, среднюю — 4,6%, лицей — 2,8%⁷¹. Повсеместно не хватало учителей. Сама система обучения была весьма архаичной.

Поэтому учащиеся средних школ и лицеев вышли на улицы, требуя усилить внимание к нуждам просвещения. Осенью 1968 г. к ним присоединились студенты. Они критиковали существующую систему организации высшего образования; в частности, острое недовольство вызвал принятый осенью 1968 г. проект Закона об университете, запрещавший студентам участие в политической деятельности. В ответ студенты университета и Политехнического института прибегли к митингам, демонстрациям и забастовкам, которые длились 24 дня и закончились их победой: 20 ноября 1968 г. парламент после бурных дебатов, как уже упоминалось, был вынужден отклонить законопроект, а министр просвещения Али Ахмад Попал подал в отставку⁷². Студенчество требовало также расширения гражданских прав и свобод, декларированных конституцией 1964 г. К студентам нередко примыкали и преподаватели.

Студенческие выступления также носили во многом стихийный характер и зачастую заканчивались столкновениями с полицией, которая неоднократно врывается на территорию студенческого городка и производила аресты. Своим участием в политической борьбе 1968–1969 гг. студенты заявили о себе как о радикальной политической силе, способной выступать с самостоятельных позиций.

Второй этап студенческого движения приходится на 1971–1972 гг. Борьба студентов на этом этапе отличалась большей организованностью. В августе 1971 г. был создан Союз студентов Кабульского университета и принят его устав. Был избран Высший совет Союза. Большинство в нем получили маоисты. Совету отводилась роль руководящего, регулирующего и координирующего органа студенческого движения. По его решению 13 ноября 1971 г. началась крупная забастовка студентов Кабульского университета.

Однако Высший совет не смог возглавить движение студенчества, поскольку ему не удалось выработать единую про-

грамму действий. Разрозненные группы студентов выступали в поддержку идей различных политических группировок. Наибольшее влияние среди студентов Кабульского университета в начале 70-х гг. приобрели группировки «Хальк», «Парчам», «Шоале-йе джавид» и «Мусульманская молодежь». В дни ноябрьской забастовки студентов Политехнического института был создан Союз преподавателей, в котором большинство мест получили халькисты. Студенческое движение, имевшее оппозиционный характер, становилось все более социально разнородным. Процесс политического размежевания в студенческой среде достиг такого уровня, при котором началась острая идеологическая борьба между сторонниками различных политических группировок — исламистами, ультралевыми и коммунистами. Теперь студенты вместе с представителями других социальных слоев все чаще выступали под лозунгами той или иной группировки.

Таким образом, политическая деятельность студентов и учащихся сливалась с выступлениями трудовых слоев в единую общенациональную борьбу широких масс населения и становилась неотъемлемой частью и характерной чертой внутривнутриполитической обстановки конца 60-х — начала 70-х годов. Она явилась одним из признаков нарастания кризиса политической системы Афганистана и самого монархического строя.

Возрастанию политической нестабильности в стране содействовало ухудшение экономической обстановки, вызванное последовавшими одна за другой засухами в 1971 и 1972 гг. Они повлекли резкое снижение урожаев и массовый падеж скота. Возникла острая нехватка продовольствия, которая не могла быть компенсирована за счет внутренних резервов, так как уже в конце 60-х годов дефицит товарного зерна в стране достиг 200 тыс. т и покрывался поставками зерна из США, СССР и Пакистана⁷³. Правительство было вынуждено обратиться за помощью к другим государствам.

Но объем поступавшего из-за границы продовольствия оказался недостаточным для ликвидации дефицита продуктов питания. В ряде отдаленных районов страны разразился голод. Начался быстрый рост цен на продовольственные товары, сопровождавшийся спекулятивными операциями крупных торговцев. К этим неблагоприятным действиям оказались причастны и некоторые представители правящих кругов. Поступавшее из-за границы продовольствие стало объектом крупных хищений; происходили и массовые злоупотребления при его распределении. В марте 1972 г. во многих провинциях прокатились демонстрации протеста против усиливавшейся

дороговизны. В Чакчаране, центре провинции Гур, в которой от голода умерли две тысячи человек, разъяренные демонстранты забросали камнями здание, где проходило собрание чиновников местной администрации, созванное прибывшим сюда вице-премьером Хамедом. Вернувшись в Кабул, Хамед тотчас же подал в отставку⁷⁴.

Одновременно с продовольственным кризисом в начале 70-х годов обнажились социальные пороки: широкие масштабы приобрели казнокрадство, взяточничество, коррупция, контрабанда. Ежегодно в Иран незаконно переправлялось около 1 млн голов скота, а контрабандная торговля каракулем превышала объем официальных внешнеторговых операций⁷⁵.

Демократические положения конституции, появившиеся на их основе политические движения и в целом политика модернизации афганского общества не могли не оказать влияния на армию. До принятия конституции армия не являлась политическим институтом, хотя и играла важную роль в периоды национальных катаклизмов. Однако ее боеспособность и вооружение находились на таком низком уровне, что в ряде случаев уступали вооруженным ополчениям племен.

Поэтому, придя к власти в 1953 г., М. Дауд поставил задачу укрепления и модернизации вооруженных сил в числе других важнейших приоритетов государственной политики. Предоставив в 1956 г. военный кредит Афганистану, Москва занялась перевооружением афганской армии, которая уже в 1959 г. успешно подавила мятеж духовенства в Кандагаре, выступившего против отмены обязательного ношения женщинами чадры. В том же году в Кабул приехала советская военная миссия во главе с маршалом В. Соколовским. Был составлен план переоснащения афганской армии и ее обучения по советским стандартам. В 1960 г. в СССР выехала первая группа афганцев для учебы в военных училищах. До того афганские офицеры обучались у себя и в Турции. В 60-е годы их стали принимать на учебу в США и других западных странах.

В середине 60-х годов афганская армия насчитывала 95 тыс. человек личного состава. В рамках процесса демократизации общественно-политической жизни офицерский корпус стал пополняться выходцами из среднего класса. Получившие образование за границей афганские офицеры начинали осознавать ущербность существовавшей системы власти. Особенно это касалось выпускников советских вузов, которые наряду с военной подготовкой подвергались идеологической обработке, неофициально изучая в СССР марксистско-ленинскую философию. Кроме того, негласной пропагандой за-

нимались советские военные и технические специалисты, работавшие по контракту на офицерских курсах «А» и «Б» в Кабуле.

Наконец, в армии развернули работу некоторые политические партии — НДПА, «прогрессивные демократы» и исламские радикалы. В октябре 1964 г. в Кабуле возникла нелегальная Армейская революционная организация (АРО), которая по своим задачам и программе была марксистской группой, планировавшей подготовку вооруженного восстания и провозгласившей конечной целью построение социалистического общества⁷⁶. После образования НДПА члены АРО влились в партию. Так начался процесс политизации армии.

Впрочем, армейские политические группировки охватывали лишь небольшую часть офицерского корпуса. Кроме того, пропагандистским аппаратом в воинских частях и подразделениях велась активная политико-воспитательная работа, основная цель которой — обеспечить полную лояльность армии режиму. Политическая пропаганда включала в себя воспитание абсолютной преданности монархии, приверженности исламу, национализму на базе единства всех народов Афганистана, уважение традиций, обработку личного состава в духе антикоммунизма и антиколониализма. Однако со временем эта пропаганда все более теряла свою эффективность, и тому было немало причин. Кроме общего обострения политической борьбы в стране, негативное воздействие на настроения в армии оказывала сама социально-экономическая обстановка — тяжелые условия жизни простого народа, произвол чиновничества, нарастание экономических трудностей, коррупция верхов.

Немаловажную роль играли и чисто армейские проблемы: бесправие и нищенский быт солдатской массы, дискриминация по национальному признаку (так, при назначении на должность предпочтение отдавалось офицерам-пуштунам), религиозные трения между суннитами и шиитами. Но если солдатская масса, темная, неграмотная, забитая, полуголодная, все еще находилась во власти традиционных институтов и официальной идеологии, то в офицерском корпусе началось политическое расслоение. Уже к середине 60-х годов в армейской среде определились следующие течения и группировки: монархисты, правые клерикалы, «прогрессивные демократы» и левые.

Наконец важнейшим фактором политического брожения среди офицеров стала негласная деятельность бывшего премьер-министра М. Дауда, который, выйдя в отставку в 1963 г.,

не порвал связей с армией, где у него были сильные позиции. В конце 60-х годов М. Дауд привлек на свою сторону молодых националистически настроенных офицеров, многие из которых обучались в Советском Союзе. Стремясь к захвату власти, генерал в начале 70-х годов установил тесные контакты с группировкой «Парчам», в первую очередь с ее военным крылом. Так сложилась антимонархическая оппозиция во главе с М. Даудом.

Политический кризис, разразившийся в начале 70-х годов и последующее крушение монархии означали провал политики общественно-политической модернизации, предпринятой режимом в 60-е годы. Законодательной основой «демократического эксперимента» послужила конституция 1964 г., которая действительно открывала возможности для практической реализации ее основных демократических положений. Однако дальнейшие шаги авторов конституционной реформы оказались непоследовательными и нерешительными.

Впрочем, первые акции властей в направлении демократизации политической системы были до некоторой степени обнадеживающими: три ветви власти были отделены друг от друга, королевская семья (кроме самого монарха) лишилась прямого доступа к государственной власти, парламент подавал надежды стать действительной силой, на деле пользуясь правом выносить вотум недоверия кабинету, в правительстве возобладали технократы, заявившие о стремлении осуществить демократические преобразования. Новый избирательный закон 1965 г. декларировал (хотя и не гарантировал на практике) равный доступ всех подданных к государственной власти. Важным шагом по пути демократических реформ стал принятый в июле 1965 г. Закон о печати, предоставивший право на издание газет и журналов без предварительной цензуры. В результате к концу 60-х годов в стране издавалось более 30 частных газет и журналов, представлявших широкий спектр мнений, взглядов и даже идеологических программ. Некоторые из них стали ядром формировавшихся партий и группировок («Хальк», «Парчам», «Шоале-йе джавид», «Седа-йе авам» и «Иттихад-е мелли») и были их печатными органами.

И хотя вся эта негосударственная пресса по закону была объявлена свободной, существовали, однако, некоторые ограничения. Так, ни одна из газет (кроме «Саба») не имела собственной полиграфической базы. Все они печатались в государственной типографии, что давало возможность властям в какой-то мере контролировать содержание публикаций, изымать неудобные им материалы и даже закрывать га-

зеты. Причем власти широко пользовались этой возможностью. Порой их давление было настолько велико, что вызывало открытые протесты издателей. Так, однажды в 1972 г. в знак протеста против произвола властей в отношении негосударственной прессы не вышло девять частных газет. Процессы реформирования коснулись и радиовещания: с 1969 г. кабульское радио стало транслировать в прямом эфире ход заседаний нижней палаты парламента. Это оказалось эффективным средством политического просвещения народа в условиях поголовной неграмотности населения и отсутствия телевидения.

Наконец, важнейшим завоеванием демократии в этот период явилось функционирование политических партий, несмотря на отсутствие соответствующего закона. Здесь сложилась двойственная ситуация: власти не могли запретить деятельность партий, ибо они называли себя «движениями» и как партийные структуры как бы не существовали. Политические же организации, обладавшие партийной структурой, функционировали на основании статьи 32-й конституции, предоставившей право на их создание и деятельность. При всем деструктивном характере одних партий, объективно подрывавших демократический процесс, и политической незрелости других их роль в общественной жизни была достаточно велика. Вместе со свободной прессой они давали народу информацию о положении в стране, о политике правящих кругов, разъясняли людям их права — участвовать в политической жизни, объединяться, открыто выражать свои интересы и отстаивать их, вступать в борьбу за свои права. Наконец они сами явились творцами и участниками общественно-политических процессов.

Вместе с тем, составляя «уличную», митинговую оппозицию, отказываясь от самой идеи диалога и сотрудничества с властью, разжигая страсти и будоража общественное мнение, радикалы от оппозиции вносили раскол в общество, расшатывали тяжело складывавшуюся демократическую систему государственных и общественных институтов. Так они поставили себя за рамки демократии, которая для левых и ультраправых оказалась слишком «буржуазной», а для правых клерикалов — слишком «прозападной».

Неоднозначную роль в событиях периода «демократического эксперимента» играл глава государства король Мухаммад Захир Шах. Инициировав конституционную реформу, он оказался неспособным сделать ее политической практикой.

Важнейшим его отступлением от положений Основного закона стал отказ подписать законопроект о политических

партиях в 1967 г. В результате все возникшие в те годы организации стали неконтролируемыми и почти все оппозиционными. И хотя они постоянно находились в поле зрения властей (в том числе полиции), режим никак не мог регулировать их деятельность, каковую возможность король получил бы, подписав закон. «В отсутствие политических партий, — писала газета “Financial Times”, оценивая текущую ситуацию, — правительство нуждается в поддержке каждого из своих шагов. В результате пребывание у власти сменяющих друг друга правительств оказывается разочаровывающим, непродуктивным и коротким. Без поддержки стабильного большинства они сталкиваются с законодательной властью, которая, похоже, превращается в настоящую оппозицию, отвергающую правительственные предложения из принципа. Отношения между двумя ветвями власти перерождаются в хроническую конфронтацию»⁷⁷.

Что же касается короля, то он, видимо, подписывая конституцию, предполагал ввести «управляемую демократию», постепенно продвигая парламентские формы правления, при этом придерживал руку «на тормозе». «Слишком сильное торможение, — прогнозировала “Financial Times”, — сделает весь эксперимент “стерильным”, и королю придется вернуться к авторитаризму с помощью армии»⁷⁸. Действительно, Захир Шах и его премьер-министры проявили пассивность, нерешительность, сверхосторожность в проведении политических реформ. Наделенный конституцией правами координатора взаимодействия трех ветвей власти, король скорее был озабочен интересами династии, нежели судьбой «эксперимента».

События мая 1970 г., когда прибывшие в Кабул фанатичные муллы выступили с резкими нападками на монархию и лично короля, подорвали веру в авторитет и святость королевской власти. Все реже в печати имя монарха связывалось с реформами и демократией. В документах и публикациях политических группировок в начале 70-х годов резко уменьшилось бывшее до этого «дежурным» упоминание о конституционной монархии и «короле-демократе» как о естественном элементе национальной жизни и незыблемом общественном идеале. Пожалуй, только семья пиров Гилани по-прежнему оставалась верным союзником короля, да и этот союз держался во многом на интимных, но широко известных в Кабуле связях Захир Шаха с родственницей главы этого клана С.А. Гилани⁷⁹. В связи с утратой королем общенационального авторитета в частной печати начинают появляться отдельные материалы и воспоминания о «героических» делах М. Дауда, о

его успешной политической деятельности в 50-е годы⁸⁰. Эскалация насилия в обществе, переход монарха к методам открытого стравливания оппозиционных сил вместо их примирения, фактическое смыкание королевской семьи с давно дискредитировавшим себя на протяжении последних десятилетий ортодоксальным духовенством — все это порождало ностальгию по сильной личности, вызывало, особенно у средних и мелкобуржуазных слоев, тягу к порядку и стабильности⁸¹.

В отношениях с законодательной и исполнительной властями глава государства формально оставался «над схваткой», играя роль стороннего наблюдателя, не пытаясь найти оптимальные формы их сотрудничества. Более того, он и его окружение постоянно интриговали в правительственных сферах, поддерживая «нужных» людей и убирая неудобных. Постоянное стремление балансировать между различными центрами силы и одновременно отказ опереться на них привели к потере королем реальной власти. В 1971 г. подогревавший оппозиционные настроения М. Дауд высказывал мнение о том, что охватившая двор коррупция, участие членов королевской семьи в политических интригах и создаваемые ими помехи в деятельности министров приведут к падению монархии⁸². К концу правления Захир Шаха его не поддерживали ни парламент, ни правительство, ни армия, ни различные политические силы, ни какие-либо социальные группы и слои. Потеря популярности в конечном счете стоила королю его трона.

Опасность и глубину разразившегося в стране всеобщего кризиса осознавали не только сторонники радикального изменения ситуации во главе с опальным генералом. Реальную угрозу монархии видели и в лагере короля, в частности его зять генерал Абдул Вали, который готовил свой, превентивный переворот. Он намеревался ввести режим военной диктатуры с запретом всякого рода «демократических экспериментов». Его поддерживали консервативный генералитет, крупные землевладельцы и верхушка ортодоксального духовенства. Но генерала опередил Дауд. На авансцену политической борьбы выдвинулась армия.

М. Дауд в течение всего десятилетия после своего ухода с поста премьера вел осторожную, но целеустремленную работу среди части офицерского корпуса. Его авторитет в войсках был достаточно высок. «Группа Дауда» в армии состояла из двухсот генералов и офицеров (в том числе его родственников), стоявших на националистических позициях и выражавших недовольство усилением влияния в обществе клана генерала Абдул Вали и клерикалов, а также политической пас-

сивностью короля. Националисты с опасением следили также за возросшей активностью НДПА, особенно группировки «Хальк», ее усиливающимися позициями в армии⁸³.

План заговора с целью свержения монархии был в общих чертах составлен, видимо, уже в конце 60-х гг., однако его реализация неоднократно откладывалась. Нерешительность заговорщиков главным образом объяснялась отсутствием у них уверенности в том, что переворот поддержит достаточная часть воинских частей, чтобы подавить сопротивление сторонников короля и его зятя. Поэтому Дауд и занялся поиском союзников в армии, который привел его к контактам с офицерами, симпатизировавшими группировкам «Хальк» и «Парчам». В то время военные организации НДПА были слабыми как идейно, так и организационно, членство в партийных рядах по соображениям строжайшей конспирации не регистрировалось. Подавляющее большинство офицеров, вовлеченных Даудом в подготовку государственного переворота, занимали младшие и средние командирские должности, некоторые из них получили образование в СССР или с помощью советских специалистов в самом Афганистане⁸⁴.

Многие из этих офицеров не во всем разделяли буржуазно-националистические взгляды Дауда и стояли на более радикальных позициях. Однако леворадикальная оппозиция в армейском корпусе была раздроблена, у этих офицеров не было достаточного опыта политической борьбы и общей программы действий, а главное, они не имели руководителя, способного заменить М. Дауда в управлении государством и армией после прихода к власти. Таким образом, союз сторонников М. Дауда с левыми офицерами создавал для первого относительно широкую поддержку заговору в армии, а для вторых обеспечивал квалифицированное и централизованное управление переворотом и возможность удержать власть после свержения монархии. Для обеих группировок НДПА поддержка переворота вела к их последующему участию в формировании правительства. Однако непосредственные контакты с ними осуществлялись Даудом через посредников и только с руководством группировки «Парчам», которую он считал более гибкой в тактических вопросах. Кроме того, среди родственников некоторых известных парчамистов и их друзей были высокопоставленные военные, что облегчало организацию заговора⁸⁵.

Республика М. Дауда

В ночь с 16 на 17 июля 1973 г. в стране произошел государственный переворот, который возглавил опальный генерал Мухаммад Дауд. В результате монархия была свергнута, а Афганистан объявлен Республикой. Король, находившийся на лечении в Италии, после некоторого раздумья отрекся от престола и признал себя гражданином Республики. Переворот прошел практически без кровопролития: погибли лишь четверо полицейских и экипаж танка, упавшего в реку Кабул. В ходе переворота были арестованы члены королевской семьи — королева Хумайра, наследный принц Ахмад Шах, дядя короля маршал Шах Вали, его сын генерал Абдул Вали, премьер-министр Муса Шафик, министр обороны генерал Хан Мухаммад и ряд других генералов-роялистов. Впрочем, через несколько дней большинство из них были освобождены, включая членов королевской семьи (кроме Абдул Вали), и отправлены в Италию.

Переворот оказался успешным во многом благодаря авторитету самого М. Дауда. Его приход к власти в глазах большинства далеких от политики афганцев выглядел как простая замена одного монарха на другого, не вышедшая за рамки королевской семьи, а потому достаточно легитимным. Участники стихийных митингов в провинциях приветствовали Дауда как нового короля. Поддержка его режима оказалась повсеместной.

Утром 17 июля новый глава государства М. Дауд выступил с обращением к народу. Он обвинил монархический режим в коррупции и провале реформ, обещая ввести «реальную и разумную демократию».

В тот же день был сформирован новый орган законодательной власти — Центральный Комитет Республики, в состав которого вошли наиболее активные деятели пришедшей к власти коалиции, в том числе два парчамиста и один халькист. Его возглавил сам Дауд. Статус, функции и место ЦК в структуре новых органов власти так и не были законодательно закреплены.

19 июля 1973 г. ЦК Республики собрался на свое первое заседание, на котором М. Дауд был избран главой государ-

ства. В новом правительстве он занял посты премьер-министра, министра обороны и иностранных дел. В состав правительства вошли четыре офицера — сторонники НДПА. Остальные посты достались соратникам самого главы государства. Первым заместителем премьер-министра был назначен Мухаммад Хасан Шарк, доверенное лицо Дауда, тайно сотрудничавший с Москвой. Министрами стали также узбек Мухаммад-хан Джалалар (торговля) и пуштун Нематулла Пажвак (просвещение), тяготевшие к НДПА и также связанные с Москвой. Таким образом, левые получили сильные позиции в высших органах власти.

Характерно, что в их числе не оказались ни Б. Кармаль, ни известные в политических кругах его соратники. Дауд как член королевской семьи не разделял политических взглядов лидеров «Парчам» и не был с ними настолько близок, чтобы сотрудничать открыто. Как показали последующие события, Дауд пошел на контакт с левыми из тактических соображений.

С самого начала новый глава государства показал себя жестким и властным правителем, стремившимся взять под свой контроль как систему государственного управления, так и политическую жизнь страны. Тремя его указами от 27 июля 1973 г. были заложены основы республиканского государственного строя: распущен парламент, упразднен Верховный суд — оплот высшего мусульманского духовенства, фактически приостановлено действие конституции 1964 г., запрещена деятельность всех политических партий, включая НДПА, закрыты частные газеты, на всей территории страны введено военное положение.

Несмотря на то, что офицеры-участники переворота заняли важные посты в высшем эшелоне власти, армия как государственный институт не была допущена к управлению государством, отодвинута от политики на второй план. Впрочем, учитывая ее решающую роль в ликвидации монархии и стремясь сохранить ее лояльность, М. Дауд произвел чистку наиболее консервативных и роялистски настроенных элементов в рядах армейского генералитета и повысил в звании многих молодых офицеров и унтер-офицеров. Часть военных получили назначение на государственные посты.

23 августа 1973 г. глава государства выступил с программной речью, известной как «Обращение к народу», в которой изложил основные направления внутренней и внешней политики. Подвергнув критике прежний режим, М. Дауд поставил задачу реформирования общества на основе «участия всего народа в экономической, социальной и политической жизни

страны», на первом этапе — «консолидация основ республики... гарантирование власти закона для обеспечения демократических условий жизни народа... разработка новой конституции для реализации подлинной демократии»¹.

В рамках Основного закона предполагалось избрать новый Совет Республики, «разделить государственные органы на основе равенства прав и законного участия афганского народа». В национальной сфере — «достижение подлинного морального и материального единства народов Афганистана на базе равенства, дружбы и братства, ликвидация всех форм дискриминации». В экономике — усилить роль государственного сектора, поддерживать, направлять и контролировать частное предпринимательство, изменить систему налогообложения, осуществить земельную реформу «в интересах большинства народа». В социальной области — улучшить условия труда, в том числе принять новый «прогрессивный и демократический» закон о труде взамен Закона от 1946 г., ввести всеобщее бесплатное начальное образование, содействовать «развитию прессы и демократических изданий», обеспечить равные права женщин. К достижению этих целей, отметил М. Дауд, режим будет двигаться «без спешки, размеренными шагами, не впадая в экстремизм». В заключение своей речи он призвал «все демократические слои объединиться в широкий фронт под руководством республиканского режима»². Таким образом, программа республиканского правительства М. Дауда при некоторой расплывчатости и декларативности ряда положений отражала многие требования, выдвигавшиеся до антимонархического переворота левыми и демократическими силами страны.

В первые же месяцы после переворота правительство осуществило ряд важных мероприятий в социально-экономической сфере, касавшихся значительной части населения. Были приняты меры по стабилизации цен на товары первой необходимости. При непосредственном участии НДПА в Кабуле стали создаваться квартальные комитеты бедноты, которые повели борьбу со спекуляцией и осуществляли контроль над торговыми операциями мелких лавочников. Власти установили твердые цены на важнейшие продукты; список цен был вывешен во всех *дуканах*. Полиции вменялось в обязанность следить за правилами розничной торговли и пресекать случаи спекуляции. Была объявлена борьба со взяточничеством, коррупцией и контрабандой.

В начальный же период было объявлено и о планах разработки нового трудового законодательства. На государствен-

ных предприятиях и учреждениях вводился 7,5-часовой рабочий день и рабочая неделя, не превышающая 45 часов. Устанавливалась оплата за внеурочный труд. Правительство увеличило вдвое минимальную заработную плату — с 450 до 900 афгани. Зарплату стали получать ученики на промышленных предприятиях. Было узаконено право на оплачиваемый отпуск, на социальное страхование, увеличен пенсионный фонд³.

К концу 1973 г. был создан Высший экономический совет, перед которым ставилась задача заниматься проблемами перспективного планирования, координировать работу ведущих отраслей промышленности и сельского хозяйства. В этот же период были национализированы некоторые частные компании, обвиненные во взяточничестве, казнокрадстве, контрабанде, в их числе крупнейшая текстильная компания «Спинзар». Осенью 1973 г. был учрежден Банк промышленного развития. В 1974 г. был принят новый Закон о частных инвестициях, который ограничил сферу действия местного частного и иностранного капитала легкой и пищевой промышленностью, причем доля иностранного капитала в этих отраслях не должна была превышать 49%⁴. По этому закону местным предпринимателям были предоставлены различные льготы. В 1974 г. все частные банки в стране были национализированы⁵.

В 1973—1974 гг. начали осуществляться некоторые мероприятия в финансовой сфере. Прямые налоги в 1974 г. возросли по сравнению с 1972 г. на 60% и составили 11% доходной части бюджета. После принятия в 1974 г. Закона о таможене и усилении контроля над внешней торговлей, объявленной монополией государства, сумма таможенных сборов за импорт товаров в 1974 г. возросла по сравнению с 1972 г. также на 60%⁶.

Вместо принятого ранее пятилетнего плана на 1973—1977 гг. правительство разработало новый, семилетний, план, рассчитанный на 1976—1982 гг. Он включал более 200 социально-экономических проектов и предусматривал в первую очередь строительство крупных плотин, ГЭС, автодорог, механизацию сельского хозяйства, разработку полезных ископаемых.

В области сельского хозяйства правительство приступило к разработке закона о проведении земельной реформы. До его принятия были осуществлены мероприятия по наделению земельными участками безземельных и малоземельных крестьян из фонда вновь орошенных государственных земель. Участки получили чуть более пяти тысяч крестьянских семей, то есть меньше 1% крестьян, которые, по официальным данным, или вовсе не имели земли, или владели крошечными наделами и жили в нищете. 6 августа 1975 г. был опубли-

кован текст Закона о земельной реформе, который декларировал ограничение помещичьего землевладения 100 джарибами (20 га) поливных земель. Излишки предполагалось конфисковать с последующей компенсацией помещикам и передать крестьянам на условиях выкупа⁷.

Первый период республиканского правления был отмечен попытками реформировать систему просвещения. Главный упор делался на расширение сети учебных заведений, реорганизацию структуры средних школ и развитие профессионально-технического обучения. Правительство увеличило ассигнования на начальное образование. Было создано Национальное управление по ликвидации неграмотности среди взрослого населения. Все частные школы, в том числе при мечетях, были поставлены под контроль государства.

В первые же месяцы своего правления глава государства пытался идеологически обосновать само существование республиканского строя. Первоначально его идеологическая концепция была сформулирована как «прогрессивный афганский национализм», который затем трансформировался в «национальный национализм», или «даудизм» — социальный прогресс без насилия, реформы под лозунгами ислама, идеология без подражания другим, «истинная и разумная демократия», развитие «средним», или «умеренным», путем, без колебаний вправо и влево, в интересах «большинства народа». Эта идеология была подкреплена заявлением Дауда о том, что режим «избрал социализм в качестве принципа экономического развития нового афганского общества»⁸.

Между тем в складывавшейся новой политической системе, которая замыкалась на «основателе республики», не нашлось места выразителям основных течений общественной мысли — политическим партиям. Впрочем, несмотря на официальный запрет, они продолжали функционировать, хотя и снизили уровень политической активности, тем более что они лишились публичной трибуны — парламента и прессы, возможности организовывать митинги и демонстрации. Прямую поддержку режим получил лишь от группировок «Парчам» и «Хальк», которые оказались непосредственно причастными к событиям. Другие партии заняли выжидательные позиции с разной степенью недоверия к республиканской власти, что было равнозначно оппозиции. При этом невлиятельные и маловыразительные «Иттихад-и мелли» и «Седа-йе авам» тихо сошли с политической арены. «Афган меллят» просто затаилась до лучших времен. «Меллят» впала в политическую кому и так и не вышла из нее. Дышавшие на ладан «прогрессивные

демократы» оказались выброшенными за борт вследствие трагической гибели их лидера — М.Х. Майвандваля.

Трагедия бывшего премьера до сих пор таит в себе немало неясностей и вызывает кривотолки. 22 сентября 1973 г. кабульское радио сообщило об аресте 45 заговорщиков, среди которых были названы имена М.Х. Майвандваля, бывшего начальника Генерального штаба афганской армии Х.М. Хана «Марастияля», бывшего командующего ВВС генерала Абдул-разака и нескольких бывших депутатов парламента. Началось следствие, которое возглавил министр внутренних дел Файз Мухаммад и начальник кабульской полиции Абдуссамад Азхар (оба парчамисты). Под пытками и угрозами, как считают многие исследователи, бывшего премьера заставили признаться в организации заговора против республиканского режима. Вскоре было объявлено, что М.Х. Майвандваль покончил с собой в тюремной камере⁹. В декабре 1973 г. состоялся суд над заговорщиками, который признал Майвандваля виновным и приговорил (в его отсутствие) к смертной казни. Был казнен также генерал Хан Мухаммад. Остальные заговорщики получили различные сроки тюремного заключения.

Одна из наиболее достоверных версий этих событий высказывается авторитетным афганским историком М.С. Фархангом. По его сведениям, накануне государственного переворота Майвандваль находился в зарубежной поездке (в Ираке) и, услышав о падении монархии, спешно вернулся в Кабул. Через несколько дней он встретился с М. Даудом и его братом М. Наимом, с которыми поддерживал давние отношения, и предложил свое сотрудничество. В ответ его обнадежили обещанием высокого поста в будущем (предполагалась должность посла в Вашингтоне), а пока просили подождать. Однако вскоре, как известно, Майвандваль был арестован. М.С. Фарханг полагает, что бывший премьер был задержан парчамистами по указанию из Москвы и с согласия М. Дауда¹⁰. Видимо, парчамисты не без оснований опасались усиления влияния бывшего премьера на главу государства.

Аналогичный взгляд высказывает другой афганский историк и видный общественный деятель С. Кушкаки, который считал Майвандваля известным антикоммунистом и был убежден, что, поддерживая близкие отношения с Даудом на протяжении последних лет, он не мог вынашивать какие-либо антидаудовские планы¹¹. Его мнение разделяет и известный американский востоковед Л. Дюпре, а именно, что в будущем М. Дауд намеревался выдвинуть Майвандваля в качестве сво-

его преемника на свободных выборах, поскольку последний был одним из немногих афганских государственных деятелей, имевших известность за пределами Афганистана и бесспорные организаторские способности. Он представлял реальную угрозу для левых на выборах, считал Л. Дюпре, поэтому они стремились от него избавиться¹². При этом американский ученый был также убежден, что М. Дауд и его брат М. Наим не были заинтересованы в смерти Майвандваля¹³.

В целом аргументы в пользу бывшего премьера выглядят достаточно убедительными, а версии — правдоподобными. Смущает лишь одно обстоятельство: вместе с Майвандвалем был арестован ряд видных военных и общественных деятелей как его сообщники в подготовке заговора. Вряд ли можно согласиться с тем, что они тоже пали невинными жертвами мстительных парчамистов. Тем более что по решению суда они были приговорены к необычайно суровым мерам наказания: 5 человек — к смертной казни и 15 — к длительным срокам тюремного заключения. Парчамисты явно не обладали столь крупными полномочиями в структурах исполнительной и судебной власти для такой расправы со своим вероятным противником. Так или иначе, тайна этого заговора так и осталась нераскрытой. Партия Майвандваля оказалась парализованной. Известно лишь, что несколько ее членов были брошены за решетку после прихода к власти НДПА в 1978 г.

Радикальные партии правого и левого толка враждебно встретили провозглашение республики и соответствующую смену режима. В их числе оказались и левозэкстремисты из группировки «Шоале-йе джавид». Часть пассивных участников ультралевого движения отошла от борьбы, по существу поддержав республиканский режим. Руководство же группировки развернуло активную антисоветскую деятельность, центром которой стал Кабульский политехнический институт, где работала большая группа советских преподавателей. Ультралевым удалось «протащить» на должность ректора Хабиб ур-Рахмана, известного своими левацкими взглядами. Грубые выходы в отношении советского персонала в институте получили огласку. В результате был снят со своего поста министр просвещения Нематулла Пажвак, не принявший мер по пресечению деятельности членов «Шоале-йе джавид». Вслед за ним был уволен проректор Хабиб ур-Рахман¹⁴.

В эти годы происходило дальнейшее дробление основных группировок левозэкстремистов. Так, раскололась группировка братьев Яри, большая часть членов которой осудила антисоветский курс китайского руководства, призвав к примире-

нию КПСС и КПК. Раскол произошел и в группе братьев Махмуди, большинство членов которой поддержало позиции группы Яри¹⁵. В целом все группы ультралевых к 1975 г. заняли антиправительственные позиции, считая М. Дауда и его правительство просоветским режимом¹⁶.

В условиях обострения социально-политической обстановки в Афганистане появились группы людей, ставших на путь политического бандитизма. Одну из них возглавлял таджик из Кухдамана Абдул Маджид Калакани, подвергшийся сильному влиянию левозкстремизма. Его вооруженный отряд занимался похищением заложников. Он также сотрудничал со своими единомышленниками из «Шоале-йе джавид» и «Сетам-е мелли»¹⁷.

Не прекратила своей деятельности после падения монархии и левонационалистическая группировка «Кружок ожидания». Вскоре после ее создания в 1968 г. в ней образовалось два крыла — левое («Революционная организация трудящихся Афганистана» [РОТА]) возглавил основатель группировки Т. Бадахши, правое (группировка «Национальный гнет») — Б. Баэс. После падения монархии деятельность организации заметно усилилась. В июле 1975 г. одновременно с мятежом в Панджшире Б. Баэс со своими сторонниками поднял на севере вооруженное восстание против режима, но оно было разгромлено, руководитель арестован и брошен в тюрьму. В 1976 г. сторонники Б. Баэса объединились в «Организацию федаев-трудящихся Афганистана» (ОФТА). Обе группировки продолжали ориентироваться на вооруженную борьбу с режимом.

В мае 1975 г. различные группировки левозкстремистов и националистов сделали попытку объединения: в районе перевала Саланг состоялась так называемая Первая конференция Объединенного фронта, в которой приняли участие представители «Шоале-йе джавид», группы Баэса, РОТА и группы Калакани. Однако выработать общую платформу им не удалось из-за разногласий по поводу политики СССР в Афганистане. Большинство участников осудили СССР за помощь режиму Дауда. В итоговом документе, озаглавленном «Салангский протокол», режим М. Дауда определялся как «фашистско-диктаторский». Предполагалось развернуть в стране партизанскую войну с целью создания революционного государства в форме «социалистических республик» на базе районов, населенных различными национальными группами¹⁸. Вслед за этим группы Б. Баэса и А.М. Калакани организовали в 1975–1977 гг. несколько вооруженных выступлений в районах расселения национальных меньшинств.

Однако наиболее активно против республиканского режима выступили афганские исламисты, которые подверглись широкому преследованию. В числе первых был арестован и в последующем казнен один из основателей группировки «Мусульманская молодежь» декан теологического факультета Кабульского университета Г.М. Ниязи. Часть лидеров исламских радикалов эмигрировала в Пакистан. Среди них оказались профессор Б. Раббани и Г. Хекматъяр. Последний еще весной 1972 г. был посажен на полтора года в тюрьму за участие в драке в университете, во время которой погиб студент из ультралевой группировки. После прихода к власти Дауда ему пришлось бежать, спасаясь от преследований со стороны нового режима. Пакистанское правительство З.А. Бхутто в условиях обострившихся выпадов местной общественности против режима М. Дауда тепло встретило лидеров афганских экстремистов, поддержанных исламской фундаменталистской партией «Джамаат-и улема-ислами». В 1974 г. Б. Раббани провел полгода в Саудовской Аравии, которая оказывала ему финансовую помощь. Впрочем, вскоре, когда М. Дауд пошел на сближение с Тегераном и Эр-Риядом, эта помощь прекратилась¹⁹.

В декабре 1973 г. в Кабуле была предпринята очередная попытка государственного переворота, на сей раз организованная исламскими радикалами. Руководителем заговора стал бывший начальник госбезопасности Хабибулла Рахман. В числе заговорщиков были армейские офицеры и ряд духовных лиц. Заговор был раскрыт, а его участники арестованы и преданы суду. В августе 1974 г. трибунал обвинил заговорщиков в «шпионаже и сеянии смуты» и приговорил Х. Рахмана к смертной казни, одного человека — к пожизненному заключению и 10 — к различным срокам тюрьмы²⁰. Из них девять человек были армейскими офицерами.

Неудача не обескуражила исламскую оппозицию. На 17 июля 1975 г., в день празднования второй годовщины республики, правые клерикалы планировали осуществить в Кабуле крупную террористическую акцию с целью сорвать праздничные торжества, вызвать беспорядки в столице и тем самым поколебать стабильность республиканского режима. Власти произвели многочисленные аресты среди лидеров правоэкстремистских сил. Репрессиям подверглись также руководители ультралевых. Позднее, в 20-х числах июля, в Панджшире, Бадахшане и нескольких других районах, расположенных поблизости от границ с Пакистаном, вспыхнули вооруженные антиправительственные выступления, организованные членами группировки «Мусульманская молодежь». В числе руково-

дителей мятежников были Г. Хекматъяр, а также Ахмад Шах Масуд, не завершивший учебу студент инженерного факультета Кабульского политехнического института. Финансирование и снабжение мятежников оружием взяло на себя правительство З.А. Бхутто²¹. Исламских радикалов поддерживали сторонники ультралевых. Власти были вынуждены использовать войска для подавления мятежа. Часть его руководителей, в том числе Г. Хекматъяр и А.Ш. Масуд, бежала в Пакистан, другие были схвачены и отданы под суд.

Афганистан покинули и другие будущие лидеры моджахедов и полевые командиры — Мухаммад Юнус Халес, маулави Мансур, маулави Джалалуддин Хаккани. Все они действовали в рамках одного движения — «Мусульманская молодежь». И если раньше, в период монархии, они были просто стихийными политическими бунтарями, ограничивавшими свои действия пропагандой и шумными митингами, то теперь вступили на путь организованной антиправительственной борьбы.

В 1976 г. закончился неудачей еще один антиправительственный заговор, организованный генералом Мир Ахмад-шахом Резвани²².

В период республиканского правления заметное место в политической жизни Афганистана заняла НДПА, особенно группировка «Парчам», сторонники которой приняли активное участие в антимонархическом перевороте. Кроме министерских портфелей (Файз Мухаммад — министр внутренних дел, А.Х. Мохтат — связи, П.Г. Вафадар — по делам границ), парчамисты получили также посты начальника республиканской гвардии (Ахмад Зия), полиции (Мауладад), 11 губернаторских постов и 64 — начальников уездов.

После переворота группировка «Парчам» фактически легализовалась. Ее руководство открыло свой офис в столичном отеле «Спинзар», служащие которого были также большей частью парчамистами. Такого рода действия лидеров группировки вызвали резкую критику со стороны их оппонентов — халькистов. «После занятия выгодных постов в структурах режима Дауда, — говорилось в одном из памфлетов группировки “Хальк”, — парчамисты заявили, что теперь отпала необходимость существования партии, поскольку республиканское правительство само выполняет задачи, поставленные партией. В этих обстоятельствах любое продолжение партийной деятельности, считают парчамисты, ведет к измене в отношении Республики Афганистан»²³.

Действительно, участие сторонников «Парчам» в структурах государственной власти создавало среди них настроения,

близкие к эйфории. И для этого были определенные основания: многие парчамисты охотно поддерживали официальную оценку государственного переворота как «национальной революции». Декларации Дауда о демократии и народовластии овладевали умами широких слоев общества, в том числе левых кругов, которые поддались искушению поверить в демократизм «основателя республики». Поэтому они шли на прямое сотрудничество с режимом, отодвигая на второй план свою партийную принадлежность.

Некоторые были склонны отождествлять режим Дауда с прообразом объединенного фронта национальных и патриотических сил, идею создания которого парчамисты выдвигали еще в конце 60-х годов. Им казалось, что НДПА во многом делит власть с Даудом и влияет на содержание государственной политики. Опасность такого заблуждения осознавал и их лидер Б. Кармаль, что нашло отражение в его докладе на III партконференции «Парчам» в декабре 1975 г. «Некоторые наши товарищи, — предупреждал он, — зашли настолько далеко в этом, что забыли о нашей идеологической и организационной самостоятельности и о разнице между революционной линией нашей партии и классовой сущностью молодого республиканского режима и склонны рассматривать его как народно-демократический, при котором государственная власть принадлежит нашей партии»²⁴. Фактическая легализация «Парчам» после падения монархии впоследствии дорого обошлась ее членам и сторонникам.

В совершенно иной ситуации после переворота оказалась группировка «Хальк». Она тоже поддержала новый, республиканский, режим, но не получила от этого никаких политических дивидендов: М. Дауд отвергал всяческую возможность сотрудничества с марксистскими радикалами, относясь к ним крайне враждебно. И хотя халькисты постоянно подчеркивали свою лояльность режиму, они фактически остались в подполье. Даже когда посланные в провинции в органы местной власти парчамисты продемонстрировали свою некомпетентность и пополнили ряды коррумпированной бюрократии, и руководитель халькистов Н.М. Тараки предложил М. Дауду своих «честных служащих», глава государства просто проигнорировал его предложение. Тем не менее, поддерживая режим, халькисты стремились воздействовать на него и побудить активно реализовать намеченные реформы. Но в отличие от парчамистов, у них не было эффективных средств влияния на него.

Тем временем позиции самого главы государства значительно укрепились. Занимая ключевые посты в госаппарате и спекулируя на лозунгах демократии, он сумел получить довольно широкую поддержку. Ему доверяла значительная часть предпринимателей и новой бюрократии, которые были избавлены от конкуренции ослабленной Даудом старой, монархической элиты. Общий курс правительства импонировал либеральной интеллигенции и мелкобуржуазным слоям. Обещания провести земельную реформу принесли ему поддержку части крестьянства. На его стороне стояла и армия, в первую очередь офицеры-националисты, которые ощущали себя влиятельной политической силой.

В этих условиях Дауд все меньше испытывал потребность в сотрудничестве с левыми, стал явно тяготиться связями с ними. Под давлением усиливавшегося правого крыла режима он начал пересмотр своего политического курса, стремясь ослабить влияние левых в государственных структурах. В результате в 1974–1975 гг. были сняты со своих постов министры-парчамисты Ф. Мухаммад, А.Х. Мохтат, П.Г. Вафадар, а также командующий гвардией А. Зия и отправлены на дипломатическую работу за рубеж. Один из главных участников переворота, заместитель командующего ВВС подполковник Абдул Кадир, был назначен начальником армейской скотобойни. Их места занимали деятели консервативных взглядов, убежденные антикоммунисты, лично преданные Дауду – министр внутренних дел А.К. Нуристани, министр обороны Г. Расули, министр сельского хозяйства А. Васефи и другие. Был выпущен из тюрьмы генерал Абдул Вали, который получил возможность вместе с семьей выехать за рубеж.

Серьезная переориентация произошла и во внешней политике Дауда. Не порывая сотрудничества с СССР (в 1974 г. он совершил официальный визит в Москву), глава государства усилил контакты с шахским Ираном и консервативными режимами стран Персидского залива. В последующем он начал политически дистанцироваться от Москвы в ответ на обещанную крупную финансовую помощь из Ирана.

Второй этап эволюции республиканского режима (1975–1977 гг.) характеризовался усилением тенденции его перерастания в военно-бюрократическую диктатуру, созданием государственно-правовых основ власти национальной буржуазии, окончательным распадом антимонархической оппозиции. Осенью 1975 г. был утвержден новый Закон о наказаниях, нацеленный на сдерживание политической активности в стране. Он предусматривал смертную казнь за преступления против

республиканского строя, грабежи, убийства и посягательство на частную собственность (статьи 173, 204, 208-я и др.). Были определены суровые меры наказания (до 10 лет тюремного заключения) за пропаганду создания политических партий (статья 221-я)²⁵.

В целях юридического обоснования запрета на деятельность нелегальных политических группировок в ноябре 1975 г. глава государства объявил о введении в стране однопартийной системы. «Наш горький опыт, — жаловался он еще в 1974 г. в интервью немецкому еженедельнику “Хоризонт”, — и изучение стран с такими же условиями, как у нас, показали, что многопартийная система создает проблемы, а иногда препятствует прогрессу»²⁶. В конце того же года под руководством М. Дауда началось формирование правящей Партии национальной революции (ПНР). Однако статус партии, цели и задачи ее деятельности были определены позднее, в принятых в 1977 г. новой афганской конституции и уставе партии.

В условиях растущей напряженности в стране в 1976 г. Дауд объявил о начале подготовки проекта новой конституции, которая могла бы придать легитимность его правлению. Необходимость ее принятия диктовалась и неотложными требованиями времени: старая конституция, а вместе с ней и значительная часть законодательства монархического периода потеряла силу, парламент распущен, законодательная власть сосредоточена в руках Центрального Комитета Республики — органа непредставительного и безусловно временного, политическая жизнь и экономическое развитие регулировались отдельными указами главы государства, существовала полная неопределенность в вопросах общественной и политической деятельности и т.д.

Еще в программной речи в августе 1973 г. М. Дауд заявил о том, что конституция будет принята на основе «подлинной демократии». Однако ее разработка растянулась на весьма продолжительный срок. В основе лежали объективные причины. Новая власть долго не могла обрести прочной стабильности. Сама социальная структура правящего режима оказалась неоднородной: в нем были представлены деятели разной социальной и политической ориентации. Отсюда отсутствие политического единства и сложности в выборе дальнейшего пути развития. Режим М. Дауда, претендовавший на демократизм в его программном выступлении, все более отходил от выполнения своих обещаний о проведении коренных реформ.

В этих условиях весной 1974 г. распоряжением ЦК Республики была назначена конституционная комиссия численнос-

тью 41 человек по выработке проекта Основного закона. В ее состав вошли известные общественные деятели и крупные государственные чиновники — практически все министры, представители военной элиты, различных кругов интеллигенции, не принадлежавшие, однако, к правящим кругам. Им предстояло решить ряд сложных вопросов, в частности о политических и общественных организациях, о формах собственности, то есть тех, которые должны были получить новое содержание вследствие изменения формы государственного устройства.

Через год, в апреле 1975 г., проект конституции был в целом готов и передан на рассмотрение компетентного комитета, наделенного важными полномочиями. 21 января 1977 г. он был опубликован в печати. Таким образом, в подготовке, обсуждении, рассмотрении и последующем утверждении республиканской конституции участвовал ограниченный круг людей. Широкие массы, общественные круги были фактически отстранены от участия в этом важнейшем мероприятии, в решении собственной судьбы.

30 января 1977 г. для утверждения конституции была созвана Лоя джирга. Ее выборы проходили под строгим контролем органов МВД, так что ни один радикал не попал в состав делегатов. 200 человек были избраны свободным голосованием и 130 назначены главой государства на базе социальных льгот: 16 — от армии, 25 — от крестьян, 24 — от рабочих, 65 — от интеллигенции и молодежи, 8 — от судейского сословия²⁷.

Назначение в состав делегатов Лоя джирги представителей рабочих и крестьян отражало «реформистские» тенденции в политике М. Дауда, его стремление перехватить политическую инициативу у левых сил, продемонстрировать «общенародный и бесклассовый» характер правящего режима. Однако, назначив половину всех делегатов, правительство получило возможность контролировать работу конституционной ассамблеи.

Лоя джирга заседала с 30 января по 15 февраля 1977 г. На ней была утверждена новая конституция и М. Дауд был избран президентом страны на шестилетний срок.

Надо заметить, что составители нового Основного закона не особенно утруждали себя по части выработки принципиально новых положений. Они взяли за основу конституцию 1964 г., адаптировав ряд ее статей к условиям республиканского правления.

Новая конституция состояла из следующих разделов:

- 1) основные цели;
- 2) экономические основы;
- 3) государство;

4) права и обязанности народа; 5) Национальное собрание (парламент); 6) президент; 7) Лоя джирга; 8) правительство; 9) суд; 10) чрезвычайное положение; 11) поправки; 12) переходные положения; 13) общие положения.

Принятая конституция закрепила правовые основы республиканского строя, отразив новое соотношение политических сил в стране. Основной закон, как сказано в его преамбуле, ставит целью «построение национальной жизни на основе свободы, справедливости и мира в духе принципов равенства и братства... в соответствии с основными задачами и экономическими целями национальной и прогрессивной революции 26 саратана 1352 г. (17 июля 1973 г.)». Конституция формально провозгласила Афганистан «республиканским, демократическим, независимым, единым и неделимым государством» (статья 20-я), в котором единственным носителем национального суверенитета является народ.

Отдельная глава посвящена основным целям государства, в числе которых «осуществление власти народом, большинство которого составляют крестьяне, рабочие, интеллигенция и молодежь» (статья 2-я); «обеспечение демократии, основывающейся на социальной справедливости и интересах народа» (статья 4-я); «ликвидация эксплуатации во всех ее видах и формах» (статья 5-я). В конституции декларируются основные гражданские права и свободы: равенство всех граждан, включая женщин, перед законом, свобода передвижения и местожительства, неприкосновенность жилища, собственности, тайна переписки, свобода слова и мыслей, право проведения собраний «для обеспечения дозволенных и мирных целей» (статьи 33–39-я).

Вместе с тем Основной закон частично ограничил права и свободы граждан, лишив их права создавать общественные организации, включая профсоюзы и политические партии, а также обусловив свободу печати и организации собраний требованием предварительно получить разрешение государственных органов.

Структура органов государственной власти в новой конституции претерпела существенные изменения. В отличие от прежнего Основного закона в новом документе не декларируется четкое разделение трех ветвей власти.

Высшая законодательная власть принадлежит президенту, который формирует правительство. Ему предоставлены исключительно широкие полномочия: в частности, он обладает всей полнотой партийной власти; не парламент, а президент назначает министров и контролирует их деятельность, рас-

пускает парламент, назначает новые выборы, объявляет чрезвычайное положение (статья 78-я). При этом наделение главы государства правом вводить чрезвычайное положение, сопровождающееся, как правило, временной отменой гражданских прав и ограничением деятельности политических партий, давало сильный козырь в руки М. Дауда. Наряду с постами президента и премьер-министра М. Дауд становился также министром иностранных дел, главнокомандующим вооруженными силами и председателем правящей Партии национальной революции. Конституция не только гарантировала его автономию в отношении парламента, но и шестилетний срок правления. Президент несет ответственность только перед Лоя джиргой, избирающей его, — высшим законодательным органом в афганском государстве (статья 67-я).

Правительство ответственно перед президентом, Центральным советом партии и парламентом (статья 94-я). Усиливая исполнительную власть за счет законодательной, М. Дауд учел негативный опыт деятельности королевского парламента, неспособного контролировать правительство и принимать простейшие решения.

Конституция существенно ослабила роль парламента в системе органов государственной власти, изменила его организацию и функции. Высшая законодательная власть, по конституции, реализуется однопалатным парламентом — Национальным Советом (Мелли джирга), который, согласно статье 48-й, «является выразителем воли народа и представляет всю нацию» и избирается прямым тайным голосованием сроком на 4 года. И хотя для рабочих и крестьян выделяется квота — 50% от общего числа депутатов, кандидаты от этих социальных групп выдвигаются правящей партией (статья 49-я).

Депутаты парламента были лишены права законодательной инициативы: законопроекты могли вноситься только правительством и судебными органами. В соответствии с положениями конституции они лишились также права выносить вотум недоверия правительству, хотя был предусмотрен запрос депутатов кабинету министров (статья 55-я). Это не давало парламенту возможности контролировать деятельность правительства. Прерогативы высшего представительного органа были урезаны также за счет передачи правительству права выдачи лицензии на эмиссию денег, получение займа, предоставление концессий и монопольных прав.

Не имеющий прерогатив законодательной инициативы, парламент уже не мог выступать как один из центров политической борьбы. Соответственно, региональные и племен-

ные авторитеты, избранные в высший законодательный орган на основании своего высокого имущественного положения, были обречены на потерю важных политических позиций, если только они не были связаны кровными узами или лояльностью с правящей элитой.

Таким образом, новый Основной закон был направлен, по крайней мере до некоторой степени, на изоляцию традиционных региональных обладателей власти и сужение базы их формального влияния. К тому же, в отличие от прежней, в новой конституции не нашли освещения вопросы местных органов власти.

Ущемлены были и позиции духовенства в результате секуляризации законодательства после введения новых Гражданского и Уголовного кодексов и после того, как национальная система просвещения, включая религиозные школы, попала под контроль государственных органов. Очередные выборы в парламент были намечены на сентябрь 1979 г.

Судебная власть, по конституции, контролируется президентом, который назначает судей всех уровней. При этом в документе отсутствует положение о независимости судебной власти от законодательной и исполнительной.

Новая конституция расширила военные полномочия президента, наделив его правом формировать и возглавлять Высший военный совет, непосредственно контролирующий деятельность вооруженных сил.

И хотя в Основном законе не предусмотрено право на создание и деятельность политических организаций, большая роль отводилась правящей Партии национальной революции, создававшейся Даудом. Статья 40-я гласила: «Для выражения общественных чаяний и политического воспитания народа Афганистана до тех пор, пока эта цель не будет осуществлена и самосознание народа не достигнет соответствующего уровня, в стране вводится однопартийная система с правящей Партией национальной революции, которая является авангардом и организатором народной, прогрессивной революции 26 саратана 1352 г.».

Партия выдвигает кандидатов в депутаты парламента, члены Центрального совета партии входят в состав депутатов Лоя джирги. Кандидат на пост президента также выдвигается партией, вице-президенты назначаются из членов партии. Центральный совет ПНР наряду с парламентом и правительством может предлагать вносить поправки в конституцию.

В целом конституция 1977 г., содержавшая ряд важных демократических положений, была сделана «под Дауда», ко-

торый был избран на джирге президентом республики, и юридически закрепила формирование военно-бюрократической авторитарной формы правления.

Действительно, многие из ее положений, особенно в разделе о правах и свободах граждан, имели декларативный и демагогический характер, так как не подкреплялись гарантиями их практической реализации. Согласно конституции, период с момента ее принятия и до открытия парламента, то есть 2,5 года, объявлялся переходным, в течение которого функции законодательной власти передавались правительству во главе с Даудом. Все это указывало на то, что ее основным автором был сам глава государства.

Таким образом, созданная М. Даудом новая государственная структура обозначила процесс качественно новой политической поляризации общества: в условиях, когда оппозиция и традиционные слои были отодвинуты в сторону, народу противостоял президент, опирающийся на государственный аппарат и армию.

Еще задолго до принятия конституции обе группировки НДПА, осудив намерение Дауда ввести однопартийную систему и учредить президентскую форму правления, в апреле 1976 г. выдвинули свои предложения по проекту конституции. Руководство группировки «Хальк» выступило с заявлением, в котором потребовало внести в Основной закон ряд важных положений, в том числе право на легальную деятельность партий, запрещение использовать религию в политических и партийных целях, проведение демократической земельной реформы, создание условий для развития страны по некапиталистическому пути «в качестве необходимой предпосылки для перехода к социализму».

В заявлении указывалось, что обеспечить выполнение программы правительства можно лишь в рамках национально-демократического фронта при участии всех патриотических сил, в том числе НДПА. В листовке, посвященной Первому мая, халькисты дополнительно потребовали от правительства включить в проект конституции прогрессивное трудовое законодательство, «предусматривавшее права на создание рабочих профсоюзов и забастовочную борьбу, на работу со справедливой оплатой труда, пенсий и оплачиваемого отпуска, на получение образования, страхования здоровья, гарантии социальных прав и свобод»²⁸.

Парчамисты, со своей стороны, опубликовали «Проект ЦК НДПА по составлению конституции». Призвав все прогрессивные силы объединиться в широкий фронт на платформе

«программы из пяти пунктов», «Парчам» потребовала ввести в конституцию следующие принципы: новое название государства — «Демократическая Республика Афганистан», руководящая сила общества — Объединенный национально-демократический фронт, власть исходит из народа и базируется на системе джирг, созываемых демократическим путем. Предлагались также меры по ликвидации остатков феодализма, укреплению госсектора и осуществлению глубоких социально-экономических реформ на пути некапиталистического развития с перспективой построения социалистического общества, созданию выборных органов власти, справедливому решению национального вопроса и т.д. В проекте также содержалось требование предоставления права на создание политических партий²⁹.

Таким образом, коммунисты хотели видеть в конституции основу для трансформации национально-буржуазной революции Дауда в национально-демократическую, но для этого требовалась поддержка их предложений со стороны других участников политической борьбы. А этого добиться не удалось. Режим же просто проигнорировал инициативу левых.

После принятия конституции президент М. Дауд отменил военное положение, сформировал новое правительство, куда вошли все прежние министры, кроме его заместителя, последнего оставшегося там из сторонников левых сил М.Х. Шарка. После этого он предпринял практические шаги по созданию Партии национальной революции: 17 июля 1977 г., когда страна отмечала четвертую годовщину провозглашения республики, президент М. Дауд ввел в действие Устав ПНР, текст которого был опубликован в официозе «Джомхурият» 16 августа. Организационная структура ПНР и функционирование ее основных звеньев, согласно Уставу, базировалась на принципах «демократического централизма» (статьи 37, 38, 40-я), при этом централизм явно преобладал над принципами демократии. Так, членам партии было предоставлено право «свободно высказывать свои мнения и суждения на партсобрании», но только до того момента, когда будет принято решение, которое является обязательным для всех членов соответствующей организации (статьи 18, 30-я). В то же время запрещалась внепартийная критика, например в СМИ, что было четко и недвусмысленно зафиксировано в статье 32-й. Это свидетельствовало о явном ущемлении внутрипартийной демократии.

Исключительно большие права были предоставлены Центральному совету ПНР и его председателю, которым, по Ус-

таву ПНР, является президент Республики. Он обязан осуществлять «контроль за выполнением программ правительства и парламента», «за деятельностью государственных органов в рамках закона» (статья 55-я). Ему предоставлялось исключительное право решать вопросы о приеме в партию и исключения из нее.

Что же касается непосредственно целей и задач, которые ставились перед ПНР, то они были сформулированы весьма неопределенно и неконкретно. Устав призывал членов партии разъяснять населению основные задачи республиканского режима (статья 87-я), вести «агитацию и пропаганду среди населения, направленную на увеличение производства во всех отраслях экономики» (статья 89-я), «бороться с реакцией» (статья 12-я) и «против экстремизма» (статья 15-я). Причем в документе отсутствует трактовка этих терминов.

Особенно выделяются положения, долженствующие, по мнению идеологов партии, подчеркивать ее демократическую, народную сущность: «Последовательно и неуклонно бороться против угнетателей, эксплуататоров и лиц, которые обогащаются за счет неимущих классов» (статья 26-я). Общий девиз ПНР — «единство, взаимопомощь, равенство, братство» (статья 14-я). Таким образом, предполагавшееся участие в организации представителей имущих слоев при широком наборе демократических положений придавали формирующейся партии буржуазно-демократический характер.

В документе, разработанном в МВД и содержавшем принципы вступления в партию, в частности, отмечалось, что член ПНР должен соблюдать верность «священной религии ислам, родине, республиканскому режиму и национальному вождю»³⁰.

По первоначальному замыслу «основателя республики» предполагалось, что в партию будут приниматься в индивидуальном порядке все граждане с прогрессивными убеждениями, поддерживающие республиканский строй. Руководство группировки «Хальк» заявило, что его сторонники могут войти в новую партию только как самостоятельная «коммунистическая партия Афганистана» с сохранением своей организационной структуры. Парчамисты, в свою очередь, согласились со всеми предлагаемыми условиями приема. Однако ко времени непосредственного формирования самой партии, когда прошла чистка левых, Дауд решил не допускать их в ПНР. Все кандидаты в партию прошли через жесткий идеологический фильтр.

Остается, впрочем, неясным, действительно ли Дауд серьезно намеревался создать свою, правительственную, партию.

Логика развития событий того времени должна была подсказать ему, что прерогатив президентского поста, закрепленных за ним в конституции, могло оказаться недостаточно для удержания власти. Нужна была надежная поддержка в лице собственной политической организации, имевшей реальные рычаги власти, зафиксированные в Основном законе.

Как показали последующие события, в условиях нарастания политической и социальной напряженности в стране резко повысилась активность левых сил, которые при поддержке Москвы вели широкую работу в армии и серьезно занялись поисками пути к восстановлению партийного единства. Президент не мог не видеть, что, вытесненная из властных структур и вообще из публичной политики НДПА несмотря на свой полулегальный статус быстро превращается в политического оппонента режима, с которым, видимо, придется считаться. После фактического разгрома Даудом правоклерикальных сил коммунисты по существу остались единственной политической организацией, противостоящей власти. Дауд явно недооценивал их влияние и не считал серьезным политическим противником.

Так или иначе, ажиотаж вокруг создания правящей ПНР стал спадать. Дальше принятия ее устава президент не пошел. Программа ПНР, в основу которой предполагалось положить правительственную программу, изложенную «основателем республики» в Обращении к нации 27 августа 1973 г., так и не была разработана. Был лишь сформирован Центральный совет партии в ноябре 1977 г., куда были назначены пять наиболее близких Дауду министров, в том числе министр обороны Г.Х. Расули, вице-премьер и министр финансов С. Абдуллила, государственный министр А. Маджид, министр по делам племен А.К. Вардак³¹. По некоторым данным, не имеющим документального подтверждения, считает российский исследователь В. Басов, к апрелю 1978 г. М. Дауду удалось подобрать в ПНР около трех тысяч членов³².

Тем временем внутривластная обстановка в стране быстро ухудшалась. Параллельно с нарастанием активности правых и ультралевых оппозиционных организаций в руководстве режима усиливалась группировка националистических и консервативных деятелей, оказывавших все более заметное влияние на главу государства. Вице-премьер Саид Абдуллила, министры А.К. Нуристани, Г.Х. Расули, В. Абдулла, А. Васефи и другие убеждали М. Дауда в необходимости учесть требования правых оппозиционных сил, а также авторитетных кругов Запада и мусульманского Востока в отношении

ослабления влияния НДПА, проявить больше «самостоятельности» и «умеренности» в осуществлении государственного курса. Ссылаясь на отдельные публикации халькистов, они заявляли о несовместимости марксизма с афганскими условиями, обращали внимание президента на крайне раздражавшее его подчеркивание в халькистских листовках роли НДПА в свержении монархии, предупреждали о замышляемом коммунистическом заговоре.

Во внешней политике, как отмечалось, режим начал дистанцироваться от Москвы и переориентировался на Иран, Египет и страны Персидского залива в надежде получить значительную финансовую помощь. Стремясь ослабить военную зависимость от СССР, Кабул усилил контакты с Египтом и Индией, куда стали направлять молодых афганцев на учебу в военные учебные заведения, тем более что на вооружении их армий было немало образцов советской техники и оружия.

В целом Дауд стремился найти равноудаленную от великих держав позицию, балансировать и использовать их соперничество на мировой арене в своих интересах. Вероятно, на международную ориентацию режима стало заметно влиять менявшееся соотношение политических сил внутри страны, противостояние которых обусловило постепенную эволюцию режима и во внешней политике, направленную на сдерживание советско-афганского сотрудничества и ограничение его рамками торгово-экономических связей. Вместе с тем инерция развития отношений между двумя странами продолжала воздействовать на общий внешнеполитический курс Афганистана, о чем свидетельствовал визит М. Дауда в Москву в июне 1974 г. Эта поездка повлекла за собой значительное увеличение экономической помощи Афганистану: СССР отсрочил Кабулу выплату долга 100 млн долларов на 10 лет и обещал предоставить новый кредит размером 600 млн долларов на различные проекты в рамках семилетнего плана³³.

В целом в первые годы существования республики советско-афганские отношения развивались по восходящей линии: товарооборот между двумя странами увеличился в три раза; в марте 1974 г. было подписано новое торговое и платежное соглашение, предусматривавшее предоставление Афганистану режима наибольшего благоприятствования во внешней торговле; в декабре 1975 г. на очередной десятилетний период был продлен срок действия советско-афганского Договора о нейтралитете и ненападении; в том же году Афганистану был предоставлен кредит на сумму 437 млн долларов на нужды экономического развития³⁴, в июне 1976 г. стороны под-

писали первое многолетнее Соглашение о товарообороте, переведя советско-афганскую торговлю на долговременную основу и т.д. Экономическая и научно-техническая помощь СССР давала афганскому правительству возможность укреплять госсектор в экономике. За счет советских займов и кредитов обеспечивалось около половины капиталовложений по планам социально-экономического развития.

Через полтора года, в декабре 1975 г., Кабул с официальным визитом посетил председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. Подгорный. Однако к этому времени обстановка в стране значительно изменилась. М. Дауд уже начал заигрывать с иранским шахом, афганские левые вытеснялись из органов власти. Несмотря на дружескую риторику встреч двух руководителей появились первые признаки охлаждения отношений между двумя странами. В совместном коммюнике больше внимания уделялось политике мирного сосуществования, чем дружеским связям³⁵. Москва уже не стремилась активно, как прежде, уговаривать Кабул поддержать идею коллективной безопасности в Азии, предусматривавшую неизменность существующих границ. Согласившись с такой идеей, Дауд был бы вынужден пойти на признание навязанной британскими колонизаторами в 1893 г. «линии Дюранда» государственной границей Афганистана. Это никак не входило в его планы.

Несмотря на явное закручивание гаек во внутренней политике и серьезный поворот во внешней в сторону сближения с Ираном и другими государствами Персидского залива, советско-афганские связи по-прежнему демонстрировали стабильность. Что касается Ирана, который, по мнению Москвы, начал вытеснять СССР из региона, то, по всей вероятности, ее опасения были слегка преувеличены. Просто Дауду нужны были деньги, которые иранский шах, получавший в те годы большие суммы нефтедолларов, мог предоставить Кабулу. Естественно, таким путем он пытался усилить свое влияние в Афганистане и Пакистане, не имевших нефти. Пакистан был союзником Ирана по СЕНТО. Но когда СССР стал усиленно вооружать Афганистан, шах был немало встревожен. Будучи обеспокоенным ликвидацией монархии в соседней стране, Мохаммад Реза Пехлеви, однако, предложил дружбу Дауду — не с тем, чтобы изолировать его от Советского Союза, ибо понимал, что это невозможно в условиях существования столь большой протяженности советско-афганской границы и длительного добрососедства двух стран. Скорее он хотел обеспечить реальную альтернативу

советскому влиянию, чтобы поддержать нейтралитет Афганистана³⁶.

В середине 70-х годов Кабул провел переговоры с Тегераном о планах своего экономического развития. Переговоры прошли также с Саудовской Аравией, Ираком, Кувейтом и другими странами региона. Из них лишь Иран в глазах М. Дауда был альтернативой Советскому Союзу как экономический спонсор. Он одобрил соглашение, подписанное бывшим премьер-министром М. Шафиком с Ираном о распределении вод р. Гильменд, хотя окончательно ратифицировал его лишь в 1977 г. Несмотря на эту задержку отношения между двумя соседями быстро улучшались. В октябре 1974 г. Иран выделил Афганистану 10 млн долларов на изучение ряда проектов, в том числе строительства железной дороги. Была также достигнута договоренность о предоставлении на осуществление этих проектов 2 млрд долларов сроком на 10 лет — почти столько же, сколько Афганистан получил за всю свою историю как от Запада, так и от СССР и стран социалистического лагеря. Саудовская Аравия дала грант 10 млн долларов и обещала беспроцентный заем в 55 млн долларов, Ирак — 10 млн, обещал помочь также Кувейт³⁷.

Однако в центре внимания оставался все же Иран. Когда М. Дауд в апреле 1975 г. опять посетил Тегеран, шах согласился выделить 300 млн долларов на развитие мелкой промышленности, транспорта и Гильмендский проект. Ожидалось, что в скором времени Афганистан получит еще 1,1 млрд долларов на трансафганскую железную дорогу. Впрочем, более поздний пересчет принес новую сумму — 1,7 млрд³⁸. Вскоре, однако, иллюзии стали рассеиваться. Иран не мог финансировать даже шахские амбиции в стремлении достичь своего военного доминирования в регионе, в то время как в Афганистане ломали голову над тем, как более рационально расходовать обещанные деньги. Наобещав всем помощь в размере 10 млрд долларов, шах в конце концов был вынужден отступить. В результате Афганистану перепали крохи. По существу, единственным источником поступления валютных средств из Ирана стали денежные переводы афганских мигрантов, привлеченных туда шахскими программами развития.

Раздосадованный Кабул предложил Тегерану вообще отказаться от обещаний, но честолубивый шах заявил, что все-таки намерен оказать помощь соседу³⁹. Так или иначе, его имидж в глазах афганского руководства явно потускнел. Страхи Москвы по поводу стремления Ирана изолировать Афгани-

стан от СССР стали развеиваться. Помощь советского блока по-прежнему превосходила суммарную помощь других стран.

Тем не менее изменение внутривнутриполитической обстановки в Афганистане серьезно не повлияло на характер советско-афганских отношений. Объем экономического сотрудничества между двумя странами продолжал возрастать, однако в политической сфере не все было так гладко. Москва была явно раздражена давлением Дауда на левые круги и его расширявшимися связями с Ираном и арабскими консервативными режимами. Афганский президент, в свою очередь, был обеспокоен растущей политической активностью советских дипломатов и спецслужб в Кабуле в их попытках объединить группировки «Хальк» и «Парчам» и, как представляется, подтолкнуть их к захвату власти. Впрочем, президент старался не афишировать свою тревогу по этому поводу и публично всячески подчеркивал важность для Афганистана укрепления дружественных отношений с Советским Союзом.

Однако долго скрываемое раздражение в конце концов выплеснулось наружу, когда во время официального визита афганской правительственной делегации в Москву в апреле 1977 г. принимавший ее Л. Брежнев допустил политическую бестактность, потребовав от Дауда выслать из Афганистана экспертов ООН и других международных организаций, работавших над совместными проектами на севере страны, как «агентов империализма». Не скрывая своего возмущения, М. Дауд, обращаясь к Л. Брежневу, прямо назвал это вмешательством во внутренние дела Афганистана и добавил, что «мы никогда не позволим диктовать нам, как управлять своей страной и кого приглашать на работу». «Вопрос о том, как и где нам нанимать иностранных экспертов, — решительно заявил он, — является исключительной прерогативой афганского государства. Афганистан останется бедным, если это неизбежно, но свободным в своих действиях и решениях»⁴⁰. Вслед за этим М. Дауд отменил намечавшуюся по его просьбе личную встречу с советским руководителем.

Этот инцидент выявил глубокие различия в трактовке двух лидеров понятий «дружбы» и «сотрудничества». Тем не менее во время визита был подписан важный договор о технико-экономической помощи Афганистану, и в последующем М. Дауд радикально не изменил своего отношения к северному соседу.

Непросто складывались в этот период отношения с Пакистаном, о чем не замедлил высказаться М. Дауд сразу после прихода к власти. «Пакистан, — заявил он, — это единствен-

ная страна, с которой мы имеем политические разногласия по вопросу Пуштунистана. Мы будем продолжать усилия по решению этой проблемы»⁴¹. Это не было должным образом оценено Исламабадом, который, хотя и признал новый режим, тем не менее назвал его «антипакистанским» и даже «антимусульманским». Действительно, М. Дауд был известен в Пакистане как жесткий националист, который, как опасались в Исламабаде, вновь реанимирует проблему Пуштунистана, казалось, задвинутую в тень в последние годы монархии. На самом деле эта проблема никогда не снималась с повестки дня монархического режима, потеряв, впрочем, некоторую остроту.

В Пакистане была развернута антиафганская пропагандистская кампания, организаторы которой стремились представить правительство М. Дауда враждебным режимом, политика которого создает угрозу национальному суверенитету и территориальной целостности Пакистана⁴². В результате к началу 1974 г. отношения между двумя государствами заметно ухудшились, чему в немалой степени способствовали волнения в Северо-Западной пограничной провинции (СЗПП) и Белуджистане.

Пакистанские власти обвинили Кабул во вмешательстве во внутренние дела Пакистана. М. Дауд не мог оставить безответным столь серьезное обвинение. Он вновь заявил, что Северо-Западная пограничная провинция Пакистана всегда являлась неотъемлемой частью Афганистана и была аннексирована англичанами, навязавшими Афганистану несправедливое соглашение⁴³.

Репрессивные меры, принятые президентом Пакистана З.А. Бхутто против белуджей, вызвали поток беженцев в Афганистан. Здесь им было оказано всяческое содействие. По данным пакистанского автора Раджа Анвара, в Кандагаре был создан центр по подготовке белуджских боевиков, где проходили обучение до 15 тыс. молодых белуджей⁴⁴. Затем они возвращались в Пакистан и продолжали борьбу против режима Бхутто. Это послужило поводом для новых обвинений в адрес Афганистана. В 1973–1976 гг. пакистанская кампания гонений против белуджей получила поддержку со стороны соседнего Ирана. Шах Мохаммад Реза Пехлеви разделял озабоченности Исламабада об угрозе территориальной целостности Пакистана, которая, по мнению лидеров двух стран, происходила из афганской позиции по вопросу Пуштунистана. Впрочем, шах всячески подчеркивал необходимость скорейшего урегулирования афгано-пакистанских отношений из-

за опасения, что конфликтной ситуацией может воспользоваться в своих целях СССР⁴⁵. Он по-прежнему не упускал возможности сыграть роль посредника в конфликте двух стран.

Отношения между двумя странами продолжали осложняться по мере того, как волнения все шире распространялись в СЗПП и Белуджистане. Пакистанские власти открыто поощряли антиправительственную деятельность афганских фундаменталистов, лидеры которых окопались на пакистанской территории. Однако эскалация затянувшегося конфликта могла привести к взрыву отношений между двумя странами, и это начали понимать как в Кабуле, так и в Исламабаде. Тем более что Москва отказалась поддерживать позицию Дауда по Пуштунистану, посоветовав Кабулу мирно решить проблему афгано-пакистанских противоречий⁴⁶.

Благодаря посредническим усилиям Турции и Ирана в начале 1976 г. наметился поворот в афгано-пакистанских отношениях: в июне 1976 г. в Кабул с официальным визитом прибыл премьер-министр Пакистана З.А. Бхутто. Накануне был выпущен из пакистанской тюрьмы лидер национального движения зарубежных пуштунов Абдул Гаффар-хан, хотя остальные руководители пуштунского национального движения продолжали оставаться за решеткой. В центре переговоров двух лидеров в Кабуле была проблема прав пакистанских пуштунов и белуджей. По окончании переговоров было подписано совместное коммюнике, в котором стороны выразили готовность продолжать диалог по поиску решения проблем отношений двух стран.

Через два месяца, в августе 1976 г., состоялся ответный визит М. Дауда в Пакистан, где были подтверждены договоренности, достигнутые ранее в Кабуле. Следующая встреча двух лидеров произошла в июне 1977 г., когда З.А. Бхутто остановился на короткое время в Афганистане на пути из Тегерана в Исламабад. Он вновь подтвердил свои обязательства, данные им во время предыдущего визита. Однако на этом контакты двух руководителей оборвались: 5 июля 1977 г. режим З.А. Бхутто был свергнут в результате военного переворота, во главе которого стоял начальник главного штаба пакистанской армии генерал Зия уль-Хак. И уже новый руководитель Пакистана посетил Кабул в октябре 1978 г. с неофициальным визитом.

В марте 1978 г. М. Дауд вновь посетил пакистанскую столицу. К этому времени обстановка в СЗПП и Белуджистане существенно изменилась. Были освобождены лидеры пуштунов и белуджей. Это создало благоприятный фон для встре-

чи лидеров двух стран. В центре обсуждения были в основном вопросы экономических и культурных связей. Пакистанцы вновь пытались, как и прежде, поднять вопросы о признании Афганистаном «линии Дюранда» в качестве афгано-пакистанской государственной границы и отказа от поддержки идеи Пуштунистана, однако афганская делегация недвусмысленно дала понять, что эти вопросы находятся в компетенции исключительно Лоя джирги как представителя афганского народа. В целом визит, по выражению М. Дауда, явился «важным шагом на пути улучшения отношений между двумя странами»⁴⁷.

Между тем политическая жизнь в Афганистане замерла: не выходили частные газеты, не функционировали открыто политические партии, до созыва парламента было еще далеко, не было ни профсоюзов, ни других общественных организаций.

В этих условиях обе группировки НДПА были вынуждены более четко определить свои позиции, выработать новую тактику, учитывая, что возникла потенциальная угроза самому существованию партии. Все это время Москва оказывала на руководство обеих группировок в стремлении заставить их объединиться. Неоднократные попытки сближения, предпринимавшиеся лидерами халькистов и парчамистов в 1974–1976 гг., окончились неудачей. Лишь в мае 1977 г. на встрече Н.М. Тараки с Б. Кармалем было решено провести совместное заседание ЦК обеих группировок. Оно произошло 3 июля, результатом явилось формирование объединенных органов партии — Политбюро ЦК и сам ЦК в составе 30 человек на паритетной основе. Генеральным секретарем вновь стал Н.М. Тараки, одним из трех секретарей ЦК — Б. Кармаль.

Объединение обеих группировок было весьма непростой акцией. Лидер парчамистов в силу ряда обстоятельств был вынужден пойти на него. Дело в том, что «Хальк», как считают западные исследователи, сохранив свои ряды в подполье, был более многочисленным и насчитывал к апрелю 1978 г. около 2,5 тыс. членов. В составе «Парчам» было не более 1,5 тыс. Кроме того, халькисты имели и более сильную организацию в армии. Б. Кармаль не без оснований опасался, что режим М. Дауда может пасть в ближайшее время, и «Хальк» как более крупная и лучше организованная группировка может самостоятельно захватить власть, оставив «Парчам» в стороне от событий. Несмотря на все усилия лидера парчамистов, объединение приняло формальный характер. Более того, имея явно преобладающую по численности военную органи-

зацию, халькисты отказались объединить ее с парчамистской. Многие из них опасались, что офицеры-парчамисты сохранили свою лояльность М. Дауду, и не исключали возможности предательства с их стороны.

Объединение двух группировок не изменило планов руководства «Хальк», которое продолжало самостоятельно вести работу в армии. До 1973 г. Н.М. Тараки считал, что социалистическая революция в Афганистане, согласно положениям марксизма, может быть осуществлена наиболее сознательным и передовым отрядом трудящихся — рабочим классом. Однако, наблюдая, как офицеры-парчамисты после переворота 1973 г. заняли высшие посты в государственном аппарате, и понимая, что небольшая группа военных может легко захватить власть, лидеры «Хальк» решили, что революция не должна ждать, пока в стране созреет сильный, политически сознательный рабочий класс, нужны лишь сторонники в армии, которые в условиях его практического отсутствия в Афганистане смогут выполнить роль диктатуры пролетариата.

Задача пропаганды идей «Хальк» в армии была возложена на Х. Амина, который явно превосходил своего парчамистского коллегу Н.А. Нура по энергичности и организаторским способностям. Уже в 1976 г. во время одной из своих регулярных встреч с Н.М. Тараки он докладывал, что «НДПА («Хальк». — В.К.) готова с небольшими потерями в армии свергнуть правительство Дауда и захватить власть». Однако «товарищ Тараки с его глубокой проницательностью, — сообщает его официальная биография, — просил товарища Амина подождать, пока в стране созреют объективные и субъективные условия»⁴⁸. На заседании объединенного ЦК было решено, что вся партия перейдет на нелегальное положение и начнет подготовку к ликвидации авторитарного режима. НДПА развернула пропагандистскую работу среди населения, особенно эффективную в армии и среди молодежи.

Непосредственным толчком к свержению режима Дауда послужило убийство одного из лидеров «Парчам» Мир Акбара Хайбара 17 апреля 1978 г. Церемония его похорон, состоявшаяся 19 апреля, превратилась в мощную политическую манифестацию, в которой, по некоторым данным, участвовало около 30 тыс. человек. Возглавили ее лидеры НДПА, которые на митинге, организованном у здания американского посольства, обвинили режим и поддерживавшие его США в убийстве видного марксиста. В ответ М. Дауд отдал приказ об аресте руководства партии, обвинив их «в государственной измене и намерении свергнуть правительство». 26 апреля семь

ее лидеров, в том числе Н.М. Тараки и Б. Кармаль, были брошены за решетку.

Оставленный под домашним арестом соратник Н.М. Тараки Х. Амин (он не был арестован, так как не выступал на траурном митинге 19 апреля) через своего сына передал офицерам-халькистам план вооруженного восстания и распорядился действовать в соответствии с ним. Он же, как утверждала после революции официальная халькистская пропаганда, был автором этого плана, разработанного накануне и согласованного с лидером партии. План предусматривал вооруженное выступление армейских частей, поддерживавших НДПА, против режима М. Дауда или против любых других сил в случае ареста или гибели лидера «Хальк». Руководители «Парчам» не были поставлены в известность о намерениях халькистов, поэтому их участие в перевороте было незначительным.

Афганистан под властью НДПА

27 апреля 1978 г. офицеры-члены НДПА во главе своих подразделений начали штурм президентского дворца. Заседавшее в это время правительство М. Дауда оказалось неготовым оказать реальное сопротивление. Глава государства, его семья и двое его министров были убиты. В тот же вечер были освобождены из тюрьмы лидеры НДПА. Руководители переворота — подполковник Абдул Кадир и капитан Аслам Ватанджар — выступили по радио, объявив о свержении режима Дауда, подчеркнув, что политика новой власти будет основываться «на защите принципов священной религии ислам, обеспечении демократии, свободы и безопасности граждан». Власть перешла к Военно-революционному совету во главе с А. Кадиром, который 29 апреля передал свои полномочия Революционному совету (РС), который возглавил Н.М. Тараки. Афганистан был провозглашен Демократической Республикой Афганистан (ДРА).

Было сформировано новое правительство. Премьер-министром стал Тараки, его заместителем — Б. Кармаль. Остальные посты были поровну разделены между халькистами и парчамистами. Министром обороны стал подполковник Абдул Кадир, министром иностранных дел — Х. Амин. Они же были назначены вице-премьерами и курировали соответственно парчамистов и халькистов. Третьим вице-премьером был назначен Аслам Ватанджар, министр связи, курировавший вооруженные силы. Ни один из беспартийных деятелей не вошел в состав правительства и Революционного совета.

Структура исполнительной власти после переворота изменилась незначительно: кроме прежних, были созданы два новых министерства — социальных проблем специально для А. Ратебзад, соратницы Кармаля, и радио и телевидения, которое возглавил парчамист Сулейман Лаек.

Новое правительство получило сразу же широкое международное признание.

9 мая 1978 г. были опубликованы «Основные направления революционных задач правительства ДРА» — программа радикальных социально-экономических реформ: осуществление

земельной реформы в интересах крестьян и при их участии, ликвидация всех видов угнетения и эксплуатации, демократизация общественной жизни, уничтожение национального гнета и дискриминации, провозглашение равноправия женщин, укрепление государственного сектора в экономике страны, повышение жизненного уровня населения, ликвидация неграмотности и безработицы, контроль над ценами, устранение влияния империализма и неокOLONиализма в экономике, политике, культуре и идеологии. В области внешней политики ДРА провозгласила своими целями проведение политики неприсоединения, позитивного и активного нейтралитета, борьбу за всеобщее разоружение, углубление разрядки международной напряженности, поддержку национально-освободительных движений, упрочение отношений дружбы и сотрудничества со всеми соседями Афганистана.

Важное место в реализации программы заняли мероприятия, проводившиеся в интересах крестьянства. Декрет РС № 6 (12 июня 1978 г.) декларировал ликвидацию задолженности крестьян ростовщикам и помещикам. Действия декрета коснулись 75% крестьян¹. В результате его осуществления, по оценке специалистов министерства сельского хозяйства ДРА, от уплаты долгов ростовщикам и крупным землевладельцам были освобождены 11 млн крестьян.

Под руководством НДПА были созданы общественные организации молодежи, женщин и профсоюзы, которые должны были стать помощниками партии в выполнении революционных задач. Было открыто более 600 новых школ, курсы ликвидации неграмотности. В соответствии с новой национальной политикой стали издаваться газеты на языках национальных меньшинств — узбекском, туркменском и белуджском, а также преподавание в школах и радиовещание на этих языках.

Декретом РС № 7 (октябрь 1978 г.) было провозглашено равноправие мужчин и женщин. Положения декрета предусматривали фактическую отмену калыма, запрещение насильственных и ранних браков и т.д.

28 ноября 1978 г. был принят декрет РС № 8 о земельной реформе, нацеленный на «ликвидацию феодальных и дофеодальных отношений». В январе 1979 г. началось ее осуществление. В соответствии с декретом у крупных собственников конфисковывались излишки земли сверх 30 джарибов (6 га) и безвозмездно передавались крестьянам. Потолок предоставляемого земельного участка на поливных землях был определен в размере 5 джарибов (1 га). В ходе первого этапа (январь—июль 1979 г.) землю, по официальным данным, получи-

ли 296 тыс. семей безземельных и малоземельных крестьян и кочевников². В стране создавались снабженческо-сбытовые кооперативы.

Однако НДПА при проведении важных реформ проявила излишний радикализм и неоправданную поспешность, незнание характера социальных отношений в деревне, зачастую игнорировала национальную специфику и исторические традиции. При отсутствии четких социальных границ в обществе партия поставила нереальную задачу ликвидации эксплуататорских классов, то есть осуществления социалистической революции, базируясь на классических марксистских схемах классов и классовой борьбы.

Революционные реформаторы недооценили также исключительно важную роль, которую играли ислам и мусульманское духовенство в духовной и общественной жизни населения. Поэтому навязываемые народу реформы оказались непонятыми и не принятыми и вызвали массовое сопротивление.

Так, освобождая крестьян от долговой кабалы, правительство не смогло создать альтернативные источники их кредитования. Декрет о браке серьезно ущемлял традиционное влияние духовенства в семейно-брачных отношениях и расценивался как нарушение вековых традиций. При проведении земельной реформы нарушались освященные исламом права частной собственности, так как изъятие ее у крупных собственников не сопровождалось компенсацией. Земля конфисковывалась не только у крупных, но зачастую и у средних и мелких собственников. Игнорировалась традиция оформления собственности шариатским судом. Новых собственников земли не могли обеспечить водой, семенами, орудиями труда, удобрениями. Источники воды по-прежнему оставались собственностью частных владельцев. При этом землю получила незначительная часть (21%) нуждающихся³.

Неудачи в осуществлении земельной реформы, пишет российский исследователь М. Слинкин, «во многом явились следствием порочности самой аграрной политики НДПА, ошибок и просчетов партийного и государственного руководства ДРА, а именно: перехлеста в оценке сущности апрельской революции как пролетарской; преувеличение степени зрелости социальных противоречий в деревне и субъективной готовности афганского крестьянства к глубоким аграрным преобразованиям; посягательства властей на частную земельную собственность... огромного влияния на умы людей местных духовных и светских авторитетов, глубокой приверженности населения традиционным нравственно-этическим нормам и

патриархальному укладу жизни и быта, особенно в зоне расселения афганских племен... актов произвола, беззакония, насилия, террора и злоупотреблений властью должностных лиц на местах, в том числе и при распределении земель; волонтаристского насаждения реформы "сверху", через бюрократический аппарат, без широкого привлечения к ее осуществлению самих крестьян и продуманной, кропотливой разъяснительной работы среди них⁴. В результате под влиянием пропаганды мулл крестьянство не только не поддержало реформаторскую политику правительства, но и выступило против него, составив в последующем социальную базу антиправительственного движения.

В области внешней политики ДРА декларировала свою приверженность «независимой и миролюбивой политике неприсоединения, позитивного и активного нейтралитета на принципах мирного сосуществования», «установлению отношений добрососедства, дружбы и сотрудничества со всеми своими соседями, укрепление, расширение и всестороннее развитие связей со своим великим северным соседом — Советским Союзом»⁵. Отношения с СССР всегда были приоритетными во внешней политике Афганистана, но с появлением ДРА на политической карте мира они вышли, по оценке официальных кругов двух стран, на качественно новый уровень, превратившись в отношения «братства и революционной солидарности»⁶.

За первые несколько месяцев после апрельского переворота было подписано около трех десятков советско-афганских соглашений о расширении экономического и технического сотрудничества двух стран на сумму 104 млн долларов⁷. В 1978—1979 гг. Советский Союз оказывал содействие в строительстве более 60 различных объектов в Афганистане. Резко увеличилась и советская военная помощь стране: в июле 1978 г. было подписано соглашение о поставках вооружения на сумму 250 млн долларов⁸. К апрелю 1979 г. число советских военных советников возросло до одной тысячи человек⁹. Расширились масштабы подготовки в СССР афганских кадров: с 1979 г. на учебу в Советский Союз ежегодно направлялись до 1500 афганских юношей и девушек¹⁰. В ноябре 1978 г. в Кабуле был открыт Дом советский науки и культуры.

Наконец, 5 декабря 1978 г. в ходе официального визита афганской правительственной делегации во главе с Н.М. Тараки в Москву был подписан Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между СССР и ДРА. В Договоре не было статей об оказании Афганистану непосредственной воен-

ной помощи, однако оговаривалось, что стороны «будут консультироваться и принимать соответствующие меры в целях обеспечения безопасности, независимости и территориальной целостности двух стран», а также «будут продолжать военное сотрудничество на основе соответствующих соглашений»¹¹.

Дальнейшее развитие получили отношения Афганистана с другими социалистическими странами — Болгарией, ГДР, Чехословакией, Польшей, Венгрией, Монголией, Кубой, Вьетнамом.

Что касается стран региона — Пакистана, Ирана, Саудовской Аравии, Египта, то они в большинстве своем враждебно встретили события 1978 г. в Афганистане и постепенно втянулись в оказание помощи, в первую очередь военной и финансовой, афганской оппозиции. Так, в Эр-Рияде Апрельскую революцию расценили как «угрозу исламу и целостности мусульманского мира», как результат «коммунистической экспансии»¹². И хотя Саудовская Аравия в начале мая 1978 г. признала новый кабульский режим, вскоре она разорвала с ним дипломатические отношения и в последующем выступила в роли основного финансового спонсора афганской оппозиции.

В отношениях с Пакистаном, впрочем, была предпринята попытка решить противоречия по пуштунской проблеме во время краткосрочного визита пакистанского президента Зия уль-Хака в Кабул 9 сентября 1978 г., однако она окончилась неудачей, выявив непримиримость позиций руководителей двух стран. Кабул, более того, занял более радикальные позиции в отношении пуштунской проблемы, по существу выдвинув территориальные притязания на территории Пакистана, населенные пуштунами и белуджами¹³. Исламабад использовал этот факт в своей антиафганской пропаганде: в мае 1979 г. Зия уль-Хак заявил, что Афганистан «перестал играть роль буферного государства» и «превратился в советского сателлита»¹⁴. Не принял новый режим в Кабуле и шахский Иран, закрыв границу и прекратив реализацию подписанных ранее соглашений, в том числе поставку нефтепродуктов в Афганистан. После свержения шаха в феврале 1979 г. ДРА официально признала новую власть в Тегеране, предлагая свое сотрудничество. Однако пришедшее к власти иранское духовенство не только не приняло этот жест доброй воли, но и принялось оказывать поддержку афганским антиправительственным силам, в первую очередь афганским шиитам.

Враждебную в отношении нового режима в Кабуле позицию заняли и ведущие страны Запада. Афганская революция произошла в период, когда наметился поворот от разрядки к

усилению международной напряженности, в рамках которого возросла военно-политическая конфронтация между СССР и США, политические круги которых рассматривали многие важнейшие международные события через призму этой конфронтации. В Вашингтоне расценивали изменения в системе международных отношений как «геополитические происки СССР». Так, события, последовавшие за распадом португальской колониальной империи, революциями в Эфиопии, Афганистане и Никарагуа, ликвидацией шахского режима в Иране, трактовались в США как проявление советской идеологической экспансии под личиной разрядки.

Под таким углом зрения администрация США и восприняла события 1978 г. в Афганистане. Ее реакция была однозначной: президент Дж.Картер заявил, что афганская революция представляет «угрозу международному миру». Такая оценка определила и политический курс Вашингтона в отношении ДРА. И хотя США формально признали революционный режим в Кабуле и в первые месяцы продолжали сохранять прежний уровень межгосударственных отношений с Афганистаном, в Вашингтоне в марте 1979 г. было принято решение оказывать по линии ЦРУ негласную поддержку формировавшейся в тот период афганской оппозиции, а в апреле того же года наладились периодические контакты между сотрудниками госдепартамента и лидерами афганской оппозиции¹⁵.

Тем не менее на первом этапе после революции США сохраняли на прежнем уровне дипломатические отношения с ДРА. «В госдепартаменте, — пишет российская исследовательница М.Р. Арунова, — сочли целесообразным на некоторое время избрать выжидательную тактику в расчете на то, что время и развитие событий создадут более благоприятные условия для корректировки политического курса в отношении Афганистана»¹⁶. Летом 1978 г. США и ДРА даже подписали несколько соглашений об оказании технико-экономической помощи Афганистану, в том числе о финансировании незаконченного Гильмендского проекта. Вашингтон намеревался увеличить экономическую и техническую помощь Кабулу до 20 млн долларов¹⁷.

Однако после исламской революции в Иране и убийства в феврале 1979 г. в Кабуле американского посла А. Дабса (об этом будет сказано ниже) афганская политика Вашингтона, основным архитектором которой был помощник президента по национальной безопасности З. Бжезинский, резко изменилась. США прекратили оказание Афганистану всех видов помощи, кроме гуманитарной, понизили уровень своего по-

сольства в Кабуле и с мая 1979 г. активизировали всемерную поддержку афганской оппозиции. Одновременно с США прекратили финансовую и технико-экономическую помощь Афганистану другие страны Запада — Англия, ФРГ, Франция, а также Япония. Вашингтон взял на себя задачу не только снабжения оружием афганской оппозиции, но и координации усилий Пакистана, Саудовской Аравии, Египта и ряда других стран региона по оказанию помощи афганским мятежникам.

Тем временем обстановка в стране на первом этапе революции резко обострилась в результате усилившейся внутриполитической борьбы. Поставив вне закона все политические партии после апрельского переворота 1978 г. и получив монополию на власть, НДПА не смогла выступить единой руководящей политической силой.

Объективная характеристика новой структуры власти представлена российским исследователем М.Ф. Слинкиным, проработавшим в недрах этой структуры несколько лет. «Партийная элита, — пишет он, — присвоила себе верховные полномочия по управлению страной и обществом, а партийные органы, созданные на всех уровнях административной системы, были наделены распорядительными государственными функциями... Параллелизм в деятельности партийных и государственных структур в центре и на местах и подмена партийными функционерами органов власти привели к дезорганизации управления страной, девальвации авторитета государственной власти, к еще большей, чем прежде, безответственности бюрократического аппарата, его злоупотреблениям служебным положением и пр. Но, пожалуй, главный порок установления в Афганистане однопартийной системы состоял в том, что она (эта система), не стесненная никакими правовыми и нравственными ограничителями, породила автократическую партийно-номенклатурную верхушку, для которой партия стала не более чем придатком и прикрытием ее безграничной власти и пагубных по своим последствиям импровизаций и волюнтаристских экспериментов. Как это нередко случалось в истории, режим быстро обрел тоталитарные черты, прикрываемые демократическими декорациями»¹⁸.

Уже в июне 1978 г. в партии произошел раскол: власть захватили халькисты. Лидеры группировки «Парчам» во главе с Б. Кармалем решением Политбюро ЦК НДПА были сняты со своих постов и отправлены послами за границу. В августе того же года в Кабуле был раскрыт антиправительственный заговор парчамистов, которые предполагали осуществить государственный переворот 4 сентября, в праздник «Ид-е

фетр» (разговение по окончании месяца Рамазана). Заговорщики планировали сформировать правительство на базе «Национально-демократического фронта» во главе с А. Кадиром. В состав правительства предполагалось также включить лидера находившейся в подполье левodemократической партии РОТА Т. Бадахши и бывшего председателя Верховного суда А.В. Хокуки¹⁹.

Сведения о заговоре парчамистов были переданы Х. Амину послом в Индии, «скрытым» халькистом Пача Голь Вафадаром²⁰. В результате были арестованы и приговорены к длительным срокам тюремного заключения несколько министров — соратников Б. Кармаля: министр обороны А. Кадир, министр планирования С.А. Кештманд и министр общественных работ М. Рафи, начальник главного штаба армии генерал Ш. Ахмадзай, начальник госпиталя «Джумхурият» д-р Мир Акбар, а также лидер РОТА Т. Бадахши. По решению суда они были приговорены к смертной казни, однако по настоянию советского посольства трем арестованным министрам она была заменена длительными сроками тюремного заключения.

Обвинения в организации заговора были адресованы непосредственно руководителям «Парчам», которые были отозваны на родину. Однако, опасаясь репрессий, они покинули свои посты и остались в эмиграции.

Вслед за этим халькисты развернули беспрецедентную кампанию гонений против членов и сторонников группировки «Парчам». Ее организатором стал ближайший сподвижник главы государства Х. Амин. По всей стране были организованы митинги «трудящихся», которые гневно осуждали заговорщиков. Б. Кармаль был осужден как «лакей империализма», «слуга международной реакции», «предатель революции». В этой травле были использованы даже некоторые друзья и соратники Б. Кармаля, которые в атмосфере всеобщего страха поспешили выразить свою лояльность Н.М. Тараки.

Всю осень шли повальные аресты парчамистов. К ноябрю все их лидеры, оставшиеся в Кабуле, были сняты со своих постов и исключены из партии. Кроме них, репрессиям подверглись все несогласные с режимом, в первую очередь духовенство, которое Н.М. Тараки заклеил как «препятствие на пути прогрессивного развития страны». Выступления государственных деятелей теперь уже не начинались традиционной формулой: «Во имя Бога, могущественного и милостивого»²¹.

Еще ранее, через несколько недель после апрельского переворота, в соответствии с декретом № 2 Революционного совета ДРА были арестованы, лишены гражданства и имуще-

ства оставшиеся в живых члены семейного королевского клана Яхья. Тогда же были казнены видные фигуры прошлых режимов — бывшие премьер-министры Муса Шафик и Нур Ахмад Эттемади. Осенью 1979 г. такой же участи подверглись лидеры некоторых леводемократических партий, предложивших свое сотрудничество НДПА, в том числе лидер РОТА Тахер Бадахши. В феврале 1979 г. были казнены члены самого влиятельного религиозного клана — семьи Моджадди (всего 22 человека), арестованные еще летом 1978 г. Ранее так же расправились с томившимися в даудовских застенках исламистами.

Тем временем внутри полностью захватившего власть халькистского руководства в свою очередь произошел раскол на базе соперничества в борьбе за высшие посты в государстве между «великим вождем саурской революции» Н.М. Тараки и его «верным учеником» Х. Амином. В марте 1979 г. последний занял пост «первого министра» (*«лумрай вазир»*) и фактически возглавил кабинет, в июле стал членом Политбюро ЦК и единственным заместителем председателя РС ДРА, а также фактическим министром обороны.

В сентябре 1979 г. Н.М. Тараки возвращался из Гаваны, где он участвовал в саммите глав неприсоединившихся государств, и по пути на родину 10 сентября встретился в Москве с советскими руководителями — генеральным секретарем ЦК КПСС Л. Брежневым и министром иностранных дел А. Громыко. Они предупредили его о заговоре в Кабуле, который готовил против него Х. Амин, и подтвердили решимость и в дальнейшем оказывать ему поддержку. В ходе встречи Н.М. Тараки уже не в первый раз высказал просьбу об оказании Афганистану прямой военной помощи, но получил мотивированный отказ²².

В Москве он встретился и с опальным Б. Кармалем. Во время их беседы в присутствии, разумеется, представителей ЦК КПСС были обсуждены вопросы восстановления единства партии, возвращения фракции «Парчам» к активной государственной и общественно-политической деятельности, создания правительства на базе национально-демократического фронта и отстранения от всех постов Х. Амина, выступающего против единства партии и дискредитирующего идеалы революции²³. Была достигнута договоренность о том, что Б. Кармаль займет посты премьер-министра и заместителя генерального секретаря ЦК НДПА при сохранении за Н.М. Тараки всех его постов. Половину постов в будущем правительстве предполагалось передать беспартийным деятелям²⁴.

В Кабуле он был торжественно встречен руководителями НДПА во главе с Х. Амином. Однако 14 сентября после не-

удавшегося покушения на Амина со стороны Н.М. Тараки, за которым стояло посольство СССР, глава государства был арестован. В своем радиообращении к народу Х. Амин обвинил его, не называя его имени, в том, что он действовал против национальных интересов²⁵. Вслед за этим на пленуме ЦК Н.М. Тараки был освобожден от всех занимаемых постов «по его просьбе по состоянию здоровья»²⁶ и Х. Амин был избран генеральным секретарем партии, а на заседании Революционного совета — также председателем РС и премьер-министром.

Однако, хотя он был избран на высшие посты в стране единогласно, это не означало, что у него не было противников. Против него открыто выступили сторонники Н.М. Тараки — министр внутренних дел А. Ватанджар, шеф госбезопасности (АГСА) А. Сарвари, министр связи С.М. Гулабзой и министр по делам границ Ш. Маздурьяр. Опасаясь ареста, накануне аминовского переворота они укрылись в советском посольстве и через несколько дней, 19 сентября, все, кроме Ш. Маздурьяра, который остался в подполье (по другим данным, арестован), были вывезены за рубеж (по агентурным данным, в Болгарию). Новый глава государства потребовал отзыва советского посла из Кабула. Так произошел государственный переворот, в результате которого к власти пришла экстремистская группировка халькистов. 8 октября Н.М. Тараки был убит по приказу Х. Амина. Афганские СМИ объявили, что он умер «в результате тяжелой продолжительной болезни»²⁷.

Было сформировано новое правительство, куда Х. Амин ввел своих родственников и соратников. Сама партия превращалась в придаток узкой группы лиц, узурпировавших власть. Роль послушного придатка партии стали играть и общественные организации. Начались массовые репрессии против всех инакомыслящих.

В этот период произошло и заметное смещение акцентов в официальной идеологии. Была предложена новая трактовка революции, самой НДПА и социального содержания государственной власти. Так, апрельский переворот теперь именовали «пролетарской», «социалистической революцией» НДПА — партией рабочего класса, а ДРА — «пролетарским государством, где в полной мере осуществляется диктатура пролетариата»²⁸. В политике Х. Амина возобладали волюнтаризм и левацкие перегибы, которые вели к формированию тоталитарного режима. В итоге его социальная база необычайно сузилась, а сама партия быстро превращалась в инст-

румент личной власти узурпатора, утрачивая роль и функции политической организации. В тоталитарной системе власти «карманной» правящей партии была уготована роль революционного фасада, а на первое место в структуре власти выдвинулись репрессивные органы.

К концу правления Х. Амина серьезно ухудшилось экономическое положение страны, в первую очередь в сельском хозяйстве, как результат непродуманной аграрной реформы, вследствие бегства многих землевладельцев за рубеж и отказа значительной части новых земельных собственников обрабатывать полученные от «народной власти» участки. В результате за 1979 г. посевные площади в Афганистане, по данным министерства сельского хозяйства и аграрной реформы, сократились почти на 9%, производство зерновых снизилось на 10%, а технических культур — на 25–30%²⁹. Национальный доход на душу населения снизился за год почти на 14% и составил 139 долларов³⁰.

Резко ухудшилось и состояние вооруженных сил. Сразу после революции были арестованы около 60 генералов даудовской армии. Часть из них была казнена, другие были вынуждены уйти в отставку³¹. Последующие бесконечные перестановки в среде офицерского корпуса, репрессии, массовое дезертирство, падение морального духа среди солдат не только ослабили боеспособность армии, но и резко сократили ее численность — с 90 до 40 тыс. за три месяца правления Х. Амина. О масштабах дезертирства свидетельствует вооруженный антиправительственный мятеж, поднятый в Герате в марте 1979 г., во время которого на сторону мятежников перешли многие солдаты и офицеры дислоцированной здесь 17-й пехотной дивизии, в числе которых был старший капитан Исмаил-хан, будущий крупный полевой командир в составе вооруженных формирований партии «Исламское общество Афганистана» во главе с Б. Раббани. Город на несколько дней оказался в руках мятежников. Мятеж в Герате был поддержан иранскими религиозными кругами, о чем прямо заявил в своем выступлении по радио и телевидению аятолла Шариатмадари³². Всего к маю 1979 г. в лагерь оппозиции перешло около 10 тыс. солдат и офицеров³³.

В этот период отмечались волнения и в самих вооруженных силах ДРА. Так, в начале августа 1979 г. вспыхнул вооруженный мятеж в крепости Бала-Хисар, где были расквартированы воинские части кабульского гарнизона (парашютно-десантный полк и батальон «коммандос»). Поводом для антиправительственного выступления послужил арест несколь-

ких офицеров этих частей по обвинению в нелояльности, причем по личному приказу Х. Амина. Действительно, эти офицеры готовили антиправительственное восстание, однако накануне выступления были преданы одним из своих коллег и арестованы. Для подавления мятежа власти использовали танки, артиллерию и авиацию. Официальная пропаганда трактовала этот мятеж как «происки и заговоры международной реакции».

Примерно в это же время взбунтовался гарнизон г. Асмара в провинции Кунар. Более двух тысяч солдат и офицеров из расположенной здесь горно-пехотной дивизии во главе со своим командиром Абдурауфом, который незадолго до этого вступил в тайный контакт с лидером «Исламской партии Афганистана» Г. Хекматъяром, перешли на сторону вооруженной оппозиции, которая вскоре захватила город³⁴. В последующем он стал полевым командиром от этой партии, получившим полный контроль над провинцией Кунар, а после прихода к власти моджахедов в 1992 г. получил звание генерала и пост командующего Центральным армейским корпусом³⁵.

В новой политической системе, сложившейся после апрельского переворота, не нашлось места другим политическим организациям, кроме правящей НДПА. Вначале ряд лидеров революционно-демократических, буржуазно-либеральных и националистических партий предложили руководству НДПА сотрудничество, но получили отказ. Лидер РОТА, как уже упоминалось, был казнен по обвинению в участии в августовском заговоре парчамистов. Руководитель социал-демократов Г.М. Фархад был арестован и брошен в тюрьму после разгрома мятежа армейской дивизии в Ришхоре в октябре 1979 г. по обвинению в участии в этом мятеже. Левоэкстремисты также враждебно встретили «саурскую (апрельскую) революцию». Все партии были вынуждены уйти в подполье.

Однако в этот период появился и ряд новых организаций, наиболее видной из которых стала Организация освобождения народа Афганистана (САМА) во главе с таджиком М. Калакани. Ее самой шумевшей акцией явилось похищение американского посла А. Дабса в феврале 1979 г. в качестве заложника. Террористы таким образом хотели заставить власти освободить из тюрьмы одного из своих лидеров — Б. Баэса. Посол трагически погиб в результате неудачной попытки его освобождения силами афганской госбезопасности. Руководитель САМА вскоре был арестован и казнен в июне 1979 г.

Среди новых политических организаций заметными стали также группировки, основанные на национально-религиоз-

ных принципах, — партии шиитов-хазарейцев, возникшие в ответ на репрессивную политику режима Х. Амина в отношении населения Хазараджата. К лету 1979 г. в результате повсеместного выступления хазарейцев эта область практически полностью вышла из подчинения центральным властям и перешла под контроль местных религиозно-политических элит. В августе того же года в Хазараджате была провозглашена «независимая исламская республика» во главе с «Союзом исламских воинов Афганистана». Фактическим органом власти в Хазараджате стал «Исламский совет», в который вошли представители нескольких хазарейских политических группировок. Наиболее радикальные политические организации афганских шиитов-моджахедов возникли в Иране под покровительством иранского духовенства. Они формально объединились в восьмипартийный альянс.

Одновременно против новой власти подняли восстание жители Нуристана, которые получили реальную автономию, не признавая ни кабульский режим, ни пешаварских лидеров оппозиции.

Однако основным противником правительства ДРА выступили исламские политические партии. Как уже упоминалось, две из них возникли в Пешаваре в 1976 г. в результате раскола партии «Мусульманская молодежь» — «Исламская партия Афганистана» (ИПА) во главе с Г. Хекматъяром и «Исламское общество Афганистана» (ИОА), которое возглавил Б. Раббани. В 1979 г. от ИПА откололась фракция во главе с Юнусом Халесом, образовавшим самостоятельную партию под тем же названием.

Кроме этих фундаменталистских организаций, в этот же период в том же Пешаваре появилось несколько более умеренных, неисламистских партий традиционалистского толка. Так, в 1978 г. сформировался «Национальный исламский фронт Афганистана» под руководством главы суфийского религиозного ордена «кадирия» С.А. Гилани. Летом 1978 г. появилось «Движение исламской революции Афганистана» под руководством М.Н. Мухаммади. А в феврале 1979 г. — «Национальный фронт спасения Афганистана» во главе с С. Моджадди. 12 марта последний издал фетву о начале джихада против правительства ДРА.

Наиболее радикальной из оппозиционных группировок являлась «Исламская партия Афганистана» во главе с Гульбеждином Хекматъяром, которая пользовалась безусловной поддержкой пакистанского президента Зия уль-Хака и Межведомственной разведкой Пакистана (ISI). Из всех семи партий

лишь одна — «Исламское общество Афганистана» во главе с профессором богословия Бурханудином Раббани — представляла национальные меньшинства, остальные состояли преимущественно из пуштунов.

Усилиями этих партий уже в 1978 г. на пакистанской территории при поддержке местных властей были созданы лагеря и базы по подготовке вооруженных отрядов, которые затем перебрасывались в Афганистан для ведения боевых действий против Кабула. В последующем все эти партии были официально зарегистрированы пакистанскими властями и получили политическую, материальную и военную поддержку со стороны ряда стран региона (Пакистан, Саудовская Аравия, Египет) и Запада (США, Англия, Германия, Франция и др.). Штаб-квартиры этих партий находились в Пешаваре, где они издавали свои печатные органы. К концу 1979 г. на территории Пакистана функционировали 23 лагеря по подготовке вооруженных отрядов, в которых обучались 35 тыс. человек³⁶.

К концу 1979 г. в стране развернулись крупномасштабные боевые действия, при этом вооруженные столкновения шли уже в 18 из 26 провинций Афганистана. Критическая ситуация в стране вынудила руководителей ДРА, в том числе самого Х. Амина, неоднократно обращаться за военной помощью к Советскому Союзу. В ответ на просьбы «законного правительства Афганистана», и ссылаясь на Договор от 5 декабря 1978 г., а также на статью 51-ю Устава ООН о праве государств на самооборону, 27 декабря 1979 г. СССР начал вооруженное вторжение в Афганистан. Решение по этому вопросу было принято узким кругом членов Политбюро ЦК КПСС — Л. Брежневым, Д. Устиновым, А. Громыко, Ю. Андроповым и К. Черненко, втайне от народа, Президиума Верховного Совета СССР, ЦК партии и даже других членов Политбюро.

По заявлению Москвы, эта акция была предпринята «для оказания содействия афганскому народу в отражении внешней вооруженной агрессии»³⁷. Кроме того, ставилась задача обезопасить южные границы СССР перед угрозой, исходившей, как тогда считали советские руководители, непосредственно от США, разместивших эскадру боевых кораблей в Персидском заливе в ответ на захват посольства США в Тегеране 4 октября 1979 г. 27 декабря части советского спецназа штурмовали резиденцию Х. Амина дворец Тадж-бек. Глава государства в ходе штурма был убит.

Впрочем, для внешнего пользования, в первую очередь для советской и мировой общественности, Москвой и ее протек-

же, новым афганским руководством, была выдвинута иная версия произошедших событий: диктаторский режим Амина был свергнут «здоровым, патриотическим большинством НДПА, Революционного совета и вооруженных сил ДРА»³⁸, путем вооруженного восстания, а он сам расстрелян по решению революционного суда³⁹. То, что это случилось в условиях, когда советские части уже были дислоцированы в Кабуле, было предложено считать чистым совпадением⁴⁰. Никаких доказательств такого развития событий ни в Афганистане, ни в СССР представлено не было.

Новым главой ДРА стал Б. Кармаль, прибывший в страну на советских танках за два дня до переворота. Ликвидация режима Х. Амина положила начало так называемому «новому этапу апрельской революции», основными задачами которого были объявлены «создание подлинно демократического общества», восстановление законности, расширение демократических свобод, включая свободу создания прогрессивных патриотических организаций, решение проблем земельной реформы⁴¹.

Состав новых органов ДРА был сформирован почти исключительно из членов НДПА. Причем вновь разгорелась борьба между поддерживавшимися СССР парчамистами и побежденными халькистами за посты в высших органах власти. Б. Кармаль был «избран» генеральным секретарем ЦК НДПА, председателем РС и главой правительства. Членами Политбюро, кроме него, стали парчамисты А. Ратебзад, Н.А. Нур, С.А. Кештманд и халькисты С.М. Зерай, Г.Д. Панджшири и А. Сарвари, возглавлявший в правительстве Амина службу безопасности и прославившийся жестокими пытками парчамистов. Большую часть постов в РС и правительстве получили парчамисты. В состав нового правительства во главе с Б. Кармалем (год спустя он передал этот пост Султану Али Кештманду) вошли также трое беспартийных. Посты советников нового правительства заняли деятели прежних режимов — бывший представитель Афганистана в ООН д-р Нематулла Пажвак, поэт Абдуррауф Бенава, дипломат М.М.С. Фарханг, историк А. Хабиби, ученый и дипломат Р. Фархади и др.

Из тюрем были выпущены более 10 тыс. заключенных, в том числе бывшие министры Султан Али Кештманд и Мухаммад Рафи, а также другие видные парчамисты. В феврале 1980 г. Б. Кармаль торжественно поднял над президентским дворцом новый национальный флаг, вернув ему традиционные цвета — черный, красный и зеленый — взамен целиком красного, учрежденного Тараки и Амином в октябре 1978 г.,

который ассоциировался в глазах афганцев с советской государственной символикой.

Основные направления политики нового режима были изложены в принятых в апреле 1980 г. программных документах НДПА — «Тезисах ко второй годовщине Апрельской революции» и «Основных принципах ДРА» (временной конституции), которые провозгласили основные права и свободы, закрепили право частной собственности, гарантировали свободу вероисповедания и обеспечение прав верующих и духовенства. Власть трудящихся, говорилось в документах, опирается на широкий Национальный отечественный фронт, действующий под руководством НДПА, которая, в свою очередь, является руководящей и направляющей силой общества и государства.

В 1980 г. и первой половине 1981 г. в Кабуле состоялись съезды представителей различных кругов общественности — профсоюзов учителей, медицинских работников, Демократической организации молодежи Афганистана — учредительные съезды Союза журналистов, Союза писателей и Союза работников искусств, Общенациональная конференция женщин Афганистана, съезд сельских кооператоров, конференция улемов.

18 июля 1981 г. состоялся учредительный съезд Национального Отечественного Фронта, на котором присутствовали 945 делегатов. Его председателем был избран член Политбюро ЦК НДПА С.М. Зерай. В состав Фронта вошли все общественные организации, и так находившиеся под контролем НДПА, — сама партия, Демократическая организация молодежи Афганистана, Демократическая организация женщин Афганистана, профсоюзы, крестьянские кооперативы, творческие союзы интеллигенции, Торговая палата, Совет улемов и др. Общественные организации, как и прежде, следовали в фарватере политики НДПА и возглавлялись ее функционерами. Так, Афгано-советское общество дружбы и Комитет мира, прогресса и солидарности возглавила член Политбюро ЦК А. Ратебзад, Союз писателей — также член Политбюро Г.Д. Панджшири, Союз крестьянских кооперативов — член ЦК А.К. Нурзай, Центральный совет профсоюзов — член ЦК А.С. Пурдели. Все эти организации копировали формы работы партаппарата и не имели самостоятельности. Руководящая роль партии в «выборных» органах общественных организаций носила форму диктата, что подавляло инициативу рядовых членов организаций.

Национальному Отечественному Фронту не были приданы какие-либо властные функции, посему он и не играл ни-

какой роли в политической и общественной жизни страны. По существу, его деятельность свелась к организации разного рода пропагандистских кампаний (ликвидация неграмотности, распределение материальной помощи нуждающимся, организация митингов и шествий в поддержку «народной власти», трудового соревнования на государственных промышленных предприятиях, субботников на добровольно-принудительной основе). Входившие в него организации действовали независимо от руководства Фронта, и их участие в нем носило формальный характер.

Большое внимание уделялось расширению и укреплению рядов НДПА как «руководящей силы общества». В марте 1982 г. в Кабуле состоялась общенациональная партийная конференция, на которой была принята «Программа действий НДПА», сформулировавшая основные задачи революционной власти на предстоящий период — обеспечение единства партии и подавление вооруженной оппозиции.

Большая часть членов партии (65%) состояла в силовых структурах — в армии, МВД и МГБ. Такого рода милитаризация партии сказалась и на ее руководстве: в июне 1981 г. три министра в погонах — М. Рафи (оборона), А. Ватанджар (МВД) и Наджибулла (МГБ) вошли в состав Политбюро ЦК НДПА. Ряды партии быстро росли: в 1985 г. она насчитывала 140 тыс. членов⁴². И хотя большинство из них были студенты и служащие государственных учреждений (многие из которых вступали в партию под нажимом), НДПА получила серьезное представительство среди различных слоев общества.

Был пересмотрен подход к земельной реформе: в соответствии с Приложением № 1 к декрету № 8, утвержденным 9 августа 1981 г., от конфискации излишков земли освобождались лояльные режиму землевладельцы, офицеры вооруженных сил (статья 5-я), главы племен (статья 4-я) и религиозные деятели (статьи 2,3-я), поддерживающие правительство, собственники механизированных хозяйств (статья 6-я), продающие излишки своей продукции правительству, вернувшиеся из-за рубежа по амнистии землевладельцы, мелкие земельные собственники, добровольно отправляющие своих сыновей в армию (статья 10-я). В отношении этих же категорий собственников отменялись ограничения на размер земельной собственности. Правительство обещало компенсировать конфискованную у них землю. Вода была объявлена государственной собственностью⁴³.

В области внешней политики основными направлениями по-прежнему декларировались защита национального суве-

ренитета, следование курсу нейтралитета, укрепление дружественных отношений с СССР и другими социалистическими странами. 8 октября 1980 г. глава государства Б. Кармаль посетил с официальным визитом Советский Союз, получив поддержку своего курса со стороны советского руководства.

Между тем внутривластная и экономическая ситуация в Афганистане продолжала осложняться. Несмотря на намерение достичь единства НДПА, раскол в партии не был преодолен, борьба между фракциями продолжалась. Партийное строительство велось по образу и подобию КПСС: принцип «демократического централизма», структурная иерархия (генеральный секретарь, ЦК, провинциальные, городские и районные комитеты), сращивание государственных и партийных функций, привилегии партийной верхушки. Высший орган законодательной власти — РС практически полностью (на 80%) состоял из членов ЦК НДПА и контролировался верхушкой партии.

Страну наводнили тысячи советских советников: они работали в партии, армии, госаппарате, общественных организациях, на промышленных предприятиях, в учебных заведениях, СМИ. Советники осуществляли задачу «советизации» Афганистана; в экономической, политической и общественной жизни активно внедрялись нормы и институты советской модели развития. Ни одно значимое решение не принималось без санкции соответствующих советников, которые, по существу, заменили афганских должностных лиц. Бурную деятельность развили представительства КГБ и МВД, по численности персонала превосходившие и без того раздутые штаты советского посольства. Руководство НДПА отчетливо принимало формы марионеточного режима.

Существование нескольких центров «советской власти» в Кабуле — посольства, партийных советников, представительств КГБ и МВД, аппарата военных советников и командования 40-й армией — острое соперничество между ними (отражавшее, вероятно, борьбу за влияние между их шефами в Москве), отсутствие согласованности действий и принятия решений — таков был сложный, но целенаправленный процесс советизации Афганистана.

В системе просвещения активно распространялась советская система преподавания. Среди учебных предметов преобладали основы марксизма-ленинизма, русский язык как иностранный заменил английский. В Кабульском университете были закрыты теологический и инженерный факультеты, среди студентов которых были сильны исламистские на-

строения. На каждом факультете были открыты «комнаты афгано-советской дружбы». Нелояльный персонал университета вытеснялся или подвергался репрессиям. К 1986 г. около 750 преподавателей и других сотрудников университета эмигрировали либо были арестованы. В 1983 г., по официальным данным, 60% вакансий были заняты педагогами из стран «социалистического лагеря»⁴⁴.

Зачастую шло слепое копирование советского опыта: широкое распространение получило организованное властями участие государственных служащих в субботниках, на промышленных предприятиях внедрялись принципы трудового соревнования, была создана пионерская организация с просоветской атрибутикой. При активном участии советских советников проводилось множество мероприятий пропагандистского и организационного характера — семинаров, совещаний, конференций, симпозиумов, пленумов; партийной, комсомольской, профсоюзной учебы. Создавалась видимость бурной созидательной работы. Однако все важные решения так и оставались на бумаге: разбухший бюрократический аппарат был не в состоянии, да и не проявлял особого энтузиазма, чтобы решить назревшие проблемы. Среди афганцев появились иждивенческие настроения. Мерилом преданности идеям революции стал «советизм». «Единственным критерием принадлежности к прогрессивным, миролюбивым и революционным силам является дружба с великой страной Ленина, Советским Союзом», — гласила официальная доктрина НДПА⁴⁵.

Москва в свою очередь предпринимала усилия для скорейшей интеграции кабульского режима в сферу своего международного контроля: Афганистан получил статус наблюдателя в экономической организации советского блока — Совете Экономической Взаимопомощи (СЭВ) и был включен в список стран «социалистической ориентации», фактически утратив право считаться нейтральным, неприсоединившимся государством.

Однако несмотря на советскую помощь усиливалась стагнация национальной экономики. Темпы проведения земельной реформы были резко замедлены — к 1984 г. землю получила лишь $\frac{1}{3}$ нуждавшихся. Из них 48% являлись только формальными собственниками земли и не обрабатывали ее вследствие нехватки техники, семян, удобрений, воды или из-за боязни посягнуть на чужую собственность, что осуждается исламом. Ликвидация ростовщической задолженности имела лишь разовый эффект, так как власть по-прежнему не могла обеспечить финансовую базу для кредитования крестьян. Прав-

да, в промышленной сфере на «новом этапе революции» был достигнут определенный рост производства, в основном за счет предприятий государственного и смешанного секторов. Так, валовой объем промышленного производства в 1985/86 г. превысил уровень 1978/79 г. на 8,5%. Был построен ряд новых промышленных предприятий.

Одной из важнейших задач, стоявших перед режимом Б. Кармаля, являлось создание боеспособной армии. Несмотря на все усилия, эту задачу долго не удавалось решить. По-прежнему в офицерском корпусе продолжались этнические и фракционные трения между халькистами, которых было большинство, и парчамистами. Назначенные в 1980 г. министром обороны парчамист генерал М. Рафи и начальник генерального штаба, тоже парчамист, генерал Баба Джан (оба пуштуны-гильзаи) оказались неспособны контролировать процесс военного строительства. Ставший в январе 1982 г. новым министром генерал Абдул Кадир (чараймак) взвалил на себя неблагодарную работу: как заместитель председателя Революционного совета он должен был координировать деятельность халькиста — министра внутренних дел и парчамиста — министра обороны. В результате он тоже не справился, так как ему противостояли офицеры-халькисты, к тому же пуштуны. «Вероятно, — пишет американский исследователь Барнетт Рубин, — халькисты смогли убедить “ястребов” из окружения К. Черненко, что они смогут лучше парчамистов осуществить разгром моджахедов». Поэтому вскоре генерал Баба Джан был заменен на посту начальника генерального штаба халькистом, командующем ВВС генералом Назаром Мухаммадом, который 4 декабря 1984 г. был назначен министром обороны⁴⁶.

Однако основной головной болью режима оставалась проблема набора в армию. И хотя присутствие советских войск содействовало прекращению волнений в армейских частях афганской армии, массовое дезертирство солдат продолжалось. С 1981 г. был уменьшен призывной возраст — сначала с 22 лет до 20, а затем и до 18 лет. При этом срок срочной службы был увеличен с двух до четырех лет. Набор в армию происходил в основном в Кабуле, так как в остальных городах власть не была достаточно прочной для проведения подобного рода мероприятий, не говоря уже о сельской местности, которую фактически контролировали моджахеды. При этом призывные комиссии были созданы в каждой провинции и уездах. В их состав входили представители местной администрации, Демократической организации молодежи, партии, МВД и ХАД (Служба национальной безопасности)⁴⁷.

Молодежь стремилась любыми способами избежать набора, скрываясь у своих родственников в деревне или становясь беженцами в Пакистане. В этих условиях власти были вынуждены зачастую прибегать к «отлову» добровольцев, устраивая поголовную проверку документов у молодых людей на улицах, базарах, в школах и лицеях. Несмотря на ряд льгот, предоставленных добровольцам (сокращение срока службы до двух лет, повышенное денежное содержание, поступление без экзаменов в вузы по окончании службы и даже учеба за рубежом), число желающих было чрезвычайно мало и явно не покрывало потребности в пополнении армии личным составом. Шла мобилизация резервистов.

Зависимый, марионеточный характер режима давал весомый аргумент его оппонентам, не без оснований обвинявших Москву в оккупации Афганистана, лишении его статуса неприсоединившегося, нейтрального государства и превращении в советского сателлита. Борьба против кабульского режима принимала массовый, организованный характер.

С началом «нового этапа» Апрельской революции возросли масштабы эмиграции афганцев за рубеж. И если к моменту вторжения советских войск из страны бежали более 600 тыс. человек⁴⁸, то к концу 80-х годов их численность превысила 5 млн человек. Сначала это были крупные и средние землевладельцы, предприниматели, служители культа, вслед за ними потянулись массы крестьян, ремесленников, мелких лавочников и других категорий трудового населения, недовольных репрессиями и тяжелым экономическим положением. Основная часть беженцев осела в соседних Иране и Пакистане. Вторжение советских войск в Афганистан еще более дестабилизировало внутривнутриполитическую ситуацию.

Лидеры исламской оппозиции призывали афганцев начать джихад уже не только против кабульского режима, но и против «советского агрессора». Акцию советского руководства негативно восприняла и мировая общественность: в январе 1980 г. участники очередной сессии Генеральной Ассамблеи ООН подавляющим большинством осудили советское вторжение в Афганистан и потребовали немедленного вывода войск с его территории. На состоявшемся в том же месяце заседании Организации Исламская Конференция Афганистан был исключен из ее рядов.

Достаточно остро на вторжение советских войск отреагировал Вашингтон, расценив эту акцию как стремление СССР достичь таким образом своей стратегической цели — продвижения к Индийскому океану и контролю над субконтинен-

том и Персидским заливом. В Вашингтоне увидели в этом угрозу национальным интересам США в регионе. «Попытка любой внешней силы, — провозгласил президент Дж. Картер в своем обращении к нации в январе 1980 г., — получить контроль над Персидским заливом будет расцениваться как посягательство на жизненно важные интересы США и будет пресечена всеми необходимыми средствами, включая военные»⁴⁹.

США взяли на себя и роль ведущего спонсора афганской оппозиции. Сначала тайно, а затем все более открыто они стали оказывать при участии Пакистана военную и финансовую помощь афганским мятежникам. В учебных центрах афганской оппозиции в Пакистане действовали пакистанские, американские и китайские инструкторы. В Афганистан с середины 80-х годов устремились тысячи наемников и добровольцев из арабских и других мусульманских стран, которые выступили на стороне противников кабульского режима. Афганский конфликт приобрел международный характер. Кабульский режим оказался практически в международной изоляции: его поддерживали лишь СССР, некоторые социалистические страны, Южный Йемен, Эфиопия и Никарагуа, где к власти пришли левые, марксистские режимы.

С приходом к власти в США президента Р. Рейгана в 1980 г. Вашингтон активизировал усилия по созданию единого фронта борьбы против СССР и кабульского режима, угрожавших, по мнению пакистанского президента Зия уль-Хака, безопасности Пакистана, которая, в свою очередь, как подчеркнул новый госсекретарь США А. Хейг, «неразрывно связана с безопасностью США, НАТО и Юго-Восточной Азии»⁵⁰. В 80-е годы продолжалось наращивание американской военной помощи мятежникам: в 1984 г. ее объем составил 125 млн долларов, в 1985 г. — 250 млн, в 1986 г. — 470 млн, в 1987 г. — 630 млн долларов⁵¹. Общая сумма помощи, оказанная США афганской оппозиции, к 1988 г. составила 2,1 млрд. долларов. Такого же объема военную помощь предоставляла моджахедам Саудовская Аравия. Более того, немалые суммы поступали из частных фондов арабских стран Персидского залива — порядка 400 млн долларов ежегодно⁵².

Ядром движения сопротивления оставались исламские оппозиционные партии, базировавшиеся в Пешаваре. В 1985 г. им удалось наконец объединиться в семипартийный «Исламский союз моджахедов Афганистана», в состав которого, кроме шести уже упомянутых партий, вошел созданный в 1982 г. «Исламский союз за освобождение Афганистана», который возглавлял просаудовский богослов Абдуллах Расаул Саяф.

Оппозиция создала на большей части территории Афганистана свою военно-политическую структуру — органы местной власти, называемые эмиратами или исламскими комитетами, фронты и вооруженные формирования. Деревенский комитет состоял обычно из председателя (амира), его заместителей, муллы и сборщика налогов. Председателем, как правило, являлся малик или староста деревни, мулла выполнял обязанности судьи. Комитет волости и уезда имел более сложную структуру: в нем были отделы культуры, финансов, юридический (он же судебный), информации. Комитет провинции подчинялся непосредственно штаб-квартире соответствующей партии, отчитывался перед ней, передавал собранные с населения налоги, получал и распределял поступающее отсюда оружие. Таким образом, на всей территории страны сложилась своеобразная система двоевластия: власть НДПА в провинциальных и других крупных городских центрах, оппозиции — в сельской местности.

По мере роста численности и политического влияния исламских оппозиционных партий, получавших возрастающую военную и финансовую помощь от зарубежных спонсоров (США, их союзники на Западе, Саудовская Аравия, ОАЭ, Израиль, Пакистан, Китай и др.), многочисленные левоэкстремистские группировки теряли свои позиции и все более превращались в аутсайдеров в политической борьбе.

Шиитские же проиранские группировки в этот период сумели организационно оформиться в восьмипартийный альянс. И хотя они не вели крупномасштабных боевых действий против афганской армии и советских войск, им удалось удерживать под своим контролем значительные территории Центрального Афганистана, где они создали свою постоянно действующую администрацию.

На исходе «холодной войны» афганский конфликт все больше смещается в плоскость международной политики: он становится важнейшим фактором, определяющим масштабы и характер политической конфронтации между двумя мировыми системами. В этот период московские политики делали однозначную ставку на силовое решение проблемы, которое с завидным постоянством озвучивалось кабульским руководством: на каждом пленуме ЦК НДПА (а они проводились не реже двух-трех раз в год) вопрос ставился до удивления однообразно — в текущем году добиться «окончательного разгрома вооруженной контрреволюции». Однако непопулярность марионеточного режима не оставляла ему никаких шансов решить задачу самостоятельно.

Москва была вынуждена наращивать военную мощь своего «ограниченного контингента», численность которого в этот период достигла 120 тыс. человек. Это вызывало соответствующую реакцию США и их союзников, методично расширявших масштабы военной и гуманитарной помощи афганской оппозиции. Однако ни одной из противостоящих в Афганистане сторон не удавалось добиться решающего перелома. Создавалась тупиковая ситуация. Как для советского руководства, так и для его афганского союзника становилось все более очевидным, что кроме военного пути следует искать другие формы и средства выхода из тупика.

В 1982 г. по инициативе Москвы в Женеве начались афгано-пакистанские переговоры по мирному урегулированию афганской проблемы под эгидой ООН и при участии СССР и США. Однако в последующие годы Белый дом, прикрываясь миролюбивыми декларациями, на деле тормозил переговорный процесс. Это происходило каждый раз, когда в американских политических кругах верх брали «ястребы» (в основном в конгрессе) — сторонники дальнейшего втягивания Советского Союза в афганскую войну с целью нанести ему как можно больший экономический и военный ущерб, заставить его «заплатить высокую цену». «Официальная афганская политика администрации Рейгана, — писал по этому поводу американский исследователь С. Галстен, — включала поиск как можно более быстрого решения вопроса о выводе советских войск путем переговоров. Однако при более близком знакомстве с действиями США в Афганистане становилось ясно, что американская политика фактически направлена на военное обеспечение моджахедов в полном объеме и устранение перспектив принятия политических решений путем переговоров до тех пор, пока моджахеды хотят воевать». В периоды, когда в США доминировала точка зрения «умеренных» политиков (преимущественно в Госдепартаменте), Вашингтон склонялся к необходимости скорейшего вывода советских войск. Цели политики Рейгана в Афганистане окончательно были сформулированы в Директиве действий Совета национальной безопасности США № 166, которая провозглашала задачу «любыми средствами заставить СССР вывести войска из Афганистана»⁵³.

Приход к власти в СССР М. Горбачева в 1985 г. внес значительные изменения в советскую политику в Афганистане и в ситуацию в нем самом. Наряду с расширением военных действий и участием в женевском процессе новое советское руководство стало разрабатывать пути политического выхода

из афганского тупика посредством изменения внутренней политики и политической системы ДРА.

Еще в сентябре 1985 г. глава ДРА Б. Кармаль заявлял, что «государственные органы не могут решить ни одну задачу без партийного руководства», подчеркивая тем самым намерение сохранить политическую монополию НДПА. А уже в декабре того же года он выдвинул известные «10 тезисов», которые обозначили крутой поворот в его политике. Основным смысл документа сводился к необходимости расширения политического и социального представительства в государственных органах, отказа НДПА от монополии на власть и поощрения частного капитала. В состав Революционного совета ДРА были введены беспартийные деятели.

Однако эти меры радикально не изменили характер государственной власти, что косвенно подтвердил сам Кармаль, вновь подчеркнув «руководящую и направляющую» роль НДПА. Его нежелание делиться властью в конце концов стоило ему всех постов. В феврале 1986 г. он был гостем XXVII съезда КПСС, а в апреле отправился в Советский Союз «на лечение». Когда он вернулся через две недели в Кабул, у НДПА был уже другой руководитель — бывший министр национальной безопасности, а в последнее время секретарь ЦК Наджибулла.

Его начали готовить к новой роли задолго до этих событий — с сентября 1985 г., когда он ездил в Москву в составе представительной партийно-правительственной делегации. На встрече с М. Горбачевым речь шла о выводе советских войск из Афганистана, против чего резко выступил Б. Кармаль. Наджибулла, наоборот, поддержал эту идею⁵⁴. В начале мая 1986 г. он был единогласно «избран» генеральным секретарем ЦК на пленуме, на котором отсутствовал сам Кармаль и два его ближайших сподвижника — члены Политбюро А. Ратебзад и М. Барьялай. Предложение о смене генерального секретаря (отставку которого пленум ЦК «принял» «по состоянию здоровья») выдвинул премьер-министр С.А. Кештманд. Причем, как писали кабульские газеты, выдвижение нового лидера партии происходило в атмосфере «полной демократии и свободы»⁵⁵.

Новый генеральный секретарь работал главой ХАД (Службы государственной безопасности) с января 1980 г. Как и его ментор, министр КГБ Ю. Андропов, он проделал путь к высшему партийному посту поэтапно, став в 1981 г. членом Политбюро ЦК. И опять же, следуя по стопам Андропова, в октябре 1985 г., оставив пост начальника Службы государственной безопасности (ХАД), «избирается» секретарем ЦК.

Наконец через полгода он меняет Б. Кармалю на высшем партийном посту. Было ясно, что кремлевское руководство разочаровалось в Кармале и исподволь готовило ему замену.

Новый генеральный секретарь сразу же занялся консолидацией своей власти: в июле 1986 г. на пленуме ЦК он расширил состав этого органа за счет своих сторонников, одновременно исключив ряд видных «кармалистов». Б. Кармаль, как и поддерживавшие его А. Ратебзад и М. Барьялай, вновь бойкотировали заседание пленума, на котором было принято решение об их выводе из состава Политбюро. Переметнувшиеся на сторону Наджибуллы С.А. Кештманд и секретарь ЦК по идеологии Н.А. Нур уклонились, однако, от участия в антикармалистской кампании. Впоследствии, на октябрьском пленуме ЦК в 1986 г., из его состава были выведены и брошены в тюрьму несколько влиятельных парчамистов, поддерживавших Б. Кармалю. В их числе были М. Барьялай, а также С.М. Зерай и Г.Д. Панджшири. В ноябре 1986 г. Наджибулла лишил своего поверженного соперника последнего поста — председателя Революционного совета ДРА — и сам занял его. А в мае 1987 г. Б. Кармаль был вновь отправлен в Москву «на лечение», на сей раз надолго.

Так завершилась его политическая карьера. Впрочем, Кармаль еще вернется на родину после падения просоветского режима и прихода к власти моджахедов в 1992 г., но уже не занимая никаких постов, и покинет ее окончательно в сентябре 1996 г., когда в столицу триумфально ворвутся талибы. Он обоснуется в Москве на положении политического пенсионера, где через несколько месяцев, в декабре 1996 г., и закончит свой жизненный путь. Прах Б. Кармалю был предан земле на родине, в г. Хайратан на севере Афганистана.

Между тем становилось очевидным, что смена режима не ограничилась появлением нового лидера. Новая власть делала ставку на политический компромисс, о чем свидетельствовали последующие шаги Наджибуллы. В январе 1987 г. он выдвинул Программу национального примирения, предусматривавшую прекращение огня, приглашение оппозиции к диалогу и формирование коалиционного правительства. Кабульское руководство в одностороннем порядке объявило о прекращении боевых действий сроком на полгода. Однако осуществить этот курс, представлявший реальную альтернативу затянувшейся войне, не удалось. Кабул не смог выработать эффективный механизм его реализации. НДПА при этом шла на незначительные уступки, оставляя себе ключевые позиции в предполагаемом коалиционном кабинете. По существу,

она диктовала свои условия, вряд ли приемлемые для оппозиции. Формально заявив о своем отказе от монополии на политическую власть, НДПА навязывала оппонентам свои правила игры, не считаясь с реальным политическим весом и влиянием оппозиционных партий. Противники режима требовали немедленного вывода советских войск и отставки Наджибуллы. Диалога не получилось.

Тем не менее Наджибулла, стремясь придать своему режиму легитимность, в ноябре 1987 г. созвал Лоя джиргу, которая приняла новую конституцию и избрала его президентом страны, переименованной в Республику Афганистан. Конституция декларировала основные гражданские права и провозгласила ислам государственной религией, отменив законы, противоречащие шариату. В документе был подтвержден новый политический курс — на национальное примирение. Высшим органом законодательной власти, говорилось в Основном законе, станет двухпалатный парламент, а гражданам Афганистана предоставляется право на создание политических партий при условии, что их деятельность не будет противоречить ценностям конституции и политике национального примирения. По существу, речь шла о легализации лояльных режиму левых и националистических партий, действовавших в этот период нелегально.

В рамках политики национального примирения президент Наджибулла пошел на либерализацию режима и в целом общественно-политической жизни страны. Летом 1987 г. в Афганистане была провозглашена многопартийная система, впрочем весьма ограниченная. В результате длительных переговоров в состав НДПА влилось Революционное общество трудящихся Афганистана (РОБТА), а его лидер Захер Офок стал членом ЦК и получил пост вице-президента Академии наук ДРА.

Пользуясь положениями Закона о политических партиях, принятого РС летом 1987 г., легализовались и другие политические организации леводемократического толка — Революционная организация трудящихся Афганистана (РОТА) и Организация трудящихся Афганистана (ОТА). Первая сразу же заявила о себе как о самостоятельной политической силе. Сохраняя видимую лояльность режиму, ее руководство выдвинуло собственную программу дальнейшего развития Афганистана, не исключавшую варианты территориального раздела страны на две самостоятельные государственно-административные единицы — пуштунский юг и многонациональный север, населенный этническими меньшинствами. Один из ли-

деров группировки Махбубулла Кушани был назначен вице-премьером и министром планирования, другой — Башир Баглани стал министром юстиции (оба — таджики). Это не помешало им установить прямые контакты с исламской оппозицией в лице крупнейшего полевого командира таджика Ахмад Шаха Масуда, принадлежавшего к группировке «Исламское общество Афганистана» Б. Раббани. В 1988 г. организация насчитывала в своих рядах 5–8 тыс. человек, имела свои вооруженные отряды, которые вели боевые действия против моджахедов, в первую очередь Г. Хекматяра, на севере страны.

Одновременно по негласной директиве руководства НДПА были созданы две «карманные» партии — «Народная исламская партия Афганистана» и «Партия крестьянской справедливости». На волне этой либерализации самостоятельно оформились новые политические организации — «Движение солидарности народа Афганистана» («федаи») и «Союз «Ансарулла», обе с неопределенными идейно-политическими позициями, впрочем, вполне лояльные властям, но с некоторым налетом оппозиционности. В сентябре 1987 г. официально зарегистрированные РОТА и ОТА объединились в НДПА в «блок леводемократических партий»⁵⁶.

С принятием новой конституции 1987 г., разрешившей на определенных условиях деятельность политических партий, в Кабуле вновь появились частные издания: «Вахдат» («Единство»), «Палваша» («Луч»), «Пайкар» («Борьба»), «Мейхан» («Родина»), «Ахбар-е хафта» («Новости недели»), «Йа хакк» («Истина») и другие, пытавшиеся при помощи своих публикаций создать видимость политического плюрализма.

В апреле 1988 г. состоялись выборы в парламент на многопартийной основе. В прессе отмечалось, что в ходе выборов было допущено немало нарушений: голосование не было тайным, до открытия избирательных участков не были опубликованы списки кандидатов, не были оборудованы кабины для голосования, к выборам были допущены лица, не достигшие 18 лет (установленный возрастной ценз). Оппозиция бойкотировала избирательную кампанию. Все это не помешало властям объявить о ее успешном проведении. По официальным данным, в выборах участвовало 1,5 млн человек (из 18 млн всего населения страны)⁵⁷.

Несмотря на давление на избирателей, НДПА получила в Национальном Совете (нижней палате) лишь 22,6% депутатских мест, другие легальные партии — в общей сложности 9%. Остальные места достались независимым кандидатам. Национальный фронт получил 15,4%. По своей социальной при-

надлежности 65,8% составили представители интеллигенции, 10,4% — племенные и этнические авторитеты, 8,5% — рабочие, крестьяне и ремесленники, 4,7% — кочевники, 2,7% — купцы и национальные предприниматели⁵⁸.

Всего были избраны 64 сенатора и 184 депутата нижней палаты. РС провел последнее заседание, проголосовав за собственный роспуск и передачу полномочий новому высшему законодательному органу. 13 мест в сенате и 48 в Национальном Совете были зарезервированы для представителей оппозиции, но до сентября 1988 г. их никто так и не занял⁵⁹. Спикерами палат стали беспартийные деятели: верхнюю палату возглавил М. Хабиби, бывший министр информации и культуры в правительстве Н.А. Эттемади, нижнюю — бывший депутат королевского парламента А.А. Абави. На первой же сессии парламента развернулись бурные дебаты вокруг политики НДПА, которая подверглась жесткой критике. Однако в целом ее руководству удалось установить контроль над парламентом.

В мае 1988 г. президент Наджибулла сформировал новое, «коалиционное» правительство, которое возглавил бывший вице-премьер республиканского правительства М. Дауда Мухаммад Хасан Шарк, издавна поддерживавший тесные связи с парчамистами. Состав правительства был единогласно утвержден парламентом. Больше половины министерских постов досталось беспартийным, но НДПА сохранила за собой ключевые позиции — МВД, МГБ и МИД, а также два из четырех постов вице-президента. Должность министра обороны была объявлена вакантной. Она предназначалась для представителей оппозиции и, по слухам, была предложена А.Ш. Масуду. Но он отказался. Лишь два месяца спустя ее занял халькист генерал Шах Наваз Танай.

Новый премьер М.Х. Шарк всячески демонстрировал свою идеологическую нейтральность. В октябре 1988 г. на одной из пресс-конференций он даже заявил, что «афганский народ доверяет НДПА не более чем оппозиции»⁶⁰. Ему обеспечили широкую поддержку в афганских СМИ. В ноябре 1988 г. он выступил на сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

Одновременно руководство НДПА развернуло пропагандистскую кампанию, имевшую целью подтвердить свою приверженность принципам ислама. Наджибулла стал выступать с длинными речами на каждом празднике. В феврале 1988 г. он сформировал Исламский консультативный совет, призванный пропагандировать исламский характер политики национального примирения, земельной и водной рефор-

мы, правительственной политики налогообложения и других акций властей⁶¹.

Однако многопартийность, провозглашенная президентом Наджибуллой, оказалась для режима упущенным шансом — ни один из деятелей оппозиции не вошел ни в парламент, ни в правительство. Тем не менее сам факт функционирования нескольких политических партий и появление выборных органов законодательной власти свидетельствовали о начавшейся эрозии авторитарной природы режима, с одной стороны, и о его стремлении найти более широкую и представительную опору, придать ему более привлекательный и респектабельный облик — с другой, особенно в условиях завершившихся женеvских переговоров по Афганистану. Важнейшую роль сыграл и международный фактор: близилась к концу эпоха тоталитарных режимов в государствах советского блока, где уже вырисовывались первые контуры «бархатных» революций.

Несмотря на неудачу политики национального примирения кабульское руководство не оставило идею диалога с оппозиционными силами. Была развернута кампания по установлению контактов с влиятельными полевыми командирами, многие из которых вышли из-под контроля исламских оппозиционных партий и действовали самостоятельно. С рядом из них подписывались протоколы о присоединении их к режиму или о прекращении боевых действий. Подписание таких документов зачастую сопровождалось значительной материальной, финансовой и даже военной помощью идущим на соглашение командирам. Аналогичная работа проводилась с ханами пуштунских племен в южных и юго-восточных районах Афганистана. Впрочем, это мало повлияло на изменение обстановки в пользу Наджибуллы. Большинство подписавших протоколы, получив от Кабула оружие и материальную помощь, использовали ее для укрепления своей власти на местах или вновь переходили в лагерь оппозиции, а некоторые работали на обе стороны.

Впрочем, усилившиеся контакты Кабула с полевыми командирами позволили президенту все в большей мере полагаться на милицейские формирования, создававшиеся на племенной основе, нежели на армейские части, лояльность которых вызывала все большие сомнения.

В рамках активизации усилий по привлечению влиятельных этнических лидеров и полевых командиров на свою сторону Наджибулла включил несколько таких деятелей в военную структуру РА, пополнив и без того становящуюся все более пестрой политическую элиту.

Среди них наиболее экзотичной фигурой был некто Исмагулла Муслим. Накануне революции он служил в одной из армейских частей в звании майора, получив военное образование в СССР. Муслим был выходцем из ханского клана пуштунского племени ачакзай, обитавшего между Кандагаром и афгано-пакистанской границей и известного разбойничьими акциями еще со времен эмира Абдурахмана (1880—1901 гг.). И. Муслим не стал исключением. Он отличался необузданным нравом еще в период учебы в СССР, получив известность тем, что был единственным афганским офицером, угодившим за решетку⁶².

В начале 1979 г. он во главе своих соплеменников присоединился к моджахедам, попутно занимаясь грабежами по дороге Кандагар—Кветта, не брезгуя и наркобизнесом. В 1984 г., вступив в конфликт с Межведомственной разведкой Пакистана (ISI), опекавшей афганскую оппозицию, Муслим перешел на сторону кабульского режима, получив звание генерал-майора. Ему была выделена важная роль контролировать транзитные пункты и саму дорогу Кандагар—Кветта. В январе 1986 г. он стал членом РС ДРА. Поселившись в роскошном особняке в Кабуле, генерал вел разгульную жизнь. В ноябре 1987 г. он и его люди пытались прорваться на заседания Лоялджирги, принимавшей конституцию. В завязавшейся перестрелке Муслим был ранен и отправлен на лечение в Ташкент. После вывода советских войск его отряды были разбиты под Спинбулдаком на границе с Пакистаном. Муслим умер в советском госпитале в 1991 г., где лечился от алкоголизма и наркомании⁶³.

Два других военных союзника Наджибуллы — узбек Абдурашид Дустом и исмаилит Сеид Мансур Надери — выдвинулись на авансцену в связи с беспокойством президента по поводу обеспечения безопасности автотрассы Кабул—Хайратан и северных экономически развитых районов Афганистана. После вывода советских войск у него не осталось достаточно лояльных воинских частей в этих районах. Он был вынужден передать фактическую власть в регионе этим двум деятелям, также присвоив им генеральские звания. Первый со своей дивизией контролировал нефтепромыслы на севере, второй во главе местной милиции стал фактическим правителем провинции Баглан. Боевые подразделения А.Р. Дустома использовались Наджибуллой и в других регионах страны, в том числе в пуштунских районах. Они показывали образцы стойкости и отваги вперемишку с жестокостью и в ряде случаев с грабежами. В 1986 г. Дустому было присвоено звание

Героя ДРА. Особую известность он приобрел в 1988 г., когда его отряды были переброшены под Кандагар взамен уходящим оттуда советским частям. Ему удалось предотвратить заговор, организованный местными моджахедами при поддержке армейских офицеров. Именно в это время его отряды были преобразованы в 53-ю армейскую дивизию. Дустом выходил на прямые контакты с Наджибуллой, минуя министерство обороны⁶⁴.

Тем временем набирал силу мирный процесс урегулирования афганского конфликта. Многолетние усилия СССР, США и представителя генерального секретаря Д. Кордовеса на этом пути увенчались успехом — 14 апреля 1988 г. были подписаны Женевские соглашения между кабульским режимом и Пакистаном. Гарантами их выполнения стали СССР и США. При этом лидеры оппозиции не были допущены к переговорам. Соглашения предусматривали обязательства обеих сторон «уважать суверенитет друг друга и не вмешиваться во внутренние дела». Гаранты, со своей стороны, обязались «воздерживаться от любой формы вмешательства во внутренние дела Афганистана и Пакистана». В соответствии с Женевскими соглашениями 15 мая 1988 г. Советский Союз начал выводить свои войска из Афганистана, и 15 февраля 1989 г. вывод был завершен.

Он повлек за собой серьезное изменение ситуации в Афганистане. Оставшись один на один с оппозицией, Наджибулла был вынужден заняться консолидацией государственной власти, разьедаемой коррупцией, клановой и внутрипартийной борьбой, личными амбициями лидеров НДПА. 18 февраля 1989 г. в стране было введено чрезвычайное положение, в соответствии с которым полномочия парламента были переданы правительству, приостановлено действие ряда положений конституции, запрещены митинги, демонстрации и забастовки, созданы специальные суды вооруженных сил и безопасности. Все члены партии, включая женщин, прошли военную подготовку и получили оружие.

С целью создания нового имиджа правящей партии в июне 1990 г. в Кабуле состоялась национальная партконференция, на которой НДПА была переименована в Партию Отечества («Ватан») и принят ее новый устав. Его преамбула отразила совершенно новый социальный облик организации: «Партия является последовательной защитницей интересов народа и объединяет в своих рядах миролюбивые, патриотические, национальные, демократические и прогрессивные элементы». Устав содержал формальный отказ партии от «руководящей

роли», от марксизма-ленинизма и социализма в пользу ислама, демократии и рыночной экономики.

Лидер «Ватан» уже не выступал с громкими декларациями об афгано-советской дружбе, а наоборот, стремился публично дистанцироваться от Москвы, продемонстрировать свою независимость, постоянно подчеркивая национальный и исламский характер режима. Выступая на этой конференции, президент Наджибулла с горечью говорил о том, что «на первом этапе после вторжения СССР преследовал свои собственные цели в ущерб Афганистану, и его военное присутствие явилось печальной главой в истории партии», а первый день вывода советских войск — 15 мая 1988 г. — назвал «днем национального освобождения»⁶⁵.

В аналогичном ключе высказывались и другие лидеры страны. Такую позицию занимал, например, мэр Кабула Абдул Карим Мисак, жесткий халькист, бывший сторонник Х. Амина. Он провел 8 лет в тюрьме и был освобожден весной 1988 г., а в январе 1990 г. на пленуме ЦК НДПА был восстановлен в ЦК. «Советская интервенция, — рассуждал он, — была аморальной и ненужной. Она стала одной из причин бедственного положения народа. Совершенно ясно, что эта акция не была необходимой. Естественно, афганский народ был вынужден защищать страну от советских войск». При этом мэр не стал критиковать США и другие страны за помощь моджахедам, заметив, что, по его мнению, после ухода русских отпала необходимость продолжать эту помощь. «Теперь нет тех моджахедов, — подытожил он свою мысль, — теперь мы все моджахеды»⁶⁶.

Либерализация коснулась и других общественных и политических организаций, публичный имидж которых не совсем вписывался в характер менявшейся политической системы. В 1989 г. начала функционировать первая действительно независимая организация: 20 сентября в Кабуле распространилась осторожно сформулированная Декларация о намерениях «Общества национального спасения Афганистана», призывавшая афганцев создать атмосферу, способствующую переговорам по подготовке свободных выборов. Общество, возглавленное бывшим министром юстиции конца 60-х годов Мухаммадом Асгаром, объединило в своих рядах представителей старой политической элиты, которые остались в Кабуле. Они испытывали сильное давление со стороны властей и держались на плаву благодаря неофициальным связям с неким влиятельным лицом в правительстве. Поэтому Асгар не подвергся преследованию после того, как

в одном из своих интервью иностранным журналистам назвал Наджибуллу диктатором⁶⁷.

Создавая цивилизованный имидж своему режиму, Наджибулла предпринял меры по либерализации экономики. Была приостановлена реализация земельной реформы, конфискованные ранее земли и другая собственность возвращались бывшим владельцам, объявившим о своей лояльности властям. Поощрялась деятельность частного капитала. При этом руководство НДПА заявило о полном отказе от прежнего курса на построение «бесклассового общества», усиленно подчеркивая свою приверженность принципам ислама.

Заметные изменения произошли и в аграрной политике режима. Еще в 1987 г. вышел новый декрет Революционного совета о земельной реформе, который поднял потолок собственности на землю с 6 до 20 гектаров земель первой категории. Фактически же в стране было не более 4% земельных собственников, чьи земельные участки превышали этот предел. Более того, декрет разрешал иметь земельную собственность сверх установленного лимита тем, кто «принимал активное участие в реализации процесса национального примирения и прекращения кровопролития в стране». По декрету, разрешались аренда, акционирование, использование наемного труда, покупка и продажа земли. В последующем, в апреле 1990 г., правительство декларировало возврат или компенсацию всей ранее конфискованной собственности. Наконец, в том же 1990 г. в поправках к конституции больше не упоминались «демократические преобразования» в сельском хозяйстве. Вместо этого было объявлено о неприкосновенности частной собственности⁶⁸.

Для оперативного решения важнейших военных и политических вопросов был создан Высший совет обороны, постановления которого стали обязательными для всех ведомств и граждан республики. Возглавил Совет президент Наджибулла, его заместителями были назначены вице-президент А. Хатеф (беспартийный) и член Политбюро С.А. Кештманд. В состав Совета вошли партийные и военные руководители — всего 20 человек.

Подверглась реорганизации и система государственного управления. Существовавшее до того правительство с некоторыми признаками коалиционности во главе с М.Х. Шарком в экстремальной ситуации, сложившейся после вывода советских войск, продемонстрировало свою неэффективность, особенно в снабжении населения продовольствием.

В этой ситуации президент Наджибулла был вынужден пойти на фактическое возвращение к однопартийной системе в стране во главе с НДПА. При этом, однако, не была запрещена деятельность других политических организаций. В рамках реорганизации правительства девять беспартийных министров были заменены членами ЦК НДПА, трое из которых занимали министерские посты при Н.М. Тараки и Б. Кармале. Премьер-министр М.Х. Шарк сам подал в отставку. Для усиления партийного руководства госаппаратом был создан Исполком совета министров во главе с С.А. Кештмандом.

Кроме того, в процессе консолидации власти президент принял ряд мер по укреплению единства самой правящей партии, внутренние противоречия в которой не прекращались со времен Тараки—Амина. И хотя еще Кармалю удалось в какой-то мере достичь хрупкого баланса между двумя фракциями, он постоянно нарушался. Еще в 1981 г. Кармаль удалил из Кабула фактического лидера халькистов, бывшего шефа госбезопасности А. Сарвари, направив его послом в Монголию. Его место занял ставший министром внутренних дел халькист С. Гулабзой. Однако в 1988 г. и он был направлен послом в Москву.

В то же время Наджибулла выпустил из тюрьмы в апреле 1988 г. соратников Х. Амина, министров его правительства, попавших за решетку после вторжения советских войск — Шах Вали, Ш. Джужджани, А.К. Мисака и А.К. Гурбанди. Летом 1989 г. они получили крупные посты в госаппарате, а на пленуме ЦК НДПА в январе 1990 г. были восстановлены в этом органе. Причем на пленуме Центрального совета партии «Ватан» 25 октября 1990 г. два последних были избраны членами Политбюро партии. Шах Вали и А.К. Мисак тогда же создали две нелегальные группировки, объединившие радикально и экстремистски настроенных халькистов, — «Организация единства народов Афганистана» и «Принципиальное движение» соответственно.

Весной 1989 г. были выпущены из тюрем и лидеры кармалистов во главе с М. Барьялаем, также возглавившим нелегальную Организацию освобождения трудящихся Афганистана. Барьялай получил пост вице-премьера, но был удален из Кабула: ему было поручено организовать переброску советской материальной помощи в Афганистан через Амударью. Резиденцией вице-премьера стал г. Хайратан на афгано-советской границе. Кроме того, по сведениям афганского исследователя Ф.М. Ведана, он должен был подготовить г. Мазари-Шариф к возможному перемещению туда партийного и

правительственного аппарата в случае, если под давлением определенных обстоятельств последнему придется покинуть Кабул и сделать Мазари-Шариф временной столицей страны⁶⁹. Впрочем, вскоре эта идея была оставлена, так как против такого плана выступил Наджибулла⁷⁰.

Афганская исламская оппозиция, в свою очередь, выступила с осуждением подписанных в Женеве соглашений, считая кабульский режим нелегитимным и не имеющим права представлять интересы страны. Ее лидеры объявили о продолжении вооруженной борьбы против правительства Наджибуллы до победного конца. В мае 1989 г. они предприняли массированную атаку на г. Джалалабад, к востоку от Кабула. Однако город выстоял благодаря мужеству его защитников. Понеся большие потери, моджахеды отступили на пакистанскую территорию.

10 февраля 1989 г. под сильным давлением США и Пакистана моджахеды сформировали в Равалпинди «переходное правительство Афганистана» (ППА) во главе с президентом С. Моджадди (чьим представителем на Совете был его заместитель, будущий президент Афганистана Хамид Карзай) и премьер-министром А.Р. Саяфом, в состав которого вошли лидеры семипартийного альянса. И хотя выборы в Совет, назначивший «правительство», бойкотировались лидерами других группировок оппозиции и полевыми командирами, создание «переходного правительства» означало появление альтернативного Кабулу центра власти.

Формирование правительства шло под прямым воздействием начальника межведомственной разведки Пакистана (ISI) генерала Хамид Гуля и саудовских субсидий, особенно по вопросу избрания премьер-министром ваххабита А.Р. Саяфа, группировка которого «Исламский союз освобождения Афганистана» была создана на деньги и при прямом участии Саудовской Аравии⁷¹. Саудовцы стремились не допустить на заседание Совета опекаемых Ираном шиитских лидеров и обещали финансировать создание «исламской армии» моджахедов, если ваххабиты будут серьезно представлены в «переходном правительстве». Всего спецслужбы Эр-Рияда потратили на проведение Шуры 26 млн долларов⁷².

Формирование «переходного правительства» еще более осложнило ситуацию в лагере противников режима Наджибуллы. Не последнюю роль сыграл этнический фактор. Самый влиятельный из министров Г. Хекматъяр представлял пуштунов племенного объединения гильзаев, противостоящих находившемуся у власти в Кабуле до 1978 г. пуштунскому объеди-

нению дуррани. Интересы последних выражали президент ППА С. Моджадди и его министр юстиции С.А. Гилани, хотя их родословная была скорее арабской, нежели пуштунской. Они выступали за возвращение экс-короля в Афганистан и формирование нового правительства под его эгидой. Хекматъяр был категорически против этого, называя Захир Шаха деспотом, тираном, открывшим страну для коммунистической пропаганды. Особую позицию занимал А.Р. Саяф, партия которого была сколочена из фрагментов разных политических группировок. Она не имела серьезной поддержки в Афганистане и, будучи ваххабитской, представляла скорее интересы Саудовской Аравии, нежели какой-то части афганского населения. Противоречия между лидерами оппозиции выливались зачастую в вооруженные столкновения между их отрядами.

Отказ пешаварского альянса предоставить места в «правительстве» шиитским лидерам вызвал болезненную реакцию Ирана, занявшего в итоге еще более враждебную позицию в отношении США и афганских суннитских лидеров.

В провинции Кунар бывший полевой командир из Исламской партии Афганистана маулави Джамиль ур-Рахман создал ваххабитскую организацию, не подчинявшуюся пешаварскому «правительству». Его финансировала Саудовская Аравия, и вместе с его боевиками против кабульского режима воевали сотни арабских наемников и добровольцев. После падения Асмара, центра провинции Кунар, он сформировал провинциальный Совет параллельно такому же органу власти, созданному семипартийным альянсом⁷³.

Обиженным почувствовал себя и Б.Раббани, лидер наиболее крупной партии, набравший наименьшее число голосов и занявший незначительный пост в «правительстве». Игнорирование бывшего короля Захир Шаха и его сторонников вызвало недовольство в племенах. 8 февраля, накануне заседания Совета, группа влиятельных ханов и старейшин устроила в Пешаваре демонстрацию в его поддержку, которая была разогнана боевиками из Исламской партии Г. Хекматъяра⁷⁴. Наконец, преобладание в «правительстве» пуштунов-гильзаев усилило трения между племенами дуррани и гильзаев.

Пешаварскому «правительству» так и не удалось серьезно закрепиться на территории Афганистана или провести обещанные ими всеобщие выборы. Тем не менее оно было признано Саудовской Аравией, Бахрейном, Малайзией и Суданом. ОИК пригласила министра иностранных дел «переходного правительства» Г. Хекматъяра занять место Афганиста-

на, но лишь как «представителя афганских моджахедов». США и Пакистан, в свою очередь, воздержались от официального признания этого «правительства», ссылаясь на то, что оно находится в эмиграции, не контролирует большую часть территории и не пользуется поддержкой большинства населения страны.

Как уже упоминалось, в период еще до вывода советских войск в Афганистане на контролируемой моджахедами территории начала складываться новая форма власти — локальные и региональные советы моджахедов. Наиболее крупные и разветвленные из них появились на севере — Наблюдательный совет во главе с А.Ш. Масудом (1985 г.) и на западе — Совет Гератской провинции, возглавляемый Исмаил-ханом (1987 г.). Президент Наджибулла заявил о готовности признать властные полномочия этих и других советов, даже если они формально не признают его власть. Это свидетельствовало о начавшемся процессе фрагментации власти и самого государства, принявшем долговременный характер.

Между тем само «переходное правительство» в Пешаваре оказалось непрочным. Противоречия между лидерами исламских группировок вспыхнули сразу же после его формирования. Недовольство манипуляциями пакистанцев, соперничество между партиями и неожиданно жестокое сопротивление со стороны кабульского режима не оставили никаких шансов пешаварскому «правительству». Через несколько месяцев после провала джалалабадской операции Ахмад Шах Масуд и его Наблюдательный совет Севера решили выдвинуть свой план действий в качестве альтернативы стратегии ISI. Однако планировавшийся ими захват важного в стратегическом отношении г. Кундуза пришлось отложить, когда Масуд узнал, что 9 июля 1989 г. один из полевых командиров Хекматъяра захватил и убил его десять крупных командиров и около 20 рядовых бойцов. Масуд выловил четырех виновных и по решению суда улемов повесил их. Рассерженный С. Моджаддиди назвал Хекматъяра преступником и террористом, после чего последний покинул «переходное правительство». Полевые командиры в самом Афганистане усиливали сопротивление попыткам ISI руководить ими и контролировать их военные действия.

Отсутствие единства и военные неудачи вносили раскол в «переходное правительство». В то же время тупиковая ситуация в стране побуждала некоторых лидеров оппозиции идти на компромиссы с Кабулом. Так, в конце 1989 г. лидер Национального исламского фронта Афганистана С.А. Гилани имел

несколько негласных встреч с людьми из окружения президента Наджибуллы, в частности, с генералом Н.Х. Олуми⁷⁵.

Несмотря на военные успехи президента Наджибуллы, войска которого отразили штурм Джалалабада, политическая ситуация в стране продолжала обостряться. Это во многом было связано с возобновившейся борьбой внутри правящей партии. Наиболее крупные разногласия возникли вокруг политики национального примирения. Ее не поддерживали сторонники опального Б. Кармаля, не желавшие делиться властью с моджахедами. Против нее выступали и халькисты, сплотившиеся вокруг министра обороны генерала Шах Наваза Таная.

В декабре 1989 г. в Кабуле был раскрыт заговор халькистов против президента Наджибуллы. По обвинению в участии в нем были арестованы 127 человек, в том числе 14 армейских генералов. Среди арестованных были министр гражданской авиации Пача Голь Вафадар, бывший министр по делам племен правительства М. Дауда и Хасан Шарк. Выпущенный из тюрьмы по настоянию Таная П.Г. Вафадар тут же эмигрировал в Пешавар, где, по слухам, продолжил давнее сотрудничество с Г. Хекматъяром.

Узнав об аресте группы офицеров, министр обороны Ш.Н. Танай потребовал их освобождения, а также передачи всех силовых структур в распоряжение своего министерства. Однако его требования были отвергнуты.

Президент не рискнул арестовать Таная, хотя никто не сомневался, что он руководил заговорщиками, которые, по сообщению официальной прессы, были связаны с Хекматъяром⁷⁶. Между министром обороны и президентом вспыхнул открытый конфликт. Вооруженного столкновения удалось избежать лишь с помощью советского посла Ю. Воронцова и министра иностранных дел Э. Шеварднадзе, который, прибыв в Кабул, с трудом помирил двух лидеров. Наджибулла под нажимом советского министра был вынужден освободить арестованных генералов. Но это была лишь видимость мира.

6 марта 1990 г. генерал Танай поднял вооруженный мятеж против президента. Президентский дворец был подвергнут бомбардировке. Вспыхнувшие в городе бои повлекли за собой многочисленные жертвы среди мирного населения. Однако мятеж в тот же день был подавлен. Генерал Танай и его ближайшие соратники, в том числе два члена Политбюро ЦК НДПА Н.М. Моманд и М.С. Карваль, кандидат в члены Политбюро, бывший министр обороны Н. Мухаммад и генерал А. Кадир Ага бежали в Пакистан, где в Пешаваре присоединились к Хекматъяру⁷⁷.

Власти произвели широкие аресты. Общее число арестованных составило 623 человека, 58 из них вскоре были освобождены. По обвинению в симпатиях к заговорщикам были выведены из состава ЦК и самой партии, а затем арестованы старейшие деятели НДПА, члены ЦК первого созыва Г.Д. Панджшири и С.М. Зерай, потеряли членство в ЦК также генерал С.М. Гулабзой и ряд других влиятельных фигур. Через месяц Гулабзой лишился и должности посла Афганистана в Москве. Всего из состава Политбюро были выведены 7 его членов из 18 и 24 кандидата⁷⁸.

Массовые аресты халькистов, поддержавших генерала Таная, прошли и в других городах. Новым министром обороны стал генерал А. Ватанджар, поменявший немало постов в правительствах Тараки, Амина и Кармая. В числе мятежников оказался и А. Сарвари. Власти сообщили, что он покинул посольство в Адене, прибыл в Индию и установил контакты с ISI через Г. Хекматъяра и П.Г. Вафадара⁷⁹. Сам Танай вскоре появился в Афганистане в качестве командующего фронтом от партии Хекматъяра в провинции Логар.

В течение 1990–1991 гг. продолжалась эрозия кабульского режима, который скорее плыл по течению, нежели определял характер общественно-политических процессов в стране. Он по-прежнему держался на плаву благодаря масштабной военной и экономической помощи СССР. Москва организовала «воздушный мост» с Кабулом, по которому в страну потоком шли оружие, продовольствие и даже деньги. Ежедневно в столичном аэропорту совершали посадку от 25 до 40 военнотранспортных самолетов Ил-76⁸⁰. Так, с марта по июль 1989 г., по данным западных обозревателей, в Афганистан было поставлено 150 танков Т-55 и Т-62, 615 боевых машин пехоты (БМП), и тысячи тонн горючего. Оружие включало 550 ракет «Скад»⁸¹ стоимостью около 1 млн долларов каждая. Суммарная ежемесячная помощь Москвы оценивалась в 250–300 млн долларов⁸², то есть не менее 3 млрд долларов в год.

Президент еще пытался сохранить видимость единства и прочности партийно-государственной структуры, все более закручивая гайки и прибегая даже к чисткам. Так, в 1990 г. он отправил в отставку коррумпированного премьер-министра, члена Политбюро С.А. Кештманда, назначив на его место беспартийного Ф. Халекъяра, занимавшего до того пост губернатора Герата. В марте 1991 г. был выведен из состава руководства партии и исключен из нее за фракционную деятельность мэр Кабула А.К. Мисак, который тут же эмигрировал в Германию. Лишился своего партбилета и посол в КНДР

нимавший посты министра сельского хозяйства и заместителя министра иностранных дел А.Г. Лаканваль⁸⁴.

Очередной удар по кабульскому режиму был нанесен августовским путчем 1991 г. в Москве. Руководство РА воздержалось от оценки действий ГКЧП по вполне понятным причинам: режим был креатурой верхушки КПСС и КГБ. Запрет КПСС осенью 1991 г. серьезно подорвал политическую опору партийно-государственной власти РА. Дальнейшую судьбу Кабула решило соглашение, подписанное в сентябре 1991 г. между госсекретарем США Дж. Бейкером и министром иностранных дел СССР Б. Панкиным о прекращении с 1 января 1992 г. поставок оружия конфликтующим сторонам в Афганистане.

Начавшийся распад СССР выявил позиции российского руководства в отношении афганского конфликта, отличные от союзного: вместо курса на укрепление «братской дружбы» и «интернациональной солидарности» Россия ориентировалась на поиски баланса интересов в регионе, отбросив в сторону идеологические пристрастия. Это подтвердил визит в Москву представителей афганской оппозиции во главе с Б. Раббани в ноябре 1991 г., который провел переговоры с представителями российского руководства во главе с А. Руцким. И хотя дальше общих деклараций стороны не пошли, они согласились на создание в Кабуле «исламского правительства»⁸⁵.

Прекращение поставок советского оружия, а затем и продовольствия кабульскому режиму выявило его внутреннюю слабость и политическую несостоятельность. Началась его агония. В этой критической ситуации Наджибулла предпринял судорожные попытки смены внешнеполитической ориентации. Лишившись помощи распавшегося СССР, он попытался сделать ставку на США, спекулируя на угрозе, которую несет Западу исламский фундаментализм. Адекватной реакции из Вашингтона не последовало.

Весной 1992 г. развал военно-государственной и партийной структуры кабульского режима принял необратимый характер. Армия оказалась расколотой между халькистами и парчамистами и в значительной мере деморализованной. Все новые районы переходили под контроль оппозиции. В марте 1992 г. объявил о разрыве с Кабулом и перешел на сторону моджахедов командир 53-й дивизии узбекский генерал А.Р. Дустом. В Мазари-Шарифе в апреле он создал свою политическую организацию — Национальное исламское движение Афганистана, в которое вошли многие функционеры партии «Ватан» и моджахеды разных мастей, и распространил контроль над рядом северных провинций. Откололся от режима и генерал С.М. Надери, командир милицейских формирований в провинции Баглан. Влиятельные халькисты радикального тол-

ка — министр обороны А. Ватанджар и командующий ВВС и ПВО генерал Фаттах, парчамист вице-президент М. Рафи и другие открыто устанавливали контакты с Г. Хекматъяром. Не остался в стороне и А.Ш. Масуд, который получил двух влиятельных союзников в окружении Наджибуллы — членов Политбюро таджиков Фарида Маздака и Дауда Кавьяни. В конце апреля президента Наджибуллу предают ближайшие друзья и соратники-парчамисты во главе с министром иностранных дел Абдул Вакилем, которые планировали сместить его и создать новое правительство с участием исламской оппозиции. Деятельность Партии Отечества оказалась парализованной. 15 апреля Наджибулла вручил представительству ООН в Кабуле свою просьбу об отставке.

Глава IX

Афганистан во власти ислама

28 апреля 1992 г. вооруженные отряды оппозиции (А.Р. Дустома и А.Ш. Масуда) без боя вошли в столицу. Президент Наджибулла, отправивший накануне свою семью в Дели, пытался бежать, но был задержан в аэропорту людьми генерала Дустома и получил убежище в миссии ООН в Кабуле. Столица оказалась поделенной между четырьмя военно-политическими группировками моджахедов: северо-западная и центральная часть города вместе с президентским дворцом отошла к А.Ш. Масуду, в юго-западной части разместилась шиитская партия «Вахдат-е ислами» («Исламское единство»), созданная в 1990 г. в Иране на базе проиранских шиитских группировок во главе с А. Мазари, район столичного аэропорта был занят отрядами генерала А.Р. Дустома, в южных пригородах укрепился Г. Хекматяр.

Афганистан был провозглашен Исламским Государством Афганистан. В первые же дни в соответствии с соглашениями, достигнутыми лидерами семипартийного альянса в Пешаваре, были сформированы новые высшие органы государственной власти — Совет джихада (законодательная), куда вошли лидеры крупнейших группировок моджахедов, и Руководящий совет (исполнительная). Сохранились также Совет полевых командиров и Наблюдательный совет А.Ш. Масуда. Функции этих советов не были строго регламентированы, не имели они и четкой иерархии, поэтому зачастую дублировали друг друга.

В соответствии с ранее достигнутой договоренностью на время переходного периода — 6 месяцев до всеобщих выборов — была установлена очередность смены президентов. Первым главой государства был назначен лидер НФОА С.Моджаддиди. Через два месяца его сменил Б. Раббани. Партия Отечества была запрещена и мгновенно распалась. Остальные леводемократические и ультралевые партии и группировки также канули в небытие.

В новом правительстве были представлены семь партий пешаварского альянса и две шиитские партии — «Вахдат-е мелли» и Партия исламского движения во главе с аятоллой Мохсени (создана весной 1979 г.). Премьер-министром был

назначен соратник Хекматьяра А.С. Фарид. Однако это правительство обладало весьма ограниченным территориальным контролем. Каждая группировка имела в Кабуле зону контроля. Формально была создана правительственная армия, и А.Ш. Масуд получил пост министра обороны, но на практике все партии сохранили свои вооруженные формирования. Большая часть провинций осталась под властью или зоной влияния местных полевых командиров.

Летом 1992 г. в Кабуле начались вооруженные столкновения между группировками за передел власти. Основная борьба развернулась между Б. Раббани и Г. Хекматьяром. Формальным поводом послужило недовольство последним пребыванием в городе отрядов генерала Дустома, обвиненного лидером фундаменталистов в сотрудничестве с бывшим коммунистическим режимом. Лидер ИПА начал обстреливать город ракетами из своей штаб-квартиры в Чарасья, в 20 км к югу от столицы. Одновременно в Кабуле вспыхнули бои между шиитами партии «Вахдат» и отрядами Исламского союза за освобождение Афганистана А.Р. Саяфа¹.

В этой ситуации Б.Раббани отказался передать власть следующему кандидату. В декабре 1992 г. он созвал в Кабуле так называемый Совет особо уполномоченных и компетентных, который избрал его президентом страны сроком на полтора года. Однако лидеры большинства группировок бойкотировали заседание Совета, поэтому продливший полномочия Б. Раббани оказался нелегитимным президентом². Это катализировало новый виток вооруженной борьбы. В начале зимы 1993 г. Раббани также включился в борьбу против шиитов.

Одним из главных действующих лиц в новом военном противостоянии стал генерал Дустом. Отчаявшись получить посты в новых органах власти, которые он потребовал у президента в ноябре 1992 г., после продления срока полномочий Б. Раббани он ушел со своими отрядами на север, где в Мазари-Шарифе создал собственную администрацию, распространив свою власть на четыре северные провинции.

Борьба различных политических сил в этот период получила преобладающую национальную окраску — в основном между пуштунами и непуштунами. В рамках этого противостояния доминирующую роль играли четыре этнически очерченные военные силы — узбеки во главе с Дустомом, поддерживаемые Узбекистаном, шииты, объединившиеся вокруг партии «Вахдат-е ислами» и поддерживаемые Ираном, пуштуны во главе с Хекматьяром, получившие поддержку от зарубежных исламистов и ISI, таджики, вedomые А.Ш. Масу-

дом, у которого не было прямого зарубежного спонсора, хотя он и установил контакты с потерпевшей поражение таджикской оппозицией.

В январе 1993 г., когда Кабул вновь оказался в эпицентре боевых действий, саудовский король Фахд выступил с призывом о мире. В итоге лидеры партий моджахедов под покровительством Пакистана, Саудовской Аравии и Ирана в феврале 1993 г. подписали в Исламабаде соглашение, совершив после этого поездку в Мекку и поклявшись там на «святой Каабе» выполнять его³. По этому соглашению, президентом остался Б. Раббани, получивший полномочия главнокомандующего вооруженными силами, премьер-министром был назначен Г. Хекматъяр, которому было предоставлено право формировать правительство после консультаций с президентом. Однако конфликт между премьером и оставшимся в своем кресле (хотя и с неясным статусом) министра обороны А.Ш. Масудом, сделал новое правительство неработоспособным. Вооруженные столкновения в столице продолжались.

Весной 1993 г. военно-политическая борьба в стране поднялась на более высокий уровень — были созданы две противостоящие друг другу коалиции, в формировании которых последнюю роль сыграл этнический фактор. В одной из них объединились Дустом, Масуд и лидер исмаилитов Надери. Эта коалиция поддерживала таджика Раббани и заявляла, что выражает интересы национальных меньшинств севера. Во вторую входили фундаменталисты Хекматъяр и Саяф. К ним примкнула шиитская партия «Вахдат-е ислами». Между двумя альянсами развернулась борьба за власть. Другие лидеры группировок моджахедов также разделились: пуштун Ю. Халес склонялся к поддержке Хекматъяра, а остальные влиятельные лидеры — С. Моджадиди, С.А. Гилани и М.Н. Мухаммади — формально были на стороне Б. Раббани, но в вооруженной борьбе не участвовали. Лозунг джихада был отброшен, на поверхность вышли политические амбиции лидеров моджахедов.

Одновременно предпринимались новые попытки сформировать органы центральной власти мирным путем. В апреле 1993 г. в Джалалабаде собрались руководители моджахедов (кроме Раббани и Халеса). Совещание приняло крайне драматичный характер и грозило при негативном исходе, то есть в случае отказа его участников достичь согласия, привести к новой вспышке вооруженных столкновений. В итоге, несмотря на острые разногласия, было подписано Джалалабадское соглашение, по которому основные партии (кроме Дустома)

разделили посты в новом правительстве. В июне 1993 г. такое правительство было создано во главе с премьер-министром Г. Хекматъяром, который, однако, отказался покинуть свою штаб-квартиру в Чарасья, по существу саботируя работу своего правительства.

Однако мирный период длился недолго. В январе 1994 г. вновь вспыхнули вооруженные столкновения между силами премьер-министра Хекматъяра и президента Раббани. Одновременно произошла перегруппировка коалиций, появилась их новая конфигурация: генерал Дустом неожиданно объединился со своим заклятым врагом Хекматъяром, от которого, в свою очередь, отошел Саяф, перешедший в лагерь президента. Последнего поддержал и лидер исмаилитов Надери. Основные столкновения развернулись в столице, которая подвергалась непрерывным ракетным ударам со стороны сил премьер-министра.

В условиях усилившейся борьбы различных военно-политических группировок в Афганистане нарастала фрагментация власти. Кроме центрального правительства, созданного на фракционной основе и обладавшего ограниченным территориальным контролем (в основном Кабульская провинция), в стране возникли региональные и локальные очаги власти, степень лояльности которых кабульскому режиму зависела от политических позиций и партийной принадлежности местных лидеров.

Как уже упоминалось, часть северо-восточных провинций находилась под контролем А.Ш. Масуда и возглавляемого им Наблюдательного совета. Эти территории были вполне лояльны Кабулу, но Масуд при этом пользовался известной самостоятельностью (в вопросах местного самоуправления, сбора налогов, военной организации, экономической политики). Центром этой зоны был г. Талукан провинции Тахар.

Другой крупный очаг региональной власти появился на территории четырех северных провинций (Кундуз, Джаузджан, Балх, Фарьяб) под контролем генерала Дустома с центром в г. Мазари-Шарифе. Здесь он создал полноценную структуру государственных органов, независимую от Кабула. Высшая законодательная власть принадлежала Руководящему совету, состоявшему из 313 человек, и его Исполкому (32 человека) во главе с его председателем — А.Р. Дустомом. В рамках Исполкома действовал ряд комитетов и комиссий: военный, иностранных дел, экономики и планирования, финансов, юридический, культуры, религиозный (руководство Совета улемов). Сформировано было также и правительство, обла-

давшее высшей исполнительной властью. На этой территории возникли провинциальные и уездные советы, выполнявшие распоряжения Руководящего совета. Исполнительную власть в провинциях осуществляли губернаторы, назначавшиеся Дустом из числа лояльных ему лиц⁴. Его чиновники получали таможенные сборы в Хайратане на афгано-узбекской границе, не пересылая их в Кабул, а армейские подразделения не подчинялись министерству обороны в Кабуле.

А.Р. Дустом широко сотрудничал с бывшими функционерами «Парчам», бежавшими на север после падения режима Наджибуллы, в том числе с Б. Кармалем и его двоюродным братом М. Барьялаем⁵.

Администрация НИДА обладала и международными связями, хотя и не была официально признана ни одним государством. Тем не менее она имела представительства в Москве, Ташкенте, Анкаре, Лондоне, Вашингтоне. В Мазари-Шарифе функционировали представительство ООН, консульства Ирана, Пакистана, Узбекистана, Таджикистана, Туркменистана, России (в 1996 г. переместилось в г. Хайратан) и Саудовской Аравии. А.Р. Дустом как глава фактически независимого территориально-государственного образования в 1992–1996 гг. посетил с визитами Москву, Тегеран, Ташкент, Ашхабад, Исламабад, Анкару и Эр-Рияд, где встречался с высокопоставленными государственными чиновниками.

Еще один региональный центр власти возник в провинции Герат на западе Афганистана, где влиятельный полевой командир Исмаил-хан, сотрудничавший с группировкой «Исламское общество Афганистана» во главе с Б. Раббани, создал здесь свою администрацию. В отличие от Дустома, он сохранил лояльность Кабулу, но, как и Масуд на северо-востоке, достиг известной степени независимости в управлении подконтрольными территориями (провинции Бадгис, Герат, Гур и Фарах), осуществляя властные функции в сфере экономики, торговли, военной политики, финансов, судопроизводства, просвещения и здравоохранения. Не выходя за рамки достаточно широких полномочий регионального лидера, он, тем не менее, пытался установить собственные международные связи, наезжая с визитами в соседние Иран, Туркмению и Узбекистан.

В остальных провинциях, подчинявшихся Кабулу лишь номинально, сложился широкий спектр различных форм местной власти. В ряде регионов правили отдельные полевые командиры, формально связанные с той или иной политической группировкой, как, например, глава исмаилитов С.М. Надери

в провинции Баглан или Абдул Кадир в Нангархарской провинции, маулави Ахундзада в Кандагаре, бывший халькист Гулам Расул, ставший сторонником С.А. Гилани, в Хосте, в Кунаре — лидер местной ваххабитской группировки Рузи-хан, в Гардезе — местная Шура во главе с Джалалуддином Хаккани. Как правило, они носили титул «вали» («губернатор») или «амир» («эмир») и возглавляли Руководящий совет, сформировавшийся из числа соратников местного лидера и влиятельных лиц провинции.

Однако в большинстве провинций власть делили представители нескольких политических партий, формируя местную коалицию. Так, Фарах был под контролем людей Хекматъяра, Гилани и Исмаил-хана, в Газни правил губернатор Кари Баба (сторонник М.Н. Мухаммади) вместе с полевыми командирами из партий Хекматъяра и Саяфа. В Гильменде власть разделили между собой гератский и кандагарский губернаторы, в Кундузе у власти стоял триумvirат сторонников Дустома, Масуда и Надери. Так в ходе войны сформировался новый слой властной политической элиты, сменившей потерявших власть и влияние традиционных духовных и этнических авторитетов.

Коалиции партий и группировок в свою очередь оказались непрочными. Уже в 1993 г. в альянсе Дустома произошел раскол: от него отделились Масуд и Саяф, начавшие боевые действия против узбекского генерала, вытеснив часть его войск на территорию соседнего Таджикистана. В водоворот политической жизни оказались втянуты и таджикские беженцы, хлынувшие в Афганистан после начала гражданской войны между Душанбе и исламо-демократической оппозицией. Стремление получить контроль над их лагерями в северных провинциях и поступающей от ООН гуманитарной помощью побудили Саяфа потеснить Дустома с территории лагерей.

Таким образом, после прихода к власти в Кабуле моджахедов в результате победы «исламской революции» децентрализация власти, фактически начавшаяся уже в период правления Б. Кармаля и Наджибуллы, значительно возросла. По мере усиления власти региональных лидеров и ослабления центрального правительства возникли предпосылки политической и территориальной дезинтеграции Афганистана, что в последующем было использовано в качестве предлога для появления новой политической силы, активно вмешавшейся в афганские события.

В октябре 1994 г. на политической арене Афганистана появилась еще одна военно-политическая сила — талибы, аф-

ганцы-пуштуны — учащиеся пакистанских медресе, преимущественно дети беднейшей части афганских беженцев в Пакистане.

Их сравнительно небольшая группа, выступив из пакистанского г. Кветта и перейдя на территорию Афганистана, быстро обросла сторонниками и к середине 1995 г. захватила ряд южных провинций страны. В то время ее трудно было назвать политической группировкой. Талибы выступили с лозунгом прекращения затянувшейся войны в стране, но при этом вооруженным путем, и создания «подлинно исламского государства» (с «калашниковым» в одной руке и Кораном — в другой). Их непосредственным спонсором и руководителем была все та же ISI, которая организовала и вооружила движение «Талибан», «крестным отцом» — министр внутренних дел Пакистана генерал Насирулла Бабар, а духовным наставником — пакистанская фундаменталистская партия «Джамиат-и улема-и ислам» («Общество мусульманских богословов») во главе с мауланой Фазль ур-Рахманом⁶.

Главным спонсором движения выступил Пакистан, лидеры которого давно уже (с 1956 г.) вынашивали идею создания афгано-пакистанской конфедерации, содействуя приходу к власти в Кабуле «дружественного», марионеточного правительства. Кроме того, Исламабад рассчитывал использовать движение талибов для получения безопасного доступа на рынки центральноазиатских государств через афганскую территорию. И теперь, казалось, настал благоприятный момент для практической реализации этих целей.

Основная часть талибов проходила жесткую религиозную и военную подготовку в многочисленных пакистанских медресе под патронажем фундаменталистской партии «Джамиат-и улема-и ислам».

Движение «Талибан» базировалось не столько на этнической, сколько на конфессиональной основе. Навязывая Афганистану посредством талибов пуританский ислам, зарубежные спонсоры сделали ставку в то же время именно на пуштунов, стремясь вернуть страну в лоно традиционной пуштунской государственности. Именно из среды пуштунской молодежи из афганских беженцев рекрутировались участники движения. В основу же идеологии движения был положен религиозный фанатизм талибов (известно, что ортодоксальный ислам не признает существования национальных государственных образований и, соответственно, национальных границ). По замыслу Исламабада в условиях усиления дезинтеграции Афганистана по этническому принципу всеобщая идея

ислама и исламизации в политике «Талибана» должна была отодвинуть в тень пуштунский национализм и возможную реанимацию «проблемы Пуштунистана», представлявшей угрозу территориальной целостности пакистанского государства.

Их появление было связано не только с динамикой внутреннего развития. Важнейшее значение приобрели и международные факторы. События в Афганистане вызывали растущее беспокойство его соседей, справедливо рассматривавших эти события как угрозу региональной стабильности. Не последнюю роль сыграли здесь и экономические интересы ряда стран, в первую очередь США и Саудовской Аравии, нефтяные компании которых включились в борьбу за энергоресурсы Каспия, планируя строительство газопровода Туркмения—Пакистан через афганскую территорию.

К осени 1995 г. семинаристы были уже на дальних подступах к столице, разгромив основные силы Г. Хекматъяра к востоку от Кабула. К этому времени они успели захватить ключевую западную провинцию Герат, губернатор которой Исмаил-хан, не оказав им должного сопротивления, бежал в Мешхед⁷. Они также легко овладели Джалалабадом. Губернатор Нангархарской провинции Абдул Кадир фактически сдал талибам город и бежал за рубеж. Аналогичным образом поступил командующий войсками провинции хаджи Заман-хан, приказавший своим солдатам сложить оружие, а сам укатил в Париж⁸.

Правительство Б. Раббани, который после 1995 г. только де-юре оставался в кресле президента, закрепив тем самым статус-кво в существующей причудливой конфигурации разных уровней власти, проявил поразительную беспечность (а может, и слабость), не осознавая в полной мере опасности для его режима, исходившей от талибов. Действительно, страна, раздробленная на многочисленные «удельные княжества», стала легкой добычей для воинственных исламских семинаристов. Носители идей прекращения войны и объединения страны под эгидой пуштунов получали растущую поддержку от измученного войной населения, в первую очередь в зоне пуштунских племен. Правительственные войска оказали слабое сопротивление исламистам. Не было заметно и особых политических инициатив со стороны кабульского режима по объединению враждующих группировок моджахедов для оказания отпора исламским семинаристам.

И лишь когда их вооруженные отряды нанесли поражение войскам Хекматъяра и в конце 1995 г. подошли к столице, Раббани спохватился и начал поиск контактов со своими оп-

понентами — лидерами других группировок моджахедов. Активным посредником в этих контактах выступил Иран, явно не заинтересованный в победе пуштунских суннитов-фундаменталистов, видя в них угрозу интересам афганских шиитов. Челночная дипломатия заместителя министра иностранных дел Ирана А. Боруджерди в Афганистане вскоре начала приносить плоды: в мае 1996 г. между президентом Б. Раббани и бывшим премьер-министром Г. Хекматъяром (он ушел со своего поста в 1994 г.) было достигнуто соглашение об объединении. При этом Хекматъяр принял приглашение вернуться на прежнюю должность. 5 мая его вооруженные отряды торжественно вступили в Кабул⁹.

Другие противники Раббани не спешили присоединиться к нему, в первую очередь генерал Дустом, который, находясь вдали от театра военных действий, полагал себя в полной безопасности. Некоторые лидеры моджахедов заняли двойственную позицию: заигрывая с талибами, они в то же время стремились перехватить у них и Раббани политическую инициативу. Так, в середине июня 1996 г. было объявлено о создании нового альянса — «Национального исламского фронта мира», куда вошли Дустом, Гилани, Моджаддиди и глава шиитской партии «Вахдат-е мелли» Абдул Карим Халили. Не называя себя оппозицией Кабулу, руководители Фронта предложили другим политическим лидерам и группировкам, в том числе Раббани и талибам, присоединиться к ним для избрания Шуры и передачи ей верховной власти¹⁰. В свою очередь Хекматъяр послал к Дустому и шиитам своего представителя, предложив им присоединиться к вновь образованной коалиции ИОА–ИПА¹¹.

Талибы тем временем прочно обосновались в Кандагаре, создав там свою штаб-квартиру. Туда стали наезжать различные эмиссары — как представители моджахедов (31 мая 1996 г. там побывал Ю. Халес), так и иностранные гости. Так, в августе 1996 г. в Афганистан прибыл председатель подкомитета по иностранным делам сената США Х. Браун, который после встречи с Раббани, Масудом и Дустомом направился в Кандагар, где провел переговоры с лидером талибов муллой М. Омаром. Одновременно штаб-квартиру талибов посетили послы США в Дели и Исламабаде. Американцев сопровождал министр внутренних дел Пакистана Н. Бабар¹². К этому времени уже отчетливо обозначились основные спонсоры движения «Талибан» — США, Пакистан и Саудовская Аравия, вновь взявшие на себя такие же функции, что они выполняли и в период борьбы моджахедов с просоветским режимом

Наджибуллы: саудовские деньги, пакистанское оружие и американская политическая поддержка.

Неспособность лидеров конфликтующих группировок моджахедов объединиться предreshила падение режима Б. Раббани. 27 сентября 1996 г. вооруженные отряды исламистов практически без боя вошли в Кабул. Правительство не смогло организовать оборону находившегося более полугода в блокаде города и спешно покинуло его накануне захвата талибами, выведя из столицы все армейские подразделения. Ставка правительства переместилась на север, в вотчину А.Ш. Масуда г. Талукан.

Взяв столицу, талибы бросили свои вооруженные отряды для захвата северных провинций. С боями против отступавших частей Масуда им удалось продвинуться до стратегического перевала Саланг на трассе Кабул-Термез, однако затем они были отброшены на юг, в окрестности столицы. Не сумев прорваться на север через Гиндукуш, они предприняли обходной маневр, пытаясь достичь северные провинции через запад. На севере талибы вступили в затяжные бои с войсками Дустома, объединившегося наконец с Хекматьером и Масудом в антиталибскую коалицию.

Исламские радикалы, поставив под контроль большую часть территории Афганистана, в 1996 г. начали создавать новую структуру власти. Во главе ее стал военный и духовный лидер талибов мулла Мухаммад Омар, воевавший ранее в рядах моджахедов (группировка М.Н. Мухаммади) против советских войск. 3 апреля 1996 г. на собрании полутора тысяч мулл и других священнослужителей в Кандагаре он был провозглашен «амир аль-муменин», то есть «повелителем правоверных», а территория, подконтрольная талибам, — «Исламским Эмиратом Афганистан»¹³.

Талибы отказались от идеи разработки и принятия конституции, утверждая, что конституцией в новом государстве будет служить шариат — мусульманский свод законов. По существу, талибы создали два центра власти. Один в Кандагаре: сначала это были две Шуры (Совета) — Большая и Малая, затем Малая Шура была распущена, а Большая преобразована в «Высший руководящий Совет исламского движения Афганистана», состоявший из шести человек во главе с самим муллой М. Омаром¹⁴.

Другой орган власти был сформирован в Кабуле — Совет министров, состоявший из 23 министерств и называвшийся «Попечительским советом Исламского государства». Все министры и их заместители назывались «исполняющими обя-

занности»¹⁵. Были упразднены несколько министерств, не отвечавших задачам политики талибов, и созданы два новых — министерство ориентации и вакфов и министерство по делам погибших и беженцев, а также ряд департаментов — по возрождению и развитию деревень, по земельному кадастру и картографии, авиакомпания «Ариана». Кроме того, были созданы так называемая Административная комиссия во главе с министром юстиции, ведавшая вопросами местных органов власти, Комиссия по рассмотрению жалоб населения, ряд самостоятельных департаментов, деятельность которых была связана с наблюдением за общественным порядком и исполнением религиозных предписаний властей.

Создав правительство «исполняющих обязанности», талибы демонстрировали свою приверженность кораническому принципу, согласно которому вся власть принадлежит Аллаху, а они, осуществляя его волю, только временно исполняют свои функции управления Эмиратом. Не разрушая прежнюю структуру управления, они привели ее в соответствие со своими политическими целями. Все высшие органы законодательной и исполнительной власти были укомплектованы муллами и другими людьми духовного звания. Итак, в Исламском Эмирате вся власть сосредоточилась в руках духовного сословия и, таким образом, был создан тоталитарный военно-теократический режим¹⁶.

Власть в провинциях принадлежала губернаторам, назначавшимся из центра, некоторые из них служили на разных постах при прежних режимах. В числе провинциальных чиновников имелись даже бывшие функционеры НДПА. Губернаторы возглавляли провинциальные Советы, состоявшие из 6—18 человек. Администрации провинций находились в двойном подчинении: они контролировались как провинциальным Советом, так и соответствующими министерствами и ведомствами.

Талибы возродили Совет улемов, который официально стал называться «Всеобщим советом улемов и духовенства». В его обязанность входило «разъяснение населению целей и задач правительства Исламского Эмирата и наставление мусульман на путь истины».

Высшими судебными органами государства талибов являлись Верховный суд в Кандагаре и новый орган — «Центральный совет по изданию фетв» во главе с заместителем председателя Верховного суда. Он состоял из авторитетных улемов и муфтиев и являлся высшей инстанцией, выносящей окончательное суждение относительно соответствия (или не-

соответствия) шариату тех или иных указов и решений всех ветвей власти, в том числе и «повелителя правоверных». Далее следовали: Генеральная прокуратура, Третейский суд, шариатские местные суды провинциального и уездного уровней. Была создана также специальная организация по борьбе с уголовными преступлениями — Управление по наблюдению за исполнением законов шариата и соблюдением исламской морали, по существу «полиция нравов».

Было также воссоздано Управление «Ихтисаб», которое возникло еще в 1928 г., после того как король Аманулла, вынужденный пойти на уступки духовенству, в числе прочего объявил об учреждении института «мухтасибов» («надзирателей»), которые должны были осуществлять контроль за исламской моралью и нравственностью и наказывать за их нарушение. Талибы наделили этот орган задачами чистки государственного аппарата от профессионально непригодных и не приемлющих законы исламского государства работников и назначения на их место только «благочестивых и знающих» специалистов¹⁷.

Придя к власти, исламские радикалы развернули беспрецедентную по жестокости кампанию по насаждению «истинно исламских» порядков. В первые же дни они устроили зверскую расправу над бывшим президентом Наджибуллой, нарушив иммунитет миссии ООН в Кабуле. Указами эмира Омара были введены жесткие ограничения на общественную жизнь афганцев. Мужчинам было вменено в обязанность отрастить бороды, женщинам — надеть чадру, не выходить из дома без сопровождения родственников. Они к тому же были лишены права работать и учиться. Женские школы были закрыты. Жесткая регламентация охватила также сферу быта и семейной жизни населения: было упразднено телевидение, запрету подверглись изобразительное искусство, современная музыка, фотографирование и видеосъемка. У людей изымались и уничтожались видеотехника и магнитофоны.

Отсутствие единой экономической программы у талибов способствовало дальнейшей стагнации национальной экономики, и без того разрушенной войной. Новая власть, по существу, содействовала расширению производства наркотиков, разрешив крестьянам сеять опийный мак и превратив таким образом страну в один из мировых центров по изготовлению наркотических веществ и их контрабанды на мировые рынки, в том числе в Россию.

Между тем, утвердившись в Кандагаре и Кабуле, талибы усилили военную экспансию на север. В мае 1997 г. после

долгой осады Мазари-Шарифа им наконец повезло: заместитель и соратник Дустома генерал Абдул Малек неожиданно предал своего шефа и перешел на сторону талибов. Дустом спешно покинул страну и вылетел в Стамбул, не оставив надежды вернуться в свою резиденцию в Мазари-Шариф. Абдул Малек вместе с талибами вошел в город. Однако торжество исламистов длилось недолго, и уже на следующий день мятежный генерал, возглавив отряды бежавшего Дустома, повернул оружие против своих новых союзников, выбив их из Мазари-Шарифа. При этом он арестовал министра иностранных дел администрации талибов муллу Гаусуддина и дипломатического представителя Пакистана, прибывших в северную столицу праздновать победу. Абдул Малеку удалось значительно потеснить талибов в западном направлении. Одновременно войска Северного альянса окружили под Кундузом крупную военную группировку талибов, обреченную на уничтожение. На волне военных успехов генерал Абдул Малек подчинил своему контролю администрацию и в целом северные территории, ранее управлявшиеся Дустомом.

Однако через некоторое время туда вернулся из Турции генерал Дустом и, пойдя на примирение с А. Малек, вновь стал во главе региональной администрации. Перемирие между двумя соперниками, однако, длилось недолго, и вскоре вновь произошел раскол, завершившийся боевыми действиями войск А.Р. Дустома против вооруженных отрядов, перешедших под командование А. Малек. Последний отошел на запад, в провинцию Фарьяб, где столкнулся с талибами. Одновременно обострились отношения Дустома с Масудом, который, развивая наступательные операции против исламистов к северу от Кабула, прижал их к предместьям столицы.

Активно используя военную и финансовую помощь Саудовской Аравии и Пакистана, талибы летом 1998 г. развернули широкие наступательные операции на севере страны. 9 августа 1998 г. они взяли штурмом северную столицу — Мазари-Шариф, бывшую резиденцию генерала Дустома, который вновь бежал в Турцию. Продолжая развивать наступление, они захватили провинции Баглан, Кундуз, Саманган, часть Тахара, выйдя к берегам Амударьи. При этом они устроили массовую резню местных хазарейцев, в результате которой было убито около 2 тыс. человек. В конце августа талибам удалось взять под свой контроль почти весь Хазараджат, вытеснив оттуда вооруженные отряды лидера «Вахдат-е мелли» А.К. Халили.

В сентябре 1998 г. они контролировали около 90% территории страны, оставив своим противникам небольшие анклавы — провинцию Бадахшан, часть провинции Тахар, ущелье Панджшир — резиденцию А.Ш. Масуда и перевал Саланг. Потерпевшие неудачу в ходе летней военной кампании талибов президент Раббани и его премьер-министр Г. Хекматъяр покинули страну, обосновавшись в Тегеране.

В этот период на политическую судьбу талибов и самого Афганистана начинает влиять новый, весьма важный фактор — Осам бен Ладен, который появился в стране еще в 1996 г. и в последующем завязал тесный контакт с лидером талибов муллой Омаром. Ему построили солидную резиденцию в Кандагаре, и он сблизился с «повелителем правверных», впоследствии выдав за него свою дочь.

С появлением в Афганистане в 1996 г. бен Ладена и его организации «Аль-Каида» исламский экстремизм талибов трансформировался в терроризм, постепенно выходя за пределы страны. Это нашло практическое воплощение в идеологической, финансовой и военной поддержке исламистских организаций и движений в разных странах и регионах — в Боснии, Косово, Чечне, Узбекистане, Кашмире, Синьцзяне.

В последующем влияние саудовского «гостя» — бен Ладена — на руководство талибов усилилось настолько, что к нему фактически перетекали функции принятия политических решений, что превращало лидера талибов муллу Омара и его соратников в простых исполнителей воли саудовца. Однако, открыто не вмешиваясь во внутреннюю политику талибов, бен Ладен все больше использовал их государственную и военную машину в своих геополитических целях: в стране создавались центры подготовки международных террористов, которые становились неотъемлемой частью военной инфраструктуры Исламского Эмирата. Волей бен Ладена Афганистан превратился в крупнейший очаг международного терроризма, его политико-идеологическую и военную базу. Вряд ли можно с уверенностью утверждать, что руководство Эмирата стало слепым орудием в руках саудовца, послушной марионеткой: бен Ладен всегда оставался как бы в тени большой политики талибов. Однако тот факт, что Кабул упорно отказывался выдать своего «гостя», обвиненного США в совершении ряда террористических актов, даже под угрозой осуществления силовых акций, свидетельствовал о высокой степени зависимости властей Эмирата от бен Ладена.

Между тем международный террорист № 1 пошел много дальше своего гостеприимного хозяина в использовании ис-

лама в качестве политического оружия. В то время как лидер талибов мулла Омар прививал «истинный» ислам своим подданным и мечтал о создании всемирного халифата, бен Ладен и его организация «Аль-Каида» воспитывали своих последователей в духе ненависти к Западу и слепого фанатизма, готовых пожертвовать своей жизнью за веру и стать «шахидами». Используя такого рода мощный потенциал, бен Ладену удалось развернуть джихад против «неверных» в мировом масштабе. При этом всемерная поддержка исламистов и сепаратистов в разных частях мира в их борьбе за достижение политического господства ислама стала приобретать для бен Ладена как бы второстепенное значение. На первый план выдвинулись иные глобальные задачи — подрыв, а в последующем и крушение политико-экономического могущества западного мира, в первую очередь США как главного притеснителя, по мнению бен Ладена и его соратников, ислама и мусульман.

При этом талибам и их лидеру мулле Омару отводилась далеко не главная роль в реализации одиозных планов главы международных террористов. Для этого у него была организация «Аль-Каида», раскинувшая свою сеть по всему миру, десятки других, связанных с ней террористических организаций.

Впрочем, бен Ладен использовал афганских исламистов и в качестве прямых исполнителей, посылая их в «горячие» точки вроде Косово, Чечни, Ферганской долины, Кашмира. Но это были скорее рядовые бойцы «невидимого фронта», подчинявшиеся своим идеологическим наставникам из «Аль-Каиды» и аналогичных организаций. Афганистан же был нужен саудовцу как безопасное убежище, удобная база для подготовки террористических актов. В этой стране он пользовался абсолютным иммунитетом и мог игнорировать любые международные угрозы в свой адрес. Ибо он был под защитой государства, даровавшего ему свое гражданство. «Над Осамой не было никакой власти, — утверждал в интервью газете “Washington Post” бывший министр внутренних дел талибов Мухаммад Хаксар, переметнувшийся на сторону антиталибской коалиции в ноябре 2001 г., — он делал, что хотел»¹⁸.

Взрывы в американских посольствах в Кении и Танзании в июле 1998 г., в организации которых подозревались сподвижники бен Ладена, вызвали перемену курса афганской политики США. В ответ на отказ выдать им бен Ладена в августе того же года американцы нанесли ракетные удары по его предполагаемым базам и лагерям в провинции Нангархар и округе Хост. Саудовская Аравия, наряду с Пакистаном и ОАЭ

официально признававшая режим талибов, в знак протеста против деятельности бен Ладена, лишённого в 1996 г. саудовского подданства, в октябре 1998 г. отозвала своего посла из Афганистана.

Талибов и организацию «Аль-Каида» поддерживали и сотрудничали с ней многие мусульманские экстремистские организации, в частности пакистанские «Джамаат-и улема-и ислам», «Джамиат-е ислами-йе Пакистан», «Сепах-е сахаба», «Харакат уль-моджахедин», «Джаиш-е Мухаммад», Исламское движение Узбекистана и аналогичные организации из других стран, многочисленные благотворительные мусульманские фонды. Мулла Омар все больше попадал под влияние саудовского «гостя», который фактически уже стоял за реализацией политики руководства «Талибан».

В последние годы происходила радикализация политики и практических действий талибов. В феврале 2000 г. они официально признали Чеченскую Республику Ичкерия и открыли в Кабуле ее посольство, во главе которого стал бывший президент Чечни З. Яндарбиев. Расширявшаяся поддержка талибами чеченских сепаратистов вынудила российское руководство принимать соответствующие меры: в мае 2000 г. Москва заявила о возможности нанесения превентивных ракетных ударов по лагерям чеченских боевиков на территории Афганистана. ООН в свою очередь еще осенью 1999 г. приняла резолюцию с требованием выдачи бен Ладена и ввела санкции против талибов, предусматривавшие запрет на полеты афганской авиакомпании «Ариана» и замораживание банковских активов талибов в зарубежных банках. Поскольку это требование не было выполнено, СБ ООН в декабре 2000 г. ввел военное эмбарго против исламистов, запрещавшее продажу им оружия и предусматривавшее другие ограничения.

В ответ талибы в марте 2001 г. взорвали крупнейшие в мире статуи Будды в Бамиане, бросив вызов мировому сообществу. Летом 2001 г. они развернули широкомасштабное наступление на севере страны, укрепив свои позиции в ранее занятом ими г. Талукан — бывшем главном опорном пункте Северного альянса. 9 сентября люди бен Ладена организовали покушение на лидера альянса А.Ш. Масуда, гибель которого повлекла серьезные последствия для дальнейшей военно-политической борьбы в Афганистане.

Закключение

Теракты 11 сентября 2001 г. в США, в совершении которых подозреваются бен Ладен и его организация «Аль-Каида», оказали огромное влияние на всю международную обстановку, перевернув новую страницу в истории Афганистана. Уже к концу сентября сформировалась международная антитеррористическая коалиция во главе с США, целью которой была объявлена ликвидация очага мирового терроризма в лице режима талибов и организации «Аль-Каида», борьба с наркобизнесом, обеспечение прав человека, достижение мира и безопасности в Афганистане.

В результате непродолжительной военной операции (октябрь—ноябрь 2001 г.), в которой участвовали войска Северного альянса, США и их партнеры по международной антитеррористической коалиции, военная, административная и идеологическая машина талибов была сломлена. Движение «Талибан» потерпело военное поражение. Исламский Эмират Афганистан, генерировавший международный терроризм и наркобизнес, широко практиковавший попрание прав человека, ушел в прошлое, став достоянием истории.

В начале декабря 2001 г. в Бонне состоялась конференция представителей основных политических сил Афганистана под эгидой ООН. Ее итогом стало Боннское соглашение. В соответствии с ним было сформировано на коалиционной основе временное правительство Афганистана во главе с премьер-министром Хамидом Карзаем. Ключевые посты в правительстве получили лидеры Северного альянса — д-р Абдулла Абдулла стал министром иностранных дел, Юнус Кануни — министром внутренних дел и Мухаммад Касем Фахим — министром обороны. Было принято также решение создать Чрезвычайную Лоя джиргу в июне 2002 г., на которой должны быть избраны президент страны, парламент и сформировано переходное правительство на срок 1,5 года — до всеобщих выборов. В ходе проведения конференции было решено сформировать международные силы по содействию безопасности (МССБ), призванные обеспечивать безопасность в афганской столице.

Временное правительство Х. Карзая начало функционировать 22 декабря 2001 г. В соответствии с боннскими догово-

ренностями из Кабула были выведены все вооруженные формирования Северного альянса и введены силы МССБ, первоначально численностью 4 тыс. человек, сформированные из подразделений армий 17 государств — Великобритании, Франции, Италии, Германии, Бельгии, Голландии, Дании, Австрии, Финляндии, Греции, Норвегии, Португалии, Испании, Швеции, Румынии, Новой Зеландии и Турции. При этом США не стали участником МССБ.

Была создана комиссия по подготовке и проведению Лоя джирги в составе 21 человека.

Между тем новое правительство сделало первые шаги по пути нормализации общественно-политической жизни страны: в январе 2002 г. в Кабуле был поднят прежний, традиционный государственный флаг Афганистана. Введена в действие конституция 1964 г., за исключением ряда ее положений, касающихся монархических институтов, — наиболее либеральная и демократическая из всех пяти афганских конституций. В феврале 2002 г. был издан Закон о печати, предоставивший право на издание свободной, независимой прессы. Одним из первых таких изданий стал независимый журнал «Зеркало женщины». Женщины демонстративно стали сбрасывать чадру. Заработало запрещенное прежним режимом телевидение. Начали открываться женские школы, закрытые талибами.

В то же время временное правительство Х. Карзая столкнулось с множеством сложнейших проблем — массовым голодом как следствием продолжавшейся последние три года засухи, политической нестабильностью, проблемой наркотиков, разминирования (на территории страны оставалось около 10 млн мин), возвращением беженцев, созданием местных органов власти, восстановлением разрушенной экономики и т.д.

Помочь Афганистану восстановить разрушенную войной экономику и вернуть его на путь мирного строительства согласилось мировое сообщество. 21 января в Токио состоялась международная конференция стран-доноров Афганистана, на которую съехались представители 61 государства и 21 международной организации. Мировое сообщество согласилось выделить на эти цели 4,5 млрд долларов сроком на 5 лет. Начался новый этап в истории страны, этап возвращения к миру и мирному труду.

Между тем обстановка в Афганистане продолжала оставаться весьма напряженной. С разгромом талибов и ликвидацией их местных органов власти образовавшийся вакуум начал заполняться разного рода лидерами военных группиро-

вок и полевыми командирами, между которыми начались спорадические вооруженные столкновения в борьбе за власть. Сообщения о такого рода столкновениях поступали из северных районов, из западной провинции Герат, юго-восточных провинций Пактия, Нангархар и Хост, где местные лидеры делили власть, препятствуя попыткам Кабула централизованно сформировать местные органы управления.

Западные провинции Афганистана контролирует проирански настроенный таджик, губернатор Герата генерал Исмаил-хан, с которым борются несколько пуштунских полевых командиров. На севере страны отряды этнического узбека, заместителя министра обороны Афганистана генерала Абдурашида Дустома (лидер партии «Национальное исламское движение Афганистана»), периодически вступают в вооруженное противостояние с формированиями таджикского военачальника, соратника министра обороны генерала Мухаммада Атта. Кандагар находился под контролем бывшего полевого командира, губернатора Гуль Ага Шерзая. Что касается юга и востока страны, то здесь развернулась междоусобная борьба различных пуштунских командиров и вождей местных племен, основная цель которых — получить максимальный контроль за торговыми путями, что позволяло взимать пошлины и налоги, а также контролировать контрабанду наркотиков.

Борьба за власть между полевыми командирами, а также ставленниками различных политических сил в стране не только ослабляла структуры центральной власти, но и выводила на поверхность находившиеся до того в тени национальные противоречия. Речь шла не только о локальных столкновениях боевых отрядов различной этнической принадлежности, но и о складывающемся противостоянии национальных меньшинств страны пуштунскому этническому большинству в национальном масштабе. Многие пуштунские лидеры не скрывали своего недовольства политическим доминированием «северян» во временной администрации. Со своей стороны получившие власть в северных провинциях полевые командиры провоцировали население на погромы и грабежи в отношении местных пуштунов.

Растущее этническое противостояние затронуло и высшие эшелоны власти. Здесь противоречия приняты скрытые формы. Борьба за влияние зачастую выходила наружу в виде террористических актов в отношении членов правительства: в начале февраля 2002 г. в Кабуле был убит министр гражданской авиации Абдурахман, в прошлом человек, близкий к А.Ш. Масуду. 8 апреля в Джалалабаде было совершено поку-

шение на министра обороны генерала М.К. Фахима. 6 июля в Кабуле был убит вице-президент Афганистана, в прошлом известный полевой командир и губернатор провинции Нангархар, сторонник Северного альянса пуштун хаджи Абдул Кадир. Преступление до сих пор не раскрыто. Многие в Афганистане полагают, что за этими акциями стояли этнополитические факторы. Наконец 5 сентября 2002 г. в Кандагаре было совершено покушение на самого Х. Карзая, которое связывают с деятельностью организации «Аль-Каида».

Кроме полевых командиров, все еще большую угрозу новому режиму представляли остатки армии талибов и боевиков организации «Аль-Каида». И хотя их основные силы были разгромлены в 2001 г., отдельные отряды и группы продолжали оказывать сопротивление. Действительно, основная масса талибов физически не была уничтожена. Часть из них ушла в Пакистан, где укрылась в полосе «независимых племен», расположенной вдоль афгано-пакистанской границы. Другая часть растворилась среди местного населения. А многие из них рассредоточились на большой территории, окопавшись в труднодоступных местах (пещерах, разного рода подземных сооружениях).

К весне 2003 г. вооруженная деятельность талибов и «алькаидовцев» активизировалась. По сообщениям мировых СМИ, ракетные обстрелы и нападения на военные базы и другие места дислокации войск США происходили практически ежедневно. Причем еще осенью 2002 г. исламисты получили серьезного союзника — боевые отряды Исламской партии Афганистана во главе с бывшим премьер-министром Г. Хекматъяром, который после длительного пребывания в эмиграции в Иране вернулся нелегально в Афганистан и призвал афганцев начать джихад против США. Более того, по некоторым данным, ему удалось договориться с руководством талибов об объединении с ними в рамках так называемой «Армии мучеников ислама». Таким образом, в 2003 г. в стране продолжал сохраняться довольно значительный потенциал терроризма и исламского экстремизма.

Несмотря на сложную обстановку в стране в начале июня 2002 г. в соответствии с Боннским соглашением состоялись заседания Чрезвычайной Лоя джирги, на которую собрались 1500 представителей всех провинций и всех категорий населения. После довольно острых дебатов президентом страны был избран Хамид Карзай. Причем выборы впервые за долгие годы проходили в демократических условиях: на пост главы государства были выдвинуты несколько кандидатур, в том

числе одна женщина. Х. Карзай получил более 80% голосов депутатов. В дни заседаний джирги Х. Карзай сформировал и возглавил переходное правительство, в котором вновь ключевые посты получили представители Северного альянса. На джирге было принято решение провести всеобщие выборы в парламент в 2004 г., а до этого времени подготовить проект новой конституции Афганистана.

Важнейшей проблемой и для нового, переходного правительства оказалась безопасность. О ее серьезности свидетельствовали убийство вице-президента, министра внутренних дел Абдул Кадира и покушение на главу государства. И вновь со всей остротой встал вопрос о создании национальной армии, который был одним из важнейших пунктов Боннского соглашения.

Раздел V этого соглашения гласил: «С момента официальной передачи власти (22 декабря 2001 г.) все моджахеды, афганские вооруженные силы и вооруженные группировки в стране должны перейти под командование и контроль Временной администрации и реорганизованы в соответствии с требованиями безопасности и (функциями. — В.К.) вооруженных сил».

Подписавшие это соглашение представители различных афганских вооруженных группировок взяли на себя обязательства поставить свои силы под командование центрального правительства. США, поддерживавшие и вооружавшие всех основных полевых командиров — участников конференции еще в период войны против советских войск и кабульского режима, были решительно настроены оказать на них давление в стремлении подчинить Кабулу и обеспечить президенту Карзаю возможность для создания независимой структуры военного командования.

Кроме того, США, Англия и Франция обязались оказать содействие в строительстве афганских вооруженных сил, а Германия — полиции. Однако дело движется чрезвычайно медленно и ограничивается Кабулом. Создавалось впечатление, что США и ключевые участники антитеррористической коалиции недооценивали эту проблему и не сумели поддержать усилия по централизации военного строительства в Афганистане.

Не торопились ускорить этот процесс и афганские лидеры. Только 2 декабря 2002 г. в Бонне президент Карзай объявил о планах по демобилизации участников вооруженных формирований разного калибра. Процесс их разоружения и демобилизации в силу объективных и субъективных причин

разворачивался крайне медленно. За 2002 г. были сделаны лишь первые попытки в этом направлении.

Лишь после издания указа президента о демобилизации в декабре 2002 г. началась кампания по разоружению мини-армий моджахедов, общая численность которых составляла около 200 тыс. человек. Планировалось уволить с воинской службы примерно 100 тыс. человек. Как и можно было предположить, сразу же возникла масса сложностей. В то время как небольшие вооруженные группы в ряде провинций (Балх, Саманган, Кундуз на севере, Герат на западе, Кандагар на юге) сдавали оружие, наиболее крупные и влиятельные полевые командиры — те же Мухаммад Атта, А.Р. Дустом, Исмаил-хан всячески тормозили эту кампанию, ссылаясь на отсутствие стабильности в контролируемых ими районах.

Процесс разоружения моджахедов и их демобилизации сопровождается мероприятиями по их трудоустройству. Увольняемому из рядов вооруженного формирования выдают единовременное пособие в размере от 100 до 400 долларов в зависимости от его ранга и стажа военной службы. Часть демобилизованных (около $\frac{1}{3}$) планировалось привлечь на службу в ряды вновь создаваемой национальной армии и полиции.

Эта кампания требовала немалых финансовых средств. В этой ситуации международное сообщество согласилось оказать финансовую поддержку Кабулу. 21 февраля 2003 г. в Токио состоялась международная конференция доноров Афганистана, на которой собрались представители 34 стран и 12 международных организаций. Участники конференции согласились выделить Афганистану на цели демобилизации бывших комбатантов более 50 млн долларов. Всего же предполагалось расходовать на создание вооруженных сил в течение трех лет 134 млн долларов¹. Правительство Х. Карзая планировало создать 70-тысячную армию к 2009 г.

Проблемой создания национальной армии правительство Карзая занялось еще в начале 2002 г. Причем вначале ставка была сделана на Россию, поскольку вооруженные силы Северного альянса, во главе которых стоял министр обороны Афганистана генерал М.К. Фахим, были оснащены оружием еще советского производства. Об этом речь шла во время его визита в Москву в феврале 2002 г. Москва выразила готовность развернуть подготовку афганских офицерских кадров².

Однако до практической реализации договоренностей стороны не дошли. Пауза длилась до сентября 2002 г., когда в афганскую столицу прибыл с визитом российский министр обороны С. Иванов. Он вновь подтвердил готовность Москвы

занияться вопросами подготовки офицерских кадров (на базе 201-й российской дивизии, дислоцированной в Душанбе) и поставки вооружений на сумму 100 млн долларов³.

Наряду с Россией в процесс формирования афганской армии включились США и их западные союзники. Уже в мае 2002 г. американцы взялись за создание ВВС Афганистана, авиационный парк которых за время войны был практически уничтожен. В составе ВВС оставались лишь три неисправных истребителя-бомбардировщика МиГ-21 и Су-22М, а также три учебно-боевых самолета L-39. Учитывая отсутствие у афганского правительства средств для закупки военной авиационной техники, военные специалисты США предложили оснастить афганские ВВС американскими самолетами F-16 и довести численность афганских ВВС до 8 тыс. человек⁴.

США и Франция взяли также на себя оказание содействия в создании сухопутных сил ВС Афганистана. Однако их программы подготовки солдат и офицеров на начальном этапе не отвечали масштабам создаваемых вооруженных сил и их задачам, в частности лишить всесильных полевых командиров монополии на применение силы. К февралю 2003 г., по словам самого Х. Карзая, американцами и французами было подготовлено лишь около 3 тыс. солдат и офицеров⁵.

Процесс создания национальной армии осложнился и этническими проблемами, которые коснулись и других сфер государственного строительства. После поражения талибов национальные противоречия, усилившиеся в период правления моджахедов (1992–1996 гг.), еще более углубились. Поскольку основная заслуга в ликвидации режима талибов принадлежит Северному альянсу, его представители — таджики, узбеки, хазарейцы — заняли доминирующие позиции в государственных структурах. Среди них ведущую роль играл вице-президент, министр обороны, таджик, генерал (получивший в мае 2002 г. звание маршала) Фахим, который во многом определял характер процесса военного строительства. И его фракция (таджики из долины Панджшир) оказалась сильнейшей в лагере антиталибских сил. Министр вынашивал планы создания национальных вооруженных сил на базе его собственной армии, в основном состоящей из таджиков, однако встретил активное противодействие не только со стороны пуштунов, но и других этнических групп — участников антиталибской коалиции. Тем не менее вновь обученные подразделения национальной армии оказались этнически несбалансированными.

В структуре самого министерства обороны Афганистана также доминировали соратники Фахима, таджики из Пандж-

шира. На министра обороны оказывалось столь сильное давление со стороны пуштунов с целью заставить его изменить этнический состав сотрудников министерства, что он был вынужден пойти на радикальные меры: в феврале 2002 г. были уволены со своих постов 16 таджикских генералов, которых заменили пуштунскими, узбеками и хазарейцами. Новым заместителем министра обороны был назначен пуштунский генерал Гуль Зарак Дзадран.

Проблема восстановления Афганистана в немалой степени зависит от позиций и политики участников антитеррористической коалиции, каждый из которых стремится играть в Афганистане свою роль и получить свою сферу влияния. На практике усилия разных стран в этом направлении зачастую напоминают вмешательство во внутренние дела Афганистана. Эту опасность отчетливо осознало переходное правительство, по настоянию которого 22 декабря 2002 г. в Кабуле собрались министры иностранных дел и послы соседей Афганистана — Китая, Пакистана, Ирана, Туркменистана и Узбекистана — и подписали Кабульскую декларацию, взяв обязательство не вмешиваться во внутренние дела страны, уважать национальный суверенитет и территориальную целостность друг друга. На этой встрече в качестве наблюдателей присутствовали представители России, Индии и Саудовской Аравии, Европейского Союза и ОИК.

Однако обещания поддержки Х. Карзая и принципа невмешательства вместе с обязательствами оказания помощи в восстановлении Афганистана столкнулись с жестокой реальностью. Сам факт необходимости подписания такой декларации, несмотря на мощное присутствие США в стране, свидетельствовал о том, что афганские лидеры и мировое сообщество осознают опасность существующей ситуации.

«Мы не собираемся превращаться в футбольное поле для региональных игроков, как это было в 90-е годы, — подчеркнул Х. Карзай в одном из своих интервью накануне подписания декларации. — Афганистан не может быть использован любой страной против третьей страны»⁶. Однако намерения афганского президента не допустить внешнего деструктивного воздействия на страну оказалось не так-то просто реализовать, учитывая тот факт, что многие из этих же самых соседей, поддерживавших в начале 90-х годов полевых командиров, а затем помогших талибам прийти к власти, сейчас вновь стремятся восстановить свое влияние.

Что касается России, то она больше склонялась к поддержке министра обороны маршала Фахима, и обещанные

С. Ивановым поставки военного оборудования скорее всего пошли на вооружение армии самого Фахима. Так, по данным западных источников, в начале 2003 г. партия российских запчастей к военной технике и даже несколько танков были переброшены из Таджикистана на север Афганистана, в г. Кундуз, для их последующей переправки в Панджширскую долину, на армейские склады афганского министра обороны. И хотя сам Фахим опроверг эти сведения, их косвенно подтвердил один из сотрудников Азиатского департамента МИД РФ, ссылаясь на обязательства по советско-афганскому Договору о дружбе 1978 г. В Вашингтоне выразили беспокойство в связи с такого рода сообщениями. Посол США в Афганистане Роберт Финн жестко высказался по этому поводу: «Мы ясно заявили всем соседям Афганистана, что ему должны дать возможность развиваться без внешнего вмешательства»⁷.

Серьезную озабоченность в Кабуле вызывали действия Ирана: по данным афганских официальных лиц, иранский Корпус стражей исламской революции продолжал финансировать и вооружать «эмира Герата» генерала Исмаил-хана. Саудовские шейхи, в свою очередь, возобновили финансирование остатков талибов, окопавшихся в Пакистане. А президент Узбекистана И. Каримов продолжал поддерживать генерала А.Р. Дустома.

Усиливала свои позиции в Афганистане и соседняя Индия. В начале 2003 г. Дели пообещал прислать в Кабул армейскую автомобильную технику и начать подготовку афганских офицеров. С поставкой в Афганистан пассажирских самолетов, автобусов и медицинского оборудования индийское присутствие в стране резко возросло. Индия разрабатывала маршруты экспорта товаров в Афганистан через Иран в обход Пакистана. Были открыты индийские консульства на севере страны, в г. Мазари-Шарифе, на западе — в Герате, на юге — в Кандагаре и на востоке — в Джалалабаде, поблизости от пакистанской границы. Это вызвало понятное беспокойство пакистанского президента П. Мушаррафа, который пожаловался Х. Карзаю на действия Индии. «Я получил уверения от Индии, что эти консульства будут осуществлять только торговые и собственно консульские функции», — возразил на это Х. Карзай. Его позиция оказалась достаточно четкой: «Мы не позволим ни Индии, ни Пакистану использовать Афганистан для противостояния друг другу»⁸.

Пакистан в свою очередь продолжал вести двойную игру в Афганистане. Он одним из первых вошел в список доноров

Афганистана, пообещав помощь на восстановление страны в размере 100 млн долларов. Исламабад публично поддерживал правительство Х. Карзая, передавая американцам арестованных в Пакистане боевиков «Аль-Каиды». В то же время Межведомственная разведка Пакистана (ISI) предоставила убежище некоторым лидерам талибов, которые открыто живут в стране и могут беспрепятственно проникать в Афганистан и организовывать ракетные обстрелы американских баз.

В целом Исламабад предпринимал серьезные шаги для усиления своих позиций в Афганистане. Так, в феврале 2003 г. он осуществил поставку партии оружия Кабулу — 5 тыс. автоматов, 180 минометов и 10 тыс. мин к ним, 75 гранатометов. Эта военная помощь оказана сверх обещанных 100 млн долларов на реконструкцию страны. Официальное заявление Исламабада по этому поводу гласило: «Пакистан выполняет свои обязательства по поддержке и укреплению центрального правительства (Афганистана — В.К.), включая создание национальной армии»⁹.

В условиях, когда ведущие участники антитеррористической коалиции, в первую очередь соседи Афганистана, преследуя собственные интересы, спешили занять свою нишу в раздираемой противоречиями и междоусобицей стране, Кабул вновь обратился за помощью к США, считая их единственным гарантом необратимости процесса постталибского развития Афганистана, способным остановить сползание страны к новому витку гражданской войны и последующей дезинтеграции.

Это была главная цель визита Х. Карзая в Вашингтон в конце февраля 2003 г. На встрече с Дж. Бушем афганский президент добивался гарантий того, что США, начиная войну с Ираком, не оставят Афганистан. Действительно, если бы американцы ушли из страны или хотя бы серьезно сократили свое военное присутствие, вполне можно было ожидать довольно быстрой дестабилизации обстановки. И хотя США постепенно охладевали к Афганистану, президент Буш заверил афганского коллегу в том, что Вашингтон по-прежнему привержен принятым на себя обязательствам.

Тем не менее внутрисполитическая обстановка в Афганистане продолжала обостряться, в первую очередь за счет активизации деятельности талибов, боевиков «Аль-Каиды» и группировки Г. Хекматяра. К осени 2002 г. талибы оправились от шока и развернули планомерную партизанскую войну против режима Х. Карзая и сил международной антитеррористической коалиции.

Весной 2003 г., особенно в связи с войной в Ираке, в надежде, что американцы ослабят военный нажим на них, талибы переходят к более крупномасштабным действиям. В этот период они произвели перегруппировку своих сил. В начале апреля 2003 г. они захватили здания местной администрации в районах Наубахар и Шинкай провинции Заболъ и водрузили над ними свой флаг¹⁰. Впрочем, это была скорее демонстрация силы, нежели установление альтернативной власти в провинции. Тогда же, в апреле большие силы талибов вторглись в пограничные с Пакистаном провинции Гильменд и Урузган. Этому вторжению предшествовали массовые митинги, организованные ими в Пешаваре и Кветте — центрах соответственно пакистанских Северо-Западной пограничной провинции и провинции Белуджистан. 15 августа около 200 талибов при поддержке подразделений племенной милиции из полосы «независимых племен» вторглись в район Бармаль провинции Пактика и поставили его под свой контроль.

Одновременно талибы предприняли новое широкомасштабное вторжение в пограничную провинцию Заболъ. Их численность превышала 600 человек. Через неделю к ним пришло подкрепление из Пакистана численностью более 300 человек. Правительство Х. Карзая было вынуждено бросить против них около 1000 солдат Национальной армии Афганистана, подготовленных американскими и французскими инструкторами. Правительство также использовало американскую воздушную и наземную (около 120 солдат) поддержку. По масштабам и интенсивности боевых действий это была крупнейшая операция со времени падения режима талибов. В течение первых двух недель боев погибли 124 талиба и около 100 солдат правительственных войск. Операция завершилась, и то не полностью, лишь в конце октября.

В последующем талибы и их союзники «Аль-Каида» и Г. Хекматъяр продолжали наращивать масштабы и интенсивность боевых действий. В сентябре 2003 г. их лидер мулла Омар созвал на юге Афганистана совещание крупнейших полевых командиров, на котором была сформирована Шура — военный совет, или центральный штаб командования вооруженными отрядами талибов, состоящий из 10 человек, перед которым поставлена задача расширить и активизировать военные действия.

Об усилении военной активности исламистов свидетельствует и тот факт, что их действия выходят за пределы традиционной зоны их влияния — районов, населенных пуштунскими племенами. Так, в июле 2003 г. их отряды появи-

лись на севере Афганистана, в провинции Фарьяб, граничащей с Туркменистаном, и столкнулись с отрядами генерала А.Р. Дустома. Их возглавил по указанию муллы Омара бывший министр информации в правительстве талибов Мухаммад Азим Муттаки. Руководство талибов заявило о том, что вскоре борьба против сторонников Х. Карзая охватит весь север Афганистана¹¹.

В Афганистане остались и небольшие группы иностранных наемников и добровольцев — чеченцев, узбеков, таджиков, уйгуров, которые вместе с остатками талибов воюют против правительства Х.Карзая. Их численность, вероятно, не превышает 600—700 человек.

И хотя противники режима Х. Карзая пользовались покровительством определенных кругов в Пакистане, правительство этой страны под нажимом США ведет реальную борьбу против террористов на собственной территории. Впервые за всю историю страны Исламабад ввел регулярные войска численностью 65 тыс. человек на территорию полосы «независимых племен», декларируя стремление предотвратить проникновение отрядов талибов через границу на территорию Афганистана.

В июле 2003 г. на отдельных участках границы пакистанские войска, по данным афганской прессы, вторглись на афганскую территорию на глубину до 45 км. На границе отмечались случаи вооруженных столкновений. И хотя официальный Исламабад опроверг эти сведения, общественное мнение Афганистана крайне болезненно реагировало на активность пакистанских военных в приграничных районах. Вероятно, при негласном попустительстве афганских властей, 8 июля 2003 г. в Кабуле был организован погром посольства Пакистана. Исламабад выразил официальный протест и закрыл посольство. Президент Х. Карзай и министр иностранных дел Афганистана д-р Абдулла были вынуждены извиниться перед Пакистаном и обещали наказать виновных и возместить ущерб. Через неделю посольство было вновь открыто.

Так, исламский экстремизм и терроризм в Афганистане воздействуют не только на внутривнутриполитическую ситуацию, но и на отношения между двумя государствами, которые вот уже несколько десятилетий остаются напряженными, подрывая региональную безопасность и ставя под угрозу крупную политическую стабильность.

Серьезную угрозу миру несет и наркобизнес в Афганистане. После небольшой паузы, связанной с антитеррористической операцией, Афганистан вновь обрел роль крупнейшего

производителя и поставщика героина (более 70% его мирового объема) на мировой рынок.

После разгрома талибов Временное правительство Афганистана объявило борьбу с наркотиками одной из приоритетных задач. В январе 2002 г. глава Временной администрации Х. Карзай подписал указ о запрете культивирования опийного мака, в феврале было создано Национальное агентство по борьбе с наркотиками, в апреле издан декрет о денежной компенсации крестьянам, уничтожавшим посевы опийного мака. Тогда же Кабул объявил о начале кампании по ликвидации опийных плантаций.

Тем не менее в 2003 г. отмечался дальнейший рост производства наркотиков в Афганистане, в котором было занято около полумиллиона человек.

В этот период потребителями афганских наркотиков являлись 9 млн. человек в разных странах мира ($2/3$ всех потребителей героина)¹². Стоимость произведенных в Афганистане наркотиков в 2002 г. составила 20–25 млрд долларов по мировым ценам¹³, из них 1,2 млрд долларов осели в карманах афганской наркомафии.

Производство наркотиков в Афганистане превращается в целую отрасль экономики, конкурирующую с остальной частью национального хозяйства. В сентябре 2003 г. МВФ предупредил мировое сообщество о том, что вскоре производство опиума в Афганистане будет доминировать в национальной экономике, и стране угрожает опасность превратиться в «наркогосударство», в котором наркобизнес составляет от 40% до 60% ВВП Афганистана¹⁴.

Производство и продажа наркотиков оказывает определенное влияние и на военно-политическую ситуацию в стране. В Афганистане сформировался солидный слой наркобаронов, среди которых доминируют полевые командиры. Деньги от наркобизнеса идут на финансирование их вооруженных отрядов и личное обогащение. Многие из них связаны не только с представителями местной администрации, но и с некоторыми представителями центральных государственных структур, порождая невиданную коррупцию. Определенную долю в наркобизнесе имеют и лидеры талибов, а также бен Ладен, которые также финансируют действия своих вооруженных отрядов. С большой долей уверенности можно предположить, что афганские наркодельцы связаны с международной сетью наркомафии.

Несмотря на сложную внутрисполитическую обстановку Афганистан предпринимает серьезные усилия в направлении

перехода на путь мирного развития. Важную роль в этом занял процесс разработки и принятия новой конституции. К осени 2003 г. ее проект прошел широкое обсуждение по всей стране и среди афганских беженцев за рубежом. Ввиду сложности обстановки заседания Конституционной Лоя джирги были перенесены с октября на декабрь 2003 г.

4 января после острых дебатов новый Основной закон был одобрен ее делегатами. За его основу взяты положения конституции 1964 г., самой либеральной и демократической за всю историю страны.

Конституция, как сказано в преамбуле, принята «во имя достижения национального единства, сохранения независимости, национального суверенитета, территориальной целостности страны» и предполагает «формирование правительства на основе народного волеизъявления и демократии». В преамбуле также ставится задача «построения гражданского общества, свободного от эксплуатации, насилия, дискриминации и основанного на верховенстве закона, социальной справедливости, защите прав человека, достоинства и гарантиях фундаментальных прав и свобод народа».

В конституции Афганистан провозглашен «исламской республикой» (статья 1). Официальной религией остался ислам. При этом приверженцы других религий получили свободу вероисповедания (статья 2). Ни один закон, сказано в конституции, не должен противоречить положениям ислама и положениям конституции (статья 3). В конституции выражена приверженность Афганистана основным гражданским правам и свободам, в том числе свободе слова, печати, праву на создание политических и общественных организаций. Во внешней политике основными принципами провозглашаются «сохранение независимости, защита национальных интересов, территориальной целостности, миролюбие, отношения добрососедства, взаимное уважение и равные права» (статья 8).

Конституция провозгласила президентскую форму правления при сохранении двухпалатного парламента, обладающего широкими прерогативами. Официальными языками признаны пушту и дари, а в местах компактного проживания национальных меньшинств – также их соответствующие языки.

Президент и парламент избираются путем прямых всеобщих выборов. Срок президентского мандата – 5 лет. Президент руководит кабинетом министров, назначает министров и Верховного судью с одобрения нижней палаты парламента. Он имеет право созыва Лоя джирги, объявления войны, зак-

лючения перемирия и объявления чрезвычайного положения с одобрения парламента.

С принятием конституции начался новый этап в общественно-политической жизни страны: афганцы получили прочную основу для строительства нового, демократического общества. Конституция дает возможность также провести свободные демократические выборы в июне 2004 г., как это и было предусмотрено Боннским соглашением 2001 г.

Примечания

Глава I

- ¹ Губар Мир Гулам Мухаммад. Афганистан на пути истории. Под ред. Ганковского Ю.В. и Коргуна В.Г. Пер. и ком. Давлятова Мулло-шо. М., 1987, с. 35.
- ² Там же.
- ³ Там же.
- ⁴ Россия и Афганистан. Под ред. Капицы М.С. М., 1989, с. 159.
- ⁵ Белграми Асгар Хасан. Афганистан ва Хенд-е Бретаневи. (Афганистан и Британская Индия.) Кабул, 1982, с. 270–271 (на языке дари).
- ⁶ Sykes Persy. A History of Afghanistan. Vol. II. London. 1940, с. 216.
- ⁷ Adamec Ludwig W. Afghanistan 1900–1923: A Diplomatic History. University of California Press, Berkeley. 1967, p. 30.
- ⁸ Sykes Persy, p. 217.
- ⁹ Ibid.
- ¹⁰ Губар Мир Гулам Мухаммад. Афганистан на пути истории, с. 54.
- ¹¹ Там же; Sykes Persy, p. 218.
- ¹² Белграми Асгар Хасан, с. 275.
- ¹³ Там же, с. 272.
- ¹⁴ Sykes Persy, p. 218.
- ¹⁵ Ibid.; Белграми Асгар Хасан, с. 276.
- ¹⁶ Ghaus Abdul Samad. The Fall of Afghanistan. New York, 1988. p. 20–21.
- ¹⁷ Sykes Persy, p. 218–219.
- ¹⁸ Gregorian Vartan. The Emergence of Modern Afghanistan. Stanford, California, 1969, p. 207.
- ¹⁹ Белграми Асгар Хасан, с. 282.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же, с. 283.
- ²² Там же, с. 285.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Губар Мир Гулам Мухаммад. Афганистан на пути истории, с. 54.
- ²⁵ Adamec Ludwig W. Afghanistan, 1900–1923: A Diplomatic History. University of California Press, Berkeley. 1967, p. 50.
- ²⁶ Белграми Асгар Хасан, с. 287; Sykes Persy, p. 219.
- ²⁷ Там же, 288.
- ²⁸ Sykes Persy, p. 225,
- ²⁹ Ibid., p. 226–228.
- ³⁰ Ghaus Abdul Samad. The Fall of Afghanistan. New York, 1988, p. 23.
- ³¹ История Афганистана. Под ред. Ганковского Ю.В. М., 1982, с. 201.
- ³² Белграми Асгар Хасан, с. 299–300.
- ³³ Gregorian Vartan, p. 183.

- ³⁴ Губар Мир Гулам Мухаммад. Афганистан на пути истории, с. 26–27.
- ³⁵ Там же, с. 27.
- ³⁶ Там же, с. 30.
- ³⁷ Ромодин В.А. Очерки по истории и истории культуры Афганистана. М., 1983, с. 68.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ *Gregorian Vartan.*, p. 191.
- ⁴⁰ Губар Мир Гулам Мухаммад. Афганистан на пути истории, с. 29.
- ⁴¹ Гуревич Н.М. Внешняя торговля Афганистана до Второй мировой войны. М., 1959, с. 18, 95, 135.
- ⁴² Там же, с. 45.
- ⁴³ Там же, с. 197.
- ⁴⁴ Там же, с. 198.
- ⁴⁵ Там же, с. 199.
- ⁴⁶ Губар Мир Гулам Мухаммад. Афганистан на пути истории, с. 24.
- ⁴⁷ *Gregorian Vartan*, p. 186.
- ⁴⁸ Ibid., p. 24.
- ⁴⁹ Ibid., p. 42–43.
- ⁵⁰ Хабиби Абдулхай. Джомбеш-е машрутият дар Афганистан. (Конституционное движение в Афганистане.) Кабул, 1984 (на языке дари), с. 63.
- ⁵¹ Там же, с. 6–7.
- ⁵² Там же, с. 13–14.
- ⁵³ Подробнее см.: Хабиби Абдулхай, с. 23–48.
- ⁵⁴ Хашими Сеид Саадуддин. Афганистан-е моассер. (Современный Афганистан.) Кабул, 1980 (на языке дари), с. 124–125.
- ⁵⁵ Хабиби, Абдулхай, с. 49–54.
- ⁵⁶ Там же, с. 15.
- ⁵⁷ Губар Мир Гулам Мухаммад. Афганистан дар масир-е тарих. (Афганистан на пути истории). Кабул, 1967 (на языке дари), с. 717–718.
- ⁵⁸ Там же.
- ⁵⁹ Губар Мир Гулам Мухаммад. Афганистан на пути истории, с. 46.
- ⁶⁰ Там же, с. 47.
- ⁶¹ Там же, с. 48.
- ⁶² *Gregorian Vartan*, p. 166.
- ⁶³ Ibid.
- ⁶⁴ Ibid., p. 168.
- ⁶⁵ Ibid., p. 169.
- ⁶⁶ Ibid.
- ⁶⁷ Ibid., p. 170.
- ⁶⁸ Ibid., p. 174.
- ⁶⁹ Ibid., p. 175.
- ⁷⁰ Ibid.
- ⁷¹ Сирадж уль-ахбар. Первый год издания (1911), № 20, с. 7, 13.
- ⁷² Там же. Третий год издания (1913). № 6, с. 4.
- ⁷³ Там же. Третий год издания, № 3, с. 3; Второй год издания, № 18, с. 12, 15, 24.
- ⁷⁴ Там же. Третий год издания, № 11, с. 11.

- ⁷⁵ *Gregorian Vartan*, p. 213.
- ⁷⁶ Сирадж уль-ахбар. Второй год издания (1912), №7, с. 5; № 8, с. 5; № 10, с. 7.
- ⁷⁷ Там же, № 16, с. 5.
- ⁷⁸ *Gregorian Vartan*, p. 214.
- ⁷⁹ Сирадж уль-ахбар. Четвертый год издания (1914), № 1, с. 6.
- ⁸⁰ *Gregorian Vartan*, p. 220.
- ⁸¹ *Ghaus Abdul Samad*, p. 25.
- ⁸² Губар Мир Гулам Мухаммад. Афганистан на пути истории, с. 68.
- ⁸³ История Афганистана, с. 218.
- ⁸⁴ Там же.
- ⁸⁵ Там же, с. 219.
- ⁸⁶ Панин С.Б. Россия и Афганистан. Иркутск, 1995, с. 37–38.
- ⁸⁷ История Афганистана, с. 219.
- ⁸⁸ Там же.
- ⁸⁹ *Ghaus Abdul Samad*, p. 26.
- ⁹⁰ Ibid., p. 27; Панин С.Б. Россия и Афганистан, с. 40.
- ⁹¹ *Ghaus Abdul Samad*, p. 28.
- ⁹² Панин С.Б. Россия и Афганистан, с. 40.
- ⁹³ История Афганистана, с. 220.
- ⁹⁴ *Gregorian Vartan*, p. 222.
- ⁹⁵ История Афганистана, с. 220.
- ⁹⁶ *Stewart Rea Tally*. Fire in Afghanistan, 1914–1929. New York, 1973, p. 20; Панин С.Б. Россия и Афганистан, с. 46.
- ⁹⁷ История Афганистана, с. 224.
- ⁹⁸ *Gregorian Vartan*, p. 226.

Глава II

- ¹ *Reshtia S.Q.* A Historical Document. — The Afghanistan Studies Journal. Nebraska, USA. Volume 3, p. 22.
- ² *Stewart Rea Tally*, p. 27.
- ³ Ibid., p. 28, *Gregorian Vartan*, p. 226.
- ⁴ В западной литературе — клан Мусахибан.
- ⁵ *Stewart Rea Tally*, p. 29.
- ⁶ Ibid.
- ⁷ Ibid., p. 31–32.
- ⁸ Ibid., p. 32.
- ⁹ Пятничная проповедь.
- ¹⁰ *Stewart Rea Tally*, p. 33.
- ¹¹ Ibid., p. 34.
- ¹² Ibid., p. 35.
- ¹³ Губар Мир Гулам Мухаммад. Афганистан на пути истории, с. 75–76.
- ¹⁴ Там же, с. 37.
- ¹⁵ Известия, 21.05.1921; *Frazer-Tytler W.K.* A History of Afghanistan. A Study of Political Development in Central Asia. Lahore, 1950, p. 37.
- ¹⁶ Теплинский Л.Б. История советско-афганский отношений. М., 1988, с. 36.
- ¹⁷ *Stewart Rea Tally*, p. 45.

- ¹⁸ Sykes Persy, p. 282.
- ¹⁹ Рейснер И.М. Афганистан. М., 1929, с.155.
- ²⁰ Sykes Persy, p. 277.
- ²¹ Ibid., p. 283.
- ²² Ibid.
- ²³ Stewart Rea Tally, p. 72–73.
- ²⁴ Adamec Ludwig W. Afghanistan 1900–1923: A Diplomatic History (Berkeley and Los Angeles: University of California Press), 1967, p. 124.
- ²⁵ Stewart Rea Tally, p. 93.
- ²⁶ Gregorian Vartan, p. 231; Stewart, Rea Tally, p. 93.
- ²⁷ Stewart Rea Tally, p. 105.
- ²⁸ Панин С.Б. Советская Россия и Афганистан. 1919–1929. М.–Иркутск. 1998, с. 17.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Теплинский Л.Б. История... с. 35.
- ³¹ Панин С.Б. Советская... с. 21.
- ³² Шиван Мухаммад Рахим. Воспоминания. М., 1964, с. 58.
- ³³ Панин С.Б. Советская... с. 29–30.
- ³⁴ Там же, с. 31.
- ³⁵ Stewart Rea Tally, p. 154.
- ³⁶ Панин С.Б. Советская... с. 32–33.
- ³⁷ Там же, с. 34.
- ³⁸ Stewart Rea Tally, p. 117–118.
- ³⁹ Панин С.Б. Советская... с. 37.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Ghaus Abdul Samad. The Fall of Afghanistan. New York, 1988, p. 37.
- ⁴² Панин С.Б. Советская... с. 42.
- ⁴³ Там же, с. 43.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Там же, с. 44.
- ⁴⁶ Ghaus Abdul Samad, p. 39.
- ⁴⁷ Ibid.
- ⁴⁸ Рубинштейн. Внешняя политика советского государства в 1921–1925 годах. М., 1953, с. 59.
- ⁴⁹ В 1878 г. Россия направила в Кабул дипломатическую миссию во главе с генералом Н.Г. Столетовым, который подготовил и согласовал с эмиром Шер Али-ханом проект российско-афганского договора. Однако вследствие улучшения англо-русских отношений в этот период Россия отказалась от договора, и миссия ни с чем покинула Афганистан. Подробнее см.: Халфин Н.А. Провал британской агрессии в Афганистане (XIX – начало XX в.). М., 1959.
- ⁵⁰ Панин С.Б. Советская... с. 45.
- ⁵¹ Теплинский Л.Б. СССР и Афганистан. 1919–1981. М., 1982, с. 36.
- ⁵² Панин С.Б. Советская... с. 47.
- ⁵³ Там же, с. 48.
- ⁵⁴ Stewart Rea Tally, p. 183.
- ⁵⁵ Губар Мир Гулам Мухаммад. Афганистан на пути истории, с. 118–120.

- ⁵⁶ Цит. по Панин С.Б. Советская... с. 51.
- ⁵⁷ *Gregorian Vartan*, p. 234.
- ⁵⁸ Ibid.
- ⁵⁹ Manchester Guardian, August 5, 1921.
- ⁶⁰ *Gregorian Vartan*, p. 235.
- ⁶¹ Из истории гражданской войны в СССР: сборник документов и материалов, 1918–1922. М., 1961, т. III, с. 556–558.
- ⁶² *Gregorian Vartan*, p. 235–236.
- ⁶³ Панин С.Б. Советская... с. 61.
- ⁶⁴ Там же, с. 61–62.
- ⁶⁵ Там же, с. 62.
- ⁶⁶ Там же, с. 65–66.
- ⁶⁷ Там же, с. 66–68.
- ⁶⁸ *Gregorian Vartan*, p. 237.
- ⁶⁹ Панин С.Б. Советская... с. 70–77.
- ⁷⁰ Там же.
- ⁷¹ *Gregorian Vartan*, p. 237.
- ⁷² Ibid.
- ⁷³ *Stewart Rea Tally*, p. 190.
- ⁷⁴ Ibid.
- ⁷⁵ Ibid.
- ⁷⁶ *Poullada Leon. Reform and Rebellion in Afghanistan, 1919–1929.* Cornell (Ithaca and London), 1973, p. 109.
- ⁷⁷ Ibid., p. 105–106.
- ⁷⁸ Аман-е Афган, 07.10.1922.
- ⁷⁹ *Губар Мир Гулам Мухаммад.* Афганистан на пути истории, с. 138–139.
- ⁸⁰ *Ikbāl Ali Shah.* Afghanistan of the Afghans. London, 1929, p. 249.
- ⁸¹ *Имомов Ш.* История общественной мысли Афганистана во второй половине XIX – первой половине XX века. М.–Душанбе, 2001, с. 166.
- ⁸² Подробнее см.: *Боронбеков С.* Уголовное и уголовно-исполнительное право Афганистана. Рязань, 1993, с. 35–36.
- ⁸³ *Gregorian Vartan*, p. 249.
- ⁸⁴ *Имомов*, с. 166–167.
- ⁸⁵ Подробнее см.: *Боронбеков*, с. 55–75, 87–93.
- ⁸⁶ *Gregorian Vartan*, p. 251.
- ⁸⁷ *Poullada Leon. Reform...* p. 131.
- ⁸⁸ *Бабаходжаев М.А.* Финансово-налоговая политика эмира Абдурахмана и положение народных масс. – Очерки по новой истории Афганистана. Ташкент, 1966, с. 30–32.
- ⁸⁹ *Poullada Leon. Reform...* p. 132–133.
- ⁹⁰ Ibid., p. 134.
- ⁹¹ *Давыдов А.Д.* Социально-экономическая структура деревни Афганистана. М., 1976, с. 77–78.
- ⁹² «Низамнаме-йе форуш-е амляк-е саркари». («Положение о продаже государственных земель»). Кабул, 07.05.1923.
- ⁹³ *Рейснер И.М.* Афганистан. М., 1929, с. 167.

- ⁹⁴ *Алексеевков*. Аграрный вопрос в Афганском Туркестане. М., 1933, с. 43–46.
- ⁹⁵ Там же, с. 43.
- ⁹⁶ Там же, с. 85–88.
- ⁹⁷ *Gregorian Vartan*, p. 252–253.
- ⁹⁸ *Ikbāl Ali Shah*. The Tragedy of Amanullah. London, 1933, p. 162.
- ⁹⁹ *Ibid.*, p. 163–170.
- ¹⁰⁰ *Ibid.*, p. 163.
- ¹⁰¹ Бюллетень прессы Среднего Востока. Ташкент, 1928, № 6–7, с. 148.
- ¹⁰² *Гуревич Н.М.* Очерк истории торгового капитала Афганистана. М., 1967, с. 30.
- ¹⁰³ *Gregorian Vartan*, p. 254.
- ¹⁰⁴ *Ibid.*
- ¹⁰⁵ *Poullada Leon*. Reform... p. 136–138.
- ¹⁰⁶ *Ibid.*, p. 116.
- ¹⁰⁷ *Ibid.*, p. 116–117.
- ¹⁰⁸ *Ibid.*, p. 117–118.
- ¹⁰⁹ *Gregorian Vartan*, p. 252.
- ¹¹⁰ *Ibid.*
- ¹¹¹ *Ibid.*
- ¹¹² *Ibid.*, p. 238; *Poullada Leon*, Reform... p. 86–87.
- ¹¹³ *Gregorian Vartan*, p. 239.
- ¹¹⁴ *Ibid.*, p. 240.
- ¹¹⁵ *Ibid.*
- ¹¹⁶ *Ibid.*, p. 241.
- ¹¹⁷ *Губар Мир Гулам Мухаммад*. Афганистан на пути истории, с. 135.
- ¹¹⁸ *Gregorian Vartan*, p. 242.
- ¹¹⁹ *Poullada Leon*. Reform... p. 88.
- ¹²⁰ *Gregorian Vartan*, p. 242.
- ¹²¹ *Ibid.*
- ¹²² *Ibid.*
- ¹²³ *Ibid.*, p. 243.
- ¹²⁴ *Ibid.*, p. 244.
- ¹²⁵ *Ibid.*
- ¹²⁶ *Wild Roland*. Amanullah, ex-King of Afghanistan. London, 1932, p. 68.
- ¹²⁷ *Gregorian Vartan*, p. 244.
- ¹²⁸ *Reshtiya Seyid Qasim*. Journalism in Afghanistan. Kabul, 1948, p. 73.
- ¹²⁹ *Gregorian Vartan*, p. 245.
- ¹³⁰ *Губар Мир Гулам Мухаммад*. Афганистан на пути истории, с. 136.
- ¹³¹ *Reshtiya Seyid Qasim*, Journalism... p. 73.
- ¹³² *Губар Мир Гулам Мухаммад*. Афганистан на пути истории, с. 136.
- ¹³³ Там же, с. 135.
- ¹³⁴ *Gregorian Vartan*, p. 245–246.
- ¹³⁵ *Ikbāl Ali Shah*. Afghanistan... p. 171.
- ¹³⁶ *Gregorian Vartan*, p. 246–247.
- ¹³⁷ Известия, 19.06.1928.

- 138 *Gregorian Vartan*, p. 247.
- 139 *Poullada Leon. Reform...* p. 123.
- 140 *Ibid.*, p. 124.
- 141 Аман-е Афган, 01.05.1925.
- 142 *Poullada Leon. Reform...* p. 125.
- 143 *Stewart Rea Tally*, p. 252.
- 144 *Ibid.*
- 145 *Ibid.*, p. 255.
- 146 *Ibid.*
- 147 *Ibid.*, p. 256.
- 148 *Ibid.*, p. 261
- 149 *Ibid.*
- 150 *Ibid.*, p. 262.
- 151 *Ibid.*, p. 262–263.
- 152 *Ibid.*, p. 263.
- 153 *Ibid.*, p. 264.
- 154 *Губар Мир Гулам Мухаммад. Афганистан на пути истории*, с. 143.
- 155 Там же, с. 160.
- 156 Там же, с. 159.
- 157 *Stewart Rea Tally*, p. 279.
- 158 *Gregorian Vartan*, p. 255.
- 159 *Sykes, Sir W. Kerr. Afghanistan: A Study of Political Developments in Central and Southern Asia. Oxford, 1953*, p. 298–299.
- 160 Известия, 06.03.1925.
- 161 *Gregorian Vartan*, p. 255.
- 162 Подробнее см.: *Теплинский Л.Б. История...* с. 80–90.
- 163 Подробнее см. *Панин С.Б. Советская Россия и Афганистан. 1919–1929*, с. 122–135.
- 164 *Stewart Rea Tally*, p. 311.
- 165 *Ibid.*, p. 309.
- 166 *Ibid.*
- 167 *Gregorian Vartan*, p. 256.
- 168 Аман-е Афган, 15.10.1927.
- 169 *Stewart Rea Tally*, p. 317.
- 170 *Ibid.*, p. 318.
- 171 *Ibid.*, p. 325.
- 172 *Ibid.*, p. 326.
- 173 *Ibid.*, p. 328.
- 174 *Fraser-Tytler W.K. Afghanistan: A Study of Political Development in Central and Southern Asia. Oxford, 1953*, p. 208.
- 175 *Stewart Rea Tally*, p. 328–329.
- 176 *Ibid.*, p. 329–336.
- 177 *Ibid.*, p. 347.
- 178 *Ibid.*, p. 340.
- 179 *Ibid.*, p. 341.
- 180 *Ibid.*, p. 346–347.
- 181 *Ibid.*, p. 359.
- 182 *Ibid.*, p. 349–350.

- 183 *Fraser-Tytler W.K. A History...* p. 209.
- 184 *Gregorian Vartan*, p. 257.
- 185 Цит. по: *Stewart Rea Tally*, p. 353.
- 186 *Ibid.*, p. 354.
- 187 *Ibid.*, p. 355.
- 188 *Ibid.*, p. 361–362.
- 189 *Ibid.*, p. 362.
- 190 *Ibid.*, p. 363.
- 191 *Ibid.*, p. 364.
- 192 *Ibid.*, p. 364.
- 193 *Gregorian Vartan*, p. 258.
- 194 *Stewart Rea Tally*, p. 368.
- 195 *Ibid.*, p. 369–370.
- 196 *Roland Wild. Amanullah...* p. 99.
- 197 *Stewart Rea Tally*, p. 372; *Gregorian Vartan*, p. 259.
- 198 *Stewart Rea Tally*, p. 375–376.
- 199 *Ibid.*, p. 383.
- 200 Правда Востока, 11.12.1928.
- 201 *Gregorian Vartan*, p. 260.
- 202 *Ibid.*
- 203 Поляк А.А. Экономический строй Афганистана. М., 1964, с. 104.
- 204 БПСВ, 1929–1930, с. 54.
- 205 *Stewart Rea Tally*, p. 405.
- 206 Корзун В.Г. Афганистан в 20–30-е гг. XX в. М., 1979, с. 29.
- 207 *Ikbāl Ali Shah. Afghanistan...* p. 178.
- 208 *Stewart Rea Tally*, p. 403.
- 209 *Gregorian Vartan*, p. 262.
- 210 *Ibid.*
- 211 *Ibid.*
- 212 *Ibid.*, p. 263.
- 213 Губар Мир Гулам Мухаммад. Афганистан на пути истории, с. 164.
- 214 *Stewart Rea Tally*, p. 403.
- 215 *Ibid.*, p. 400.
- 216 Корзун В.Г. Интеллигенция в политической жизни Афганистана. М., 1983, с. 38.
- 217 *Stewart Rea Tally*, p. 390.
- 218 *Ibid.*, p. 395.
- 219 *Poullada Leon. Reform...* p. 160–161.
- 220 *Fletcher Arnold. Afghanistan: Highway of Conquest.* Ithaca, Cornell University Press, 1965, p. 115.
- 221 *Poullada Leon. Reform...* p. 162–163.
- 222 *Ibid.*, p. 164.
- 223 *Ibid.*, p. 170.
- 224 *Stewart Rea Tally*, p. 420.
- 225 *Ibid.*, p. 432–433.
- 226 *Ibid.*, p. 434.
- 227 *Poullada Leon. Reform...* p. 171.
- 228 Файз Мухаммад. Книга упоминаний о мятеже. М., 1988, с. 36.

- 229 Там же, с. 36; *Poullada Leon. Reform...* p. 173.
- 230 *Файз Мухаммад*, с. 37.
- 231 Иттихад-е мелли, 31.07.1972.
- 232 *Stewart Rea Tally*, p. 422–423.
- 233 *Ibid.*, p. 429–430.
- 234 *Ibid.*, p. 446.
- 235 *Ibid.*, p. 447.
- 236 *Ibid.*, p. 451.
- 237 *Ibid.*, p. 450–451.
- 238 *Ibid.*, p. 456.
- 239 *Poullada Leon. Reform...* p. 264.
- 240 *Stewart Rea Tally*, p. 455–458.
- 241 *Ibid.*, p. 459–460.
- 242 Аман-е Афган, 07.01.1929; Times, 12.01.1929.
- 243 *Poullada Leon. Reform...* p. 176–177.
- 244 *Stewart Rea Tally*, p. 466.
- 245 *Ali Mohammed. Progressive Afghanistan. Lahor, 1933*, p. 39.
- 246 *Stewart Rea Tally*, p. 472.
- 247 *Poullada Leon. Reform...* p. 143–144.
- 248 *Ibid.*, p. 145.
- 249 *Ibid.*, p. 154.
- 250 Правда, 20.12.1928; Известия, 20.12.1928.
- 251 *Ghobar Mir Gholam Mohammad. Afghanistan in the Course of History. Alexandria, USA. Volume II. 2001*, p. 1–4.
- 252 *Raskolnikov F.F. The War in Afghanistan. – The Labour Monthly (London), 1929*, p. 180, 183.
- 253 *Губар Мир Гулам Мухаммад. Афганистан на пути истории*, с. 184; *Stewart Rea Tally*, p. 481–482.
- 254 *Stewart Rea Tally*, p. 482.
- 255 *Губар Мир Гулам Мухаммад. Афганистан на пути истории*, с. 192.
- 256 *Gregorian Vartan*, p. 275.
- 257 *Ali, Mohammed* p. 45.
- 258 *Poullada Leon. Reform...* p. 212.
- 259 *Gregorian Vartan*, p. 276.
- 260 *Треплев К. Что произошло в Афганистане. – Туркменоведение. 1930, № 1*, с. 26.
- 261 *Gregorian Vartan*, p. 277.
- 262 *Chokaiev Mustapha. The Situation in Afghanistan. – The Asiatic Review. April, 1930*, p. 329.
- 263 *Stewart Rea Tally*, p. 484.
- 264 *Ibid.*
- 265 *Ibid.*, p. 556–557.
- 266 *Gregorian Vartan*, p. 278.
- 267 *Бойко В. Советско-афганская военная экспедиция в Афганистан. – Азия и Африка сегодня, 2002, № 2*, с. 31.
- 268 Известия, 26.02.1929.
- 269 Красная звезда, 09.05.1929.
- 270 Правда, 25.04.1929.

- 271 Бойко В., с. 31.
272 Цит. по: Бойко В., с. 31.
273 Там же, с. 32.
274 Там же.
275 Панин С.Б. Советская Россия... с. 204.
276 Цит. по: Валишев А. Чекистские будни. Душанбе, 1988, с. 280.
277 Панин С.Б. Советская Россия... с. 205–206.
278 Там же, с. 206.
279 Там же, с. 206–207.
280 Там же, с. 207.
281 Бойко В., с. 33.
282 Там же.
283 Там же, с. 34.
284 Там же.
285 Там же.
286 Там же.
287 Панин С.Б. Советская Россия... с. 209.
288 Бойко В., с. 35.
289 Цит. по: Панин С.Б. Советская Россия... с. 210.
290 Там же.
291 Там же, с. 210.
292 Там же, с. 211.
293 Цит. по: Бойко В., с. 36.
294 Там же.
295 Там же, с. 37.
296 Ghobar Mir Gholam Mohammad. Afghanistan... p. 5.
297 Fraser-Tytler W.K. Afghanistan. A Study... p. 220.
298 Губар Мир Гулам Мухаммад. Афганистан на пути истории, с. 186.
299 Ghobar Mir Gholam Mohammad. Afghanistan... p. 5.
300 Poullada Leon. Reform... p. 179.
301 Stewart, Rea Tally, p. 496.
302 Ibid., p. 497.
303 Poullada Leon. Reform... p. 179.
304 Stewart Rea Tally, p. 569.
305 Ibid., p. 497.
306 Gregorian Vartan, p. 281–282.
307 Stewart Rea Tally, p. 517–518.
308 Кушкаки, Бурхануддин. Надер-е Афган. (Надир Афганский.) Кабул, 1931 (на языке дари), с. 349–351.
309 Stewart Rea Tally, p. 544–545.
310 Gregorian Vartan, p. 284.
311 Poullada Leon. Reform... p. 183.
312 Ibid., p. 190.
313 Ibid., p. 192.
314 Gregorian Vartan, p. 186.
315 Ibid., p. 186; Ghobar Mir Gholam Mohammad. Afghanistan... p. 13–14.
316 Gregorian Vartan, p. 287.

- ³¹⁷ Ibid.
³¹⁸ Ibid., p. 288.
³¹⁹ Известия. 24.06.1930.
³²⁰ *Gregorian Vartan*, p. 289–290.

Глава III

- ¹ *Gregorian Vartan*, p. 293.
² Ислах, 28.08.1930.
³ *Ghobar Mir Gholam Mohammad. Afghanistan...* p. 37.
⁴ Ислах, 21.10.1930.
⁵ *Ghobar Mir Gholam Mohammad. Afghanistan...* p. 42.
⁶ Правда, 27.09.1930.
⁷ *Ghobar Mir Gholam Mohammad. Afghanistan...* p. 82.
⁸ Ibid., p. 85–86.
⁹ *Gregorian Vartan*, p. 303.
¹⁰ *Ali Mohammed*, p. 184.
¹¹ Ibid.
¹² Ibid., p. 212, 214.
¹³ *Gregorian Vartan*, p. 298–299.
¹⁴ Ibid., p. 299.
¹⁵ Ibid., p. 308.
¹⁶ *Ikbāl Ali Shah. The Modern Afghanistan. London, 1938*, p. 265.
¹⁷ Ibid., p. 265–266.
¹⁸ Ibid., p. 270.
¹⁹ *Ali Mohammed*, p. 186.
²⁰ *Gregorian Vartan*, p. 310.
²¹ Современный Афганистан. Под ред. Н.А. Дворянкова. М., 1960, с. 322–323.
²² *Gregorian Vartan*, p. 312.
²³ *Ali Mohammed*, p. 221.
²⁴ Современный Афганистан, с. 332.
²⁵ *Gregorian Vartan*, p. 313.
²⁶ Гуревич Н.М. Экономическое развитие Афганистана. М., 1966, с. 127.
²⁷ «Сальнаме-йе Кабул». Кабул, 1312, с. 175.
²⁸ *Gregorian Vartan*, p. 314–315.
²⁹ Иран, Афганистан, Синьцзян. М., 1936, с. 290.
³⁰ *Gregorian Vartan*, p. 315.
³¹ Ibid.
³² Ibid., p. 315–316.
³³ *Ikbāl Ali Shah. The Modern...* p. 311.
³⁴ *Gregorian Vartan*, p. 316–317.
³⁵ *Ikbāl Ali Shah. The Modern...* p. 303–306.
³⁶ Эттелаат, 01.01.1931.
³⁷ Там же.
³⁸ *Akhramovich R.T. Outline History of Afghanistan After the Second World War. M., 1966*, с. 37.

- ³⁹ Ахрамович Р.Т. Афганистан после Второй мировой войны. М., 1961, с. 8–9; Поляк А.А. Экономический строй Афганистана. М., 1964, с. 126–131;
- ⁴⁰ Ислах, 08.07.1931.
- ⁴¹ Заря Востока, 21.07, 14.09, 21.09 за 1930 г.
- ⁴² Известия, 20.10.1929.
- ⁴³ Ислах, 25.04.1932.
- ⁴⁴ Ислах, 8.07.1931.
- ⁴⁵ *Gregorian Vartan*, p. 322.
- ⁴⁶ *Ibid.*, p. 323, 325.
- ⁴⁷ Правда, 4.07.1931.
- ⁴⁸ Заря Востока, 10.09.1931.
- ⁴⁹ *Gregorian Vartan*, p. 327.
- ⁵⁰ *Ibid.*, p. 328.
- ⁵¹ *Ibid.*, p. 329.
- ⁵² Ислах, 07.07.1932.
- ⁵³ *Gregorian Vartan*, p. 334.
- ⁵⁴ Ислах, 24.03.1931.
- ⁵⁵ *Gregorian Vartan*, p. 336.
- ⁵⁶ *Poullada Leon B. The Failure of American Diplomacy in Afghanistan. — World Affairs. Winter 1982–1983*, p. 220.
- ⁵⁷ *Gregorian Vartan*, p. 336.
- ⁵⁸ Ислах, 31.12.1930.
- ⁵⁹ *Ghobar Mir Gholam Mohammad. Afghanistan...* p. 29–30.
- ⁶⁰ Руйдад-е риясат-е диван-е али-йе хокумат-е шахийе Афганистан. Кабул, 1930.
- ⁶¹ *Kakar Hasan. Trends in Modern Afghan History. — Afghanistan in the 1970-s. Edited by Louis Dupree and Linette Albert. NY, 1973*, p. 30.
- ⁶² *Ghobar Mir Gholam Mohammad. Afghanistan...* p. 30.
- ⁶³ *Ibid.*, p. 30–31.
- ⁶⁴ Ислах, 25.07.1930.
- ⁶⁵ Губар Мир Гулам Мухаммад. Афганистан дар масир-е тарих. (Афганистан на пути истории.) Кабул, 1967 (на языке дари), с. 797.
- ⁶⁶ Коргун В.Г. Интеллигенция... с. 45.
- ⁶⁷ *Ghobar Mir Gholam Mohammad. Afghanistan...* p. 96.
- ⁶⁸ *Fraser-Tytler W.K. A History...* p. 84.
- ⁶⁹ *Fraser-Tytler W.K. Afghanistan...* p. 240.
- ⁷⁰ *Ghobar Mir Gholam Mohammad. Afghanistan...* p. 107–108.
- ⁷¹ *Fletcher Arnold. Afghanistan: Highway of Conquest. Current History. January 1950*, p. 233.
- ⁷² *Ghobar Mir Gholam Mohammad. Afghanistan...* p. 136–142.
- ⁷³ *Gregorian Vartan*, p. 339.
- ⁷⁴ Хабль уль-матин, 21.10.1930.
- ⁷⁵ *Gregorian Vartan*, p. 353.
- ⁷⁶ Кухтина Т.И. К вопросу о подготовке национальных технических кадров в Афганистане (1919–1961). — Вопросы экономики Афганистана. М., 1963, с. 138.

- 77 *Gregorian Vartan*, p. 355.
- 78 *Кухтина Т.И.*, с. 146.
- 79 Сальнаме-йе Кабул. Кабул, 1937, с. 205.
- 80 *Рейснер И.М.* К вопросу о складывании афганской нации. — Вопросы истории. 1949, №7, с. 66–85.
- 81 *Gregorian Vartan*, p. 356.
- 82 *Ibid.*
- 83 *Ibid.*
- 84 *Кухтина Т.И.*, с. 130.
- 85 *Gregorian Vartan*, p. 357.
- 86 *Ibid.*, p. 362.
- 87 *Ibid.*, p. 364.
- 88 *Ibid.*
- 89 *Ibid.*, p. 364–365.
- 90 *Ibid.*, p. 366–367.
- 91 *Ibid.*, p. 366.
- 92 *Ibid.*
- 93 *Ibid.*, p. 366–367.
- 94 *Поляк А.А.*, с. 112.
- 95 *Gregorian Vartan*, p. 368.
- 96 Современный Афганистан, с. 176.
- 97 *Gregorian Vartan*, p. 368–369.
- 98 *Ibid.*, p. 369.
- 99 *Ibid.*, p. 370–371.
- 100 *Ibid.*, p. 371.
- 101 *Ibid.*, p. 372.
- 102 *Ibid.*, p. 373–374.
- 103 Современный Афганистан, с. 360–362.
- 104 *Gregorian Vartan*, p. 358.
- 105 Современный Афганистан, с. 322–324.
- 106 *Gregorian Vartan*, p. 359.
- 107 Современный Афганистан, с. 317–320.
- 108 *Gregorian Vartan*, p. 360–361.
- 109 *Пикулин М.Г.* Развитие национальной экономики и культуры Афганистана. 1955–1960. Ташкент, 1961, с. 49.
- 110 Ислах, 25.04.1938
- 111 СССР и Турция. 1917–1979. М., 1981, с. 143.
- 112 *Gregorian Vartan*, p. 377.
- 113 *Ibid.*, p. 378.
- 114 *Ibid.*
- 115 *Ibid.*, p. 379.
- 116 *Ibid.*, p. 381.
- 117 *Ibid.*, p. 382.
- 118 *Ibid.*, p. 380.
- 119 *Ibid.*
- 120 *Ibid.*, p. 381.
- 121 *Ibid.*
- 122 *Ghobar Mir Gholam Mohammad. Afghanistan...* p. 99.

- ¹²³ Ibid., p. 100.
- ¹²⁴ Тихонов Ю., с. 90–91.
- ¹²⁵ Там же, с. 91.
- ¹²⁶ *Gregorian Vartan*, p. 386.
- ¹²⁷ Тихонов Ю., с. 113.
- ¹²⁸ *Adamec Ludwig W.* Afghanistan's Foreign Affairs to the Mid-Twentieth Century: Relations with the USSR and Britain (University of Arizona Press, 1974), p. 245–246.
- ¹²⁹ Тихонов Ю., с. 121.
- ¹³⁰ Там же, с. 153–154.
- ¹³¹ Там же, с. 157.
- ¹³² *Poullada Leon.* Reform... p. 247.
- ¹³³ Подробнее см.: Ю.Тихонов. Афганская война... М., 2003, с. 150–158.
- ¹³⁴ Там же, с. 178.
- ¹³⁵ *Gregorian Vartan*, p. 390.
- ¹³⁶ *Ахрамович Р.Т.* Афганистан после Второй мировой войны. М., 1961, с. 21.
- ¹³⁷ *Poullada Leon.* Afghanistan and the United States: the Crucial Years. — The Middle East Journal. Volume 35, Number 2, Spring 1981, p. 181.
- ¹³⁸ *Poullada Leon.* The Failure of American Diplomacy in Afghanistan. — World Affairs. Winter 1982–1983, p. 232.
- ¹³⁹ *Ахрамович Р.Т.* Афганистан после... с. 26.

Глава IV

- ¹ *Ахрамович Р.Т.* Афганистан после... с. 58.
- ² *Ghobar Mir Gholam Mohammad.* Afghanistan... p. 179.
- ³ Ibid., p. 175.
- ⁴ *Корсун В.Г.* Интеллигенция... с. 51.
- ⁵ *Ахрамович Р.Т.* Афганистан после... с. 64.
- ⁶ Там же, с. 66.
- ⁷ Там же, с. 68.
- ⁸ Там же.
- ⁹ *Poullada Leon.* The Failure... p. 233.
- ¹⁰ *Ghobar Mir Gholam Mohammad.* Afghanistan... p. 184; *Ахрамович Р.Т.* Афганистан после... с. 71.
- ¹¹ Ангар, 01.03.1951.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же, 15.03.1951.
- ¹⁵ Там же, 01.04.1951.
- ¹⁶ Там же, 20.04.1951.
- ¹⁷ *Ghobar Mir Gholam Mohammad.* Afghanistan... p. 206.
- ¹⁸ Ibid., p. 202.
- ¹⁹ Ibid., p. 206.
- ²⁰ Ватан, 27.03.1951.
- ²¹ Там же, 25.06.1951.
- ²² Там же, 24.09.1951.
- ²³ Там же, 16.05.1951.

- ²⁴ Там же, 04.09.1951.
- ²⁵ *Ghobar Mir Gholam Mohammad*. Afghanistan... p. 210.
- ²⁶ Нида-йе хальк, 02.04.1951.
- ²⁷ Там же, 16.04.1951.
- ²⁸ Там же, 23.04.1951.
- ²⁹ Там же, 16.05.1951.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ *Ghobar Mir Gholam Mohammad*. Afghanistan... p. 206.
- ³² Ibid., 219.
- ³³ Нида-йе хальк, 25.06.1951.
- ³⁴ *Ghobar Mir Gholam Mohammad*. Afghanistan... p. 218.
- ³⁵ Ватан, 26.09.1951.
- ³⁶ Корзун В.Г. Интеллигенция... с. 84.
- ³⁷ *Ghobar Mir Gholam Mohammad*. Afghanistan... p. 215.
- ³⁸ Ibid., p. 200–201.
- ³⁹ Ibid.
- ⁴⁰ Ibid., p. 214–215.
- ⁴¹ Ibid., p. 223.
- ⁴² Ibid.
- ⁴³ Подробнее о судьбе оппозиционеров см.: Корзун В.Г. Интеллигенция... с. 92–97.
- ⁴⁴ *Ghaus Abdul Samad*. The Fall of Afghanistan. New York, 1988, p. 68.
- ⁴⁵ *Ghobar Mir Gholam Mohammad*. Afghanistan... p. 218.
- ⁴⁶ *Ghaus Abdul Samad*, p. 71.
- ⁴⁷ *Ghobar Mir Gholam Mohammad*. Afghanistan... p. 195.
- ⁴⁸ Ibid.
- ⁴⁹ *Dupree Louis*. Afghanistan. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1973, p. 489.
- ⁵⁰ Теплинский Л.Б. История... с. 151–152.
- ⁵¹ Там же, с. 156.
- ⁵² *Ghaus Abdul Samad*, p. 75.
- ⁵³ *Poullada Leon B.* Afghanistan and the United States: the Crucial Years, p. 186.
- ⁵⁴ *Bradsher Henry*. Afghanistan and the Soviet Union. Durham (USA), 1983, p. 20.
- ⁵⁵ Ibid.

Глава V

- ¹ *Ghaus Abdul Samad*, p. 80.
- ² Ibid., p. 33.
- ³ Ibid., p. 84.
- ⁴ Правда, 19.12.1955; *Dupree Louis*. Afghanistan... p. 508.
- ⁵ Поляк А.А. Экономический строй Афганистана. М., 1964, с. 129.
Общая сумма капиталовложений в первую пятилетку намечалась в объеме 10,6 млрд афгани (по другим данным – 9,35 млрд. См. *Marvin Brant*. Recent Economic Development – Afghanistan in the 1970-s. Edited by Louis Dupree and Linette Albert. NY, 1973, p. 100.
- ⁶ Панджшири Гулам Дастегир, с. 95.

- ⁷ Поляк А.А., с. 130.
- ⁸ *Ghaus Abdul Samad*, p. 36.
- ⁹ *Bradsher Henry*, p. 25.
- ¹⁰ *Панджшири Гулам Дастегир*, с. 95.
- ¹¹ Развивающаяся Азия. Под ред. А.З. Арабаджяна М., 1973, с. 100.
- ¹² Сальнаме-йе Кабул. Кабул, 1955, с. 250.
- ¹³ Маджмуэ-йе ихсайеви-йе Афганистан. (Статистический сборник Афганистана.) Кабул, 1971 (на языке дари), с. 115.
- ¹⁴ *Панджшири Гулам Дастегир*, с. 137.
- ¹⁵ *Черняховская Н.И.* Развитие промышленности и положение рабочего класса Афганистана. М., 1965, с. 141.
- ¹⁶ *Dupree Louis*, Afghanistan, p. 100.
- ¹⁷ *Давыдов А., Черняховская Н.* Афганистан. М., 1973, с. 31, 32.
- ¹⁸ *Fletcher Arnold*. Afghanistan: Highway of Conquest. Ithaca, Cornell University Press, 1965, p. 285.
- ¹⁹ *Galster Stephen R.* Washington, Moscow and the Struggle for Kabul. The Cold War Continues in Afghanistan. New York. May 1990, p. 239.
- ²⁰ *Bradsher Henry*, p. 28.
- ²¹ New York Times, 24–28 June 1958.
- ²² Ibid., 10 September 1959.
- ²³ *Ghaus Abdul Samad*, p. 88.
- ²⁴ *Панджшири Гулам Дастегир*, с. 135–136.
- ²⁵ *Ghaus Abdul Samad*, p. 89.
- ²⁶ Ibid., p. 90.
- ²⁷ Ibid., p. 92.
- ²⁸ *Poullada Leon B.* The Search for National Unity. — Afghanistan in the 1970-s, p. 46.

Глава VI

- ¹ *Ахрамович Р.Т.* Афганистан в 1961–1966 гг. М., 1967, с. 39.
- ² Эттелаат, 18.07.1963.
- ³ The Times, 03.10.1964, 09.10.1964, 19.10.1964.
- ⁴ *Ghobar Mir Gholam Mohammad*. Afghanistan... p. 209.
- ⁵ Hindustan Times, 19.07.1963.
- ⁶ The Times, 19.07.1964.
- ⁷ *Ахрамович Р.Т.* Афганистан в 1961–1966 гг., с. 78.
- ⁸ *Кушкаки Сабахуддин.* Дахе-йе канун-е асаси. (Десятилетие конституции.) Исламабад, 1983 (на языке дари), с. 37.
- ⁹ *Dupree Louis*. Afghanistan and the Unpaved Road to Democracy. — Journal of the Royal Central Asian Society. Vol. LVI. October, 1969. Part III, p. 274.
- ¹⁰ *Кушкаки Сабахуддин*, с. 37.
- ¹¹ Kabul Times, 26.06.1964.
- ¹² *Кушкаки Сабахуддин*, с. 37.
- ¹³ Там же, 42.
- ¹⁴ *Давыдов А., Черняховская Н.*, с. 32–33.

- ¹⁵ *Теплинский Л.Б.* 50 лет советско-афганских отношений. М., 1971, с. 207.
- ¹⁶ Afghanistan. A country study. Washington, 1980, p. 352.
- ¹⁷ Ibid., p. 351.
- ¹⁸ Ibid., p. 349.
- ¹⁹ Ibid., p. 348.
- ²⁰ *Bradsher Henry*, p. 29.
- ²¹ Ibid., p. 30.
- ²² Afghanistan. A country study, p. 350.
- ²³ *Ghaus Abdul Samad*, p. 101.
- ²⁴ Развивающаяся Азия, с. 117.
- ²⁵ Там же, с. 107.
- ²⁶ *Давыдов А., Черняховская Н.*, с. 34.
- ²⁷ Анис, 12.10.1967.
- ²⁸ *Кушкаки Сабахуддин*, с. 54.
- ²⁹ Там же, с. 57.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же, с. 61.
- ³² Там же, с. 74.
- ³³ Там же, с. 80.
- ³⁴ Financial Times, 01.01.1973.
- ³⁵ The Kabul Times, 07.01.1973.
- ³⁶ *Кушкаки Сабахуддин*, с. 85.
- ³⁷ *Ежов Г.П.*, с. 364.
- ³⁸ Караван, 03.09.1969.
- ³⁹ *Rubin Barnett*. The Fragmentation of Afghanistan. State Formation... p. 73.
- ⁴⁰ *Кушкаки Сабахуддин*, с. 108.
- ⁴¹ Там же, с. 82–83.
- ⁴² *Bradsher Henry*, p. 49.
- ⁴³ Хальк, 11.04.1967.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ *Bradsher Henry*, p. 49.
- ⁴⁸ *Poullada Leon*. The Failure... p. 244.
- ⁴⁹ *Rubin Barnett*. The Fragmentation of Afghanistan. State Formation... p. 82.
- ⁵⁰ *Ежов Г.П.*, с. 312.
- ⁵¹ *Арни Джордж*. Афганистан — гозаргах-е кешваркашаян. (Афганистан — перекресток завоевателей.) Пешавар, 1981 (на языке дари), с. 59.
- ⁵² *Кушкаки Сабахуддин*, с. 75.
- ⁵³ Актуальные проблемы афганской революции. Под ред. М.Р. Аруновой и др. М., 1984, с. 73.
- ⁵⁴ Мосават, 21.05.1969.
- ⁵⁵ Там же, 24.05.1967.

- ⁵⁶ Там же, 17.08.1968.
- ⁵⁷ Там же, 05.02.1969.
- ⁵⁸ Там же, 29.05.1968.
- ⁵⁹ Караван, 14.06.1972.
- ⁶⁰ Там же, 10.06.1969.
- ⁶¹ Актуальные... с. 266
- ⁶² *Плестун В.Н.* Эволюция деятельности экстремистских организаций в странах Востока. Новосибирск, 2002, с. 343–344.
- ⁶³ *Спольников В.Н.* Афганистан. Исламская оппозиция. М., 1990, с. 15–16.
- ⁶⁴ *Rubin Barnett.* The Fragmentation of Afghanistan. State Formation... р. 83.
- ⁶⁵ *Спольников В.Н.*, с.16.
- ⁶⁶ Актуальные... с. 87–88.
- ⁶⁷ Седа-йе авам, 27.03.1968.
- ⁶⁸ Парчам, 29.07.1968.
- ⁶⁹ Там же.
- ⁷⁰ Караван, 20.09.1968.
- ⁷¹ Там же.
- ⁷² Там же.
- ⁷³ *Давыдов А., Черняховская Н.*, с. 78.
- ⁷⁴ The Times, 17.08.1971.
- ⁷⁵ Financial Times, 4.01.1973.
- ⁷⁶ История вооруженных сил Афганистана. 1747–1977. Под ред. Ю.В. Ганковского М., 1985, с. 164.
- ⁷⁷ Financial Times, 4.01.1973.
- ⁷⁸ Ibid.
- ⁷⁹ Актуальные... с. 88.
- ⁸⁰ Там же.
- ⁸¹ Там же.
- ⁸² Там же.
- ⁸³ Там же, с. 98
- ⁸⁴ Там же.
- ⁸⁵ Там же, с. 98–99.

Глава VII

- ¹ President and Prime Minister Mohammad Daoud's Speeches of July 17 and August 23, 1973. Kabul, 1973, p. 1–2.
- ² Ibid, p. 2–3.
- ³ *Теплинский Л.Б.* Афганистан — наш сосед. М., 1978, с. 24–25.
- ⁴ Там же, с. 21.
- ⁵ Сальнаме-йе Кабул. Кабул, 1973/74, с. 376.
- ⁶ Там же, с. 368.
- ⁷ *Давыдов А.Д.* Социально-экономическая структура деревни Афганистана. М., 1976, с. 283–285.
- ⁸ Актуальные... с. 133–134.
- ⁹ Le Monde, 02.08.1974.

- ¹⁰ *Фарханг Мир Мухаммад Сиддик*. Афганистан дар пандж карн-е ахир. (Афганистан в последние пять веков.) Кум (Иран), 1992 (на персидском языке), с. 19.
- ¹¹ *Кушкаки Сабахуддин*, с. 52.
- ¹² *Dupree Louis*. Red Flag over Afghanistan. Part 1. — American Universities Field Staff Reports, 44, 1976, p. 10.
- ¹³ Ibid.
- ¹⁴ *Корсун В.Г.* Интеллигенция... с. 174.
- ¹⁵ *Плостун В.Н.*, с. 352–353.
- ¹⁶ Там же, с. 353.
- ¹⁷ Там же, с. 356.
- ¹⁸ Актуальные... с. 356.
- ¹⁹ *Rubin Barnett*. The Fragmentation of Afghanistan. State Formation... p. 83.
- ²⁰ Джомхурият, 19.08.1974.
- ²¹ *Спольников В.Н.*, с. 24.
- ²² *Rubin Barnett*. The Fragmentation of Afghanistan. State Formation... p. 104.
- ²³ Цит. по: *Raja Anwar*. The Tragedy of Afghanistan. London, New York, 1988, p. 75.
- ²⁴ Цит. по: Актуальные... с. 109.
- ²⁵ Актуальные... с. 109.
- ²⁶ Цит. по: Актуальные... с. 147.
- ²⁷ Там же, с. 142.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Там же, с. 144–145.
- ³⁰ Там же, с. 112.
- ³¹ Там же, с. 150.
- ³² Там же.
- ³³ *Ghaus Abdul Samad*, p. 165.
- ³⁴ Ibid., p. 173–174.
- ³⁵ *Bradsher Henry*, p. 84.
- ³⁶ Ibid., p. 61.
- ³⁷ Ibid., p. 63.
- ³⁸ Ibid., p. 62.
- ³⁹ *Saikal Amin*. The Rise and the Fall of the Shah. Princeton. 1980, p. 200.
- ⁴⁰ *Ghaus Abdul Samad*, p. 179.
- ⁴¹ Анис, 18.07.1973.
- ⁴² *Ghaus Abdul Samad*, p. 113.
- ⁴³ Le Monde, 3–4.02.1974.
- ⁴⁴ *Raja Anwar*, p. 78.
- ⁴⁵ *Ghaus Abdul Samad*, p. 115.
- ⁴⁶ *Raja Anwar*, p. 81.
- ⁴⁷ *Ghaus Abdul Samad*, p. 146.
- ⁴⁸ Биография Генерального секретаря ЦК НДПА товарища Н.М. Тараки. Кабул, октябрь 1978, с. 6.

- ¹ Революционные движения и империалистическая контрреволюция. М., 1987, с. 91.
- ² Давыдов А.Д. Аграрное законодательство Демократической Республики Афганистан. М., 1984, с. 122.
- ³ Arnold Anthony. Afghanistan's Two-Party Communism: Parcham and Khalq. Stanford, California: Hoover Institution Press, 1983, p. 59.
- ⁴ Слинкин М.Ф. Народно-демократическая партия Афганистана у власти. Симферополь, 1999, с. 39.
- ⁵ Хотут-е асаси-йе вазаеф-е инкилаби-йе джомхури-йе димократик-е Афганистан. (Основные направления революционных задач Демократической Республики Афганистан.) Кабул, май 1978. (на языке дари), с. 14.
- ⁶ Правда, 20.05.1978, 07.12.1978.
- ⁷ Там же, 26.06.1978.
- ⁸ Слинкин М.Ф., с. 70.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же, с. 71.
- ¹¹ Красная звезда, 6.12.1978.
- ¹² Слинкин М.Ф., с. 76.
- ¹³ Там же, с. 74.
- ¹⁴ Bradsher Henry, p. 86.
- ¹⁵ Galster Stephen R. Washington, Moscow... p. 4.
- ¹⁶ Арунова М.Р. Афганская политика США. М., 2000, с. 13.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Слинкин М.Ф., с. 16.
- ¹⁹ Raja Anwar, p. 120.
- ²⁰ Там же. Подробнее о заговоре парчамистов см.: Слинкин М.Ф., с. 59–63.
- ²¹ Хакикат-е инкилаб-е саур, 23.09.1978.
- ²² Слинкин М.Ф., с. 127–128.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Raja Anwar, p. 168.
- ²⁵ Washington Post, 09.10.1979.
- ²⁶ Радио «Кабул», 16.09.1979.
- ²⁷ Радио «Кабул», 10.10.1979.
- ²⁸ Баянийе-йе рафик Хафизулла Амин дар марасем-е ефтетах-е анститу-йе олум-е иджтимаи-йе комите-йе маркази-йе хезб-е димократик-е хальк-е Афганистан. (Речь Х. Амина на церемонии открытия Института общественных наук при ЦК НДПА.) Кабул, октябрь 1979 (на языке дари), с. 2, 8, 10, 13.
- ²⁹ Kabul New Times, 28.02.1980.
- ³⁰ История Афганистана, с. 337.
- ³¹ Rubin Barnett. The Fragmentation of Afghanistan. State Formation... p. 114.
- ³² The New York Times, 23.12.1979.
- ³³ Слинкин М.Ф., с. 122.

- ³⁴ *Raja Anwar*, p. 133–134.
- ³⁵ *Rubin Barnett*. The Fragmentation of Afghanistan. State Formation... p. 120.
- ³⁶ Press Trust of India Report, 18 January 1980.
- ³⁷ Правда об Афганистане. М., АПН, 1980, с. 8.
- ³⁸ Kabul New Times, 19.04.1980.
- ³⁹ Правда, 29–30.12.1979.
- ⁴⁰ *Raja Anwar*, p. 198.
- ⁴¹ Правда, 31.12.1979.
- ⁴² *Rubin Barnett*. The Fragmentation of Afghanistan. State Formation... p. 128.
- ⁴³ Хакикат-е инкилаб-е саур, 13.08.1981.
- ⁴⁴ Kabul New Times, 22.05.1983.
- ⁴⁵ Soviet-Afghan Relations. Afghan Government Publication, Kabul, November, 1984, p. 4.
- ⁴⁶ *Rubin Barnett*. The Fragmentation of Afghanistan. State Formation... p. 131.
- ⁴⁷ Ibid., p. 132.
- ⁴⁸ Слинкин М.Ф., с. 143.
- ⁴⁹ New York Times, 24.01.1980.
- ⁵⁰ Арунова М.Р. Афганская политика США. М., 2000, с. 26.
- ⁵¹ *Rubin Barnett*. The Fragmentation of Afghanistan. State Formation... p. 181.
- ⁵² Washington Post, 23.10.1990, 01.10.1991.
- ⁵³ Galster Stephen R., p. 7.
- ⁵⁴ Факир Мухаммад Ведан. Дашнеха-йе сорх. (Красные кинжалы.) Пешавар, 1996, (на языке дари), с. 19.
- ⁵⁵ Анис, 5.05.1986.
- ⁵⁶ Тысовский Ю. К положению в Афганистане. — БПИ, № 251, 26.12.1989, с. 5.
- ⁵⁷ Afghanistan: Soviet Occupation and Withdrawal. Washington, US Department of State. December 1988, p. 8.
- ⁵⁸ Arnold Anthony. The Ephemeral Elite. The Failure of Socialist Afghanistan. — Political Parties and Restructuring Order in Socialist Afghanistan. New York, 1988, p. 21.
- ⁵⁹ Коргун В.Г. Афганистан: Политика и политики. М., 1999, с. 107.
- ⁶⁰ 1989 Yearbook of International Communist Affairs. Stanford: San Francisco, Hoover Institution Press, 1989, p. 461.
- ⁶¹ Kabul New Times, 01.03.1988.
- ⁶² *Rubin Barnett*. The Fragmentation of Afghanistan. State Formation... p. 159.
- ⁶³ Ibid.
- ⁶⁴ Ibid., p. 160.
- ⁶⁵ Факир Мухаммад Ведан, с. 21.
- ⁶⁶ Там же.
- ⁶⁷ *Rubin Barnett*. The Fragmentation of Afghanistan. State Formation... p. 167.
- ⁶⁸ Ibid., p. 173.

- ⁶⁹ Факир Мухаммад Ведан, с. 22.
- ⁷⁰ Там же, с. 24.
- ⁷¹ Rubin Barnett. The Fragmentation of Afghanistan. — Foreign Affairs: Winter 1989/90, p. 11.
- ⁷² Rubin Barnett. The Fragmentation of Afghanistan. State Formation... p. 250.
- ⁷³ Edwart Girardet. Arab Extremists Exploit Afghan Jihad. — Christian Science Monitor. February 23, 1989.
- ⁷⁴ Rubin Barnett. The Fragmentation of Afghanistan. — Foreign Affairs. Winter 1989/90, p. 156.
- ⁷⁵ Afghanistan Forum, January 1990, p. 17.
- ⁷⁶ Afghanistan Forum, March 1990, p. 14.
- ⁷⁷ The New York Times, 12.03.1990.
- ⁷⁸ Afghanistan Forum, July 1990, p. 6.
- ⁷⁹ Los Angeles Times, 20.12.1989.
- ⁸⁰ New York Times, May 24, 1989, p. A12.
- ⁸¹ Washington Post, September 2, 1989, p. A20.
- ⁸² New York Times, October 10, 1989, p. A17.
- ⁸³ South China Morning Post, 27.03.1990.
- ⁸⁴ Pakistan Times, 10.03.1990.
- ⁸⁵ Rubin Barnett. The Fragmentation of Afghanistan. State Formation... p. 267.

Глава IX

- ¹ Guardian, 14.10.1992.
- ² Rubin Barnett. The Fragmentation of Afghanistan. State Formation... p. 273.
- ³ Ibid., p. 273–274.
- ⁴ Хашимбеков Х. Узбеки Северного Афганистана. М., 1994, с. 49, 51.
- ⁵ Rubin Barnett. The Fragmentation of Afghanistan. State Formation... p. 275.
- ⁶ Плешов О.В. Движение «Талибан»: истоки фундаментализма. — Афганистан: война и проблемы мира. М., 1988, с. 40.
- ⁷ Коргун В.Г. Афганистан и Иран. — Афганистан: война и проблемы мира, с. 76.
- ⁸ Коргун В.Г. Афганистан на переломном этапе. — Афганистан на переходном этапе. М., 2002, с. 33.
- ⁹ Коргун В.Г. Афганистан и Иран. — Афганистан: война и проблемы мира, с. 78, 88.
- ¹⁰ Iran News, 20.07.1996.
- ¹¹ Эттелаат, 20.07.1996.
- ¹² Салам, 15.08.1996.
- ¹³ Сикоев Р.Р. Талибы (религиозно-политический портрет). М., 2002, с. 67.
- ¹⁴ Там же, с. 72.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же, с. 102.

¹⁸ Усама бен Ладен скупал талибов. www.dawn-usa.com. BBC News. December 1, 2001.

Заклучение

¹ «Afghanistan secures 50 million dollars to disarm militiamen». — <http://www.myaafghan.com>., February 23, 2003.

² Ibid.

³ Известия, 12.02.2002.

⁴ Daily Times (Pakistan), 04.01.2003.

⁵ Независимая газета, 10.06.2002

⁶ Las Vegas Sun, 20.02.2003.

⁷ Daily Times, 04.02.2003.

⁸ Ibid.

⁹ Arms Donation Signals Stake in Afghanistan. — <http://www.afgha.com>, January 20, 2003.

¹⁰ Jang (Pakistan), April 07, 2003.

¹¹ Reuters — Islamabad, 10.08.03.

¹² UPI, 12.08.03.

¹³ Ibid.

¹⁴ Afghan Free Press, 24.09.03.

Краткая хроника событий

- Октябрь 1901 г. — смерть эмира Абдуррахмана, восшествие на престол эмира Хабибуллы.
- 21 октября 1905 г. — подписан англо-афганский договор, подтверждающий прежние обязательства сторон.
- 31 августа 1907 г. — Россия и Англия подписали соглашение о разграничении сфер влияния в Персии, Афганистане и Тибете.
- 24 августа 1914 г. — эмир Хабибулла-хан провозгласил нейтралитет Афганистана в Первой мировой войне.
- 7 сентября 1915 г. — австро-германо-турецкая миссия прибыла в Кабул.
- 20 февраля 1919 г. — убийство эмира Хабибуллы
- 28 февраля 1919 г. — коронация эмира Амануллы.
- 27 марта 1919 г. — советское правительство первым в мире официально объявило о признании независимости Афганистана.
- Май 1919 г. — война Афганистана за независимость (третья англо-афганская война).
- 21 августа 1919 г. — подписано прелиминарное англо-афганское соглашение в Равалпинди; прибытие первой советской дипломатической миссии в Кабул.
- 28 февраля 1921 г. — подписан советско-афганский Договор о дружбе.
- 22 ноября 1921 г. — подписан англо-афганский договор с признанием полной независимости Афганистана.
- 9 апреля 1923 г. — принята первая афганская конституция.
- 1924 г. — антиправительственное восстание в Хосте.
- 31 марта 1926 г. — Советский Союз заключил с Афганистаном Договор о нейтралитете и взаимном ненападении (Пагманский пакт).
- Декабрь 1927 г. — король Аманулла отправился в длительное зарубежное турне.
- Август-сентябрь 1928 г. — заседания Лоя джирги.
- 12 ноября 1928 г. — начало антиправительственного восстания.
- 14 января 1929 г. — отречение короля Амануллы.
- 18 января 1929 г. — провозглашение Бачаи Сакао эмиром Афганистана под именем Хабибуллы Гази.
- 23 мая 1929 г. — Аманулла покидает Афганистан.
- Октябрь 1929 г. — приход к власти короля Надир-шаха.
- 31 октября 1931 г. — провозглашена новая конституция Афганистана.
- 8 ноября 1933 г. — убийство короля Надир-шаха, восшествие на престол короля Мухаммада Захир Шаха.
- 1937 г. — Афганистан стал членом Саадабадского пакта.
- 1939 г. — принято решение о нейтралитете Афганистана во Второй мировой войне.
- Октябрь 1941 г. — нота правительств СССР и Великобритании правительству Афганистана о пресечении деятельности агентуры стран «оси».

- 1946 г. — Афганистан стал членом ООН.
- 1947 г. — возникновение оппозиционного движения «Виш заль-мийан».
- 1952 г. — разгром оппозиционного движения.
- 1953 г. — к власти пришел премьер-министр Мухаммад Дауд.
- Декабрь 1955 г. — визит Н. Булганина и Н. Хрущева в Кабул.
- 1956 г. — советско-афганское соглашение о военном сотрудничестве.
- 1959 г. — визит премьер-министра М. Дауда в США.
- 1959 г. — визит президента США Д. Эйзенхауэра в Кабул.
- Август 1962 г. — приостановлены дипломатические отношения между Афганистаном и Пакистаном.
- Октябрь 1964 г. — принята новая конституция Афганистана.
- 1 января 1965 г. — учредительный съезд Народно-демократической партии Афганистана (НДПА).
- Октябрь 1967 г. — раскол НДПА на фракции «Хальк» и «Парчам».
- 17 июля 1973 г. — государственный переворот в Кабуле. Афганистан провозглашен республикой.
- 27 августа 1973 г. — обращение главы Республики Афганистан М. Дауда к нации.
- Июль 1975 г. — антиправительственный мятеж в Панджшире.
- Февраль 1977 г. — заседание Лоя джирги; принятие республиканской конституции. М. Дауд избран президентом Республики Афганистан.
- Июль 1977 г. — объединительный пленум ЦК НДПА.
- Апрель 1977 г. — визит М. Дауда в Советский Союз.
- 27 апреля 1978 г. — военный переворот в Кабуле (Апрельская революция); к власти приходит НДПА. Афганистан провозглашен Демократической Республикой Афганистан (ДРА).
- 9 мая 1978 г. — опубликованы «Основные направления революционных задач».
- Июнь 1978 г. — раскол в НДПА; группировка «Хальк» захватывает власть.
- Август 1978 г. — антиправительственный заговор парчамистов.
- 5 декабря 1978 г. — подписание в Москве советско-афганского Договора о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве.
- Февраль 1979 г. — убийство в Кабуле посла США в Афганистане А. Дабса.
- Март 1979 г. — антиправительственный мятеж в Герате.
- Сентябрь 1979 г. — в результате государственного переворота власть в стране захватил Х. Амин.
- 8 октября 1979 г. — по приказу Х. Амина убит Н.М. Тараки.
- 27 декабря 1979 г. — вторжение советских войск в Афганистан.
- 28 декабря 1979 г. — к власти в стране пришел Б. Кармаль.
- 18 июля 1981 г. — учредительный съезд Национального Отечественного Фронта ДРА.
- 1985 г. — объединение афганской исламской оппозиции в Исламский союз моджахедов Афганистана.

- Апрель 1986 г. — на пленуме ЦК НДПА Наджибулла «избран» его генеральным секретарем.
- Январь 1987 г. — провозглашение Политики национального примирения.
- Ноябрь 1987 г. — на заседании Лоя джирги принята новая конституция. Наджибулла избран президентом Республики Афганистан.
- Март 1988 г. — подписание Женевских соглашений по Афганистану.
- Апрель 1988 г. — парламентские выборы.
- 15 мая 1988 г. — начало вывода советских войск из Афганистана.
- 10 февраля 1989 г. — формирование в Пешаваре «переходного правительства Афганистана» во главе с президентом С. Моджадиди.
- 15 февраля 1989 г. — окончание вывода советских войск из Афганистана.
- Март 1990 г. — антиправительственный мятеж генерала Ш.Н. Таная в Кабуле.
- Июнь 1990 г. — общенациональная конференция НДПА, переименованной в партию «Отечество» («Ватан»).
- Сентябрь 1991 г. — подписание советско-американского соглашения о прекращении военных поставок кабульскому режиму и моджахедам.
- Апрель 1992 г. — падение режима Наджибуллы; приход к власти моджахедов (исламская революция). Афганистан провозглашен Исламским Государством Афганистан.
- Апрель 1993 г. — подписано Джалалабадское соглашение моджахедов.
- Июнь 1993 г. — сформировано коалиционное правительство премьер-министра Г. Хекматияра.
- Октябрь 1994 г. — появление талибов в Афганистане.
- Апрель 1996 г. — лидер талибов мулла Мухаммад Омар провозглашен «повелителем правоверных», а территория, контролируемая талибами, — Исламским Эмиратом Афганистан.
- Сентябрь 1996 г. — взятие талибами Кабула.
- Сентябрь 1996 г. — появление в Афганистане Осамы бен Ладена.
- 9 августа 1998 г. — талибы взяли штурмом северную столицу Афганистана г. Мазари-Шариф.
- Август 1998 г. — американская бомбардировка лагерей и баз «Аль-Каиды» на востоке Афганистана.
- Октябрь 1999 г. — введены санкции ООН против талибов с требованием выдачи Осамы бен Ладена.
- Декабрь 1999 г. — введено военное эмбарго ООН против талибов.
- Март 2000 г. — талибы уничтожают статуи Будды — памятники мировой культуры.
- 9 сентября 2001 г. — гибель лидера антиталибской коалиции Ахмад Шаха Масуда.
- 11 сентября 2001 г. — теракты в Нью-Йорке и Вашингтоне.
- 7 октября 2001 г. — начало международной антитеррористической операции в Афганистане.

Ноябрь 2001 г. — ликвидация режима талибов.

Декабрь 2001 г. — Боннская конференция по Афганистану; формирование Временного правительства Афганистана во главе с Хамидом Карзаем.

Январь 2002 г. — конференция стран-доноров в Токио по оказанию помощи в восстановлении Афганистана.

Июнь 2002 г. — заседания Лоя джирги; Хамид Карзай избран президентом Исламского Государства Афганистан; сформировано Переходное правительство во главе с Х. Карзаем.

Январь 2004 г. — на заседании Лоя джирги принята конституция Исламского Государства Афганистан.

Список источников и литературы

- Актуальные проблемы афганской революции. Под ред. Аруновой М.Р. и др. М., 1984.
- Алексеев* А. Аграрный вопрос в Афганском Туркестане. М., 1933.
- Арунова М.Р.* Афганская политика США. М., 2000.
- Афганистан: война и проблемы мира. Под ред. Давыдова А.Д. М., 1988.
- Афганистан на переходном этапе. Под ред. Коргуна В.Г. и Аруновой М.Р. М., 2002.
- Ахрамович Р.Т.* Афганистан после Второй мировой войны. М., 1961.
- Ахрамович Р.Т.* Афганистан в 1961–1966 гг. М., 1967.
- Бабаходжаев М.А.* Финансово-налоговая политика эмира Абдурахмана и положение народных масс. — Очерки по новой истории Афганистана. Ташкент, 1966.
- Боронбеков С.* Уголовное и уголовно-исполнительное право Афганистана. Рязань, 1993.
- Валишев А.* Чекистские будни. Душанбе, 1988.
- Вопросы истории. М., 1949, № 7.
- Вопросы экономики Афганистана. М., 1963.
- Гуревич Н.М.* Внешняя торговля Афганистана до Второй мировой войны. М., 1959.
- Гуревич Н.М.* Экономическое развитие Афганистана. М., 1966.
- Гуревич Н.М.* Очерк истории торгового капитала в Афганистане. М., 1967.
- Губар Мир Гулам Мухаммад.* Афганистан на пути истории. Под ред. Ганковского Ю.В. и Коргуна В.Г. Пер. и ком. Давлятова Муллошо. М., 1987.
- Давыдов А.Д.* Социально-экономическая структура деревни Афганистана. М., 1976.
- Давыдов А.Д.* Аграрное законодательство Демократической Республики Афганистан. М., 1984.
- Давыдов А.Д.* Афганистан: войны могло не быть. М., 1993.
- Давыдов А., Черняховская Н.* Афганистан. М., 1973.
- Ежов Г.П.* Афганистан. Краткий биографический справочник. М., 2002.
- Имомов Ш.* История общественной мысли Афганистана во второй половине XIX — первой половине XX века. М.—Душанбе, 2001.
- Из истории гражданской войны в СССР: сборник документов и материалов, 1918–1922. М., 1961. Т. III.
- Иран, Афганистан, Синьцзян. М., 1936.
- История Афганистана. Под ред. Ганковского Ю.В. М., 1982.
- История вооруженных сил Афганистана. 1747–1977. Под ред. Ганковского Ю.В. М., 1985.
- Конституция Демократической Республики Афганистан. Кабул, 1366 (1987).

- Коргун В.Г.* Афганистан в 20–30-е гг. XX в. М., 1979.
- Коргун В.Г.* Интеллигенция в политической жизни Афганистана. М., 1983.
- Коргун В.Г.* Афганистан: Политика и политики. М., 1999.
- Очерки по новой истории Афганистана. Ташкент, 1966.
- Панин С.Б.* Россия и Афганистан. Иркутск, 1995.
- Панин С.Б.* Советская Россия и Афганистан. 1919–1929. М.–Иркутск, 1998.
- Пикулин М.Г.* Развитие национальной экономики и культуры Афганистана. 1955–1960. Ташкент, 1961.
- Пластун В.Н.* Эволюция деятельности экстремистских организаций в странах Востока. Новосибирск, 2002.
- Поляк А.А.* Экономический строй Афганистана. М., 1964.
- Правда об Афганистане. М., АПН, 1980.
- Развивающаяся Азия. Под ред. Арабаджяна А.З. М., 1973.
- Революционные движения и империалистическая контрреволюция. М., 1987.
- Рейснер И.М.* Афганистан. М., 1929.
- Ромодин В.А.* Очерки по истории и истории культуры Афганистана. М., 1983.
- Россия и Афганистан. Под ред. Капицы М.С. М., 1989.
- Рубинштейн.* Внешняя политика советского государства в 1921–1925 годах. М., 1953.
- Сикоев Р.Р.* Талибы (религиозно-политический портрет). М., 2002.
- Слинкин М.Ф.* Народно-демократическая партия Афганистана у власти. Симферополь, 1999.
- Современный Афганистан. Под ред. Дворянкова Н.А. М., 1960.
- Спольников В.Н.* Афганистан. Исламская оппозиция. М., 1990.
- СССР и Турция. 1917–1979. М., 1981.
- Теплинский Л.Б.* 50 лет советско-афганских отношений. М., 1971.
- Теплинский Л.Б.* Афганистан – наш сосед. М., 1978.
- Теплинский Л.Б.* СССР и Афганистан. 1919–1981. М., 1982.
- Теплинский Л.Б.* История советско-афганских отношений. М., 1988.
- Тихонов Ю.* Афганская война Третьего рейха. М., 2003.
- Треплев К.* Что произошло в Афганистане. – Туркменоведение. 1930, № 16.
- Файз Мухаммад.* Книга упоминаний о мятеже. Под ред. Ганковского Ю.В. Пер. и ком. Шкирандо А.И. М., 1988.
- Халфин Н.А.* Провал британской агрессии в Афганистане (XIX – начало XX в.). М., 1959.
- Хашимбеков Х.* Узбеки Северного Афганистана. М., 1994.
- Черняховская Н.И.* Развитие промышленности и положение рабочего класса Афганистана. М., 1965.
- Шиван Мухаммад Рахим.* Воспоминания. М., 1964.

- Арни Джордж.* Афганистан — гозаргах-е кешваркашьян. (Афганистан — перекресток завоевателей.) Пешавар, 1981 (на языке дари).
- Баянийе-йе рафик Хафизулла Амин дар марасем-е ефтах-е анститу-йе олум-е иджтимаи-йе комите-йе маркази-йе хезб-е демократик-е халк-е Афганистан. (Речь Х. Амина на церемонии открытия Института общественных наук при ЦК НДПА.) Кабул, октябрь 1979 (на языке дари).
- Белграми Асгар Хасан. Афганистан ва Хенд-е Бретаневи. (Афганистан и Британская Индия.) Кабул, 1982 (на языке дари).
- Биографи-йе рафик Нур Мухаммад Тараки мунши-йе омуми-йе комите-йе маркази-йе хезб-е демократик-е халк-е Афганистан. (Биография Генерального секретаря ЦК НДПА товарища Н.М. Тараки.) Кабул, октябрь 1978 (на языке дари).
- Ведан Факир Мухаммад.* Дашнеха-йе сорх. (Красные кинжалы.) Пешавар, 1996 (на языке дари).
- Губар Мир Гулам Мухаммад.* Афганистан дар масир-е тарих. (Афганистан на пути истории.) Кабул, 1967 (на языке дари).
- Канун-е асаси-йе даулат-е падшахи-йе Афганистан. (Конституция королевства Афганистан.) Кабул, 1964 (на языке дари).
- Канун-е асаси-йе джомхурият-е Афганистан (Конституция Республики Афганистан.) Кабул, 1977 (на языке дари).
- Кушакки Бурхануддин.* Надер-е Афган. (Надир Афганский.) Кабул, 1931 (на языке дари).
- Кушакки Сабахуддин.* Дахе-йе канун-е асаси. (Десятилетие конституции.) Исламабад, 1983 (на языке дари).
- Маджмуэ-йе ихсайеви-йе Афганистан. (Статистический сборник Афганистана.) Кабул, 1971 (на языке дари).
- «Низамнаме-йе Асаси-йе Даулат-е Алийе-йе Афганистан». («Основное положение Высокого государства Афганистан».) Кабул, 1923 (на языке дари).
- «Низамнаме-йе-малийя». («Положение о земельном налоге».) Кабул, 1920 (на языке дари).
- «Низамнаме-йе ташкилат-е даулат-е али-йе Афганистан». («Положение об административном устройстве Высокого Государства Афганистан».) Кабул, 1923 (на языке дари).
- «Низамнаме-йе форуш-е амляк-е саркари». («Положение о продаже государственных земель».) Кабул, 1923 (на языке дари).
- Осул-е асаси-йе даулат-е али-йе Афганистан.* (Конституция Высокого государства Афганистан.) Кабул, 1931.
- Панджшири Гулам Дастегир.* Пайдаеш ва рошд-е сармайедари дар Афганистан. (Появление и развитие капитализма в Афганистане.) Кабул, 1973 (на языке дари, на правах рукописи).
- Руйдад-е риясат-е диван-е али-йе хокумат-е шахи-йе Афганистан. (Решения Верховного суда Королевского правительства Афганистана.) Кабул, 1930 (на языке дари).

- Фарханг Мир Мухаммад Сиддик.* Афганистан дар пандж карн-е ахир. (Афганистан в последние пять веков.) Кум (Иран), 1992 (на персидском языке).
- Хабиби Абдулхай.* Джомбеш-е машрутият дар Афганистан. (Конституционное движение в Афганистане.) Кабул, 1984 (на языке дари).
- Хашими, Сеид Саадуддин.* Афганистан-е моассер. (Современный Афганистан). Кабул, 1980 (на языке дари).
- Хашими Сеид Саадуддин.* Тарих-е навин-е Афганистан (Новая история Афганистана.) Кабул, 1988 (на языке дари).
- Хотут-е асаси-йе вазаеф-е инкилаби-йе джомхури-йе демократик-е Афганистан. (Основные направления революционных задач Демократической Республики Афганистан.) Кабул, май 1978 (на языке дари).
- Akhramovich R.T.* Outline History of Afghanistan After the Second World War. M., 1966
- Adamec Ludwig W.* Afghanistan 1900–1923: A Diplomatic History (Berkeley and Los Angeles: University of California Press). 1967.
- Adamec Ludwig W.* Afghanistan's Foreign Affairs to the Mid-Twentieth Century: Relations with the USSR and Britain (University of Arizona Press). 1974.
- Afghanistan. A country study. Washington, 1980.
- Afghanistan in the 1970-s. Edited by Louis Dupree and Linette Albert. New York, 1974.
- Afghanistan: Soviet Occupation and Withdrawal. Washington, US Department of State. December 1988.
- Ali Mohammed.* Progressive Afghanistan. Lahore, 1933.
- Arnold Anthony.* Afghanistan's Two-Party Communism: Parcham and Khalq. Stanford, California: Hoover Institution Press, 1983.
- Arnold Anthony.* The Ephemeral Elite. The Failure of Socialist Afghanistan. – Political Parties and Restructuring Order in Socialist Afghanistan. New York, 1988.
- Bradsher Henry.* Afghanistan and the Soviet Union. Durham (USA), 1983.
- Chokaiev Mustapha.* The Situation in Afghanistan. – The Asiatic Review. London, April 1930.
- Dupree Louis.* Afghanistan. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1973.
- Fletcher Arnold.* Afghanistan: Highway of Conquest. Current History. Ithaca, New York, January 1950.
- Fletcher Arnold.* Afghanistan: Highway of Conquest. Ithaca, Cornell University Press, 1965.
- Fraser-Tytler W.K.* A History of Afghanistan. A Study of Political Development in Central Asia. Lahor, 1950.
- Fraser-Tytler W.K.* Afghanistan. London, 1967.
- Galster Stephen R.* Washington, Moscow and the Struggle for Kabul. The Cold War Continues in Afghanistan. New York. May 1990.
- Ghaus Abdul Samad.* The Fall of Afghanistan. New York, 1988.

- Ghobar Mir Gholam Mohammad*. Afghanistan in the Course of History. Alexandria, USA. Volume II. 2001.
- Gregorian Vartan*. The Emergence of Modern Afghanistan. Stanford, California, 1969.
- Ikbāl Ali Shah*. Afghanistan of the Afghans. London, 1929.
- Ikbāl Ali Shah*. The Modern Afghanistan. London, 1938.
- Poullada Leon*. Reform and Rebellion in Afghanistan, 1919–1929. Cornell (Ithaca and London), 1973.
- President and Prime Minister Mohammad Daoud's Speeches of July 17 and August 23, 1973. Kabul, 1973.
- Press Trust of India Report, 18 January 1980.
- Raja Anwar*. The Tragedy of Afghanistan. London, New York, 1988.
- Rubin Barnett*. The Fragmentation of Afghanistan. — Foreign Affairs. Winter 1989/90.
- Rubin Barnett*. The Fragmentation of Afghanistan. State Formation and Collapse in the International System. Yale University, 1995.
- Reshtiya Seyid Qasim*. Journalism in Afghanistan. Kabul, 1948.
- Saikal Amin*. The Rise and the Fall of the Shah. Princeton, 1980.
- Soviet-Afghan Relations. Afghan Government Publication, Kabul, November, 1984.
- Stewart Rea Tally*. Fire in Afghanistan, 1914–1929. New York, 1973.
- Sykes Persy*. A History of Afghanistan. Vol. II. London, 1940.
- Sykes Sir W. Kerr*. Afghanistan: A Study of Political Developments in Central and Southern Asia. Oxford, 1953.
- Wild Roland*. Amanullah, ex-King of Afghanistan. London, 1932.
- 1989 Yearbook of International Communist Affairs. Stanford: Hoover Institution Press, 1989.

Указатель географических названий

- Австрия 244, 268, 463
Агра 23
Аден 443
Азия 5, 24, 275, 306, 307, 396
Альмара 277
Амударьинский округ 79
Амударья 6, 11, 65, 132, 258, 313, 335, 438, 458
Анкара 144, 450
Аравийское море 269
Арахосия 5
Аргандаб 259, 282–283
Арея 5
Арк 37
Асмар 415
Афганский Туркестан 9–11, 26, 89, 113, 127–128, 202
Афины 269
Африка 5, 307
Ашхабад 450
Баг 61
Багдад 24, 40, 50, 269
Баг-е Бала 169, 174–175
Баглан 111, 258, 434–445, 451, 458
Баграм 314
Бадахшан 11–12, 35, 38, 130, 229, 233
Бадахшан, провинция 26, 89, 186, 382, 459
Бадгис 450
Баджаур 128, 320
Бактрия 5
Баку 80, 352
Бала-Хисар 414
Балтика 45
Балх 258, 449, 467
Бамиан 6, 461
Бангладеш 326
Бармаль 472
Бахрейн 440
Бейрут 311
Белуджистан 8, 45, 48, 52, 272, 326, 399–400, 472
Бельгия 75, 131, 463
Бенарес 126
Берлин 24, 48, 80, 130, 138, 142, 219, 232, 235, 265, 269, 271–273
Бирма 128
Ближний Восток 7, 24, 266–267, 269, 308
Болгария 345, 408, 413
Боливия 146
Бомбей 23, 74, 135, 138, 196, 211, 235
Бонн 462, 466
Босния 459
Босфор 149, 301
Бразилия 268
Британская империя, см. Великобритания
Британская Индия 12, 17, 32, 58, 61, 73–74, 81, 117, 120–121, 123, 128, 141, 271–272, 275, 299
Бухара 16, 70, 73, 76–79, 83, 125, 131, 260
Бухарская Народная Советская Республика, см. Бухара
Бухарская Республика, см. Бухара
Бухарский эмират, см. Бухара
Вазиристан 271, 277
Варшава 142
Вахан 26
Вашингтон 75, 244–245, 268, 282, 301, 302, 206, 321, 379, 409–410, 424–425, 427, 444, 450, 470, 471, 533
Великобритания 5, 9, 10, 16–17, 19–21, 23–27, 46, 48–49, 51–52, 55–56, 59–60, 64–65, 70–

- 71, 73, 77, 80–82, 100–101, 104, 108, 112–113, 119, 123, 129–132, 134, 137, 140, 142–144, 147, 155, 157, 164, 172, 182, 188, 197–198, 200, 205, 207–209, 211, 214, 228, 230, 238–246, 257, 265–267, 270, 272–274, 278, 299–300, 307, 345, 410, 417, 463, 466, 530–531
- Венгрия 244, 268, 408
- Волга 6
- Восточная Бухара 77, 80
- Восточная провинция 164, 187, 189–190, 207–210, 214–215, 232
- Восточный Афганистан 81
- Вьетнам 408
- Высокая Порта 49
- Гавана 412
- Газневидская империя 6
- Газни 8, 11, 30, 67, 70, 127, 193–195, 215, 217, 228, 233, 264, 335, 361, 451
- Гандхара 5
- Гардез 119, 210, 213, 215, 277, 451
- Гвалиор 23
- Герат 5, 7–8, 10–11, 37, 50, 65–66, 70, 97, 100, 111–113, 138, 146, 188, 193–194, 197, 201, 202, 204, 217, 229, 232–236, 246, 253, 258–259, 263–264, 273, 313, 335–336, 362, 414, 441, 443, 470, 532
- Гератская провинция 26, 89, 130, 275, 450, 453, 464, 467
- Гератский оазис 11
- Гератское княжество 8
- Герируд, река 11
- Германия 24, 47, 49–52, 75, 99, 102, 104, 108, 113, 130–131, 138–139, 146, 152, 157, 188, 203, 206, 220, 228, 230, 232, 244, 247–250, 259, 267, 269–274, 277, 299, 309, 325, 333, 337, 361–362, 410, 417, 443, 463, 466
- Германская Демократическая Республика 408
- Гильменд 30, 268, 282–283, 337, 345, 397, 451, 472
- Гиндукуш 8, 181, 233, 309, 314, 335, 455
- Голландия 244, 268, 463
- Горбанд, река 191
- Греко-Бактрийское царство 6
- Греция 48, 83, 463
- Гульбахар 311, 364
- Гур 367, 450
- Гурбанд 38
- Дакка 17, 61, 162, 172, 208
- Дальний Восток 19
- Дамаск 40, 269, 271
- Дания 244, 268, 272, 463
- Дарваз
- Дар уль-Аман 114, 141, 149, 234
- Дарунта 335
- Дейдади
- Дели 7, 18, 20, 23, 57, 134, 139, 172, 232, 235, 362, 446, 454, 470
- Дерадун 126, 210
- Дера 136
- Держава Дуррани (Дурранийская держава) 8
- Джабаль ус-Сирадж 30, 168, 173, 235, 237, 257, 259, 310–311, 337
- Джагдалак 208
- Джалалабад 13, 15, 22, 30, 37, 54, 56–58, 61, 74, 84, 111, 114, 121, 127, 134, 161–163, 165, 167, 168–169, 173, 190, 192, 207–208, 210, 212, 214, 218, 228, 233, 235, 237, 310, 320, 335, 361, 439, 442, 448, 453, 470
- Джалалабадский оазис 12
- Джангалак 173, 258, 310
- Дрангиана 5
- Джаузджан 449
- Душанбе 451, 468
- Европа 5, 41, 43, 45–47, 64, 75, 76, 83, 100, 108, 110, 118, 121, 133–139, 146–147, 150, 157,

- 163, 165, 196, 206, 228, 233,
241, 244, 261, 266, 269, 272,
275, 279, 336
- Египет 104, 110, 131, 135–136,
220, 267, 308, 315–316, 327,
360, 395, 408, 410, 417
- Женева 427, 439
- Заболь 472
- Закавказье 6
- Закаспийская область 53, 60
- Западный Афганистан 217
- Западный Пакистан 307–308, 326
- Западный Панджаб 272
- Израиль 426
- Индийский океан 424
- Индия 5, 7–10, 13–14, 16–17,
19–24, 26, 30–33, 40, 45, 48,
50, 52–53, 57, 60–63, 66–70,
74, 76–77, 80–82, 101, 108,
113, 118, 125, 128–129, 133–
134, 136–137, 140–141, 146,
154, 159, 161, 167, 170, 172,
182, 188, 190, 193–195, 206,
210–211, 215, 232, 242–243,
245–246, 250, 261–262, 266,
270–273, 278–279, 298, 300,
311, 327, 337, 395, 411, 443,
469–470
- Индонезия 307
- Ипи 273–274
- Ирак 244, 266, 307, 379, 397, 472
- Иран 6, 34, 66, 75, 100, 131, 142,
144, 147, 154, 190, 196–197,
207, 217, 221, 234, 237, 265–
268, 274, 299, 301, 308, 311,
316, 337, 345, 362, 367, 385,
395–397, 399–400, 408–409,
416, 424, 439–440, 447–448,
450, 454, 469–471, 530
- Исламабад 316, 399–400, 408,
448, 450, 452, 454, 471, 473
- Ислам-Кала 336
- Испания 191, 244, 268, 463
- Исфахан 7
- Италия 48, 75, 104, 131–132,
136–137, 146, 196, 244, 262,
267, 269–270, 277, 374, 463
- Ишпушта 311
- Кабул 5, 7–9, 12–14, 19–22, 26–
27, 30, 32–33, 35, 49–52, 56–
74, 79–81, 88–89, 100, 102,
105–114, 119–124, 127–131,
133–134, 136, 138, 142–143,
147–149, 153–154, 156, 159–
162, 164–176, 186, 188–190,
192–195, 197–201, 203–204,
206–207, 209, 210, 212–213,
215–217, 227–230, 232–237,
240, 244–248, 250–251, 253,
256, 258–259, 262–270, 272–
274, 276–278, 282–283, 296–
297, 299–302, 306–308, 310–
311, 313–316, 321, 326–327,
335–337, 340, 344–345, 352,
354, 359–362, 364, 367–368,
371, 379, 382, 395–400, 407–
413, 417–421, 423, 428–429,
431, 433–436, 438–439, 441–
455, 457, 461, 463–467, 469–
471, 473–474, 504, 530–532
- Кабул, река 11–12, 129, 335, 337
- Кабульская провинция 26, 94,
105, 132, 209, 263, 449
- Кабульское княжество 8
- Каджаки 336
- Каир 135
- Кала-йе гуш
- Кала-йе Мурад-бег 169
- Кала-йе Нау
- Калакан 167–168, 248
- Калат 194
- Калькутта 23, 74, 188, 235, 252
- Канада 327
- Кандагар 6–7, 10–11, 13, 17, 28,
30, 37, 70, 74, 100, 111, 113,
124, 127, 134, 138, 146, 149,
171, 175–176, 188–190, 192–
195, 198–200, 207, 210–212,
217, 228–229, 232–235, 237,
246, 253, 258–259, 263–265,
273, 310–313, 320, 335–336,
345, 354, 364, 367, 399, 434–
435, 451, 454–457, 459, 464,
470

- Кандагарская провинция 26, 89,
 126, 194, 282, 467
 Кандагарский оазис 11
 Кандагарское княжество 8
 Канигурам 271
 Карачи 40, 74, 134–135, 193–194,
 235, 272, 299
 Каркара
 Каспий 145, 453
 Каттаган, провинция 99, 111,
 130, 186, 229, 258
 Кафиристан 10
 Кашмир 8, 272, 301, 459–460
 Кветта 74, 235, 434, 452, 472
 Кения 460
 Китай 5, 7, 42, 108, 172, 259, 337–
 338, 345, 357, 359, 426, 469
 Кокча, река 258
 Константинополь 144, 196, 217
 Корейская Народно-Демократи-
 ческая Республика 443
 Косово 459–460
 Крым 144
 Куба 408
 Кувейт 398
 Кунар 164, 209, 415, 440, 451
 Кундуз 11–12, 258, 270, 305, 364,
 449, 451, 458, 467, 470
 Куррам
 Куррамская долина 61, 241
 Кухдаман 167–170, 174, 246, 248,
 381
 Кухистан 111, 123, 161, 167–168,
 173, 175, 214
 Кушанское царство 6
 Кушка 53, 60, 65, 70, 141, 201,
 313, 335, 362
 Кызыл-Кала 314
 Лагман 56, 209, 258
 Ланди Коталь 61
 Лахор 194
 Латвия 146
 Лейпциг 237
 Ленинград, см. Петербург
 Либерия 146
 Ливерпуль 140
 Литва 244, 268
 Логар 119, 126–127, 191, 443
 Логар, река 213
 Лондон 16, 20, 34, 49, 53, 57,
 67, 69, 71, 74, 133–135, 140–
 141, 143, 146, 170, 193–198,
 217, 219, 235, 237, 240, 245,
 272, 275, 300–301, 450
 Мавераннахр 6
 Мазари-Шариф 5, 65–66, 70, 97,
 100, 111, 143, 168, 188, 198–
 200, 202–206, 229, 232–235,
 258–259, 262–263, 265–266,
 275, 335, 361, 438, 439, 445,
 447, 450, 458, 470, 533
 Мазари-Шарифская провинция
 64
 Майванд 9, 121, 137, 172
 Маймана 66, 70, 152, 201–202,
 229, 259, 262, 264
 Майсур 68–69
 Малайзия 440
 Малая Азия 6, 83
 Манчестер 140
 Маргиана 5
 Матун 62, 172
 Махипар 337
 Мекка 237, 448
 Месопотамия 102
 Мешхед 453
 Милан 104
 Мираншах 126, 172
 Монголия 408, 438
 Москва 64, 66–72, 75, 78–80,
 121, 127, 129, 130, 132–133,
 138, 142, 144, 171, 193, 196–
 204, 206, 219, 237, 240–241,
 243, 245, 249, 260, 272, 306,
 308, 313, 315, 316, 322, 351–
 352, 367, 375, 379, 385, 394–
 398, 401, 407, 412, 417, 424,
 427–429, 436, 438, 443–444,
 450, 461, 467, 531
 Москва-река 142
 Московское государство (Москов-
 ское царство) 7
 Мургаб 5
 Мукур 128, 213
 Наглу 309, 311, 335

- Нангархар 119, 127, 314, 354
 Нангархарская провинция 126, 451, 453, 460, 464–465
 Наубахар 472
 Новая Зеландия 463
 Неаполь 136
 Никарагуа 409, 425
 Ницца 137, 170, 211
 Норвегия 244, 268, 272, 327, 463
 Нуристан 14, 416
 Нью-Йорк 275, 533
 Объединенная Арабская Республика 327
 Объединенные Арабские Эмираты 426, 460
 Оксфорд 34, 140
 Оренбург 31
 Османская империя, см. Турция
 Пагман 30, 123, 131, 149–150, 191
 Пакистан 298–302, 307–308, 311, 316, 320–321, 326, 337, 362, 366, 382–383, 396, 398–400, 408, 410, 416–417, 424–426, 434–435, 439, 441–442, 448, 450, 452–454, 458, 460, 465, 469–473, 531
 Пактика 472
 Пактия 28, 119, 277, 301, 354, 464
 Панджаб 8
 Панджшир 382, 458–459, 531
 Панджшир, река 191, 209
 Панджшир, ущелье 459
 Панджширская долина 458, 470
 Панипат 7
 Парачинар 74
 Парван 119, 338
 Париж 55, 121, 123, 127, 130, 137–138, 170, 211, 235, 237, 245, 304, 453
 Парфия 6
 Пендинский оазис 30, 50, 70, 362
 Персидский залив 385, 395–396, 417, 425
 Персия 7, 24, 31, 33, 47–48, 54, 60, 76, 101, 108, 137, 143, 145, 155, 172, 220, 244
 Петербург 24, 70, 144
 Петроград, см. Петербург
 Пешавар 8–9, 17, 22–23, 61, 74, 113, 121, 127, 135, 139, 171, 176, 194, 209, 212, 216–217, 234–235, 248, 260, 362, 416–417, 425, 440–442, 446, 472, 532
 Пешаварский округ 242, 244
 Пешаварское княжество 8
 Польша 75, 142, 146, 271, 408
 Порт-Саид 135
 Портсмут 140
 Португалия 463
 Прибалтика 75
 Пули-Хумри 257, 259, 311, 337, 364
 Пуштунистан 300–301, 306–307, 309, 314, 316, 322, 326, 399–401, 453
 Пяндж 309, 314
 Равалпинди 23, 62–63, 65, 439, 530
 Рим 6, 137, 196, 220, 341
 Ришхор 415
 Россия 5, 10, 13, 16, 18, 20–21, 23–25, 30–31, 34, 45–46, 49–54, 58, 64–66, 70–71, 76, 257, 260, 362, 450, 457, 467–469, 504, 530
 Россия (СОВ) 68–69, 71, 73–78, 80, 82–83, 101–102, 104, 123, 138, 140–144, 147, 172, 193, 239, 241
 РСФСР 53, 60, 75, 131
 Румыния 463
 Саланг 314, 381, 455, 459
 Саманган 458, 467
 Сароби 259, 311, 337
 Сарыпуль 311
 Саудовская Аравия 244, 308, 334, 363, 383, 397, 408, 410, 417, 425–426, 439–440, 448, 450, 453–454, 458, 460, 469
 Саутгемптон 140
 Северная Индия 7, 52
 Северный Афганистан 11, 80, 228, 236–237

- Северо-Западная Индия 6
Северо-Западная пограничная провинция (СЗПП) 214, 243, 277, 326, 399–400, 472
Сеистан 5
Сербия 48
Сефевидская держава 7
Сибирь 7, 104
Синд 8, 272
Синьцзян 459
Сирия 327
Сияхгерд 202
Спинбулдак 62, 190, 273, 336, 434
Спинвам 62
Советская Россия 55, 59–60, 65, 69, 71–74, 76, 135, 141, 154
Соединенные Штаты Америки 30, 60, 64, 75, 87, 137, 153, 159, 230, 244–245, 268–270, 275, 278–279, 281–283, 298–299, 301–302, 306–307, 309, 314–316, 320–321, 325, 333, 336, 338–339, 342, 345, 347–348, 351, 366–367, 402, 409–410, 417, 425–427, 435, 439–441, 444, 453, 455, 459–460, 462–463, 465–466, 468, 470–471, 473, 531, 532
Средний Восток 7, 8, 24, 307
Средняя Азия 5, 6, 9, 12, 16, 30–31, 64, 69, 72, 80, 83, 102, 104, 113, 154–155, 196, 199–201, 233, 237, 242, 265, 271, 274, 335
СССР 101, 104, 108, 112–113, 127, 132, 140, 142–144, 182, 188, 190, 193, 198–201, 204–205, 207–208, 217, 238, 240–242, 244–246, 261–262, 265–267, 270–275, 278, 282, 299, 301, 306–311, 313–315, 320, 322, 335–336, 338, 346, 352–353, 357, 362, 366–367, 369, 373, 381, 385, 395–398, 400, 407, 409, 413, 417–418, 421–422, 424–425, 427–428, 434–436, 443–444, 530, 531
Стамбул 40–41, 50, 276, 458
Стокгольм 142
Судан 440
Сулеймановы горы 138
Суркот 277
Сурхандарьинская область 205
Суэцкий канал 135, 290
Сырдарья 6
Тагао 161, 191, 195, 209
Таджикистан 80, 132, 200, 450–451, 470
Таджикская Автономная Область, см. Таджикистан
Таджикская АССР, см. Таджикистан
Таджикская ССР, см. Таджикистан
Тал 62
Талукан 258, 449, 455, 461
Танзания 460
Тахар 449, 458–459
Ташкент 31, 64, 66–68, 77, 80, 199, 233, 266, 434, 450
Ташкурган 204
Тегеран 130, 145, 244, 267, 269, 274, 321, 337, 383, 397, 400, 408, 417, 450, 459
Термез 171, 233–234, 259, 455
Тибет 25, 530
Тира 199
Тирана 269
Тирах 300
Тихий океан 45
Токио 245, 463, 467, 533
Торхам 234, 336
Турецкая Республика, см. Турция
Туркестан 16, 45, 48, 50, 64–66, 70, 76–77, 201
Туркестанская Республика 64
Туркменистан 79, 450, 453, 469, 473
Туркмения, см. Туркменистан
Туркменская ССР, см. Туркменистан
Турция 33, 37, 40, 46–47, 49, 51, 60, 75–76, 83, 102, 104, 108–109, 113, 115, 117, 125, 131,

- 143–145, 147, 150, 155, 172–173, 198, 200, 207, 220–221, 230, 232, 244, 247–248, 262, 265–268, 301, 308, 315, 367, 400, 458, 463
- Тянь-Шань 7
- Узбекистан 80, 205, 447, 450, 459, 461, 469–470
- Узбекская ССР, см. Узбекистан
- Урта-Тугай 132
- Урузган 472
- Фарах 11, 146, 194, 234
- Фарах, провинция 26, 229, 450–451
- Фарьяб 449, 458, 473
- Фергана 7
- Ферганская долина 460
- Финляндия 146, 244, 268, 463
- Франция 60, 75, 103–105, 107–109, 120, 125, 130, 134, 137–138, 146, 151–152, 157, 170, 211, 228, 230, 232, 244, 251, 269, 270, 272, 278, 327, 410, 417, 463, 466, 468
- Французская Республика, см. Франция
- Французская Ривьера 136
- ФРГ, см. Германия
- Хадда
- Хазараджат 12, 168, 195, 206, 416
- Хайбар 62, 233
- Хайбарский проход 61, 162, 169, 190
- Хайратан 429, 434, 438, 450
- Хамьяб
- Ханабад 152, 204, 235, 258, 264
- Хива 69–70, 76, 77, 79
- Хиджаз 244
- Хорасан 8
- Хорезм 6
- Хост 62, 103, 116–122, 125–127, 129, 136, 160, 162, 164, 209–210, 212, 246, 249, 264, 277, 337, 451, 460, 464, 530
- Чак-е Вардак 259
- Чакнаур 125, 165, 208
- Чакчаран 367
- Чаман 17, 134, 141, 193
- Чарасья 215, 447, 449
- Чарбаг 207–208
- Чарвелят 11
- Чардехи 191
- Чарикар 100, 111, 191
- Чехословакия 268–269, 309, 345, 408
- Чеченская Республика Ичкерия, см. Чечня
- Чечня 459–461
- Читрал 62
- Швейцария 108–109, 130, 133, 146
- Швеция 142, 244, 268, 327, 463
- Шеффилд 140
- Шиберган 311, 364
- Шинкай 472
- Ширпур 37
- Ширхан 309, 313, 335
- Энзели 145
- Эрзерум 52
- Эр-Рияд 383, 408, 439, 450
- Эстония 244, 268
- Эфиопия 409, 425
- Юго-Восточная Азия 336, 425
- Югославия 298
- Южная Африка 15
- Южная провинция 190, 195, 210, 228, 232
- Южный Йемен 425
- Япония 20–21, 24, 34, 60, 99, 230, 244–245, 262, 269, 277, 410

Указатель имен собственных

- Абави А.А. 432
Абдул Азиз 198–199
Абдул Вакиль 216, 445
Абдул Вали 316, 324, 332, 334, 372, 374, 385
Абдул Весе Кандагари 90–91
Абдул Васи 123
Абдул Гани (Абдул Гани Панджаби) 32, 34, 36–37
Абдул Гафур 185
Абдул Гаффар-хан (Гаффар-хан) 242–243, 300, 400
Абдул Гияс 216
Абдул Захир (А.Захир) 326, 340–342
Абдул Кадир, полевой командир, губернатор 453, 465–466
Абдул Кадир (А.Кадир) 385, 404, 411, 423
Абдул Карим 125–128
Абдул Карим Мисак (А.К.Мисак) 347, 436, 438, 443
Абдул Карим Халили (А.К.Халили) 454, 458
Абдул Каюм 340, 363
Абдул Каюм Лагмани 296
Абдул Куддус (Абдул Куддус-хан) 22, 38, 58, 62, 88, 127, 287, 340
Абдулла 119
Абдулла Абдулла (д-р Абдулла), министр 462, 473
Абдулла В. 394
Абдулла Вахеда 290
Абдулла Махмуди 357
Абдул Латиф 131
Абдул Маджид (А. Маджид)
Абдул Маджид Забули (Абдул Маджид, А.М. Забули, Забули) 236, 257, 273, 282, 293, 295–296, 325
Абдул Маджид Калакани (А.М. Калакани, М. Калакани, Калакани) 381
Абдул Малек (А. Малек) 458
Абдул Хабиб 88
Абдул Хади Дави 37, 39, 42, 73–74, 78, 111, 130–131, 143, 158, 184, 249–250, 284
Абдул Хади Махмуди 357
Абдулхай Азиз 287
Абдулхай Хабиби (А. Хабиби) 284, 298, 418
Абдул Халек 250
Абдул Халим Атефи 287
Абдул Хамид II 40
Абдул Хамид Мобарез (А.Х. Мобарез) 290, 363
Абдул Хамид-хан 39
Абдул Хусейн Азиз (Абдул Хусейн-хан Азиз) 38, 131, 249
Абдурраб Расул Саяф (А.Р. Саяф, Саяф) 360, 425, 439–440, 447, 449, 451
Абдурразак 379
Абдуррауф 415
Абдуррауф Бенава (А. Бенава) 284, 286, 298, 356–357, 418
Абдуррауф Кандагари 34
Абдурахим-хан 194, 202, 204
Абдурахимзай А.М. (Абдурахимзай) 305, 316
Абдурахман, министр 464
Абдурахман, судья 160
Абдурахман (Абдурахман-хан), эмир 6, 9–10, 13, 15–17, 19, 26, 40, 48, 58, 90, 94, 97, 101, 113–115, 139, 161, 183, 187, 199, 210, 260, 434, 530
Абдурахман Джами 7
Абдурахман Лодин 37, 39, 130–131, 158, 247–248

- Абдуррахман Махмуди (А. Махмуди) 286, 290, 292–293, 295, 297–298, 357
- Абдуррашад Рашад 356
- Абдуррашид 119, 128
- Абдуррашид Дустом (А. Дустом, Дустом) 434–435, 445–451, 454–455, 458, 464, 467, 470, 473
- Абдуссамад Азхар 379
- Абдуссамад Хамед (Хамед) 341, 367
- Абдушшукур 78
- Агабеков 196, 202
- Адамек Л. 21
- Азам 121
- Азам Хаджа 250
- Азизурахман, см. Аманулла
- Азим-хан (Мухаммад Азим-хан) 36–37
- Акрам 121
- Али Асгар Шоа 287
- Али Ахмад Наими 287
- Али Ахмад Попал (Попал) 365
- Али Ахмад-хан 40, 57, 62–63, 88, 127, 134, 162, 164, 167, 207–210, 217
- Али Мухаммад, министр 220, 274
- Али Мухаммад Бадахшани 296
- Али Мухаммад Захма 347
- Али Мухаммад Хоруш 287
- Алишер Навои 7
- Алла Наваз-хан 215
- Аманулла-хан (Аманулла) 14, 35–38, 40, 48, 55–70, 75–90, 92–93, 95–110, 112–118, 120–147, 149–171, 173–194, 196, 198, 200–204, 206–208, 210–213, 216–221, 223, 225–228, 231–235, 238–245, 247–253, 261, 263, 267, 271–272, 283, 457, 530
- Амин Джан 171, 206
- Аминулла 14
- Амптилл 20
- Анахита Ратебзад (А. Ратебзад, Ратебзад) 347–348, 404, 418–419, 428–429
- Андропов Ю. (Андропов) 417, 428
- Арунова М.Р. 409
- Асадулла 220
- Аслам Ватанджар (А. Ватанджар) 404, 413, 420, 443, 445
- Ататюрк, см. Мустафа Кемаль
- Атаулхак 185
- Ахмад Али-хан 168
- Ахмад Али Кохзад 287
- Ахмад Али Попаль 340
- Ахмадзай Ш. 411
- Ахмад Зия (А. Зия) 383, 385
- Ахмад Шах, принц 374
- Ахмад-шах, падишах 8, 139
- Ахмад-Шах 56, 219
- Ахмад Шах Масуд 383, 431–432, 441, 445–449, 451, 455, 459–461, 464, 533
- Ахромович Р.Т. 324
- Ахундзада 161, 170
- Аюб-хан 121, 137, 172
- Баба Джан 423
- Бабрак Гостали 286
- Бабрак Кармаль (Б. Кармаль, Кармаль) 295–298, 332, 347–348, 351–353, 375, 384, 401, 403–404, 410–411, 418, 421, 423, 428–429, 438, 442–443, 450–451, 532
- Бадри-бей 84
- Барат Али Тадж 287
- Барьялай М. 428–429, 438, 450
- Басов В. 394
- Бачаи Сакао (Сакао) 123, 161, 167, 168–170, 173–176, 182–192, 194–199, 201–202, 205–217, 221, 232, 241–242, 247, 253, 530
- Башир Баглани 431
- Баэс Б. 381, 415
- Бейкер Дж. 444
- Белграми А. 19
- Бехзад 7
- Бжезинский З. 409
- Бируни 6
- Боруджерди А. 454
- Бравин, Николай (Бравин) 64–66
- Браун Х. 454

- Брежнев Л. 398, 412, 417
 Булганин Н. 308-309, 531
 Бурхануддин Кушкаки 111, 212
 Бурхануддин Раббани 360, 382, 414, 416-417, 431, 440, 444, 446-450, 453-455
 Буш Дж. 471
 Бхутто З.А. 382-383, 399-400
 Бюлов, фон 19
 Вали Мухаммад Атаи (В.М. Атаи) 290-291
 Вардак А.К. 394
 Васефи А. 385, 394
 Вафадар П.Г. 383, 385
 Ведан Ф.М. 438
 Верн, Жюль 43
 Виктор Эммануил III 137, 196
 Виктория 139
 Вильгельм II 49, 51
 Виткевич И. 8
 Воронцов Ю. 442
 Ворошилов К.Е. (Ворошилов) 144, 197
 Галстен С. 427
 Гамаль Абдель Насер 302
 Ганди, Махатма 135
 Гаус А. 25
 Гаусуддин 121, 167-168, 209, 210, 213
 Гаусуддин, мулла 458
 Георг V 139
 Гилани С.А. (Гилани) 371, 416, 440, 448, 450-451, 454
 Гинденбург, фон 138
 Гитлер 272
 Голль, Шарль де 278
 Горбачев М. 427-428
 Грант, Гамильтон (Г. Грант) 63
 Громыко А. 412, 417
 Гулабзой С.М. (С. Гулабзой) 413, 438, 443
 Гуль Ага (Моджаддиди) 160-162, 175, 220
 Гулам Ахмад Рахмани 131, 290
 Гулам Ахмад Эттемади 38
 Гулам Дастегир Панджшири (Г.Д. Панджшири) 311, 347, 353, 418-419, 429, 443
 Гулам Джелани-хан (Гулам Джелани) 199, 249
 Гулам Моджаби-хан 185
 Гулам Мохиуддин Анис 111
 Гулам Мохиуддин Арти (Мохиуддин Арти, Арти) 36, 38, 131, 156, 247, 248
 Гулам Мохиуддин Афган 35, 37
 Гулам Мухаммад (Гулам Мухаммад Тарзи) 40
 Гулам Мухаммад Вардаки 88
 Гулам Мухаммад Майманеги 130
 Гулам Мухаммад Ниязи. (Г.М. Ниязи) 359-360, 382
 Гулам Мухаммад Фархад (Г.М. Фархад, Фархад) 283, 361-362, 415
 Гулам Наби-хан (Гулам Наби) 127, 136, 196, 199-206, 217, 220, 249-250
 Гулам Расул 450
 Гулам Реза-хан 131
 Гулам Сиддик-хан (Гулам Сиддик) 134, 136, 140, 143, 162, 164, 166, 171, 174-175, 199-201, 203, 220, 272
 Гулам Фарук Осман 296
 Гулам Хайдар-хан 48, 199
 Гуль Ага (Моджаддиди) 159, 170, 175-176, 184
 Гуль Ага Шерзай 464
 Гульбедин Хекматъяр (Г. Хекматъяр, Хекматъяр) 359-360, 382-383, 415-416, 431, 439-440, 442-443, 445-449, 451, 453-455, 459, 465, 471-472, 532
 Гуль Джан Вардаки 297
 Гуль Зарак Дзадран 469
 Гуль Пача Ульфат (Г.П. Ульфат) 284, 293-294, 298
 Гурбанди А.К. 438
 Дабс А. 409, 415, 532
 Даллес Дж.Ф. 314
 Дауд Кавьяни 445
 Джалалуддин Хаккани 383, 451
 Джамиль ур-Рахман 440

- Джаухар Шах Гурбанди 36–37
 Джемаль-паша 75, 81, 102, 104, 120, 122
 Джума-хан 79
 Доббс, Генри. (Г. Доббс, Доббс) 19, 66, 68, 71–74, 81
 Дост Мухаммад-хан (Дост Мухаммад) 8–9, 48, 210
 Дрейфус 268
 Думерг, Гастон 138
 Дэн, Луис 19–22
 Дюпре Л. 331, 379–380
 Дюранд 10
 Ежов Г. 352
 Заман, шах 8
 Заман-хан 277, 453
 Захер Офок 347, 354, 430
 Захируддин Бабур 7
 Зия уль-Хак 400, 408, 416, 425
 Ибрагим-бек 199–201, 203–204, 241
 Ибрахим Лоди 7
 Иван III 7
 Иванов С. 467, 470
 Игнатьев В. 16
 Извольский А.П. 24
 Икбаль Али Шах 153
 Инаятулла (Инаятулла-хан) 14, 22, 27–28, 33, 48, 56–57, 59, 161, 174–176, 192–193, 196
 Ирвин 134–135
 Исмаил-хан 414, 441, 451, 453, 464, 467, 470
 Исмадулла Муслим (И. Муслим, Муслим) 434
 Кадир Ага А. 442
 Казем-бей 52
 Казем-паша 104
 Кайхани Н. 444
 Кака Сеид Ахмад Лодин (Кандагари) 35, 37, 130
 Калинин М.И. (Калинин) 60, 142, 144
 Карахан, Лев (Л. Карахан, Карахан) 72, 143–144, 201
 Карваль М.С. 442
 Кари Баба 451
 Карим 176
 Каримов И. 470
 Картер Дж. 409, 425
 Кеннеди Дж. (Кеннеди) 321, 326, 336
 Керзон 16–18, 21–22, 71
 Китченер 20, 23
 Киямуддин-хан 192
 Кобра Джан 110, 149
 Коллонтай А. 142
 Колчак 65
 Кордовес Д. 435
 Крупп 139
 Кушкаки С. 379
 Ладен, Осама бен 459–462, 533
 Лаканваль А.Г. 444
 Лал Мухаммад-хан 36–37
 Ленин В.И. (Ленин) 59–60, 64, 66, 74–75, 142, 361
 Литвинов М. 240
 Литтон 18, 71
 Лоуренс Аравийский (Т. Лоуренс, Лоуренс) 171–172, 182, 199
 Маджид А.
 Маджид Калакани (М. Калакани) 394, 415
 Мазари А. 446
 Маздурьяр Ш. 413
 Мак Магон 18–19
 Макдональд 204
 Македонский, Александр 5
 Макконаки Р. 241
 Максвелл, Невилл 342
 Маллесон В. 60
 Мансур 383
 Мария, королева 139
 Масума Эсмат 362
 Мауладад 250, 383
 Маусум 160, 170
 Махбуллу Кушани 431
 Махендра Пратап (М. Пратап) 50, 52, 81
 Махмуд 6
 Махмуди, братья 381
 Махмуд Сами (Махмуд-эфенди, М. Сами) 28–29, 65, 103, 136, 159, 176, 184–185, 247

- Махмуд Хабиби (М. Хабиби) 356, 360–361, 432
- Махмуд-бек Тарзи (Махмуд Тарзи, М. Тарзи, Тарзи) 40–46, 48, 59, 65, 67–69, 74, 79, 88, 102, 106, 109–110, 120, 127, 136, 140, 155–156, 158, 166, 171, 174–175, 180, 193, 196, 210–211, 249, 357
- Махмуд-хан Явар 167, 174
- Мерчант Л. 321
- Мехмет Али 136
- Минто 17, 22–23, 26
- Минхаджуддин 36–37
- Минхаджуддин Гахиз 360
- Мир Акбар 411
- Мир Акбар Хайбар 402
- Мир Али Ахмад Шамель 295
- Мир Ахмад-шах Резвани 383
- Мир Гулам Мухаммад Губар (М.Г.М. Губар, Губар) 21, 34, 38, 56, 131, 156, 182, 247–248, 250, 287–289, 293, 297–298, 327, 347
- Мирза Абдуррахман 131
- Мирза Али-хан 271, 273–274
- Мирза Касем-хан 202, 205
- Мир Заман 169, 170
- Мир Замануддин-хан Дарвази (Мир Замануддин-хан) 36, 38, 130
- Мирза Махмуд 88
- Мирза Мухаммад Хусейн-хан (Хусейн-хан) 27
- Мирза Нур Мухаммад 131
- Мир Касем-хан Лагани (Мир Касем) 35–37, 110, 131, 248, 250, 284
- Мир Мухаммад Сиддик Фарханг (М.М.С. Фарханг, М.С. Фарханг) 287–289, 298, 327, 347, 379, 418
- Мир Хайдар Хосейни 293
- Мир Хашим 96
- Мир Яр-бек-хан Дарвази (Мир Яр-бек Дарвази) 36, 38
- Мирхонд 7
- Моджадди, клан 159–160, 412
- Моджадди С. (Моджадди) 416, 439, 440, 446, 448, 454, 532
- Молотов 271
- Мольер 263
- Моманд Н.М. 442
- Мосаддык 299
- Мохаммад Реза Пехлеви (Реза Шах) 145–146, 274, 396, 399
- Мохсен (Калакани) 161, 167, 185
- Мохтат А.Х. 383, 385
- Муса Шафик (д-р Шафик, М. Шафик, Шафик) 315, 341–343, 345, 374, 397, 412
- Муссолини, Бенито 137
- Мустафа Кемаль 83, 144–145, 147, 149
- Мухаммад Азиз-хан (Мухаммад Азиз) 48, 219, 240, 249
- Мухаммад Акбар 220
- Мухаммад Акрам 340
- Мухаммад Алам 162, 165
- Мухаммад Али 187
- Мухаммад Аман 290, 298
- Мухаммад Анвар Басмаль 35, 37, 130–131, 250
- Мухаммад Азим, учащийся лицея «Неджат» 250
- Мухаммад Азим 290
- Мухаммад Азим Муттаки 473
- Мухаммад Асгар 436
- Мухаммад Атта 464, 467
- Мухаммад Афзаль 162, 165
- Мухаммад Аюб 250
- Мухаммад Аюб Хан (Аюб Хан), президент 320
- Мухаммад Аюб-хан 9
- Мухаммад Баракатулла 50, 52, 64, 81
- Мухаммад Вали-хан (Мухаммад Вали) 35, 38, 60, 64, 74–75, 130, 134, 136, 158, 184, 247
- Мухаммад Гаус-хан (Гаус-хан, Гаус) 201–202, 204
- Мухаммад Гуль 444
- Мухаммад Гуль-хан Моманд 119, 163, 165
- Мухаммад Дауд-хан (Мухаммад Дауд, М. Дауд, Дауд) 108, 273–

- 274, 295–296, 304, 306, 307, 312, 314–320, 322–324, 327, 333–334, 341, 343, 351, 363, 367–369, 371–376, 378–387, 389–402, 404, 432, 442, 531
- Мухаммад Захир Шах (Захир Шах) 232, 251, 265, 268, 271, 315, 317, 322–324, 336, 342, 370–372, 440, 531
- Мухаммад Ибрагим 88
- Мухаммади М.Н. 416, 448, 451, 455
- Мухаммад Исхак Осман 295–296
- Мухаммад Кабир Лодин 293
- Мухаммад Кабир-хан 36
- Мухаммад Касем Фахим (М.К. Фахим, Фахим) 462, 465, 467–470
- Мухаммад Н., министр 442
- Мухаммад Надир (Надир-хан, Надир-шах, Надир) 28, 48, 56, 59, 62, 68, 73, 83, 102–103, 119–121, 123, 127, 130, 134, 136, 162, 169–170, 195, 201, 210–222, 224–225, 227–228, 230–233, 235, 238–252, 256, 261, 283, 298, 530–531
- Мухаммад Наим (Мухаммад Наим-хан, Наим) 273, 306, 316, 320, 379–380
- Мухаммад Наим Шаян (М.Н. Шаян) 290, 298, 347
- Мухаммад Омар (М. Омар), мulla 454–455, 457, 459–461, 472–473, 532
- Мухаммад Омар-хан 172, 174
- Мухаммад Осман (М. Осман) 357, 359, 363
- Мухаммад Расул Пуштун 284, 298
- Мухаммад Рафи (М.Рафи) 411, 418, 420, 423, 445
- Мухаммад Рахим 290
- Мухаммад Саид 220
- Мухаммад Сарвар («Васеф») 34
- Мухаммад Сарвар Кандагари 34
- Мухаммад Сарвар-хан 37, 87
- Мухаммад Сиддик 216
- Мухаммад Сиддик Рухи 347
- Мухаммад Сиддик Тарзи 356–357
- Мухаммад Сиддик Чархи 193
- Мухаммад Тахер Газнави 293
- Мухаммад Хаксар 460
- Мухаммад-хан Джалалар 375
- Мухаммад Хасан-хан 194
- Мухаммад Хасан Шарк (М.Х. Шарк) 295–296, 315, 375, 392, 432, 437–438, 442
- Мухаммад Хашим Майвандваль (М.Х. Майвандваль, Майвандваль) 333–334, 339–341, 352, 354, 356–357, 379–380
- Мухаммад Хашим-хан (Мухаммад Хашим, М. Хашим-хан, Хашим-хан) 48, 120, 129, 133, 135, 169, 211, 214–215, 219, 250–256, 264–265, 270–273, 279–280, 324
- Мухаммад Хусейн-хан (Мухаммад Хусейн, Хусейн-хан) 37, 55, 58
- Мухаммад Чераг 32, 36–37
- Мухаммад-шах 209
- Мухаммад Юнус Халес (Юнус Халес) 383
- Мухаммад Юсуф (М. Юсуф, Юсуф) 324–325, 330, 332–334, 340–341
- Мухаммад Якуб-хан (Якуб) 195
- Мухаммед, Пророк 116, 145, 156, 184, 188, 224, 361
- Мушарраф П. 470
- Мюррей, Воллас 245
- Наджаф Али (Наджаф Али-хан) 32, 34, 36–37
- Наджибулла 332, 420, 428–430, 432–433, 435–437, 439, 441–442, 444–446, 450–451, 455, 457, 532
- Надир-шах Афшар 7, 139
- Назар Мухаммад (Н. Мухаммад) 423
- Накиб Саиб 208
- Наполеон 84, 125
- Насирулла Бабар (Н. Бабар) 452, 454
- Насрулла-хан (Насрулла) 14, 22, 27, 29, 34, 36–37, 39, 48, 52, 56–59, 64, 160, 162

- Насрулла Юсуфи 290
 Нематулла Пажвак 375, 380, 418
 Неру, Джавахарлал 302
 Нидермайер, Оскар фон (Нидер-
 майер) 50–52
 Низамуддин-хан Аргандиваль
 (Низамуддин Аргандиваль)
 36, 130
 Николсон А. 24
 Никсон Р. 306
 Ниматулла 117
 Нияз Мухаммад 194
 Нур Алам Мазлумьяр 293
 Нур ас-Сирадж 171
 Нур Ахмад Нур (Н.А. Нур) 347–
 348, 402, 418, 429
 Нур Ахмад Эттемади (Н.А. Эт-
 темеди, Эттемади) 340–342,
 356, 412, 432
 Нур Мухаммад Панджваи 293
 Нур Мухаммад Тараки (Н.М.
 Тараки, Тараки) 284–285, 298,
 347–349, 352, 384, 401–404,
 407, 411–413, 438, 443, 532
 Нурзай А.К. 419
 Нуристан А.К. 385, 394
 Обайдулла Синдхи 81
 Олуми Н.Х. 442
 Орджоникидзе Г.К. 197
 Панкин Б. 444
 Пача Голь Вафадар (П.Г. Вафа-
 дар) 411, 442–443
 Пача Мир-хан Логари 36, 130
 Петр I 140
 Петров И. 201
 Пий XI 137
 Пильгер, Ганс 274
 Пиперно 132
 Пир Карам Шах 172
 Пир Шами, см. Сеид Саад аль-
 Гайлани
 Подгорный Н.В. (Н. Подгорный)
 396
 Примаков В. 196, 201–204
 Пуллада Л. 87, 172, 187, 214, 278,
 322, 351
 Пурдели А.С. 419
 Раджа Анвар 399
 Ранджит Сингх 8, 139
 Раскольников Ф. 71–72, 74, 183
 Расул А. 363
 Расули Г.Х. (Г. Расули) 385, 394
 Рахим Махмуди 357
 Рахим-бек 200
 Рахмдель-хан 40
 Рашид Латифи 263
 Рейган 425, 427
 Рейснер И.М. 93, 182
 Рештия С.К. 333–334
 Риббентроп 271
 Рикс Э. 198, 200–201, 203–205
 Рифки К.У. 234
 Робин Гуд 167
 Розенберг А. 272
 Рубин, Барнетт 423
 Рузи-хан 450
 Руцкой А. 444
 Рыков А.И. (Рыков) 144, 197
 Саадуддин 131
 Саид Абдулилла (С. Абдулилла)
 394
 Сайденхем 71
 Сайед Камаль 249
 Сайкс, Перси 18, 62
 Сайфуррахман 91
 Салех Мухаммад 61–62, 88
 Салех Мухаммад Зерай (С.М.
 Зерай) 347–348, 353, 418–419,
 429, 443
 Сарвар Джуя 250, 287, 298
 Сарвари А. 413, 418, 438, 443
 Сатаров 201
 Сахи Амин Души 293
 Сеид Алим-хан 70, 76–78, 197, 199
 Сеид Гулам Ахмад-хан Пача 131
 Сеид Джамалуддин Афгани (Джа-
 малуддин Афгани, С.Д. Афга-
 ни) 41, 45, 276, 359
 Сеид Исмаил Балхи 296
 Сеид Мансур Надери (С.М. Наде-
 ри, Надери) 434, 445, 448–451
 Сеид Мухаммад Дехкан 293
 Сеид Саад аль-Гайлани 271
 Сеид Хусейн 173, 185, 204, 206, 216
 Сиддикулла 444

- Слинкин М.Ф. (М. Слинкин) 406, 410
Соколовский В.Д. 367
Соколов-Страхов 182
Солсбери 16
Сорайя 40, 48, 109–110, 122, 132, 137–139, 141, 143–145, 147–149, 153, 157, 166, 170, 196
Спарлинг 172
Спольников В.Н. 359
Сталин И.В. (Сталин) 137, 143, 197, 200–201, 204
Станишевский 181
Старк, Леонид (Л.Старк) 197–198, 200–201
Столетов 9, 504
Стюарт Р.Т. 58, 119, 175, 211
Сулейман Лаек 404
Султан Али Кештманд (С.А. Кештманд) 347–348, 411, 418, 428–429, 437–438, 443
Султан Мухаммад-хан 48
Султан Хусейн Байкара 7
Суриц, Яков 66–69, 72, 78
Тадж Мухаммад Белудж 35
Тадж Мухаммад Пагмани 36–37, 130–131, 247–248
Тахер Бадахши (Т. Бадахши, Бадахши) 347–348, 354, 381, 411–412
Теймурташ 145
Теплинский Л.Б. 181
Тимур (Тамерлан) 6
Тимур (Тимур-шах) 8
Тихонов Ю. 272–273
Треплев К. 191
Троцкий Л.Д. 65
Трумэн Г. 282–283, 302
Улья Хазрат 55, 57, 63, 76, 122, 171, 196
Ульяновский Р.А. 352
Унсури 6
Устинов Д. 417
Фазль Омар, см. Гуль Ага (Моджаддиди)
Фазль Рахим, см. Шер Ага (Моджаддиди)
Фазль ур-Рахман 452
Файз Мухаммад 379, 383, 385
Файз Мухаммад (Ф. Мухаммад), министр 123
Файз Мухаммад Ангар (Ф.М. Ангар) 298
Файз Мухаммад Барутсаз 131, 247–248
Файз Мухаммад Зекрия 220, 250, 295–296
Файз Мухаммад Катеб 35
Файз Мухаммад Насери 131
Файзан уль-Хак 348
Факир Ахмад-хан 131
Факир из Ипи, см. Мирза Али-хан
Фарзан А.К. 362
Фарид А.С. 447
Фарид Г.А. 363
Фарид Маздак 445
Фарук Эттемади (Ф. Эттемади) 287, 298, 340
Фархади Р. 418
Фатех 287, 298
Фаттах 445
Фахд 448
Феда Мухаммад Федаи 362
Фердоуси 6
Филлипс У. 245
Финн, Роберт 470
Фуад 135, 136
Фужер, Луи 327
Фуше, Альфред (А. Фуше) 105
Хабиб ур-Рахман (Х. Рахман) 380
Хабибулла Гази, см. Бачаи Сакао
Хабибулла (Хабибулла-хан) 13–24, 26–31, 33, 36–39, 41, 48–59, 67, 72, 76, 97, 101, 103, 105, 109, 112, 121, 130, 131, 160, 169, 183, 187, 188, 199, 207, 210, 211, 218, 238, 248, 260, 340, 530
Хабибулла Рахман 382
Хабибулла-хан Тарзи 37, 245
Хаджа Мухаммад Наим 296
Хазрат-е Шур Базар, см. Шер Ага (Моджаддиди)
Хайдар Али-хан 34

- Халекъяр Ф. 443
Халилулла Халили (Халили Х) 333, 334, 363
Халь Мухаммад Хаста (Х.М. Хаста) 290, 293
Хамид Гуль 439
Хамид Карзай (Х. Карзай, Карзай) 439, 462, 463, 465–474, 533
Хамидулла 185, 216
Хан «Марастияль», Х.М. 379
Хан Мухаммад 374
Хан Сахиб 300
Хардинг 50, 52, 75
Хатеф А. 437
Хафиз Сайфулла-хан 49
Хафизулла Амин (Х. Амин, Амин) 348, 354, 402–404, 411–418, 436, 438, 443, 532
Хашим Шаек 79
Хаятулла 55–57
Хедаятулла 108, 176
Хейг А. 425
Хентиг, Отто фон (фон Хентиг, Хентиг) 50–52, 67, 138, 274
Ходадад 250
Хокуки А.В. 411
Хондемир 7
Хрущев Н. 309, 315, 531
Хумайра 374
Хэмфрис 121, 134, 135, 142, 168, 170, 172, 176, 177, 193, 197, 209
Чархи, семья 162, 199, 206, 223, 247–250
Челмсфорд 55, 57, 62, 68
Чемберлен, Остин 140, 144
Черневский Н. 65
Черненко К. 417, 423
Чингисхан 6
Чичерин Г. 59, 66–67, 72, 129, 142–144
Шараи Джуджани (Ш. Джуджани) 348, 438
Шариатмадари 414
Шах Али Реза-хан 56, 59
Шах Вали 120, 127, 134, 136, 347
Шах Вали (Яхья) 48, 56, 59, 119–121, 126, 130, 133–135, 211–212, 215–216, 218–219, 240, 242, 251, 316, 324, 374, 438
Шах Махмуд 48, 120, 134, 212, 219, 230, 232, 250–251, 161, 274, 279, 281–283, 296, 301–303, 324, 333
Шах Наваз Танай (Танай) 432, 442, 532
Шахрулла Шахпар (Ш. Шахпар) 347–348, 353
Шахрух 7
Шеварднадзе Э. 442
Шена С.М. 353–354
Шер Ага (Моджадди) 58, 120–121, 128, 136–137, 159, 161, 170, 195, 214–215, 220
Шер Али-хан 9, 21, 71, 114, 504
Шер Ахмад, купец 248
Шер Ахмад-хан 134, 156, 158, 162, 164, 166, 220
Шер Джан 168, 185, 216
Шоу, Бернард 172
Шоу, Томас, см. Лоуренс Аравийский
Шуджа уд-Даула-хан (Шуджа уд-Даула) 36, 38, 56, 89, 133, 172, 193, 201, 204, 217
Шуджа, шах (Шах Шуджа) 88, 139
Эйзенхауэр Д. 314, 531
Энвер (Энвер-паша) 47, 49, 82–83, 241
Энгерт К. 278
Эсматти З. 362
Юнус Кануни 462
Юнус Халес (Халес) 416, 448, 454
Юсупов 144
Якуб (Якуб-хан), эмир 9, 16, 125
Яндарбиев З. 461
Яри, братья 359, 380–381
Яр Мухаммад-хан 128
Яр Мухаммад-хан Пуштун 289
Яхья (Яхья-хель) 210, 220, 249, 251, 329, 412

Summary

Though in the recent decades the situation in Afghanistan has been a highly popular issue among politicians, journalists, scholars etc., this country for a long time was located on the periphery of international scientific and public interest. Great attention to Afghanistan appeared only after Soviet invasion of this country in 1979. Strategic, military, geopolitical and other interests of the two confronting powers – the Soviet Union and the United States – during the cold war gave birth to an enormity of various scientific and propagandistic publications that nevertheless covered mainly events of the last three decades of the XX-th century laying aside highly significant previous stages of the Afghan history.

The present book is assigned to fill this gap: in the chronologically consistent manner it deals with processes, events and phenomena that took place in Afghanistan throughout the XX-th century.

Particular importance in the book is given to the events that occurred in the 1920-th when new political, social and economic institutions were established and later developed. Each chapter of the book contains materials on the key fields of political and public life of the Afghan society – foreign and domestic policy, economy, state order, nature of political regime, political and public movements, public opinion, on military, cultural, religious and ethnic problems. Besides, an attempt is made to find out the historical and national features of this society that seriously affected the history of Afghanistan in the XX-th century.

During the study of events in the different stages of Afghanistan's development the author sought to focus on the role and activity of historically significant figures – monarchs and other heads of state, prime-ministers, ministers, army generals, leaders of political and social organizations, influential ethnic leaders, top clergymen – all who proved to be real architects of national history and who actually defined the destiny of people and the country.

The present monograph clearly demonstrates that Afghanistan, being actually independent, nevertheless has always been an integral part of the world community, and all important events in this country have closely been tied with the process of international development. Throughout the XX-th century Afghanistan was a place where interests of big powers intersected. For a long time Tzarist Russia and its successor the Soviet Union confronted Great

Britain; during the cold war the Soviet Union conflicted with the USA; and at the end of the century – the interests of the regional powers and the neighbors of Afghanistan intersected as well. Thus, the protracted Afghan crisis was given birth by the clash of those interests.

At the present time, as it is shown in the book, Afghanistan seeks a new vector of its development that will define its future. However, this process is not free of foreign participation, which, we hope, will not result in interference in the internal affairs of the country, as it happened several times in its history, but sincere assistance to the war-torn country.

Содержание

Введение	3
Глава I	
Закат абсолютизма	9
Глава II	
Эмир Аманулла и его реформы	53
Афганистан между Советской Россией и Великобританией	53
Реформы эмира Амануллы	80
Падение реформаторского режима	157
Гражданская война	182
Глава III	
Политическая стабилизация в условиях деспотизма	217
Глава IV	
Первый опыт либерализации. Оппозиционные движения	279
Глава V	
Афганистан на пути планового развития	304
Глава VI	
«Демократический эксперимент»	323
Глава VII	
Республика М. Дауда	374
Глава VIII	
Афганистан под властью НДПА	404
Глава IX	
Афганистан во власти ислама	446
Заключение	462
Примечания	477
Краткая хроника событий	500
Список источников и литературы	504
Указатель географических названий	509
Указатель имен собственных	516
Summary	525

Научное и учебное издание

Коргун Виктор Григорьевич
История Афганистана. XX век

Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Российской Академии наук

Корректор *М.Я. Колесник*
Эмблема серии *А.Е. Ицнов*
Редактор *В.Г. Кузнецов*

Сдано в набор 15.05.03. Подписано к печати 31.03.04.
Формат 60х90¹/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Объем 33 пл. Тираж 1000 экз. Зак. № 122

ИД № 04697 от 28 апреля 2001 г. (ИВ РАН)
ИД № 00173 от 27 сентября 1999 г. («Крафт+»)

Институт востоковедения РАН
103031 Москва, ГСП, ул. Рождественка, 12

Научно-издательский отдел
Зав. отделом Ю.В. Чудодеев

Издательство «Крафт+»
129343, Москва, проезд Серебрякова, 14
Тел.: 363-68-73, 186-93-78, 106-64-15

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии
ГП «Облиздат», 248640 Калуга, пл. Старый торг, 5